

ФАРХАД НАГДАЛИЕВ

ХАНЫ НАХИЧЕВАНСКИЕ
в Российской Империи

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРЗУМЕНИ
МОСКВА
2006

УДК 929.52(47):323.311

ББК 63.214(2)-2

Н16

Научный редактор серии Эмин Мамедли
Оформление Фархада Нагдалиева

Нагдалиев, Ф.
Н16 Ханы Нахичеванские в Российской Империи / Ф. Нагдалиев - М.:
Новый Аргумент, 2006, — 432 с. : ил. — (Возвращенная история).

ISBN 5-903224-01-6

Книга «Ханы Нахичеванские в Российской Империи» представляет собой первый том серии «Возвращенная история», посвященной малоизвестным широкому кругу читателей страничкам истории нашей родины.

Повесть посвящена истории одного азербайджанского рода, перешедшего в первой четверти XIX века на службу Дому Романовых и оставшегося верным Династии до последних ее дней. Кратко дается древняя хроника рода. В книге рассказано о многих событиях, происходивших на далекой южной окраине Империи, о которых мало знали даже современники героев, жившие в Центральной России. Судьбы нескольких поколений рассматриваются сквозь призму исторических процессов в царствование четырех последних Российских Императоров. Литературные портреты Ханов Нахичеванских дополнены воспоминаниями современников, занимательными фактами и эпизодами. Последняя глава посвящена трагической судьбе рода, потерявшего родину, частью уничтоженного, частью рассеянного по всему свету.

Том снабжен предисловием и комментариями научного редактора серии. В приложении дается родословное древо двух главных ответвлений рода Кенгерлы: семей Нахичеванских и Кенгерлинских, с подробными биографическими справками. Генеалогические данные ограничены временными рамками повествования. Кроме того, книга содержит биографический словарь всех упоминаемых в тексте лиц, большинство из которых являются фигурами историческими. Словари терминов и географических названий призваны помочь российскому читателю лучше разобраться со спецификой текста, обусловленного кавказской тематикой.

© Фархад Нагдалиев, текст, приложения, комментарии,
художественное оформление, 2006

ISBN 5-903224-01-6

© Эмин Мамедли, название серии, комментарии, 2006

Предисловие научного редактора серии «Возвращенная история»

Серия «Возвращенная история» задумана как многотомное издание, посвященное тем проблемам нашей национальной истории, которые злонамеренно замалчивались или искажались в течение многих лет. Она открывается томом, посвященным одному из старейших ханских родов Закавказья. История Ханов Нахичеванских — исключительно выразительный пример ревностного служения мусульманского рода своим христианским сюзеренам.

Жанр книги Фархада Нагдалиева можно определить как семейную хронику. Вполне логично, что автор широко использовал воспоминания людей старшего поколения. Но основным достоинством книги является тот факт, что реконструкция истории семьи Ханов Нахичеванских произведена им на основе документов, хранящихся в российских архивах и библиотеках, а также частных фондах и собраниях. Такой подход оказался весьма плодотворным и, хочется надеяться, вызовет живой интерес у всех любителей отечественной истории.

Эмин Мамедли

Выражаю глубочайшую признательность всем, кто помогал мне в поиске документов, составивших основу повествования: сотруднице Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) Лидии Андреевне Левченко, сотруднику Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва) Игорю Вячеславовичу Карпееву, заместителю председателя Азербайджанского историко-родословного общества Эльдару Эльхан оглы Исмаилову, нахичеванскому краеведу Мусе Рагим оглы Кулиеву. Спасибо дорогим родственникам, откликнувшимся на мой зов и поделившимися своими воспоминаниями, предоставившим документы и фотографии: Агие Ханум, Симе Ханум, Эмме Иззетовне Нахичеванским, Фараджу Узеировичу Кенгерлинскому. Благодарю мою бабушку Энвер Ханум Нагдалиеву (в девичестве Кенгерлинскую-Нахичеванскую), удивительная память которой сохранила массу интересных семейных преданий. Особо хочу отметить свою тетью Тамару Ханум Сеидову и брата Натига Насирова, оказавших мне неоценимую помощь.

Особый вклад в подготовку книги к изданию внес научный редактор серии Эмин Мамедли. С необычайной требовательностью и щепетильностью он многократно вычитывал авторский материал и способствовал устранению неточностей. Его желание сделать первый том серии как можно лучше проявилось во всем, именно ему мы обязаны появлением в издании нескольких уникальных иллюстраций. Я искренне благодарен ему за невероятно объемный научный и творческий труд.

Автор

К читателю

в городе Ордубад персидской провинции Азербайджан генерал-майор князь Вадбольский от имени российского правительства привел к присяге и назначил наибом (**наместником**) **Нахичевани сергенка персидской** армии Эхсан Хана, сына бывшего Владетельного Хана. С этого дня официально началась служба России и династии Романовых нахичеванских ханов, их ближайших соратников и подданных. Затем четыре поколения представителей этого мусульманского рода на деле доказывали свою преданность Православному Монарху, опираясь лишь на единожды данную ему присягу. Каждая новая молодая поросль получала от старших завет быть верными слугами Российского Императора. Они проливали свою кровь на

полях сражений, участвуя во всех происходивших войнах, откликаясь по первому зову властей, а чаще сами предлагая себя на службу. Впитанные с малых лет в семье принципы мужества и рыцарского благородства выдвинули ханов в число признанных храбрецов. Фамилия «Нахичеванский» служила визитной карточкой доблестного офицера. Большинство представителей рода имели боевые ордена самого высокого ранга, носили почетное звание Георгиевских Кавалеров.

Только отречение Императора Николая Александровича 2-го марта и его брата Михаила 3-го марта 1917 года освободило семью от Царской Присяги. Но и тогда один из Ханов Нахичеванских продемонстрировал высшую степень великодушия, предложив, в отличие от подавляющего большинства других приближенных, Государю свою помощь. За этот поступок хан поплатился жизнью.

Во времена, когда обострились межнациональные противоречия, когда многие толкуют о противостоянии исламского и христианского миров, я думаю, нелишне будет напомнить читателю пример жизни Ханов Нахичеванских в Российской Империи и их верной службы Дому Романовых.

Начиная изучение истории своего рода (а Ханы Нахичеванские — и мои предки), преследуя частную познавательную цель, я и не думал, что натолкнусь на материал, заинтересующий меня в более широком аспекте. Передо мной предстал исторический пласт во всем его многообразии, в переплетении эпох и фактов. В этом огромном котле варилась жизнь и моей семьи. Родные мне люди принимали самое живое участие во многих исторических событиях, известных мне по школьному учебнику. Но больше всего меня поразили их поступки!.. Сколько же духа надо было иметь, какое же воспитание надо было получить, чтобы в самых тяжелых жизненных ситуациях всегда оставаться на высоте положения!.. И я понял, что необходимо публиковать эти сведения только для того, чтобы мои дети и дети близких мне людей знали, как проходили сложную дорогу жизни их праотцы, как они поступали в случаях, когда судьба заставляла их делать нелегкий выбор, чтобы будущие поколения стремились приобрести такой же высочайший духовный и образовательный, даже по нынешним критериям, уровень, которым обладали их далекие предки.

Осознавая, что не всегда мне удавалось в изложении исторического материала и деяний моих родственников быть беспристрастным, заранее прошу у читателя извинения.

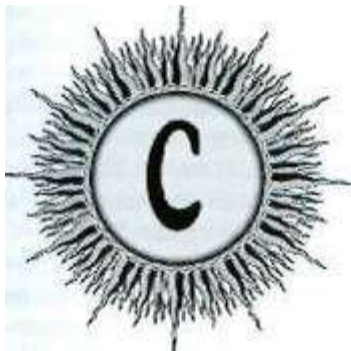
Чтобы придать повествованию большую достоверность, я, где возможно, приводил с ссылками оригинальный текст источников, который дается наклонным шрифтом. Список источников, пронумерованный по главам, приводится в конце книги. Для облегчения понимания русскоязычным читателем некоторые термины даны в русской транскрипции. Подстраничные сноски содержат комментарии научного редактора. Даты даются по старому стилю, с 1-го января 1918 года — по новому.

...Итак, начну повествование. Но прежде, чем перейти к описанию жизни семьи в Российской Империи, хочу кратко рассказать о происхождении наших героев и о Нахичеванском ханстве.

Пролог

Происхождение Ханов Нахичеванских

Семья Ханов Нахичеванских принадлежит к тюркскому племени Кенгерлы*. История его уходит корнями в глубокую древность, во времена, когда Великая Степь диктовала Европе и Азии свою волю, а русоволосые сероглазые степняки наводили ужас на оседлые народы. По фамильному преданию, записанному русским востоковедом Смирновым, племя, обогнув Каспийское море с юга, пришло в Закавказье из Средней Азии примерно во второй половине

IX — первой половине X века н. э. До этого оно кочевало между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей¹.

По тому же преданию, переселились Кенгерлы вместе с племенем Джеваншир по приглашению арабов, для помощи в завоевании Закавказья. Пришедшее для войны племя имело соответствующую организацию.

Подтверждение легенде нашел первый русский исследователь, ступивший на нахичеванскую землю после завоевания края Российской Империей. Им стал чиновник управления по доходам и казенным имуществам Армянской области Иван Шопен. Проанализировав сведения, собранные на месте, с материалом византийских и арабских источников Средневековья, он заключил: *«Кянгарлы суть народ общего Татарского или Турецкого племени, из коего часть до ныне обитает в Бухарии»*², *«Кянгарлы — древние Кянклы или Печенег»*³.

Доказательства предания кенгерлинцев и слов Шопена сейчас мы находим в литературе, доступной самому широкому кругу читателей. Лев Гумилев описывает державу Кангюй [Канг], располагавшуюся между Аралом и Балхашем в средние века: *«Это была... редконаселенная страна, но, видимо, культурная и самостоятельная. Жители ее назывались по тюркски «кангэр» — кангюские мужи,*

* Из китайских летописей известно, что около 552 года на Алтае появились кузнецы, которые научились изготавливать железные шлемы (клубуки), называвшиеся «toŋk». Люди, носившие такие шлемы, стали называться тюрками. В дальнейшем названия отдельных тюркских племен часто связывались с цветом и формой головных уборов: каракалпаки, карапахи, ак-коюнлу, кара-коюнлу, кызылбаши и т. д. Реже название племени или рода зависело от собственного имени или прозвища родоначальника. Например, Сефевиды от Шейха Сефи, Джеванширы от мифологического вождя по имени «Джаван шир» — «Молодой лев» и т. д. Наконец, для кочевых племен было очень важным средство передвижения, которое появилось после изобретения металлического обода для колеса повозки.

но уже в VIII в. их стали называть «пацзынак» — по гречески или печенези, что нам знакомо по русским сведениям»⁴. Византийский Император Константин Багрянородный (908-959) в своем знаменитом труде «Об управлении империей» писал: «Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдирти, Куарциуур и Хавуксингии, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар»⁵.

По поводу происхождения названия «Кангар[лы]» существует несколько версий. Шопен писал, что сами кенгерлинцы рассказывали ему, будто бы «некогда, во время голода, народ питался дикими артишоками (по татарски «кангар»), отчего получил название Кянгарли»³. Иную версию дает мусульманский историк-хронист XIV века Фазл-Аллах Рашид-эд-Дин; в своем «Огузнаме» он повествует, что некое племя, присоединившееся к хану Огузу во время его битвы с родственниками, после победы «удачно захватило трофеи (олджай), но вьючные животные, которые должны были перевозить их, не подоспели и они соорудили повозки (канглы). До этого колес не было и [повозку] впервые изобрели они. Погрузив на них необходимый груз и захваченное, они повезли все это, по этой причине Огуз дал им имя Канглы, т. е. «обладатели повозок»¹³. По-видимому, пересказывает Рашид-эд-Дина и хивинский хан Абуль-Гази-Багадур (1605-1664), так как в своем труде «Родословное древо тюрков» он описывает аналогичную историю⁷.

По утверждению Гумилева, кангары «были европеоиды по своему антропологическому типу, тюркоязычны, воинственны, но не агрессивны»⁴. Замечательный факт: и в XIX, и в XX столетии некоторые кенгерлинцы все еще сохранили облик своих далеких предков. Шопен писал, что «черты их лица, голубые глаза и белокурые волосы явно доказывают происхождение их с севера»³. Необычайный для азиата архетип сохранился в семье и доныне.

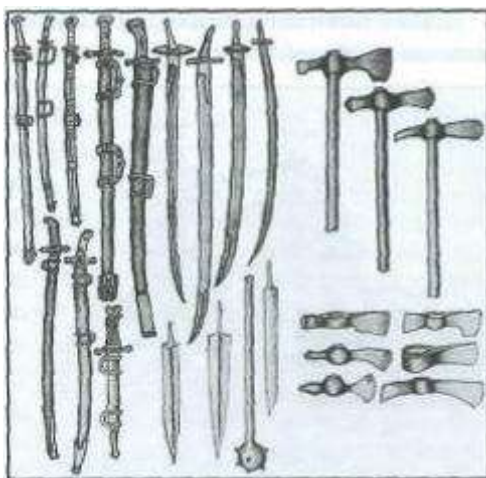
По сведениям Абуль-Гази-Багадур Хана, в средние века «Канглы жили вместе с Тюркманами; перешедши в область Тюркманов, они поселились на берегах Иссык-кюля, Джуды и Телаша, здесь жили много лет»⁶. По данным Гумилева, «они не ладили ни с гузами, ни с соседними кичкаками, обитавшими на склонах Алтая и в Барабинской степи»⁴.

В том, что в IX-X вв. какое-то из племен, составлявших государственный союз канглов в Средней Азии, переселилось на Кавказ и поступило на военную

Древние тюрки. Рисунки на Сулейманской скале в Хакасии.

службу к арабам, нет ничего удивительного — как известно, халифат активно использовал тюркских наемников; при Халифе Аль-Му'тасиме (833-842) существовали тюркские корпус и гвардия, составлявшие наиболее активную и боеспособную часть армии, принимавшую участие практически во всех военных предприятиях государства: в походах против византийцев, в

Оружие древних тюрков. Реконструкция.

подавлении внутренних волнений, в многолетней войне с Бабеком, начавшейся в Азербайджане еще в 816 году. В IX веке в Закавказье разгорелся очаг борьбы против арабов, кроме восстания Бабека и прикаспийской области Табаристан активизировались вассальные Византии армянские и грузинские князья, и кенгерлы, по-видимому, были призваны для борьбы с этими врагами халифата.

Другая, основная часть родоплеменного союза Канглы/Кенгерлы примерно в это же время переселилась⁴, а по другой версии, была оттеснена огузами и хазарами⁵ в степи Северного Причерноморья, где под именем пачинакитов/печенегов долго беспокоила своими набегами Византию и Киевскую Русь. В XIII-XIV вв. монголы стерли этот народ с лица земли; отдельные малочисленные племена сохранились лишь в Восточной Европе и Средней Азии, в Хорезме. В войске Султана Джелал-эд-Дина канглы бились против монголов⁹.

Та же малая часть канглов, которая переселилась в Закавказье, вожди которой являются дальними предками героев нашей книги, выжила среди войн, борьбы народов и дошла почти в первоизданном виде, сохранив военную организацию, до XIX века.

Каких-либо конкретных сведений о жизни племени Кенгерлы в Закавказье и Малой Азии до XVI века обнаружено не было. Неизвестна и дата принятия ислама. Зато, благодаря работам выдающегося востоковеда Ильи

Павловича Петрушевского, а также научной группы Юрия Николаевича Марра, мы имеем много документированных данных о положении кенгерлинцев в государстве Сефевидов (1501-1736). Ученым удалось найти и перевести несколько ценнейших исторических источников, главными из которых являются: рукописные документы той эпохи (несколько десятков Поединок Пересвета с печенегом. свитков), обнаруженные в На сборнике 1936 года;* труд воспитанного при Дворе Шаха Тахмаспа I, непосредственного участника его походов персидского историка Хасан Бека Румлу (1531 - ?) «Ахсан-ат-таварих» («Лучшая из историй»); и сочинение одного из секретарей Шаха Мухаммеда Худабенде — Искендер Бека Туркемана по прозвищу «Мунши» (1560/61 -1633/34) «Тарих-и алем арай-и'Аббаси» («История украшателя мира Аббаса»).

Эти источники рисуют нам роль племени Кенгерлы как одного из главных участников создания азербайджанского государства Сефевидов.

Как известно, династия Сефевидов, ставшая во главе персидского государства, происходила из Ардебиля. Она принадлежала к суфийско-дервишскому ордену Сефевийэ, имя которому дал почитавшийся святым шейх Сефи-эд-Дин Исхак Ардебилли (1252-1334). Ардебильским

Поединок Пересвета с печенегом.
Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». XVII в.

шейхам удалось привлечь на свою сторону племена, кочевавшие по территории Малой Азии, Азербайджана, Персии, Ирака, южного и восточного Прикаспия. Эти степняки вошли в историю под именем кызылбашей («красноголовых»); отличительным знаком их была красная чалма с 12 белыми полосками, в честь 12 шиитских имамов. Таких крупных племен было семь: шамлу, румлу, устаджлу, текелю, афшар, каджар и зулькадар. Они были различного происхождения, но все говорили на азербайджанском диалекте

* Сборник был посвящен памяти безвременно ушедшего из жизни Ю. Н. Марра.

тюркского языка. В большое племя устаджлу входило несколько племен более малой численности, в том числе и Кенгерлы¹⁰.

В 1500 году, после полувековой борьбы, кызылбашам удалось нанести решительное поражение ширваншаху Фаррух-Ясару, в 1501-1502 гг. разгромить державу Ак-Коюнлу и захватить весь Азербайджан, кроме Ширвана, между 1502 и 1504 гг. западный Иран, в 1508 году арабский Ирак, в 1520-м восточный Иран с Хорасаном, до Балха и Кабула. Только поражение от турок-османов на Чалдыранской равнине (1514 г.) остановило их вторжение в Малую Азию.

Во вновь созданном государстве кызылбашская аристократия, в том числе кенгерлинская, стала играть самую видную роль. Почти исключительно из ее рядов назначались военачальники, наместники областей и главные придворные сановники. Гвардейский конный корпус курчиев формировался из знатной молодежи тех племен. Во время войны кызылбашы поголовно выходили в поход, составляя ополчение (черик), причем в войске сохранялось деление по племенам.

Многие представители кызылбашской знати носили суфийско-дerviшский титул «Халифэ». Обладатель этого титула подчинялся непосредственно шейху ордена. В родословной таблице Ханов Нахичеванских родоначальником значится именно такой человек — некий Мураде Халифэ, выходец из Диарбекира. Интересно, что, по легенде, он был курдом, а не коренным кенгерлинцем, и во главе племени оказался благодаря женитьбе на одной из дочерей предводителя племени, не имевшего сыновей¹.

Кызылбашские племена получили земли и места для кочевки в разных областях шахской державы. Нахичеванский край был пожалован Чираг Султану

Кенгерлы*. Он, как и его потомки, стал наследственным хакимом (местным правителем) Нахичевани. Нахичеванский край вошел в Азербайджанское беглербекство, с центром в городе Тебриз**. Часть кенгерлинцев Исмаил I (1501-1524) переселил в Хорасан, в округ Несы, для охраны государства от набегов туркмен. Глава племени Кенгерлы, таким образом, значился не только хакимом Нахичевани, но и правителем Несы Хорасанской". Однако именовался он не «Хан Нахичеванский», как в дальнейшем было принято в Российской Империи, а «Хан Кенгерлинский». Ему подчинялись не только его родоплеменники, но и все население ханства. Ближайшими его помощниками были кенгерлинские беки, из которых состоял весь административный аппарат и командный состав войска. Правой рукой хана был так называемый векиль племени, которому после смерти наследовал старший сын. Рядовые члены племени несли непрерывную военную службу. В короткие периоды мирного существования основным их занятием было поддержание порядка в провинции и сбор податей. Кенгерлинцы по происхождению делились на несколько колен, однако в селениях жили смешанно, под руководством сельских старшин (кетхудов) и почетных стариков (решсефидов).

В 40-е годы XVI в. начинается бесконечная череда войн сефевидской Персии с ее извечным противником Османской Турцией. В отличие от турок-суннитов, считающих законными преемниками Пророка Мухаммеда всех четырех первых Халифов (Абу Бекра, Омара, Османа и Али), шииты признают в этом качестве только Али и его потомков. Войны между претендентами на Халифский Престол, происходившие в середине VII в., имели продолжением историческую вражду шиитов и суннитов, которая существует и по сей день. В этих войнах Нахичеванский край являлся постоянной ареной жестоких столкновений противоборствовавших сторон. Так, в 1554 году турки совершили набег на окрестности Эривани и Нахичевани. Вскоре после этого они заняли весь северный и часть южного Азербайджана, вошли в Тебриз.

В этот период кенгерлинцы не могли остаться безучастными свидетелями происходивших событий. Известно, что в 1578 году вместе с воинами тебризского хана нахичеванский Шереф Хан напал у переправы через Куру «Ююн Кечиди» («Овечья переправа») на войска турецкого полководца Османа Паши. После тяжелого боя объединенные силы азербайджанцев отступили¹².

В 1586 году на престол Сефевидов вззошел 29-летний Шах Аббас. С его именем связаны реформы армии и гражданского управления Персии, массовые

* «Чираг» дословно по-азербайджански означает «Светильник». Применительно к титулу владетельного феодала приобретал смысл «Ослепительный» или «Ослепляющий» Султан Кенгерлы.

** В беглербекство Азербайджана входила огромная территория, от линии Гянджа-Шемаха-Дербент на севере до Зенджан-Казвин-Хамадан на юге.

военачальника Амиргуна Хана Каджара, разбив османский гарнизон, вновь вернул область Персии. Победа над турецким полководцем Джгалоги в битве 26-го октября 1606 года на Софианском поле близ Тебриза закрепила за Персией огромные территории Закавказья и восточных районов Малой Азии, включая Эри-ванский и Нахичеванский края.

С 1639 года между державой Сефевидов и Турцией установился долгий мир (до 1722 г.). Этим периодом датируется несколько документов, переведенных востоковедами группы Ю. Н. Марра, свидетельствующих о том, что племя Кенгерлы по-прежнему проживало в Нахичеванской области, причем по обе стороны реки Араке, и играло там самую видную роль. Административно Нахичевань тогда была отделена от Тебриза и вместе с Эриванью составила особое беглербекство державы Сефевидов. Кстати, в 1688-1691 гг., при Шахе Хусейне, Эриванью управлял также один из кенгерлинцев — Муртаза-Кули Хан, сын Мухаммед Хана Нахичеванского¹⁴.

По-видимому, в это время кенгерлинцы переходят из кочевого к полукочевому образу жизни. Зимой они живут оседло в своих селениях, а летом откочевывают со стадами на высокогорные пастбища-яйлаги*.

Первая четверть XVIII в. принесла в регион значительные изменения политической обстановки. В 1711-1712 и 1719 гг. на Азербайджан совершали нападения лезгины, с 1721 года начались ежегодные восстания армян и грузин. В 1722 году афганцы-гильзаи захватили столицу государства город Исфаган. Полководец Шаха Тахмаспа II, происходивший из тюркско-азербайджанского рода Афшар — Тахмасп-Кули Хан повел свои войска на Кабул. В числе его воинов были и кенгерлинцы¹⁵.**

В конфликт вмешались Россия и Турция. Пользуясь слабостью Шаха и благоприятной для себя ситуацией, они заключили в Стамбуле трактат (1724 г.) о разделе между собой Закавказья, якобы в обмен на военную помощь против афганцев. Полки Петра I заняли Дербент, Баку, Решт и Энзели***, османские войска — Эривань, Хой, Нахичевань и Маранду. Кенгерлинцы в очередной раз были вынуждены переселиться в окрестности Хорасана¹⁵.

Персия была на грани гибели, когда воля одного человека изменила всю обстановку. Очистив свое отечество от афганцев, Тахмасп-Кули Хан в 1727 году выступил против турок, разбил их у Хамадана и продвинулся до Эривани.

*³ имовки проводили в теплых домах кишлаков (по-азербайджански «гыш» — «зима»), летнее время — в палатках на яйлагах («яй» - «лето»).

** Тахмасп-Кули Хан применил весьма необычную тактику — не боролся с гильзаями под Исфаганом, а пошел походом на их родовые земли и захватил их. После этого гильзай, лишённые опоры, подчинились.

*** Ни один из претендентов на шахский престол Персии не признал легитимной оккупацию Россией прикаспийских ханств.

Пользуясь негодованием феодальной верхушки на бездарную политику Шаха Тахмаспа, он сверг его и объявил Шахом малолетнего Аббаса III. В 1734-1735 гг. он совершил поход в Закавказье и восточную часть Малой Азии, последовательно захватив Тифлис, Гянджу и Эривань, а затем и Каре. По договору в Гяндже в 1735 году Россия возвратила Персии все западное побережье Каспийского моря, Сальяны, Баку и Дербент*. После смерти Аббаса III (1736 г.) Тахмасп-Кули Хан собрал на Муганский курултай верхушку азербайджанских и персидских племен, пригласил также российского и турецкого посланников. Он добился своего избрания Шахом Персии и взял после коронации новое имя - Надир**.

С походами этого великого полководца связано новое возвращение кенгерлинцев в Нахичевань¹⁶. Нахичеванский хан, некий Риза, участвовал в осаде крепости Эривань персами в 1735 году***. Затем он был приглашен на Муганский курултай и, по-видимому, утвержден в качестве главы нахичеванцев. Нахичеванская провинция вместе с Ор-дубадским округом вошла в Азербайджанскую область под главным управлением Азад Хана Афшара.

В 1747 году Надир Шах был предательски убит своими соплеменниками — приближенными военачальниками из племени Афшар. Его голову мятежные ханы отправили в Герат племяннику Али-Кули Хану, который затем короновался под именем Адил Шаха (правил в 1747-1748 гг.). Это событие коренным образом повлияло на исторические судьбы народов, населявших огромную территорию Азии, от Эрзерума на западе до Кабула на востоке, Дербента на севере и Дели на юге. На земле, составлявшие только вчера, казалось бы, могучую персидскую державу, стало возникать великое множество небольших государств. В Азербайджане в этот исторический период образовалось более 20 независимых ханств и султанств, одним из которых стало Нахичеванское.

Основателем независимого государства в Нахичевани стал Гейдар-Кули Хан Кенгерлы, который в 1747 году изгнал из провинции шахских чиновников и провозгласил себя самовластным правителем¹⁷. Некоторое время Нахичеванское ханство, как и другие азербайджанские ханства, признавало над собой власть бывшего полководца Надир Шаха — Азад Хана Афганского. Во всяком случае, последний набрал себе конвой именно из кенгерлинцев¹⁵. Но в начале 50-х годов Азад Хан сошел с политической сцены и до 1762 года, когда в Азербайджан вошли войска другого бывшего шахского военачальника Керим

* Анна Иоанновна не рискнула воевать с Тахмаспом-Кули, так как была, прежде всего, озабочена сохранением своей ааasti в России.

** Еще во времена правления Тахмаспа 11 будущий Надир Шах заменил чалму кызылбашей на обязательный для регулярной армии квадратный с крестообразным верхом головной убор «Тахмази», который после его смерти упразднили.

*** Персами в тексте именуются не только этнические персы (фарсы), но и в целом все подданные Персии.

Хана Зенда, Нахичевань оставалась самостоятельной. Гейдар-Кули Хан, встав во главе совершенно разрушенной области, которая за последние два столетия потеряла почти все города и 90 % населения, вынужден был опереться на своего более сильного соседа — Панах Хана Карабахского. Несмотря на поползновения со стороны воинственных соседей - шекинского владетеля Хаджи Челеби Хана и царя Картли-Кахетии Ираклия II, он сумел сохранить в неприкосновенности те земли, которые провозгласил своими в 1747 году.

В это время Нахичевань представляла собой уже далеко не тот цветущий

Надир-Шах Афшар

торговый центр с 200-тысячным населением, каким описывают ее историки Персии времен Кира и Камбиза. Вследствие разрушений, произведенных последовательно войсками турецкого Султана Мурада, персидских Шахов Аббаса «Великолепного» и Надира, произошло значительное уменьшение и обеднение города. Аббас I фактически и стер Нахичевань с лица земли. Поэтому во времена Гейдар-Кули Хана, по описанию французского путешественника Шардена, город уже представлял собой если не разоренное пепелище, то зрелище, близкое к этому. Население исчислялось всего несколькими тысячами душ.

В начале 60-х годов XVIII века Керим Хан Зенд

сумел подчинить себе большую часть областей бывшего сефевидского государства, в том числе и часть Закавказья. В 1763/64 году Гейдар-Кули Хан умер и ему наследовал Хаджи Хан Кенгерлы. Но вскоре он был вызван в Шираз Керим Ханом Зендом и там арестован. На трон нахичеванского правителя сел сын Гейдар-Кули Хана — Рагим Хан. Но и он долго не удержался у власти - в 1770 году при невыясненных обстоятельствах ханом становится Али-Кули, а еще через три года - Вели-Кули Хан Кенгерлы¹⁷.

В 1779 году Керим Хан Зенд скончался, и в персидской державе вновь воцарилось безвластие. В начале 80-х годов при поддержке эриванско-го Гусейн-Али Хана, царя Картли-Кахетии Ираклия II и карабахского Ибрагим Хана главой нахичеванцев был объявлен Аббас-Кули Хан Кенгерлы¹⁷.

По сведениям русского историка-хрониста Буткова, азербайджанские ханы в те годы разделились на противоборствующие группы: одни, такие как Ахмед Хан Хойский и Наджаф-Кули Хан Тебризский, пытались возвести на шахский престол Али-Мурад Хана Исфаганского, другие, среди которых были Имам-Кули Хан Урумийский и Аббас-Кули Хан Нахичеванский, — Садых Хана Ширазского. Была еще третья партия, которая «ловила рыбку в мутной воде», — Фетх-Али Хан Дербентский и Ибрагим Хан Карабахский. В 1783 году военное счастье склонилось на сторону Али-Мурад Хана: Имам-Кули Хан Урумийский был убит, и Аббас-Кули Хан Нахичеванский, невзирая на покровительство Ибрагим Хана Карабахского, вынужден был уступить свое место двоюродному брату Джафар-Кули Хану¹⁸. Сверженный правитель удалился в Грузию, где его приютил Ираклий II¹⁷.

В 1785 году Аббас-Кули Хан имел шанс восстановиться на ханском троне. После взятия Тебриза летом того же года Ахмед Хан Хойский и Ибрагим Хан Карабахский планировали с войсками пройти в Нахичевань и вернуть туда бывшего хана, но Ахмед Хан обманул союзника при дележе добычи и поход на берега Аракса сорвался¹⁹.

Честолюбивые сыны кенгерлинского племени, сменяя друг друга во дворце нахичеванского правителя, безуспешно пытались там утвердиться, но ни один из них, после Гейдар-Кули Хана, не мог эту задачу осилить. Междоусобная борьба лишь ослабляла кенгерлинцев. Древняя история рода, знавшая славные дела и большие победы, казалось бы, померкла. Недруги диктовали свои условия. Мощь кенгерлинского племени угасала.

Маленькая Нахичевань стала разменной монетой в игре могучих соседе. Для восстановления независимости ей необходим был сильный правитель...

Глава 1

Слепой Хан Переписка с графом Зубовым и ее последствие В Эривани

1787 году в результате переворота к власти в Нахичевани пришел Келб-Али Хан Кенгерлы¹. Вся дальнейшая история ханства, а также сближение маленького государства с Россией связаны с именем этого человека. Его называли «*наиковарнейшим*» и в то же время «*одним из самых благоразумнейших ханов Персии*». Последний эпитет он заслужил за постоянное стремление сблизиться с Россией. Российский министр в Грузии статский советник Коваленский писал в Петербург, что «*сей хан славится своею предприимчивостью, храбростью и велеречьем, человек дерзкий, злой и коварный*», а сосед нахичеванцев — ахалцихский паша — информировал русские власти, что Келб-Али Хан «*по бешенству своему, не разбирая ни войск Императорских, враждует на всех хищнически*». Это был правитель и военачальник в одном лице, человек железной воли. Обладая в полной мере зрелостью государственного мужа, Келб-Али Хан стал возводить на фундаменте родовых отношений новое здание общественной жизни в крае. Возвысив несколько знатнейших кенгерлинских беков колена Билиджи, он обеспечил себе поддержку всего племени. Опираясь на великолепную конницу Кенгерлы, хан установил твердую власть и привел к покорности кочевые общества и земледельцев. Население под его крылом почувствовало себя в безопасности от непрекращавшихся до его ханствования набегов курдов, соседних правителей. Хлебопашество и садоводство возродилось с прежней силой. Было

разработано месторождение соли у селения Кульпы. Нахичевань стала богатеть, сила маленького государства — прирастать.

Персидские сабли
типа «Шемшир».
Были популярны у арабов,
персов и воинов Кавказа.

Главным талантом Келб-Али Хана была способность балансировать на арене политической борьбы между более сильными соседями. Используя противоречия между хойским, эриванским и карабахским ханами, а также царем Картли-Кахетии Ираклием, заключая временные союзы и ведя тайные переговоры, вникая в интересы сторон и развивая тайную агентуру, используя добытую информацию в своих целях, он долгое время хранил свой удел неприкосновенным. Кенгерлинец водил дружбу не только с правителями окружающих областей, но и с влиятельными людьми, богатыми купцами, вождями кочевых обществ. Поддерживал контакты с турецким ахалцыхским пашой. Одаривал вниманием авторитетнейших армянских медиков. Контактывал с агаларами азербайджанских дистанций Грузии.

Лишь в нескольких случаях дипломатия Келб-Али Хана давала сбои. Когда речь шла о попирации интересов маленького государства, угрозах подчинить нахичеванцев, покорить их, на первый план выходила оборотная сторона личности хана — его свирепый нрав, непреклонный дух прирожден-январе 1792 года, памятном «визитом» под стены Нахичевани 11-тысячного войска Ибрагим Хана Карабахского и его шурина Омар Хана Аварского. Оба правителя были знамениты своими военными походами, но если нога карабахца уже топтала нахичеванскую землю, то дагестанский горец ступал на нее впервые.

Здесь необходимо упомянуть, что Келб-Али Хан не обладал достаточными средствами для обороны против сильного противника. Подданных у него было немного, и войско было малочисленным. Нахичеванская крепость, расположенная на юго-восточной окраине города, была «слеплена» из глины. Размеры ее были весьма невелики. Каждая из четырех стен — не более 300 метров длиной, высота 4-6 м, толщина 3-5 м. Цитадель Нахичевани значительно уступала любой азербайджанской и грузинской крепости того времени. Возвышающиеся по углам четыре башни, также глиняные, дополняли ее убогий облик. Пожалуй, единственным выигрышным качеством ее было господство западного фаса, стоящего на обрыве горы, над долиной Аракса.

Тем не менее, итог нашествия для карабахского и аварского ханов оказался одинаково печальным. Выдержав 6-дневную осаду, кенгер-линцы, используя подземные лазы, совершили вылазку и в рукопашной схватке опрокинули осаждавших. Резня шла по всему городу. Славные своей воинственностью дагестанцы столкнулись с еще более отчаянным противником. На одной из площадей Нахичевани пало около семисот горцев. Район города перед нахичеванским вокзалом вплоть до середины XX века носил имя «Лезги гырылан» («Место уничтожения лезгин»)². Окончательный итог схватки подвели вмешавшиеся в нее войска хойского и эриванского ханов, пришедшие на помощь Келб-Али Хану. Ибрагим Хан и Омар Хан, потерявшие каждый около тысячи воинов, спешно ретировались. Нахичеванцы с почетом похоронили около сотни своих людей³.

Ага Магомед Шах Каджар. Акварельные рисунки из «Шах-ин-шах наме».

После этого случая воинственные соседи надолго потеряли охоту беспокоить кенгерлинцев. Но со стороны Персии назревала куда более серьезная опасность — разрозненные области страны под своей властью удалось объединить Ага Магомед Хану из племени Каджар. Пережив в детстве страшное испытание, взятый в плен и осклопленный в гареме Надир Шаха, он поставил целью жизни затмить достижения своего погибшего хозяина. Благодаря кипучей энергии, железной воле, дару предвидения, которым помогали огромное властолюбие и жестокость, Ага Магомед Хан быстро достиг успехов. Как только ему удалось подчинить себе внутренние провинции Ирана, он устремил свой взор на север, в Закавказье. Еще в начале 1791 года, придя с огромным войском в Азербайджан и разбив лагерь в урочище Сеид-Абад под Тебризом, Каджар отправил к каждому из закавказских правителей нарочного с требованием признать свою верховную власть и выдать в знак покорности аманатов из близких родственников. Войска азербайджанских ханов насчитывали в отдельности не более нескольких тысяч человек, тогда как объединенные силы Ага Магомед Хана достигали 50 тысяч. Поэтому все ханы подчинились, за исключением Ибрагим Хана Карабахского и Гусейн

Хана Эриванского, рассчитывавших отсидеться в своих мощных крепостях Шуша и Эривань. Подчинился и Келб -Али Хан. Находчивый кенгерлинец отправил к Ага Магомед Хану заложником верности своего брата Аббас-Кул и Хана, убив тем самым двух зайцев: сохранив Нахичеванское ханство и избавившись от своего вечного соперника¹.*

Политическая обстановка в Закавказье накалялась с каждым месяцем. Ага Магомед Хан претендовал не только на азербайджанские ханства, но и на Грузию, которая с 1783 года, по Георгиевскому договору, находилась «под покровительством» Российской Императрицы Екатерины II. Азербайджанские ханы, в частности Мустафа Хан Ширванский, Шейх-Али Хан Дербентский, Гусейн-Кули Хан Бакинский и Мир-Мустафа Хан Тальшинский, послали в Санкт-Петербург своих доверенных с просьбой также принять их под покровительство... В регионе сталкивались интересы двух держав — набирающей силу Персии и могучей Российской Империи.

Императрица Екатерина II.
Худ. Д. Г. Левицкий.

В 1795 году русскому престижу был нанесен серьезный удар — войска Ага Магомед Хана вошли в Закавказье и, совершив дерзкий набег на Грузию, 12-го сентября овладели Тифлисом**. В течение нескольких дней персы разрушали столицу Картли-Кахетинского царства***. В ознаменование своей победы в ноябре того же года Ага Магомед Хан, по примеру великого Надира, короновался Шахом на Мугани.

Такого унижения Екатерина Великая вынести не могла — на Кавказ был направлен армейский корпус (30 тысяч солдат при 100 орудиях) под командованием одного из фаворитов Императрицы — 24-летнего графа Валериана Зубова. Молодой, но уже опытный военачальник, граф начал войну очень успешно: русские войска взяли штурмом неприступную крепость Дербент

* В будущем выяснилось, что это была сомнительная находчивость.

** Успех операции был определен внезапностью нападения, которую обеспечили добровольные проводники Ага Магомед Шаха — бывшие карабахские мелики Меджлум и Або, предавшие своего сюзерена — царя Ираклия II.

*** В погону за бежавшим Ираклием был послан Келб-Али Хан Кенгерлы, который гнался за ним до Мцхеты, но не догнал.

(10-го мая 1796 г.), а затем добились сдачи без боя Баку (13-го июня). Появление на Кавказе такой значительной силы, какую представлял собой корпус Зубова, достигнутые им быстрые успехи не могли не вселить в сердца закавказских правителей уважение к русскому оружию, к мощи Российской Империи. Впечатлял и монотонный, целеустремленный, без оглядки на жертвы, штурм Дербента... Некоторые ханы стали определенно склоняться на российскую сторону, в числе таковых был и Келб-Али Хан Кенгерлы. Он начал переписку с Валерианом Зубовым с целью заручиться его покровительством.

Таким образом, состоялся первый контакт представителя рода Кенгерлы и официальных властей Российской Империи. По своим последствиям для семьи это событие стало для нее историческим.

Однако победоносное шествие войск графа Зубова на юг было неожиданно прервано 6-го ноября 1796 года кончиной Екатерины II. Престолонаследник Павел I, тайный противник своей матери, несправедливо отстраненный ею от государственных дел, отдал приказ об отводе войск из Закавказья.

После ухода русских полков Ага Магомед Шах весной 1797 года лично возглавил войско для наказания тех, кто вел переговоры с русским главнокомандующим. И первой его жертвой пал Келб-Али Хан Кенгерлы. Столица ханства была занята отрядом персидских войск, и его начальник имел распоряжение Ага Магомед Шаха о переселении жителей во внутренние провинции Ирана. Чтобы не допустить разграбления своих земель, не имея возможности противостоять многочисленной персидской армии, сама численность которой в несколько раз превосходила все население ханства, Келб-Али Хан сам выехал навстречу Шаху, в Ардебиль. Тем не менее, фараши Ага Магомеда схватили его.

Наш герой подвергся экзекуции, применяемой в Персии для наказания непокорных вассалов. Особым инструментом ему выкололи глаза. Слепленный был заключен в застенки, Нахичеванское ханство разорено, население частично

Граф В. А. Зубов. Худ. Ж.-Л. Вуаль.

угнано в Персию; на место правителя посажен брат Келб-Али Хана - послушный Шаху Аббас-Кули Хан.

Но не прошло и нескольких месяцев, как, на счастье Келб-Али Хана, неожиданно пришло избавление от плена. В июле того же 1797 года Ага Магомед Шах был убит в персидском лагере под Шушой. Погиб Шах, можно сказать, случайно, от рук двоих собственных слуг, которые зарезали его из боязни жестокого наказания*. Преемник Шаха, его племянник Фетх-Али Хан, не противился возвращению бывшего нахичеванского хана восвояси.

Мировой истории известно несколько случаев, когда сильный духом человек, преодолев тяжкий физический порок, становился государственным мужем. В краткий список этих славных имен попал и наш герой... Слепой хан стал ближайшим помощником и главным военачальником своего тестя Магомед Хана Эриванского. Как сообщает русский источник, датированный 1800 годом, *«при Мегмедхане Эриванском находится некто Келбелыхан, бывший Нахичеванский владелец и лишенный места своего вместе со зрением от Ага-Магомедхана, во время похода его на Грузию... Сей хан славится своею предприимчивостью, храбростью и велеречием, человек дерзкий, злой и коварный: он, найдя пристанище себе из одного человеколюбия у Мегмедхана — родни его, вмешивается во многие дела и советами своими над добродушием сего последнего много действует. Сей-то слепец предводительствовал войсками Эриванскими в бывшую их с здешними в прошедшем месяце сшибку и весьма вероятно, что на крайность решился он без позволения Мегмед-хана»*⁴.

На новом поприще Келб-Али Хан развил бурную деятельность. Он быстро восстановил связи с курдскими старшинами, нашел общий язык с меликами армянских селений. Верные кенгерлинцы сплотились в ядро вокруг своего вожака, и Келб-Али Хан вновь выдвинулся в ряд самых влиятельных лиц региона. Набираясь сил, хан выказывал все меньше и меньше уважения к Фетх-Али Шаху. Слепота не лишила его возможности видеть перед собой главную

Император Павел I

* Ага Магомед Шах был убит в доме сына Ибрагим Хана Карабахского — Мамед-Гасана. Слуги были лишь исполнителями убийства, заказчиками выступили другие лица.

цель - восстановление на троне нахичеванского владыки. На пути кенгерлинца стояли ненавистные астрабадские Каджары и послушный им Аббас-Кули Хан... Первым шагом к намеченной цели было отстоять независимость Эриванского ханства.

В начале 1800 года Каджар предпринял попытку обуздать непокорных. К Эривани подошел передовой корпус персидской армии, и сердар предъявил ханам фирман Фетх-Али Шаха с требованием впустить его войска в крепость. Магомед Хан, подстрекаемый слепым кенгерлинцем, ответил отказом. Несколько недель осады, в течение которых защитники города даже осмелились на несколько вылазок, ничего персам не дали, и они ушли к своим главным силам, стоящим в Тебризе⁴. Открыв военные действия против Шаха, скрестив мечи с несоизмеримо большей, чем их собственная, армией, мятежные ханы вынуждены были искать себе сильного союзника. Таковым для них могла стать лишь враждебная Персии Россия. Между Эриванью и

Фетх-Али Шах Каджар. Акварельные рисунки из «Шах-ин-шах наме».

Тифлисом завязался долгий политический диалог. Тон его был весьма позитивным и многое обещал. На одно из писем Келб-Али Хана временно командовавший войсками в Грузии генерал Иван Петрович Лазарев, например, отвечал в марте 1801 года следующее: «...*О желании вашем войти*

под высюкое августейшего и всесильного Монарха нашего покровительство я донес уже начальству моему. ...Я уверяю вас, высокостепенный хан, что по желанию вашему все от всецедорого Монарха нашего получить ожидать можете...»⁵.

Рассчитывая на помощь русских штыков, слепой кенгерлинец не забывал и о том, чем обернулся ему неожиданный отзыв с Кавказа корпуса графа Зубова в 1796 году. Хан вел тонкую дипломатическую игру: он не прекращал переписку с Тифлисом, посылал туда своих доверенных лиц, однако искал лишь «покровительства», но не «подданства». В то время как шел этот диалог, между только что вступившей в российское подданство Грузией и Эриванским

ханством случилось несколько пограничных стычек. И, несмотря на переговоры о дружбе, Келб-Али Хан не побоялся с оружием в руках отстаивать интересы ханства. В октябре 1800 года он с эриванскими войсками явился в Шурагельскую провинцию, чтобы вернуть домой бежавшие туда 300 семейств азербайджанцев и армян. Как докладывал генерал Лазарев своему начальнику - главноуправляющему в Грузии генерал-лейтенанту Кноррингу: *«Сей Келб-Атхан, на сих днях, по прибытии на помощь к реченной провинции сердаря князя Цицианова с частью грузинских войск в 400 человек и людей мелика Абова состоящих, напал тотчас на сих последних нечаянно и причина в них урон немалый в убитых и раненых, одержать успел над ними верх приметный; а наконец, якобы пошел на самую крепость Шурагельскую и причинил оной крайнее разорение, потом ретировался во своясы»*⁶.

Похожая ситуация, только со сменой ролей, возникла в июне-июле 1801 года, когда в Эриванское ханство бежали уже азербайджанцы Памбакской провинции (14 деревень), которую Грузия считала своей, и русские выдвинули к границе мощный отряд. К счастью, конфликт на этот раз был улажен мирным путем, и Кнорринг Всеподданнейше докладывал в Санкт-Петербург: *«Поелику Эриванский и Нахичеванский ханы ищут Всевысочайшего покровительства Вашего Императорского Величества, то осмеливаюсь заключить, что они вдаль покушений своих на Памбакскую провинцию не распространят, узнав, что войска наши туда следуют»*¹.

В 1801 году Келб-Али Хан достигает своей заветной цели — он возвращает себе власть в Нахичевани, низложив своего брата. Возмущенный Фетх-Али Шах немедленно посылает в Тебриз сердара с приказом собрать ополчение и восстановить в Нахичевани Аббас-Кули Хана. *«...Аббас-Кули-хану шах Персидский дал войско и одного сердаря; — докладывали в Тифлис лазутчики-армяне, — оба они прибыли в Тавриз и собирают Адзербейджанские войска, намерены придти в Нахичевань и выгнать тамошнего хана, на место коего возвести помянутого Аббас-Кули-хана; от Мегмед-хана и Келб-Али-хана требуют тафиркэ, т. е. Татарские аулы. Ежели не отдаст, то придут в науруз и завладеют крепостью Эриванскою; после же науруза намерен шах персидский придти сюда»*⁸. Ожидая нашествия неприятеля, хан укреплял свою крепость и свозил в нее продовольствие. Однако инерция Фетх-Али Шаха была настолько велика, что персы пришли в Нахичевань только через год.

К слову сказать, Персия тогда не имела регулярной армии и в поход созывались все желающие пограбить поверженного врага. Костяк армии Фетх-Али Шаха поэтому составляла конница кочевых и полукочевых племен (и прежде всего самих Каджаров) и пешее ополчение представителей самых разных слоев населения, не исключая и бродяг, способных вооружиться хотя бы ржавым ятаганом или старым кремниевым ружьем. Сердар, по своим

способностям и умению, приводил все это в относительный порядок и превращал в подобие армии, весьма многочисленной (до нескольких десятков тысяч), но малоподготовленной для серьезных боевых операций. Хой, Нахичевань, Маранда и Маку в силу своей разоренности и отсутствия населения не могли, конечно, оказать серьезного сопротивления такой армии, но перед лицом сильной крепости или регулярного войска последняя была бессильна.

В этот период, вопреки сложным отношениям с Персией, уверенность Келб-Али Хана в своих силах возрастает настолько, что в мае 1802 года он с эриванскими и нахичеванскими войсками предпринимает поход на карсского пашу, чтобы потребовать от того выдачи курдов во главе с их вождем Али Агой, которые с турецкой территории делали набеги на Нахичеванское и Хойское ханства. Но, приблизившись к карсской границе, хан неожиданно обнаружил у себя на фланге русский отряд, который, к тому же, еще и успел нарушить границу Эриванского ханства, войдя в Шурагель. Келб-Али Хан немедленно снесся с русским военачальником полковником Карягиным через посольного: *«Известись о прибытии вашем с небольшим отрядом войск к Шурагелям, желаем мы знать, с каким намерением движение сие произведено. До сих пор мы с главнокомандующим вашим в приятельских были сношениях. Ежели ваше прибытие на дружеской ноге, просим нам объявить; будете дружбу ту вы рушили и неприязненно намерены действовать, то сие неважно для нас. Мы ожидаем на сие ответа с посланным к вам Мераббеком, дабы по тому могли и мы взять меры»*⁹.

Карягин получил сверху указание содействовать туркам, так как паша оказывал Тифлису политические услуги. Русский офицер убеждал нахичеванского хана отказаться от его намерений. Келб-Али Хан же, напротив, уверенный в законности своих требований к паше, настаивал на том, чтобы восвосяи ушли русские. В своем очередном послании (26-го мая) он, в частности, заявлял: *«Мы, кроме усердия, дружбы и соседства с вашими землями никакого дела не имеем», «если же вы не воротитесь в свою землю в Памбаки и там не останетесь, то видно, что вы намерены иметь с нами вражду, да и мы завтра прибудем к вам внезапно — и что хотел Бог, то и хорошо. В заключение нас не вините...»*. На примирение кенгерлинец был согласен только после выдачи грабителей и полного возврата захваченного ими имущества⁹.

Однако двухдневные переговоры прошли безрезультатно. Полковник Карягин присоединил свой отряд к ополчению карсского паши.

27-го мая 1802 года произошло сражение между нахичеванским ханом и объединенными силами турок и русских. Вот как его описывает в своем рапорте полковник Карягин:

«Сего числа по полуночи в 3 часу дано знать мне было от своих пикетов, также и от союзничьихразведывательных партий, что Келб-Али-хан, поднявшись со своим войском от деревни Копли, направил свой путь вверх по реке Арпачае, в том

намерении, дабы, переправясь через означенную реку, ворваться в провинцию Карсскую...

...Отойдя верст семь от расположения нашего вверх по реке Арпачае к деревне Караклис, нашли оною уже переправляющегося чрез реку на турецкую сторону и лишь только построились в боевой порядок, то он со всем своим войском сделал сильную атаку как на наше каре, также и на союзниче войско на левый фланг, который состоял из турецкой кавалерии; но как ни сопротивлялось храбро, было неприятелем опрокинуто, который в то же время сделал еще сильнейшее нападение на каре, также и на правый фланг, состоящий из пехоты и кавалерии, называемой Карапаххи, из наших Памбакских войск, но встречен был сильным пушечным и ружейным огнем из каре, — также и конница, на правом фланге стоящая, приняла его весьма храбро; а как он ни усиливался и нападал стремительно, но по трехчасном сражении был совершенно отбит и прогнат обратно на ту сторону реки и направил бегство свое выше пореке Арпачай, где, собравшись, расположился в весьма крепком месте. На сражении убитых и раненых из турецкого войска человек до 70-ти; с нашей же стороны, по власти Вышнего, никакого урона нет; с неприятельской же стороны убитых до 500 человек. Келб-Али-ханское войско превышает нас; по крайней мере у него тысяч до двенадцати...»⁹.

По донесениям русского военачальника, объединенные силы его отряда и ополчения карсского паши состояли из 380 российских солдат (при 11 офицерах, с тремя орудиями), двух сотен памбакской кавалерии (набранной из азербайджанцев), шести тысяч турецкой конницы, двух тысяч пехоты, при трех орудиях, тогда как войска Келб-Али Хана, из 12 тысяч конницы, двух с половиной тысяч пехоты и двух орудий. Насколько реляция Карягина соответствовала действительности, неясно, так как мы не имеем данных от другой стороны. Обычно свои заслуги приумножали, а результаты соперника приуменьшали. Однако обращает на себя внимание следующий факт: во время столь упорного боя, каким рисует его российский военачальник, не был не только убит, но даже и ранен ни один русский воин. Получила повреждение, по-видимому, шальной пулей, только одна казачья лошадь... Причиной такого исхода мог быть лишь приказ Келб-Али Хана своим воинам не трогать россиян. Скорее всего, хан твердо решил соблюсти по отношению к России принцип нейтралитета.

28-го мая отряд Келб-Али Хана ушел в глубь Эриванского ханства.

В июне 1802 года Персидский Шах сделал очередную попытку навязать свою волю эриванскому и нахичеванскому ханам. Его полководец Пир-Кули Хан Каджар с войском подошел к Нахичевани. Келб-Али Хан, забрав с собой часть населения, до подхода неприятеля ушел из провинции и укрылся в Эривани. Пир-Кули Хан через посольного именем Фетх-Али Шаха потребовал от Магомед Хана выдать ему нахичеванцев, но эриванский хан отказал. Только после длительных переговоров, в результате которых Шах признал за слепым кенгерлинцем права

нахичеванского правителя, тот со своими подвластными (200 семей) вышел из цитадели и возвратился домой^{10, 11}.

Формальное примирение с Каджаром состоялось. На некоторое время оно обеспечило нашему герою спокойное правление в Нахичевани. Однако в воздухе уже витали искры пожара большой войны. Маленькому независимому уделу слепого хана грозила участь полоски железа, попавшей между молотом и наковальней. Он должен был стать ареной борьбы двух государств-исполинов.

Глава 2

Между «молотом» и «наковальней»

Первая русско – персидская война

оддерживая до поры до времени мирные отношения с Шахом, Келб-Али Хан продолжал искать контакты с российскими сановниками в Тифлисе. Слепец вновь и вновь направлял к берегам Куры нарочных, не устывая рассыпать русским генералам заверения в своей преданности. Признания в вечной дружбе и убеждения в полной лояльности к северянам перемежались горькими строками о неудачной службе Каджарам и обещаниями оказывать всевозможные услуги России. Новому главнокомандующему князю Цицианову он писал следующее: *«... Так я отклонен от Персиян, что хотя бы они были боги и тогда бы я не поклонился им, ибо их знаю и много служил им, но они в воздаяние моей службы лишили меня глаз, и если бы я знал, что из тамошнего края не возвратятся назад (то есть если русские не уйдут из Грузии) подобно возвращению графа Зубова, от чего разорились дома наши, то я буду служить Русским. Обо мне извещен князь Цицианов с худой стороны. Если русские утверждены в Грузии, то чтоб его светлость написал ко мне; я еще буду готов к услугам Государевым. Я должен отправиться 28-го дня к шаху, но причиною моему отправлению в Персию есть то, чтоб привел я Даниила патриарха в Нахичевань, в Предтечевский монастырь, и будьте в сем уверены»¹⁻²⁻³.**

Надо отдать справедливость кенгерлинцу, его слова не были дипломатической лезтью. Это в полной мере подтвердил 1804 год, когда начались боевые действия между персидскими и российскими войсками. Фетх-Али Шах прислал

* Келб-Али Хан здесь имел в виду патриарха Даниила, которого Петербург хотел видеть главой Эчмиадзина. После смерти в 1799 году католикоса Луки начался раскол армянской церкви и соперничество архиепископа Эчмиадзинского Давида с патриархом Константинопольским Даниилом. Армянские подданные Османской Империи поддерживали кандидатуру Даниила, а персидские — Давила.

Келб-Али Хану фирман с требованием принять участие в *«наказании и исправлении вероломного русского племени, отражении и устранении интриг и упорядочении дел в важнейшей провинции Грузии»*, однако хан отклонил распоряжение персидского владыки. Не подействовали на него и угрозы казни его старшего сына — Назар-Али Бека, находившегося у Шаха в аманатах, ни обещание насильственно выселить кенгерлинцев из Нахичевани. Слепой правитель твердо стоял на принципе не скрещивать оружия с россиянами⁴.

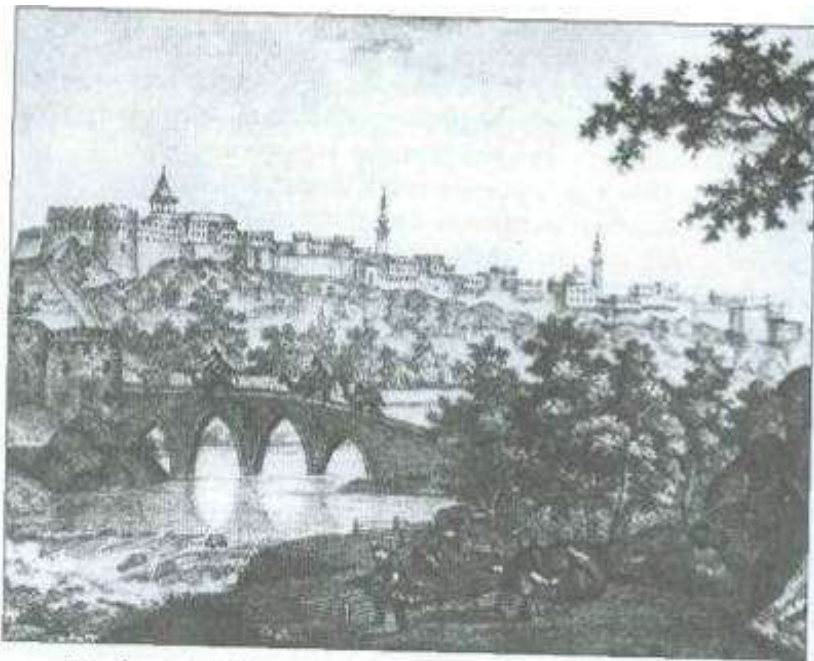
В марте 1804 года передовой отряд персидской армии во главе с Пир-Кули Ханом вновь выдвинулся в Нахичеванское ханство и овладел его столицей. Келб-Али Хан, как и в прошлый набег неприятеля, загодя покинул Нахичевань и укрылся в Эривани. Как докладывали Цицианову армяне-лазутчики, кенгерлинец убеждал Магомед Хана пригласить в провинцию русские войска и, не найдя в своем тесте понимания, с ближайшими соратниками покинул крепость и встал лагерем в предместье. По слухам, он намеревался драться с Каджаром *«до последней крайности»*⁵.

Тем временем персы концентрировали свои силы в Тебризе. Молва оценивала их в 60 тысяч воинов. Верховными вождями армии были сын Фетх-Али Шаха, наследный принц Аббас Мирза и грузинский царевич Александр. Сам владыка Персии обещал в скором времени лично прибыть под стены Эривани.

Мятежным ханам было направлено письмо, в котором предлагалось немедленно покориться и с повинными головами прибыть в Тебриз. В противном случае Шах грозил смертью их сыновьям⁶.

Российская сторона также не дремала: оценив выгоду создавшегося положения, Цицианов направил ханам обращение впустить в Эривань российские войска. Послание князя к Келб-Али Хану от 5-го мая 1804 года содержало одновременно обещания и угрозы. *«Много доволен я тем, что ваше высокостепенство держите сторону российскую, то есть сильнейшую, и когда дело увенчано будет успехом и уверения придут действительными, тогда вы, приятель мой, паки сядете на ханство Нахичеванское, — в том Богом заклинаюсь»*. Вместе с тем, слепому хану предъявлялись следующие требования: 1) содействовать возведению в сан главы армянской церкви угодного Петербургу патриарха Даниила; 2) впустить в Эривань российские войска; 3) присягнуть Российскому Императору; 4) платить ежегодную дань в 80 тысяч рублей... За сговорчивость причиталось вознаграждение: 1) при российской власти хана обещали оставить в прежних правах, кроме права казнить; 2) ему будто бы будет дарована грамота на ханское достоинство и; 3) обещается помощь в *«вызволении ханского семейства из Персии»*. В заключении послания российский главнокомандующий предрекал Келб-Али Хану быстрое продвижение русских войск к Нахичевани и заканчивал мысль традиционным для себя оборотом: *«Клянусь вам живым Богом, — скорей солнце оборотится назад, в Каспийском море не будет воды, нежели*

Вид Эривани. 1796 г. Литография Гемильяна с оригинала Физлера.

поход мой отменится. Разница только та, что или приду как брат спасать брата или как враг наказать дерзающего противиться велению Государя государей, подобно Джевадхану Ганджинскому⁷.*

Еще до получения ответа от ханов самоуверенный Цицианов приказал генерал-майору Леонтьеву выдвинуться в Памбак с двумя батальонами пехоты и пятью пушками. Решение о походе на Эривань было принято. 1-го июня 1804 года, возложив управление Грузией на князя Волконского, Цицианов сам выступил к границе. 19-го июня он был уже под Эчмиадзином.

Для Келб-Али Хана и Магомед Хана настал момент истины. Угроза исходила сразу от двух сильных противников. Хань должны были делать выбор между покорностью и борьбой...

Сейчас можно только предполагать, что в конечном итоге определило выбор ханов в пользу активной обороны. Они не могли, конечно, доверить свои жизни и жизнь своих подданных ни коварным Каджарам, ни разорившему гнездо

* Джавад Хан отказался сдать Гянджу Цицианову и погиб во время штурма города русскими войсками 4-го января 1804 года. Позже Гянджа была переименована в Елизаветполь.

Грузинского Царского Дома Цицианову*. Но шансы сохранить свой высокий статус и прежние права все-таки были... Тем не менее, Келб-Али Хан и Магомед Хан выбрали для себя самый рискованный, но и самый достойный путь — отстоять свои права с оружием в руках... Их судьба, как и судьба их народа, отныне находилась на острие меча. Вместо того чтобы встретить завоевателей делегацией почетных жителей с ключами от города, они заперлись за крепостными стенами и приготовили пушки к стрельбе.

Вскоре после описываемых событий, не встречая серьезного сопротивления, к Эривани подошли русские войска. Хитрый Келб-Али Хан немедленно направил к Цицианову парламентаря, который заявил князю о том, что ханы намерены сдать крепость и требуется три дня на составление условий капитуляции. Генерал на это согласился. Три дня, однако, пролетели, а никакой капитуляции не последовало. Батареи стали обстреливать цитадель, которая отвечала лишь редкими выстрелами. Наконец, посланники явились опять и заявили, что ханы готовы принять любые условия сдачи, но народ якобы противится покориться и на его убеждение необходимо двое суток. Наивный Цицианов написал свои требования и отдал для передачи в крепость. Спустя обещанный срок ничего не произошло, крепость не капитулировала. Только на третий день пришли парламентары и просили два дня на подкуп якобы несговорчивого духовенства, мешающего склонить к покорности народ. Главнокомандующий рассердился и дал на обдумывание лишь два часа, грозя, в случае задержки ответа, штурмом и поголовным уничтожением. Но тщетно. Из крепости больше никто не показывался.

Пока шли эти переговоры и ханы выигрывали время, к Эривани с юго-востока успели приблизиться персидские войска. Они со всех сторон окружили городское предместье, в котором расположились россияне.

В свите Аббаса Мирзы находился бывший нахичеванский Аббас-Кули Хан и старший сын Келб-Али Хана — Назар-Али Бек. Первый был вновь утвержден хакимом Нахичевани. На него были возложены обязанности начальника тыла корпуса, действовавшего против русских. Ему предписывалось свозить в Тебриз артиллерийские снаряды, принять меры к охране денег, отправляемых под Эривань, организовать этапное движение по

* Вопреки условиям Георгиевского договора, вступив в должность, Цицианов первым делом депортировал из Грузии членов Царского Дома Багратидов. В считанные недели из Тифлиса в Центральную Россию были высланы царевичи Вахтанг и Давид. Вдова Георгия XII — царица Мариам, сопротивляясь насильственной отправке, убила кинжалом генерала Лазарева. Впоследствии она была перевезена в Воронеж и заключена в Белогорский монастырь. Вдова Ираклия II — царица Дареджан - была препровождена в Москву. Из находившихся в Тифлисе Багратидов спаслись сумел лишь царевич Теймураз, бежавший в горы. Наибольшую пикантность всей этой истории придавал тот факт, что Мариам приходилась Цицианову ближайшей родственницей.

маршруту Тебриз-Нахичевань-Эривань, сбор продовольствия для войск. На фронте в составе конницы Аббаса Мирзы, кстати, действовал Кенгерлинский полк. Оставшиеся же в Нахичевани кенгерлинцы несли караульную службу и помогали Аббас-Кули Хану в выполнении предписаний Аббаса Мирзы. Помимо

Князь П. Д. Цицианов.
Литография К. Томпсона.

обязанностей начальника тыла на Аббас-Кули Хана возлагалась дальняя разведка, так как он обладал обширной агентурой по всему Закавказью. Хан доносил Аббасу Мирзе о передвижении русских отрядов в Гори и в Ананур, о количестве русских войск в Грузии, о переговорах Цицианова с местными жителями в Баш-Кечиде («Главная переправа») и т.п. Кроме того, кенгерлинец вел тайную переписку с азербайджанцами Шурагеля, Казаха и Борчалы о переходе на сторону персов. Однако, несмотря на столь обширное поле деятельности, Аббас-Кули Хан, по-видимому, не обладал способностями военачальника, поэтому в Нахичевань был назначен персидский военный

Вместо того чтобы заниматься планомерной осадой крепости, россияне вынуждены были отбивать налеты летучих отрядов персидской конницы.

Запершимся в Эривани ханам удалось наладить связь и примириться с великодушным Аббасом Мирзой, и они поддержали принца несколькими вылазками. В результате малочисленный русский отряд безрезультатно истощил весь свой запас ядер и пуль. От генерального сражения персы уклонились. Угрозы Цицианова и требования сдачи крепости своего действия не возымели. На совете офицеров в палатке князя большинство высказалось за отказ от штурма. 4-го сентября 1804 года Цицианов вынужден был двинуть отряд к грузинской границе.

Осенью 1804 года, по праву победителя, Келб-Али Хан вновь занял трон нахичеванского правителя. Его вечный соперник Аббас-Кули Хан был изгнан из столицы и поселился в крепости Сисиан*, в 60-ти верстах от Нахичевани⁶.

Как ни удивительно, но факт остается фактом — уже через несколько недель слепой кенгерлинец сделал попытку возобновить сношения с Тифлисом. Остается только догадываться, чем руководствовался при этом хан - то ли ненавистью к Каджарам, то ли политическими соображениями. Возможно, он стремился заручиться доверием россиян на случай нового их похода к берегам Занги и Аракса.

В своем послании нахичеванский хан доказывал Цицианову, что сдать крепость ему *«никогда не обещал»*, а *«служить всегда готов»*. Павел Дмитриевич на это письмо ответа не дал. Через Джафар-Кули Хана Хойского князь передал слепому правителю свое условие:

*«Ежели случится мне с ним (то есть Келб-Али Ханом) или Эриванским ханом иметь дело, или через вас (Джафар-Кули Хана) они к тому вызовутся, то не иначе приступлю к тому, как тогда, когда они согласятся прежде сыновей своих отдать в аманаты»*⁹.

Таким образом, переговоры зашли в тупик.

Одновременно Цицианов установил контакт с Аббас-Кули Ханом, через которого рассчитывал получить помощь во время новой, планируемой на весну 1805 года экспедиции. Главный конкурент Келб-Али Хана сразу пошел на сближение и обещал привести россиян в Нахичевань. В декабре 1804 года Цицианов докладывал Александру Г, что Аббас-Кули Хан находится в крепости Сисиан и *«ожидает моего повеления с 500русского войска и 4-мя пушками взять Нахичевань своим народом, его окружающим в Сисиане, но сего исполнить прежде весны и мая месяца по непроходимым снегам и крутым горам невозможно»*¹⁰.

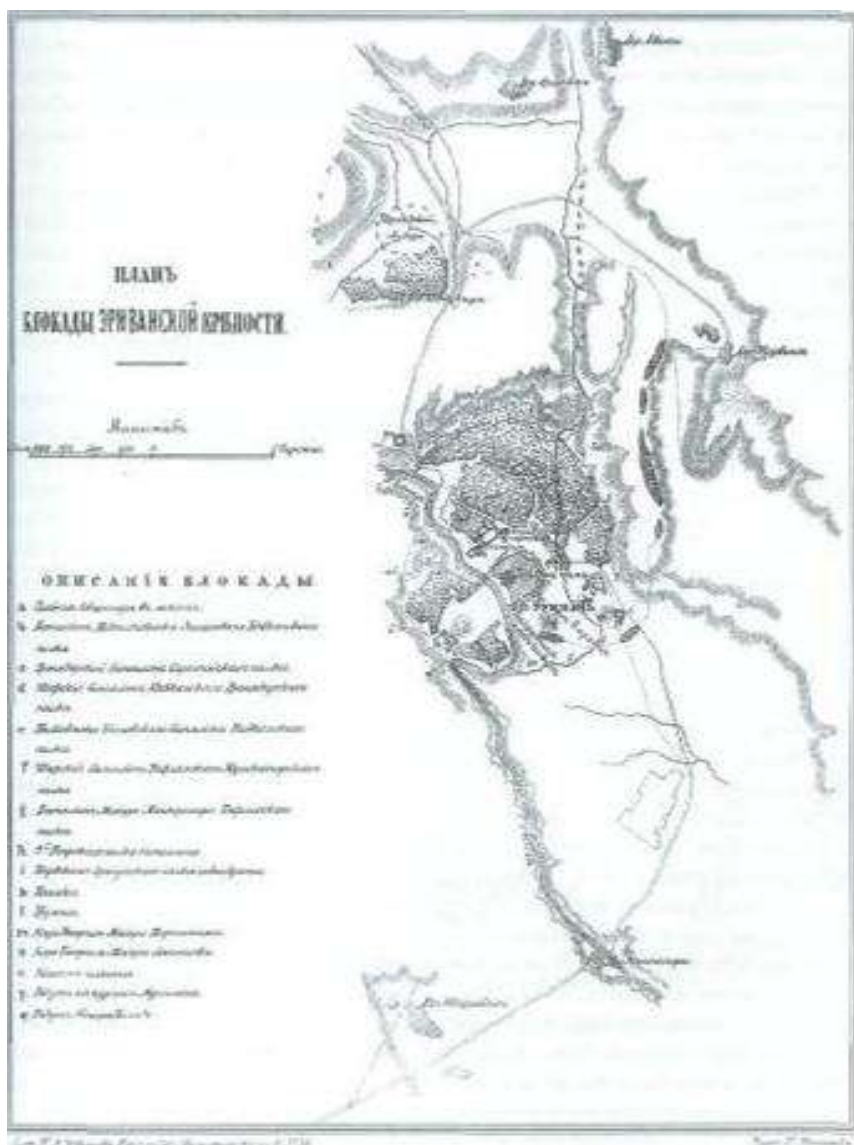
Всю весну и лето 1805 года не прекращались тайные сношения русского главнокомандующего с Аббас-Кули Ханом — готовилась экспедиция в

* Цициан - по древним грузинским хроникам.

Эриванское и Нахичеванское ханства. В Карабахе развернулись бои между группировкой российских войск и переправившейся через Араке по Худаферинскому мосту кавалерией Аббаса Мирзы. Военная кампания развивалась для русских вполне удачно, что позволяло рассчитывать на дальнейшее продвижение в Эривань и Нахичевань. 14-го августа Цицианов направил Аббас-Кули Хану «*Обращение к на-хичеванским ахундам, муллам, бекам и старшинам*», в котором убеждал их в прелестях российского подданства. О Келб-Али Хане в бумаге говорилось следующее: «...*Что же касается до Келб-Али-хана, вы видите, сколько он вам разорения делает, целые два года приводя в ваши пределы персиян, потравляющих ваш хлеб и лишающих вас пропитания, а что хуже всего, что может быть и переселят вас как эриванцев, по его коварству*»¹¹. От Аббас-Кули Хана Павел Дмитриевич требовал в знак покорности аманата, а также обещания платить в будущем дань в обмен на трон нахичеванского правителя: «*Письмо вашего высокостепенства я имел удовольствие получить и благодарю вас за оное, похвалая за изъявление вами желанья быть со всем своим владением в высоком подданстве Всероссийской Империи и уверяю при том, что чрез сие найдете вы истинное свое счастье и благоденствие. Со всем тем не могу не сказать вам со всею сродною мне откровенностью, что иначе не можете быть приняты в покровительство Всероссийское, как дав в аманаты сына своего и дань, которую ваше высокостепенство по чистой своей совести назначите — преимущество, какового от меня ни один еще из здешних ханов не имел!*»¹². В письмах затрагивались конкретные вопросы похода в Нахичевань, например, обеспечение русских войск продовольствием, фуражом, проводником. Обсуждалась и «проблема» Келб-Али Хана. «*Наконец должен сказать, — писал Аббас-Кули Хану Цицианов, — что мне необходимо нужно иметь в своих руках Келб-Али-хана, который в прошлом году столь многое сделал мне помешательство, да и теперь можно почти ожидать, что он не оставит просками своими вредить пользам вашего высокостепенства, если вы к тому средство какое предвидите, прошу сообщить мне о том*»¹². На это Аббас-Кули Хан отвечал: «*Врассуждении же Келб-Али-хана, недостойного вами упоминания, изволили писать, кто он такой и что он может сделать? Бог даст, что он связанный прислан будет к вашей светлости*»¹³.

С выдачей Цицианову заложника Аббас-Кули Хан тянул, требуя, в свою очередь, от князя дополнительных гарантий в виде Императорской жалованной грамоты: «...*Что-ж касается до моей медленности, что я поздно вашу светлость стал утруждать, было причиной то, что так как Баба-хан** — человек глупый и недоразумевый, то я полагал, что из находящихся у него аманатов освободит кого-

* В русском переводе письма Аббас-Кули Хана Фетх-Али Шах именуется Баба Ханом. В официальных российских документах того времени Шах именовался именно Сердаром Баба Ханом (титолом до коронации), чтобы подчеркнуть нелегитимность Династии Каджаров.

План блокады Эрванской крепости войсками князя Цишианова в 1841 г.
Литография П. Я. Иванова.

нибудь»; «...теперь же прошу, сделав мне милость, прислать ко мне грамоту в рассуждении утверждения меня на Нахичеванское ханство, наставление и халат чрез вашего какого человека,... и также приказать майору, чтобы он приехал ко мне вскорости и вместе со мною отправилсябы в Нахичевань»¹³.

Однако неделя шла за неделей, а российский главнокомандующий с походом медлил. Сложно судить, почему всегда решительный Павел Дмитриевич на этот раз изменил своему темпераменту. Виной ли тому был страх испытать прошлогодний позор, или неизвестные нам организационные сложности, или другие причины — достоверно не установлено. Карта Аббас-Кули Хана, таким образом, оставалась пока неразы гранной.

А Келб-Али Хан не устал слать Цицианову заверения в своей преданности. Летом 1805 года он вновь попал у персидского принца в опалу и вынужден был укрыться в Эривани. Оттуда в августе хан передал россиянам тайное послание через бежавшего в Грузию армянского юзбаша: *«...Келб-Али -хан же дал мне слово и присягнул, — доносил юзбаша князю Цицианову, — что он желает вступить в высокое покровительство великого Императора Российского, с тем, что когда его примете в покровительство свое, то чтобы опять был возведен на ханство Нахичеванское и тогда какая угодно будет вашей светлости подписка, я могу взять у него и представить к вам, и при взятии Эривана может он дать пособие»^{14,15}.*

21-го августа Келб-Али Хан вновь передает россиянам, что намерен, в случае их продвижения к Эривани, выйти со своими воинами навстречу и в дальнейшем содействовать во взятии крепости¹⁶. Подтверждая свои слова, он с приближенными людьми оставляет эриванскую цитадель и разбивает лагерь за крепостными стенами¹⁷. Однако Цицианов на новый поход в ханство не решается и предложения слепого кенгерлинца не принимает.

Не дождавшись от русского главнокомандующего никакого ответа, слепой хан в начале сентября 1805 года уезжает в Нахичевань, где возвращается к своей обычной деятельности¹⁸.

Несмотря на явную тягу к России, он продолжает выполнять определенные обязательства перед Персией. Так, есть сведения, что в 1805 году хан был послан Фетх-Али Шахом против вторгшихся на территорию Хойского ханства войск баязетского паша¹⁹. А в ноябре того же года, присоединив к своему племени несколько сотен эриванских курдов, он делал попытку отбить у летучего русского отряда, пробравшегося за Араке, семью и подданных Джафар-Кули Хана Хойского²⁰. Последний факт особенно показателен. Он позволяет понять, где лежала граница между долгом вассального хана перед Персией и его политическими устремлениями.

8-го февраля 1806 года случилось событие, наложившее огромный отпечаток на всю обстановку в Закавказье. Во время свидания под стенами Баку с местным Гусейн-Кули Ханом был убит Павел Дмитриевич Цицианов. Его застрелил двоюродный брат хана — Ибрагим Бек. Русский генерал был настолько уверен, что

никто не посмеет поднять руку на главного представителя Великой Империи на Кавказе, что взял с собой на встречу с ханом всего лишь переводчика, адъютанта и казака. И поплатился за свою самонадеянность жизнью. Смерть грозного князя ослабила позиции России в регионе. Талышинский, ширванский и шекинский ханы заняли откровенно враждебную Тифлису позицию. Имеретинский царь Соломон вел переговоры с турками о совместных действиях против русских. Аббас Мирза переправился через Араке и двинулся к Шуше.

В этих условиях, как ни удивительно, Келб-Али Хан сближается с новыми российскими властями. Он налаживает контакт с офицерами приграничных воинских подразделений и списывается через Джафар-Кули Хана Хойского с занявшим пост Цицианова графом Гудовичем. Как и прежде, это не мешает ему выполнять на благо Персии свои привычные функции. Известен его приказ о сборе 500 кенгерлинских всадников для дальнейшего направления их в распоряжение Аббаса Мирзы, во главе с сыном Назар-Али, получившим к тому времени титул хана²¹. Но приготовления персидских войск к походу в Северный Азербайджан не могут оставить хана равнодушным. Возможный приход их в Нахичевань расценивается владельцем как посягательство на его личные права и заставляет все настойчивей предлагать русским свои услуги. Келб-Али Хан готовит Нахичевань к обороне против персов и просит у россиян помощи. Вот что сообщал в Тифлис через Джафар-Кули Хана Хойского его бывший вассал макинский хан: «...Если хотите знать здешние дела, доношу вам, хотя я не знаю, что вам пишет Келб-Али-хан в письме, но он мне дает полную уверенность под присягою уверить вас, что как скоро вы прибудете в Эчмиадзин, то он будет готов. Прочие же известия суть следующие: Аббас-Кули-хан занял Ордубат и, о том узнав, Келб-Али-хан поехал туда и говорил ему, что как же он делает такие дела, относящиеся к гибели их, — потом примирились; Аббас-Кули-хан поехал в Сисиан, а Келб-Али-хан остался там. ...Вы от моего господина Келб-Али-хана будьте уверены, что он в предбудущие времена не пойдет ни к шаху, ни же к шахзады (то есть к Аббасу Мирзе); он в предосторожность забрал провиант в

Наследный принц Персии Аббас Мирза.
Худ. Аллаверди Афишар. Ок. 1820 г.

крепость и имеет приготовление, имеет также переговоры с русскими, находящимися в Карабаге и Елизаветполе. Когда вы прибудете в Эчмиадзин, он с этой стороны возьмет их в Нахичевань, вы останетесь в Эчмиадзине, а ему дадите 500 человек русских для выгнания из Тавриза неприятеля»²². 10-го октября 1806 года один из соратников графа Гудовича генерал-лейтенант барон Розен сообщал главнокомандующему, что «Келб-Али-хан нахичеванский и курдские народы ожидают только прибытия российских войск к Эривани в намерении по примеру Дербента и Кубы вступить в подданство Его Императорского Величества»²³.

Разрыв нахичеванского хана с Каджарами усугублялся. Узнав о тайной переписке Келб-Али Хана с русскими, Фетх-Али Шах «пригласил» его в Тегеран. Это был обычный прием персидского владыки: если приглашенный не являлся на его зов, то официально становился в ряд слушников, со всеми вытекающими последствиями. Слепой кенгерлинец воле Шаха не подчинился. «Нахичеванский владетель Калбали-хан слушавшись троекратного приглашения Баба-хана о прибытии к нему в Тегеран и рассердивши сим Баба-хана, вооружил его против себя, ибо Баба-хан хочет теперь взять его насильно», писал 14-го ноября 1806 года графу Гудовичу генерал-майор Портнягин²³.

К счастью, персам в тот момент было не до Нахичевани, возник и разрешился их военный конфликт с Османской Империей.

В связи с этим русские имели возможность легко овладеть Эриванью и Нахичеванью. Хотя новый эриванский правитель Гусейн-Кули Хан Каджар был верен Фетх-Али Шаху, но в городе свирепствовала горячка, продовольствия было мало и полуторатысчный гарнизон таял с каждым днем. Генерал-майор Несветаев предлагал немедленно выступить в поход.

Однако граф Гудович, находившийся в то время не в Тифлисе, а на Кавказской линии в Георгиевске, получил сведения о благоприятной военной ситуации с опозданием и руководствуясь несколькими мотивами, как-то: нежеланием обострять отношения с Персией, с которой были начаты мирные переговоры, ожиданием назревающей войны с Турцией, неготовностью российских войск к походу — отклонил рапорт генерала Несветаева.

Невзирая на перенос военной операции, Россия старалась добыть лишние козыри в свою колоду политических карт. В феврале 1807 года она попыталась заполучить в свои руки находившегося в Сисиане претендента на нахичеванский престол Аббас-Кули Хана. Подполковник Котляревский, а также Мехти-Кули Хан, утвержденный незадолго до этого карабахским ханом вместо своего отца, заколотого егерями майора Лисаневича*, писали Аббас-Кули Хану, «прося его под

* Генерал-лейтенант Ибрагим Хан Карабахский, перешедший в подданство России в 1805 году, был убит вместе с несколькими членами своей семьи егерями майора Лисаневича в июне 1806 г. По ложному доносу Джамшида Мелик-Шахназарова графу Гудовичу, хан умер от случайного пулевого ранения, а не был заколот, что предполагает злонамеренность.

предлогом собственной его безопасности приехать в Шушу». Последний не отказывался, но, чувствуя неладное, с визитом тянул. На второе послание Мехти-Кули Хана кенгерлинец ответа вообще не дал. Лазутчики доставили в Карабах весть о том, что, опасаясь быть похищенным, Аббас-Кули Хан *«принял намерение выехать за границу»* и для этого просил у Аббаса Мирзы войск, *«с коими он мог перевезть на ту сторону (за Араке) жителей уезда Сисианского»*. Не медля более, Котляревский послал в Сисиан капитана с сотней солдат с указанием привезти хана в Карабах, но жертва предупредила этот шаг — 2-го февраля 1807 года Аббас-Кули Хан бежал в Персию^{24, 25}.

В первых числах марта кенгерлинцы во главе с Келб-Али Ханом, соединившись с конницей шейха эриванских курдов Хусейн Аги, выступили к юго-западной границе Эриванского ханства. Их целью было оказать помощь одному из курдских вождей — Абдул Аге, атакованному силами баязетского паши и эзерумского сераскира. После завершения военной операции нахичеванский правитель посетил Эривань, где неожиданно был задержан Гусейн-Кули Ханом Каджаром. Арест был произведен по приказу Аббаса Мирзы, недовольного отказом слепого хана впустить в Нахичевань персидские войска.

Вплоть до декабря 1807 года кенгерлинец со всей семьей содержался в Эривани, а затем был отправлен к наследнику Персии в Тебриз^{26, 27, 3}

История, к сожалению, не донесла до нас документов, иллюстрирующих встречу Аббаса Мирзы и Келб-Али Хана... Вряд ли слепец мог рассчитывать на великодушие правителя Азербайджана, поскольку много раз давал тому понять, что он враг Каджаров... И, на первый взгляд, вопреки политической логике, Аббас Мирза неожиданно освободил Келб-Али Хана из-под стражи и позволил возвратиться в Нахичевань, в ханский дворец. По-видимому, эта милость была приобретена ценой отказа от владетельных прав*.

Но мнимая дружба продолжалась недолго. В марте 1808 года кенгерлинцам было приказано разместить в нахичеванской цитадели 200 стрелков из свиты Аббаса Мирзы под предводительством Вели-Мухаммед Хана Белуджского. В то время персидский принц планировал приступить к ремонту крепости и создать в ней запас боеприпасов и продовольствия. Со вступлением в Карабах русских войск Нахичеванская провинция для персов приобрела особый статус. По ее восточной границе необходимо теперь было устроить сеть пограничных кордонов, чтобы не допустить проникновения вражеских лазутчиков. На западной границе ханства, несмотря на наличие естественной преграды в виде реки

* Аббас-Кул и Ага Бакиханов считал эриванских и нахичеванских ханов не владетельными, а титулярными, о чем подал записку в 1843 году в комитет по определению прав высшего сословия мусульманских провинциях Закавказья. Вообще же, в данном случае для прощения Келб-Али Хана вовсе не требовалось уступки владетельных прав, тем более что никаких документов по этому поводу нет. Аббас Мирза скорее надеялся на ревностное служение в ответ на его великодушие.

Аракс, также было беспокойно; турецкие курды и карапахи часто совершали набеги на мирные деревни.

Келб-Али Хан якобы по-прежнему признавался правителем провинции, а кенгерлинцы - ее хозяевами. На них должна была лечь обязанность по охране границы. Но им ставились на вид сношения с русскими: *«Клянусь величайшим богом, клянусь милостивым богом, клянусь дорогой головой его высочества принца и хлебом солью государя, — прибежища мира, — гласил фирман, данный кенгерлинцам одним из шахских сановников, — ...пока я не испущу духа, пока я жив, до тех пор в отношении высокоместного Келб-Али-хана и его губернаторства и провинции и в отношении всех кенгерлинцев кроме доброго и хорошего ничего дурного не будет, при условии, чтобы и высококородные (т.е. кенгерлинцы) так же не бегали то в ту, то в другую сторону, не посылали бы писем в Тавриз, не строили бы себе дом в каждой стороне и из опасений и страха не хватались бы за полы кого другого, кроме высокоместного Келб-Али-хана»²⁹.*

Как только персидские стрелки вошли в Нахичевань, Келб-Али Хан был схвачен. В начале апреля он, вместе со всей семьей, был отправлен в Персию. Вскоре разнесся слух, что Фетх-Али Шах его казнил³⁰. Спаситься удалось лишь одному из сыновей слепого хана — Шейх-Али Беку, который с несколькими приближенными бежал в Карабах. Там он, в присутствии командующего русскими войсками в Карабахе полковника Асеева, был приведен к присяге *«на вечную верность подданства Его Императорского Величества»*. Граф Гудович потребовал от Мехти-Кули Хана Карабахского выделить Шейх-Али Беку с его людьми несколько селений для жительства, что и было исполнено³¹⁻³². Новым правителем Нахичеванского ханства персидское правительство опять назначило небезызвестного Аббас-Кули Хана Кенгерлы³³.

Персидский всадник. Худ. А. О. Орловский.

После заключения перемирия с Османской Империей Россия вновь обратила свой взор на Персию. Невзирая на то что стороны обменивались

Худавердинский мост через Аракс. Современная фотография.

дипломатически ми документами, шла подготовка к возобновлению военных действий. Персия укрепляла Эривань и Нахичевань, Россия концентрировала свои силы на границах Грузии и Карабаха. 26-го сентября 1808 года российские войска вошли в Эриванское ханство и походным порядком двинулись к его столице. 29-го числа отряд графа Гудовича (240 офицеров и 7.506 нижних чинов) подошел к Эчмиадзину, где был торжественно встречен армянским духовенством. 3-го октября россияне были уже под Эриванью. Крепость была окружена и началась ее планомерная осада. 9-го были построены две батареи, которые начали обстрел цитадели. В это время из Карабаха в сторону Нахичевани выступил отряд генерал-майора Небольсина (78 офицеров, 3.052 нижних чина с девятью орудиями). По горным дорогам россияне вел Шейх-Али Бек Кенгерлы³¹.

Получив сведения о вторжении неприятеля, Аббас Мирза немедленно начал действовать. В Тебризе было завербовано 7.000 жителей, составивших пешее ополчение: 2.000 из них были отправлены в Эривань, 1.000 - в Нахичевань. Когда персидский принц узнал о приближении русских к Нахичевани, он сам с 4.000 ополченцев выступил к городу³².

В 18 верстах от Нахичевани, у деревни Кара-баба, отряд генерала Небольсина был атакован Аббасом Мирзой. «Ших-Али-бек с людьми своими храбро дрался против Персиян и показал отличные опыты своей верности»³². Среди русских находился также и легендарный полковник Котляревский, что явилось залогом удачного исхода дела. Войско персидского принца было отброшено и

отступило к Нахичевани. Преследуя неприятеля, 1-го ноября Небольсин подошел к городу и, при содействии Шейх-Али Бека, в тот же день занял его³³.

Кенгерлинцы и другие жители края встретили россиян совершенно спокойно, более того, оказали всестороннюю помощь. Основная заслуга в этом принадлежала, конечно, ханскому сыну. Как впоследствии писал в Петербург граф Гудович, «...но важнейшее его усердие было на пользу службы в том, что старанием его и влиянием, какое он имеет на народ Нахичеванский, войскам доставляем был во всю экспедицию генерал-майора Небольсина провиант и все потребности, при чем также Ших-Али-бек при случившихся несколько раз тревогах от Персидских войск тотчас собирал и давал свою конницу, затем и при возвращении сего отряда в Карабах он оказал всю возможную помощь и искреннюю верность к Всероссийской державе»³⁴.

Получив донесение о занятии Нахичевани, граф Гудович составил и приказал распространить среди жителей свое обращение (которое почему-то было озаглавлено как «Обещание...»), в котором, в частности, говорилось: «Вы видели приход высокочлавных войск... Я по Высочайше данному мне полномочию призываю вас ныне, как новых верноподданных Всероссийской Империи возвратиться каждый в свое место под сильную защиту победоносных российских войск и спокойно поселиться в жилищах ваших предков. ...По добровольном возвращении вашем каждому из вас предоставлены будут прежние права и преимущества и собственность ваша... От вас же я требую только, чтобы навсегда пребыли непоколебимо верными Высочайшему Всероссийскому престолу и были бы спокойны. Прервали всякую связь и сношение с неприятелями Всероссийской Империи; также для войск доставляли бы хлеб, скотину и все потребности, за что, уверяю вас, будет всегда платимо по цене умеренной и сходной»³⁵.

Тем временем дела под Эриванью у русских не клеились. Невзирая на то что осаждающие сумели отвести от крепости воду и защитники вынуждены были добывать ее из реки Занги под огнем артиллерии и стрелков, эриванцы продолжали держаться. Российские пушки сбили две башни и заставили замолчать находившиеся на них орудия, но комендант Гасан Хан на предложения о сдаче отвечал решительным отказом. Правитель Гусейн-Кули Хан с конным отрядом находился в окрестных горах. В 5 часов утра 17-го ноября начался штурм крепости, который окончился неудачей. После совета всех офицеров 30-го ноября главнокомандующий свернул свой лагерь и во главе отряда двинулся по дороге на Грузию.

Одновременно генералу Небольсину было предписано отступить в Карабах: «На случай при выступлении из Нахичевани возьмите с собой в Карабахское владение всех тех жителей, которые сами переселиться пожелают, и усердного Ших-Али-бека, обещая ему за оказанное усердие непременно награждение; а между тем при отступлении жителей уведомите, что весной еще войска придут и в большем числе»³⁶. Небольсин оставил Нахичевань 1-го декабря, а вслед за ним в город

вступил Аббас-Кули Хан со своей конницей. Он отправил для преследования росиян своего сына (по сведениям русских источников, с 3.000 воинов). Персы непрерывно совершали нападения на колонну Небольсина в течение нескольких дней. 4-го декабря Аббас Мирза со своим ополчением прибыл в селение Кара-баба и на следующий день атаковал россиян всеми силами. Упорное сражение длилось до самого вечера, контратака Небольсина заставила персов ретироваться. Россияне продолжали движение и 8-го декабря пересекли границу Карабаха.

Так закончилась неудачная для России кампания 1808 года. Расстроенный неудачами, граф Гудович просил Государя об отставке. За несколько дней до оставления должности он успел выполнить взятое на себя обещание — довести до сведения Императора об услугах Шейх-Али Бека и *«ходатайствовать о его пользах»*³⁷. Иван Васильевич просил графа Салтыкова добиться для сына слепого хана *«награждения полковничьим чином с жалованьем по чину серебром, которое тем для него необходимо, что он сам и с людьми своими, вышед в Карабаг без всякого имущества, находится в крайнем положении»*³⁸.

Слухи о гибели Келб-Али Хана оказались сильно преувеличенными. Он всего лишь находился под арестом в Персии. Обладая необычайным даром убеждения, кенгерлинец прилагал все силы, чтобы добиться у Шаха смягчения своей участи. К весне 1809 года отношения Келб-Али Хана с Фетх-Али Шахом и Аббасом Мирзой, по-видимому, стали теплеть. В апреле месяце старший сын слепого кенгерлинца Назар-Али Хан пробрался на российскую территорию в Карабах, к деревне Даравазу («Ворота»), в которой находился со своими приближенными Шейх-Али Бек. Старший брат убедил младшего бежать в Персию. 5-го мая вместе со своими подвластными, изменив российской присяге, Шейх-Али Бек тайно оставил Даравазу. Через несколько дней беглецы были уже в Тебризе³⁹.

Исследованные нами источники ни дают никаких сведений относительно того, существовала ли в те годы в Нахичевани ханская власть. Продолжалась русско-персидская война, и город находился в ближайшем тылу фронта. Из него делались набег в захваченный россиянами Карабах. Среди персидских военачальников обращает на себя внимание некий Керим Хан Кенгерлы, который являлся постоянным участником налетов на неприятельскую территорию. И хотя прямого подтверждения у нас нет, но косвенные данные двух источников позволяют утверждать, что Керим Хан являлся родным братом Келб-Али Хана³⁹⁻⁴⁰.

Керим Хан становится главным конкурентом своего слепого брата за место первого лица в Нахичевани. Аббас-Кули Хан же к тому времени уже сошел с политической сцены. В документе, датированном 1810 годом, он упоминается как умерший⁴¹. В другом документе вскользь проходит информация, что он был казнен⁴².

Весной 1810 года начавшиеся было мирные переговоры Аббаса Мирзы и нового главнокомандующего в Тифлисе генерала Торماسова были прерваны.

Керим Хан, названный в документе того времени нахичеванским ханом (!), получил повеление персидского принца вторгнуться в Карабах. Кенгерлинцу было направлено подкрепление; в Нахичевань вошло 1.000 человек ополченцев⁴³. В первых числах июня отряд Керим Хана оперировал уже в Карабахе... Он прикрыл дороги к селению Мигри — ключевому пункту на левом берегу Аракса, занятому персидской пехотой, переправившейся через реку по Худаферинскому мосту. Так как обладатель Мигри, вследствие природной неприступности укрепления, мог контролировать вход в Карабах и со стороны Карадагского, и со стороны Нахичеванского ханств, командир находящегося в урочище Чардахлы (бывшего Гянджинского ханства) русского отряда генерал Небольсин приказал полковнику отляревскому с батальоном 17-го егерского полка занять этот важный пункт. Двигаясь по предписанию, Котляревский наткнулся на подразделение Керим Хана, атаковал его и вынудил отступить к Ордубаду. Затем Петр Степанович ночной атакой овладел Мигри. Командир занимавшего Мигри гарнизона Пир-Кули Хан бежал за Араке — в Карадаг, а Керим Хан — в Нахичевань⁴⁴.

*Персидский всадник.
Литография XIX в.*

Недовольный действиями своих военачальников, Аббас Мирза сам выехал на фронт. Келб-Али Хану было доверено также принять участие в боевых действиях — он был послан персидским принцем для блокирования Мигри. Основной задачей слепому хану ставилось не допустить прорыва войск генерала Небольсина к гарнизону полковника Котляревского^{45,46}. В первых числах июля Келб-Али Хан успешно выполнил приказание Аббаса Мирзы⁴⁷. Главным силам россиян так и не удалось прорваться к Мигри, и, несмотря на неудачу персов при осаде селения, кенгерлинец проявил себя с самой лучшей

стороны. Как результат, неудачливый Керим Хан под караулом был отправлен в Тегеран, а Нахичеванское ханство передано в управление старшего сына Келб-Али Хана — Назар-Али Хана⁴⁸.

Однако политическое счастье изменчиво: в 1813 году правителем Нахичевани стал вновь Керим Хан, в 1816 году - опять Келб-Али Хан, а после 1820

года — снова первый⁴⁹. По большому счету, кто оказывался, по милости Шаха, первым лицом ханства, а кто просто чиновником или военачальником, было уже не важно, так как правители Нахичевани в рассматриваемый период уже утратили владетельные права. Документы свидетельствуют, что после ареста Келб-Али Хана весной 1808 года и установления нового порядка даже самые незначительные вопросы решались уже не ханом, а Аббасом Мирзой. Хан передавал в казну персидского принца все доходы, полученные в провинции, включая торговлю сельскохозяйственной продукцией и солью, добываемой на Кульпинском промысле. В свою очередь, некоторые представители ханского семейства, знатные беки, чиновники, духовенство, а также кенгерлинские султаны-военные, находящиеся на персидской службе, были пожалованы пенсиями, а некоторые — тиульными деревнями⁵⁰. К Аббасу Мирзе обращались даже с самыми мелкими бытовыми тяжбами, не говоря уже о том, что Наследник Персии сам назначал чиновников провинции, отдавал приказы кенгерлинскому племени, менял самого правителя по своему усмотрению. Семьи Келб-Али Хана и Керим Хана даже в известной степени примирились — один из сыновей слепого кенгерлинца, Эхсан Бек, взял себе в жены единственную дочь своего политического противника — Бадыр-Ниса Бегум⁵¹.

Сыновья Келб-Али Хана служили офицерами в персидской армии, которая быстрыми темпами реформировалась английскими военными инструкторами.

Что касается внутривидовой иерархии кенгерлинцев, то в период персидского владычества она приобрела следующий вид. Должность хакима Нахичевани занимал один из представителей Ханской Семьи, по выбору персидских властей. При этом существовал пост так называемого векиля (главы племени) Кенгерлы, который решал вопросы, касающиеся исключительно управления кенгерлинцами, а также отвечал за целостность государственных имуществ и обязан был выставить, в случае войны, свою конницу. Он и был главным помощником хана. В рассматриваемый период векилем племени был старший представитель бекской линии рода — Лютф-Али Султан Керим Султан оглы. Он относился к ветви кенгерлинцев, называемой Билиджи (дословно «знающий», «знаток» -азерб.), имеющей наибольший вес и представительство в племени.

Осенью 1812 года был сыгран один из последних эпизодов первой русско-персидской войны. На рассвете 19-го октября Котляревский, во главе отряда в 1.500 человек пехоты, 500 казаков и шести орудий, переправился через Араке и, совершив обход в 70 верст, неожиданно атаковал лагерь персидской армии. Азиаты, бросив все имущество и 36 орудий, бежали в крепостцу Асландуз, которая также пала под ударом новоиспеченного генерала в ночь на 20-е октября. Всего было истреблено около девяти тысяч персидских ополченцев. Среди 537 пленных сарбазов находился один полковник (сергенк) — это был наш старый знакомый Шейх-Али Бек.

В отличие от других узников, он вскоре был отпущен в Персию. *«Что же касается до пленного Персидского полковника Ших-Али-бека, сына бывшего в Нахичевани ханом слепого Келб-Али-хана, — доносил в Петербург главнокомандующий войсками в Грузии генерал Ртищев, — то сему на честное слово дал я свободу с тем, что он по известной недоверчивости Персидского правительства ко всей их фамилии, не считая себя безопасным в Персии, обещал, забрав все свое семейство и подвластных ему людей, выбежать в Карабаг и поселиться в границах здешнего края, предав себя навсегда в подданство Его Императорского Величества»*⁵².

Выполнить свое обещание Шейх-Али Бек сумел только через 15 лет.

1-го января 1813 года Котляревский штурмом овладел крепостью Ленкорань и этим последним своим подвигом (сам генерал во время атаки получил три тяжелые раны — в глаз, челюсть и ногу) поставил точку в войне. 12-го октября в карабахском селении Полистан генерал-лейтенант Николай Ртищев и шахский сановник Мирза Абдул-Гасан Хан скрепили своими подписями *«Трактат вечного мира и дружбы»*. Оставляя неурегулированными массу вопросов относительно межгосударственной границы в Карабахе и Тальше, Гюлистанский мирный договор четко указал на то, что Нахичевань и Эривань являются территорией Персии... Келб-Али Хан должен был на время оставить мысль использовать Россию как противовес державе Каджаров*.

* В то же время были силы, недовольные скорым, с их точки зрения, окончанием войны. Они мечтали об ее продолжении и дальнейшей экспансии России на юг. Им, естественно, независимость Нахичеванского и Эриванского ханств была ни к чему. Такие силы были и в окружении Келб-Али Хана, и в окружении Сердара Эриванского.

Глава 3

Переход семьи на российскую службу

Благодаря обширным связям и большому влиянию в регионе, Келб-Али Хан мог добыть необходимую информацию и взяться за выполнение практически любой задачи. Летом 1815 года он приезжает в Тифлис по делу царевича Александра. Кенгерлинец берется убедить сына Ираклия II оставить Дагестан, где тот пытался поднять на русских всегда готовых к набегам лезгин, и перевезти его в Персию, под покровительство Шаха. С Келб-Али Ханом были двое слуг царевича, а также векиль кенгерлинского племени Лютф-Али Султан. Они везли Александру Ираклиевичу 1.500 рублей серебром и платье¹. Оба кенгерлинца были приняты Ртищевым *«по их достоинству со всем уважением»* и неоднократно имели с главнокомандующим *«объяснения по поручениям, на них возложенным»*². Лютф-Али Султан спустя некоторое время выехал в Нуху, для вывоза в Персию, с разрешения Ртищева, родственников покойного Джафар-Кули Хана Шекинского (бывшего Хана Хойского). Келб-Али Хан же остался в Тифлисе ожидать от Александра ответа на обращения Аббаса Мирзы и генерала Ртищева, которые повезли к нему слуги царевича вместе с российским представителем. Вскоре от мятежного потомка Багратидов был привезен отзыв: царевич вежливо отказывался от предложения российского сановника принять подданство Российской Империи и приехать в Тифлис; в письме на имя Келб-Али Хана он высказывал сомнения относительно совместного следования в Персию, ссылаясь на опасность быть схваченным россиянами; в устной же форме он просил передать слепому хану, что готов выехать туда, куда тот укажет, для тайного проезда в Эриванское ханство, но только после уплаты лезгинам нажитых в Дагестане долгов. Так как полномочий вывозить Александра Ираклиевича нелегально кенгерлинец не имел, то ему ничего не оставалось, как покинуть Тифлис. Генерал Ртищев снабдил его сопроводительным письмом к Аббасу Мирзе, в котором, в частности, говорилось: *«...Сего отличного чиновника, коего поведением весьма доволен, почел за нужное отправить обратно к вашему высочеству и усердно просить о милостивом вашем к нему благоволении, так как достоинства его справедливо сего заслуживают»*³.

Ничего существенно не поменялось в отношениях Нахичевани и Тифлиса и с назначением на пост главноуправляющего в Грузии в 1816 году генерала Ермолова. И хотя Александр Петрович *«единственным способом улучшения порочных и к обороне неспособных границ»* считал *«приобретение от Персии ханств, лежащих до левого берега реки Аракса»*, однако, имея под ружьем более 43.000 солдат, 11.000 казаков, полк регулярной кавалерии, не считая нескольких тысяч конных азербайджанцев из покоренных ханств, он не решился предложить Императору начать новую войну⁴. В апреле 1816 года Ермолов выехал с мирным посольством в Персию и по пути побывал в Нахичевани. Советник посольства Соколов оставил после этого визита в своем дневнике следующие записи:

«10-го мая. Посольство продолжало путешествие до Хоки. На половине перехода до сего места выехал послу на встречу с небольшим отрядом конницы Махсют-хан, племянник Нахичеванского хана.

11-го. Переход до города Нахичевана. На половине дороги выехали на встречу другие два брата Нахичеванского хана, племянник его и внук с немалым отрядом конницы; версты же за 4 от города встретил посла и сам Нахичеванский Кеалб-али (лишенный зрения Ага-Магомед-ханом, властвовавшим в Персии, предместником нынешнего Фет-Али-шаха) со свитою, а за версту от города расставлено было фронтом земское войско по одну сторону и в один ряд, нестройностью и прочим от Ериванского не отличавшееся. Хан проводил посла до самого дома квартирования его превосходительства со всею свитою, кроме команд и обоза, помещавшихся вблизи лагерем. Дом сей принадлежал прежде предместнику Кеалб-Ачи-хана брату его Керим-хану.

12-го. Было здесь отдохновение. Утром посол со свитою посетил Кеалб-Али-хана, нас угостившего.

13-го. Рано по утру выехало посольство из Нахичевана. Кеалб-Али-хан вознамерился было проводить посла из города и для того явился уже к отъезду; но его превосходительство убедил его возвратиться домой. До переправы через реку Аракс препровождали посла двое из братьев его с конным конвоем»⁵.

Ермолов, впечатленный историей с ослеплением хана, отнесся к нему с особым участием и уважением. Покидая Нахичевань, он писал: *«Но странно смотрели на мое соблезнование провожавшие меня персияне. Рабы сии из подобострастия готовы почитать глаза излишеством... И ничто не изгладит моего презрения, которое я почувствовал к персидскому правительству»⁶.*

Интересны воспоминания о Нахичевани и ехавшего с посольством Николая Муравьева:

«Сперва встретили посла дети хана Нахичеванского, а после слепой Назар-Али-хан, управляющий Нахичеванским ханством (молодой офицер, конечно, перепугал имя. Речь идет о Келб-Али Хане, а не о его сыне). Ему глаза были вырезаны за одно только подозрение на него в привязанности к Русским. Доброе

лицо старика внушает уважение, а увечье его — сострадание... Конница сопровождала старого слепца и забавляла нас всю дорогу до города. В Нахичевани были мы приняты очень хорошо; старик хан, бедный человек, но принял нас, как мог лучше»¹.

На обратном пути из Тебриза Ермолов опять побывал в доме Келб-Али Хана, и вновь оставил записи в своем дневнике: *«Он один чувствует гнусность правления, которому крайность одна заставляет его повиноваться. Он имеет твердость смело рассуждать о нем и самим персиянам выхвалять преимущества правления российского. Действительно, старый и слепой хан, только недавно возвращенный на ханство, оставивший притом сына своего в заложники в руках персидского двора, научился смотреть дальше своих соотечественников очами души. Теперь Вы, - говорил хан Ермолову, — посол сильнейшего Государя в мире, удостоиваете меня Вашей приязни и не пренебрегая бедного жилища моего, позволяете принять меня, как друга. Не измените тех же чувств благорасположения, Господин посол, когда непреодолимые войска Государя Вашего войдут победителями в эту страну. Хотя приближаюсь я к старости, но еще не скоро сокрушит она мои силы, и последние дни жизни моей успокою я под сильною защитою оружия Вашего»⁶.*

В дальнейшем Келб-Али Хан оказывал небольшие услуги россиянам; им был доволен глава дипломатической миссии в Персии Мазарович. Тем не менее, всячески стараясь поддерживать дружеские отношения с администрацией Ермолова, слепой кенгерлинец не желал, без надобности навлекать на себя гнев Шаха и Аббаса Мирзы. Это хорошо иллюстрирует следующий случай. Когда секретарь поверенного в русских делах в Персии Александр Сергеевич Грибоедов в 1819 году выводил из Персии в Грузию пленных русских солдат прошедшей войны, то неожиданно получил в Нахичевани холодный прием. Дело было в том, что персидский принц, мягко говоря, не приветствовал возвращение России этих пленников, и хотя вынужден был, по Гюлистанскому договору, выдать Александру Сергеевичу фирман на их следование к границе, но все пограничные начальники, в том числе и Келб-Али Хан, получили указание уклоняться от помощи отряду

Грибоедова*. Потом русский дипломат докладывал по начальству следующее: *«Теперь, чтобы поставить Вас в известность, что со мной происходит, расскажу Вам про Нахичевань. Меня там пригвоздили, так сказать, на два мучительных дня. В первый день к вечеру еще принесли некоторые припасы, на следующий день не выдали ничего, отказали мне в лошадях и запретили строго-настрого червардарам поставлять их мне за деньги. Мехмендар оправдывался передо мной, что вся эта путаница происходит от Хана, а Хан возражал, что, поскольку срок действия фирмана истек в Нахичевани, он не обязан обо мне заботиться, и даже, что в его городе нам вообще не обеспечено законное покровительство, а косвенным путем меня предупредили, что меня вполне могут взять под арест впредь до нового приказа из Тавриза. По приезде моем Кельбель-Хан отказался меня видеть, отговорившись делами гарема, куда он в тот момент запрятался. Он назначил мне свидание на другой день, я полтора часа его прождал, он так и не появился, и в конце концов велел меня отпустить, выставив поводы слишком пустые, чтобы здесь их повторять. А Вы, милостивый государь, еще хороши отзываетесь об этом грубияне»⁸.*

В 1820 году, предчувствуя скорую смерть, Келб-Али Хан оставил свой пост и отправился в поездку к святым для мусульман местам. По семейной легенде, он скончался по возвращении из Хаджа в 1823 году**. Преемником его стал старший сын, который, по воле Аббаса Мирзы, был вскоре сменен более преданным Керим Ханом Кенгерлы⁹.

С уходом из жизни слепого кенгерлинца Россия потеряла человека, способного помочь ей в захвате не только Нахичевани, но и, при определенной ситуации, Эриванской и Хойской провинций, и территорий Азербайджана вплоть до самого Тебриза. Влияние Келб-Али Хана распространялось на кочевые общества, воинственных курдов и карапахов, соседних правителей, которых он способен был привлечь в союзники российским войскам. Однако со смертью старого хана не прервалось поколение приверженцев России. Он посеял семя, которое вскоре дало свои всходы.

Сыновья слепого хана находились на персидской службе. Назар-Али Хан, как наследник, вынужден был проживать в Тегеране в числе заложников верности отца. Он участвовал в войне с Россией и несколькими своими заслугами стяжал себе доверие Фетх-Али Шаха и Аббаса Мирзы. Одно время он даже был губернатором Нахичевани. Однако больших способностей не выказал, впоследствии ушел со службы и жил в ханстве крупным помещиком.

Известный читателю Шейх-Али Бек прогремел в 1808 году, приведя в ханство русские войска. Затем он вернулся на персидскую службу, был прошен и

* Дипломатическая служба Грибоедова являлась прикрытием его весьма успешной разведывательной деятельности.

** Смерть во время Хаджа почитается мусульманами как особая милость Всевышнего.

получил звание сергенка. Аббас Мирза поручил ему в управление райский уголок ханства — Азаджиран. Дважды изменив за свою жизнь Каджарам и дважды русским, Шейх-Али Бек ничем особенным, кроме этого, себя не проявил.

Фарадж-Улла Бек и Мехти Ага - младшие из братьев — были еще слишком юными. В первом из них билась военная жилка, что и проявилось впоследствии при успешном командовании кенгерлинской конницей.

Самым способным из братьев был, несомненно, Эхсан Бек. Это был классический тип кавказского хана-воина, образ которого резко контрастировал с тем, каким мы привыкли представлять себе изнеженного владыку любой из персидских областей. С подросткового возраста Эхсан Бек пропадал целыми неделями на охоте. В горах он стрелял туров, в камышах Араксской поймы выслеживал тигров. Пастухи высокогорных яйлагов не узнавали своего повелителя в джигите, облаченном в простую серую чоху и такую же скромную папаху. И только дорогое оружие и великолепный скакун выдавали в охотнике высокий род. Великодушный и доступный, он вызывал лишь восхищение и симпатию. О нем слагали легенды¹⁰.

Когда пришел срок, Эхсан Бек поступил на государственную службу. Он быстро выдвинулся из числа таких же, как он, отпрысков кызылбашских вождей, отличившись в ходе персидско-турецкой войны 1821 -1823 годов. В 1822 году Фетх-Али Шах наградил его титулом Хана и приказал «*титловать и величать*» «Али-Джахом», то есть «Высокоместным». Вскоре в чине сергенка Эхсан был назначен командиром Нахичеванс-кого батальона сарбазов, который составил гарнизон новой крепости Аббас-Абад*. В знак особого расположения Аббас Мирза назначил его заведовать своим любимым развлечением — псовой охотой¹².

В 1826 году случилось то, что должно было случиться, - Аббас Мирза решил вернуть Персии те земли, которые отняла у него Россия. Все последние годы персидский принц с помощью английских инструкторов реформировал свою армию, строил литейные заводы, арсеналы, новые крепости, затем удачно проверил войска в войне с Османской Империей и, наконец, осмелился напасть на своего главного соперника. ** Персы перешли по Худаферинскому мосту Аракс

* Крепость Аббас-Абад, построенная по инициативе самого принца, была его любимым детищем, и служба в ее гарнизоне обещала быстрый карьерный рост. Непосредственным начальником Эхсан Хана некоторое время был французский офицер на персидской службе в чине сертипа (генерал-майора) Теодор Этье (1797-1846), который командовал формированием из двух батальонов — Нахичеванского и Марандского. Этье переписывался с А. С. Грибоедовым и, по косвенным данным, был российским осветителем.

** Успешная война с Османской Империей была инициирована не безучастия Грибоедова и тех сил, которые хотели столкнуть Персию с Россией. После того как гвардия отказалась присягать Николаю I, им удалось убедить Аббаса в ослаблении власти в России, и принц решил начать боевые действия.

и вошли в Карабахское ханство. Более полутора месяцев они осаждали Шушу. Герой Отечественной войны генерал Ермолов долгое время бездействовал, что позволило авангарду шахской армии занять Елизаветполь и продвинуться к самой грузинской границе. Одновременно вспыхнуло народное восстание против россиян в Тальшинском и Ширванском ханствах.

Кенгерлинские всадники воевали в составе персидской армии. В начале боевых действий они вместе с силами эриванского сердара заняли Шурагель и преследовали россиян, отступавших к Тифлису¹³.

Быстрые успехи персидской армии и нерешительность Ермолова заставили нового Государя Николая I Павловича прямо с торжеств, проходящих по случаю его коронации в Москве, направить на Кавказ своего «отца-командира» генерал-адъютанта Паскевича*. С прибытием Ивана Федоровича в Тифлис и принятием им командования над подразделениями, действующими против Елизаветполя, ситуация для россиян стала меняться в лучшую сторону. После выигранных сражений под Шамхором (3-го сентября 1826 года) и у Елизаветполя (13-го сентября) Паскевич принудил Аббаса Мирзу отступить за Араке. Авангард русского отряда под предводительством Мадатова преследовал персов, но между нахичеванским селением Хензирек и карабахскими Герюсами был окружен конной частью под командой одного из карабахских беков — Хаджи Агалара, в составе которой был Кенгерлинский полк. В результате боя, о котором русские источники умалчивают, к азербайджанским всадникам в руки попало около 1.000 пленных и 6 горных пушек¹³. Тем не менее, к концу 1826 года Россия вытеснила персов за довоенные границы.

Кампанию 1827 года Паскевич начал уже в ранге главнокомандующего на Кавказе, так как генерал Ермолов за свое бездействие был отозван и подал прошение об отставке**. Весной Иван Федорович отправил в Эриванское ханство авангард под начальством генерал-адъютанта Константина Бенкендорфа, а в июне с главными силами сам прибыл под Эривань.

Все должностные лица Кавказского корпуса готовились к предстоящему походу на Тебриз. В частности, управляющий Карабахом полковник князь Абхазов должен был создать на границе с Нахичеванским ханством провиантские склады.

* Под начальством Паскевича Николай I, будучи еще Великим князем, командовал бригадой в 1-й гвардейской пехотной дивизии. Кроме того, в 1816 году они совершили совместное путешествие по России с образовательной для Великого князя целью, во время которого очень сблизились. Вместе с Паскевичем прибыл генерал Денис Васильевич Давыдов.

** По словам Грибоедова, Ермолов *«слишком уважал неприятеля, который этого не стоил»* [Письмо к С. Н. Бегичеву, 9 декабря 1826 г.]. Но основной причиной увольнения стал конфликт с Паскевичем, который уличил его любимца Мадатова в мздоимстве при поставках продовольствия и фуража в действующую армию.

А. П. Ермолов.
Неизвестный художник. 1815 г.

Сделать это было чрезвычайно сложно вследствие скудности ресурсов разоренной провинции. Логика подсказывала штаб-офицеру, что лучшим выходом из трудной ситуации был бы захват более богатой Нахичевани. На территории ханства боевые действия не велись с 1808 года. И тогда Абхазов принял на первый взгляд довольно странное решение — лично обратиться к Эхсан Хану Кенгерлы с предложением «сдать Нахичевань, уведомив предварительно о всех запасах и силе находящегося в крепости Аббасабаде гарнизона»¹⁴. Нет сомнений, что столь прямолинейного письма к кенгерлинцу не состоялось бы, не будь князь уверен в лояльности и заинтересованности адресата. Абхазов служил в Карабахе еще при Котляревском и, естественно, не мог не знать о вражде семьи Келб-Али Хана с Каджарами. История пока не открыла нам документов, свидетельствующих о тайных контактах сыновей слепого хана с администрацией Паскевича. Лишь об одном послании Паскевича к нахичеванским ханам, доставленном неким Сафразом Сааковым, упоминал Грибоедов в письме к Паскевичу от 29-го ноября 1828 года. Но даже если никаких связей между сторонами до июня 1827 года не существовало, своим ответом Эхсан Хан, без сомнения, заставил Паскевича пожалеть об этом. Как докладывал Абхазов начальству, «Хасан-хан (Эхсан Хан) охотно изъявил на то (сдачу Нахичевани) согласие и, прислав ко мне секретно на урочище Арикли своего человека, уведомил, что он имеет для 1.000 человек 4-месячную порцию продовольствия и что гарнизон в Аббасабаде состоит из 1.000 сарбазов и 18-ти пушек»¹⁴.

Следующим шагом управляющего Карабахом было добиться от хана выдачи заложника. Абхазов потребовал от кенгерлинца «для окончания в переговорах, выслать к Ак-караван-сараяу брата своего и большого любимца племянника». Через некоторое время, «сверх чаяния» полковника, в Шушу из Нахичевани прибыл нарочный, который привез сведения о планах персов, а также объявление, что хан «приглашает занять теперь-же Аббасабад, и что он... решительно сдаст крепость сию с запасами и гарнизоном и в доказательство сего не только что вышлет требуемых родственников, но сам непременно выедет навстречу войск за 20 и более верст, не доходя Аббасабада». Кроме того, кенгерлинец обещал, «что с занятием онаго брат его Ших-Али-бек, начальствующий в Ордубаде, не замедлит сдать и сей город с провинцией»¹⁴.

Таким образом, у россиян появился в Нахичевани тайный союзник, на которого можно было рассчитывать при захвате ханства, а главное - при взятии крепости Аббас-Абад.

Итак, в июне 1827 года корпус Паскевича стоял под Эриванью. О том, что войска пойдут на Нахичевань, не знали даже близкие главнокомандующему офицеры. Паскевич хранил это в глубокой тайне, упорно распространяя между кочевниками слух, что намерен пока ограничиться одной блокадой Эривани. 21-го июня корпус неожиданно перешел речку Гарни-чай и двинулся по нахичеванской дороге. Впереди шел авангард под начальством генерал-лейтенанта князя Эристова. До города россиянам надо было пройти 72 версты.

Н. Н. Муравьев

В 25 верстах от Нахичевани, у селения Хок, князя Эристова встретила выдвинувшаяся из столицы ханства конница Аббаса Мирзы. Об этом сражении русские источники практически ничего не пишут, зато персидский военный писатель конца XIX века Джемиль Казанлу дает следующие сведения: «...Эристов двинулся к Нахичевани. Навстречу ему пошел Аббас-мирза. У селения Хук произошел бой, продолжавшийся несколько дней. Бой шел в самом селении. Персы дрались в рукопашную. Авангард Нахичеванского Сердара Керим Хана дошел до самого штаба Эристова и произвел большое смятение в русском лагере. После боя у Хука персидские полки очистили Нахичевань и перешли на линию Аракса. Главная квартира была переведена из Нахичевани в Чешме Шахи»¹³.

К вечеру 26-го июня русские войска подошли к Нахичевани. Их никто не встречал. Передовые казаки заметили вдали только несколько неприятельских всадников, которые вскоре скрылись. В штабе Паскевича знали, что это был Керим Хан Кенгерль, который оставил свою столицу и удалился в сопровождении нескольких нукеров¹⁵.

Паскевич ожидал увидеть депутацию из города, но Нахичевань оказалась пуста, жители бежали накануне. Внимание главнокомандующего привлек ханский дворец, выстроенный на круче на южной окраине. Он поселился там вместе с Бенкендорфом и Грибоедовым. Солдаты и казаки тем временем «инспектировали» дома нахичеванцев. В результате, невзирая на

попытки главнокомандующего остановить беспорядки, город был разграблен. Даже ханский дворец пострадал - все дерево, включая дорогую мебель, было пущено на дрова. Наконец, воины были кое-как собраны в свои подразделения, и корпус стал лагерем на равнине под окнами Паскевича, в стороне, «смотрящей» на Аббас-Абад¹⁵.

29-го июня Паскевич лично провел рекогносцировку персидской крепости, а 1-го июля отряд встал лагерем в 2,5 верстах от нее, правым флангом к Араксу, тылом к нахичеванской дороге. Начались осадные работы. В 350 саженьях от цитадели был заложен редут на 6 орудий, и утром 3-го июля первые ядра полетели через крепостные стены.

Буквально перед приходом россиян в Аббас-Абад были введены Тебризский батальон, под командованием Мамед-Риза Хана, и бахтияры. Общая численность гарнизона достигла 3.000 человек. Эхсан Хан сдал должность коменданта зятю Шаха Мамед-Эмин Хану, сохранив при этом только начальство над нахичеванскими сарбазами.

На первое предложение Паскевича о капитуляции крепости Мамед-Эмин Хан ответил категорическим отказом.

Первые дни осады удивление россиян вызывало то, что во время проведения осадных работ из крепости не раздалось ни одного выстрела. Впоследствии выяснилось, что Эхсан Хан намеренно приказал своим сарбазам не открывать огонь¹⁶.

Тем временем Аббас Мирза с собранным в Хое ополчением, численностью около 16.000 человек, двинулся к Араксу с юга. Не ожидая его подхода, русский отряд переправился через реку и пошел ему навстречу. У ручья Джебав-Булак 5-го июля произошло сражение, в котором северяне одержали полную победу. Персы были отброшены.

Вернувшись к Аббас-Абаду, Паскевич еще раз предложил его защитникам сдаться. Под залпы артиллерии на виду гарнизона были выставлены захваченные накануне у персов знамена.

Внутри цитадели также происходили бурные события. По свидетельству Паскевича, командующий Нахичеванским батальоном сарбазов Эхсан Хан *«возстал с оным против остальной части гарнизона и тем много содействовал сдаче нашим войскам означенной крепости»*¹⁷.

Портрет А. С. Грибоедова.
Худ. В. И. Мошков. 1827 г.

Более подробные сведения дает офицер штаба Паскевича, впоследствии наместник Его Величества на Кавказе — Николай Муравьев:

«Махмед-Амин-Хан, сардарь, зять шаха, коему поручена была крепость, был человек слабый, и хотя он противился сдаче крепости, но не имел довольно воли, чтобы удержать Яхсен-хана. При сем беспорядке бежал из крепости один султан или ротный командир Эйкали*, единственный порядочный человек, который в ней находился и который не мог забыть оскорбления, нанесенного ему после Кисаветпольского сражения в 1826 году Аббас-Мирзою, выбрившим ему половину бороды. Эйкали-султан преданся к нам и уведомил о беспорядке, существующем в крепости... Вскоре за Эйкали-султаном явился один майор для переговоров о сдаче крепости...»¹⁶.

Во время этих событий к главнокомандующему явился Керим Хан Кенгерлы. Он продолжал служить Аббасу Мирзе, но, предвидя неудачу персов, просил у Паскевича ханство, обещая служить России. Иван Федорович, не зная его совсем, не имел возможности дать определенного ответа. Гордый кенгерлинец уехал и с тех пор сделался заклятым врагом россиян, а также и своего зятя Эхсан Хана, впоследствии получившего его место¹⁶.

6-го июля, наконец, состоялось соглашение о сдаче Аббас-Абада. Вот рапорт об этом генерала Паскевича:

«Гарнизон оробел. Комендант Мамед-Эмин-хан прислал ко мне письмо в самых покорных выражениях, но просил трехдневный срок для размышления. Я отказал ему в этом. По пробитии вечерней зари явились ко мне Начальники батальонов Иахичеванского и Тавризского: Эхсан-хан и Мамед-Риза-хан. К условиям, упомянутым в прокламации, прибавлена малая отмена словесно, на которую я согласился: два хана остаются свободными и могут проживать в новопокоренной нами области. Нахичеванский батальон просится быть употребленным на действительную службу против неприятеля, почтя себя уже в числе верноподанных Российского Императора, ежели нет, то распустить сарбазов по домам. Тавризский батальон и Бахтиары сдаются военнопленными; некоторым престарелым и женатым позволяет возвратиться в дома свои. Главнначальствующий Мамед-Эмин-хан, зять шахский, сдается военнопленным, вручает победителям ключи от крепости, знамена и 18 пушек»¹⁸.

На следующее утро, в 7 часов, гарнизон положил оружие и выстроился при полном параде на крепостном гласисе. Мамед-Эмин Хан со старшинами вышли из ворот и поднесли русскому генералу ключи от Аббас-Абада. Нахичеванский и Тебризский батальоны прошли перед Паскевичем

* Речь идет, по-видимому, об Зейнал-Султане Кенгерлы, впоследствии перешедшем на российскую службу и произведенном в чип капитана.

церемониальным маршем, их командиры вручили Ивану Федоровичу свои знамена. Лейб-гвардии Сводный полк, состоявший из сосланных на Кавказ декабристов, с распущенными стягами и музыкой вошел в крепость и выставил караулы. Церемонию сдачи цитадели завершило торжественное «*молебствие*» при 101 пушечном выстреле из трофейных орудий.

Так Эхсан Хан сдержал свое обещание и помог россиянам в захвате Аббас-Абада.

13-го июля комендантом и управляющим Нахичеванской областью был назначен генерал-майор барон Остен-Сакен. В его руках была сосредоточена вся военная и высшая административная власть. Гражданские же дела и непосредственное управление жителями временно были предоставлены в ведение Эхсан Хана и его брата Шейх-Али Бека.

Тут необходимо упомянуть о том, что с самых первых шагов своей самостоятельной деятельности на Кавказе Паскевич всеми силами старался привлечь на русскую сторону местное население и его вожаков. В отличие от Ермолова, он сумел так поставить власть, что туземные народы служили ей не только с удовольствием, но и с самоотверженностью. С особым талантом администратора — сочетая строгость и справедливость в наказании провинившихся, награждая щедро отличившихся, неся великодержавный авторитет без проявления заносчивости, сохраняя чистоту хозяйственной деятельности, на корню прекратив грабежи в мусульманских провинциях (вспомним злоупотребления соратников Ермолова), — он с легкостью завоевал сердца не только колеблющихся, но и недавних врагов России. Эхсан Хану и его братьям Иван Федорович также не побоялся оказать доверие, за что, как читатель узнает позже, был всецело вознагражден.

После роспуска Нахичеванского батальона сарбазов Эхсан Хан выехал в Ордубад, к Шейх-Али Беку. Братья рассылали нарочных во все уголки ханства, а также за Араке, с указанием рассеявшимся по всему Азербайджану жителям возвращаться, не боясь русских, в свои дома. Эта деятельность сразу дала результат: 9-го июля в провинцию из Чорса вернулось 1.000 семейств, 13-го в селение Хок из-за Аракса — 600 семейств. Мирная жизнь возобновилась, люди вышли в поля для сбора урожая. Как писал в Петербург Паскевич, Эхсан Хан «*чрез*

И. Ф. Паскевич.
Худ. Киселев. 1828 г.

свое влияние в народе весьма много способствовал сохранению тишины и спокойствия в тамошнем крае»¹¹.

Однако спокойная жизнь сыновей Келб-Али Хана в Ордубаде продолжалась недолго. Наказать отступников решил тесть Эхсан Хана — Керим Хан. 17-го июля в русский лагерь под Аббас-Абадом пришло тревожное известие Эхсан Хана о том, что на него готовится нападение. Бывший сергенк персидской армии брался собрать часть распущенного сарбазского батальона для организации собственной военной части и просил выдать ему оружие. Паскевич, надо отдать ему должное, быстро откликнулся на просьбу кенгерлинца и взял на себя ответственность вооружить недавних своих врагов. 19-го июля Тифлиссский пехотный полк с бригадой черноморских казаков и шестью конными орудиями под начальством генерал-майора князя Вадбольского

Картина А. О. Орловского
«Восточный всадник».

уже вступал в Ордубад. Вадбольский сдал Эхсан Хану 400 персидских ружей и четырехфунтовую пушку, взятые в Аббас-Абаде, а также, от имени российского правительства, назначил нашего героя наибом Нахичеванской провинции*. 21-го июля князь со своим отрядом выступил из Ордубада обратно к Нахичевани. Вместе с россиянами отправилась часть местного населения и семейство Шейх-Али Бека. Эхсан Хан со своими приближенными остался в городе¹⁹.

Не прошло и двух дней с момента ухода русского отряда — Керим Хан с верной ему частью конницы Кенгерлы появился в окрестностях Ордубада и стал опустошать близлежащие селения. Как повествует об этом событии летописец Кавказских войн Потто: *«Пока разбойники забирали добычу, человек 70 с самим Керимом бросились на армянское селение Сиары, лежавшее уже вблизи Урдабада.*

* Приводя Эхсан Хана к российской присяге, Вадбольский, естественно, не мог и подумать, что спустя 90 лет правнук хана воздвигнет в летнем лагере Лейб-гвардии Конного полка в Красном Селе православную церковь в честь столетия Фридландского сражения, в котором Вадбольский отличился в составе этого полка и был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени.

Эксан-Хан с 60 сарбазами подошел на помощь к жителям, - и Керим был разбит; преследуя его, сарбазы сбили также спешивший к нему сильный резерв и взяли в плен Али-Акбер Султана Даранского, — «человека — как выражается Паскевич: — здесь довольно известного». «Таким образом, — писал главнокомандующий в донесении государю: — бывшие персидские подданные, будучи предоставлены самим себе, в первый раз обратили оружие свое против врагов Вашего Величества»¹⁹.

Неудача, однако, только озлобила Керим Хана. Получив от Аб-баса Мирзы подкрепление, он вновь явился под Ордубад с трехтысячным отрядом. После сильной перестрелки город был взят. Находившиеся с Эхсан Ханом сарбазы разбежались, сам он заперся в цитадели вместе с несколькими близкими кенгерлинцами. Воды у них не было. Тем не менее, они решили держаться до конца, и даже сумели послать лазутчика к Паскевичу с просьбой о немедленной помощи.

Когда тревожная весть дошла до главнокомандующего, по свидетельству Муравьева, тот не сразу согласился послать в Ордубад войска:

«Сколько ни старались уговорить Паскевича, чтобы он помог Эхсен-хану, человеку всем пожертвовавшему для нас и доставившему нам столь важное

приобретение как Аббас-Абад; но он упорствовал! в намерении не подавать Эхсен-хану никакой помощи, отвечая, что есть случаи, в коих должно оставить союзника своего, дабы самому не подвергаться опасности. Смертность и беспорядки в войсках, отказ в мире, совершенно смутили Паскевича: он совершенно не знал за что приняться и потерял совсем присутствие духа. Наконец, по настоятельному требованию Сухтелена, Паскевич позволил ему послать к Эхсен-хану на выручку 2-й батальон Грузинского полка, который и отправился без орудий в числе 500 человек»²⁰.*

За первым отрядом в тот же день выступил и второй: армянскую сотню и грузинское конное ополчение повел генерал-майор князь Багратион.

31-го июля, ночью, к барону Фредериксу, возглавлявшему первый отряд, явился пробравшийся из Ордубада армянин с известием, что

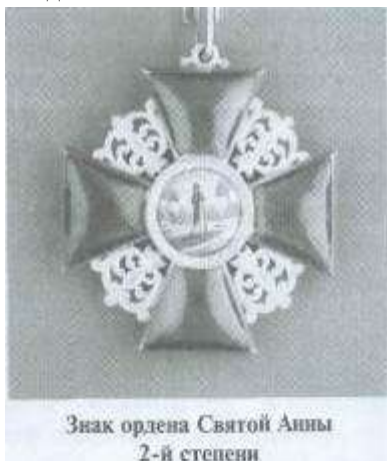
Князь Г. И. Эристов (Ксанский)

* К оценке Муравьевым роли Паскевича надо относиться весьма условно — они находились между собой в отношениях, близких к неприязни. Муравьев допустил тут также и фактическую неточность — на выручку Эхсан Хана, помимо батальона Грузинского пехотного полка под начальством полковника барона Александра Фредерикса, отправилась сотня казаков с двумя орудиями.

положение Эхсан Хана отчаянное. Восемь дней с горстью своих приверженцев он выдерживал блокаду в замке и последние 36 часов не имел воды. Гарнизон уже колебался и помышлял о сдаче¹⁹.

Наконец, 1-го августа россияне подошли к Ордубаду. Керим Хан, не приняв боя, отошел за Араке. Эхсан Хан был спасен.

Так как находиться вдалеке от главных сил корпуса было опасно, недолго думая, приняли решение идти к Нахичевани. В течение трех дней кенгерлинец собирал своих подданных, и 5-го августа военные вместе с мирными жителями выступили из Ордубада. Городской замок был разрушен дотла, «чтобы не дать возможность персиянам устроить из него опорный пункт на левом берегу Аракса»¹⁹.

7-го августа у деревни Варанда колонне, двигающейся под начальством князя Багратиона, перерезали дорогу персидские войска — два батальона сарбазов, две тысячи кавалерии и несколько орудий малого калибра. Керим Хан, который возглавлял этот отряд, со свойственной ему решительностью повел наступление на неприятеля. Россияне были блокированы в ущелье. «К счастью, бывший при отряде Эхсан-Хан, хорошо знакомый с местностью, указал Багратиону виднеющуюся влево от дороги высокую гору, которая могла послужить отличною позицией. Там отряд мог продержаться весь день, а с наступлением ночи Эхсан-Хан брался провести его прямо через горы...»¹⁹. Разгорелся на редкость упорный бой. Потери обеих сторон были велики, у русских, например, из строя выбыли все ротные командиры. По свидетельству участников, россияне уже отчаялись выбраться из этой переделки. К счастью, со стороны Нахичевани подошла рота Карабинерного полка. Персы, приняв ее за авангард большого отряда, ретировались. Только 12-го августа отряд Багратиона, отягощенный беженцами и своими ранеными, сумел добраться до корпусного лагеря в Кара-бабе²¹.

Произошедшие события дали Паскевичу повод рапортовать Императору следующее: «...Эхсан-хан остановил в продолжение 10 дней более 1.000 Персидской конницы, имевшей намерение перебраться через Араке; когда же войска сии были усилены еще двумя батальонами сарбазов и артиллериею, то он, запершись в городе, а потом в замке, держался с отличною храбростью, не взирая на самое затруднительное

положение, до прибытия наших войск. Сии последним войскам он содействовал всеми своими способами»¹⁷.

Несмотря на то что положение русских войск в Эриванском и Нахичеванском ханствах оставалось по-прежнему неустойчивым и никто не мог дать гарантий в том, что они встанут тут твердой ногой, Эхсан Хан с братьями и окружавшими их близкими кенгерлинпами бесповоротно приняли сторону России. Когда и как был сделан этот выбор, что явилось предпосылкой этого сложного решения, осталось за кадром. Сам Эхсан Хан, назначенный наибом всего ханства, а также его брат — Шейх-Али Бек, определенный наибом второго города провинции Ордубада, и сын последнего — Мамед-Садък Бек, находились с середины августа 1827 года в штабе Паскевича. Младшие братья наибов также поступили на русскую службу: Фарадж-Улла Беку было поручено управление собственно Нахичеванью, с непосредственным подчинением военному коменданту Аббас-Абада барону Остен-Сакену; а Мехти Ага вменили в обязанности контролировать селения, находящиеся на стратегической дороге Нахичевань-Эривань, и организовать по ней постовое сообщение. Приближенные к братьям кенгерлинские беки служили в действовавших против персов русских отрядах, выполняя одновременно роль проводников, разведчиков, переводчиков. Они обеспечивали русским помощь местного населения. Интересные воспоминания оставил о наших фигурантах Николай Муравьев. Его суждения хотя и очень субъективны, но и не менее занимательны:

«При мне оставался наместник Урдабада, брат Эхсен-хана Шах-Али -бек, человек слабый и пустой, который снабжал меня известиями о неприятеле. Нельзя было на него совершенно положиться; однако, так как наши дела еще не были без надежды, он нам служил, имея довольно сметливости, чтобы видеть, что обстоятельства наши должны были непременно исправиться. Сын его Магмет-Садък-бек, молодой человек, прекрасный собою, но преданный пьянству и разврату, надоедал мне своим корыстолюбивым и дурным поведением.

...Лазутчики мои ходили в неприятельский лагерь, коего еще часть оставалась близ Хоя, и доставляли мне различные известия. Один из них, между прочим, опытнее других, принес мне однажды письмо к Шах-Али -беку, заделанное в палке, на которую он опирался. Разломив оную, я нашел письмо, коим Шах-Али-бека приглашали от имени Аббас-Мирзы оставить нас, грозя ему самыми ужасными наказаниями и мстью, в случае отказа. Но письмо сие не имело никаких последствий, и Шах-Мибек уверял меня, что он никогда более не может предаться Персиянам, ибо не может им верить после передачи Аббас-Абада, сделанной его братом, и происшествия Урдабадского...»²².

«Ферраджи-Улла-бек, один из братьев Эхсен-хана, молодой человек лет 16-ти или 17-ти, которому было поручено управление Нахичевани, не мог и не думал ни во что входить. Народ разбежался, дома разбирались на дрова, все сделалось общею собственностью военных, и не было никакой земской власти, действующей со стороны нашей... Такое положение области Нахичеванской долго продолжалось и после заключения мира, от беспечности высшего начальства.

...Мехти-аге, другому брату Эхсен-хана, поручено было устройство почт по дороге к Эривани. Ему было около 19 или 20 лет, и он также не сделал никаких порядочных распоряжений и, я думаю, обращал в свою собственную пользу средства, которые он к сему имел. На иных станциях находилось по несколько лошадей и гонцов; но сие все было так неверно и неисправно, что нельзя было на оных рассчитывать, и курьеры добывали себе лошадей для проезда в деревнях у поселян насильно»^{2*}.

Сам Эхсан Хан был замечен Муравьевым в Тебризе, где кенгерлинец, по словам автора воспоминаний, вместе с высшим начальством корпуса *«обратились к распутству, которому и предались все до безстыдства»*, а Эхсан Хан *«сделал из сего себе ремесло и брал деньги с женщин»²⁴.*

Однако Паскевич оценил вклад братьев в общее дело несколько по-иному, чем его начальник штаба. За услуги, оказанные в кампанию 1827 года, Эхсан Хан был произведен в полковники русской службы, а Шейх-Али Бек — в майоры. Впоследствии Паскевич выхлопотал для Эхсан Хана еще и орден Св. Анны 2-й степени¹⁷.

Только Керим Хан с группой приверженцев продолжал упорное сопротивление. После описанного ранее бегства Эхсан Хана из Ордубада он обосновался там и беспокоил россиян набегами на подконтрольную им территорию. Однако по мере того, как войска Паскевича все более и более овладевали ситуацией, настроение в отряде Керим Хана менялось. Когда же отряд князя Эристова в сентябре 1827 года переправился через Араке и двинулся к Тебризу, кенгерлинцы, окружавшие бывшего губернатора Нахичевани, оставили его и перешли к россиянам. Вот как описывает это все тот же Муравьев:

«На переходе сем явились к нам не́керы Керим-хана; это быт слуги его и вместе составляли и его войско. Их перешло к нам тогда до 60 или 70 человек по крайней мере, отличных всадников племени Кенгерли, населяющего Нахичеванское ханство. В последнюю Турецкую войну я узнал некоторых из сих лиц, которые служили в коннице Кенгерли, бывшей с нами в походе. Не́кер значит слуга, но в особенности употребляется в смысле служащего при каком нибудь владельце всадником. Люди сии приносили нам покорную голову, оставив своего начальника; они знали, что Керим-хан не мог более получить свое ханство, и переход людей сих, коих он вероятно не имел более средств содержать, был, может быть, последствием обоюдного согласия хана и слуг его, кои могли снова водвориться на своей родине. Из сих людей немногие остались при войске нашем;

Заключение мира в Туркменчае. Второй справа - А. С. Грибоедов, третий - И. Ф. Паскевич, четвертый - наследный принц Персии Аббас Мирза.

большая часть возвратилась с позволения нашего в Нахичевань; а хан, скитавшийся долгое время по горам, лишился в побегах имущества своего, доставленного к нам в Маранду. Оно вероятно было уже осмотрено и отобрано сыщиками, привезенные к нам старые ковры, бедные чайные приборы, постели, медная посуда и прочая домашняя утварь, были внесены в опись и сданы особому чиновнику, который выдавал их при приемах знатных приезжих Персиян»²⁵.

Все имения Керим Хана, находившиеся на территории Нахичеванского ханства, были конфискованы в российскую казну. В начале 30-х годов хан пытался выхлопотать у российских властей их возврата, в Нахичевань и Эривань с этой целью приезжал его сын, но безрезультатно. Аббас Мирза предоставил Керим Хану и находящимся с ним кенгерлинским бекам несколько деревень в Марагинском ханстве.

После взятия русскими войсками крепостей Сардар-Абад (16-го сентября) и Эривань (1-го октября) и покорения Тебриза, Мараги и Хоя Аббас Мирза был вынужден принять навязанные условия мира. В результате долгих переговоров и прений, длившихся более трех месяцев, в деревне Туркменчай в полночь с 9-го на 10-е февраля 1828 года (это время было признано астрологом Аббаса Мирзы наиболее благоприятным для столь важного дела) Наследник персидского престола и генерал Паскевич подписали мирный договор. III-я статья этого документа гласила: *«Его Величество шах персидский от своего имени и от имени своих наследников и преемников уступает Российской Империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сию и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское»²⁶.*

Глава 4

Эхсан Хан - наиб Нахичевани Против турок и горцев • Кенгерлинцы

дела, которыми доверили управлять Эхсан Хану и Шейх-Али Беку, вместе с Эриванским ханством, на основании Высочайшего Манифеста от 11-го марта 1828 года, вошли в новую, учрежденную российским правительством провинцию — Армянскую область. В самом названии скрывался ответ на вопрос — для кого предназначались эти земли. На основании Туркменчайского договора с Персией около 10 тысяч армянских семейств переселялись с персидской территории в города и села Закавказья, прежде всего в Эривань и Нахичевань. Это была лишь первая волна. Был образован специальный переселенческий комитет, который возглавляли этнические армяне полковник Л. Я. Лазарев и подполковник М. З. Аргутинский-Долгоруков. Влиятельный в Эчмиадзине архиепископ Нерсес под страхом отлучения от сана и веры обязал армянских священников переезжать из Персии в Закавказье, заслушание он грозил им Божьей карой. В то время большая часть районов оставалась без жителей, укрывшихся от войны в соседних турецких пашалыках или неприступных горах. Когда персидские армяне получили позволение переезжать на российскую территорию, многочисленные их группы по мере перехода через Араке занимали брошенные деревни, встречавшиеся на их пути, овладевая домами, землями, садами, мельницами и прочим имуществом коренных разбежавшихся жителей. В 1829 году последние стали возвращаться и, обнаружив жилища свои в руках других хозяев, вынуждены были просить армян позволить им занять между ними небольшие участки самых невыгодных земель, где выстроили себе новые дома. Другие же, удалившись в горы, на верхних и средних террасах устроили для себя новые селения. Таким образом, лучшие магалы области остались в руках армян-переселенцев, которым дарована была льгота от податей и повинностей на шесть лет¹. В ознаменование окончательной победы над мусульманами главному

эриванскую мечеть, по Высочайшему указу Императора, данному Святейшему Синоду, обратили в православную церковь и освятили во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Ризница и церковная утварь были присланы из Петербурга.

Немудрено, что все эти меры вызвали ропот среди азербайджанского населения. В Эриванской провинции целые племена и села бежали в Персию, оставшиеся уклонялись от присяги российским властям. *«В Нахичеванской области нашел я еще более беспорядка и притеснений от переселения армян, нежели в Эривани...»* — докладывал Паскевичу следовавший в сентябре 1828 года в Персию Грибоедов. — *«Вашему сиятельству известно, как скудна прежними жителями и как небогата сия провинция. Здесь армянам, пришельцам, лучше, нежели в ином месте, где я их встречал, но брожение и неудовольствие в умах татарских доходит до высочайшей степени... Очень легко может случиться, что они в отчаянии бросят свое хозяйство и имущество, и тогда напрасно мы это будем приписывать персидским внушениям, как это недавно случилось при бегстве садараццев»².**

О том же предупреждал Паскевича и офицер, посланный главнокомандующим в Нахичевань и Ордубад *«по секретному предписанию»*. Стоило громадного труда удерживать в ханстве порядок. Это, по мнению офицера-ревизора, удавалось только благодаря деятельности наивов: *«Прибыв в Нахичевань, я нашел довольно образованный порядок в Правлении и хотя оный в некоторых отношениях и не имеет настоящего устройства, но этого в таком скором времени, кажется, и сделать невозможно было. Между жителями Нахичеванской провинции, Татарами, слухов подобных Эриванским, не существует; они присягнули совершенно покойно, а если и ропот между ними, то это происходит от стеснений их переселенцами и от того, что из них выбирают в сарбазы; между беками и султанами есть молва о переселении в Персию... в Ордубаде народ спокоен, но при начатии сбора хлеба с жителей нукерами владельцев, ханов и беков, делаются притеснения»^{*}.*

Наибы, сами недовольные происходящим, оставались, тем не менее, верными слугами России. Грибоедова они настоятельно просили содействовать быстрому перемещению «застрявших» в провинции армян дальше в Елизаветполь и Грузию. Негативно воспринималась ханами и присылка к ним приставов, главной миссией которых была слежка за ними. Шейх-Али Бек, особенно критически настроенный, по слухам, вел тайную переписку с Аббасом

* Грибоедов приводит в письме таблицу, из которой видно, что в Нахичеванской провинции на 2024 семьи азербайджанцев-старожилов (которых в Царской России называли закавказскими татарами) и 404 семьи армян в сентябре 1828 года приходилось 1228 семей новопереселенных армян. Всего же, за время командования Паскевича на Кавказе, было переселено 90 тысяч армянских семейств, то есть около 500 тысяч человек. Любопытно, что эти данные в последний раз были опубликованы в его официальной биографии [Кавказский календарь на 1868 г.]. Остается добавить, что и после этого каждая кампания на Кавказском фронте заканчивалась очередным массовым переселением армян. Все это существенно исказило этнографию Закавказья.

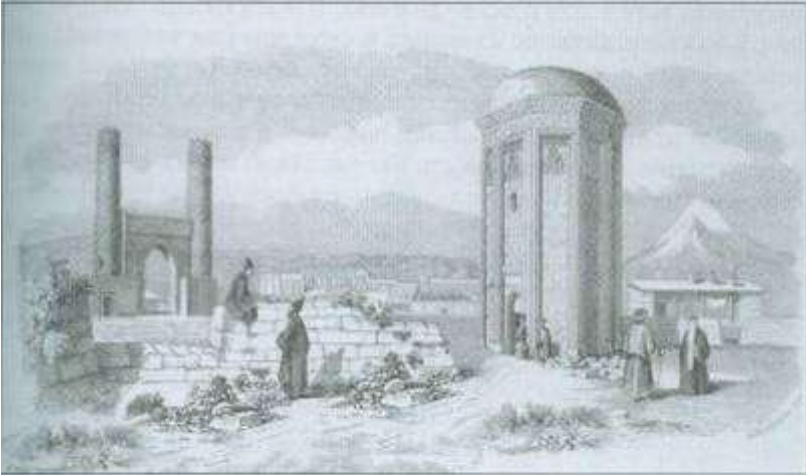
Мирзой и подумывал о побеге в Персию. Он, как бывший правитель Ордубада, был оскорблен прибытием к нему в качестве «помощника» пристава капитана Ростованова; двоевластие никак не устраивало привыкшего повелевать члена Ханской Фамилии. В знак протеста он оставил Ордубад и, прибыв в Нахичевань, *«отправил просьбу к кн. Чавчавадзе (начальнику Армянской области), соглася на сие и других старшин, чтобы... оставался один в Ордубаде правителем»*⁴.

Большую роль в сглаживании зреющего конфликта внес Грибоедов, находившийся в те дни в Нахичевани. *«Я почел лучшим способом взять сторону Назар-Али-хана и Ших-Али-бека, — писал он Паскевичу, — обошелся с ними как можно почетнее и доверчивее, вашим именем говорил им, что на них лежит обязанность к правительству, что нынешний случай в отношении к переселенцам необыкновенный и скоропроходящий и проч. Нельзя себе представить, как они были довольны оказанным мною их особам незначацим отличием. Я точно видел после сего, что они поступили добросовестно, ибо те же лица беков и прочих помещиков я нашел после не выражающими прежнего неудовольствия. ...Нехудо, если бы ваше сиятельство написали слова два Ших-Али-беку и Эксан-хану или хотя первому. Иногда присылка от вас халата с почетным русским чиновником более подействует, нежели присутствие войска, строгие наказания, присяга и прочие понудительные средства»*²... На этом неприятная история была исчерпана.

В том же послании Александр Сергеевич высказал мудрую мысль, подхваченную и использованную Паскевичем: *«В здеишем мусульманском краю, где все народонаселение похоже на паству, которая живет, движется и бродит, все по примеру одного или нескольких гасе тоиоптеге (стадо баранов. — фр.), правительству необходимо иметь на жалованье и совершенно за себя некоторые значительные лица. Воля вашего сиятельства, но мы этого не умеем делать, и нами никто не доволен. У беков и ханов мы власть отнимаем, а в замен даем народу запутанность чужих законов. ...Еще раз повторяю, что нельзя дать себя уразуметь здеишему народу иначе, как посредством тех родовых начальников и духовных особ, которые уже давно пользуются уважением и доверием, присвоенными их званиям»*¹. Руководствуясь своим умозаключением, Грибоедов тут же хлопотал о пожаловании государственной пенсии (1000 червонцев в год) главе Рода Нахичеванских Ханов — Назар-Али Хану*.

В марте 1828 года за Кавказом было получено уведомление из Петербурга о разрыве взаимоотношений с Турцией. Николай I поручал Паскевичу занять Карсский и Ахалцыхский пашалыки неприятельской территории, а также крепость Потти. Тех войск, что имелись в распоряжении Ивана Федоровича, для

* Добро не забывается. Когда через несколько месяцев (1-го мая 1829 г.) тело покойного Грибоедова везли из Персии в Тифлис, почетный караул из кенгерлинцев (50 всадников во главе с Келб-Али Султаном) сопровождал его прах при переправе через Араке и далее. В Нахичевани была устроена пышная траурная церемония, в которой участвовало все население города⁵.

Вид Нахичевани. 1830-е гг. Слева - мечеть, справа - мавзолей Атабека, по центру вдали - ханский дворец. *Литография Дюстердика.*

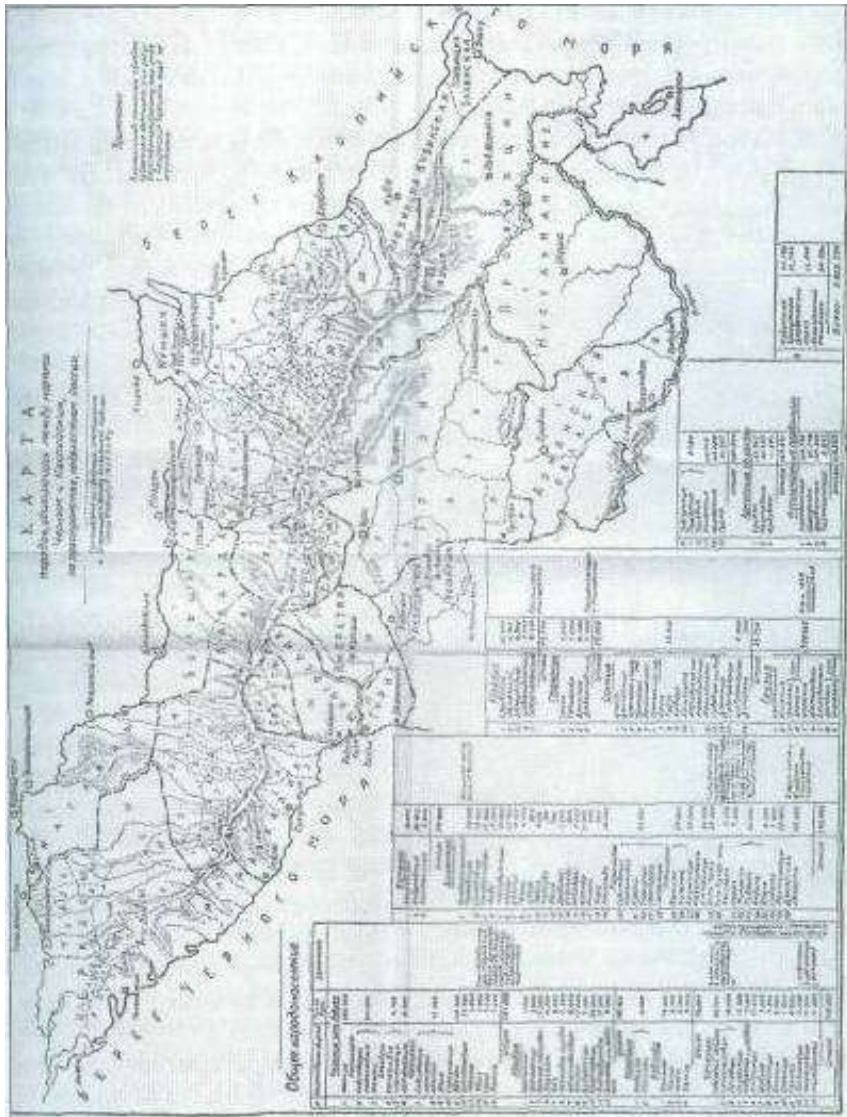
выполнения этой задачи было недостаточно. Много подразделений было отвлечено войной с кавказскими горцами и в Азербайджан для обеспечения выплаты Персией контрибуции. Поэтому русский военачальник решил укрепить свои силы местным ополчением. В кампанию 1828 года главнокомандующему удалось собрать и использовать немногочисленные, но служившие очень усердно отряды из эриванских азербайджанцев и курдов, и он осыпал их наградами. Честолюбие и гордость мусульман были польщены этим настолько, что, когда в начале 1829 года Паскевич обнародовал прокламацию о созыве конных мусульманских полков, азербайджанцы с удовольствием пошли на царскую службу. Но помимо жажды наград было и еще что-то, что заставило закавказских мусульман встать под русские знамена. Обнаружилось, что, по сути, азербайджанец является стихийным сторонником неограниченной власти, сильной и патриархально-справедливой. Он признал главенство России по праву победительницы. От природы великодушный, добрый и мужественный, бывший подданный персидской державы с первых шагов явил преданность Белому Царю не только умом, но и сердцем. Преклонившись перед величием Императора Всероссийского, азербайджанец вышел драться за него против своего единоверца-турка. Гордясь тем, что является потомком сподвижников Чингиз Хана и Тимур-Лента и принадлежит к роду одного из кызылбашских вождей, он стремился доказать это на деле, на поле боя. Дошло до того, что набор в полки даже пришлось ограничить.

Всего было собрано четыре конно-мусульманских полка: 1-й - из карабахцев, 2-й — из жителей Шекинской и Ширванской провинций, 3-й — из

азербайджанцев мусульманских дистанций Грузии, и 4-й - из мусульман Армянской области. Кроме того, были сформированы два полубатальона сарбазов из жителей Нахичеванской и Эриванской провинций, пешее ополчение из армян и конный полк из курдов ранее занятого Баязетского пашалыка. Вместе с батальоном Севастопольского пехотного полка нахичеванские и эриванские сарбазы составили сводный полк.

В Нахичевани кенгерлинские старейшины решили направить Паскевичу свою знаменитую конницу. В самое короткое время две сотни джигитов были готовы к походу. Среди мусульман Армянской области на каждые 50 семейств приходился один ополченец, кенгерлинцы же выставили одного всадника силами всего шести семейств. Фамильную кавалерию вывел на войну сын слепого хана, теперь уже капитан русской службы Фарадж-Утла Бек. Его помощником был назначен один из кенгерлинских беков — капитан Зейнал-Абдин Султан Хаджи Иса Султан оглы. В строю сотен был и Мехти Ага Келб-Али Хан оглы. В составе конницы Кенгерлы находились все кенгерлинские беки, способные держать в руках оружие.

Выступив в мае из Нахичевани, конница Кенгерлы и присоединившийся к ней в пути 4-й конно-мусульманский полк, миновав Эриванскую провинцию, перешли турецкую границу и вскоре присоединились к главным силам генерала Паскевича, расположившимся лагерем на реке Каре-чай. Вместе с несколькими сотнями черноморских казаков кенгерлинцы образовали Сводный кавалерийский полк. Там уже гремела слава 3-го конно-мусульманского полка, который, незадолго до этого, в битве при Дигуре в составе отряда генерала Бурцева, был первым в рядах атаковавших и взял вражеское знамя. Кенгерлинцы и всадники других полков также мечтали об отличиях, и случай к этому обещал представиться в самом скором времени — 13-го июня в 5 часов утра весь действующий корпус двинулся через Саганлугский хребет по направлению к столице Турецкой Анатолии городу-крепости Эрзерум. Еще накануне, в 9 часов вечера, отряд конницы под начальством генерал-майора Сергеева выступил авангардом. Вместе с казачьими полками Сергеева, Басова и частью Сборного линейного находился и Сводный полк, состоящий из черноморских казаков и конницы Кенгерлы⁶. На фоне неприглядных драгун и улан конно-мусульманские полки, и особенно конница Кенгерлы, выделялись превосходным видом. *«Все эти полки сохраняли национальный костюм и отличались друг от друга только суконными звездами, нашитыми на их высоких остроконечных папахах: у первого полка они были красные, у второго — белые, у третьего желтые, у четвертого — голубые. Такого же цвета были и полковые знамена, богато украшенные гербами Российской империи. Командовали полками русские офицеры, а сотнями — беки и почетные агалары. Эти офицеры-азиатцы с бородами, в длиннополых чохлах, в папахах, в эполетах и шарфах -представляли непривычному глазу*

Карта Закавказья. Составлена офицерами Генерального Штаба
 Отдельного Кавказского корпуса. 1833 г.

весьма оригинальное зрелище. Но в общем полки являли собою превосходный вид: всадники были опрятно и красиво одеты, отлично вооружены и, кроме 3-го полка, сидели на кровных жеребцах карабахской породы. ...Перед этою легкой, подвижной и развязной мусульманскою конницею, драгуны и уланы казались тяжелыми и неповоротливыми», — рассказывает в своей летописи кавказских войн В. А. Потто⁷.

Каждый полк имел пять сотен. Всадники набирались главным образом из бывших ханских нукеров и самых воинственных обывателей. На службу они выходили на собственной лошади и со своим оружием. Всем чинам мусульманских частей производилось жалование по штату.

1-м полком командовал подполковник Усков, 2-м — майор Серпуховского уланского полка Кувшинников, 3-м — есаул Кизлярского казачьего войска Мещеринов, 4-м — капитан Нижегородского драгунского полка Эссен.

17-го июля под Бардусом Паскевич обнаружил перед собою заградительный турецкий отряд и атаковал его. Как повествует летопись Потто, «...неприятель подпустил войска шагов на полтора, и только тогда по всему протяжению шанцев разом открыл батальный огонь. В ответ на него загремело «ура», — и [1-й] конно-мусульманский полк, ринувшись карьером, первым вскочил в неприятельские шанцы. Произошла ужасающая резня. Половина турецкой пехоты, отброшенная влево, была прижата к отвесной скале, и раздраженные татары рубили ее беспощадно... Сам Осман-паша ускакал, но все восемь знамен, принадлежавшие его отряду, были взяты татарами... Усков получил орден св. Георгия 4 степени»⁸.

Интересно, что этот бой наблюдал Александр Сергеевич Пушкин, приехавший в действующую армию навестить своего ссыльного брата Льва. Вот что он пишет в своем «Путешествии в Арзерум»:

Турецкий офицер выбирает оружие.
Худ. Осман Хамди.

«Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, как вся наша конница поскакала во весь опор. Турки бежали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дороге, и неслись мимо. Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою... Подъезжая к долине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненый смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умирающий бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга»⁹.

Тела двух знатнейших карабахских беков, убитых в этом бою, Пас-кевич позволил отвезти для захоронения на родину.

Вслед за первым столкновением состоялось два более крупных сражения - при речке Каинлы-чай и у Милли-Дюза, в которых главные силы турок были рассеяны и пленен их полководец Гагки Паша. В бою у Милли-Дюза отличилась конница Кенгерлы, которая была в авангарде отряда¹⁰, а при преследовании выделился нахичеванский 4-й конномусульманский полк. Из 16 захваченных вражеских знамен 15 были добыты азербайджанцами. 16-е знамя у нахичеванского Вели Бека

Барон Д. Е. Остен-Сакен

отняли драгуны, его увез с собой старший адъютант корпусного штаба майор Степанов. Потери также выпали в основном на долю азербайджанцев. *«Я не должен умолчать, — писал Паскевич Государю, — о похвальном усердии находящихся со мною мусульманских полков. Во всех сражениях они дерутся с отличной храбростью, в атаках бывают впереди, мужественно и твердо бросаясь даже на неприятельскую пехоту, и большая часть пушек, знамен и пленных отбиты ими»¹¹.*

Отсутствие боевого энтузиазма у улан, драгун и казаков вызвало справедливый гнев главнокомандующего. Начальник корпусного штаба генерал-майор Остен-Сакен был отозван из действующего корпуса, начальнику конницы генералу Николаю Раевскому сделан выговор.

Справедливости ради надо сказать, что азербайджанцы доставляли командованию и хлопоты. Вследствие своей природной легкомысленности и неспособности к монотонному труду солдата они плохо несли караульную службу,

и никакие наказания не могли заставить их измениться. Они также «набили оскомину» Паскевичу своими грабежами пленных. Иван Федорович, как мог, боролся с этим грехом. Возвратившийся с поля боя после победы над войсками Османа Паши 1-й конно-мусульманский полк был осыпан похвалами и наградами, но, тем не менее, помещен по приказу главнокомандующего на карантин под охрану, так как имел с собой много награбленных турецких вещей. В стране лазов 150 карабахцев во главе со своим командиром Джафар Беком целый переход шли пешком, без оружия (что для кавказца является позором) за то, что пытались утаить отбитый у неприятеля скот и оказали сопротивление при попытке отнять у них добычу.

Разбив неприятеля у Милли-Дюза, войска кавказского корпуса расчистили себе путь на Эрзерум. 24-го июня россияне вошли в город. Для демонстрации силы был устроен общий парад. Об этих днях сохранились занимательные записки одного из офицеров:

«После молебствия, войска проходили мимо графа церемониально.. Из кавалерии драгуны были неловки, но уланы еще сохранили стройность, легкость и красоту. Четыре донских казачьих полка, Гаврильчи с бородами, и молодцы линейные казаки пробежали рысью. Четыре мусульманских полка в заключение пронеслись, с криком «кура!» во весь галоп, при чем несколько их попадало с лошадей. Граф более всего утешался ими..»

Я часто обедал у генерала Раевского; за стол к себе, кроме офицеров своего полка, он приглашал беков мусульманских полков. Замечательно было для меня, что они раков не только не едят, но даже боятся взять, и верили до сего времени, что раки клещами смертельно кусают: очевидно, в понятии их скорпионы и раки одно и то же. Всякое нежидкое кушанье мусульмане едят руками, потому что вилокю, от не привычки, кололи себе зубы. Они охотились до вина, которое генерал разрешил им пить, принимая на себя ответственность за них перед Магометом, и они за то его очень любили»¹².

Дальнейший боевой путь азербайджанских частей в эту войну был расцвечен еще несколькими славными эпизодами. 2-му и 4-му конно-мусульманским полкам и коннице Кенгерлы и суждено было поставить точку в кампании. Это было уже в сентябре, когда большинство частей действующего корпуса двигались в Эриванскую провинцию на зимние квартиры. Шекинцам, ширванцам и нахичеванцам, поддержанным ротой 8-го пионерного батальона с двумя кегерновыми мортирами, под командованием подполковника князя Аргутинского-Долгорукова, было приказано сделать набег в Ольтинский и Нариманский санджаки, населенные непокорными аджарцами. В походе пехота и мортиры отстали, осталась только конница. 16-го сентября, у деревни Сурб-Саркис, состоялся первый бой с делибашами. Атаковал и ворвался в деревню 2-й конно-мусульманский полк, нахичеванцы же преследовали бежавших аджарцев. Несмотря на внешнюю легкость победы, сабельная схватка была жестокой — три

офицера и 14 всадников были ранены, под командиром полка майором Кувшинниковым была убита лошадь. Через несколько дней, у крепости Ольты, основная тяжесть боя легла уже на нахичеванцев. В Джунджурском ущелье неприятель устроил засаду, в которую попали шедшие впереди 4-й полк и кенгерлинцы. Капитану Эссену удалось под пулями отвести своих подчиненных на равнину, но там они подверглись удару турецкой конницы. На помощь подоспел 2-й конномусульманский полк, и азербайджанская бригада контратаковала. *«Загнанные в ущелье они (турки) пытались остановить преследование, но капитан Эссен быстро спешил своих татар и повел их в кинжалы; две сотни Кувшинникова заскакали в тыл...»*. Этот редкий рукопашный кавалерийский бой завершился победой наших героев, и к вечеру весь отряд Аргутинского-Долгорукова собрался под крепостью Ольты. Аджарцы сдались. В бою нахичеванцы отбили у неприятеля пять знамен. Один всадник был убит, один бек и восемь всадников ранены¹³.

Н. Н. Раевский (младший).
*Неизвестный художник с оригинала
И. К. Айвазовского.*

В завершение описываемого рейда азербайджанцы сделали набег в Таускертский санджак и затем уже двинулись по направлению к Эрзеруму. Вскоре в Андрианополе был подписан мирный договор. За действия у Ольты Аргутинский-Долгоруков был награжден орденами Св. Георгия 4-й степени. Докладывая Николаю I результат этой экспедиции, Паскевич писал: *«Долгом считаю свидетельствовать пред Вашим Императорским Величеством об отличной храбрости мусульманских полков, кои во всяком случае не перестают являть новые опыты их усердия и привязанности к Российскому правительству. Мне весьма приятно видеть в них и сие стремление к приобретению внимания нашего начальства и сей дух мужества, кои удалось мне возбудить в них поощрением и хорошим обхождением. Добытые ими семь знамен и ключ крепости буду иметь счастье повернуть к стопам В. И. В. вслед за сим»*¹⁴.

Оценка действий азербайджанских всадников в эту кампанию была однозначной. Знаток Кавказа писатель Платон Зубов, в частности, писал: *«Они с большею ловкостью владеют оружием; отличные кавалеристы, храбры и неустрашимы, что независимо от прежних времен доказали на опыте, в последние Персидскую и Турецкую войны, под начальством Его Светлости князя Варшавского,*

графа Паскевича-Эриванского и, еще прежде, во время действий генерала князя Мадатова в Северном Дагестане, находясь под его предводительством при покорении ханства Казыкумыкского, усмирении акушинцев и табасаранцев»¹⁵. Согласен с Зубовым и Потто: «Поощрение и внимание... — вот те могучие двигатели, которые в руках Паскевича создали те превосходные боевые части, какими явились конно-мусульманские полки в боях против турок. Они не оказались впоследствии бессильными, под начальством того-же Паскевича, и против европейской тактики, и против таких превосходно-обученных войск, какими были венгерские гусары. А, между тем, нельзя не отметить тот факт, что на Кавказе, позднее, уже не встречалось вовсе подобных милиций: полки выходили на службу, но к старым заслугам новых они не прибавляли»¹³.

Даже недоброжелатель Паскевича генерал Муравьев, участвовавший в Турецкой кампании, признавал полезность учреждения этих частей:

«Полки сии. собрались к назначенному времени, получили некоторое начало регулярного образования, выступили весной в поход, служили хорошо и были грозой для турок, совершая победы, одерживаемые нашими войсками в преследовании бегущего неприятеля, на коего набегали с удивительною быстротою и неотступностью, и чего прежде турки никогда не видели, будучи разбиты нами, они не находили покоя в бегстве своем и поражались с конца на расстоянии 30 или более верст, теряя обозы свои, вьюки и множество пленных. Как сие удалось, того не понимаю. Паскевич говорил, что ему в сем деле помог муждегид*»; но сие невероятно, как по ограниченности сего последнего, так и по различию вероисповедания с большею частью служивших в Мусульманских полках. Не менее того собрание сих войск свершилось под управлением Паскевича, и ему принадлежит слава сего учреждения, до коего никогда никто не достигал в таком совершенстве прежде его»¹⁶.

По окончании Ольгинской экспедиции нахичеванцы и три других конно-мусульманских полка возвратились на родину и были распущены. Многие из героев нашей книги были награждены: Фарадж-Улла Бек, Мехти Ага и многие кенгерлинские беки (Аббас-Али Султан, Али-Акпер Бек, Гусейн Султан, Кара-Бек Султан, Касум Султан, Мамед-Таги Султан, Наджаф-Кули Султан, Эйнал Султан и др.) удостоены русских офицерских чинов. Многим были пожалованы пенсии. Фарадж-Улла Бек был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом¹⁷. Его помощник Зейнал-Абдин Бек Хаджи Иса Султан оглы получил орден Св. Анны 3-й степени с бантом и невиданную по тем временам пожизненную пенсию 900 руб. серебром в год (остальные, включая брата Эхсан Хана, по 250

* Речь идет об одном из авторитетнейших духовных лидеров мусульман-шиитов тех лет муджтахиде Мир-Феттахе. Ранее, в 1827 году, он склонил население Тебриза к мирной сдаче города русским войскам. После подписания Туркменчайского мирного договора выехал в Тифлис, российские власти утвердили его духовным главой мусульман Закавказья. Через некоторое время после отъезда Паскевича в Польшу он вернулся в Персию.

руб.). Прапорщик Мамед Ага Мамед оглы получил орден Св. Анны 3-й ст. с бантом¹⁸. Султан (сотник) прапорщик Зейнал-Абдин Бек Гасан Ага оглы и наибы (младшие офицеры) прапорщики Наджаф-Кули Бек Наги Бек оглы и Керим Бек Сафар-Али Бек оглы удостоились орденов Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»¹⁹.

Памятью доблести азербайджанцев остались знамена, высочайше пожалованные им 26-го октября 1830 года Императором. На больших шелковых полотнах этих знамен, сохранивших цвета полков, был изображен государственный герб России, а на навершиях — вензель Николая I. Для принятия знамен в Тифлис были вызваны от каждого полка и от конницы Кенгерлы по десять заслуженных беков и по двадцать всадников из числа имевших знаки отличия военного ордена*. Торжественное освящение знамен проводилось в городах Шуше, Старой Шемахе, Елизаветполе, Эривани и Нахичевани, в мечетях, где ахунды и муллы читали молитвы, а народ произносил за ними слова присяги. По окончании обряда полки салютовали своим штандартам и отвозили их в присутственные места, где они впоследствии и хранились¹³.

Высочайшая грамота, данная коннице Кенгерлы, гласила:

«Нашей коннице Кенгерлы... Отличное мужество, примерная храбрость и постоянное усердие, оказанные конницей Кенгерлы в продолжении войны 1828 и 1829 года против Порты Оттоманской, обратили на оную особенное Наше благоволение, в ознаменование коего Всемилостивейше жалуем ей препровождаемое у сего почетное знамя, которое повелеваем хранить в Нахичевани в тамошнем Правительственном месте, как знак Монаршего нашего внимания к верности и заслугам жителей, составлявших конницу Кянгерлы, в случае надобности вновь сей коннице ополчиться против неприятных Империи нашей народов, означенному знамени находиться в походе при ополчении. Пребываем Императорской Нашей милости к коннице Кенгерлы благосклонны. Николай»²⁰.

Командир Закавказского
конно-мусульманского полка
Гасан Бек Агаларов

* Обращаем внимание читателя на очень высокий уровень числа награжденных, которому могли позавидовать самые прославленные полки Императорской Армии.

Весной 1831 года вспыхнувшее в Польше восстание потребовало отъезда Паскевича на новый театр боевых действий. Вместе с Иваном Федоровичем отправилось несколько мусульманских всадников, составивших его почетный конвой. Среди них, естественно, были и кенгерлинцы, в частности, участник двух прошедших кампаний юный прапорщик Гусейн Султан, а также десятилетний сын нахичеванского Назар-Али Хана — Риза-Кули Хан²¹. В Петербурге русский генерал, окруженный одетыми в национальные одежды джигитами, произвел большое впечатление. Не теряя времени, Паскевич со своими кавказцами проследовал в Минск, где возглавил армию, готовившуюся к походу на Варшаву. Вскоре мятеж шляхтичей был подавлен, а Иван Федорович получил в награду титул князя Варшавского и булаву наместника Царства Польского. Между Польшей и Закавказьем

Первый имам Дагестана
Гази-Магомед

протянулся невидимый мостик: Паскевич не только интересовался, но и оказывал влияние на государственную политику на бывшей под его управлением территории. Ярким примером связи Варшавы и Тифлиса стало создание в столице Царства Польского Закавказского конно-мусульманского полка. Весь его командный состав состоял из представителей лучших азербайджанских фамилий, рядовые всадники — из военного сословия маафов, намнаузов и кенгерлинцев. Звания были подобраны на восточный манер: нижними чинами (всадниками) командовали векили (унтер-офицеры), наибы (младшие офицеры) и султаны (командиры сотен). Впоследствии полк прославился в Венгерской войне 1849 года, особенно двумя своими лихими атаками под городами Вайценом (3-го июля) и Дебречином (21-го июля) (в первом случае закавказцы смяли знаменитый венгерский 1-й гусарский полк)²². Из его среды вышло немало известных кавказских героев, в числе которых Георгиевские Кавалеры Гасан Бек Агаларов, Исмаил Хан Нахичеванский, Керим Бек Новрузов.

Война с поляками отозвалась и на Кавказе. Оглядываясь на запад, поверили в свою силу и мятежные горцы. В Дагестане образовался очаг восстания, который возглавил койсобоулинец Гази-Магомед. Он со своими последователями совершил несколько нападений на русские гарнизоны и в своей дерзости дошел до того, что осадил Дербент. Генерал-адъютант Панкратьев, оставшийся, после отбытия Паскевича, командующим войсками в Закавказье, сосредоточил под Шемахой значительный

отряд, с которым планировал действовать против имама. Для помощи регулярным войскам вновь были созданы четыре конно-мусульманских полка, в состав одного из которых вошли и кенгерлинцы²³. В первых числах октября 1831 года Панкратьев неожиданно для мятежников появился в Дагестане.

Не утомляя читателя описанием этого похода, обратимся лишь к предмету, нас интересующему... Джигиты не уронили своей былой славы. С восхищением говорит о них один из героев того времени, участник экспедиции, писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский:

«С убитыми и ранеными потеряли мы в этом деле (у сел. Дювек 2-го октября 1831 г.) четырех офицеров и до девяноста нижних чинов, включая в то число и мусульман, дравшихся отлично, особенно полка князя Баратова, которому досталось обскакать Дювек слева по лесу...».

25-го октября у сел. Чиркей: *«Чиркейцы, однако ж, быт настороже -разъезды их скитались повсюду, и военачальника нашего встретили враги за версту, не жалея ни свинцу, ни пороху. Рассылав спешенных татар, напрасно хотел он заманить их в перестрелку и отрезать от берега - чиркейцы не дались в западню. Засев в каменные завалы вдоль здеиного берега, они в числе пятисот открыли злой огонь по наступающим, но мусульмане наши, предводимые бесстрашным Нусал-агою, сыном хана Казикумыкского, который, выхватив знамя из рук падающего своего бейдахдара (знаменосчика), пошел на завалы, выбили их вон. Аскер-Али Бек и командующие мусульманскими полками, майор Мецзяков и гвардии штабс-капитан Юферов, втоптали неприятеля в ущелье, по которому вилась дорога к Чиркею. Нусал-ага и Ибрагим Бек карчакский, посекая бегущих, подскакали к самому мосту под градом пуль, - но мост уже был полуразобран...»²⁴*

В 1832 году конно-мусульманские полки дрались против Гази-Магомеда и Гамзат Бека в Чечне (бои на завалах Шали, Гехи и др.) и вновь в Дагестане.

В то время как Фарадж-Улла Бек, Мехти Ага и кенгерлинские всадники сражались в составе действующей армии, Эхсан Хан и Шейх-Али Бек наводили порядок в провинции, которая, говоря без преувеличения, лежала в руинах. В 1829 году из Турции была занесена чума, опустошившая целые селения. В 1830 году чума миновала, но появилась холера. Читая Камератное описание города Нахичевань 1831 года, где обозначены умершие в 1829-1830 гг., наяву видишь страшные цифры убыли населения. В городе, где несколько столетий назад проживала не одна сотня тысяч человек, в 1831 году находило приют всего 5,5 тысяч. Вот описание Нахичевани, данное заезжим русским чиновником: *«Нахичевань имеет вид города, взятого накануне приступом, и представляет собой кучи развалин, груды камней, земли и глины, между коими гнездятся низкие сакли, построенные из гряды, перемешанные с саманом; улицы узки и кривы и по сторонам их возвышаются кое-где остатки глиняных стен; в некоторых частях города находятся чрезвычайно глубокие ямы, служившие вероятно некогда колодезьями»²⁵.*

Невзирая на общую разруху, в городе функционировала одна армянская церковь и две мечети, в одной из которых действовала духовная школа.

Обстановка в крае была очень тревожной. Политический кризис отношений с Персией и Турцией грозил войной. По предгорьям Араксской долины бродили шайки разбойников и целые банды заграничных курдов и карапахов, которые переправлялись по ночам через Аракс, угоняли скот, убивали жителей. Даже местные кочевые племена, еще не свыкшиеся с тем, что они принадлежат России, «держались в неприязненном положении». Агенты Персии и Турции разъезжали по кочевьям, подстрекая жителей к восстанию. Карапахи и курды держали оружие и лошадь наготове, ожидая только сигнала из заграницы. Солдаты стоявшего в провинции 4-го линейного батальона не могли успешно преследовать конных бандитов, и поэтому единственной защитой провинции были разъезды кенгерлинцев. Эхсан Хан постоянно содержал в готовности 200 всадников, 50 из которых охраняли русскую границу по Араксу.

Само племя (6,5 тысяч человек) расселилось по провинции несколькими большими группами. Много селений было расположено в бассейне реки Нахичевань-чай и его притока Кюкю-чай. Еще один кен-герлинский «островок» вырос на спуске с горы Нагаджир и простирался по речке Карабаба до Аракса. Пара деревень была в Азаджиране. И, наконец, самое весомое представительство наши фигуранты имели в Хокском магале. Кенгерлинцы жили вперемешку с оседлыми и полуоседлыми тюркскими племенами, от которых обычаями мало отличались. Выделяла их лишь особая роль иррегулярного войска, да неугасавшие военные наклонности.

Эхсан Хан и Шейх-Али Бек управляли Нахичеванью и Ордубадам неограниченно. Согласно штатному расписанию, при каждом наибе находился пристав из русских офицеров, но в действительности реальной властью он не обладал; главной его задачей было наблюдать за своим визави и докладывать о его поведении наверх. По мнению инспектировавшего провинцию русского чиновника Н. Нефедьева, *«пристав при хане по всей справедливости может считаться более нюкером его, нежели представителем правительства хотя в некоторой степени. Наученный опытом, что прочность службы его зависит от благосклонности хана, он, по-видимому, не имеет другой цели, кроме раболепства, и, занимая пост пристава, не только безмолвно смотрит на все действия хана, но, как обнаруживается, находит выгодным содействовать ему»*.

Со вторым офицером, городским полицмейстером, положение было аналогичное: *«...Офицер этот не скрывает горькой необходимости угождать хану, ссылаясь в том на положение безусловной подчиненности, в какой он поставлен к хану, и на личные приказания о том начальства. Притом здесь все веруют в могущество хана: одной строки, одного слова его высшему за Кавказом начальству достаточно, чтобы уничтожить безгласного чиновника»²⁶*.

В городе был учрежден провинциальный суд, который вершил гражданские дела, но возглавлял его опять же Эхсан Хан. Невзирая на то что уголовные дела должен был рассматривать военный суд в Эринани под председательством коменданта, фактически все вопросы наибы решали на месте. За редким исключением, суд и расправу братья чинили самостоятельно, а приводили приговор в исполнение, как в старые времена, слуги-фарраши. Только бытовые и мелкие гражданские тяжбы Эхсан Хан и Шейх-Али Бек оставляли не переставшему действовать шариатскому суду. Для иллюстрации положения наивов приведем здесь одно из писем, написанных Эхсан Хану генералом Панкратьевым:

«Армянское Областное Правление представило ко мне дело, из коего я усмотрел, что супруга ваша Бедр-Ниса-ханум велела казнить армянина Цатурова за воровство проса, который, как утвердили свидетели под присягою и лекарь, осматривавший тело его, Цатурова, умер от сего наказания.

Ваше Высочество, находясь на службе Российского Государя Императора, конечно, изволите знать, сколь строго наши законы преследуют смертоубийство и какой строжайшей еще ответственности подлежат лица в сем участвовавшие, а потому означенное дело требовало со стороны Правления разыскания и производства об оном. Но истинные услуги, оказанные вами правительству, усердие и преданность к России, коими вы всегда отличались и, без сомнения, не престанете действовать на пользу всеавгустейшего нашего Монарха, подали мне повод препроводить помянутое дело в Армянское Областное Правление и предписать, оставя оное без дальнейшего производства, считать конченным.

Имея честь известить о сем вас и руководствуясь чувством справедливости, я нашел нужным предложить вам, не угодно ли оказать какое-либо пособие со стороны вашей оставшимся сиротам несчастного Пату-рова. Сим оградите всякое впечатление по означенному делу. Я уверен, что ваше высочество по личной дружбе ко мне, еще примете мой совет, чтобы впредь, для избежания малейшего неудовольствия, супруга ваша подвергала наказанию подвластных ей людей через полицейское место. Наконец, прошу вас не оставить меня вашим уведомлением»²¹.

Каждый год, с весны до осени, Эхсан Хан, оставляя Нахичевань, со своей свитой из нескольких десятков всадников-кенгерлинцев объезжал провинцию. Он сам непосредственно контролировал сбор податей и из своих воинов назначал мирболюков, поручив каждому несколько селений. Таким образом, наиб инспектировал свою вотчину и, где необходимо, наводил порядок. По приказу Паскевича генерал-майор Мерли ни провел дознание и установил, что при персидской власти нахичеванские ханы выплачивали Аббасу Мирзе откупную сумму, эквивалентную 120 тысячам рублей серебром. Такой же налог Эхсан Хан обязан был вносить и в русскую казну.

Несмотря на несовершенство областного управления, следствием которых стали многочисленные побег азербайджанцев в Персию, Эхсан Хан твердо продолжает придерживаться российской ориентации. Он сам обучается

русскому языку, отправляет старшего сына в Тифлисскую гимназию, открывает в Нахичевани народное училище, в котором дети азербайджанцев и армян знакомятся с языком и историей господствующей нации. Штрихи к портрету родоначальника Ханской Династии русских офицеров рисует нам один из чиновников Правления Армянской области Фома Корганов:

«... 25 числа (1831 года), после обеда приехал в Дарачичаг нахичеванский наиб, полковник Эксан-Хан, человек молодой, который говорит по русски довольно плохо, но малый он умный и открытый; это тот самый Эксан-Хан, который в 1827 г. сдал русским Аббас-Абадскую крепость. Так как князь (Бebutov) любит подобных людей, то он велел поставить палатку Эксан-Хану поблизости к нам, на возвышенном месте, при опушке леса. С наибом находился сын упомянутого в трактате бывшего Нахичеванского Керим-Хана. Он человек молодой, но рослый, глаза имеет большие и огненные, а суровый взгляд его никогда не проясняется; он молчалив до того, что очень редко слышишь его слова, и то краткие и отрывистые. Отец этого персиянина находится доселе в Персии, и потому все имение его описано в казну. Так как он в родственных отношениях с Эксан-Ханом, то приехал с ним с целью хлопотать, чтобы конфискованное имение было ему возвращено. Эксан-Хан и сам Князь к нему весьма внимательны.

На основании собственноручно ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указа составлен: *Данок по плану.*

Второй. Ш Т А Т Ы

по управлению Армянской Области.

	Число людей	Серебромъ.	
		Однимъ Рублём.	Въ двѣ Рубли.
1) Областная Прислуга.			
Назначенъ Областью въ должности Генералъ-Кору сподвижникъ	1	1,000	1,000
При немъ Служившій Прислуживъ или Писавшій въ Областной	7	1,000	2,000
2) Въ Нахичеванской Провинции.			
а) Наместнической Прислуги.			
Нахичеванскій Наибъ Полковникъ Давидъ Ханъ, который наемъ съдѣлывающій въ городѣ (сверхъ расходовъ нахичеванскаго) ему по чину жалованья по 1,200 руб. серебромъ, собственноручно изъ означеннаго провинціи изъ доходовъ оной, получаемыхъ по принятому плану	7	1,000	1,000
При немъ Прислуживъ или Писавшій Чиншоваго	1	500	500
Посылающаго	1	500	500
Писаря или канцелярскіе	1	120	120
Месяцъ для веревки Татарскія бумажъ	1	300	300
Провозимыя транспортныя	1	250	250
Едающаго (Свариваго)	2	120	240
Едающаго (Мяснаго)	1	100	100
На канцелярскія потребованія	—	—	50
И всего	13	—	3,100
б) Въ Ордубадской Провинции.			
а) Областной Прислуги.			
Почетнымъ Орудіемъ Майоръ Шибъ-Давидъ, получающій по ордубадскому плану	1	1,200	1,200
При немъ Прислуживъ	1	500	500
Посылающаго	1	500	500
Писаря или канцелярскіе	1	120	120
Месяцъ для веревки Татарскія бумажъ	1	300	300
Провозимыя транспортныя	1	250	250
Едающаго (Свариваго)	1	120	120
Едающаго (Мяснаго)	1	100	100
На канцелярскія потребованія	—	—	50
И всего	9	—	3,010

Штат по управлению
Армянской областью. 1833 г.

Картина Г. Г. Гагарина «Джигитоска курдов и татар перед крепостью Сардар-Аббат в Армении». 1840 г.

27-го числа я отправился в артиллерийский лагерь, куда был зван комиссионерами; время прошло весело; Эхсан-Хан был тут-же и играл на битури, и потому мы долго сидели; кроме того, с ним был певец из таверизских персиян, который, по мнению многих, поет хорошо; но мне не нравился его монотонный голос и то, что он слишком долго выдвывает в горле вариации; наши сазандари большие умеют разнообразить пение; впрочем Эхсан-ханов сазандар спел одну арию, подобную которой я ничего не слышал в Тифлисе»²⁸.

В 1837 году ханам представился очередной случай доказать свою преданность России. Произошло это при следующих обстоятельствах. Из Персии в Ордубад приехал проповедник, некий мулла Мамед-Садык, который у одного из сел стал собирать народ для беседы. Это могло иметь неблагоприятные последствия — волнения или массовое переселение в Персию. «Майор Ших-Али-бек, узнавши, что все вообще жители г. Ордубада, мужчины и женщины с детьми, группами идут к сему проповеднику на поклонение и около его собираются значительными толпами, посылал к нему нарочного с предложением прекратить поучения свои здесь, а что может продолжать таковые, если желает, жителям Персии»²⁹. Узнав о случившемся в Ордубаде, начальник Армянской области князь Бебутов послал Шейх-Али Беку предписание арестовать проповедника, и сам отправился к месту событий. Так как мужчины в Закавказье в те времена были сплошь вооружены, то, с целью обезопасить себя, князь в Нахичевани взял у Эхсан Хана 100

кенгерлинцев во главе с майором Фарадж-Улла Бекон. *«Приближаясь к Ордубаду в сопровождении сей конницы и самого Эхсан-хана, генерал-майор был предварен приставом, при Ордубадском наибе находящемся, о принятом приверженцами муллы Мамед-Садыка намерении истребить его, но он... въехал в сей город, проезжая между мусульманами, большими толпами волновавшихся»*. Проповедник был к тому времени уже арестован Шейх-Али Бекон. Вскоре мулла был препровожден в Тифлис, а затем сослан в арестантские роты в крепость Динабург. Присутствие ханов и кенгерлинских всадников остудило горячие головы, и на следующий день начальник Армянской области, вместе с арестантом, в сопровождении Кенгерлинской сотни и майора Фарадж-Улла Бека, выехал в Эривань. Эхсан Хан и Шейх-Али Бек остались в Ордубаде, чтобы окончательно привести народ в повиновение³⁰.

В 1837 году Император Николай I изъявил желание лично увидеть завоеванный край. Через Николаев и Одессу он на пароходе переправился в Крым, затем на кавказский берег в Редут-Кале и, посетив Мингрелию и покоренные области Азиатской Турции, выехал на границу Армянской области. Воспоминания Императора записал граф Александр Бенкендорф:

«В деревне Мастеры мы вступили в Армянскую область. Ожидавшие меня тут армянские беки и мелики и курдские старшины сопровождали нас до нашего ночлега в Сардар-Абад... Спустившись в долину, я увидел перед собою выстроенную к бою бесподобную конницу Кенгерлы, в однообразном одеянии и на чудесных лошадях; начальник ее Эхсан-хан, подскакав ко мне, отрапортовал по-русски, как бы офицер наших регулярных войск. С этою свитою я подъехал к знаменитому Эчмиадзинскому монастырю... По выходе из монастыря, своими богатствами не вполне ответившего моим ожиданиям, я сделал смотр конницы Кенгерлы, которая сопровождала меня оттуда до Эривани...»³¹.

Для представления Императору Эхсан Хан заранее заказал своим всадникам белые черкески, которые, в сочетании с богатым оружием, делали кенгерлинского джигита неотразимым*. Дополнял великолепный внешний вид наездника и скакун — кровный карабахский жеребец золотистого окраса, которых в те годы поставляли заводы Семьи Карабахских Ханов. После смотра Николай I пожаловал каждому кенгерлинцу по червонцу. Эта милость Государя дала Эхсан Хану повод пригласить областное начальство на званый обед и в присутствии

* Возможно, под впечатлением смотра Кенгерлинской конницы, Николай I распорядился сформировать в своем конвое команду мусульман, состоящую из представителей знатных азербайджанских родов. Вошли в нее и несколько курдов. В общем, парад Кенгерлинской конницы у стен Эчмиадзинского монастыря — это тот сюжет, который, к сожалению, не используют азербайджанские кинематографисты.

высоких господ вручить всадникам пожалованные награды. Как вспоминал очевидец, «...поутру все Кенгерлишцы собрались пред домом Наиба, и из рук его принят Царский гостинец. Чтобы сохранить навсегда память необыкновенного события, представления их Императору, они положили, выданный каждому червонец носить на парадной одежде, и передавать в потомство». Впоследствии из Петербурга были присланы и особые серебряные медали для ношения в петлице с надписью «Кавказ 1837»²².

Немедленно после визита Императора Эхсан Хан был произведен в генерал-майоры, Шейх-Али Бек — в подполковники, а их старший брат Назар-Али Хан, «за услуги отца», также в подполковники³³.

В конце 30-х годов в Закавказье началась кардинальная реформа местной власти, которая замышлялась еще Паскевичем и инспектировавшими край в 1829 году сенаторами Е. И. Мечниковым и графом П. И. Кутайсовым. Военные коменданты должны были уступить место гражданским чиновникам — областным и уездным начальникам, суды по местным законам (Коран в мусульманских провинциях* и Уложение царя Вахтанга IV в Грузии) — судам, действующим на основе свода законов Российской Империи. Проводниками нововведений стали новый главноначальствующий на Кавказе генерал Головин и председатель Комиссии для составления положения об управлении Закавказским краем тайный советник барон Ган. Кроме того, из Петербурга в Тифлис были направлены несколько десятков сотрудников Корпуса жандармов во главе с начальником 6-го округа генералом Скалоном, чтобы предотвратить эксцессы, неизбежные при смещении со своих постов значительного числа лиц.

Прибывшим на Кавказ сановникам, как это всегда бывает, положение дел показалось ужасным. И первыми, на кого они обратили свое «просвещенное» внимание, были наши герои — единственные в мусульманских провинциях Закавказья местные уроженцы, управлявшие своими уделами на прежнем ханском положении.

В мае 1839 года Головин представил Николаю I составленные совместно с бароном Ганом «Предположения Совета управления Закавказским краем», в которых, в частности, писал об Эхсан Хане: «Нет ни малейшего сомнения, что управление его округом Нахичеванским крайне вредно; а между тем из уважения к событиям прошедшего времени, он имеет чин нашего генерал-майора, пользуется, кроме жалованья по чину и званию, пенсионом в 2,200 руб. серебром в год и, наконец, сделан наибом того самого округа, которым управляет

* Судопроизводство в мусульманских провинциях осуществлялось на основе Шариата и Адата. Шариат — обязательные правовые предписания, закрепленные в Коране и Сунне. Адат — обычай, основанный на доисламских нормах, а также на реалиях современной правовой жизни, не отображенных в Шариате.

при владычестве персидском: одним словом это лицо с привилегиями политическими.

Удалить Эксан-хана от настоящей его должности конечно было бы первым шагом к водворению лучшего порядка; но с другой стороны лишить его власти наиба, оставить на жительстве в том же округе, едва ли не будет еще вреднее! Мера прямо решительная и полезная состояла бы в том, чтобы с лишением звания наиба, удалить его из теперешнего местопребывания, где он вопреки распоряджений правительства не

На таких лошадях ездили кенгерлинцы. Жеребёк Хан Карабахский. Удостоен большой серебряной медали на Всемирной выставке в Париже в 1876 г. Худ. Н. Е. Сверчков.

перестанет пользоваться большим уважением чрез своих приверженцев, хотя бы и казалось по общим отзывам, что народ им тяготеет».

Высказывая свои мысли Государю, Головин, однако, не решился принять на себя ответственность осуществить их на деле. Он обещал только, что «в бытность свою в Нахичевани, постарается лично разведать о теперешнем положении племени Кянгерлинского и, по возвращении оттуда, представить все собранные о сем сведения»³⁴.

Помимо того что преобразователи Кавказа не могли смириться с тем, что в одной из подвластных России провинций правит прежний хан-мусульманин, им не нравилась и его позиция по отношению к Кенгерлинскому племени. Вопрос о статусе племени стоял очень остро и имел свою предысторию. Дело в том, что при персидской власти кенгерлинцы никаких податей не платили, а несли только воинскую повинность. За эту льготу племя было обязано выставлять в персидскую армию 200 всадников в полном вооружении. Более того, местный хан обязан был помогать семьям кенгерлинцев продовольствием. С введением российского правления кенгерлинцы условно были приравнены к остальному населению и, по закону, обязаны были платить налоги наравне со всеми другими жителями провинции «неблагородного» сословия. При этом главную свою миссию они продолжали выполнять: практически поголовно вышли на русско-турецкую войну 1828-1829 гг., участвовали в экспедициях в Дагестан и Чечню 1831-1832 гг. После окончания военных действий кенгерлинцы, в отличие от других

конно-мусульманских частей, не были распущены, а несли свою службу уже в родной провинции: выполняли роль полиции, содержали караулы по реке Араке, конвоировали курьеров и транспорты, следующие в Персию, доставляли нужные бумаги к пограничным персидским начальникам. Для иллюстрации приведем здесь воспоминания русского чиновника Н. Неведева, бывшего в Нахичеванской провинции в 1837 году:

Серебряная медаль для ношения
в петлице «Кавказ 1837».

«...При въезде моем в пределы Нахичеванские, в деревне Кеврах, верст за тридцать от Нахичевани, встретил меня конвой из конных Кенгерлинцев, для того, чтобы проводить до города. Темная и бурная осенняя ночь и путь по берегу Аракса, на другой стороне которого светились огни заграничных Курдов, заставили меня принять это

прикрытие, хотя впрочем, вполне дружественные отношения подданных соседственных государств, и совершенное по здешним границам спокойствие, не внушали особенных опасений. ...Во время проезда моего, в некоторых местах, на едва доступной высоте, гнездились вооруженные люди: то были сторожевые Кенгерлинцы, поставленные для безопасности торговых караванов»³⁵. Кроме службы в провинции, племя за собственный счет раз в 2 года отправляло в Варшаву в конно-мусульманский полк до 30 всадников.

Естественно, Эхсан Хан вышел к начальнику Армянской области генералу князю Бебутову с ходатайством об освобождении, за все это, кенгерлинцев от податей (на все племя денежная подать составляла 2,697 руб. 86 коп. в год). Василий Осипович передал свое положительное представление в Тифлис главноначальствующему в те годы на Кавказе барону Розену, а пока вопрос рассматривался в высших инстанциях, приостановил взыскание налога. Барон Розен, в свою очередь, докладывал вопрос в Петербург, но его мнение было прямо противоположным мнению областного начальника — он был за упразднение военного сословия в Закавказье и лишение его всяких льгот*.

Тем не менее, фельдмаршал Паскевич и сам Николай I поддержали мнение

* После поездки Николая I на Кавказ и Розен, и Бебутов были уволены со своих постов. Бебутов за «допущение вопиющих злоупотреблений в местной администрации» был отпрашен в Польшу комендантом Замоете кой крепости.

Бебутова^{36,37}. Совет главного управления Закавказским краем, барон Ган и преемник Розена генерал Головин вынуждены были пойти на попятную, и в феврале 1840 года, по Всеподданнейшему докладу военного министра Чернышева, Николай I Высочайше соизволил: «1) Простить кянгерлинцам недоимку податей с 1836 г. 2) Освободить их впредь от платежа денежной подати, но хлебную взыскивать на прежнем основании. 3) Вменить за то в обязанность содержать то число конницы, какое они доселе выставляли для пограничной стражи, службы при наибе, посылки курьеров, действий против неприятеля и отправления нескольких всадников в действующую армию, и 4) Предположение кн. Варшавского относительно устройства из магафов, кянгерлинцев и некоторых кочующих племен за Кавказом нерегулярной конницы иметь в виду для постепенного приведения в исполнение, когда время и обстоятельства дозволят»³⁹.

Освобождение кянгерлинцев от подати было куплено дорогой ценой - Эхсан Хан был вынужден написать рапорт о добровольном сложении с себя обязанностей наиба. Случилось это осенью 1839 года, после беседы с генералом Головиным, приехавшим с визитом в Нахичевань³⁹. Собственно, участь Эхсан Хана и Шейх-Али Бека была решена еще раньше, когда в Петербурге было принято решение реконструировать систему управления в крае; новое положение исключало возможность оставления у власти наивов. Добровольно отказавшись от своего поста, Эхсан Хан даже кое-что и выиграл — избежав насильственного отстранения от должности, он сохранил свое лицо... О поступке хана генерал Головин писал в Санкт-Петербург военному министру Чернышеву как о первом шаге, сделанном им для осуществления реформы⁴⁰. Официальное объявление об учреждении нового порядка управления в Закавказье не заставило себя долго ждать, оно состоялось весной 1840 года.

В ответ на упразднение власти наивов Шейх-Али Бек, настроенный более непримиримо, чем Эхсан Хан, бежал в Персию⁴¹. Его имени были реквизированы в казну⁴². Недовольный своим положением в Нахичевани, также бежал младший брат наивов, поручик русской службы Мехти Ага⁴³.

Во время встречи с Головиным Эхсан Хан просил главноначальствующего на Кавказе исходатайствовать для него сохранение жалованья, а также наследственные права на имущество и освобождение от податей прислуги. Главной же просьбой было «оставить под его начальством и управлением кянгерлинское племя» (1233 семьи, то есть около 5 тысяч человек)⁴⁴.

Пока ходатайство Эхсан Хана рассматривалось высшими инстанциями, ему было поручено ограничить свою деятельность командованием кянгерлинскими всадниками. Для этого Николай I подписал указ о присвоении нашему герою звания Военно-походного начальника Кянгерлинских всадников. Кроме того, было обещано приступить к формированию в Закавказье иррегулярных войск, по примеру казачьих, и передать Эхсан Хану эти подразделения под начальство.

С введением нового положения был образован Нахичеванский уезд, который вошел в состав Грузино-Имеретинской губернии. Ордубад стал заштат-

ным городом. В 1840 году к своим обязанностям приступил новый нахичеванский уездный начальник Сербинов. У чиновника сразу же возникли проблемы с кенгерлинцами, которые категорически отказались платить подать в казну, на основании того, что *«по высочайшему государя императора соизволению»* они были *«освобождены от всех податей, кроме взноса хлеба»*⁴⁵.

Сербинов заявлял, что *«прощены им только дымовые деньги, за что они обязаны всегда быть в готовности по-прежнему на службу; а кроме сих дымовых податей должны платить в казну со всех произведений земли, например: ячменя, пшеницы, сарачинского тиена, хлопчатой бумаги и огородных произрастений; равным образом земские и городские повинности наравне с прочими жителями»*. Конфликт нарастал. Эхсан Хан, по некоторым данным, призывал соплеменников к бойкотированию незаконных требований чиновника. Уездный начальник настаивал на своем: *«Приказываю кенгерлинцам не подвергать себя ответственности, не уклоняться от исполнения законных приказаний участкового заседателя, как*

Император Николай I

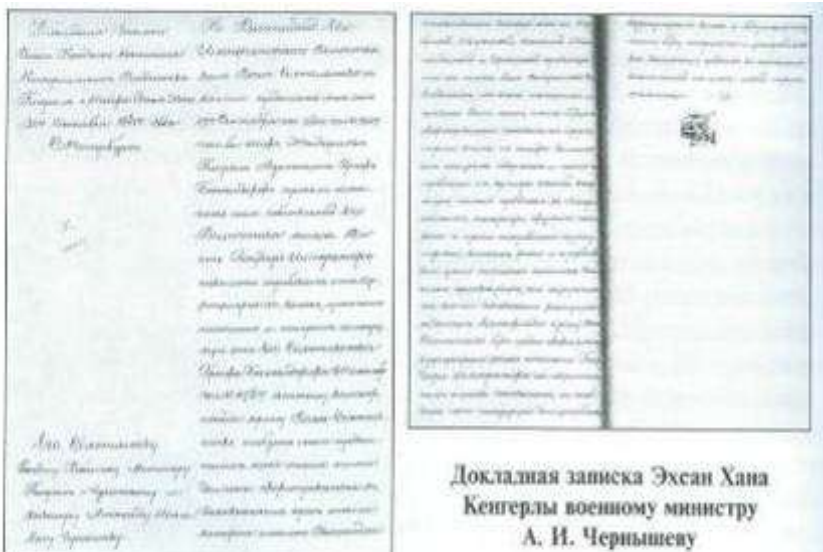
*требуется сие порядок службы. Между тем объявить всем жителям, что ежели кто отступит от приказа моего и после сего, с того я строго взыщу и подвергну наказанию; сие мое приказание должны все кенгерлинцы прочесть, прибить к стене у сельских старшин, а особенно должны знать жители деревень Джсагры, Вулкан, Карачах и Кивраг...»*⁴⁶. К счастью, столкновений не произошло, однако многие кенгерлинцы бежали в Персию⁴⁷.

В Нахичевань прибыл начальник 6-го корпуса жандармов генерал Скалой. После его донесения в Петербург Александру Бенкендорфу и доклада последнего Николаю I *«о предоставлении Эхсан-хану генералом Головиным слишком большой власти над кенгерлинцами и о вредном от того влиянии»*, Император приказал главноначальствующему на Кавказе *«выслать Эхсан-хана под благовидным предлогом в С.-Петербург для сделания ему надлежащего внушения и между тем озаботиться приисканием возможности возвратить его в Закавказский край таким образом, чтоб влияние его не могло быть вредным для видов Правительства»*⁴⁸.

Так как Эхсан Хан сам давно хотел побывать в столице Российской Империи, то властям, для приведения своего плана в действие, оставалось лишь дать ему разрешение на выезд, что и сделал тифлисский военный губернатор. *«Для предлога же пребывания Эхсан-хана в С.-Петербурге генерал-лейтенант Брайко поручил ему ознакомиться с родом службы иррегулярной кавалерии, дабы он, если правительство признает нужным, мог образовать кянгерлинских всадников по примеру означенной кавалерии»*⁴⁴.

По пути в столицу, несмотря на запрет властей, хан благоразумно заехал в Варшаву, где посетил своего покровителя фельдмаршала Пас-кевича. Предварительно Эхсан Хан испрашивал на то разрешение, но ему было объявлено, что он может *«отправиться в сей город не прежде как по прибытии в С.-Петербург»*⁴⁵. В Царстве Польском визитер пробыл неделю: ознакомился со службой Закавказского конно-мусульманского полка, навестил своего старшего сына Исмаил Хана, который там служил. Провожая в Петербург, Паскевич снабдил Эхсан Хана собственноручным письмом к Императору.

2-го сентября 1841 года бывший наиб прибыл в Северную Пальмиру. Военный министр Чернышев направил его к шефу жандармов графу Бенкендорфу, который, повинуясь желанию Государя, ознакомил Эхсан Хана со службой Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Однако нашего героя интересовали не только вопросы организации армии. Предметом его особых забот были кянгерлинцы, положение которых оставалось по-прежнему неопределенным. Хан представил Чернышеву докладную записку, в которой, в частности, писал: *«В истекием 1840 г. некоторые семейства из кянгерлинцев от притеснения бежали за границу в Персию. В силу высочайшего манифеста, последовавшего в 16 день апреля с. г. преступление сие всемилостивейше прощается. Я знаю, что они всегда готовы служить русскому правительству до последней капли крови, к сожалению моему, что таковые люди останутся в Персии, я с особенным бы удовольствием принял на себя обязанность употребить законные меры и старания к привлечению их обратно в владение наше»*⁴⁷. Дополняло обращение хана и письмо Паскевича, который ходатайствовал перед Николаем I об удовлетворении его просьбы: *«Кянгерлинцы привыкли издавна считать Эхсан-хана своим начальником и едва ли другой кто в состоянии содержать это кочующее племя в том духе преданности к России, какой доселе они показывали. Если прежнее положение кянгерлинцев противно нынешнему устройству дел за Кавказом, то не благоугодно ли будет вашему Императорскому Величеству оставить их под начальством и управлением Эхсан-хана пожизненно, ибо через подобных, преданных нам и благонамеренных людей можно только с успехом действовать на умы закавказских обитателей»*⁵⁰. 26-го сентября Чернышев докладывал обстоятельства дела Императору, и тот повелел запросить мнение генерала Головина. А пока фельдгегеря курсировали между Петербургом и Тифлисом, Эхсан Хан был занят изучением Императорского Конвоя. Так как тифлисский военный губернатор

изначально ставил перед ним именно эту задачу, то наш герой почел своим долгом представить генералу Чернышеву свои соображения относительно организации иррегулярных войск в Закавказье. Хан, в случае согласия правительства, был готов тут же приступить к сбору мусульманских полков. В своей докладной записке на имя военного министра он писал: *«Всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство снабдить меня предписанием, какие именно полки должны формироваться в Закавказском крае, те ли, которые имеют Высочайше пожалованные знамена, как то: Карабагской, Ширванской, Казахской Шамиадинской и Эриванской провинций, или же только одни Кенгерлинские 200 всадников, из коих невозможно составить один полк, ежели будут формироваться Закавказом иррегулярные войска, то откуда должны они получать содержание и прочие потребности, например Штаб-Квартира, летнее пребывание в Лагере палаток, амуниции, фуража, жалованья и прочие потребности иррегулярным войскам; равно и трубачей для учения по нотам сигналов. Честь имею присовокупить, что Мусульманские войска распущены по всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство, будь угодно формировать иррегулярные войска по желанию Государя Императора из Мусульманских полков Закавказом, то снабдить меня инструкциею для устройства Иррегулярных войск и содержание их, почему буду стараться и употреблять все возможное средство к исполнению возложенной на меня новой поручительности»⁵¹.*

В первых числах ноября из Тифлиса пришел отзыв генерала Головина. Выполнение желания бывшего наиба относительно подчинения ему кенгерлинского племени представлялось главноначальствующему невозможным. Опасение вызывало то, что самая воинственная часть населения провинции постоянно будет под крылом своего природного вождя.

Николай I прислушался к мнению своего сановника. 7-го ноября он повелел: все просьбы Эхсан Хана, касающиеся его жалованья, положения его личной прислуги и имений удовлетворить, но кенгерлинское племя ему в подчинение не отдавать⁵². В качестве «компенсации» за кенгерлинцев Головин предлагал подарить хану шесть тиульных деревень, но Император не пошел и на это⁵³.

Таким образом, хан был окончательно устранен от власти. Перед выездом на родину ему, бывшему кадровому офицеру персидской армии, Император и военный министр поставили лишь задачу поддерживать в боеготовности 200 кенгерлинских всадников.

Идея создания в завоеванных азербайджанских ханствах частей, подобных казачьим, возникла несколько ранее и принадлежала Паскевичу. Она родилась у него во время Турецкой войны 1828-1829 гг., где конно-мусульманские полки проявили себя блестяще. Впоследствии Иван Федорович, будучи уже наместником в Царстве Польском, частично реализовал свою мысль, организовав у себя Закавказский конно-мусульманский полк, стяжавший себе славу в Венгерской войне 1849 года. Из Варшавы он писал Императору: *«Магафы, персиянские куртины, кянгерлы и другие кочующие племена за Кавказом могли бы вообще составить нерегулярную конницу, в роде наших Донских казаков, и были бы очень полезны нам на этом основании. Но наперед надобно собрать об них верные сведения и сделать расписание на полки, которые будут выходить на службу с собственным оружием и лошадьми без всякого пособия от правительства, исключая жалованья, провианта и фуража, за время действительного служения, когда же мера*

Граф А. Х. Бенкендорф.
Худ. П. Ф. Соколов.

эта утвердится, то ее можно будет постепенно распространить и на прочих поселян»⁵⁴.

Самым благодатным материалом для создания иррегулярной конницы было, естественно, военное сословие, существовавшее в Закавказье еще со времен Сефевидов. Придать этим людям соответствующую организацию, при желании, было нетрудно; война была единственным их занятием и природным инстинктом. Таких воинов, называемых маафами, намнаузами или нукерами (в Нахичеванской провинции эту роль, как мы знаем, выполняли кенгерлинцы), насчитывалось более четырех тысяч человек. В 1837 году Николай I узаконил их особое положение «служилыхлюдей», обязанных несколько лет находиться в Конно-мусульманском полку в Варшаве, а по возвращении на Кавказ выполнять функции пограничников, охранников, полицейских. За это они были освобождены от земских повинностей. Тем не менее, было запрещено передавать звание маафа по наследству. Благодаря последнему ограничению, с каждым годом количество маафов неуклонно уменьшалось. Приграничное положение края и отсутствие в нем в те годы достаточного количества регулярных войск настоятельно требовало от правительства мер по привлечению всегда вооруженного населения Кавказа в военные соединения, и такие малочисленные части временного состава периодически выходили в экспедиции против горцев, однако для создания войск на серьезной основе требовалась не только военная организация, а еще и узаконение налоговых льгот и наследование звания, чем обладали казачьи войска Российской Империи.

Но время шло, а вопрос не решался. Паскевич, который мог реализовать свою идею, находился в Царстве Польском, а главноуправляющий Кавказом генерал Головин ничего не предпринимал. Пришедший на смену последнему в 1842 году генерал Нейдгардт за свое недолгое управление краем (до 1844 г.) не имел возможности, из-за войны с Шамилем, обратить достойное внимание на вопрос об иррегулярных войсках. По его рапорту в январе 1843 года состоялось лишь формальное назначение Эхсан Хана военно-походным атаманом Закавказских мусульманских войск. Для любопытного читателя приведем тут несколько пунктов данной нашему герою инструкции:

Официальное уведомление
 о смерти Эхсан Хана Кенгерлы
 по военному ведомству

«1. Мусульманские войска поручать его начальству в то время когда они будут сформированы в составе полков. 2. В случае внешней войны, подчинять Эхсан-хану все Мусульманские войска. 3. Когда будет определен состав Мусульманских полков, в то время возложить на Эхсан-хана осмотров один раз в год, с тем однако же, что бы таковые осмотры производились не иначе, как с разрешения Командира Отдельного Кавказского Корпуса и 4. Кингирлинцев подчинить генерал-майору Эхсан-хану на основаниях, изложенных генералом от инфантерии Головиным, в представлении его от 11 июля минувшего года за № 687»⁵⁵.

К сожалению, полезную для державы идею «азербайджанского казачьего войска» осуществить так и не удалось. В феврале 1846 года генерал-майор Эхсан Хан скончался⁵⁶. Своим благородством, верностью данному слову, личной храбростью он завоевал огромный авторитет не только в Тифлисе, но и в Петербурге. На его примере российские власти убеждались в необходимости привлекать на службу мусульманскую элиту Кавказа.

С уходом из жизни Эхсан Хана кенгерлинцы лишились своего защитника в высших сферах. В 1850 году кавказский наместник князь Воронцов предложил лишить их налоговых льгот, и 9-го ноября было утверждено *«Положение об обращении живущих в Нахичеванском уезде Кенгерлинцев в сословие государственных поселян»*. Со вступлением данного документа в силу племя, исключая коренных ханов и беков, утратило свое привилегированное положение, и искусственно было опущено на самое дно российского общества.

Продолжала до 1853 года существовать лишь кенгерлинская конница. В воздаяние заслуг отца, ее принял в командование старший сын Эхсан Хана - штабс-капитан Исмаил Хан. Издержки на содержание фамильной кавалерии покрывались податями, которыми были отныне обложены кенгерлинцы⁵⁷.

Глава 5

Подрастающее поколение кенгерлинцев • Воспитание в новом духе Чингильский бой

тараясь расширить свое влияние в завоеванном крае, дальновидное правительство Российской Империи придавало огромное значение русификации кавказской знати. Самым благодатным материалом для этого были отпрыски лучших фамилий, которых, где убеждением, где силой, где посулами, изымали из семьи и перевозили в Центральную Россию для воспитания и обучения. Затем подросших юношей определяли на государственную службу*.

Процесс возвращивания из юной поросли ханских и бекских родов «пятой колонны» начался немедленно после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. В 1833 году в Постановлении Государственного Совета о преобразовании системы управления в Закавказье было по этому поводу сказано: «...Дети их (то есть ханов и беков), по званию дворян, обязаны будут определяться в службу и преимущественно в военную, что доставит в руки правительства самые надежные залогов в верности отцов; но дабы еще более усилить сие моральное влияние, то необходимо утвердить в Тифлисе воспитательное заведение для детей дворянства. Из сего училища по научении их начальным основам русского языка, арифметики и прочему, в средних училищах преподаваемому, и по достижении ими 12 лет, отсылать их для окончательного образования в Москву или Петербург в корпуса, академии и другие училища. По выпуске из сих заведений они должны 5 лет прослужить в России, и тогда перемещать их можно за Кавказ. Отлучка, воспитание и служение среди россиян обрусит их и даже ослабит

* Ранее Россия для удержания в повиновении мусульман Кавказа широко использовала восточный метод - брала аманатов. Но перед лицом «просвещенной» Европы стала использовать методы британцев, то есть воспитывать у себя детей местной элиты.

*магометанство, которое ныне составляет немаловажную преграду в сближении их с русскими*¹. Таким образом, был найден простой способ держать в повиновении лиц, которые являлись для России фигурами политическими*.

Отпрыски наших героев были в числе первых азербайджанцев, воспитанных в русской традиции. Сын Назар-Али Хана - Риза-Кули Хан -еще мальчишкой был увезен Паскевичем в Варшаву. Там же, под крылом фельдмаршала, служили юные Гусейн Султан, Исмаил Ага и Искендер Ага, сын и внуки начальника кенгерлинского племени Лютф-Али Султана. Трое последних были затем оставлены в Закавказском конно-мусульманском полку, а Риза-Кули Хан был отправлен в Санкт-Петербург, где с 1830 года функционировал так называемый Дворянский полк, призванный дать юношам-мусульманам начальные основы для дальнейшей службы: научить русскому языку и простейшим военным навыкам, привить правила поведения в столице и при Дворе. После подготовки в Дворянском полку Риза-Кули Хан, уже в офицерском звании, был командирован в Уланский Его Высочества Великого князя Михаила Павловича полк. Только в 1848 году ему было разрешено вернуться на Родину и поступить на службу в Кенгерлинское войско².

Старший сын Эхсан Хана — Исмаил Хан — одним из первых был помещен в учрежденную Николаем I Тифлисскую гимназию. Ему преподавали арифметику, историю России, французский язык, русскую грамматику и европейские танцы. Кроме русского языка, как гласит послужной список, он владел *«персидской и татарской грамотой»*¹. В торжественный день окончания выпускных экзаменов гимназию посещал кавказский генералитет, высшее духовенство и заслуженные лица. Затем десять мальчиков увезли в Москву и Петербург в кадетские корпуса, а Исмаил Хан, по прошению отца, был направлен в Варшаву, в Закавказский конно-мусульманский полк. Там он должен был провести пять лет, и только после окончания срока службы ему, как и другим юношам, было позволено вернуться на Кавказ. Кроме Исмаил Хана в столицу Царства Польского были командированы сыновья многих ханов и беков: Бакихановы, Талышхановы, Ханы Хойские, Агаларовы, Кенгерлинские, Новрузовы и др.

Прибыв в Варшаву в 1839-м, уже через год Исмаил Хан, за отличие во время маневров, был произведен в первый офицерский чин прапорщика. В 1844 году он был уже штабс-капитаном. Когда 5-летний срок службы закончился, молодой офицер вернулся на Кавказ, где вскоре после смерти отца, в 1847 году, принял начальство над Кенгерлинским войском⁴.

Младшему же сыну нахичеванского наиба, названному в честь деда Келб-Али Ханом, выпало редкое счастье получить образование в столице, в самом элитном

* Разработкой этой системы руководил сам граф Александр Христофорович Бенкендорф.

военно-учебном заведении Империи, которое называли не иначе как «колыбелью государственных деятелей России», — Пажеском Его Величества корпусе. Мальчик *«был отправлен туда по повелению императора Николая I»*⁵.

История корпуса в России началась при Императоре Павле I, с прибытия в Петербург рыцарей Мальтийского ордена. Изгнанные с острова Мальты англичанами, они взялись готовить для своего новоиспеченного гроссмейстера верных слуг престола и династии ...и на берегах Невы на рубеже XIX века возник Пажеский корпус. Характерный нагрудный знак пажей был утвержден в виде мальтийского белого креста. В корпус принимали мальчиков исключительно из потомственных дворянских семей, причем только сыновей и внуков заслуженных генералов и адмиралов *«за заслуги отцов и дедов»*. Поэтому пажем мог стать отпрыск нетитулованного, но прославившегося на войне рода, а какой-нибудь князь или граф — остаться за бортом учебного заведения. При столь ограниченном наборе воспитанников (во времена Келб-Али Хана пажей было всего 134 человека и 16 камер-пажей) и огромном числе претендентов (после Наполеоновских войн количество генералов было очень велико) юному хану удалось пробиться в штат только благодаря личному участию Государя, благоволившего к его отцу. Во времена Келб-Али Хана можно было выстроить весь корпус, и по фамилиям находящихся в строю пажей проследить всю историю царствования Александра и Николая Павловичей. Наш герой стал первым из мусульман Кавказа, кто по Высочайшему повелению был занесен в списки пажей. Вслед за ними в течение более трех десятилетий эта вершина не покорялась никому из их единоверцев, пока по ходатайству кавказского наместника Великого князя Михаила Николаевича в Пажеский не попал старший сын самого Келб-Али Хана. Можно сказать, что учеба в корпусе, который был тесно связан со Двором и Царской Семейей, выделила Нахичеванских Ханов из числа других знатных

Офицер конно-мусульманского полка
Исманл Хан Нахичеванский или его
шурин Исманл Ага Кенгерлинский.
Принадлежность фотографии
до сих пор не установлена.

родов Кавказа и во многом определила судьбу трех поколений наших героев, о чем будет рассказано в следующих главах.

Трудно представить, как на первых порах чувствовал себя маленький

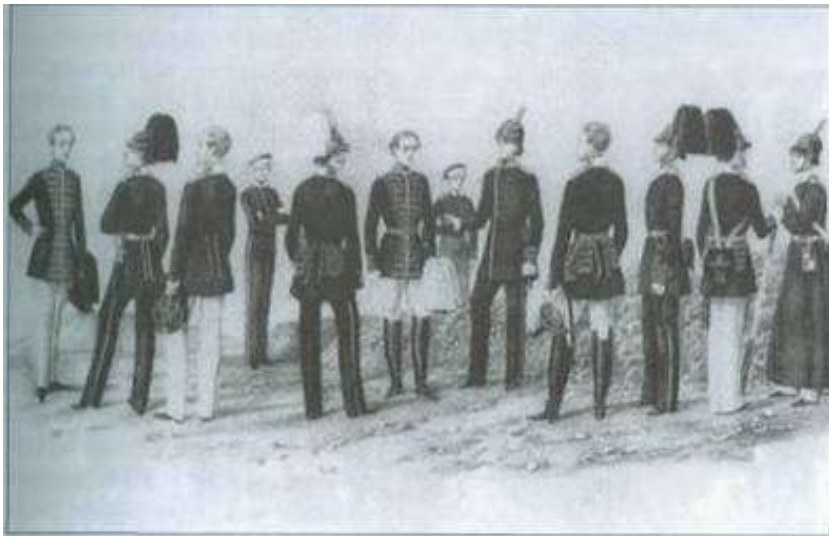
Орден св. Иоанна
Иерусалимского –
официальный знак Пажеского
Его Величества корпуса.

азербайджанец на берегах Невы. Не зная толком русского языка, он с головой окунулся в новую атмосферу великого города. Его в корпусе к *нему* как и к другим воспитанникам, приставили служителя, который чистил ему обувь и одежду, раздевал и одевал, мыл в бане, как маленького. Директором Пажеского корпуса в те времена был генерал Павел Николаевич Игнатъев, впоследствии председатель Совета Министров, член Государственного Совета, кавалер ордена Андрея Первозванного. Высокое общественное положение директора определяло и особенный статус самого учебного заведения. От других корпусов Пажеский отличался более широкой программой, особенно в области изучения иностранных языков и придворного этикета. В учебном заведении тогда было три

класса, на 50 пажей каждый, и старший класс, изучающий военное дело. Хорошо успевающих пажей старших классов *«переименовывали»* в камер-пажи и допускали к придворной службе. Много времени уделяли вольтижировке, рубке и другим упражнениям, делавшим из мальчиков лихих наездников. Зимой пажи ездили в придворный манеж, где на лошадях Царской Свиты занимались под управлением одного из царских берейторов. Летом они выступали в военный лагерь под Красным Селом вместе с гвардией. В 40-50-е годы в корпусе *«учились мало, шалили много»*, но воспитание было поставлено так, что *«результаты получались самые блестящие»*. Одним словом, во главу угла ставили не научные знания, а задачу сделать из юного дворянина воина и верного слугу своего Государя. Не забывали и о насаждении правил поведения в культурном и благовоспитанном обществе, об умении иметь всегда блестящий внешний вид, общественный такт.

Прожив бок о бок несколько лет, пажи становились как братья. Все они, от мала до велика, были между собой на «ты». Бывшего пажа всегда можно было узнать по простоте манер и умению держать себя в любой среде.

Келб-Али Хан, как и все его однокашники, воспитывался в патристических чувствах верности России и Императору. Пажи росли на глазах Царской Семьи и до выпуска в строй фактически были ее членами. Никто специально не внушал им любви и преданности своему сюзерену, никто не твердил о долге, доблести и самопожертвовании. Но во всей обстановке

Униформы пажей. 40-50-е гг. XIX в.

Пажеского корпуса было нечто такое, что без слов говорило им об этих высоких понятиях. В здании по улице Садовой, в дежурной комнате, были развешаны портреты Монархов, а в особой Георгиевской комнате (музей Паскевича) на белой мраморной доске были высечены имена пажей-героев и хранились портреты 40 Георгиевских Кавалеров из числа пажей⁶.

В 1846 году Келб-Али Хан вернулся из Пажеского корпуса домой. Внезапная смерть отца не позволила ему полностью закончить курса (официальная формулировка для увольнения звучала «по болезни»)⁵.

Если процесс обрусения мальчишек и юношей в военно-учебных заведениях и полках, находившихся за многие сотни верст от закавказской глубинки, шел семимильными шагами, то в Нахичевани он только делал первые попытки. Этому способствовало созданное Эхсан Ханом Нахичеванское уездное училище, подчиненное Министерству народного просвещения. По данным на 1845 год, в нем обучался 71 мальчик⁷.

Через него прошли сыновья тех ханов и беков, кто не мог себе позволить обучение отпрыска в Тифлисе, Петербурге или Москве, или не хотел отпускать его от себя. Были, конечно, и те, кто не желал для своих детей образования в европейском ключе. Такие семьи ограничивались жизнью помещиков в крае, постепенно снижая свой социальный статус и претензии. Ничего не снискав для себя, они не дали ничего и следующему поколению. Но большинство почло своим долгом обеспечить ребенку хотя бы начальное образование, научить русскому языку и арифметике. Выпускники Нахичеванского училища стали со временем заполнять

вакансии губернских государственных учреждений*, гордо причисляя себя к интеллигенции.

Девочки же воспитывались в учрежденной княгиней Воронцовой в Эривани гимназии благотворительного общества святой Рипсимии. Это учебное заведение, открытое 1-го января 1850 года, делало из юных азиаток барышень, способных блеснуть в любом российском дворянском обществе. Приходя в младший класс, азербайджанки меняли национальный костюм на гимназическую форму и начинали экскурс в новый мир российской культуры с изучения басен Крылова. Живые, говорливые и остроумные, они схватывали на лету все то, что более «культурные» дочери Европы усваивали долгими месяцами. Впечатлительный ум служил благодатной почвой для любого знания и, как губка, впитывал все то лучшее, что предоставляла русская классическая гимназия. Признанные образчики мировой литературы уютно помещались в аккуратных черных головках и наполняли их новым содержанием. Им преподавали русский язык, арифметику, историю, географию, чистописание. Воспитание велось без различия национальностей и вероисповедания. Для особо прилежных губернские нобили учреждали персональные стипендии. В 1852 году заведение св. Рипсимии воспитывало 28 девочек (10 православных, 11 армянок и 7 азербайджанок)⁸.

Эйвер Ханум – супруга принца
Фетх-Али Мирзы Каджара

К замужеству дочери и сестры ханов и беков достигали впечатляющего уровня образованности, в европейском смысле слова, и только национальный костюм и внешний облик выдавал в них азиаток. Они становились желанными

* 9-го июня 1849 года последовал Высочайший указ об образовании Эриванской губернии, которая была официально открыта 1-го января следующего года в составе Эриванского, Нахичеванского, Александропольского, Ново-Баязетского и Ордубадского уездов.

подругами жизни для первейших представителей мусульманской элиты Кавказа, какими были Максуд Алиханов, Исмаил Хан Зиядханов, Фетх-Али Мирза принц Каджар... В высшем обществе Тифлиса и Баку было несколько случаев, когда такая вот азербайджанка, дочь или супруга офицера Кавказской армии, внезапно заставляла своей прекрасной французской речью открыть от удивления рот видавшего виды сановника или светскую львицу. Элементы национальные и русские соединялись в них в оригинальный сплав и вполне мирно соседствовали между собой. Книги и газеты заменили им суры Корана, обстановка дома и привычки окрасились характером европейским, но рядом с этим хозяйство велось на местный лад, религия и обычаи соблюдались строго.

Появление этого нового типа женщины в Закавказье сразу сместило в ее сторону акценты внутрисемейных отношений. Влияние высококультурной матери на ее отпрысков возросло и явилось результатом рождение не менее интересного поколения, а за ним и еще одного, которым суждено было писать страницы истории на закате XIX века и первые два десятилетия века следующего.

В Нахичевани постепенно сформировался слой влиятельных людей, связанных с Россией определенной культурной общностью. Те, кто прожил несколько лет в Петербурге или Варшаве, считали себя уже частью российского дворянства. В Нахичевани они держались особняком, мужчины - так называемым кружком «франкмасонов». Образ их жизни заметно отличался от сложившегося в провинции уклада. Даже в отношении религиозного культа «европейцы» стояли отдельно — они придерживались шиитского течения «нуктевийе», отличавшегося максимальным либерализмом. По воспоминаниям старейшин кенгерлинского племени, *«местом этой своеобразной масонской ложи, члены которой главным образом обращали на себя внимание склонностью к кутежам, быт избрана гробница почитаемого святого Пир-Якуба, недалеко от ханского дома»*⁹. Там за бутылочкой вина «масоны» любили обсудить последние мировые новости, вспомнить годы былой службы, поспорить на политические темы. Последователи другого либерального течения - «шейхи», к которым принадлежали многие влиятельные мусульмане и сам Исмаил Хан Нахичеванский, позволяли себе курить в Рамазан и открыто пить водку, что некоторым образом сближало их с русскими¹⁰.

27-го сентября 1853 года Турецкий Султан Абдул-Меджид предъявил России 15-дневный ультиматум об отводе ее войск из княжеств Молдавии и Валахии. Рейд российского флота под командованием Нахимова в бухту Синопа и разгром турецкого флота открыл кампанию. Началась Восточная война.

Турецким властям восточных санджаков Анатолии понадобилось всего несколько суток, чтобы мобилизовать иррегулярное конное ополчение и направить его в Эриванскую губернию. Курды, кочующие в предгорьях хребта Агры-Даг*, составлявшие ядро первых отрядов башибузуков, перешли по перевалам в Сурмалинский участок российской территории, перерезав по пути несколько казачьих постов, охранявших границу. Затем начался массовый грабёж

окрестных сел, убийства, насилия. Вслед за курдами явился отряд из четырех батальонов, при шести орудиях и двух тысячах башибузуков, и вплоть до конца ноября, когда дороги через пограничную горную цепь стали непроходимы, довершал начатое курдами дело, после чего безнаказанно вернулся восвояси.

Все это время губернские власти вынужденно бездействовали. В их распоряжении тогда находился всего лишь линейный батальон, расквартированный в Эривани, и Донской казачий № 23-го полк, охранявший границу. Начальство и солдаты заперлись в крепости, напуганные слухами о массовом вторжении неприятеля.

И без того тяжелая обстановка осложнялась волнениями, начавшимися среди местных мусульман. Засилье чиновников-армян, быстро адаптировавшихся к условиям российского правления и во многих случаях намеренно вредивших своим историческим недругам, и ранее вызывало недовольство туземцев, а с приходом турецких войск стихийный протест стал приобретать организованные, хотя и локальные формы. Азербайджанцы и курды целыми группами стали присоединяться к неприятелю, поступали в его войско.

Если нам, хотя бы в малой степени, удалось объяснить читателю положение дел и обрисовать атмосферу, царившую в губернии в те дни, то он, несомненно, оценит поведение наших героев. Напомню перед этим, что они также были мусульманами и в турок скорее претендовали на роль союзников, чем врагов.

Вместо того чтобы ожидать дальнейшего развития событий, как на их месте поступили бы многие, Исмаил Хан и Келб-Али Хан безоговорочно встали на российскую сторону. Оба энергично взялись за организацию в губернии ополченческих конных частей, способных помочь регулярным войскам.

Келб-Али Хан уже имел боевой опыт, приобретенный им ранее в войне на Северном Кавказе. Еще зимой 1848 года, когда стало известно о готовящейся экспедиции против горцев, он вызвался вести Кенгерлинскую конницу для участия в ней. *«Охотником отправился в Дагестан и при взятии Гергебилья заслужил первый офицерский чин»*-. В этой экспедиции, кстати, отличились и кенгерлинские беки: Керим Султан, получивший медаль с надписью «За храбрость»¹¹ и Гусейн-Кули Бек, удостоенный последовательно сразу двух офицерских чинов - поручика и штабс-капитана, а также ордена Св. Анны 3-й степени¹², а также наиб Махмуд Ага, произведенный за отличие против горцев в прапорщики¹³. Затем, вплоть до начала

* Главную вершину этого хребта персы называли «Кули-Нух» - «Гора Ноя»; армяне: «Масис» - «Мать Мира»; азербайджанцы: «Агры-Даг» - «Гора боли» или «Расколота гора». Самым древним тюркским названием было «Ар-Арвад» - «Муж-Жена», которое в русской историографии превратилось в «Арагат». Как писал Е. Г. Вейденбаум, европейские путешественники, услышав рассказы местных жителей, познакомили «армян с неизвестным до тех пор названием *Арагат* в применении к горе, которую сами они всегда называли *Масис*».

Восточной войны, Келб-Али Хан проживал в Нахичевани. Он поступил на службу чиновником для особых поручений при эриванском военном губернаторе. В начале 1853 года хан был произведен в подпоручики¹⁴.

Естественно, что с началом боевых действий в родной губернии Келб-Али Хан взялся за хорошо знакомое ему дело — сбор под русские знамена местной милиции. К концу октября 1853 года он поставил в строй три сотни конных вооруженных людей. Все они шли на службу добровольно, ведь мусульмане не несли воинской повинности. Милиционеры приобретали коня, сбрую и оружие на деньги, выделенные жителями своих селений.

С объявлением войны опрометчивые кавказские сановники поспешили упразднить верное им Кенгерлинское войско. Это безосновательное решение, продиктованное боязнью «мусульманского мятежа», привело к тому, что осенью 1853 года шайки курдов хозяйничали по всей приграничной части губернии.

Кенгерлинцы, обложенные податями и негласно объявленные властями «ненадежными», более уже не хотели, как в былые времена, служить.

Исмаил Хан, а также несколько кенгерлинских беков из числа офицеров, перед лицом турецкого нашествия откинули обиду в сторону и отозвались на призыв губернатора помочь. В Эривани был организован сборный пункт так называемой Бекской дружины, в которую предлагалось вступать местным дворянам. Исмаил Хан возглавил это начинание.

Ставка на дворян оправдалась. В отличие от кенгерлинцев, которых лишили всех льгот, беки и агалары, получившие подтверждение поземельных прав еще в 1846 году, склонны были упрочить свое положение военной службой властям. Кроме того, некоторые из них получили российское воспитание и по велению сердца пошли на сборные пункты. Подобно московскому дворянскому ополчению, ходившему в походы на Крым и времена первых Романовых, азербайджанские беки в 1853 году стремились на деле доказать свою преданность Императору Николаю Павловичу. Они приезжали на сборный пункт в Эривани, окруженные взрослыми сыновьями и своими нукерами. В дружину вступило также несколько городских обывателей. Особенно много было

представителей семей Ханов Макинских* и Эриванских**. Оружие, лошадь и обмундирование каждый волонтер имел собственное, нукеры — за счет своих хозяев. Вскоре Бекская дружина выступила по направлению к селению Игдырь, на помощь казакам, в зону, где хозяйничал неприятель.

Поджидая направленные командованием к Эривани регулярные войска, губернские власти ограничились оборонительными действиями; казаки, беки и милиционеры, по возможности, старались не вступать в прямые столкновения с противником. Впрочем, турки также не форсировали событий, не переходя на левый берег реки Аракс. А с наступлением зимы они вообще оставили Сурмалинский участок и отступили через Агры-Даг в пределы Османской Империи¹⁵.

В продолжение холодного времени года, до самого апреля, военные действия не возобновлялись. Русский Эриванский отряд, начальником которого был назначен генерал-лейтенант барон Карл Карлович Врангель, закончил свое комплектование. Он состоял из пяти батальонов пехоты старых кавказских полков (1-й и 5-й батальоны Мингрельского егерского, 5-й — Тифлисского егерского, и 1-й и 2-й — Ширванского пехотного полков), двенадцати орудий, шести сотен Донского казачьего № 23-го полка и семи сотен местной милиции, всего около 3,5 тысяч человек¹⁶.

В милицию входили две сотни Бекской дружины Исмаил Хана и конное ополчение Келб-Али Хана, которое было преобразовано в Конно-мусульманский полк № 4 пятисотенного состава***. Всадники были наняты в полк на шесть месяцев за счет жителей Эриванской губернии, плату им выдали вперед для заведения коня и оружия. Записывались в основном бедняки, с целью поправить

* Род Макинских - один из наиболее известных азербайджанских родов Эриванской губернии. Происходил из младших ветвей ханов Маку, правивших в полунезависимом ханстве в Персии. Российское подданство приняли те представители семьи, кто имел земли в бывшем Эриванском ханстве. Уделом Макинских была в основном гражданская служба, приобрели известность несколько юристов этой фамилии. Женщины из рода Макинских традиционно выходили замуж за мужчин из рода Ханов Нахичеванских.

** Проживавшая в Эриванской губернии семья Ханов Эриванских. как и Шахи Персии, происходила из племени Каджар, однако не «астрабадско-ардебильемнг, I «карабахско-гянджинской» ветви рола Зийяд-оглы. Во второй половине XVIII века представители этой линии были независимыми правителями, но за неповиновение правящей династии были свергнуты Фетх-Али Шахом. Последним эринанским ханом был Магомед Хан. соратник слепого Келб-Али Хана. После 1828 года семья приняла российское подданство и впоследствии выдвинула целую плеяду талантливых гражданских чиновников (в том числе и одного депутата Государственной Думы России). Ханы Эриванские многими браками связали себя с семьей Нахичеванских.

*** Аналогичные части были созданы в других губерниях Закавказья, населенных азербайджанцами: полк № 1 - в Шекинском уезде, № 2 - в Шемахинском, Нухинском и Ленкоранском, № 3 — в Елизаветпольском.

свое материальное положение за счет жалованья и военной добычи. Чтобы усилить офицерский состав конно-мусульманского полка, Исмаил Хану пришлось оставить Бекскую дружину; он занял должность заместителя командира полка. В помощь ему был назначен капитан Гусейн Султан Кенгерлинский, в прошлом, как мы помним, офицер Закавказского конно-мусульманского полка в Варшаве. Кроме того, к конно-мусульманам были прикомандированы несколько офицеров из регулярных частей. Возглавил полк казак — войсковой старшина Чернов. Начальство над Бекской дружиной принял после старшего брата, естественно, подпоручик Келб-Али Хан.

Эмблема турецкой армии XIX в.

Противостоял Эриванскому отряду турецкий Баязетский корпус Селима Паши, насчитывавший к маю 16 тысяч человек (девять тысяч пехоты и семь тысяч кавалерии, при восьми орудиях). От барона Врангеля командующий Кавказским корпусом генерал-лейтенант князь Бебутов*требовал лишь охраны Эриванской губернии от вторжения неприятеля. Таким образом, наши войска занимали оборонительное положение.

В конце марта 1854 года Бебутов получил сведения, что турецкие курды, из-за обилия снега на их территории, пасут свой скот на пастбищах Сурмалинского участка. Возмущенный этим фактом, командующий корпусом предложил начальнику Эриванского отряда отбить стада. Тот, переправившись через Аракс, отправился в селение Игдырь и выдвинул к границе пехоту и конницу. В составе последней были и братья Нахичеванские со своими всадниками.

Стада были успешно отбиты. За исключением нескольких быков и баранов, розданных в пищу войскам, генерал Врангель передал земской полиции 550 штук крупного рогатого скота, 4200 баранов, 26 лошадей и 7 ишаков, а невооруженных пастухов выпроводил за границу¹⁷.

* К тому времени Николай I по многочисленным просьбам некоторых «заинтересованных лиц» простил Бебутова и вернул его на службу в Закавказье.

С этого первого соприкосновения с противником и началась кампания 1854 года, сделавшая двух сыновей бывшего нахичеванского найба известными в Кавказской армии и определившая их дальнейшую успешную военную карьеру. В ходе нее было много стычек с противником и кровавый Чингильский бой — один из наиболее ярких моментов войны. Забегая вперед, надо сказать, что той славы, которую имели четыре конно-мусульманских полка и конница Кенгерлы в русско-турецкую войну 1828-1829 гг., Бекская дружина и полк № 4 во время Восточной войны не снискали. И тому были свои объективные причины - не было в рядах туземных милиций 1853-1856 гг. тех воинов прошлого, имевших громадный боевой опыт локальных войн, не было уже и великолепной конницы Кенгерлы. Тем не менее, Исмаил Хан и Келб-Али Хан со своими нукерами показали всему Эриванскому отряду и прославленное мастерство верховой езды, и искусство владения холодным оружием, и бесшабашную отвагу бешеной кавалерийской атаки.

В конце мая Эриванский отряд перешел на правый берег Аракса. 22-го мая группа русской конницы выступила к границе для осмотра перевалов через Агры-Даг. По результатам этой успешной разведки барон Врангель представил князю Бебутову свои соображения с предложением перейти к активным действиям на территории противника. Пока высшее командование решало судьбу отряда, произошло два незначительных столкновения с турками¹⁸. За отличие в последнем из них прапорщик Бекской дружины Сулейман Хан, сын майора Ахмед Хана Маки некого, был произведен в подпоручики¹⁹.

После этого Эриванский отряд простоял в бездействии до половины июля, пока не прибыли арбы и повозки с продовольствием и не пришло разрешение князя Бебутова действовать наступательно.

Во время описываемых боевых действий несколькими десятками верст восточнее Игдыря происходили события, достойные быть упомянутыми в нашей книге. Начались они с обнаружения в Нахичевани турецких прокламаций. Военный губернатор генерал-майор Назоров не нашел ничего лучшего, чем послать в город, для ареста политически неблагонадежных, две сотни Донского № 4-го полка и роту линейного батальона. В довершение всего уездный начальник

Башибузук

получил от губернатора предписание собирать армянскую милицию, а в Нахичевань для проведения следствия был командирован чиновник-армянин.

Нет причин говорить, до какой степени мусульмане были оскорблены в своих лучших чувствах к российскому правительству*. Они негодовали... Тем не менее, никаких беспорядков в городе не произошло. И если бы не единственный, но серьезный эксцесс, весь шум улегся бы сам собой.

Вышеупомянутый чиновник-армянин, на свою беду, решил начать свое расследование с визита к *«коротко знакомому своему Ширин-Султану, одному из почетных и зажиточных жителей уезда; Ширин-Султан принял его и угостил».*

«За бутылкой вина чиновник откровенно признался зачем он приехал; объявил, что многих жителей подозревает в принятии и распространении турецких прокламаций, назвал по именам наиболее богатых и просил Ширин-Султана содействовать ему в разъяснении дела. Ширин-Султан отвечал, что слух о прокламациях ложен, и отказал на отрез. Оба были навеселе; между ними завязался спор, кончившийся дракой. Ширин-Султан избил чиновника, который вырвавшись из его сабли, бежал в соседнюю деревню, оставил свою шапку, лошадь и весь багаж и тотчас донес, что Ширин-Султан, при требовании показать прокламации турок, хотел убить его, отнял у него лошадь и все вещи, и сам он едва успел спастись»²⁰.

Естественно, власти послали команду солдат схватить бека, но тот бежал в горы со всей семьей. Новая команда из казаков и добровольцев-армян стала преследовать Ширин Султана. В Нахичевани в среде азербайджанской верхушки началось брожение умов, грозившее перерасти в открытое выступление против правительства.

Бунт готов был уже вспыхнуть, когда два распоряжения генерала Врангеля помешали этому. Барон просил эриванского губернатора строго взыскать с замешанного в скандале чиновника-армянина. В Нахичевань Карл Карлович направил *«служившего в отряде офицера из местных почетных жителей, человека добросовестного и хорошо воспитанного»²¹*. Этим последним был не кто иной как Келб-Али Хан²¹.

Конечно, сын бывшего нахичеванского наиба успокоил жителей. К населению было сделано обращение о забвении всех политических прегрешений... Воззвание было услышано. Наказание провокатора-армянина также произвело позитивное впечатление. Многие из бежавших явились домой, а впоследствии возвратились почти все.

Беспорядки, не успев начаться, затухли, и военные вновь повернули головы к турецкой границе. В начале июля князь Бебутов прислал барону Врангелю положительный ответ на его прошение перейти в наступление в

* При всех негативных сторонах правления Ермолова и Паскевича на Кавказе ни один, ни другой не позволяли себе затронуть недоверием восприимчивую душу азербайджанца. Поэтому первый всегда имел под рукой азербайджанскую конницу во время экспедиций в Дагестан, Чечню и Западный Кавказ, а второй — в походе на Эрзерум.

Переправа русского отряда через горную реку. 1855 год. Худ. Ф. А. Рубо.

Баязетский санджак. К тому времени все перевозочные средства, провиантский магазин и госпиталь были готовы к походу. По сведениям россиян, Баязетский корпус к июлю усилился до 18 тысяч человек, в том числе было шесть тысяч регулярной пехоты, при восьми орудиях.

Настал решительный момент. Выступление было назначено на вечер 16-го июля. Скрытным ночным маршем Эриванский отряд должен был подняться на Чингильский перевал и овладеть высотами раньше противника. Особая роль отводилась казакам и милиции; кавалерия посылалась вперед для захвата и удержания, до подхода главных сил, намеченной позиции.

Отряд тронулся в 9 часов вечера под проливным дождем. Главная часть обоза, госпиталь, провиантский магазин и артиллерийский парк остались в Игдыре. Солдаты взяли с собой лишь паек на четыре дня.

Хмурый рассвет возвестил о наступлении дня 17-го июля 1854 года -даты, без которой летопись семьи Нахичеванских не может обойтись. Постараемся в лаконичной, но емкой форме передать читателю произошедшее в тот памятный день на перевале у озера Чингиль («Джангель» - «Озеро души»).

Передовой отряд кавалерии в предутренний час вступил на дно Чингильского ущелья. Всадники шли тремя колоннами. Неожиданно на их головы посыпались пули, возвестившие о большой неудаче россиян - турки опередили Эриванский отряд и заняли господствующие высоты раньше его. План Врангеля сорвался²².

Дальше события потекли бесконтрольно. Правой и центральной кавалерийским колоннам пришлось спешиться в ущелье и завязать с

башибузуками перестрелку. Тем временем, левая колонна, состоящая из сотни Донского № 4-го и двух сотен конно-мусульманского полка, во главе с войсковым старшиной Черновым, шедшая полутора верстами левее по горной тропинке, атаковала и опрокинула около трехсот неприятельских всадников, поднимавшихся к перевалу. Чернов погнал курдов, но, увлеченный, прозевал засаду — отряд численностью до пятисот сабель. Теперь уже русская кавалерия бежала, оставив на месте более двух десятков трупов. Некоторые милиционеры ускакали к Хараб-Абазарскому ущелью, распространяя слух о гибели Эриванского отряда. Чернов с неполными двумя сотнями занял одну гору, на которой и просидел, отстреливаясь, до вечера²³.

В эти утренние часы число турок на Чингильских высотах росло с невероятной скоростью. Они яростно обстреливали русскую кавалерию и спускались к ней с гор все ближе и ближе. Нападавшие были в основной массе курды, турецкой регулярной пехоты на перевале пока не было. В перестрелке стороны провели время до полудня.

Русские батальоны подошли к ущелью только к 12-ти. Их было всего четыре. Пятый батальон с четырьмя орудиями и двумя сотнями кавалерии был оставлен в прикрытие в двух верстах позади. Солдатам требовался немедленный отдых после тяжелейшего 24-верстного ночного перехода. Барон Врангель, невзирая на обстрел, приказал составить ружья в козлы, снять ранцы и отдохнуть. Как вспоминал очевидец, *«сильный хrap поднялся кругом батальонов и без сомнения удивил бы турок, если бы они могли слышать его в зрме неумолкавшего ружейного огня, который производился по пехоте со всех сторон густыми их толпами, с величайшим ожесточением. Некоторые из заснувших вскакивали ранеными пулями, или оставались неподвижными на месте»*²⁴.

На перевал стала прибывать регулярная турецкая пехота, появилось 4 орудия. Перевес в живой силе над русскими был настолько очевиден (как оказалось впоследствии, более чем в четыре раза), что османов поверили, что

противник у них в руках. *«Прибытие каждой новой части турки приветствовали всеобщим возгласом... Это были крики торжества»*²⁵.

Таким образом, прямо перед мизерным русским отрядом в ущелье расположился центр турецкого корпуса, состоящий из регулярной пехоты и артиллерии. Башибузуки «оседлали» прилегавшие высоты, охватывая наши батальоны и сотни с флангов и даже частично с тыла. У барона Врангеля в сложившейся ситуации выбор был невелик: либо штурмовать окаймляющие ущелье горы и завладеть господствующими вершинами, либо попытаться решительной атакой опрокинуть неприятельский центр и, тем самым, выйти в тыл его флангам. Сложность реализации второго плана заключалась в том, что для сближения с турками надо было преодолеть насквозь простреливаемый участок. Об отступлении русский генерал и не помышлял. Имея в подчинении старые кавказские батальоны, прошедшие горнило войны с горцами, он верил в свою силу. Карл Карлович решил атаковать противника в лоб.

Турки сами подали сигнал к сражению, начав в час дня артиллерийский обстрел эриванцев. Медлить уже было нельзя, и генерал Врангель отдал приказ к наступлению. Под прикрытием своих стрелков и артиллерии, пехота с конницей начали перестраиваться в боевой порядок. Пехота расположилась в две линии, справа от нее встали две сотни Донского № 23-го полка, сотня конно-мусульман и сотня курдов под общим руководством есаула Стенюкина, слева три сотни донцов, две сотни Бекской дружины и одна — конно-мусульманского полка, которыми командовал сам начальник конницы Эриванского отряда полковник Хрещатицкий. В этой группе находились и братья Нахичеванские. Все перемещения проходили под сильным огнем турок²².

Настала минута решающей схватки. Вот как рисует происходившее начальник штаба Эриванского отряда полковник Лихутин:

«Сначала, когда войска после отдыха стали строиться, то турки полагали, как мы узнали впоследствии, что мы намерены отступить, и громкий крик опять поднялся из рядов их; но когда движение наше обозначилось вперед, то наступило на короткое время молчание; потом вдруг открылся страшный батальный ружейный и пушечный огонь с высот и из центра их; кругом нас будто загорелось. Турки, занимавшие высоты флангов, не скрывались более за камнями, спускались ближе к нам и поражали нас навесно... Наше наступление производилось быстро, ускоренным шагом. Мы сходились с неприятелем производя также непрерывный огонь артиллерией и цепью. Пальба с обеих сторон была оглушительная, слившаяся в один непрерывный гул. Ядра и гранаты бороздили землю; картечь свистела как порывы ветра. Люди падали и оставались на месте; колонны шли далее, шагая через убитых... Минута атаки в штыки наступила. Раздался бой барабанов, потом команда: «на руку!» Штыки склонились. Раздалось «ура», и

три тысячи голосов подхватили этот клич нашего рукопашного боя; громадный потрясающий звук удесятерился эхом; перестрелка мгновенно прекратилась, и последние картечные выстрелы турецких орудий были заглушены ударом штыков и стоном умирающих. Казаки под командою полковника Хрещатицкого и есаула Стенюкина выскакали во весь карьер на фланги пехоты первой линии и в одно время с нею бросились в пики на орудия и неприятельские батальоны. Рукопашный бой был делом одного мгновения; артиллеристы и передние люди турецких батальонов, не успевшие бежать, легли под штыками и пиками; но вся масса, все задние люди и вся вторая линия не выдержали, не дождались удара и обратились в бегство. Напрасно некоторые турецкие офицеры хотели остановить бегущих и махали саблями; ужас овладел всеми и ничто не могло остановить их...»²⁶.

Внимательный взор Лихутина среди общей свалки сражения заметил и наших героев:

«Многие беки и все имевшие офицерский чин исполняли дело хорошо. Начальник бекской дружины Кельбали-хан, также Измаил-хан и их нукера, бросались вперед вместе с казаками и рубили турок. Кельбали-хан бросился один из первых на правое фланговое неприятельское орудие, и получил за него офицерский крест св. Георгия»²⁷.

После того как неприятель побежал, барон Врангель остановил свою пехоту, а в преследование турок направил кавалерию полковника Хрещатицкого, среди которой выделялись казаки Донского № 23-го полка и Бекская дружина. *«Наши сотни исчезли в массе рассеянного неприятеля»,* гнали и рубили его и остановились лишь через три версты, когда их отозвал обратно командир отряда. Опрокинув центр, россияне занялись флангами деморализованного противника; загнав башибузуков на самые вершины гор, многих уничтожили, других взяли в плен²⁸.

Итог сражения был таков: решительная схватка длилась не более получаса и принесла россиянам полную победу. В их руках оказалось 4 орудия, 16 знамен и 370 человек пленных, множество стрелкового оружия, лошадей и имущества. Все поле сражения было усеяно трупами и тяжелоранеными, в основном турками, которых полегло более двух тысяч. Но и россиян пало немало, из строя выбыло более четырехсот человек. Сам барон Врангель был ранен в ногу. 12-тысячный Баязетский отряд Селима Паши перестал существовать, разбитый более чем вдвое меньшим 5,5-тысячным Эриванским отрядом. Весь Баязетский санджак был у ног победителя²⁹.

Так закончился славный день 17-го июля. Русский, казак и азербайджанец, объединенные трехцветным стягом и клятвой Белому Царю, в кровавой сече разбили грозного врага. Этот бой стал их общей победой.

В своем рапорте от 30-го июля 1854 года генерал Врангель докладывал командующему результаты Чингильского боя. В этом документе были выделены имена 10 офицеров, являвшихся командирами участвовавших в бою

подразделений, в том числе начальника Бекской дружины Келб-Али Хана, и еще 11-го офицера - Исмаил Хана. Среди командиров рангом ниже отмечены действия только тех, кто первыми, со своими частями, приняв на себя вражеский пули, ядра и картечь, дошли до противника и опрокинули его в жестокой рукопашной схватке. В этом перечне также встречаются дорогие нам имена - прапорщиков Бекской дружины Али Хана Эриванского и Паша Хана Макинского и капитана конно-мусульманского полка Гусейн Султана Кенгерлинского³⁰.

За подвиги на Чингильских высотах шесть офицеров были удостоены высшей боевой награды Российской Империи — ордена Святого Георгия. Первыми двумя были сам барон Врангель (орден 3-й степени) и его сын - поручик Тифлисского егерского полка Николай (4-я степень). Высочайший именной указ на их награждение последовал 5-го августа того же 1854 года¹⁹.

Другие четыре офицера ждали Высочайшего именного указа девять месяцев. Тут протекциями и не пахло... Автор считает своим долгом назвать здесь все четыре имени и привести строки наградного документа (Высочайший приказ от 15-го апреля 1855 года):

«Донского казачьего № 23-го полка войсковой старишина Иван Костин, который, командуя сотнею Донского казачьего № 23-го полка... в голове своей сотни вскакал на батарею, изрубил часть прислуги и взял с боя одно орудие.

Тифлисского егерского полка поручик Моисей Сахрунов... ударил в штыки на турецкий батальон... расстроил неприятельскую линию и овладел этим важным пунктом позиции турок, с занятием которого сражение приняло решительный оборот в нашу пользу.

Тифлисского егерского полка поручик Петр Жуков... с ротой вошел на турецкую батарею, переколот часть прислуги и взял с боя одно орудие.

Участник Чингильского сражения
Керим Султан Али-Мамед Ага оглы
Кенгерлинский

Начальник Эриванской бекской дружины, состоящий по особым поручениям при Эриванском военном губернаторе, поручик Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы, командуя Бекской дружиной, при атаке неприятельской батареи, не взирая на убийственный картечный и ружейный огонь, в голове своей дружины, вскакал на батарею, собственноручно изрубил несколько турецких артиллеристов и взял с боя одно орудие»³¹.

Комментируя награждение хана, можно сказать следующее: редкий случай, когда орден Св. Георгия становился первой наградой офицера; еще более исключительный эпизод, когда им был удостоен офицер-мусульманин (в те годы таких было всего несколько человек); и вообще уникальное событие, когда кавалером этой боевой награды становился обычный губернский чиновник.

Впоследствии Келб-Али Хан был удостоен приглашения на Коронацию нового Государя Александра Николаевича³².* В память об этом событии он был отмечен еще одной монаршей милостью — переведен на службу в Царское Село в Лейб-гвардии Его Величества Гусарский полк.

Исмаил Хан был отмечен скромнее — он был переведен в Лейб-гвардии Его Величества Казачий полк с производством в ротмистры (Высочайший приказ от 4-го августа 1855 г.), с «оставлением» при отдельном Кавказском корпусе³³.

После Чингильского боя оба брата стали известны во дворце наместника в Тифлисе. И добродушный домосед Исмаил Хан, и завсегда тай столицных великосветских салонов Келб-Али Хан открыли себе путь к успешной офицерской карьере.

До конца кампании 1854 года, а также в продолжение 1855 года Бекская дружина и Конно-мусульманский полк № 4 продолжали нести службу в Эриванском отряде. Сотни ходили в глубокие рейды по территории Анатолии: к Диадину и Вану, монастырю Сурб-Оганес и далее по течению реки Евфрат до селения Караклис, в Алашкертский санджак и за хребет Алла-Даг («Гора Аллаха»). Несколько молодец-джигитов поступили после войны в Царский Конвой, что само по себе говорит о многом. Вообще же в 1855 году на фронте в рядах Кавказского корпуса находилось около 30 тысяч воинов коренных местных народностей (74 конные и 66 пеших сотен).

Несмотря на этот сам по себе отрядный факт, боеспособность милиций Восточной войны значительно уступала конно-мусульманским полкам Турецкой кампании 1829 года. Они не имели ни тех качеств отборного войска, ни богатого современного оружия и выдающейся резвости коней, ни должного порыва. Маафы, намуназы и кенгерлинии как военное сословие перестали существовать еще во

* Император Николай Павлович скончался 18-ю февраля 1855 года, его здоровье было подорвано неудачами Восточной войны, которые он принимал близко к сердцу. Он ушел из жизни по собственной воле, как человек чести, считая себя главным виновником слабости своего государства.

Команда мусульман Собственного Его Императорского Величества Конвоя.
1860-е. Литография по оригиналу А. И. Геббенса.

времена Воронцова.

В 1856 году, желая восстановить конно-мусульманские полки в том их виде, какой они имели при Паскевиче, губернаторы Закавказья и тифлиссские власти договорились о том, чтобы при сборе милиций руководствоваться принципами, которые давали результат ранее. Главным при формировании должен был стать тщательный отбор всадников, предпочтительно из бывших маафов и намнаузов, и предоставить им определенные льготы. Эриванский губернатор генерал Назоров немедленно вспомнил о кенгерлинцах:

«Из Эриванского уезда избрать лучших всадников из одних только ко-чующих племен... Из Нахичеванского уезда, преимущественно из племени Кенгерлы, может быть выставлено две сотни без особого отягощения, сколько потому, что племя это многочисленнее, столько и потому, что с самого начала войны оно выставляло постоянно по несколько сотен милиционеров, которые большею получили охоту к военному делу и сохранили лошадей и оружие, которыми были снаряжены от своих односельцев. Затем остальные две сотни (если можно не полные) собрать из уездов Ордубадского и Ново-Баязетского по уравнительной раскладке населения.

Таких охотников, которые-бы пожелали идти в полк без всякого вознаграждения от жителей, как опыт доказал, найдется весьма мало; почему необходимо возложить на обязанность односельцев, чтобы избираемые ими всадники были снаряжены на счет общества.

...Надежнейшим средством к исправному снаряжению всадников может быть то, чтобы векили, наибы и сотенные командиры избирались из тех-же самых уездов, которым принадлежат всадники, и чтобы право на получение этих должностей оставалось за теми, которые наиболее будут принимать участие в выборе людей для полка, что должно быть поручено лицам благонадежным; чрез эту меру будут отчасти сокращены и издержки жителей, потому что бек, пользующийся уважением в народе, или старшина кочующего общества скорее всякой начальственной меры повлечет за собою охотников, которые не потребуют таких жертв от жителей, как люди, идущие в поход почти по принуждению.

...Начальник кавалерии Эриванского отряда, полковник Хрецаццки, в видах одной только пользы, которую можно извлечь из мусульманского полка в отношении военном, находит, что было-бы всего приличнее сформировать полк из трех сотен Кенгерлинцев и двух сотен кочевых жителей Эриванского уезда, с тем, чтобы в последние две сотни могли поступать и охотники из других уездов и чтобы каждая из этих двух частей имела особого начальника: 1-я — из Нахичеванских ханов, а последняя -из беков кочевых обществ»³⁴.

Однако нового созыва кенгерлинцев под русские знамена не понадобилось, 18-го марта 1856 года в Париже между воюющими державами был подписан мирный договор. Восточная война закончилась.

В списках награжденных за прошедшую кампанию, тем не менее, встречается много знакомых имен. Не имея подавляющего представительства среди рядовых всадников, кенгерлинцы дали высокий процент офицерского состава. Помимо известных Келб-Али Хана и Исмаил Хана, который по результатам кампании 1854 года был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами³, были отмечены командованием их двоюродные братья, сыновья бывшего командира конницы Кенгерлы майора Фарадж-Уллы Хана: Наср-Улла Хан, служивший помощником командира одной из сотен Бекской дружины (из наград известна золотая медаль в петлицу с надписью «За храбрость», полученная за взятие турецкого лагеря у монастыря Сурб-Оганес 13-го июня 1855 г.)³⁵ и Асад-Улла Хан — наиб в рядах конно-му-сульманского полка № 4 (из наград известна золотая медаль с надписью «За храбрость» для ношения на шее)³⁶. Среди кенгерлинских беков были награждены: Гусейн Султан Лютф-Али Султан оглы (чин майора³⁷ и, в воздаяние отличных подвигов, мужества и храбрости, оказанных в сражениях с Турками в 1854 году, 17 июля на Чингильских высотах), орден Св. Владимира 4-й степени с мечами)³⁰, прапорщик Джафар-Кули Бек Фетх-Али Султан оглы — командир Нахичеванской сотни в Эриванском отряде (орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»)³³ с братом прапорщиком Наджаф-Кули Бекком³⁸ и сыном последнего Наги Бекком (служил в Бекской дружине)³⁹, Вали Ага Хаджи Иса Султан оглы (брат капитана Зейнал Султана) — наиб, командующий сотней конно-мусульманского полка (золотая медаль в

петлицу с надписью «За храбрость»³⁵, Али-Мамед Ага Керим Султан оглы — векиль в составе конно-мусульманского полка (золотая медаль в петлицу с надписью «За храбрость»³⁶, его племянник Ибрагим-Ха-лил Бек Гаджи-Вали Бек оглы (чин подпоручика)⁴⁰ и его сын Керим Султан (чин прапорщика)".

Возвращаясь с войны с медалями и орденами на черкесках, наши герои искренне считали, что кровью и боевыми отличиями заслужили милость быть приравненными в правах к российским дворянам. Под скипетром Белого Царя они жаждали мирного благополучного существования.

Глава 6

Двадцать лет без войны

Бекские комиссии

ир, бедный, по сравнению с войной, на события, во многом скрыл от нас жизнь кенгерлинцев в 60-70-е годы. Однако те немногие сведения, которые удалось добыть, крупными мазками рисуют нам картину происходившего с нашими героями.

Келб-Али Хан провел несколько лет в Царском Селе, где был расквартирован Лейб-гвардии Гусарский полк. В 1858 году он был назначен состоять при Кавказской армии. Через год, «за отличие по службе», Келб-Али Хан был произведен в штабс-ротмистры, а в 1860 году — в ротмистры¹. Его старший брат к тому времени был уже полковником².

Положение офицеров-туземцев, состоящих при войсках Кавказской армии и не имеющих строевой должности, позволяло нашим героям обратить больше внимания на устройство своих личных дел. Оба еще до Восточной войны женились: Исмаил Хан — на дочери старшего в роде кенгерлинских беков, крупного нахичеванского помещика Новруз Ага (девицу звали Ханым-Джан Ханум, в честь нее была названа моя прабабушка)³, а Келб-Али Хан — на красавице-дочери майора Ахмед Хана Макинского — Хуршуд Бегум¹.

Список огромного общего хозяйства братьев начинался с дома, построенного их отцом у башни Атабека в Нахичевани и имевшего 21 комнату. Описание этого дома-дворца находим мы у советского археографа В. М. Сысоева: «Верхний этаж имеет несколько небольших комнат, но среднюю часть здания занимает довольно большая зала, потолок и часть стен которой украшены зеркальными стеклами; кроме того, в наружных стенах (две стены внутренние, две наружные) часть окон имеет цветные стекла... Дворец этот находится на самом краю обрыва, ведущего к низменной долине Аракса. С балкона дома открывается один из самых великолепных видов на Арарат, большой и малый, на всю огромную цветущую низменную долину Аракса и на громадные горы, идущие по линии горизонта вдоль вьющегося вдали Аракса...»⁴.

Интересно, что Келб-Али Хан впоследствии пытался сбить одной заезжей иностранке башню Атабека (!). Данный факт не покажется удивительным, если знать, что за ханом в то время числился долг казне более чем на 80 тысяч рублей серебром. Вот что вспоминает об этом случае неудавшийся покупатель - французенка-археолог Джейн Делфуа: «...3-го апреля 1881 года. Нахичевань. ...Моим первым знакомым персом был владелец башни. Узнав о приезде двух иностранцев, он вышел из своего дома, построенного возле мечети. Удивленная видом человека, одетого в форму русского генерала, я осведомилась о причинах, по которым он выбрал костюм завоевателей этой страны.

«Мои предки, ответил он: из поколения в поколения были правителями этой области, где моя фамилия имела огромные земли; теперь, как их наследие, мне остается только башня, предмет вашего удивления, минареты старинной мечети и титул русского генерала, который царь щедро дарит своим несчастным жертвам».

Собственник Атабег Кумбаза... пригласил меня войти в его дом и откушать чай; а я с признательностью приняла приглашение, счастливая тем, что могу говорить на том языке, которому я так хочу научиться. Когда я намереваюсь уже распрощаться, хозяин несколько раз повторил мне свое предложение, которое я, казалось мне, плохо поняла, настолько необычайным оно мне представилось: он хотел мне уступить (продать) Атабег Кумбаз, а на полученные средства построить русский дом, в соответствии со своей прекрасной формой. Я его поблагодарила, доказывая ему, что для продолжительного путешествия было бы неразумно обременять себя столь объемистым и столь тяжелым багажем, как его недвижимость»⁵.

Еще в 1846 году правительство сделало первый шаг в определении прав азербайджанского дворянства; был подписан указ о поземельных правах беков, меликов и агаларов. С тех пор плодороднейшие земли нахичеванского края юридически были закреплены за их владельцами — представителями Ханской Семьи и верхушкой кенгерлинских беков. Кроме того, отдельные лица получили в

Башня Атабека в Нахичевани.
Фото 1905 г.

пользование казенные земли, так называемые тиулы. Среди богатейших помещиков Нахичевани тех лет были Назар-Али Хан, Исмаил Хан, Келб-Али Хан Нахичеванские, Новруз Ага. Гусейн Султан и Мамед Султан Кенгерлинские. Кроме родового гнезда Исмаил Хан и Келб-Али Хан владели караван-сараям, мельницей, парой десятков лавок, несколькими садами и земельными участками в городской черте, а также более чем десятью деревнями. Главный доход им, однако, приносили не собственные имения, а предоставленные им правительством тиульные деревни Аразин Джамалетдин, Тазакент и Хок. Ранее этими имениями пользовался Эхсан Хан. С тиульных имений 7/30 урожая шло помещику. По данным на конец 40-х годов XIX века, общий годовой доход с тиулов братьев составлял общий 3 тыс. руб. серебром⁶. Впоследствии, после смерти Келб-Али Хана, его доля втиулах была возвращена в казну⁷, но вскоре вновь отдана назад в виде пожалования его сыновьям-офицерам, на правах собственности... По обеспеченности к Исмаил Хану и Келб-Али Хану приближалась лишь семья их дяди подполковника Назар-Али Хана.

Нагр-эд-Дин Шах Каджар

Кроме детей Эхсан Хана тиульными имениями в Нахичеванском уезде пользовались лишь наследники Новруз Ага Кенгерл и некого, как «оказавшего услуги правительству»¹. Владения детей Шейх-Али Бека располагались у селения Яйджи, в районе Ордубада, детей Фарадж-Улла Хана - в предгорьях Карабаглара. Имения кенгерлинских беков находились, главным образом, в окрестностях Нахичевани; были также поместья у Карабаглара, в горной части Шахбузского района и по реке Гилян-чай⁸.

Представителям Ханского Дома и кенгерлинским бекам принадлежали почти все способные к воспроизводству земли края, что составляло около половины его территории. На них выращивали пшеницу, ячмень, просо, хлопок, лен, коноплю, рис, табак, овощи, чечевицу, виноград и другие фрукты. Келб-Али Хан состоял действительным членом Кавказского общества сельского хозяйства⁹. Занимательный факт: для хранения соломы и сена братья Нахичеванские приспособили примыкавшую к их дому башню Атабека — архитектурный памятник XII века¹⁰.

Торговля продуктами сельского хозяйства составляла главный доход местных помещиков. Транзитное положение Нахичевани на дороге между Тебризом и Тифлисом придавало ей значение посреднического пункта между Персией и

Закавказским краем. По сведениям побывавшего там в 1851 году члена Русского Географического общества Н. А. Энгельгардта, «...вся деятельность города сосредотачивается на базаре. ...В городе два караван сарая - для складки товаров и приюта караванов...»¹⁰. Имея на базаре собственные лавки, ханы и беки извлекали из выгодного положения Нахичевани определенные дивиденды.

В остальном же, что не касалось торговли, город был развит слабо. В Нахичевани не было ни одной мощеной улицы. Три небольших заводика: кожевенный, кирпичный и гончарный - призваны были лишь удовлетворять местные запросы. Это объясняли «частью недостатком потребностей, частью же совершенным отсутствием предприимчивости, среди совершенно закопелых обычаев и нравов азиатизма - и наконец недостатком капиталов». По воспоминаниям современников, Нахичевань в те годы представляла собой жалкую картину: «Климат весьма нездоровый и смертность в городе между туземцами еще значительно нежнее в Эривани, ибо здесь гораздо меньше садов и весь город представляет кучи развалин, груды камней, земли и глины, между коими по узким и кривым улицам, разбросаны жилищные постройки из грязи и саману»".

Только в 1866 году было открыто дилижансовое сообщение: Джульфа-Нахичевань-Эривань-Тифлис-Кутаис.

Общественная жизнь разнообразием также не блистала. Визит какого-либо значительного лица из губернского или краевого начальства, или проезд важного персидского сановника (в августе 1873-го через Нахичевань из Тифлиса в Тебриз проследовал Насрэд-Дин Шах, возвращавшийся из Европы) вносили определенное оживление в городскую атмосферу, но затем все снова возвращалось в привычную колею. Единственным по-настоящему ожидаемым событием был новруз. В этот светлый праздник крестьяне дарили своему помещику петуха, 5-6 яиц, барашка или какой-нибудь иной продукт со своего подворья, а помещик угощал гостя и обходил с ответным визитом сельские лачуги. Но это случалось только один раз в год. Время от времени в уезд из

Нахичеванская ханша
(предположительно Зарин-Тадж
Ханум Нахичеванская).
Фото второй половины XIX в.

Персии приходил дервиш или очередной проповедник. Это, конечно, волновало народные массы и инициировало всплеск религиозных чувств, но ненадолго. Яркие события случались крайне редко, повседневное времяпрепровождение почти ничем не запоминалось. Так и жила забытая закавказская глубинка.

Женщины - супруги и дочери уездной элиты — находили отдушину в редких поездках в Тифлис, Москву или Петербург. Воспоминания об этом и предвкушение следующего визита в столичный город скрашивали их скучную жизнь. Много времени дамы посвящали своему детищу — образовательному обществу Святой Рипсимии в Эривани. За счет их взносов эта лучшая губернская русская гимназия и существовала. Благотворителями школы были: самая уважаемая женщина Ханского Дома — вдова Эхсан Хана Бадыр-Ниса Ханум и ее дочь Сона Бегум, супруга Исмаил Хана Нахи-чеванского — Ханым-Джан Ханум, Келб-Али Хана — Хуршид Ханум. Наджаф-Кули Аги — Бегум-Джан Ханум, Риза-Кули Хана - Бека Бегум, жены кенгерлинских беков: Назар Султана — Саадат Ханум, Исмаил Аги — Досты Ханум, Аббас-Кули Бека — Мозша Ханум, кроме того, лучшие половины ханов из рода Макинских и Эриванских, проживавших главным образом в Эриванском уезде¹².

Мужчины также не оставались в стороне от общественной деятельности. Вот всего лишь один факт: на алтарной стене одной из армянских церквей, находившейся в центре Нахичевани, в 1926 году ученые обнаружили надпись на русском, армянском и азербайджанском языках, которая гласила: «Место, на которое построена церковь св. Георгия подарена Гвардии Полковником Кель-Балиханом сыном Генерал Майора Эхсан-Хане Нахичеванского 1869 г. по Р. ХР.»¹³.

6-го декабря 1862 года случилось событие, существенно повлиявшее на судьбы двух поколений Ханов Нахичеванских, — кавказским наместником и командующим Кавказской армией был назначен брат Императора Великий князь Михаил Николаевич. Документы не дают нам ясного представления о том, каким образом инспектору земской стражи Эриванской губернии ротмистру

Келб-Али Хану удалось сблизиться с Августейшим наместником. Весьма вероятно, что это было старое знакомство, еще времен учебы хана в Пажеском корпусе или службы в лейб-гусарах. Во всяком случае, факт остается фактом: с момента прибытия Великого князя на Кавказ карьера кенгерлинца резко пошла вверх. В 1864 году Келб-Али Хан произведен в полковники; в 1867 году он оставляет должность в Эривани и переезжает в Тифлис, с назначением состоять по Кавказской армии. Двое его старших сыновей, по протекции Великого князя, отправляются в Петербург для воспитания в Пажеском корпусе. В 1874 году, опередив своего старшего брата, несмотря на меньшую выслугу, Келб-Али Хан примеряет генеральские эполеты.

За выслугу в офицерских чинах 25 лет оба брата были награждены орденами Св. Владимира 4-й степени (Исмаил Хан в 1867 г., Келб-Али Хан в 1875 г.), а «за отличие по службе» — орденами Св. Станислава 2-й степени с Императорской короной (1872 и 1871 гг. соответственно). Оба также имели по персидскому ордену Льва и Солнца 2-й степени (1868 и 1857 гг.), которые жаловались Шахом или его сановниками чинам дружественной державы во время визитов в Россию^{1,2}.

Исмаил Хан, оставаясь скромным полковником, тихо жил в Нахичевани. Он приводил в порядок свое огромное помещичье хозяйство. В 1865-м хан отправил служить в Царский Конвой своего первенца Амана, а по возвращении (в 1869 г.) женил его на Ханбике - дочери богатейшей и образованнейшей женщины Закавказья, единственной наследницы карабахского хана, поэтессы Хуршид-бану, писавшей под псевдонимом «Натаван» («Неумелая»). Отцом невесты был недавно застрелившийся известный кавказский генерал и человек чести кумыкский князь Хасай Уцмиев. Ханбике, так же как мать, создавала лирические стихи. Этот брак связал родственными узами два Владетельных Ханских Дома и дал корень новому ответвлению кенгерлинцев, которые несли в себе не только воинственные гены отцовской линии, но и творческое начало и стремление ко всему прекрасному от материнской.

25-го октября 1865 года Александр II Высочайше наложил резолюцию на поданный Августейшим наместником указ об учреждении Бекских комиссий в Тифлисе и Эривани. Главной целью работы этих органов было составить списки всех лиц из числа проживающих в Тифлиской и Эриванской губерниях, достойных быть причисленными к дворянскому сословию Российской Империи.

Вопрос об определении прав благородных людей в мусульманских провинциях Закавказья имел свою предысторию. Еще во времена Ермолова делались попытки переписи местной элиты в разных районах завоеванного края,

но цели при этом преследовались иные. Только в 1843 году Николай I, во многом под влиянием Паскевича, Высочайше повелел Главному управлению Закавказским краем составить проект положения об «устройстве» из мусульман привилегированного сословия, возложив эту миссию на особый Комитет и пригласив к участию депутатов из ханов, беков, агаларов.

Совместная работа началась со скандала; депутатов возмутило, что чиновники Комитета владетельным ханам и коренным бекам предложили присвоить права лишь потомственных дворян и исключить зависимость от них крестьян. И это при том, что владетели Картли-Кахетии, Имеретии, Абхазии, Мингрелии и Гурии, равные по статусу азербайджанским ханам, получили титул Светлейших князей, а грузинские тавады, равные бекам и агаларам, — княжеский титул Российской Империи, с сохранением владения крепостными... Негодующие депутаты были распущены, а Комитет продолжил свою деятельность, результат которой ограничился составлением нескольких информационных писем Государю. Чтобы как-то успокоить мусульман, в 1846 году Высочайшим рескриптом от 6-го декабря им были дарованы права потомственного владения их собственными землями.

Желание Николая I ассимилировать знатных азербайджанцев в российское дворянство не мог игнорировать его сын, взошедший на престол в 1855 году, и в 1863 году Департамент судебных дел составил проекты инструкций четырех комиссий, призванных выявить лиц благородного сословия в Тифлисской, Эриванской, Бакинской губерниях и Шушинском уезде Елизаветпольской губернии. Комиссии назвали Бекскими.

Инструкция Эриванской Бекской комиссии была утверждена Великим князем Михаилом Николаевичем 8-го января 1865 года. На ее расходы из казны было выделено 13.480 рублей. Комиссия открыла свою работу в Эривани, а затем переехала в Нахичевань. В ее состав входил председатель — действительный статский советник Значко-Яворский, один делопроизводитель и 24 выборных члена из самых уважаемых благородных людей бывшего Нахичеванского ханства. После публикации о начале работы Бекской комиссии в газете «Кавказ» каждый, кто считал себя принадлежащим к благородному сословию, мог в месячный срок подать в комиссию прошение, с приложением списка всех членов семьи мужского пола,

Супруга Акпер Хана
Нахичеванского поэтесса Ханбике

указанием фамилии, которую хотел бы взять, и основанием ее выбора, а также

Дочь последнего карабахского хана
поэтесса Натаван с детьми
Мехти-Кули Ханом и Ханбике

свое родословное древо. Фамилии предлагалось принимать или по названию владений, или по имени родоначальника.

Главными критериями причисления к благородному сословию были: 1) права просителя при персидской власти, причем с уточнением, личного или потомственного пожалования; 2) наличие наследственных имений. Владетельные Роды выделялись в отдельную группу. Беки могли делиться на потомственных и личных, по примеру российских дворян. Судьбу просителя решало голосование членов комиссии.

После рассмотрения каждого дела лицу, признанному в бекском достоинстве, готовили свидетельство по определенной форме, но на руки его не выдавали, а передавали в губернское правление, до дальнейших распоряжений. Протоколы работы комиссии со всеми составленными документами отправлялись кавказ-

скому наместнику в Тифлис¹⁴.

Таким образом, действия правительства ограничились лишь переписью лиц благородного сословия с разделением, к какому дворянству они могли бы быть причислены — потомственному или личному. Вопрос о присвоении княжеских титулов членам владетельных ханских семей и коренным бекам даже не ставился. Не упоминалось и о том, что эти семьи могут добиваться княжеского достоинства в вышестоящих правительственных органах частным образом. Иными словами, азербайджанский нобилитет не получил даже доли того, что было дано грузинскому*. Уровень его притязаний и положение в российском обществе были намеренно ограничены.

* Между тем, еще в конце XVIII века некоторые грузинские князья выдавали своих дочерей замуж за азербайджанских ханов. Наиболее яркий пример: Селим Хан [Пекинский приходился родным племянником прославленному герою Отечественной войны 1812 года генералу князю Петру Ивановичу Багратиону.

Бекская комиссия в Нахичевани закончила свою работу в конце 1867 года. Кенгерлинские беки были причислены к потомственным. При подаче сведений в июле 1865-го старейшина рода Джафар-Кули Бек и представители 45 семейств просили пожаловать им фамилию Керим-Султановы, по имени родоначальника колена Билиджи. Затем они изменили свое решение, поменяв фамилию на Векиловы-Кенгерлинские, что им и было дано, так как *«наименованием этим предки этого рода пользовались в силу их исключительного положения и таковое составляет их родовое отличие»*¹⁵. Младшие ветви беков племени Кенгерлы приняли фамилии Шахтахтинских (владели селом Шахтахты), Везириных, Мухсин-Султановых, Таириных, Султановых, Эльчириных и др.

В соответствии с инструкцией Эриванской Бекской комиссии *«приведением в точную известность семейств, происходящих от последнего правителя Нахичевани»* занимался сам председатель Значко-Яворский, при содействии некоторых ее выборных членов. Представители Ханского Рода сообщили ему, что *«...предок их, современный пророку Магомету, считался Асабом (вельможею); что идущие от него поколения были калифами*, а позднейшие потомки наследственными ханами, коих именуют удельными владетелями»*. Работавшие со Значко-Яворским беки подтвердили, что семьи подпоручика Риза-Кули Хана, полковников Исмаил Хана и Келб-Али Хана, пяти сыновей майора Фарадж-Улла Хана и потомков бежавшего в 1839 году в Персию подполковника Шейх-Али Бека действительно происходят от слепого Келб-Али Хана, являвшегося *«одним из последних Нахичеванских правителей»*. В протоколе Бекской комиссии, однако, не было упомянуто, что слепой Келб-Али Хан, до захвата Нахичеванского ханства персами, более 15 лет был независимым правителем. Наоборот, было подчеркнуто, что власть его была вассальной, зависимой от наследного принца Аббаса Мирзы. Это было

Генерал-майор князь Хасай Умиев.
Фото периода 1864-1867 гг.

* Скорей всего речь идет о титуле «халифэ», принятом в Сефевидской державе Персии.

сделано намеренно, дабы потомки не могли претендовать на что-то большее, чем то, что им предлагало российское правительство¹⁶.

В результате вышеупомянутые семьи были причислены к потомственным бекам. Семья Риза-Кули Хана, главы потомков слепого Келб-Али

Депутат Кубинского и Бакинского
уездов полковник
Аббас-Кули Ага Бакиханов

Хана по старшинству колена, а также семьи сыновей Эхсан Хана приняли фамилию Нахичеванских. Интересно, что, по одной из родовых легенд, Исмаил Хан и Келб-Али Хан настаивали на том, чтобы ханской семье дали фамилию Кенгерлинских, а беки приняли бы другие фамилии. Читатель должен помнить, что до присоединения к Российской Империи Нахичеванских Ханов именовали Ханами Кенгерлинскими. Но Джафар-Кули Бек Кенгерлинский, который был членом Эриванской Бекской комиссии, воспротивился этому¹⁷. Сыновья Фарадж-Улла Хана и Шейх-Али Бека подали прошение о том, чтобы им была дана фамилия Кельбалихановых, в память об их славном деде.

В Нахичевани проживало еще одно Ханское Семейство, происходившее от создателя Нахичеванского ханства Гейдар-Кули Хана Кенгерлы. Потеряв власть в 70-е годы XVIII века, а при российском правлении распродав свои имения Эхсан Хану и верхушке кенгерлинских беков, оно обеднело и утратило былое значение. Однако члены Бекской комиссии единогласно подтвердили его высокое происхождение, и глава рода Зульфугар Хан со своей семьей также был причислен к разряду потомственных беков. В честь деда он взял фамилию Зульфугарханов¹⁵.

В 1869 и 1874 годах Совет Главного управления наместника утвердил списки причисленных к потомственным бекам, составленные Эриванской Бекской комиссией. По Нахичеванскому и Ордубадскому уезду было выявлено 128 знатных родов. Аналогичная работа в 70-80-е годы была проведена во всех населенных азербайджанцами губерниях Кавказского края.

Правительство планировало создать временные учреждения, на которые до образования Бекских депутатских собраний должны были быть возложены обязанности Дворянских депутатских собраний, в числе коих подготовка свидетельств, взамен выданных представителям семей Бекской комиссией, для не

представления на ревизию в Департамент Герольдии Правительствующего Сената. Этим предполагалось завершить дело об ассимиляции мусульман в российское дворянство, начатое Императором Николаем Павловичем. Однако начавшаяся война с Турцией, а затем убийство Александра II отвлекли власти от нужд азербайджанской знати. Проект так и не обрел окончательного юридического решения.

Истины ради надо сказать, что, не имея Свидетельств, утвержденных

Нахичеванская бекша.
Негития конца XIX в.

Департаментом Герольдии, потомственные ханы и беки de facto пользовались почти всеми правами дворян Российской Империи. Единичам даже удавалось добиться официальных бумаг из Петербурга. Однако то, что ханские роды, в отличие от царственных и тавадских семей Грузии, не были признаны в княжеском достоинстве, явилось глубокой несправедливостью. Как и в случае с северокавказскими княжескими родами, исключая Шамхалов Тарковских, правительство так и не решилось уравнивать их с русскими княжескими родами. Автору известен только один пример, когда азербайджанская

семья официально получила княжеский титул Российской Империи, но он касается не ханского рода, а потомков бежавшего из Персии правителя Южного Азербайджана Бехман Мирзы Каджара. Его сыну, генерал-майору русской службы Риза-Кули Хану, было разрешено (в 1886 году) носить титул «Светлости», а внуку, полковнику Шафи Хану — «Сиятельства» (в 1907 г.).

Есть данные, к сожалению, не подтвержденные документами, что впоследствии семья Нахичеванских Ханов обрела княжеское достоинство благодаря самому высокопоставленному ее представителю генерал-адъютанту Гусейн Хану. Во всяком случае, в рукописи некоего Цихинского «Кавказский гербовник», составленной в 1922 году, изображен герб рода и сопроводительная надпись следующего содержания: «Род Нахичеванских происходит от ханов Нахичевани. Хан Гусейн Русской службы Ген. Лейтенант ум. в 1920 году в Петрограде; возведен в кн. Российской Империи достоинство». При этом автор ссылается на материалы профессора Лукомского — последнего управляющего Гербовым

Дворяне Эриванской губернии. Фото 1860 г.

1. Абдулла Хан, сын Хан-Баба Хан Сардара Макинского; 2. Шукюр Хан Макинский; 3. Аббас-Кули Хан Эриванский; 4. Пана Хан Макинский;
5. Агамал Ага Мелик-Агамалов; Мирза-Джабар Бек Казнев; 8. Бала Бек Орлубадский (Алиханов); Мирза-Исмаил; Таджи Бек Багирбеков, оруженосец Аббас-Кули Хана; Асад Бек, телохранитель Шукюр Хана; Бала Султан Шадлинский (Веди).

Отделением Департамента Герольдии последнего управляющего Гербовым Отделением Департамента Герольдии Правительствующего Сената, и Архив Государственного Совета¹⁸. Косвенным подтверждением слов Цихинского может

Герб рода Ханов Нахичеванских
из «Кавказского Гербовника»
В. Цихинского

служить то, что в письмах, обращенных к Гусейн Хану, в том числе от представителей Дома Романовых, он часто титулуется «Ваша Светлость». Также и его супруга именовалась княгиней Нахичеванской. В известном труде Жака Феррана «Княжеские роды Российской Империи»¹⁹ потомки Нахичеванских носят титул «рппсе», как и лица, утвержденные в княжеском достоинстве Российской Империи... Хочется верить, что высокий титул был все-таки дан семье Императором и скоро будут обнаружены документы, подтверждающие это.

Глава 7

Баязет

середине 70-х годов XIX столетия взаимоотношения России и Турции переживали очередной кризис*. Осенью 1876 года кавказские войска были переведены в состояние повышенной боевой готовности. Наши герои, вместе со всей армией, включились в подготовку к предстоящим боевым действиям. Волею судеб им предстояло стать участниками эпопеи, ставшей не

только знаковым событием войны 1877-1878 гг., но и заслужившей быть официально названной одним из самых героических эпизодов за всю историю Императорской армии. Как писал источник Академии Генерального штаба, *«...даже история наших русских войн, вообще, столь богатая подвигами духа и воли нашего солдата и казака, представляет мало подобных примеров»¹*.

Итак, 21-го сентября 1876 года от военного министра в Тифлис последовало сообщение, что решение «Восточного вопроса» не обойдется без вооруженного вмешательства России. Через несколько дней последовало распоряжение о формировании в Закавказье корпуса в составе трех отрядов: Александропольского, Ахалцыхского и Эриванского. Последний подчинили начальнику 38-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Арзасу Артемьевичу Тергукасову**.

* После поражения в Восточной войне 1853-1856 гг. Россия жила мечтой о реванше. Успешное окончание Кавказской войны и мудрость министра иностранных дел князя А. М. Горчакова гарантировали Александру II нейтралитет великих держав в его спорах с Османской Империей. Уступки Европы были связаны с тем, что Россия, по крайней мере на словах, исключила Святую Землю из сферы своих интересов.

** Арзас (Ашот) был шестым из восьми сыновей протоиерея армяно-григорианской церкви в Шамхоре Тер-Арутюна Тергукасова, семья которого находилась под покровительством католикоса Нерсеса.

12-го октября главнокомандующий Кавказской армией Великий князь Михаил Николаевич изложил свои соображения относительно подготовки к войне военному министру в особом рескрипте, где, в частности, говорилось о призыве туземной милиции и льготных казаков, а также о местных войсках. Эта мера была необходима вследствие нехватки сил в крае. Значительную часть регулярных войск необходимо было держать в Дагестане и Терской области на случай восстания горцев. Получив 6-го ноября Высочайшее разрешение на созыв иррегулярных полков, Его Высочество немедленно отдал соответствующие распоряжения.

Первый собранный полк, названный Терско-Горским, состоял из осетин и ингушей; он 7-го декабря был отправлен по железной дороге из Владикавказа через Ростов и Харьков в Кишинев. За зиму 1876- 1877 гг. были сформированы еще: Сухумский конно-иррегулярный дивизион, 2-й Дагестанский конно-иррегулярный полк, 1-я Гурийская пешая дружина, Кутаисский конно-иррегулярный полк, 1-я и 2-я Грузинские пешие дружины, Ахалцыхский конный дивизион, Борчалинская и Тионетс-кая конные сотни, Закатальский конно-иррегулярный полк. Формирование милиции до конца 1876 года не только прошло без затруднений, но сопровождалось даже добровольной явкой такого числа добровольцев, что в Дагестанской области их оказалось достаточным еще и для двух лишних полков. В Терской же области, при формировании Терско-Горского полка, почти все мужское население выразило желание идти в милицию. Это и дало повод сформировать в начале 1877 года 3-й Дагестанский полк и два полка шестисотенного состава: Кабардино-Кумыкский и Чеченский.

Ашраф Ага Кенгерлинский. Во время войны 1877-1878 гг. — урядник Эриванского конно-иррегулярного полка. Фото конца XIX в.

В силу приказаний главнокомандующего, последовавшего в начале января 1877 года, из курдов Эриванской губернии начали создавать так называемый Куртинский дивизион. 16-го февраля было велено приступить к формированию шестисотенного Елизаветпольского полка в 720 сабель и четырехсотенных конных полков: Бакинского и Эриванского. Кроме того, в Эриванской губернии было предписано организовать Дворянский конный дивизион, а в Бакинской — особую дворянскую часть.

Естественно, что сбор милиций в Эриванской губернии был поручен нашим героям. К 1-му апреля Куртинский дивизион был готов уже выступить в поход. В течение апреля-мая он был развернут в полк ше-стисотенного состава. Эриванский конно-иррегулярный полк начал собираться только в первые недели войны; ему пришлось включиться в боевые действия, будучи еще неукомплектованным. К созыву же Дворянского дивизиона приступить так и не успели².

В Эриванском и Куртинском полках по штату полагался командир (в звании полковника), его адъютант, квартирмейстер (поручик или штабс-капитан), 4 (или 6 для Куртинского) командира сотен (капитаны или штабс-капитаны), 8(12) младших офицеров, мулла, младший врач и «азиатскийлекарь», 8(12) юнкеров, 16 (24) урядников и 500 (720) нижних чинов. На деле же оба полка имели всего по 5-7 офицеров, для командования сотнями не могли найти даже корнетов, урядники (векили) назначались из наиболее сметливых всадников.

Недобор командного состава был следствием нежелания беков идти на войну. Политика правительства и кавказских властей по отношению к этому благородному сословию, казалось, окончательно отвратила последних от себя. Мусульманин-бек так и не получил официально прав российского дворянина. Он не мог устроить своего сына в кадетский корпус на казенный счет, за отсутствием ясности в сословных правах. Парадокс: офицеры-азербайджанцы не были освобождены от налога, взимаемого с мусульманского населения взамен воинской повинности... И как следствие, склонные к военному делу беки и агалары, которые при Паскевиче служили почти поголовно, во времена более благополучные совсем не стремились в армию. Те немногие, которые по велению сердца и души все-таки надели мундир русского офицера, составляли теперь лишь редкое исключение из всеобщего правила. Они и составили маленький офицерский штат Эриванского и Куртинского полков.

Рядовые джигиты набирались, за неимением времени, наспех в деревнях. Снаряжение и обмундирование выделили сельские общины. По прибытии в Эривань всадникам выдали лишь винтовки Тиннера. Ни тщательным отбором, ни обучением никто заняться не успевал. Только собравшись, сотни немедленно должны были выступить в поход.

Офицеры Собственного Его Императорского Величества Конвоя в исторических формах на праздновании его 100-летия. Крайний справа – персидский принц Риза-Кули Мирза Каджар в форме взвода мусульман 1857 г.

Приказом по Кавказскому военному округу от 5-го мая 1877 г. командующим Эриванским конно-иррегулярным полком был назначен полковник Исмаил Хан Нахичеванский³. Рядом с отцом находился его старший сын прапорщик Аман Хан и троюродный брат последнего прапорщик Мамед Хан Кельбалиханов, назначенный командиром одной из сотен. Оба младших офицера во второй половине 1860-х вместе служили в конвое Александра II⁴, затем оба были уволены на родину⁵. Принимая в апреле 1877 года на себя тяжелую ношу руководства почти неорганизованной массой наспех собранных людей, желая помочь Исмаил Хану, они не ведали, что через несколько недель беспощадная колесница событий занесет их в ад, из которого лишь один выберется на своих ногах.

Конно-иррегулярную бригаду, образованную из Эриванского и Куртинского полков, принял генерал-майор Келб-Али Хан Нахичеванский (приказ по Кавказскому военному округу от 10 мая 1877 г.).

Эриванскому отряду были поставлены две главные задачи: первая - защита Эриванской губернии, недопущение проникновения неприятеля на ее территорию, и вторая — содействие главным силам действующего корпуса своим движением в направлении столицы Турецкой Анатолии городу-крепости Эрзерум. После того как 12-го апреля было получено уведомление об объявлении войны, генерал Тергукасов отдал распоряжение готовиться к выступлению.

Дальнейшие события мы описываем на основе официальных материалов русско-турецкой войны 1877-1878 гг., опубликованных военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа^{6,7}, включающих журналы военных действий, приказы и другие источники; книги преподавателя Николаевской Академии Генерального штаба Б. Коллюбакина «Эриванский отряд в кампанию 1877-1878 гг.», удостоенной большой премии имени Г. А. Леера⁸ и сборника Н. Сидельникова «Турецкая кампания 1877-78 гг.»⁹, составленного на основе официальных документов.

Голые факты фронтовой хроники расцвечены воспоминаниями участников баязетского «сидения», почерпнутыми автором из полковых хроник подразделений Эриванского отряда^{10, 11, 12} а также из сборника генерала К. К. Гейнса¹³. Одним из важных источников стал рассказ Исмаил Хана Нахичеванского, увидевший свет на страницах газеты «Кавказ»¹⁴.*

Итак, перенесемся в Эриванскую губернию весны 1877 года.

15-го апреля. Эриванский отряд в составе 32-х рот, 18-ти сотен и эскадронов с 30-ю орудиями выступает через Чингильский перевал в Турцию. Братья Нахичеванские остаются в губернии собирать войска для ее защиты.

17-го апреля. Колонна Тергукасова переваливает через Агры-Даг и вступает на турецкую землю.

18-го апреля. Город Баязет взят без боя. Турецкий гарнизон накануне оставляет его и уходит на юг, в сторону озера Ван.

19-го апреля. Утверждено положение о городском управлении Баязета. Комендантом города и председателем меджлиса назначен подполковник 74-го пехотного Ставропольского полка Ковалевский.

25-го апреля. В Баязет из Эриванской губернии прибывают 4-й взвод 4-й батареи 19-й арт. бригады (2 орудия) и Елизаветпольский конно-иррегулярный полк.

26-го апреля. Эриванский отряд выступает из Баязета в сторону Аташкертской долины, по дороге на Эрзерум. В городе оставлен гарнизон в составе 2-го батальона Ставропольского полка и два орудийных расчета 19-й арт. бригады.

27-го апреля. Баязетский гарнизон усилен сотней Уманского казачьего полка.

3-го мая. Ковалевский сообщает Тергукасову, стоявшему с отрядом в

* Глава насыщена документами, что значительно затрудняет ее восприятие читателем. Однако автор посчитал нужным дать побольше фактических данных, так как слишком много грубых компиляций о событиях в Баязете было растиражировано в последнее время. Известный роман В. С. Пикуля и сериал, показанный центральным российским телеканалом в 2003 году, явились яркими образчиками чудовищно легкомысленной, антиисторической и клеветнической трактовки событий. Автор считает своим долгом реабилитировать многих обогланных героев Баязета.

армянском монастыре Сурб-Оганес, о слухах о готовящемся нападении на Баязет турецкого отряда из двух батальонов пехоты (бывший гарнизон Баязета) и курдской кавалерии со стороны Ванского вилайета. Среди жителей Баязета начинается брожение.

5-го мая. Ковалевский посылает повторное тревожное сообщение Тергукасову. В ответ на это начальник Эриванского отряда направляет под Баязет для рекогносцировки летучий отряд кавалерии генерала князя Амилахвари. Скоплений противника тот не обнаруживает и ограничивается лишь арестом зачинщиков волнений в городе.

Комендантом Баязета назначен капитан Тифлисского местного полка Ф. Э. Штоквич, прибывший из Тифлиса*. Полномочия подполковника Ковалевского расширены до командования всеми войсками Баязетского округа.

7-го мая. Князь Амилахвари возвращается в Сурб-Оганес.

10-го мая. В Баязет вступает сотня 2-го Хоперского казачьего полка.

11-го мая. В состав Эриванского отряда вливается четыре сотни Закавказского и две сотни Елизаветпольского конно-иррегулярных полков.

Середина мая. В Ванском вилайете окончательно сформирован особый отряд турецких войск под начальством Фаика Паши, из трех батальонов пехоты, 7 тысяч курдской кавалерии при шести орудиях. Ванс-кому отряду приказано выдвинуться к Баязету для действий в тыл Эриванскому отряду.

19-го мая. Командир действующего корпуса генерал Лорис-Меликов предлагает начальнику Эриванского отряда воздержаться от активных действий и ожидать осады крепости Каре.

20-го мая. Тергукасов направляет в Баязет две роты 73-го Крымского пехотного полка с подполковником Пацевичем. Последний назначен командующим войсками Баязетского округа вместо подполковника Ковалевского.

Коменданту Баязета предписано иметь в городской цитадели две роты пехоты, одну сотню казаков и взвод артиллерии.

23-го мая. Эриванский отряд занимает оставленную противником позицию у селения Караклис.

24-го мая. Пацевич с двумя ротами Крымского полка прибывает в Баязет.

28-го мая. Эриванский отряд занимает селение Алашкерт.

В Эриванской губернии окончательно сформированы четыре сотни Эриванского конно-иррегулярного полка.

29-го мая. Тергукасов занимает селение Зейдекян. От Баязета Эриванский отряд уже отделяет более 150 верст. 31-го мая. Теймур-Паша Хан Макинский присылает в Баязет секретное сообщение о намерении турецкого отряда, в

* Штоквич был напрачен в Баязет в качестве начальника лазарета, но, в связи с большими потерями среди офицеров, стал комендантом крепости.

количестве 20 тысяч пехоты, 5 тысяч кавалерии с 12 орудиями, блокировать Баязет и вторгнуться в Сурмалинский уезд Эриванской губернии. Подполковник Пацевич телеграфирует об этом эриванскому губернатору генерал-майору Рославлеву.

2-го июня. Пацевич телеграфирует Келб-Али Хану Нахичеванскому о передвижениях турецких сил Ванс-кого отряда в сторону Баязета. Рославлев поручает оборону Эриванской губернии Келб-Али Хану и, по согласованию с генералом Тергукасовым, предоставляет для этой цели часть войск, стоявших в Игдыре и Алиджане. Хан немедленно решает сосредоточить войска к наиболее угрожаемому пункту — Чингильскому перевалу, и выслать поддержку баязетскому гарнизону. В Баязет прибывает сотня Уманского полка.

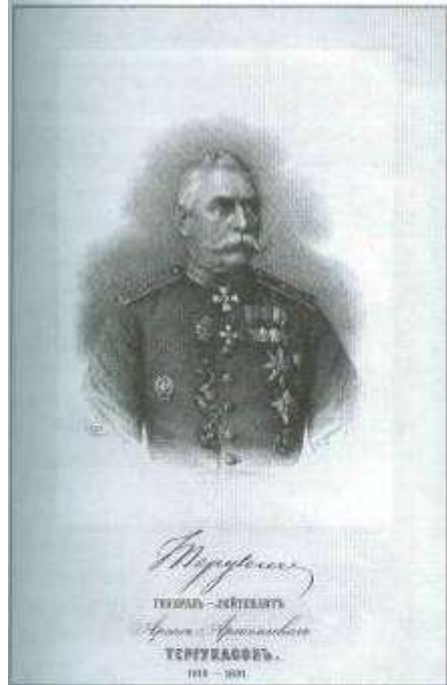
3-го июня. По приказу Келб-Али Хана рота Крымского пехотного полка и две сотни Эриванского конно-Чингильскому зимовнику, а рота Ставропольского пехотного полка в качестве резерва переведена в Игдырь.

4-го июня. Отряд Тергукасова берет штурмом позиции турок у хребта Драм-Даг.

Подполковник Пацевич из Баязета предпринимает с казаками и милицией рекогносцировку в сторону озера Ван и обнаруживает скопление курдов; с боем он отступает в Баязет. Узнав о стычке Пацевича с курдами, оставшийся за старшего в Баязете подполковник Ковалевский посылает тревожное сообщение Келб-Али Хану Нахичеванскому. Тот направляет на помощь в Баязет четыре сотни Эриванского конно-иррегулярного полка во главе с полковником Исмаил Ханом Нахичеванским.

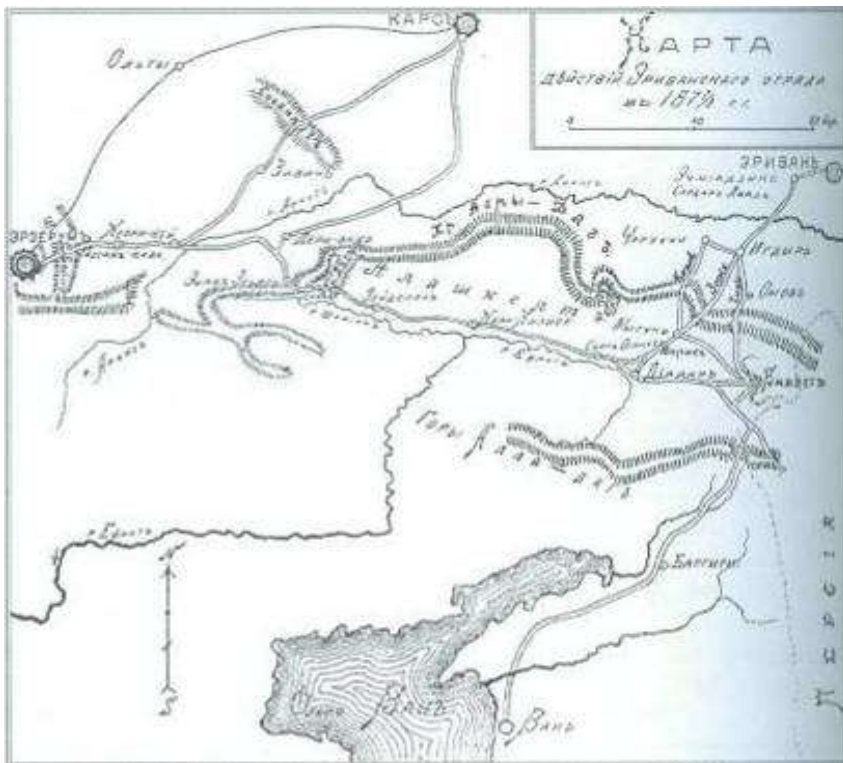
5-го июня. Пацевич стягивает все силы в Баязет и приказывает свозить в цитадель запасы продовольствия и наполнить водой находящийся в ней бассейн (однако это сделано не было). По его приказу вооружена госпитальная команда.

6-го июня. Перед зарей командующий войсками Баязетского округа выступает к озеру Ван с отрядом в составе трех рот Ставропольского полка, роты

Начальник Эриванского отряда
генерал А. А. Тергукасов

Карта действий Эриванского отряда в 1877-1878 гг.

Крымского полка, трех казачьих сотен и трех — елизавет-польской милиции. В 18-ти верстах от Баязета, на высотах Зиарет-Дага, отряд Пацевича натывается на авангард Ванского турецкого отряда. Россияне начинают отступление. Неприятель значительно превосходящими силами атакует, пытаясь охватить фланги. Тяжело ранен, а затем и убит подполковник Ковалевский, его тело выносят солдаты Ставропольского полка. Начинается паника. С поля боя бежит милиция Елизавет-польского полка. Засевшая на отлогих скатах цепь из казаков прикрывает отступающие через ущелье войска. Передав командование командиру сотни 2-го Хоперского полка войсковому старшине Кванину, подполковник Пацевич уезжает с конвоем в Баязет для организации поддержки.

Из рапорта коменданта Баязета капитана Штоквича¹⁵:

«6-го июня, в 11 часов утра, была услышана за горой, со стороны Вана, дальняя перестрелка; вскоре на гребне горы показались казачьи коноводы, ведущие лошадей спешенных казаков; а вслед за ними, быстро

отступающая наша густая цепь стрелков. Одновременно с обеих сторон,

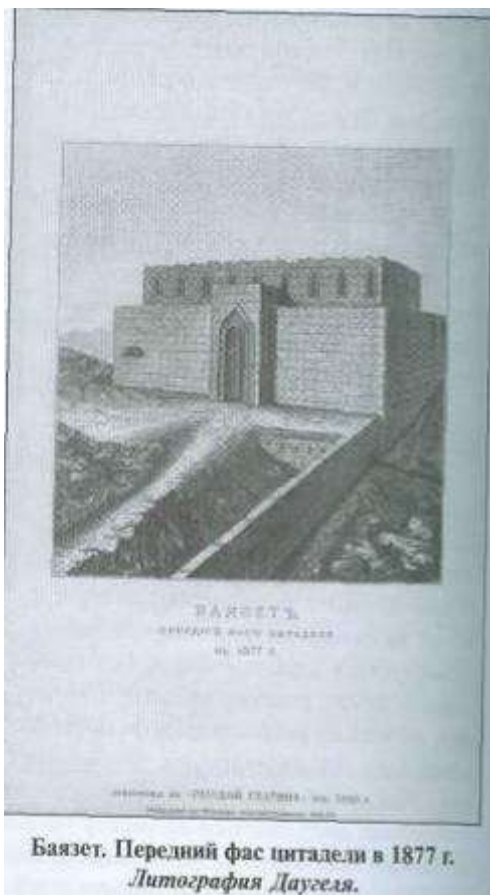
**Начальник кавалерии
Эриванского отряда генерал
князь И. Г. Амилахвари**

шагах в 800 от них, появилась неприятельская конница. Я указал на это полковнику Измаил-хану Нахичеванскому, прибывшему в Баязет этого же дня в 10 часов с тремя сотнями своего Эриванского конно-иррегулярного полка, и посоветовал отправиться по оврагу на поддержку для атаки противника во фланг, что местность позволяла сделать почти незаметно для противника. При дальнейшем отступлении цепи, появившийся на фланге неприятель остался на тех же местах, не спускаясь ниже; едва наша цепь спустилась шагов 300, весь гребень горы, на протяжении до 2-х верст, был усеян густыми толпами неприятельской конницы, из которой одни пускали в наших град пуль, а другие подсакивали почти до самой цепи и, стреляя в упор, удалялись обратно. Цепь наша быстро отступала, имея загнутые фланги; по мере того как она начала спускаться, неприятель стал

сильнее наседать массами и в то же время приблизился на расстояние нашего орудийного выстрела. Первая же граната, пущенная из нашего орудия, упала в густую толпу неприятеля и там разорвалась, немедленно же из другого орудия была пущена другая граната, разорвавшаяся немного впереди другой толпы; две эти гранаты сразу отбросили противника на самый гребень горы и это дало возможность нашей цепи остановиться и, применяясь к местности, отступить более спокойно.

Меня удивляло, почему Измаил-хан не появлялся, как тут же получаю донесение, что противник в числе до 7000 человек делает обходное движение по гребню Кизил-дага, дабы отрезать нашим отступление в город. Измаил-хан сделал быстрое передвижение влево, спешил свои сотни и, занявши хорошую позицию, метким огнем приостановил обходное движение, удерживая неприятеля часа два и тем дав возможность некоторым прибывшим и отдохнувшим ротам занять позицию на гребне Кизил-дага, что прикрыло отступление к крепости остальных частей, где они могли в свою очередь со стен обеспечивать отход назад первых. Караул цитадели, занятый 8-й ротой Крымского полка, после услышанной мной перестрелки,

был заменен вооруженной пересыльной частью и послан на усиление цепи, стоявшей за городом к стороне Вана; под прикрытием этой цепи и наших снарядов все части прибыли в крепость и по мере небольшого отдыха, были мной отсылаемы в подкрепление частей занимающих вершины Кизил-дага и окраины города со стороны персидской границы. В крепости оставлены были три роты и расположены по стенам и в окнах для прикрытия отступающих частей с последней позиции; орудия были расположены так, что обстреливали ванскую и персидскую дороги. Последнюю позицию наши удерживали три часа и, будучи обойдены слева еще не бывшей до сего времени в деле турецкой пехотой, в количестве более 3-х батальонов, должны были отступить, что сделано было шаг за шагом спокойно. Часть за частью вступила в крепость, под прикрытием находящихся

на крепостных стенах стрелков, меткие выстрелы которых заставили остановиться неприятеля вне выстрелов».

Рассказывает Исмаил Хан Нахичеванский¹⁴:

«...Вечером, кажется 4-го июня, брат мой получает неожиданное известие о том, что турки в больших силах наступают на Баязет со стороны Муша. Он немедленно телеграфировал об этом Великому Князю Главнокомандовавшему, а мне приказал идти к Баязету с четырьмя сотнями моего полка, чтобы более подробно узнать на месте о положении дела.

Быстро собравшись, мы выступили в туже ночь и к рассвету, перевалив через Чингильские высоты, начали спускаться в обширную Баязетскую долину, за которой на одном из уступов сероватых гор вскоре начали обрисовываться

постройки самого Баязета и между ними высокий минарет крепостной мечети... Около 8 час. утра, когда я был в полуверсте от подошвы баязетской скалы, высланный из крепости казак известил меня, что турки сосредотачиваются на высотах со стороны Муша. Двинувшись в этом направлении, я вскоре увидел действительно большие массы неприятельской пехоты и конницы, состоящей преимущественно из курдов; артиллерии не было. Войска эти, как говорит, под начальством Измаила-паши, занимали высоты, командуящие Баязетом, и немедленно перешли в наступление. Около 10 часов утра завязалась у нас жаркая перестрелка с передовыми толпами курдов, к которым около полудня присоединилась и турецкая пехота... Борьба была слишком неравная. Против моих четырех милиционных сотен, только что набранных из деревень и еще не дисциплинированных, да к тому-же утомленных бессонницей и шестидесятиверстным ночным переходом, турки развернули массу в несколько тысяч, которая продолжала еще усиливаться новыми толпами. Тем не менее, израсходовав все патроны, я послал в крепость за подкреплением. Мне прислали оттуда 25 человек с офицером. Пока с этой горстью мы выдерживали адский огонь турецкой пехоты, толпы курдов начали охватывать мои фланги и заскакали даже в тыл. Опасаясь быть отрезанным от крепости, я начал отступление, причем курды насели так энергично, что сотни мои точно растаяли: многие были перебиты, других схватили в плен, третьи разбежались. Со мной осталось только 28 человек с 4 офицерами, в числе коих был и мой сын. Тогда я приказал своим всадникам посадить к себе на седло по одному солдату и в таком виде вскочил в цитадель Баязета, в которой два дня перед тем заперлись наши войска, стоявшие до появления турок лагерем на берегу реки*.

...Когда с жалкими остатками своего полка я вскочил во двор цитадели, ворота ее немедленно были заперты и засыпаны землей и камнями.

Части гарнизона, занимавшие оборонительные стенки, открыли в то же время огонь по неприятельским толпам, подступившим на моих плечах почти к самой крепостной ограде. Турки быстро подались назад и через полчаса стрельба затихла».

Вечером и ночью россияне лихорадочно укрепляли цитадель: закладывали окна строений, оборудовали стрелковые гнезда на стенах, обложили пушки мешками с песком. Ворота завалили камнями. По рассказам очевидцев, в опустившейся на город темноте из крепости были видны много-

* При въезде в крепость возникли сложности, связанные с тем, что именно в этот момент местный купец, снабжавший гарнизон продовольствием, решил передислоцировать на ослах свой городской склад в цитадель. В результате давки в воротах были потеряны и кони всадников, и стадо груженых продовольствием ослов.

численные огни факелов. Это озверевшие от потерь в дневном бою курды рыскали по улочкам в поисках милиционеров, не успевших проникнуть в цитадель. Тех, кого удалось обнаружить, немедленно вырезали. Один такой кровавый эпизод разыгрался прямо перед воротами крепости, на глазах у россиян. Казаки горячо просили Пацевича сделать вылазку на помощь несчастным, но тот категорически отказал.

Внутри баязетского замка в глухой осаде оказалось 1513 солдат, казачков и офицеров Эриванского отряда. Из них 40 человек раненых. Среди мужчин была и одна женщина - вдова погибшего подполковника Ковалевского. За крепостными стенами сконцентрировалась масса неприятеля, главным образом курдов, численностью более 15 тысяч.

Положение осажденных можно было без преувеличения назвать бедственным. И связано это было не только с численным превосходством противника, но и с неподготовленностью обороны. Запас сухарей и молотого ячменя был ничтожно мал, всего на 3-4 дня. Ружейных патронов, при бережливости стрелков, должно было хватить надолго, зато снарядов для двух орудий было явно недостаточно, всего по 113 на ствол.

Однако главной бедой гарнизона стало отсутствие воды. Все емкости, которые были наполнены по приказу Пацевича заранее, опорожнили в первый же день обороны.

Сам замок был расположен на вершине скалистой горы, высившейся на оконечности одного из отрогов. Он был построен в типично восточном, мавританском стиле. Посреди обширного двора красовался мраморный фонтан с огромным бассейном. По периметру этой площади тянулись оборонительные казармы и крепостные стены, снабженные люнетами для орудий. На фасах был размещен дом паши и мечеть с высоким минаретом. Взобравшись на последний, можно было как на ладони наблюдать всю долину до Агры-Дага.

Главным неудобством цитадели была ее доступность для огня осаждающих. Все внутреннее пространство простреливалось с окрестных высот и

Комеидант Баязета Ф. Э. Штоквич.
 Фото около 1878 г.
 Литография Н. Морозова.

зданий старого города. С первой минуты обороны все находящиеся в цитадели служили отличной мишенью для противника и могли передвигаться только под прикрытием стен строений.

Первое утро баязетского «сидения» было ознаменовано прибытием в цитадель парламентаря. В город с рассветом вошли два батальона регулярной турецкой пехоты, с двумя горными орудиями, и их командир не преминул предложить россиянам сложить оружие. Гарнизону обещали сохранить жизнь.

К чести защитников замка, предложение было категорически отклонено.

Тем не менее, настроение гарнизона было подавленным. Тергукасов с главными силами был далеко. Давала о себе уже знать жажда.

Солдаты и казаки без всякого порядка разбрелись по помещениям внутреннего двора. Не получая от офицеров указаний, они предавались разговорам о своей горькой участи. Пользуясь ослабленным вниманием турок, ночью рядовой Жирадков через лаз в крепостной стене вылез наружу и спустился к Вооруженные турецкие курды. нескольких десятках шагов от цитадели. Напившись и принеся с собой в замок воды, он подал пример многим другим. В ту же ночь, не спрашивая у офицеров разрешения, его примеру последовало еще несколько человек.

Атмосферу первых дней обороны рисует нам М. Алиханов-Аварский, со слов Исмаил Хана Нахичеванского¹⁴.

Вооруженные турецкие курды. Фото XIX в.

«...Положительных сведений об отряде Терзужасова не было; напротив, в гарнизон проникли слухи о том, что он окружен и чутьли не уничтожен, что отнимало всякую надежду на выручку извне, и, конечно, не могло не оказывать влияния в известной мере на настроение людей... Силы окружающих нас турок, добавляли ко всему этому, простираются до 30 тысяч, с ними Измаил-Паша и сын Шамиля, Гази-Магомед, и они со

дня на день ждут только свою артиллерию для того, чтобы начать решительные действия...

Лица говоривших были пасмурны. Не менее сурово выглядели и слушатели.

- Могло случиться и хуже! Воскликнул вдруг молодой артиллерийский офицер, стоявший в толпе других, но фамилию которого, к сожалению, не помню (поручик Томашевский, награжденный за Баязет орденом св. Георгия .-А.-А). Ведь не трижды умирать?! Будем бороться, пока ноги держут, а там, что Бог пошлет!

Я молча протянул руку этому офицеру и сказал остальным, что «главное не падать духом и не терять надежды, так как нас выручат во чтобы то ни стало»...

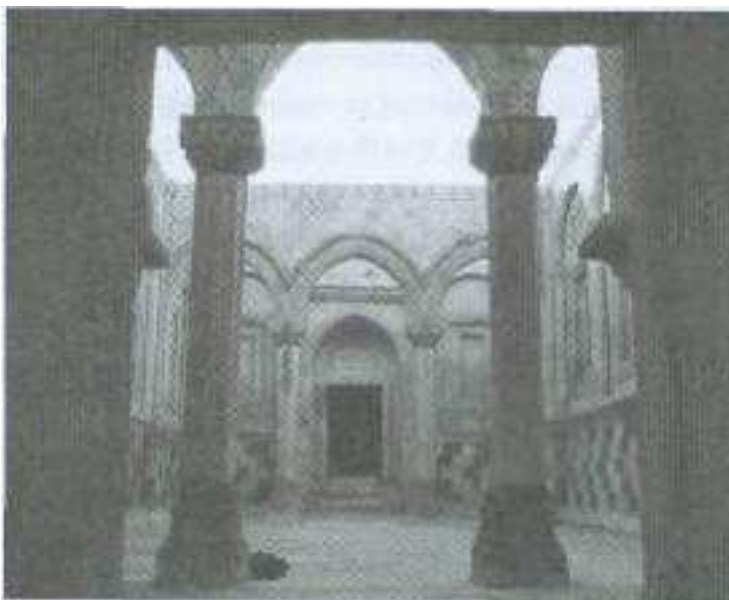
В тот же вечер я совещался о нашем положении с некоторыми офицерами, причем выяснилось, что главное горе наше будет заключаться в недостатке воды, для добычи которой у нас осталось единственное средство — ночные вылазки к небольшой реченке, которая протекала у подошвы баязетской скалы, шагах в полтораста от стен цитадели. Для того, чтобы сколько нибудь оградить от выстрелов людей, отправлявшихся за водой, кто-то предложил провести до речки род траншеи, к работам которой и было приступлено немедленно, пользуясь темной ночью. Людей для этого спускали на веревках из окон цитадели.

В первую же ночь турки заняли высоты, командующие Баязетом и с рассветом следующего дня открыли ружейный огонь по цитадели, внутренность которой они могли видеть как на ладони. Вскоре у них появились и горные орудия. Вообще неприятельский огонь почти не прекращался и ежедневно увеличивал наши потери. Мы, конечно, отвечали тем же. Два наших орудия были установлены в одной из казарм и наведены на позицию противника через окна, заложенные земляными мешками. Стрельба их также почти не прекращалась, но действие было довольно слабое, так как

приходилось давать страшный угол возвышения. Вскоре турки и подбили одно из этих орудий...».

Утром 8-го июня турки предприняли первую попытку штурма цитадели. Вспоминают участники боя¹⁶:

«...Но вдруг все точно остолбенели и обратились в одно созерцание: около восьми часов вдоль неприятельской позиции внезапно раздался неистовый крик, оглушительный залп многих тысяч ружей, вместе с раскатами первых неприятельских орудийных выстрелов; глухие удары гранат о стену, гул от сведенного снарядом верха стены на головы крымцев и трескотня от расплющивающихся и рикошетирующих пуль; а вслед за этим показались из-за сплошного дыма массы турок, саранчой двинувшиеся на цитадель; все это,

*Дворик одного из строений Баязетского замка.
Современная фотография.*

слившись в один хаос, произвело потрясающий эффект и тряхнули нервы даже ждавших штурма, только, может быть, не при такой обстановке.

Подполковник Пацевич, капитан Штоквич и многие офицеры, спокойно сидевшие до этой минуты под аркой вторых ворот, при внезапно грянувшем, потрясающем громе и ударах снарядов о стену, неожиданно заявивших о появлении не приятельской артиллерии, были озадачены не менее

Внутренний двор цитадели. Современная фотография.

других; тревожно обменялись они мыслями и в течение десяти, пятнадцати секунд постановили какое-то решение; затем из этого-же центра разнеслась команда: «не стрелять!». Одни офицеры кинулись к своим частям, а другие вдоль расположения войск приводить отданный приказ в исполнение. Подполковник Пацевич, пройдя мечеть, взглянул из окна на приближающиеся толпы неприятеля, и быстро направился к выходу из здания; только приостановившись на минуту, он обратился к переводчику с таким приказанием: «иди на переднюю стену и скажи туркам: если они нас выпустят из крепости, мы соадим им весь город».

Посланный армянин прихватил где-то на пути палку, навязал на нее что-то белое, бегом миновал внутреннее помещение переднего фаса до угловой лестницы, взойшел на крышу через люк и начал что-то кричать. Вблизи лежавшие казаки слышали, как один турок, одетый в красном, с красным знаменем в руках, в свою очередь крикнул переводчику в ответ, после чего армянин ушел. Неизвестно, кем ответ этот был переведен, но между стрелками этого угла разнеслось, будто красный курд сказал: «сдавайтесь или не сдавайтесь, мы все равно всех вас вырежем!».

Между тем цепь неприятеля, или, вернее, передние редкие кучи его уже находились недалеко от стен, а за ними, словно ныряя по волнам, то показываясь на вершинах высот, то исчезая в балках, с неумолкаемым криком валила сплошная пестрая туча курдов.

Уже воинственный вопль их становился оглушительнее, уже слышны были ободрительные клики: «русские сдаются!... русские наши!» (канонир, ездовой из татар, Тяпаев, оставаясь на балконе дольше своих товарищей, услышал и понял эти слова, после которых тотчас же кинулся в конюшню), а у нас в это время к общей тревоге присоединились недоразумения и глухая борьба между начальниками относительно способа действий, которая в южном переднем углу перешла даже в открытое столкновение. Едва посланный для переговоров армянин, осыпаемый пулями, исчез со стены, как появился солдат с белым платком на штыке.

Войсковой старшина Кванин в своих заметках так описывает этот эпизод: «я остановил и спросил его, куда он идет, и зачем у него эта тряпка на штыке?» — солдат ответил, что гарнизону велено приготовиться к сдаче, а белый флаг выставить на правом переднем угле; на вопрос мой: кем дан был такой приказ? ответил: командующим войсками. Не доверяя его словам, я приказал ему удалиться и доложить, что нет крайности, вызывающей сдачу».

После этого солдат ушел в средние ворота... там скоро раздалось новое приказание: «подать простыню!» и повторение распоряжения: «перестать стрелять!».

Прошло минуты две после описанного происшествия, как снова появился тот же солдат, только с простыней на штыке, и передал, что ему приказано выставить флаг, не слушая никого. Вторичное недопущение исполнить ему приказанное вызвало самого подполковника Пацевича. Вынув револьвер, он крикнул: «перестать стрелять... пошел сюда!» и прибавил: «кто осмелится ослушаться моих приказаний, именем закона застрелю». Вследствие этого пальба в этом углу совершенно прекратилась, и большая часть стрелков сошла со стен.

В параллель описываемому, милиционеры по чьему-то приказанию начали отваливать камень от ворот, а офицеры Г. и Я. *разносили приказания не стрелять и настаивали на исполнении его.

Тяжело отзывалось на солдатах это приказание. Известие о сдаче было для них равномерно приговором к смерти. Но были и противники предполагаемой сдачи; не только большинство офицеров ободряло солдат уверением, что без боя турок не впустят, но и г-жа Ковалевская умоляла огорченных ставропольцев биться до последнего. «Что с нами будет?... Что хотят с нами делать?»... говорили и солдаты, и казаки, у многих катились слезы. Из рассказов видно, что были и такие, которые, в случае сдачи, обещали пустить в себя пулю, некоторые сговаривались соскочить со стены против нижнего

* По-видимому, речь идет о Гидулянове и Ягнотовском, офицерах Ставропольского полка.

Отбитие штурма крепости Баязет 8 июня 1877 г.
Художник Л. Ф. Лагорно.

города и пробиваться к пограничным горам...

Среди общей тревоги одно орудие бью перевозено под своды прохода во второй двор с помощью ставропольцев, потерявших при этом трех человек ранеными: направив дулом против входных ворот и приказав уложить с боку его картечь, командир взвода как бы протестовал против сдачи.

Шла какая-то кутерьма: одни кричали не стрелять, другие готовились к упорной обороне.

Во время прихода подполковника Пацевича к переднему фасу цитадели, опасность была уже очень велика — наступал последний момент штурма; но он, после угроз убить каждого ослушника, продолжал начатое: молча взойшел по лестнице на крышу и, махая шапкой, начал кричать: «тохта!... тохта!... Яваи!... яваи!...» (тохтаг — спокойно, явашь — тише (азерб.)).

В ответ, притихшая пальба турок сменилась криком «алла» под самыми стенами и стрельбой чуть не в упор. Вдруг подполковник Пацевич судорожно вздрогнул и повернулся... пуля через спину пробила ему грудь; вслед за этим взлетевший и повисший погон указал почти на одновременный другой удар пулей в плечо. Сходя с лестницы, он произнес только: «я ранен — теперь делайте, как хотите».

Эти слова вдруг изменили положение и настроение оборонявшихся: «на стену, братьцы!... Бей!... бей их!» раздались во всех концах цитадели давно желаемые приказания — и гром, и смерть разразились над сбежавшимися толпами турок».

Рассказывает Исмаил Хан Нахичеванский¹⁴:

«...Не смотря на тяжелое, удручающее состояние, к чести защитников Баязета я должен сказать, что добрый дух ни на минуту не покидал, в особенности офицеров, которых было до 30 человек в гарнизоне. Уроды, по обыкновению, были, конечно, и в нашей семье, но как редкие исключения... В разговорах со мной подполковник Пацевич и еще человека два-три неоднократно высказывались в том смысле, что исходом нашего сиденья может быть одна только неминуемая гибель, если мы не сдадимся. Я, конечно, не отрицал возможности подобного конца, но всегда повторял при этом, что «я никогда не соглашусь на сдачу Баязета еще и потому, что я - мусульманин. Я знаю, что именно этому обстоятельству припишут сдачу, если-бы на нее побудили даже тысячи других причин»...

Кажется, на пятый или на шестой день нашего сиденья, хорошо не помню, ко мне влетел вдруг артиллерийский офицер, о котором я говорил раньше. Он был взволнован.

- Полковник, сдают крепость! воскликнул он.

- Что вы говорите, как сдают?! вскочил я, как ужаленный.

- Пацевич поднял белый флаг и огромная масса турок уже хлынула к нашим воротам, объяснил офицер.

После этого я выскочил во двор, где толпилась масса офицеров и солдат, и действительно вижу: на громадном шесте, прикрепленном к стене цитадели, высоко развевается белый флаг, а возле стоят Пацевич и несколько других офицеров.

- Господа, что вы делаете?!... крикнул я. Па то-ли мы принимали присягу, чтобы малодушной сдачей опозорить себя и русское оружие?!... Стыдно!... Пока в жилах наших остается хоть капля крови, мы обязаны перед Царем бороться и отстаивать Баязет!... Кто вздумает поступить иначе, тот — изменник, и того я прикажу расстрелять немедленно! Долой флаг, стреляй ребята!...

В ответ на это раздалось громкое ура! всех присутствовавших, причём я слышал и несколько восклицаний: «умрем, но не сдадимся!».

Через несколько мгновений выстрелы загремели с наших стен и отбросит толпы озадаченных турок, уже подступивших было к воротам цитадели с топорами и камнями. Неприятель ответил также немедленно и пули зажужжали со всех сторон, как пчелиный рой, причем смертельно был ранен прежде других подполковник Пацевич, скончавшийся на другой день... Свояли пуля его сразила или неприятельская, — не берусь решить: были голоса за то и за другое, но Пацевич был ранен в спину...»*.

* В рапорте капитана Штоквича главнокомандующему Кавказской армией (от 4-го июля 1877 г., № 116)¹⁵ есть описание штурма 8-го июня, однако ничего не сказано о попытке сдачи цитадели.

После ранения подполковника Пацевича высшее командование войсками, собравшимися в крепости, как старший по званию принял на себя Исмаил Хан Нахичеванский*. Он немедленно поручил сомкнуть разбросанные части войск, продолжить закладку стен, а также оборудовать недостающие стрелковые гнезда¹⁷.

9-го июня, вопреки ожиданиям защитников замка, повторного штурма не последовало. Личный состав гарнизона был занят выполнением распоряжений хана. В подвале одного из строений похоронили полковника Ковалевского. Добыча воды была упорядочена: ночью, под прикрытием стрелков, к ручью спускалась специальная команда. Однако потери все равно были. Солдаты и казаки настолько томилась жаждой, что без ведома командования спускались со стен наружу, к ручью. Турки их безжалостно расстреливали. Тем не менее, попытки не прекращались. В гарнизоне был замечен первый случай питья мочи**.

* Вопрос о том, кто был главным действующим руководителем героической обороны, беспокоил российскую общественность много лет. Для его решения недостав&ю рассказа Исмаил Хана Нахичеванского. Капитан Штоквич в своем рапорте главнокомандующему Кавказской армией определенно приписывал все лавры себе. Очевидцы же, показывая которых собрал генерал Гейне, в один голос утверждали, что распоряжался в цитадели полковник Нахичеванский. В 1884 году генерал Гейне обратился с письмом к самому хану с просьбой разъяснить этот вопрос. Кенгерлинеи не ответил, тем самым подлив масла в огонь, и вызвав нешуточную дискуссию в печати. Как хан признавался впоследствии: *«...Я не мог исполнить эту просьбу, так как тогда, как и теперь, я был уверен, что мое повествование представит только бледную тень того, что было...»*. Надо знать характер кавказского уроженца, с его понятиями чести и достоинства мужчины, чтобы понять, что вести полемику относительно своего подвига, своих каких-либо удачных действий было для Исмаил Хана совершенно неприемлемо. Только в 1895 году, спустя 18 лет после случившегося, знаменитый генерал и писатель Максуд Алиханов-Аварский, родственник хана (он был женат на его племяннице), уговорил того высказаться в печати. Хан и тут проявил природную скромность, заявив, что основные решения принимал не он, а совет офицеров: *«...Я говорю «мы...» потому, что офицеры гарнизона весьма часто бывали вместе и, хотя не официально, совещались почти о каждом вопросе»*. Относительно своей роли и роли Штоквича - вопрос, так беспокоивший общественное мнение, - было заявлено следующее: *«...Донесения эти были подписаны только мною, как старшим, и скреплены капитаном Штоквичем, как официальным комендантом цитадели»¹⁴*.

Возможно, что Исмаил Хан и Штоквич были знакомы и до описываемых событий. Отец Штоквича, как известно, геройски погиб при штурме Карса в Восточную войну. Он подорван на себе фугас в пороховом складе крепости и, тем самым, обеспечил ее захват. Штоквич-младший, как сын героя, за казенный счет получал воспитание в Тифлисской гимназии, которую ранее окончил Исмаил Хан. Не исключено, что они общались в собрании выпускников гимназии.

** В эти дни Исмаил Хан, наверное, вспоминал рассказы отца об обороне Ордубадского замка против персов в 1827 году, когда тому в полной блокаде пришлось несколько дней обходиться без пищи и воды.

Исмаил Хан снарядил с письмом к Тергукасову казака Хоперского полка Кирильчука и армянина-переводчика Тер-Петросова, служившего в канцелярии. Первому, чтобы замаскировать его под курда, пришлось выбрить голову. Причем, из-за отсутствия воды, череп смачивали слюной. Каждый плюнул на голову по разу. Вечером лазутчиков тайно опустили со стены у флагштока¹⁸.

Турки обратились к хану с предложением сдать цитадель. Приведем здесь текст двух их первых посланий (пер. с персидского):

1-е письмо: «...Почтеннейший мой господин!

Во-первых, главным образом желаем вам здравствовать; во-вторых, я вчера с муширом приехал сюда. — Мне разрешено от правительства и народа заботиться о безопасности Кавказской страны; почему сим письмом сообщая вам, что между государствами сдаваться не стыдно, но оставаться там в унижительном положении для вас нехорошо во всех отношениях. Я ручаюсь вам, что, по существующему в государстве порядку, вам и всем офицерам вашим будет оказано полное почтение и заботливость и ни от кого никакой обиды не будет. Надеюсь, что, не давая труда ни себе ни своим войскам, сдадитесь и тем обяжете меня вашего раба. — Если примете мой дружеский совет, — пришлите ко мне Шир-Аш-бека, сына Пир-Мурад-Султана, или кого-нибудь другого с Даудиловым, чтобы здесь, убедившись во всем, отправиться обратно к вашему высокостепенству.

От ферика-наши (дивизионного генерала) Кази-Магомета, сына шейха Шамиля Дагестанского».

Затем приложена печать писавшего, ниже добавлено:

«...Тергукасов получив полное поражение, спасся бегством по дороге на Куджах в Эривань, и на карсской дороге, благодаря Бога, также имеем блистательные победы. Клянусь Богом, что ничего неверного в этом сообщении нет».

2-е письмо: «...Полковнику Исмаил-хану.

Господин мой!

Прибыв сегодня, в пятницу с муширом-нашею в Баязет, докладываю вашему высокостепенству, что я в прошлую войну при Хрещатицком* имел честь быть вашим преданным рабом (т.е. познакомиться); поэтому клянусь великим и милостивым Богом, что я один из преданных вашему роду людей. С вашего согласия я завтра приеду переговорить с вами и надеюсь, что, Бог

* Как должен помнить читатель, полковник Хрещатицкий командовал кавалерией Эриванского отряда в Восточную войну. Под его начальством служило много мусульман, некоторые из которых впоследствии, в 60-е годы, переселились из-за притеснений администрации Лорис-Меликова в Турцию и Персию. Эмиграция мусульман Кавказа приобрела тогда массовый характер. Таким образом, бывшие однополчане теперь оказались в разных лагерях противоборствующих сторон.

даст, вашему высокостепенству будет хорошо. Пусть ослепит меня всевышний Бог и накажет за вашу хлеб-соль, если я пожелаю вам уцерб. — Клянусь Богом, я боюсь, что вам будет очень дурно, когда мы с муширом-нашею уедем отсюда завтра или после завтра. За сим воля ваша!

Относительно Вас Теймир-Ага (Макинский) писал письмо мушир-наше. Пришлите ответ на это письмо с подателем сего Василием».

На обороте было написано:

«...Богомолец Тарверди-Ага, сын Вели-Аги из племени Сарачлы, три года тому назад приехавший сюда. От меня передайте поклон Мослек-Ага-Аракелову. Множество поклонов и несметное число приветствий Шир-Алибеку, сыну покойного Пир-Мурад-Султана.

Настоящее письмо должен получить господин мой, Измаил-хан.

Измаил-хан! Для освобождения вас из Эривани получено 70 писем, и я просил нашего командира, изъявившего на то согласие. — Будьте уверены, что благополучие ваше зависит от вашего желания, — сдатьсь. Жалею, что человек, как вы, погибает»¹⁹.

Исмаил Хан оставил эти предложения турок без ответа.

Вспоминают очевидцы¹⁸:

«... Поздно вечером со стороны нижнего города раздались какие-то возгласы; вскоре стало известно, что вызывали полковника Измаил-хана наверх для переговоров и требовали сдачи крепости, в противном случае обещали на следующий день повторить атаку, после которой никому уж не будет пощады. Условия сдачи были: положить оружие и знамена, а самим поселиться в одном из кварталов города.

Презрительным молчанием ответил полковник на это предложение. Не трудно было отказываться нашему гарнизону от подобных обещаний пощады в случае сдачи после 21 июня, когда получено было известие, что весь Эриванский отряд идет на выручку; но в первых числах июня, при ожидании тяжелой участи изморенного гарнизона и при полной неизвестности положения главного отряда, надо было много мужества, чтоб, находясь под влиянием гнетущих страданий, бодро предпочесть непривлекательную будущность позорной сдаче, хотя бы и обеспечивающей жизнь без страданий».

11-го июня. Исмаил Хан принял решение сделать вылазку из замка. Вспоминают очевидцы²⁰:

«...Шестой день обложения был встречен в цитадели кипучей деятельностью: 128 человек охотников из солдат, казаков и четырех офицеров (подпоручик Басин, прапорщики: Латышев и Волков; из казаков — сотник Гвоздик), вызвавшихся произвести предполагаемую вылазку, выстраивались войсковым старшиной Кваниным; наряженные команды поспешно отваливали камень от ворот и недалеко сзади складывали из них бруствер; тут-же на переднем

дворе, тискаясь под прикрытием зданий, находились назначенные занять этот траверз для отпора туркам, в случае возможного их прорыва.

Два дня полной затишки и отсутствие артиллерийского огня со стороны неприятеля, а также слух о том, что главные силы турок ушли и что блокаду цитадели держит незначительная их часть, были главными причинами, вызвавшими полковника Измаил-хана решиться на эту рекогносцировку; при этом, кроме главной обязанности, — отряду поручалось также набрать воду.

Было решено: открыв ворота, часть охотников быстро кинут налево, на мост, с целью отбросить передовых турок к старой крепости далее, а другую на горы, по ванской дороге.

Около 9 часов все было готово: охотники перекрестились, ворота распахнулись и сквозь полосу удушающей вони, через груды разложившихся трупов, охотники внезапно для турок прыгнули во все стороны.

Окрестности проснулись: после первых одиночных выстрелов и быстрого натиска на передовые неприятельские посты, окружающие горы точно обратились в онедышащие: непрерывный гул от слившейся пальбы многих тысяч скорострелок только повременам заглушался громовыми влухими стонами орудийных выстрелов.

Сила ружейного огня турок и протяжение его показали, что число их войск не убавилось, что орудия находятся на тех же местах и в том же количестве.

Бой однако завязался; двинувшиеся по ванской дороге зашли далеко, отступать под выстрелами наседающей силы хоть тяжело, но было необходимо — лбом стены не перешибешь; наконец, что хотели узнать, то и узнали. Между тем турки яростно наседали. В скором времени наши опять втянулись в улицы, дорого расплачиваясь за каждую пройденную сажень...

Будущий генерал Свнты Султана
Гази Магомед (слева) со своим отцом
имамом Шамилем (сидит) и братом
Магомедом Шефи

Отступающие уже были не далеко и назначенная для прикрытия их входа в цитадель 2-я стрелковая рота Ставропольского полка была наготове. Вторично раскрылись ворота, но турки теперь не спали и туча пуль с своим визгливо-шипящим воем ворвалась в открытое отверстие; через падающих товарищей рота опроретью выскочила и бросилась к каменной горке; ворота за ними захлопнулись, но вскоре снова гостеприимно раскрылись, чтобы принять это прикрытие и охотников, потерявших 39 человек (30 %).

Турки почему-то не рискнули ворваться по следам отступавших; вследствие этого ворота, снова заваленные камнями, стали для них непроницаемы».

В то время как отважный гарнизон стойко оборонял цитадель, власти Эриванской губернии судорожно пытались собрать хоть какие-то силы для обороны границы. Весть о бое под Баязетом дошла до них вечером 6-го июня. Начальник поста, стоявшего на Чингильском перевале, майор Крюков, получил страшное сообщение от нескольких милиционеров, бежавших с поля боя. Офицер немедленно отвел своих людей к Орговскому посту и направил вестового к Келб-Али Хану Нахичеванскому. Наш герой, выполнявший в те дни обязанности напальника кордона, немедленно телеграфировал губернатору, а

затем, собрав все имеющиеся в наличии силы (две роты пехоты и две сотни милиции, при пяти офицерах), выступил на Чингильские высоты.

Губернский воинский начальник полковник Преображенский поднял ночью по тревоге половину губернского местного батальона и направил ее в Игдырь.

Если бы турки решили в те дни войти в Эриванскую губернию, то вполне преуспели бы в своих намерениях, настолько малы были силы россиян. Однако по каким-то причинам Фаик Паша медлил. Временная фора позволила россиянам немного укрепиться: 8-го числа на Чингильские высоты к Келб-Али Хану прибыли две роты Тифлисского местного батальона и 150 казаков. Великому князю главнокомандующему было отослано несколько телеграмм с просьбой о поддержке, и подкрепления были обещаны. Определенные надежды возлагались и на генерала Тергукасова (в губернии еще не было известно, что у Даяра Эриванский отряд наткнулся на корпус Мухтара Паши и уже завязывалось сражение). 9-го июня на Чингильские высоты прибыли губернский воинский начальник и экстренно приехавший из ставки адъютант главнокомандующего полковник Толстой. На совместном совещании с Келб-Али Ханом штаб-офицеры приняли решение: дождавшись первых подкреплений от Великого князя, двинуться на освобождение Баязета... Горячее желание прийти на помощь своим сдерживалось лишь осознанием ничтожности своих сил.

10-го июня на Чингильские высоты явился лазутчик, направленный с письмом из Баязета двумя днями раньше. Картина бедствий попавших в беду частей открылась командованию в полном свете. Телеграфируя губернатору в Эривань о полученных новостях, Келб-Али Хан просил ускорить присылку подкреплений.

Однако прошли еще сутки, а новых частей из Тифлиса, Александрополя или Эриванского отряда все не подходило. Ситуация с усилением так называемого Чингильского отряда не сдвигалась с мертвой точки... Тогда Келб-Али Хан решился на отчаянный шаг - пойти к Баязету с теми войсками, что были под рукой.

650 человек пехоты — большей частью ополченцы, 170 казаков и 400 милиционеров — простые сельские жители на конях, необученные и плохо вооруженные, всего при девяти офицерах и совсем без артиллерии — это все, чем обладал наш герой. В сравнении даже с гарнизоном Баязета, где находилась все-таки регулярная пехота знаменитых полков Кавказской армии, Чингильский отряд выглядел слабым. Остается загадкой, как хан собирался отеснить от города более 15-ти тысяч бойцов, усиленных артиллерией.

Тем не менее, утром 12-го июня Келб-Али Хан отдал приказ о выступлении. Чингильский отряд стал спускаться в Баязетскую долину. Через пару часов он появился в видимости гарнизона крепости.

Вспоминают участники баязетского «сидения»²¹:

«...Но вдруг послышались слова: «наши идут!». Все кинулись к отверстиям, обращенным и на север, и на запад; пожирая глазами виднеющуюся даль, один за другим удостоверяться, что двигавшиеся вдали войска были наши. Большинство ликовало, признав появление их концом мучительного заключения, но были и настолько озлобленные страданиями, что считали это обманом и раздражительно ругались в ответ на разуверения...

В действительности, это двигалась наша колонна. Полковник Измаил-хан на белой лошади одного из начальников узнал своего брата, генерала Калбалай-хана».

Рассказывает Исмаил Хан Нахичеванский¹⁴:

«...Утром 12-го июня со стороны Чингильских высот показались войска, двигавшиеся в нашу сторону. То был Чингильский отряд под начальством моего брата, состоявший из 4 рот пехоты, 2 сотен казаков и до 5 сотен конной милиции елисаветпольской и эриванской. По мере приближения этого отряда турки также начали спускаться с своих высот, и, сосредоточившись между нами и наступающими, преградили им путь в числе не менее 7 или 8 тысяч пехоты и конницы. В виду этого Чингильский отряд остановился верстах в трех от Баязета и открыл огонь одновременно с турками.

Со стен цитадели мы видели действия обеих сторон, как на ладони, но, к несчастью, обречены были на роль зрителей с растерзанным сердцем, потому что выйти на помощь своим, значило-бы очистить крепость и оставить в ней, на зверскую расправу курдов, не менее 200 своих больных и раненых... Чингильский отряд нам казался небольшой горстью в сравнении с массами неприятеля. Тем не менее обе стороны почти не двигались, продолжая упорную перестрелку вплоть до 8 часов вечера. В это время турки перейми в наступление и начали охватывать фланги чин-гильцев. Положение последних было критическое: при некоторой решимости и при своем численном превосходстве турки могли отрезать им путь отступления или даже — окружить их и уничтожить. В виду этого Чингильский отряд, потерявший в этот день 26 человек убитыми и ранеными, снялся со своей позиции и медленно отошел на другую, на берегу речки, где за наступлением темноты обе стороны прекратили стрельбу и расположились на ночлег так близко друг от друга, что бивачные огни обеих сторон казались с цитадели принадлежащими одному войску».

«...На рассвете следующего дня бой возобновился с новой силой. Турки, подкрепленные за ночь новыми толпами курдов, бросились на чингильцев, как саранча, но были отбиты. Эти энергичные, в то же время беспорядочные нападения разбивались каждый раз о стойкость и дружные залпы нашей пехоты и казаков. Дело, однако, кончилось тем, что к полудню вся наша милиция обратилась в позорное бегство, что еще более ободрило турок. Тогда, видя бесплодность дальнейшей борьбы и осадив турок еще раз, брат мой начал медленное отступление и к вечеру скрылся из виду...»

Так кончилась первая попытка к нашему освобождению. Турки торжествовали, конечно, и, думая воспользоваться произведенным впечатлением, не замедлили прислать второго парламентаря с предложением сдаться. Мы его, однако, не приняли и приказали только объявить, что ни в какие переговоры вступать не желаем...»

После ухода Чингильского отряда гарнизон Баязета поразило страшное уныние. Надежда на избавление от физических страданий растаяла. Одни впали в депрессию, другие проклинали судьбу за страшные испытания, третьи потеряли способность адекватно воспринимать действительность. Чувство опасности притупилось, страх смерти не останавливал уже тех, кто жаждал вдоволь напиться. Многие в эти дни погибли у ручья под турецкими пулями. Провиант также закончился, на скудную трапезу резали офицерских лошадей. Мучения человеческого организма достигли своей высшей степени.

Рассказывает Исмаил Хан Нахичеванский¹⁴:

«...Между тем, положение наше ухудшалось с каждым днем. Бью-бы долго говорить о том, что испытывали другие. Об этом можете судить из того положения, в котором находился лично я, старший в гарнизоне. В течение 23 суток моей постелью на голых каменных плитах служило одно единственное пальто. Рядом со мной в такой-же обстановке валялся в постоянном

беспамятстве мой сын, контуженный гранатой в голову. Я голодал по несколько дней подряд, так что платье уже висело на мне, как на вешалке, и если я не умер с голоду, то только потому, что человек мой случайно нашел среди кладбищенского мусора несколько кусков турецких галет, которыми мы втроем подкрепляли свои силы в течение всей последней недели... Но голод был ничто в сравнении с жаждой! В течение 8 дней мы утоляли ее глотками из двух бутылок той давно протухшей воды, которая была собрана во время дождя. Не забудьте, была середина жаркого лета... * Бедные лошади гарнизона! Я несколько раз подходил к своим, изнуренным до неузнаваемости. Они при этом медленно протягивали ко мне свои головы и высовывали пересохшие языки с таким осмысленным, казалось, выражением мольбы в помутневших глазах, что у меня буквально навертывались слезы. Так они все и пали от жажды, и, конечно, быт... съедены до единой... Мне никогда, конечно, не пришло-бы в голову просить турок о прекращении пальбы, ежедневно вырывавшей у нас массу людей, а тем более платить за это хоть копейку. Но видя вокруг раздирающие сцены умирающих от жажды, я послал предложение Измаилу-паше все, что у меня было, т. е. шесть тысяч червонцев, если он пустит нам воду на один день... Паша не согласился».

Вспоминает участник²²:

«...Кголоду, жажде, при сильной жаре, удушающей вони, отраве воды трупным ядом, во второй половине осады присоединился еще новый бич: от скученности людей и невозможности мыть белье, вошь покрыт платье, тело и кишела на земле коммат, населенных солдатами. Сон, оставшийся для слабых единственным средством освежать свои силы, сделался от этого невозможным».

Хроника событий:

14-го июня. Исмаил Хан отправляет в Игдырь очередных посланцев: вахмистра Хоперского полка Сиволобова и казаков-уманцев Ва-куру и Шепеля.

В тот же день к генералу Тергукасову, находящемуся у Даяра, является посланный из Баязета армянин Тер-Петросов**. Казак Кирильчук исчез,

* Не надо также забывать, что Исмаил Хан был уже далеко не молод - ему было 58 лет.

** С этим фигурантом связана хронологически самая первая грубая фальсификация истории обороны Баязета, принадлежавшая Хан-Агову, который описал, как через год «нашел истинного героя» в одной из лавок Игдыря. Сампсон Петросов рассказывал о своих приключениях и о том, что был награжден золотым Георгиевским крестом. В истории Русской Императорской Армии не было случая, когда гражданское лицо - бывший писец в канцелярии, был награжден, причем сразу, Георгиевским крестом высших степеней. Комиссия генерала Гейнса была создана именно для того, чтобы прекратить всякие домыслы и слухи, а также документально описать, буквально по часам, героическую оборону Баязета.

о судьбе его ничего не известно. Одновременно из Главной квартиры Кавказской армии приходит приказ Эриванскому отряд возвратиться к российской границе и освободить гарнизон Баязета. Тергукасов отдает приказ к выступлению.

15-го июня. В Баязете русские канониры разбирают одно из двух орудий и перетаскивают его на второй этаж здания у центральной стены. Эта операция позволяет увеличить площадь обстрела и несет туркам новые потери.

16-го июня. От ран, полученных 8-го июня, в баязетском госпитале умирает подполковник Пацевич. Он похоронен в подвале одного из строений рядом с подполковником Ковалевским. Вылазки баязетцев к ручью производятся без оружия, с целью принести больше воды. Турки устраивают за смельчаками охоту. В Игдырь посланы казачий урядник и всадник конноиррегулярного полка.

Эриванский отряд подходит к Зейдекяну и оказывается в шести переходах от Баязета. Тергукасов отправляет Баязет летучий отряд князя Амилахвари, но с дороги возвращает его из-за нападения турецкого Алашкертского отряда. Ночью эриванцы уходят на Караклис.

17-го июня. На Чингильский перевал являются из Баязета казаки Сиволобов, Вакура и Шепель. Келб-Али Хан угощает их чаем и дарит уряднику 300 рублей, а казакам — по 100. Хан посылает губернатору Рославлеву телеграмму с извещением о прибытии из Баязета казаков и просьбой ускорить присылку обещанных подкреплений для выручки гарнизона.

Турки вновь штурмуют баязетскую цитадель, и вновь неудачно. 18-го июня. В Баязете метким артиллерийским выстрелом россияне подбивают у турок одно из орудий.

Отряд Тергукасова стоит на отдыхе в селении Караклис. К Эривани подходят подкрепления: батарея 38-й арт. бригады, три сотни 2-го Таманского и одна — 2-го Екатеринодарского казачьих полков.

19-го июня. Эриванский отряд ведет тяжелый бой под селением Караклис с настигшим его Алашкертским турецким отрядом и отступает к монастырю Сурб-Оганес.

Серебряная медаль с надписью «За храбрость» для ношения на шею для иррегулярных частей

Дом Исмаил Хана в Нахичевани. Сейчас снесен. Фото 70-х гг. XX в.

К Келб-Али Хану из Баязета добираются казак и всадник конно-иррегулярного полка. Теймур-Паша Хан Макинский присылает сообщение, что к туркам идут свежие силы с юга. Губернатор Рославлев предписывает Келб-Али Хану, в случае нападения противника, удерживать Чингильский перевал, не двигаясь к Баязету.

20-го июня. Эриванский отряд прибывает под Сурб-Оганес, то есть останавливается в двух переходах от Баязета. Отряд насчитывает 6900 человек при 30 орудиях. Получив сведения о движении навстречу ему Ванского отряда Фаика Паши, генерал Тергукасов отказывается от намерения двинуться к Баязету, а решает отступить по Даракской дороге в Мысунскую долину, ближе к российской границе.

21-го июня. Эриванский отряд движется по Даракской котловине.

В Баязет пробирается курд с письмом от генерала Тергукасова, в котором обещано освободить гарнизон не позднее 22-23-го числа. В связи с этим в цитадели проводится проверка боеготовности частей. Курду-письмоносцу офицеры дают 200 рублей.

22-го июня. В Балык-чае Тергукасов собирает военный совет для принятия решения — идти ли на выручку баязетского гарнизона немедленно, либо следовать в Игдырь для пополнения иссякшего боекомплекта. Выбран второй вариант. Эриванский отряд переходит российскую границу.

К Чингильскому отряду прибывают подкрепления: две сотни Ека-теринодарского казачьего полка и первая артиллерия отряда — полубатарей 38-й арт. бригады.

В Игдыре разносится непонятно откуда взявшийся слух о гибели Эриванского отряда, население бежит в глубь губернии.

Макинский хан сообщает эриванскому губернатору сведения, добытые его лазутчиком, о том, что турки намерены вновь штурмовать баязетскую цитадель.

В баязетском замке получены известия от Келб-Али Хана и Тергукасова с просьбой продержаться еще несколько дней. От турок прибывает парламентар с письмом следующего содержания (перевод с турецкого)²³:

«...Командиру русских войск, осажденных в Баязете.

Божью помощью отряд, бывший в Алашкертском и Дели-бабском проходах, был мною разбит с большим для него уроном и удален от святой земли высокого государства до самых ее границ. Оставаться вам с горстью для поголовной гибели не допускается правилами, существующими между двумя державами. Если вам не верится в действительность факта удаления вашего отряда до границ, — то предоставляется вам прислать кого-нибудь убедиться в верности этого факта. Вас и всех состоящих при вас людей уверяю, что я дал приказ по команде, чтобы вам была обеспечена безопасность имущества и жизни и чтобы не был тронут ни один волосок на вашем теле, если с получением настоящего моего письма сдадите комендант-наше имеющееся в ваших руках оружие и боевые припасы. Вы все поступите под покровительство храброго санджака (знамени) ислама. Но если вы сомневаетесь, то грех будет на вашей душе, о чем уведомляю вас. Писано 22-го июня 1293 года (от хиджры).

Ванский и баязетский командир (приложена печать) Исмаил-Хакки.

По приказанию Исмаил-паши написал вам письмо и во исполнение его же приказаний, не допусцу, чтобы кто-нибудь повредил вам или вашим людям, будьте уверены в этом.

Начальник курдских войск (приложена печать) Абдулла-Инни».

Исмаил Хан в очередной раз оставляет предложение турок без ответа.

23-го июня. Обеспокоенный слухами о бедственном положении Эриванского отряда, утром Келб-Али Хан выступает с войсками в Игдырь, на помощь Тергукасову. Вечером чингильцы прибывают на место.

В баязетском замке получено очередное предложение турок о сдаче. Ответа вновь не последовало.

24-го июня. В Игдырь прибывает Эриванский отряд. Генерал Тергукасов удивлен видом пустынного селения. После встречи с Келб-Али Ханом он приказывает чингильцам срочно возвратиться на перевал. Вечером Чингильский отряд прибывает на высоты.

Баязетский замок обстреливается с особой силой. Павшие лошади съедаются. Турки передают очередные два письма с предложением сдачи, оба написаны по-русски: одно — он некоего поляка, майора И. Комера, второе от Измаила Паши. Опять без ответа.

Ночью начинается проливной дождь, позволивший защитникам замка напиться и наполнить все емкости.

25-го июня. Баязетский гарнизон получает горячую пищу. В цитадель от турок прибывает парламентар, бывший русский офицер ротмистр Даудилов, с письмом от Гази-Магомеда, сына имама Шамиля, написанным по-русски. Очередное предложение сдачи отклонено.

26-го июня. Эриванский отряд выступает к Баязету в составе 8 батальонов, 19 эскадронов и сотен, при 24 орудиях.

Баязетская цитадель сильно обстреливается неприятельской артиллерией. Исмаил Хан отправляет к Тергукасову урядников Малева и Еременко. Турки вновь посылают в замок парламентаря. Исмаил Хан отдает приказание его повесить.

Рассказывает Исмаил Хан Нахичеванский¹⁴:

«...Кнам явился с письмом Измаила-паши парламентар-курд, бывший русско-подданный, бежавший к туркам уже после объявления войны. Этот изменник возмутил меня своим нахальством. Не ограничиваясь передачей письма, он пустился в громкие суждения о том, что дни наши сочтены. «Паши очень хорошо знает, говорил он, между прочим, что люди здесь мрут, как мухи, и если не сдадитесь, жалкие остатки ваши дня через два будут повешены поголовно. Зачем же ждать такого конца?»

- Прежде чем это последует, я тебе покажу, какого конца заслуживает всякий изменник, произнес я, и приказал его повесить, что немедленно и было исполнено».

27-го июня. Эриванский отряд достигает Балык-чая, в 6 верстах от Баязета, где останавливается на ночлег.

Турки особенно сильно обстреливают цитадель. Защитники замечают приближение Эриванского отряда.

Вспоминают участники²⁴:

«...Блокирующие войска были в ружье, как перед боем, потому и вылазка за водой прошлой ночью кончилась ничем; а воды в артели не было ни капли; мучения чуть не вызвали отчаяния; даже живая перестрелка, кипевшая в течение дня, не имела прежней целебной силы — сосредоточением внимания на неприятеля утешать страдания гарнизона; теперь внутренний пожар вопиял к воде при всяком отводе глаз..

Ни зоркость солдат, ни бинокли, поминутно направляемые к стороне равнины в течение целого дня, не приносили ничего утешительного и только вечером подстерегли давно жданных.

День был облачный, пасмурный и рассмотреть что-нибудь на расстоянии девяти верст казалось не было возможности, однако одни заметили белевшие палатки, от внимания других не ускользнуло три белых пятнышка, последовательно появлявшихся и исчезающих как дымки от орудийных выстрелов, третьи слышали выстрелы и рассуждали, что верно где нибудь идет бой. Бинокли открыли даже темные линии войск, — одним словом, сообщаемые такого рода признаки утвердили уверенность гарнизона в прибытии Эриванского отряда и нравственные силы измороженных людей снова стали командовать над физическими».

28-го июня. Освобождение баязетского гарнизона.

Вспоминают участники баязетского «сидения»²⁵:

«Рассвело. Вдали, стройно, как линии шашек на плане, приближалась наша боевая линия к подножью отрогов; затем, в цепи, охватившей их, закипел частый огонь, а в нескольких местах вслед за клубами порохового дыма разносились по горам раскаты орудийных выстрелов и громкое шипение снарядов, пролетающих мимо, по направлению к старой крепости.

В ответ все вершины гор, занятые турками, застлались дымом и знакомый, непрерывный гул от ружейного огня указывал, до какой степени он был част. Горные-же их орудия, не добрасывая снаряды до наших батарей, начали осыпаться ими цитадель; с своей стороны орудия гарнизона, не нуждаясь более в сбережении снарядов, отвечали горячо; 8-е — обстреливанием старой крепости, а 7-е — позиции неприятельской артиллерии, указывали цель пришедшим батальонам.

Незабвенный, радостный для баязетцев бой, не смотря на его серьезность по упорству неприятеля, гремел как поздравительная салютация.

С наступлением нашего отряда у некоторых офицеров родилась мысль, что гарнизон, собрав более крепких людей, мог-бы финал своих страданий ознаменовать смелой вылазкой, которая, конечно, была крайне основательна, и когда войсковой старшина Кванин предложил полковнику Измаил-хану выйти всем гарнизоном с целью охватывать пути отступления турок и этим подготавливать более легкую победу подходящим колоннам, встретил и в нем полное сочувствие, но возражения некоторых остановили эту дельную, уместную вылазку; когда же теснимые турки, в виду и почти около цитадели, стали беспрепятственно подыматься по улицам и предложенный план решено было привести в исполнение, тогда войсковой старшина Кванин вывел свою сотню хоперцев и направился к старой крепости, рассыпав половину в цепь под командой сотника Гвоздика. Обход удался и вскоре подоспевшие стрелки, очищая крепость и штыками, и пулями, погнали бегущих на хоперцев как в тенета: в короткое время более 70 пленных было препровождено в цитадель, где кипела еще сильная пальба. Стрелки и орудия дружно помогали наступающим; но вдруг в окне, служившем амбразурой, раздался взрыв;

оказалось, что неприятельский снаряд попал в дульный срез 7-го орудия и покалеченная «бабушка», как называли ее солдаты, не договорила сказку до конца.

Между тем общая линия Эриванского отряда была уже недалеко; в это время по приказанию капитана Штоквича, на угол, к флагиштоку, было вынесено знамя и собраны люди, которые должны были петь «Боже.

Царя храни». Турки, конечно, не пропустили такой цели и многим из этой группы, в том числе и знаменицику, не удалось дожидаться минуты избавления, а она наступила скоро, с появлением цепи у стен цитадели; раздавшееся приказание: «собираться и выходить!» подняло в цитадели и слабых, и раненых; изнуренные лица засветились улыбками и закипела деятельность, похожая на тот бойкий переполох, который охватывает здоровое войско во время тревоги; одни очищали вход от камней; другие на носилках выносили раненых, третьи укладывали некоторых из них в

фургоны; пленные турки свозили их с горы, эти же случайные работники спускали орудие со второго этажа и потом на дорогу, где ожидали присланные лошади; часть гарнизона, стоя под ружьем, здоровалась с начальниками, заходившими в цитадель, и «рады стараться» отдавалось во всех концах ее на приветствия посетителей, но очень многие, как будто потерявшие сознание, схватив ружья, с быстротой здоровых людей, побежали одни в ряды к своим, другие к чистому источнику на базаре, прильнув к которому могли бы опиться на смерть, если-б не мешали этому проходившие войска.

Во всех частях наступавшего отряда, среди горячего боя, виднелись объятия, поцелуи и слышались поздравления. Начальники частей гарнизона поспешили представиться генералу Тергукасову, который, пострадав об их

Генерал-майор Келб-Али Хан
Нахичеванский.
Вторая половина 1878 г.
Фотограф В. Барканов.

участи довольно долго, встречал баязетцев как неожиданно воскресших, обнимая и целуя каждого.

К часам четвертым сражение кончилось: турок прогнали; гарнизон выжили и стали готовиться к выступлению в Игдырь.

...Военное общество не забыло и Александру Ефимовну Ковалевскую: еще Баязет не был окончательно занят, как с заявлением своего уважения и сочувствия о тяжелой потере и перенесенных страданиях первым явился к ней командир Ставропольского полка фон-Шак. Опираясь на его руку, она вышла из цитадели, но вспомнив, что забыта 700 руб. батальонных денег, вернулась в свою комнату. Приехавший к ней генерал Калбалай-хан, после таких же приветствий, предложил ей лошадь, но, по бессилию держаться на ней, она предпочла идти пешком с помощью его поддержки. Встретивший ее генерал Терзукасов поцеловал ей руку, поздравляя и в то же время успокаивая обессиленную страданиями и горем вдову»*.

В 9 часов вечера россияне полностью оставили Баязет и перешли ближе к пограничному хребту Агры-Даг, где и встали на ночевку. В 3 часа утра следующего дня, на виду у всего корпуса Измаила Паши, Эриванский отряд выступил к Карабулаху и направился к российской границе.

Так закончилась героическая Баязетская эпопея. Исхудавшие, еле держащиеся на ногах, но счастливые, защитники цитадели вступили в Игдырь. Об освобождении отважного гарнизона было доложено находившемуся с армией на Балканах Александру II. Великий князь Михаил Николаевич поздравил их своей телеграммой, в которой, в частности, говорилось о том, что «...Государь желает знать кто составлял гарнизон баязетской цитадели и кто им командовал...». 4-го июня командующий Кавказской армией сам прибыл в Игдырь, со своим старшим сыном Великим князем Николаем Михайловичем. В их присутствии состоялся парад Эриванского отряда. Объехав войска, Кавказский наместник лично скомандовал «на караул» и, сняв фуражку (!), передал им царское «спасибо». Затем защитники Баязета прошли перед строем всего Эриванского отряда. Великий князь приказал войскам взять «на караул» и преклонить знамена...

Впоследствии подвиг гарнизона был популяризирован в войсках. В 1905 году конференция Николаевской академии Генерального штаба постановила ввести в курс старшего класса изучение кампании в Малой Азии, включая действия Эриванского отряда и оборону Баязета.

Все офицеры и нижние чины, защищавшие баязетский замок, были удостоены различных наград. Командир 5-й роты Ставропольского полка капитан Гедулянов, например, получил орден Св. Станислава 2-й степени с мечами и чин майора, капитан того же полка Колосовекий - орден Св. Анны 3-й степени с мечами. Аман Хан Нахичеванский был произведен корнетом в Лейб-гвардии

* Нетрудно разглядеть, как все это отличается от образа, созданного «авторами» известного телесериала.

Казачий полк (Высочайший приказ от 19 декабря 1877 г.) и, кроме того, награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (Высочайший приказ от 25-го апреля 1878 г.). Мамед Хан Кельбалиханов также был удостоен следующего чина. Бывший в Баязете урядник земской стражи Ашраф Ага Мамед-Гасан Бек оглы Кенгерлинский получил серебряную медаль на Георгиевской ленте с надп. «За храбрость» для ношения на шее²⁶.

Троих участников героической обороны выделили особенно. Коменданта капитана Штоквича наградили чином майора, пожизненной пенсией в 1000 рублей серебром в год и, «в воздаяние за храбрость и распорядительность», орденом Св. Георгия 4-й степени. Самой высокой боевой награды Российской Империи «за искусные действия своих орудий» был удостоен также и артиллерист поручик 19-й арт. бригады Томашевский... Ну а что же Исмаил Хан?!

Полковник Исмаил Хан Эхсан Хан оглы Высочайшим приказом от 19-го декабря 1877 года «за отличие в делах против турок» был награжден чином генерал-майора, а 31-го декабря того же года «за примерную храбрость и распорядительность, оказанные во время блокады крепости Баязета в июне месяце 1877 года» — удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени³.*

Невзирая на ужасы «баязетского сидения», подорвавшего здоровье всех его участников, Исмаил Хан прожил долгую жизнь. За время своей службы четырем Императорам дома Романовых — Николаю I, Александру II, Александру III и Николаю II — он был пожалован всеми орденами Российской Империи, вплоть до ордена Св. Владимира 2-й степени, и чином полного генерала.

Во время 50-летнего юбилея его службы в офицерских чинах, 28-го октября 1890 года, он получил поздравительные телеграммы от военного министра Ванновского, который сообщил о производстве Исмаил Хана в генерал-лейтенанты, главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта Шереметьева, эриванского губернатора и других лиц. Великий князь Михаил Николаевич из своего крымского имени «Ай-Тодор» почтил хана несколькими теплыми строками: «Генерал-Лейтенанту Исмаил Хану. Поздравляю Вас с знаменательным днем Вашей жизни и благодарю Вас за службу под Моим начальством. Михаил»²¹.

Авторитет Исмаил Хана был настолько высок во всех слоях населения, что во время армяно-азербайджанской резни в Нахичевани в 1905 году, встретив его без защиты на одной из улиц города, противная сторона не посмела не только тронуть его, но даже оскорбить.

По воспоминаниям матери моей бабушки, первой правнучки Исмаил Хана, детство которой, как говорится, «прошло у него на коленях» и которая

* В экранной версии кинофильма «Баязет» офицеры были награждены высшими, «фельдмаршальскими» орденами Российской Империи. Эта «незначительная» неточность вполне соответствует низкому уровню культуры фальсификаторов истории России.

присутствовала на его погребении, знаменитый генерал был очень скромным человеком в жизни. Его, несмотря на высокое положение и состоятельность, отличали необычайная простота и доступность абсолютно для всех. Свойственные почти всем мужчинам — представителям рода - доброта и великодушные развились в нем до необычайных пределов. Искрометный юмор породил несколько забавных эпизодов... Недаром в некрологе на его смерть прозвучала следующая фраза:

«В частной жизни покойный Исмаил-хан отличался необыкновенной добротой, был приветлив с окружающими, отзывчив к обращающимся к нему в нужде и весьма доступен для простого люда. Почти всю жизнь, за исключением времени, проведенного в походах, покойный прожил безвыездно в родном городишке Нахичевани и жил, — несмотря на свою состоятельность, очень просто, патриархально, а своими качествами души и сердца, ни разу не изменившими ему в продолжении долголетней жизни, он заслужил искренние симпатии всех его знавших»²⁸.

Имя Исмаил Хана вошло в учебник того времени по истории Кавказа как *«выдающегося слуги отечества из кавказских мусульман»*, который *«указывал на свою веру как на особенное побуждение стоять за Царя до последней капли крови»*.

В 1908 году, за несколько месяцев до своего ухода из жизни, 89-летний Исмаил Хан твердой рукой подписал прошение об отставке... На похоронах у изголовья генерала лежало 14 подушек с орденами...

События вокруг Баязета повлияли и на судьбу Келб-Али Хана. Его смелые и, главное, грамотные действия на посту начальника Чингиль-ского отряда, когда ему удавалось с горстью людей противостоять многочисленному противнику, были оценены высшим командованием. Благодаря тому, что во время прошедших боевых операций рядом с ханом находился «глаза и уши» Августейшего главнокомандующего — полковник Толстой, генерал был отмечен и привлечен к командованию в Эриванский отряд. В июле 1877 года ему сразу поручили в командование Кульпинский отряд, с которым он успешно воевал в Эриванской губернии до того времени, пока Тергукасов не перешел в наступление. Преследование корпуса Измаила Паши, уходящего усиленными переходами к Эрзеруму, выдвинуло Келб-Али Хана из числа высших офицеров Эриванского отряда на первый план. Отныне ему поручают те дела, где нужна быстрота реакции, решительность. Еще в самом начале преследования он со своей колонной вырывается вперед, и командованию ничего не остается, как назначить его начальником авангарда. 9-го октября его ставят во главе летучего отряда, состоящего из Переяславского драгунского, в котором служил один из его сыновей, 2-го Хоперского и Кавказского казачьих полков с дивизионом 1-й Кубанской конной батареи и конно-ракетной полубатареей, и приказывают захватить Баязет, что тот с успехом и делает. Оставив в Баязете гарнизон, 11-го октября Келб-Али Хан преодолевает за день 100 верст под проливным дождем (!) и нагоняет Эриванский отряд, а затем вновь вырывается вперед. На следующее утро он

получает в командование передовые части; Тергука-сов и князь Амилахвари видят в нем единственного, кто еще может догнать Измаила Пашу. В результате наш герой все-таки достает арьергард турецкого полководца у Караклиса, его казаки и драгуны рубят турок на эрзерумской дороге.

Венцом деятельности Келб-Али Хана в Турецкую кампанию стал штурм неприятельской позиции Деве-Бойну («Верблюжья шея») 23-го октября 1877 года. В ходе сражения его кавалерийской колонне пришлось попасть под шквальный кинжальный огонь турок... Наградой генералу за эту войну были: Золотая, алмазами украшенная сабля с надписью «За храбрость» *«в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в деле с Турками под Деве-Бойну 23 октября 1877 г.»* (Высочайший приказ от 8-го декабря 1878 г.)*, орден Св. Владимира 3-й степени с мечами *«в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в делах с турками в апреле, мае, и июне сего года, при защите Баязета и при освобождении Баязетского*

Бриллиантами украшенное золотое оружие с надписью «За храбрость»

гарнизона» (11-го декабря 1877 г.), Св. Станислава 1-й степени с мечами *«в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в делах с Турками, в составе Эриванского отряда в июне 1877года»* (30-го мая 1878 г.) и Св. Анны 1-й степени с мечами *«в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в разнообразных делах с Турками в 1877году»* (24-е января 1879 г.)²⁹. После войны Келб-Али Хан был назначен командующим бригадой 2-й Кавказской кавалерийской дивизии, в составе Ейского и Уманского полков Кубанского казачьего войска и Кутаисского конно-иррегулярного полка³⁰.

К сожалению, бессонные ночи в походах, марши под проливным дождем при шквальном ветре, ночевки на заваленных снегом перевалах, ответственность за жизни подчиненных окончательно подорвали итак не богатырское здоровье генерала. В 1879 и 1880 годах он выезжал для лечения в Австро-Венгрию,

* Награждение саблей с алмазами являлось всегда привилегией Императора и было весьма редким явлением (достаточно сказать, что в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. в русской армии ее получили только 22 человека).

Германию, Италию, Францию, но это не принесло положительного результата²⁹. В марте 1883 года Келб-Али Хан ушел из жизни, оставив своим детям, помимо долгов и имений, завет верно служить России и Царствующей Династии... Он был одним из самых образованных и самых храбрых военачальников Кавказской армии и, вместе со своим братом Исмаил Ханом, стал символом, олицетворяющим честь и достоинство боевого офицера-мусульманина.

Ханы Нахичеванские участвовали в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. почти в полном составе. Семья уверенно встала в ряд самых боевых офицерских династий Императорской России.

Глава 8

Сыновья «летучего генерала» В Аджарии, у Эрзерума и на Балканах Два Ахал - Текинских похода

евностным служением Белому Царю на полях сражений храбрые сыновья наиба Эхсан Хана дали хороший пример следующему поколению своего рода, нес ким представителям которого суждено было влиться в корпус кадровых офицеров Русской Императорской армии.

Надо сказать, что кавказская молодежь, особенно мусульмане, мечтала о службе только в кавалерии. Это шло *из* глубины их характера, от традиций воспитания и жизни на Кавказе. Там с детства каждый мальчишка уже сидел на лошади, и первыми его игрушками были кинжал и сабля отца. Слава полков Кавказской кавалерийской

дивизии, завоеванная в сражениях с турками и горцами, блеск их офицеров, традиции чести и *из* жества вызывали у юнцов тихую зависть и желание стать одним из тех, кому поклонялся не только Тифлис, но и Петербург... Знатные родители, повинувшись желанию своего отпрыска, старались поместить его вольноопределяющимся в один из кавказских драгунских полков либо отправить на обучение в кавалерийское училище.

Келб-Али Хан, по протекции Великого князя Михаила Николаевича, отдал двух старших сыновей и младшего Гусейн Хана на воспитание в Пажеский Его Величества корпус. Третий же сын, Рагим Хан, был отправлен в Тифлис в реальное училище. Начнем же мы свой рассказ со старшего — Эхсан Хана.

Как, наверное, понял читатель, назван он был в честь знаменитого деда. Довольно поздно, в 12-летнем возрасте, Эхсан Хан был зачислен в пажи к Высочайшему Двору. Тогда Пажеский корпус имел один подготовительный класс, четыре общих класса, соответствующих курсу военных гимназий, и два

специальных класса, в которых готовили по программе военных училищ. По сравнению с теми временами, когда в корпусе учился отец Эхсан Хана, общий уровень изучения наук неизмеримо возрос. Зато расцвело явление, известное как «подтяжка» младших пажей старшими. Больших негативных последствий «подтяжка» не имела, никто не унижал личного достоинства мальчишек, но в условиях культа дисциплины нахождение в стенах корпуса было настоящим испытанием для каждого юнца. Младшие пажи исполняли распоряжения взрослых товарищей с большей точностью, чем приказания офицеров. Объяснялось это тем, что всякая попытка протеста и ослушания со стороны непокорного «зверя» (так называли младших) в корне пресекалась своими же товарищами по классу. Вся эта муштра настолько прочно вошла в обиход военно-учебных заведений России, что начальство и не пыталось ее искоренить.

Полный курс, включая специальные классы, Эхсан Хан прошел за 4 года. Незадолго до окончания он был зачислен в камер-пажи и допущен к выполнению своих обязанностей при одной из Высочайших Особ. В камер-пажи, по правилам, производились все имевшие в среднем по наукам десять баллов. К какому именно представителю Августейшей Семьи был приставлен наш герой, история умалчивает. Сезон балов и приемов 1873 года был в самом разгаре, и камер-пажей почти ежедневно вызывали на придворную службу. Перед отправкой во дворец Эхсан Хана, как и других, мыли, стригли и брили; затем опытные старые лакеи одевали его в придворную форму, поверх которой накидывали белые коленкоровые чехлы для защиты от грязи и пыли, а поверх чехлов — пальто. Придворная форма была красива и изящна; она состояла из каски с большим пушистым белым султаном конского волоса, расшитого золотыми галунами, очень тугого в талии мундира, золотого плетения широкого пояса с золоченой бляхой и двумя пасами, на которых висела длинная казенная шпага, белых, туго стянутых лосин и лакированных ботфортов кавалергардского образца, с привязными шпорами. Для доставки во дворец за камер-пажами приезжали придворные кареты. По прибытии на место перед комендантским подъездом всех выстраивали для осмотра ротным командиром и адъютантом, а затем разводили по местам. Кроме фельдфебеля корпуса и камер-пажей Государыни все остальные направлялись в вестибюль подъезда, к которому был назначен приезд Великих княгинь.

Когда дворцовый швейцар видел приближающийся экипаж той или иной особы, то он вызывал «прикрепленного» камер-пажа, который выбегал и помогал своей княгине выйти из экипажа. В вестибюле Великая княгиня здоровалась и задавала юноше несколько вопросов, чтобы показать свое внимание к нему, после чего передавала шубу и галоши (или валенки) швейцарам, а камер-пажу — накидку и веер, и шла к лифту. Усадив, как любезный кавалер, свою патронессу в купе лифта, затворив дверцу, камер-паж давал сигнал подъема, а сам сломя голову мчался по винтовой лестнице вверх, чтобы вовремя поспеть к подходу лифта и высадить ее в верхнем вестибюле. После этого молодой человек неотлучно находился при своей

даме, за исключением тех случаев, когда Их Высочество удалялись в дамскую комнату, помогал ей следовать по комнатам, выложенным коврами, приподнимая длинный и тяжелый шлейф придворного платья, исполнял мелкие поручения.

В танцах камер-пажи не участвовали. Во время обедов они стояли навытяжку в одном шаге позади стула своих Великих княгинь, чтобы услышать любую их просьбу, но не дышать на них. По окончании торжества юноши провожали своих дам до подъезда, помогали одеться и сажали в карету; здесь Великая княгиня благодарила камер-пажа за службу и подавала для поцелуя руку, пожелав вскоре опять увидеться.

После окончания церемонии камер-пажей кормили. Подавались те же блюда, что и к Высочайшему столу, а также шампанское. Спустя некоторое время подходили кареты для возвращения в корпус.

Так, достаточно часто, Эхсан Хан и его однокашники имели возможность быть среди членов Императорской Семьи, слушать их разговоры, ощущать их интонации, наблюдать выражение их глаз... Даже высшие начальники редко имели возможность бывать во дворце и видеть Государя... По воспоминаниям почти всех бывших пажей, трудно было описать словами те сложные чувства, которые волновали их в те дни...

Однако придворная служба и близкое знакомство пажей с Высочайшими Особами и Двором длились всего несколько месяцев. Основной целью Пажеского корпуса (согласно его Положению 1868 г.) было *«доставить детям заслуженных родителей воспитание и образование, необходимое преимущественно для службы в войсках гвардии»*¹ и пажи должны были покинуть свою alma mater, чтобы посвятить себя тем занятиям, для которых их готовили.

Вместе с Акбер-Мирзой принцем Каджаром Эхсан Хан стал вторым, после своего отца, азербайджанцем — выпускником Пажеского корпуса.

Выпущенные из корпуса по первому (с высшими баллами) разряду, определялись корнетами или прапорщиками в гвардию, и Эхсан Хан, имея отличную успеваемость, летом 1873 года получил право баллотироваться в один из гвардейских полков. Его личный выбор колебался, естественно, между полками гвардейской кавалерии.

Вероятное место службы пажа или юнкера военного училища его семья присматривала обычно заранее, исходя из своих финансовых возможностей. Дело в том, что служба в некоторых полках гвардии, например в Кавалергардском или Лейб-гвардии Конном, располагавшихся в столице, была чрезвычайно дорогостоящей. Расходы на шитье нескольких видов мундира, на покупку и содержание собственных лошадей (необходимо было иметь не менее двух), на офицерское собрание значительно превышали жалованье младшего офицера. Эхсан Хан выбрал для себя Лейб-гвардии Ее Величества Уланский полк.

Это подразделение находилось в Петергофе. Несмотря на то что полк был для гвардии относительно скромный, служба в нем все-таки была связана с

большими расходами. Холостые офицеры были обязаны столоваться в офицерском собрании, где цены соответствовали ценам первоклассных столичных ресторанов. Кроме того, гвардейский офицер должен был одеваться с иголкой. В результате гвардеец тратил в три раза больше денег на питание и в четыре раза больше на одежду, чем армейский офицер. Вместе с Ханом Нахичеванским в лейб-улань попали пажи Гордеев и Пилсудский*, а вообще среди офицеров было много представителей малороссийского и польского дворянства. Эхсан Хан был единственным мусульманином в полку. Высочайшим приказом от 10-го августа 1873 года он был произведен в корнеты, а 18-го уже прибыл в полк².

Первые годы его служба шла обычным чередом. Полк жил мирной

жизнью, большую часть года хан проводил в своем эскадроне, занимаясь с нижними чинами, летом выступал на лагерные сборы в Красное Соло. Один-два раза в год в полку случалось что-то незаурядное. В 1874 году, например, лейб-улань участвовали в торжественной встрече невесты Великого князя Владимира Александровича — принцессы Марии Менюгенбург-Шверинской. Такова была картина служебной жизни нашего героя. В 1876 году он был произведен в поручики.

Тревожные события конца 1876 года застали Эхсан Хана в Тифлисе, в отпуске. Определенно зная, что война неизбежна и что гвардия наверняка останется в резерве, он подал прошение о прикомандировании к штабу Кавказского военного округа «для предоставления ему возможности принять участие в военных действиях на Кавказе»². Не дожидаясь Высочайшего разрешения, которое последовало только 23-го апреля 1877 года, молодой офицер в первый день войны (12-го апреля) выступил в экспедицию в составе Кобулетского отряда генерал-лейтенанта Оклобжио к турецкому порту Батум.

В отряде было несколько прикомандированных офицеров, которые, не

Офицер Лейб-гвардии
Уланского полка. 1855 г.
Худ. Б. П. Виллевалде.

* Символично, что Нахичеванский был лично знаком с родственником будущего маршала Польши, который во времена своего правления поддерживал эмигрантские организации национальных движений народов Кавказа. Родная племянница Юзефа Пилсудского, Ванда, была женой Мамед-Эмина Расулзаде.

имея строевых должностей и обладая поэтому относительной свободой, кочевали по частям, рвались в самое пекло и участвовали в самых жарких боях. 13-го апреля Эхсан Хан, вместе с шедшей впереди колонной генерал-майора Денибекова, штурмовал высоты Муха-Эстате, которые покорились россиянам только ценой больших потерь. Горная, заросшая лесом местность изобиловала местами, удобными для организации упорной обороны. Этот поход очень напоминал экспедицию против кавказских горцев. Россиянам приходилось действовать в горных условиях против слабоорганизованного, не имеющего артиллерии, но очень храброго противника, прекрасно ориентировавшегося на театре войны. Противостояли Кобулетскому отряду населявшие этот район племена лазов и аджарцев.

Генерал-лейтенант
И. Д. Оклобжио

Вообще же движение генерала Оклобжио на Батум имело больше демонстрационный характер и велось с целью задержать переброску турецких войск через порт на главное направление под Александрополь. Вряд ли Кобулетскому отряду по силам было взять Батум, так как на пути к городу его ожидало сложное препятствие в виде укрепленной Цихисцзирской позиции. Там стояли регулярные турецкие батальоны с артиллерией.

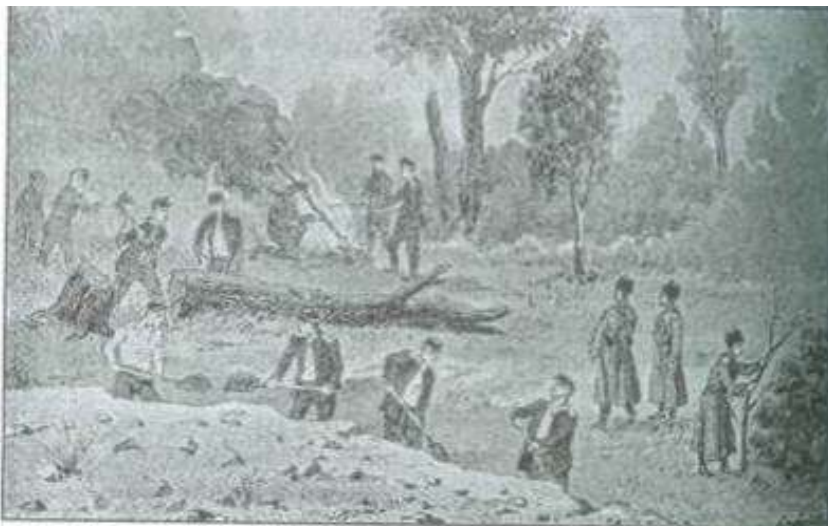
Окапываясь на Муха-Эстате, россияне теряли драгоценное время, давая туркам полную возможность укреплять как Цихисцзирские высоты, так и промежуточные пункты обороны, главным образом Хучубанскую позицию. 21-го апреля пришло известие о взятии Баязета генералом Тергукасовым. По воспоминаниям одного из офицеров, донесение это было воспринято не без зависти к успехам другого отряда³. По-видимому, единственным, у кого не было никаких поводов для ревности, являлся Эхсан Хан. Он мог только искренне радоваться за успехи эриванцев, среди которых были его отец, дядя, двоюродный брат и кузен.

29-го апреля, понеся большие потери, Кобулетский отряд взял Хучубанские высоты. Эхсан Хан находился в левой колонне, которой командовал генерал Денибеков. Ожесточенность боя была продиктована тем, что россиянам противостояли жители окрестных селений и хуторов, отстаивающие свои семейства и имущество. Лазы и аджарцы - мусульмане

по вере, воины по рождению и ремеслу, бились за каждую поляну, за каждый пригорок, но были сломлены. По словам очевидца, «...был нанесен решительный удар воинственной гордости кобулетцев, вере в неприступность их лесистых и горных трущоб»⁴. Результаты овладения Хуцубани были весьма серьезны: Кобулетский отряд выдвинулся вперед до реки Кинтриши и обеспечил за собой целую гряду Хуцубанских гор, представлявших собой крепкую передовую позицию.

Простояв на Хуцубани до 16-го мая, генерал Оклобжио перешел к следующему этапу наступательных действий. Отряд форсировал реку Кинтриши и стал подниматься на высоты Самеба. Там его поджидал противник. Россияне встретили, как и полагается, прицельным огнем. Тревожные донесения стали приходить из левой колонны, в которой находился Эхсан Хан: «...Кобулетцы и лазы упорно держались на своих неприступных позициях, фронтальный огонь, по-видимому, мало наносил им вреда. Решено было атаковать неприятеля... две сотни храбрых гурийцев, поддержанные огнем 2-й роты стрелков, бросилась на ура против левого фланга неприятеля, под сильным ружейным огнем с высот Зенити и с левого берега реки»... Атака увенчалась успехом, обороняющиеся откатились на вторую линию укреплений. «Вторая позиция кобулетцев была сильнее первой, и на ней, по-видимому, они решились держаться до последней крайности, что было легко им привести в исполнение под прикрытием вековых деревьев»... Но боевой дух россиян и желание их достичь заветной цели были сильнее, чем упорство горцев. В итоге Эхсан Хан сотоварищи утвердились на высотах над рекой, уцелевшие лазы и аджарцы бежали в горы⁵.

Насыпка ложементов и очистка местности на Хуцубани.

Рис. А. Сафорова.

Эхсан Хан был ранен: пуля попала ему в левое предплечье, «направилась вглубь и вверх по направлению к локтю, прошла между костей предплечья, причем отшибла край локтевой кости, но без перелома ее, прошла в мягкие части сгибающихся мускулов и остановилась под кожей в клетчатке у внутреннего мыщелка плечевой кости»². Свинцовую чушку вырезали, но осколки кости остались в теле и впоследствии выходили наружу через нарывы. Движения раненой руки стали ограничены и доставляли Эхсан Хану боль.

Так бесшабашный поручик получил боевое крещение... Командование Кавказской армии не преминуло сообщить об этом его родным лейб-уланам. Как зафиксировано в полковой хронике: «...Из Тифлиса в полку получена телеграмма о поручике хане Нахичеванском, который «был в деле, вел себя молодцом и ранен в руку пулей». Телеграмма в назидание прочитана во всех эскадронах, а хану Нахичеванскому от полка послано коллективное поздравление»⁶.

За атаку высот Самеба Эхсан Хан впоследствии был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, для нехристиан установленным².

После штурма высот над рекой Кинтриши в боевых действиях наступило некоторое затишье. Многие прикомандированные офицеры, не верящие в возможность успешного преодоления Цихисцирской позиции и не желая видеть напрасно пролитой крови, испрашивали разрешение покинуть отряд. Эхсан же, невзирая на ранение, оставался в войсках. Игнорируя возможность подлечить рану, он выступил с отрядом к Цихисцири и 11-го июня был в рядах атакующих неприятельские укрепления...

Русская артиллерия на высотах Самеба. Рис. А. Сафонова.

Как известно, россияне потерпели неудачу, и турки перешли в контрнаступление. Эхсан Хан с отрядом вынужден был отходить на высоты Самеба, затем на Хуцубани и, в конце концов, на Муха-Эстате. Только там генералу Окlobжио удалось закрепиться⁷.

На этом активная фаза боевой деятельности Кобулетского отряда закончилась. Генерал Окlobжио встал твердой ногой на Муха-Эстате, прикрыв Гурию от набегов лазов и аджарцев. Личный состав отряда отдыхал.

В июле 1877 года родовое гнездо Ханов Нахичеванских пустовало. Исмаил Хан лечился после баязетского «сидения» в прохладном урочище Дара-чичаг у Эривани; контуженый Аман Хан приходил в себя под присмотром лучших тифлиских эскулапов; Келб-Ати Хан командовал особым отрядом у селения Кульпы; его сыновья Джафар-Кули и Гусейн находились в Петербурге в Пажеском корпусе... И только третий сын Рагим Хан, недавний тифлиский реалист, скучал в Нахичевани.

17-летнему юнцу слоняться по пустому дому, когда отец и брат бьются с турками всего в сотне верст от него, было невыносимо. Естественно, что Рагим Хан не усидел в Нахичевани и в конце августа примчался в ставку Тергукасова. В первых числах сентября он был зачислен рядовым «на правах охотника», то есть добровольцем, в 46-й Переяславский драгунский полк⁸.

Переяславский драгунский полк был красой и гордостью Эриванского отряда, его единственной регулярной кавалерийской частью. Среди офицеров и нижних чинов выделялись представители многих знатных фамилий Кавказа:

грузины князя Орбелиани, Туманов и Нацвалов, азербайджанцы Араблинский, Султанов, Иедигаров...

Наставником Рагим Хана стал аварец Максуд Алиханов. Это была уникальная личность. Мальчишкой выкупленный из шамилевского плена наместником князем Воронцовым, он был отправлен в кадетский корпус, затем в военное училище, а по выходе в строй сторицей оправдал выданные ему авансы. Участвуя в среднеазиатских походах, он показал себя храбрым офицером, при штурме Хивы получил тяжелое ранение. Максуд, помимо всего прочего, обладал художественным и литературным даром, сотрудничал в газетах, писал в походах путевые очерки, рисовал. Незадолго до поступления в полк он был разжалован в рядовые из майоров *«за покушение в спльчивости и раздражении на убийство офицера»*⁹. Волею случая оказавшись на одной служебной ступеньке с 17-летним юношей, 30-летний умудренный опытом воин стал его близким товарищем, а впоследствии, женившись на его сестре, и родственником. Рагим Хану посчастливилось оказаться рядом с человеком, наделенным, помимо природной отваги, ясным взглядом на действительность, исключительным чувством собственного достоинства и всевозможными талантами... Вместе они вступили на боевые дороги Турецкой Анатолии.

Переяславский полк и вместе с ним наши герои в сентябре 1877 года расположились в деревне Халфалю, в 8 верстах от Игдыря. Турки заняли выжидательную позицию, и служба Рагим Хана и Максуда сводилась к нарядам в дежурную часть. Участвуя в незначительных стычках и боях, драгуны не двигались с места. В сентябре полк перевооружился винтовками Бердана. Наконец, после разгрома главными силами Кавказского корпуса турецкой армии в сражении 3-го октября у Авли-ара, произошел перелом боевой обстановки; турецкий корпус Измаила Паши, противостоявший Эриванскому отряду, внезапно снялся с места и начал поспешное отступление к Эрзеруму. По пути неприятель бросал все тяжести, обозы, раненых¹⁰.

6-го октября Тергукасов получил приказ главнокомандующего настойчиво преследовать Измаила Пашу, и Переяславский полк немедленно выступил со всем отрядом. Переяславцам, вместе с Кавказским казачьим полком, было поручено разведать направление, в котором ушли турки. Поднявшись на Зорский перевал, Рагим Хан с однополчанами увидели вдали хвост турецкой колонны, удаляющейся по дороге на Дарак. Драгуны и казаки бросились вперед, но были встречены артиллерийским огнем и отошли к Мысуну, где обнаружили колонну Келб-Али Хана Нахичеванского. С этого времени и до самого окончания боевых действий полк Рагим Хана находился в составе соединений, которыми командовал его отец.

9-го октября летучий отряд Келб-Али Хана сделал набег на Баязет, в котором, по разведанным, находилось 3-4 батальона турецкой пехоты. Город был оставлен неприятелем без боя. На следующий день, совершив 100-верстный переход,

Келб-Али Хан возвратился к авангарду Эри панского отряда, двигавшемуся по эрзерумской дороге. Преследование корпуса Измаила Паши продолжалось. 16-го октября кавалерия Тергукасова соединилась с кавалерией соседнего Саганлугского отряда и уже совместными силами сделала попытку настичь противника. В ночь с 16-го на 17-е Рагим Хан вместе со своим полком, а также с казаками и драгунами Нижегородского и Северского полков, участвовал в ночном бою с турецким арьергардом в городке Гасан-Кала. Измаилу Паше все-таки удалось ускользнуть от преследователей. Его корпус укрылся на неприступной позиции Деве-Бойну перед Эрзерумом. Тем не менее, начальник Саганлугского отряда генерал Гейман хвалил командиров русской кавалерии за их боевую работу: *«Считаю обязанностью свидетельствовать об этом молодецком походе, о примерном усердии всех чинов, особенно генералов Лорис-Меликова и Келбали-хана Нахичеванского, неумолимо преследовавших неприятеля»*.

Позиция Деве-Бойну, находившаяся в 10 верстах от Эрзерума, была главным оплотом города. Она состояла из двух линий обороны, расположенных на возвышенностях и хребтах. Устроенные на площадках батареи позволяли туркам обстреливать издали дороги и лощины, ведущие к позиции. Углубленные траншеи скрывали стрелков, имеющих возможность вести интенсивный огонь, будучи недоступными.

Несмотря на эти сложности, принявший главное командование над Саганлугским и Эриванским отрядами генерал Гейман решил атаковать Деве-Бойну. Штурм был назначен на 23-е октября. Русская артиллерия должна была усиленным огнем расчистить центр неприятельской позиции, а на правый фланг предписывалось произвести ложное наступление. Главный удар планировалось нанести на плато Узун-Ахмед («Длинный Ахмед»), лежащее между центром и левым флангом Деве-Бойну. Важность этой горы заключалась в том, нее можно было достать огнем всю турецкую линию. Ключевую задачу командование возложило на пехотную колонну полковника Амироджиби (7 батальонов при 8 орудиях) и кавалерийскую колонну Келб-Али Хана Нахичеванского, в состав которой, помимо второчередных Сунженского и Астраханского полков Терского казачьего войска и шести конных орудий, входил и полк Рагим Хана. Веч для атаки турецкой позиции, на которой оборонялось 40 батальонов и 12 эскадронов, при 60 орудиях, было брошено 30 батальонов, 24 эскадронов россиян, при 90 орудиях.

Утром 23-го октября россияне двинулись на Деве-Бойну, артиллерия открыла огонь. Турки ответили градом свинца и картечи. Ложное наступление на правый фланг Деве-Бойну велось методично в течение целого дня. Только в половине пятого вечера, когда турки израсходовали на поддержку атакованного участка все резервы, генерал Гейман решил предьявить свой главный козырь. Полковник Амироджиби ударил на Узун-Ахмед. За ним следовал со своей кавалерией Келб-Али Хан Нахичеванский. Быстрота и натиск русской пехоты позволили вскоре овладеть горной террасой. Турки стали откатываться с поля сражения и уходить к

Эрзеруму. Время было русской кавалерии вкочаться в дело. Келб-Али Хан во главе своих драгун и казаков спустился на дно оврага, проходившего через неприятельскую позицию. Выскочки из него, русская кавалерия попадала на эрзерумскую дорогу, где могла атаковать уходящих турок. Однако движение по оврагу было затруднено, всадники могли продвигаться только в шеренге по одному. Вдобавок при выходе на поверхность колонна Келб-Али Хана была встречена частыми залпами неприятельской пехоты, занимавшей верховье оврага. Хан попал в ловушку. Он не имел возможности развернуться для атаки противника... В течение нескольких минут русская кавалерия понесла ощутимые потери. В Переяславском полку, например, сразу выбыли из строя 12 рядовых и 17 лошадей, были контужены 3 офицера, под командиром 1-го эскадрона Мельниковым убиты, одна за одной, три лошади. Казаки пострадали не меньше. Келб-Али Хану удалось укрыть свою колонну за гребнем покатости Узун-Ахмеда, однако преследование неприятеля сорвалось¹².

Наступившая темнота послужила сигналом к окончанию сражения. Остатки турецких сил откатились в Эрзерум, оставив русским 43 орудия. Турки потеряли убитыми и ранеными около 3 тысяч человек, приблизительно 400 попали в плен. У россиян погибли 3 офицера к 126 нижних чинов, было ранено около 600 воинов. В полку Рагим Хана от ран умерло 3 драгуна, 9 попало в госпиталь¹³.

Через несколько дней, 28-го октября, генерал Гейман предпринял Йгтурм Эрзерума. Как известно, это предприятие окончилось неудачей: пехотные колонны выходили на рубежи атаки ночью и сбились с пути; на рассвете они оказались под сильнейшим огнем крепостных орудий. Батальоны Бакинского пехотного полка овладели было восточными фортами Эрзерума, но, не получив поддержки, вынуждены были отступить. Кавалерия, по первоначальному плану, должна была преследовать выбитых из города турок, причем особому разъезду из тридцати двух добровольцев Переяславского полка было приказано через Олвтинские ворота ворваться в город и захватить турецкий генералитет, местоположение которого обещал указать проводник-армянин. Однако на деле драгунам пришлось вместе с другими войсками прикрывать отступление пехоты. В результате россияне потеряли убитыми и ранеными 16 офицеров и 500 нижних чинов¹⁴.

Генерал Гейман был вынужден отложить взятие турецкой крепости до весны и отдал приказ о размещении войск на зимние квартиры. Рагим Хан со своим полком перешел в городок Гасан-Кала, а оттуда в Ди-адин, где драгуны расположились в буйволятниках. Вскоре командование распорядилось перебросить переяславцев на зиму в Закавказье, и 5-го декабря драгуны выступили в Эривань. Прибыв спустя несколько дней на новую стоянку, эскадроны получили приказ разойтись по деревням вблизи нахичеванской дороги, а штаб разместился в городе. Перед выступлением кавалеристы построились на площадке у сердарского сада, и командир полка Вельяминов-Зернов вручил нижним чипам знаки отличия военного ордена, пожалованные за сражения у Деве-Бойну и Эрзерума. Среди награжденных

были Рагим Хан Нахичеванский и Максуд Алиханов, причем первый еще ранее, 29-го октября, был произведен в унтер-офицеры. Оба, по-видимому, в бою были вместе, так как в списках награжденных их фамилии соседствуют¹³. Получив заслуженные отличия, наши герои в составе своих эскадронов разместились на отдых... Оба ожидали возобновления военных действий...

Мы оставили поручика Эхсан Хана Нахичеванского в непроходимых горах Аджарии, где он, в составе отряда генерала Оклобжио, оборонял позицию Муха-Эстате от наседавших со стороны Батума турок. Вторая половина 1877 года принесла молодому офицеру не меньше тревожений, чем его младшему брату - переяславскому драгуну. В последних числах июля Эхсан Хан получил от однополчан телеграмму, что лейб-улань мобилизуются. 3-го августа полк выступил из Петергофа в столицу, а 4-го с Николаевского вокзала пятью эшелонами выехал на Балканы. Эхсан Хан, невзирая на ранение, решил присоединиться к родной части; он подал прошение на имя Великого князя Михаила Николаевича об откомандировании от штаба Кавказской армии в свой полк. Долгое время ответа не было, и, наконец, 3-го ноября положительная виза Великого князя была получена. Кенгерлинеи немедленно выехал в Болгарию².

В то время Лейб-Уланский полк, по заданию командования, разведывал один из возможных путей через Балканы для движения главного отряда. Он, выслав разведьды во все стороны, направлялся к городу Орхание, расположенному на самом перевале через горную гряду. Во время движения полка по шоссе в сторону Орхание Эхсан Хан и нагнал свою часть.

В первые же дни после занятия города хан был послан вместе с поручиком бароном Будбергом и корнетом графом Сиверсом на поиски пропавшего дивизиона, ушедшего рекогносцировать спуск в Софийскую долину. Разведка закончилась благополучно, и лейб-уланы были открыт путь, хотя и весьма трудный, но наиболее безопасный, для движения войск через горную гряду, от Вратеша на Чурьяк, к удивлению, не занятый неприятелем¹⁶.

Пока главные силы концентрировались для перехода через Балканы, на Эхсан Хана и его однополчан была возложена обязанность добывать в окрестностях скот для солдатского котла. При этом никто не снимал с них наблюдательных функций. В составе разведывательных партий Эхсан Хан несколько раз спускался

Генерал Максуд Алиханов

Атака русской кавалерии на турецкий обоз, 1877 год. Худ. П. О. Ковалевский.

в Софийскую долину и доходил до самого Араб-Конака, где турки построили укрепленную позицию. Лейб-уланы наблюдали за неприятелем, не отказывая себе в удовольствии время от времени беспокоить его набегами².

Отдых на перевале, к сожалению, облегчения не приносил; войска страдали от голода и холода. Был конец ноября, на Балканах стоял жуткий мороз, а лейб-уланы жили в палатках под открытым небом. Интендантские обозы были далеко, и негде было взять теплой одежды. Непромокаемые пальто, введенные в материальную часть в начале 70-х годов, истрепались, а модные «кепи», совершенно бесполезные в условиях зимы, были без надобности брошены. Каждый пытался разжиться каким-нибудь теплым платьем в окрестных деревнях или купить что-нибудь у запасливых казаков. По внешнему виду воинов невозможно было распознать части. Как вспоминал один из офицеров Лейб-Уланского полка, «...на мне был черный полушубок, подпоясанный саблей, и кубанская папаха, и нельзя было определить какого я полка»¹⁷.

Приказом командования от 10-го декабря было сформировано десять отрядов для перехода через Балканы, лейб-уланы вошли в состав четвертого. 13-го декабря из деревни Лезань полк выступил во Вратеш для соединения с частями родной 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. 16-го и 17-го числа Эхсан Хан с однополчанами совершили 29-часовой переход через Балканы в составе своего отряда. Движение больших масс пехоты, артиллерии и конницы шло очень медленно, многие получили обморожения, легочные заболевания. Этот героический переход по зимним заснеженным хребтам и перевалам достаточно описан в литературе, поэтому читатель может сам составить себе представление о том, что пришлось пережить нашему фигуранту и его товарищам в горах Болгарии¹⁸.

Внизу россиян ждала турецкая позиция у деревни Ташкисен. Командир отряда, будущий генерал-фельдмаршал И. В. Гурко, решил взять ее штурмом с

ходу, не дожидаясь подхода подкреплений. Лейб-Уланский полк расположился за окончанностью левого фланга боевого порядка атакующих. Состоявшееся сражение было очень кровопролитным: россияне потеряли 15 офицеров и 547 нижних чинов. Турки оставили Ташкисен и отступили. До самого сочельника лейб-улань простояли в деревне Смольско, где расположились с удобством в теплых болгарских избах. Затем был получен приказ двигаться по Софийскому шоссе дальше, в направлении города Ихтиман. Впереди 2-й гвардейской кавалерийской дивизии были высланы в разведку два взвода от 4-го эскадрона: штабс-ротмистра Сулимы и поручика Хана Нахичеванского. Как повествует полковая хроника, в рождественскую ночь 25-го декабря от обоих офицеров в штаб пришли тревожные донесения.

Генерал И. В. Гурко

Оба докладывали, что в деревнях вдоль шоссе бродят черкесы и башибузуки, деревня Вакарель горит, а жители умоляют о помашах. Утром ротмистр Баранов, который вел свой эскадрон в авангарде, при выходе на шоссе услышал выстрелы. Приблизившись, он обнаружил взводы Сулимы и Эхсан Хана, ведущие неравный бой с башибузуками в узком горном дефиле. Баранов подоспел как раз во время схватки грозила обернуться трагедией, у лейб-улан уже кончались патроны. Как выяснилось, произошло следующее. Сулима и Эхсан Хан во время разведки в одной из деревень обнаружили вражескую конницу. Недолго думая, порывистый хан повел свой взвод в атаку. *«Спешенные уланы взяли с боя караулку и затем овладели мельницей, выбив оттуда 7 черкесов: стрелки, под команду поручика Хана-Нахичеванского и корнета Ухтина, бросились с криком «ура» вперед и овладели мельницей: черкесы, отступая, взобрались на возвышенность и, увидав, что наших слишком мало, вновь начали наступать и теснить уланских стрелков, которым пришлось отступать. отстреливаясь; у стрелков оставалось уже по одному, по два патрона: они готовились уже ударить в сабли,... но в это время подошли на рысях неожиданные полки... Черкесы быстро отступили к Ихтиману»¹⁹.*

Ихтиман также был оставлен неприятелем. Турецкий полководец Сулейман Паша отступил к городу Филиппополь. Лейб-улань составили

передовой отряд преследования. В первый день нового 1878 они вступили под Филиппополем в бой с укрепившимися турками. 3-го полк обошел город и приблизился к Адрианопольскому шоссе. Перейдя бурную реку Марицу вброд, он двинулся по шоссе навстречу авангарду Шипкинского отряда генерала Скобелева, с которым 9-го января пошел к Адрианополу. Сзади доносились слухи о поражении Сулеймана Паши под Филиппополем. 11-го числалейб-улан с музыкой встретил Адрианополь. Полк расположился бивуаком в центре города... Вскоре состоялось распоряжение о выступлении 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии по шоссе на город Люле-Бургас²⁰.

29-го января Эхсан Хан с однополчанами достиг побережья Мраморного моря и под звуки своего полкового марша вошел в город Ро-досто. В тот же вечер офицеры дивизии устроили бал по подписке в честь городского общества. Но в курортных условиях лейб-улань отдыхали недолго. Утром 7-го февраля вместе с Лейб-гвардии Донской № 6 батареей они были внезапно подняты по тревоге и, сделав три перехода по берегу моря, остановились у деревни Кшастово. Эта тревога была вызвана необходимостью русским войскам выйти на демаркационную линию, установленную после перемирия 18-го января, с целью предупредить вмешательство в войну Англии. 10-го февраля полк перешел демаркационную линию и приблизился к предместью Константинополя Сан-Стефано. В его расположение прибыл главнокомандующий Балканской армией Великий князь Николай Николаевич старший и благодарил лейб-улан за службу²¹.

Желая ускорить подписание турками российских требований и условий мирного договора, 17-го числа Великий князь на глазах всего Константинополя устроил демонстрационные учения. 19-го турки завизировали все необходимые бумаги, согласившись на вывод своих войск из Болгарии, сдачу крепостей Виддин, Руцук и Силистрия в Европе и Эрзерум в Азии. Война закончилась.

Войска ликовали и бурно отмечали радостное для всей державы событие. Возвращение их домой, однако, откладывалось до выполнения турками условий мирного договора. Эхсан Хан с однополчанами расположились в деревне Нифас у Константинополя. Как это всегда бывает после тяжелых испытаний, воины расслабились. Вино лилось рекой. По воспоминаниям одного из офицеров полка, «...какой-то константинопольский антрепренер, итальянец Викаро, открыл в Нифа-се офицерский ресторан; у него имелось все необходимое для стола, не исключая и вин...»¹². Кроме того, офицерам свободно разрешалось посещать Константинополь. В одну из ночей, возвращаясь сильно подшофе из Сан-Стефано, при переезде через небольшую речку упал в воду и утонул лейб-улан корнет Брамс. Это была единственная потеря среди офицеров полка на Балканах... После нескольких неприятных историй главнокомандующий строжайше запретил личному составу контингента посещать в Константинополе увеселительные заведения в военной форме, а затем и вообще прекратил отпуска.

Однако полностью погасить молодой пыл победителей Великому князю не удалось. 16-го апреля, в Пасху, после заутрени в греческой церкви офицеры лейб-уланы *«отправились в ресторан итальянца Викаро «разговориться», а затем поскакали верхом в Сан-Стефано для поздравления августейшего шефа»*²². Для нашего героя этот день был радостным вдвойне — пришел приказ о его производстве в штабс-ротмистры²... Офицеры отдыхали, как могут «отдыхать» только русские.

Великий князь разными способами пытался отвлечь войска от разгульной жизни: устраивал ложные тревоги, давал частям различные задания, но полностью запретить офицерам употребление вина не мог.

25-го мая лейб-уланы с большим торжеством отпраздновали свой полковой праздник. Было получено несколько Высочайших телеграмм с поздравлениями. Естественно, праздник растянулся на несколько дней... Закономерным итогом веселого времяпрепровождения стало событие, произошедшее с нашим фигурантом 27-го мая. Можно сказать, что оно сломало карьеру хана и кардинально изменило его жизнь... *«Будучи в нетрезвом виде», он «нанес удары саблей с поражением, трем рядовым и двум казенно-подъемным лошадям 11-го отделения расформированного Интендантского транспорта, возвращавшегося в фургонах из Ярым - Бургаса»*²³.

Здесь самое время сказать, что интендантскую службу в армии не любили. А те, кто голодал и мерз на перевалах Балканских гор несколько месяцев назад, — и того более. Безобразная работа интендантов и их боязнь оказаться под огнем неприятеля обрекла войска на страдания. По-видимому, неприязнь к снабженцам и вылилась у Эхсан Хана в самосуд над ними. Поступок хана был вполне в духе того времени. Горячая офицерская молодежь, особенно кавалеристы, часто были участниками кровавых драм. *«Нанесение в запальчивости раны старосте почтовой станции», «умышленное нанесение фаэтоницику дворянину Ив раздражении нескольких ран, повлекших за собой смерть», «покушение на жизнь писаря городской управы»* — подобные факты регистрировались судами в те годы нередко. Отстаивая свою честь перед равным, офицер обычно вызывал того на дуэль, с простолоудином, мещанином или купцом расправлялся на месте с помощью плетки или сабли.

Командование гвардии, как и во всех случаях, когда речь шла о чистоте гвардейского мундира, поступило с провинившимся очень строго. Любой гвардейский полк представлял собой закрытый клуб, честь которого оберегалась чрезвычайно строго. Офицерское собрание и старший полковник, а также и высшее командование, заботились о том, чтобы любой неблаговидный поступок не вышел за рамки части. Если же избежать огласки было невозможно — виновник происшествия безжалостно отторгался.

Невзирая на то что в прошедшую кампанию Эхсан Хан, по характеристике начальства, *«выказал себя хорошим и храбрым офицером»*, и что *«проступок не имел никакого злого умысла и был совершен под влиянием нетрезвого состояния»*, составление его далее на службу в гвардии признали невозможным. Он был отчислен в армию с *«переименованием»* в майоры²³. Некоторым утешением Нахичеванскому стали пожалованные ему за прошедшую войну награды: *«за отличие в делах против турок под гор. Филиппополем, 3—5 января 1878 года»* орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (приказ от 3-го июля 1878 г.), *«за переход через Балканы 19 декабря 1877года»* орден Св. Анны 4-й степени с надписью *«за храбрость»* (9-го июля 1878 г.), *«за штурм высот у реки Кинтриши на Кавказе»* орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (15-го ноября 1878 г.), *«за участие при обложении Плевны в 1877 году»* разрешено носить Румынский железный крест (11-го июня 1879 г.)².

Медали в память русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Сверху вниз: серебряная, светло-бронзовая, темно-бронзовая.

Оставим на время Эхсан Хана и вернемся несколько назад, чтобы рассказать о втором сыне генерала Келб-Али Хана — Джафар-Кули. 8-летним мальчишкой (в 1867 году) он был зачислен в пажи к Высочайшему Двору, а в 12 лет - в комплект Пажеского корпуса. Очень рано, в 15 лет, Джафар-Кули был переведен в младший специальный класс, изучающий военное дело. В тревожном 1877 году производство в офицеры произошло на 2 месяца раньше обычного срока; 10-го июня Нахичеванский вышел корнетом в Лейб-гвардии Ее Величества Уланский полк — часть, в которой служил его старший брат²⁴.

Прибыв в Петергоф, Джафар Хан застал полк в ожидании вызова на театр боевых действий. 24-го июля полковой адъютант штабс-ротмистр Трубников привез из Петербурга весть о мобилизации. Трое суток понадобилось лейб-уланам на сборы и подготовку. 3-го августа полк выступил для погрузки на Николаевский вокзал.

Среди своих офицеров командир полка полковник Эттер должен был выделить несколько человек для службы в запасном эскадроне, остававшемся в Петергофе. Эта роль предназначалась тем, кто по семейным обстоятельствам или по собственному желанию не хотел ехать на Балканы. Но таковых оказалось мало, и Николай Павлович вынужден был назначить людей в запасной эскадрон по собственному усмотрению. В число неудачников попали вновь прибывшие офицеры, и в их числе — Джафар Хан.

Горячий 18-летний корнет был, естественно, разочарован. Каждое утро теперь он должен был являться в казармы запасного эскадрона и до обеда обучать солдат приемам кавалерийского строя. В офицерском собрании обед накрывали всего на несколько персон, и разговоры там велись только вокруг фронтовых новостей. На приобретенной подробной карте Османской Империи, изданной австрийским генеральным штабом, Джафар Хан с однополчанами отмечал передвижения Балканской армии. Отпуска в столицу особенно не радовали. Кое-где попадавшиеся белые фуражки фронтовиков напоминали об опустылевшем тыловом существовании.

Отсутствие потерь среди офицеров полка на Балканах не оставляло Джафара Хану возможности побывать на фронте. А к Рождеству 1878 года стало ясно, что война скоро кончится. Единственным шансом испытать судьбу оставался Эрзерум, занятый русскими войсками по условиям сепаратного мира. Там, в столице Турецкой Анатолии, слабое равновесие между противоборствующими сторонами в любой момент могло быть нарушено... Не теряя времени, Джафар Хан подал прошение о переводе в 15-й Тверской драгунский полк, входивший в оккупационный отряд войск в Эрзеруме. 1-го июня 1878 года он прибыл в свой новый полк²⁴.

Трехмесячное пребывание в Эрзеруме, однако, военных регалий кенгерлинцу не снижало. Турки выполнили все условия соглашения с правительством России, и 8-го сентября столица Анатолии была возвращена Османской Империи: комендант города полковник Казбеке эскадрона тверских драгун встретил турецкое подразделение; караулы были сменены, и российский контингент с военными почестями проводили за демаркационную линию.

После ухода из Эрзерума Тверской драгунский полк встал на зимовку в пограничной деревне Джелал-оглы. Джафар Хан испросил себе большой трехмесячный отпуск и выехал к родителям в Нахичевань. Нелегко для самолюбия молодого человека было видеть братьев, на мундирах которых красовались недавно полученные награды... С твердой решимостью найти случай отличиться Джафар Хан выехал в расположение полка²⁴.

В начале 1879 года по подразделениям Кавказской армии разнесся слух о предстоящей военной экспедиции на восточный берег Каспийского моря — в Ахал-Текинский оазис. Поход этот имел целью обуздать непокорные племена текинцев, державшие в страхе всю округу. Противник не имел организованной армии и, в сознании солдат и офицеров Кавказской армии, не мог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Поэтому предстоящая экспедиция, по мнению многих, не сулила больших опасностей, зато обещала стать занимательным приключением в сердце Средней Азии, а заодно могла обернуться получением новых чинов и наград.

С нетерпением и затаенной тревогой все ожидали, какие же части удостоятся чести войти в состав экспедиционного отряда, а когда список их был оглашен, наиболее активные офицеры полков-неудачников, используя свои связи, кто какие имел, постарались прикомандироваться к подразделениям, уходящим в Ахал-Теке. Было это весьма нелегко, так как серьезную конкуренцию им составили «фазаны» из Петербурга, ехавшие в Среднюю Азию в «крестовый» поход, то есть за Георгиевскими крестами. Кроме патентованных столичных аристократов к экспедиции примкнули «любопытные» — стремившиеся увидеть новый край, новых людей, окунуться в мир приключений, и «идеалисты» — те офицеры, которые считали, что обязаны по роду службы быть на войне. К последним принадлежал и Джафар Хан. Остается только догадываться, каким образом нашему герою удалось добиться участия в экспедиции. Скромная надпись в послужном списке «командирован по распоряжению Начальства» оставляет это за кадром²⁴.

Переход русского отряда через пески

Итак, в мае 1879 года вместе с одним из подразделений Ахал-Текинского отряда на судне общества «Кавказ и Меркурий» Джафар Хан отплыл из Баку на восточный берег Каспийского моря. Высадка войск проходила у селения Чикишляр, являвшегося сборным пунктом россиян.

В отряд вошло 16 батальонов пехоты, 18 сотен и 2 эскадрона кавалерии, 26 орудий, ракетная батарея и рота сапер. Налицо был весь цвет Кавказской армии: батальоны Лейб-Эриванского, Грузинского гренадерского, Кабардинского, Ширванского, Куринского, Апшеронского, Дагестанского, Ахалцыхского, Навагинского и Александропольского пехотных полков, сотни Волжского, Таманского, Полтавского и Лабинского казачьих и Дагестанского конно-иррегулярного полков, два эскадрона Переяславского драгунского полка. В рядах последних был, кстати, наш старый знакомый Максуд Алиханов. Рагим Хан Начичеванский поступил в военное училище и в походе не участвовал.

Джафар Хан примкнул, естественно, к драгунам.

Долгое время отряд стоял в Чикишляре. Формирование его затягивалось, возникли проблемы с подвозом фуража и провианта, не хватало перевозочных средств. Наконец, 31-го июля россияне выступили. Отряд пошел через пески по направлению к Копет-Дагу. 20 дней понадобилось кавказцам, чтобы преодолеть более 100 верст безводной пустыни и, перевалив через горную гряду, вступить в пределы Ахалтекинского оазиса. За это время отряд потерял своего командира — от неизвестной болезни умер Иван Давидович

Лазарев, генерал Кавказской армии. Его заменил старший из офицеров генерал Ломакин.

Туркмены-теке пока не показывались. По слухам, они собрались в своей крепости Геок-Тепе («Голубая гора»), чтобы дать бой россиянам соединенными силами. Джафар Хан и большинство его товарищей, однако, не предполагали серьезного отпора со стороны неприятеля. Как вспоминал один из участников экспедиции, *«...никто не поверил возможности встречи со стороны текинцев серьезного сопротивления, все рассчитывали на неотразимое действие, которое произведет несомненно артиллерийский огонь наших орудий. Мы заблуждались в боевых качествах нашего врага; о его стойкости, полном презрении к смерти и отчаянной храбрости мы не имели и не могли иметь понятия, так как с этим врагом впервые приходилось помериться силами»²⁵.*

Наконец, 28-го августа отряд подступил к Геок-Тепе и сразу пошел на штурм. Силы россиян составляли 1.200-1.300 человек против укрывшихся за глиняными стенами крепости 15 тысяч конных и 20 тысяч пеших джигитов. На стороне атакующих была артиллерия, текинцы же противопоставили им отчаяние людей, готовых умереть на поле брани.

Нашему герою, как и всем его товарищам, пришлось принять участие в бою, который по удельной доле потерь и по степени сопротивления противника должен быть назван одним из самых кровавых боев за всю историю Русской Императорской Армии. Джафар Хан попат, без преувеличения, в настоящую «мясорубку». Чтобы читатель мог представить в своем воображении события того дня, обратимся к мемуарам участника боя - драгуна-перяславца В. А. Туган- Мирза-Баранове кого:

«Момент штурма наконец настал...

Ровно в 5 часов пополудни раздался условленный сигнал — залп из четырех орудий нашей артиллерии. Грохот выстрелов понесся по долине, отозвался на Копет-Даге и слился с громким криком «ура!»

Войска, стоявшие на северной и западной стороне, бегом бросились на крепость. К сожалению, они не имели с собою ни штурмовых лестниц, ни фашин и никаких вообще приспособлений для штурма. С чем были, с тем и пошли.

Быстро добежали солдаты, под усиленным огнем текинцев, стрелявших со стен, до крепости. Минута остановки, краткая передышка, и все бросились в ров. С величайшим трудом, упираясь итыками о хрупкую сухую глину, поддерживая и подымая друг друга, полезли солдаты на стену. Вот некоторые влезли уже и тут же пали жертвою своего удалства. На смену им карабкались и взбирались ловко новые молодцы. Некоторые обрывались и падали в ров. Но эта борьба удалства с невозможностью продолжалась недолго. Едва текинцы осмотрелись и опомнились от первого впечатления,

увидев малочисленность штурмующих и всю безопасность для них штурма, благодаря высоким, почти отвесным стенам, -они бросились со всех выходов из крепости и сами напали на атакующих. Вылазку предприняли не менее 5 или 6.000 текинцев. В несколько минут наши солдаты были окружены текинцами. На каждого пришлось по 4 и 5 человек. В такой толпе, где свои перемешались с чужими, стрелять были невозможно. На каждый штык, и притом штык утомленный, изне. денный большим переходом и ужасным днем и напряжением штурма, пришлось по 4, по 5 шашек.

Наши солдаты как бы утонули в толпе текинцев... В решительную минуту кровавого боя, на крепостной стене появился старец, текинский мулла, и раскрыв Коран, громким, пронзительным голосом стал читать молитву.

Вдруг, неизвестно откуда, неизвестно от кого, раздался среди сражающихся возглас: «назад!». Кто был в бою, тот знает, что значит в решительную минуту такой возглас. С быстротой электрической искры это слово пронеслось по линии из конца в конец. Наши солдаты медленно, но вдруг по всей линии начали отходить от крепости. Тогда новые толпы текинцев вышли из крепости и бросились с яростью на них. Быстрое отступление было необходимо; малейшее замедление влекло за собой бесполезную гибель многих людей. Отступая, наши солдаты отстреливались и отбивались штыками и прикладами. Достигнув линии орудий, солдаты, успевшие несколько соединиться, остановились и открыли пальбу залпами. Артиллерия держала наготове картечь, и залпы из орудий понесли смерть в толпы текинцев. Визг картечи ошеломил их. Еще несколько минут пальбы, еще несколько залпов, атака ширванского батальона, стоявшего в резерве, лихая атака полускадрона драгун, стоявших на левом фланге, вместе со взводом ракетной батареи, и текинцы бросились в ужасе в крепость и за стенами ея искали укрытия»²⁶.

Что касается драгун, и в их числе Джафар-Кули Хана и Максуда Алиханова, то они обратили на себя внимание лихой атакой на отряд текинцев, пытавшихся отбить русские пушки:

«На левом фланге, вслед за отступлением батальонов, часть текинцев, участвовавших в вылазке, отделилась и с громким криком «урр!» бросилась на два горных орудия штабс-капитана Гантинова. Видя опасность, грозящую артильчери, капитан Шанаев ринулся с своими драгунами, с места в карьер, на текинцев; к нему присоединился командир ракетной батареи Цумпфорт с казаками, оставив станки на месте.

Последняя атака заслуживает особого внимания. Драгуны, ничтожные числом, врубились в толпу текинцев, рубили их направо и налево и привели врага в замешательство. Текинская пехота, обороняясь от кавалерии, хватала наших всадников крючками пик и старалась свалить их с лошади. Тут особенно выдался есаул Граматин: храбрый, отважный, он наносил удары, которые на другой день уже

Текинцы, вооруженные кремневыми ружьями

сделались легендарными в отряде. Так ударом сабли он срубил одному текинскому вождю всю лицевую маску. Драгунский унтер-офицер Алиханов, отделившись от своих, врывается в середину текинцев, нанося смертоносные удары; все думали, что он не вернется более, но, к счастью, ему удалось пробиться к своим живым и невредимым; между прочим, ударом шашки он рассек пополам, на две части, голову одному текинцу. Лихая атака полэскадрона драгун и горсти казаков принудила текинцев к отступлению»²¹.

Этой атакой бой 28-го августа 1879 года у Геок-Тепе и завершился. Текинцы скрылись за стенами, а генерал Ломакин в 8 часов вечера стал отводить свои части на ночлег, в 2-х верстах к северо-западу от крепости. Все поле боя, по свидетельству очевидцев, было усеяно трупами павших воинов, как жителей оазиса, так и россиян. О них пока никто не заботился.

Ночь Джафар Хан сотоварищи провел без сна, каждую минуту ожидая нападения противника. Костры разводить было запрещено, и холод пронизывал до нитки. Однако кавказские воины, бывшие и до этого боя в серьезных переделках, не думали унывать. Все были уверены, что утром штурм повторится.

Каково же было удивление солдат и офицеров, когда в 3 часа утра был обнародован приказ Ломакина об отступлении. Несмотря на серьезные потери (были убиты 7 офицеров и 170 нижних чинов, ранено 20 офицеров и

250 солдат), отряд был вполне боеспособен. Как стало известно впоследствии, текинцы были уже сломлены и собирались покориться. Они потеряли более 2.000 воинов, от огня русской артиллерии погибло около 3.000 женщин, детей и стариков. Тем не менее, русский отряд выступил на юго-запад, возвращаясь к границам оазиса. Войска шли медленно, как на похоронах. Противник их не преследовал²⁸.

Еще раз пришлось изведать россиянам трудности перехода по пустыне. Особенно тяжело пришлось, конечно, раненым. Ночь с 6-го на 7-е сентября была последней, которую Джафар Хан с однополчанами провел на текинской земле. Перевалив через Копет-Даг, Ахал-Текинский экспедиционный отряд вступил на территорию мирных туркменских племен... Совсем не радужными красками рисует этот день Туган-Мирза-Барановский:

«В последний раз мы взглянули на текинский оазис... Живо мне вспомнилось настроение отряда, когда мы впервые увидели его. Тогда никто не сомневался в полной победе, все ждали скорой встречи с текинцами и земли их заранее считали покоренными. Как все обрадовались, увидев с вершины Копет-Дага вдали расстилающийся текинский оазис. Никто бы не поверил 22 августа, что 7 сентября отряд наш снова будет на вершине хребта, поспешно отступая из оазиса, чтобы спасти себя от окончательной гибели. Увы, в силу обстоятельств, мы были вынуждены возвращаться ни с чем...

Итак, русские войска покинули земли Ахала. Много мы вынесли и выстрадали, и морально и физически, за эти 17 дней, другому и за всю жизнь свою не придется, быть может, того вынести. Неудачный бой, большая убыль в людях, беспомощность раненых, голод, крайнее изнеможение людей, падеж лошадей и прикалывание, выбившихся из сил, верблюдов, стоны людей и животных, раздававшиеся постоянно кругом и перемешивавшиеся между собой — все это слишком тяжело отразилось на нас»²⁹.

27-го сентября войска вернулись в Чикишляр. Опять им пришлось сидеть в томительном ожидании пароходов, которые должны были перевезти их на кавказский берег. Только 14-го октября Джафар Хан погрузился на судно, отходящее в Баку. Из нефтяной столицы Кавказа он переехал в Тифлис и дальше, в урочище Царские Колодцы, в расположение своего полка.

«В награду отличного мужества и храбрости, оказанные в деле с текинцами 28 августа 1879 года в составе войск Закаспийского края» Государь Император «Всемиловнейшие соизволил пожаловать» Джафар-Кули Хану Нахичеванскому орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, для нехристиан установленный²⁴... Мечта хана сбылась.

Тверской драгунский полк имел штаб-квартиру в урочище Царские Колодцы, находящемся в Сигнахском уезде, в 120 верстах от Тифлиса. В этом глухом

уголке кавказских гор жизнь текла скучно и неторопливо. Единственным постоянным развлечением господ офицеров, и в их числе Джафар Хана, была прекрасная охота. Отдачейность месторасположения полка от культурных центров края вела к одичанию людей. Кипучая энергия офицеров не могла найти себе нормальный выход и выплескивалась в застолях. Со временем тверские драгуны приобрели в Кавказской армии славу главных кутил и дуэлянтов. *«Я должен сказать, что и весь полк в то время считался забубённым, — писал сослуживец Джафар Хана, будущий полководец I мировой войны Алексей Алексеевич Брусилов. — Вытывали очень много и почти все при каждом удобном и неудобном случае. Большинство офицеров были холостяки; насколько помню, семейных 3-4 человека во всем полку. К ним мы относились с презрением и юным задором»*³⁰. Залогом часто вспыхивавших поединков было не только вино, но и горячая кровь офицеров-южан. Даже вполне уравновешенные офицеры-тверцы намеренно поддерживали скандальную репутацию полка.

В конце 1879 года однополчанам Джафар Хана, однако, пришлось на время забыть о разгульной жизни — началась подготовка новой экспедиции в Ахал-Теке, и, по слухам, в ней должны были принять участие тверские драгуны. Вскоре в Царских Колодцах было получено официальное уведомление и приказ о сборе в поход одного дивизиона.

Перед офицерским собранием полка встал вопрос о том, кто поедет в Закаспийский край. Некоторые офицеры сами подали заявления о включении их в боевую группу. В числе таковых был Борис Брусилов (младший брат Алексея), князь Михаил Спиридонович Чавчавадзе, а также и наш герой... Джафар Хан решил вторично скрестить сабли с туркменскими джигитами, и это его решение должно быть понятно тем, кто знал семью Нахичеванских Ханов... Возглавил дивизион тверских драгун майор Владимир Николаевич Булыгин.

4-го сентября 1880 года дивизион прибыл в Темир-Хан-Шуру, где он должен был вступить на палубу одного из пароходов, предоставленных обществом «Кавказ и Меркурий», для отплытия на восточный берег Каспийского моря. Войск было много, и отправка задерживалась; в первую очередь на суда грузилась артиллерия и пехота. Наконец, долгожданный день настал, и судно с драгунами вышло в море. 8-го ноября оно причалило к Чикишлярской пристани. С палубы на берег сошло 10 офицеров и 399 нижних чинов³¹.

К моменту прибытия тверских драгун в Закаспийский край подготовительный период экспедиции уже закончился. Генерал Скобелев, поставленный во главе отряда, успел овладеть главными коммуникациями Ахал-Текинского оазиса, подтянуть артиллерию, создать в опорных пунктах запасы боеприпасов и продовольствия. В отличие от экспедиции 1879 года речь о недооценке противника уже не шла, да и число войск у россиян было значительно внушительнее. Скобелев собрал под свое крыло около 15 тысяч штыков и сабель. 22-го ноября кавалерийская колонна, в состав которой вошел и

дивизион Тверского драгунского полка, выступил из Дуд-олума по реке Чандыр, в направлении крепости Геок-Тепе.

Переход сопровождался незначительными стычками с текинцами. Временами Скобелев приказывал нескольким сотням совершить набег на то или иное неприятельское селение, лежащее неподалеку от пути следования колонны. 27-го ноября, например, Джафар Хан вместе с однополчанами участвовал в перестрелке при занятии аула, принадлежавшего одному из текинских вождей — Нур-Верды Хану, а 28-го — в отбитии у неприятеля стад в окрестностях этого келята²⁴.

По возвращении из набега в лагерь Джафар Хана ожидал сюрприз... В отряд приехал Эхсан Хан.

Прибытие старшего из сыновей Келб-Али Хана в Ахал-Теке было связано с обстоятельствами, о которых стоит рассказать подробнее. Как должен помнить читатель, мы оставили храброго кенгерлинца в трудные времена отлучения от гвардии. Отчисленный из полка, он не мог уже рассчитывать на успешную карьеру строевого офицера. Дальнейшая служба в одной из второразрядных армейских частей, на которую он мог претендовать со своим «волчьим билетом», естественно, не могла приаче-кать Эхсан Хана, и наш герой решил поменять профиль военной деятельности, сохранив при этом ее высокий статус. Он подал заявление в приемную комиссию Николаевской академии Генерального штаба.

Генеральный штаб приобрел в Российской Императорской Армии к 80-м годам значительный вес. Выпускники академии составляли как бы особую касту. На них, по их собственному мнению, лежала миссия просвещения армии. Особое положение офицеров-генштабистов подкрепляло хорошее жалованье и быстрый карьерный рост. Именно они в конце XIX века занимали высшие посты в Военном ведомстве Российской Империи.

Поступить в Академию было исключительно трудно. Сначала офицеры держали проверочные экзамены при штабах военных округов, после которых отсеивалось более двух третей соискателей. Затем прошедшие отбор ехали в

Братья Брусиловы. Слева направо:
Борис, Лев и Алексей. 1890-е гг.

Петербург для сдачи вступительных экзаменов. Этот путь прошел и Эхсан Хан. 12-го октября 1879 года, после успешного «выдерживания» приемного экзамена, он был зачислен в младший класс Академии.

Однако наш нерадивый герой недолго состоял на иждивении Главного штаба. Проучившись всего год (из трех), он не смог преодолеть барьер переходного экзамена на второй курс и был из «Николаевки» отчислен. В его оправдание можно лишь сказать, что из 150 поступивших в Академию до третьего, последнего курса добиралась сотня, из которой честь быть причисленными к Главному штабу получали всего 50 офицеров.

Хан попал в непростую ситуацию. Жизнь в столице, весьма дорогая в те времена, требовала значительных средств, а он лишился жалованья. В сентябре 1880 года он подал прошение на имя начальника Главного штаба графа Гейдена: *«Желая в будущем году поступить в Николаевскую Академию Генерального Штаба, почему имею честь покорнейше просить о прикомандировании меня ко вверенному Вашему Сиятельству Главному Штабу, с сохранением содержания, и этим дать мне возможность подготовиться и достигнуть желаемой цели»*¹¹. За хана просило очень влиятельное лицо - бывший командующий Кавказским корпусом, а в то время министр Внутренних дел и член Государственного Совета граф Лорис-Меликов.

Тем не менее начальник Главного штаба отказал. И причиной его отказа был все тот же злосчастный поступок хана: *«...при всем моем желании сделать Вам (Лорис-Меликову) удобное признаю, после сего, неудобным уже испрашивать Высочайшее соизволение на прикомандирование майора Эхсан-хана Нахичеванского к вверенному мне штабу»*²³.

Тогда, за столом своей квартиры по Свечному переулку, хан написал графу Гейдену другое прошение: *«Имею честь просить Ваше Сиятельство о прикомандировании меня в распоряжение Генерал-Адъютанта Скобелева, для участия в предстоящей Ахал-Текинской Экспедиции. При этом прошу ходатайства Вашего Сиятельства о выдаче мне подъемных и прогонных денег»*³⁴.

Один из предводителей текинцев во время обороны Геок-Теле
Махтум-Кули Хан. Литография Бореля.
После покорения оазиса был приглашен на коронацию Александра III и произведен в майоры милиции.

Это обращение, естественно, встретило полное одобрение. Граф Гейден доложил о нем военному министру графу Милютину: *«В виду того, что Майор Эхсан-Хан-Нахичеванский находится, в настоящее время, в крайне стесненном положении и что затем, по заявлению Гвардейского Начальства, во время минувшей войны, он выказал себя хорошим и храбрым офицером, полагалось бы вследствие сего, возможным командировать помянутого штаб-офицера, согласно его просьбе, в распоряжение Временно Командующего войсками, действующими в Закаспийском крае, Генерал-Адъютанта Скобелева, чтобы тем дать возможность Майору Эхсан-Хану Нахичеванскому загладить свой поступок и получить возможность вновь продолжить службу в войсках»*⁵. 13-го ноября 1880 года документ был утвержден Высочайшей резолюцией, и хану было приказано немедленно отправляться к Скобелеву. Получив прогонные деньги, молодой офицер выехал в Тифлис, в штаб Кавказского военного округа, а оттуда, не теряя времени, к месту назначения.

Так Эхсан Хан оказался в Ахал-Теке. Немедленно после прибытия генерал Скобелев прикомандировал его, для несения службы, к батальонам 81 -го пехотного Апшеронского полка. В послужном списке хана записано, что 28-го ноября 1881 года он назначен командующим сводными (3-м и 4-м) батальонами Апшеронского полка³⁶.*

Русский отряд и, вместе с ним братья Нахичеванские, двинулся дальше. Скобелев с летучей группой кавалерии, в которую вошли и драгуны, вырвался вперед и значительно раньше главных сил появился под Геок-Тепе. Начальнику отряда был необходим опорный пункт, и с этой целью он занял одно из укреплений, воздвигнутых текинцами на подходах к своей главной твердыне. Это укрепление, на местном наречии называемое Эгян-Батыр-Кала, россияне нарекли Самурским. Оно находилось в 13 верстах от Геок-Тепе. К 20-му декабря 1880 года к нему стянулись все войска, и Скобелев начал осадные действия.

На первом этапе главная роль отводилась кавалерии, так как необходимо было произвести рекогносцировку пространства вокруг Геок-Тепе. 21-го декабря в 7.30 утра соединение кавалерии, в которое вошли дивизион драгун, четыре сотни казаков и два конно-горных орудия, под предводительством начальника Закаспийского военного отдела генерал-майора Петрусевича выступило для осмотра восточного и северного фронтов текинской крепости. Массы неприятеля, конного и пешего, вышли на встречу россиянам и завязалась перестрелка. Потеряв одного казака убитым и пятерых ранеными, осмотрев нужное пространство, Петрусевич ретировался. На следующий день рекогносцировка была проведена на другом участке, и вновь не

* Это была большая честь, так как Апшеронский полк принадлежал к числу старейших полков Кавказской армии, овеянных славой взятия Ахульго, Дарго и Гуниба.

обошлось без стычки с противником. Джафар Хан участвовал во всех действиях кавалерии со своим эскадрон тверских драгун. 23-го декабря очередной раз Петрусевич выступил из Самурского к Геок-Тепе. Текинцы, по-видимому, предвидели появление русской кавалерии и приготовили ей сюрприз. 400 добровольцев во главе с Куль-Батыр-Сердаром засели в одном из укреплений (кал) неподалеку от крепости, на пути следования «неверных». Когда колонна россиян приблизилась, текинцы открыли огонь. Петрусевич приказал казакам и драгунам спешиться и штурмовать укрепление, и сам бросился в ворота. Внутри началась рукопашная схватка. Петрусевич пал одним из первых. Из Геок-Тепе стала выходить конница, угрожавшая россиянам ударом в тыл. Принявший командование полковник Арцышевский приказал коноводам открыть по текинцам огонь, а сам послал за подкреплением. Между тем в кале резня продолжалась. Тело Петрусевича несколько раз переходило из рук в руки, у русских выбыло до 50 убитыми и ранеными, в том числе три офицера. Тяжелое положение Джафар Хана сотоварищи усугублялось подходом новых отрядов текинской пехоты. Наконец, подоспело подкрепление и от Скобелева, но незначительное. Когда закончились снаряды конно-горных пушек и почти не осталось патронов, Арцышевский дал приказ на отступление.

Генерал М. Д. Скобелев.
Литография Борезя со снимка,
сделанного в Геок-Тепе 12 января 1881 г.

В этом бою, ставшем, пожалуй, самым опасным приключением для поручика Джафар-Кули Хана Нахичеванского в кампанию 1880 года, отряд потерял убитыми трех офицеров (в том числе майора Бульгина) и 12 нижних чинов, ранеными 37 человек³⁷.

Кавалерийская разведка в достаточной мере осветила Скобелеву окрестности Геок-Тепе, и он перешел к осадным работам. В тот же день, 23-го декабря, была заложена первая траншея (параллель) напротив юго-восточного угла текинской цитадели.

Кавалерийская разведка в достаточной мере осветила Скобелеву окрестности Геок-Тепе, и он перешел к осадным работам. В тот же день, 23-го декабря, была заложена первая траншея (параллель) напротив юго-восточного угла текинской цитадели.

Геок-Тепе нельзя было считать сильной крепостью. Она была обнесена огромной глиняной стеной от двух до трех сажень высоты и около сажени

ширины. Ров перед крепостью был неглубок, не более сажени глубины. С внутренней стороны стена имела приступок для стрелков. Внутри текинцы вырыли еще один ров и наполнили его водой. Вместе с небольшим бруствером он составлял последний оплот обороны. С востока и юга от крепости простирались посева колючего кустарника джугары, которые очень затрудняли подход к стенам. В северо-западном углу Геок-Тепе возвышался большой курган, с которого вожди руководили защитниками цитадели.

Крепость окружали четыре небольших укрепления высотой около трех сажени, защищенных рвом. Они служили фортами Геок-Тепе. В течение всей осады Скобелев одно за другим занял их и сделал их пунктами базирования штурмовых колонн.

Текинцы не давали осаждавшим ни дня спокойной жизни. Постоянные их вылазки неизменно заканчивались рукопашной и несли потери россиянам. Вот впечатления участника осады:

«Текинцы крадутся чрезвычайно быстро и тихо и затем сразу, как один, бросаются в шашки. Большинство из них идет на вылазку босыми, с засученными рукавами и подвернутым халатом назад. При этом, не смотря на отсутствие строя, существует известная организация. Впереди идут собственно бойцы, отчаянный народ, которые с диким криком: Аллеман! Ааи! Магома! бросаются в атаку. Огнестрельного оружия с собой не берут. Большинство вооружено тяжелыми хорасанскими шашками; у кого же их нет, тот идет с плохо выкованным копьем или итыком от отнятого у нас ружья; подле убитых находили простые овечьи ножницы, навязанные на кривую палку... Затем следуют санитары, которые быстро и самоотверженно выносят из свалки убитых и раненых, так как у мусульман, а особенно у текинцев, считается стыдом оставить товарища на поле брани без погребения. Сзади всех идут аламаници-ки (грабители), на обязанности которых лежит забирать оружие и что попадет от убитого неприятеля и скорее тащить в крепость; это обыкновенно молодежь — мальчики 14 и 15 лет, которые, впрочем, иногда увлекаются и лезут вперед, где и гибнут такими же героями, как и старики. Аламаният они с необыкновенной быстротой и ловкостью, и в несколько минут успевают обобрать все оружие и патроны, оставленные в траншеях, и раздеть почти до-гола убитых.

Текинцы сложены атлетами и рубят сильно и ловко. Раненные шашками имеют ужасный вид. У некоторых убитых от удара разлетались черепа, а у иных лица были до того исполосованы и изуродованы, что покойника трудно было признать по лицу»³⁸.

Одна из первых таких вылазок чуть не стоила жизни Эхсан Хану Нахичеванскому. В ночь на 29-е декабря туркмены подкрались к правому флангу осадных работ, где располагался 4-й батальон Апшеронского полка, и напали на него. Почти вся знаменная рота была вырублена, и хотя апшеронцы отбили нападение, текинцы унесли с собой знамя батальона...

Скобелев был в ярости! Наказал провинившихся он по-своему. Все виновные офицеры отныне посылались им на самые опасные участки, а 4-й батальон должен был принять на себя особую, самую трудновыполнимую и опасную задачу во время штурма. В результате к концу кампании в 4-м батальоне Апшеронского полка уцелел один человек из пяти бывших в строю. Однако знамя у текинцев отбили обратно.

Во все время, предшествующее штурму Геок-Тепе, братья Нахичеванские были самыми деятельными участниками осадных мероприятий. Джафар Хан ходил в атаку на «Великокняжескую» позицию (29-го декабря), отбивал ответный ночной налет неприятеля (драгуны стояли налево фланге линии войск)²⁴; Эхсан Хан тянул подкопы (тихие сапы) к крепости, вместе с минерами закладывал заряды, предназначенные для подрыва стен². К 6-му января подкопы были закончены и осаждающие приступили к минированию и установке брешь-батарей. 8-го января все 15 орудий открыли огонь в одну из стен глиняной крепости и пробили в ней брешь. Защитники Геок-Тепе пытались заделать ее, но непрерывный артиллерийский огонь не позволял им это сделать. 9-го января все минные работы были окончены и в ночь на 10-е команды добровольцев начали закладку основных зарядов в специальные камеры. Подрыв восточного участка Геок-Тепе этими командами, в числе одной из которых был Эхсан Хан, был для некоторых добровольцев актом самоубийства, так как не всем удалось выбраться из подкопа до срабатывания заряда. Огромной силы взрыв проделал широкую дыру в стене укрепления. Целый день 11-го января орудия левого фланга обстреливали брешь и препятствовали текинцам заложить ее. 12-го должен был состояться штурм. Невзирая на то что это был понедельник, Скобелев предпочел «тяжелый день» «чертовой дюжине» 13-го.

План штурма был таков: колонне полковника Гайдарова надлежало с западного края крепости произвести отвлекающую атаку. В это время на восточной стороне должны были скрытно сконцентрироваться два батальона апшеронцев и, по команде, ворваться в пробитое артиллерией отверстие.

Таким образом, главная роль предназначалась апшеронцам. Первым должен был пойти проштрафившийся 4-й батальон, за ним 3-й. Колонну возглавил флигель-адъютант, 29-летний полковник граф Орлов-Денисов, его заместителем был назначен майор Эхсан Хан Нахичеванский. Здесь надо сделать пояснение: несмотря на то что командир 4-го батальона Апшеронского полка подполковник князь Ма-галов был убит ранее, в одной из стычек с текинцами, среди коренных апшеронцев в отряде было несколько офицеров выше хана по званию. Однако Скобелев назначает заместителем Орлова-Денисова именно нашего героя. Причина тут, конечно, кроется в том, что Эхсан Хан находился в отряде, чтобы *«загладить свой поступок и получить возможность продолжить службу в войсках»*, и Михаил

Дмитриевич давал ему такую возможность, выдвигая в голову штурмовой колонны.

Итак, наступило утро 12-го января 1881 года.

«Забрезжил рассвет и наступило серенькое утро. Солдаты зашевелились, стали приводить себя в порядок, кое-кто на случай смерти завещал свои пожитки товарищу. Все мы были сосредоточены, но совершенно спокойны», — вспоминал офицер 4-го батальона Апшеронского полка. *«Громыхнуло первое орудие, за ним пойти остальные, и бомбардировка открылась. Стрельба была настолько сильной, что в воздухе от разрывающихся снарядов стоял какой-то стон. У нас у всех звенело в ушах. Весь огонь артиллерии направлен был в артиллерийскую брешь, с целью возможно расширить ее. Не смотря на адский огонь, текинцы, стоя в самой брешу и не обращая внимания на разрывающиеся около них снаряды, поспешно лопатами забрасывали брешь. «Сейчас начнется штурм, приготовьтесь»,* сказал нам, проходя, какой-то адъютант. *Все взоры устремились к Великокняжеской кале, где взрыв должен был послужить сигналом атаки. В 11 часов и 20 минут раздался страшный глухой удар и в ту же секунду высоко над крепостью поднялся огромный столб земли. Батальон выскочил из траншеи и двинулся вперед. ...Не успели мы пройти и 40 шагов, как первым упал прапорщик Усачев — ему пуля пробила ногу; вслед затем получил две тяжелых раны граф Орлов-Денисов; падая, он указал батальону на брешь. Не обращая внимания на постоянно падавших товарищей, Апшеронцы упорно шли к стене, и, наконец, с криком ура бросились на брешь...»*²⁹.

Со стороны это начало атаки апшеронцев выглядело так:

*«Апшеронцы, на левом фланге, как только увидели взрыв, выскочили из траншеи, и, перебегая мостик через Великокняжеский ручей, направлялись к артиллерийской брешу. ...Батальону приходилось здесь пройти под огнем около ста сажень... Пылкий Орлов, желая восстановить порядок, который нарушился при переходе ручья, остановил батальон и начал его устраивать; уже в это время несколько десятков людей было убитыми и ранеными, и сам граф Орлов, у которого первой пулей оторвало на руке палец, резко выделяясь своим мундиром, был подстрелен в бедро и упал, не доведя батальона до брешу... Хан Нахичеванский повел апшеронцев далее»*²⁹.

Приняв командование батальоном, Эхсан Хан стремительно бросился к брешу. Несмотря на выстрелы в упор и летящие сверху камни, он со своими солдатами взошел на стену по штурмовым лестницам. По рассказам очевидцев, Нахичеванский вместе с поручиком Чукма-совым и капитаном Мельницким дрался в переднем ряду, подбадривая апшеронцев хриплым голосом: «Вперед братцы! Надо умирать!».

Для восстановления дальнейшей картины штурма обратимся опять к рассказу офицера-апшеронца:

«Солдаты нашего батальона за несколько минут унизали гребень бруствера и схватились с текинцами врукопашную. Дрались чем попало: штыками, пиками, шапками, бросали друг в друга кусками глины... Но вот сзади нас крикнули «ура»: то шел в атаку 3-й батальон Апшеронцев. Этот крик заставил солдат нашего батальона как один вскочить, и все, как один человек, ринулись вниз, в крепость... Приняв еще на стене крепости, по приказанию нашего нового командира батальона, майора Хана Нахичеванского, команду охотников, я продвинулся с нею немного вперед...»²⁹.

А вот как захват стен цитадели апшеронцами описал офицер-очевидец:

«Привлеченные решительным и бодрым наступлением апшеронцев, текинцы спустились на бреши, а с парапетов продолжали косыми выстрелами поражать наших, пока штурмовая колонна не спустилась в ров. Текинцы громко кричали «Алла» и «Магома», поощряя этими возгласами друг друга, грозили из-за гребня бреши шапками и гибкими пиками и швыряли камнями по головам наступающих. Почти ни одного офицера не осталось в 4-м батальоне, которому не окровавили бы головы или лица камнями... Несколько времени наши солдаты, занимая внешний скат бреши, в то время как за внутренними стенами сидели текинцы, перебрасывались камнями; по три, по четыре человека бросались вперед, падали от шашечных ударов и лезли опять. Наконец наши сломили и, поддерживаемые резервами, заняли гребень.

Генерал Скобелев, зорко и пламенно наблюдавший за делом, велел двинуться туда-же 3-му батальону Апшеронского полка и сам бросился вперед, желая сам его вести в атаку... Но бывшие тут полковник Козелков и капитан Баронах его удержали... Апшеронцами двинулись и ставропольцы. Подполковник Попов, седой кавказец, много раз нюхавший порох, бодро вел 3-й батальон на поддержку товарищей...»⁴¹.

Колонна полковника Гайдарова, атаковавшая с противоположного угла Геок-Тепе, не встречала уже сопротивления. Текинцы, подавленные, дрогнули и обратились в бегство. Только храбрейшие из них, группируясь, продолжали ожесточенно биться и умирали под пулями и ударами штыков ворвавшегося в крепость врага. По свидетельству участников, солдаты с остервенением уничтожали их, закалывали штыками безоружных и раненых. Скобелев приказал спешным драгунам и казакам сесть на лошадей и преследовать бегущего неприятеля на север, куда ринулась его основная масса. Кавалерия настигла спасавшихся текинцев и рубила их без всякой пощады, окропив неприятельской кровью более 15 верст пустыни⁴².*

Тем временем солдаты грабили крепость. Скобелев приказал не

* В настоящее время 12-е января является в Туркмении днем национального траура.

препятствовать им в этом.

Взятие Геок-Тепе удалось Ахал-Текинскому экспедиционному отряду дорогой ценой: погибли 4 офицера и 55 солдат, было ранено и контужено 30 офицеров и 309 солдат. Как и следовало ожидать, больше всех пострадал 4-й батальон апшеронцев Хана Нахичеванского. Кроме графа Орлова-Денисова, вскоре скончавшегося от ран, умер также прапорщик Усачев, выбыли из строя еще 9 офицеров и более сотни нижних чинов. В рядах батальона осталось всего 179 человек⁴³.

Текинец внутри разрушенного вала
Геок-Тепе. 1881 г.

Сам Эхсан Хан был контужен. Во время описанной атаки 4-го батальона, стоя на крепостной стене, он получил удар камнем в голову и, потеряв сознание, рухнул вниз на груды камней. Эта рана имела серьезные последствия и вызвала преждевременный его уход из армии, а затем привела и к смерти⁴⁴. Под Геок-Тепе же он не обратил внимание на увечье, командовал, придя в себя, апшеронцами до полного успеха штурма. Отсутствие его фамилии в официальных списках раненых и контуженных говорит о том, что наш герой не обратился даже к медикам. При этом хан продолжал руководить своими подчиненными, о чем свидетельствуют источники.

Джафар Хан, как гласит послужной список, также участвовал в штурме Геок-Тепе, однако нам неизвестно, на каком участке он находился. После покорения текинской твердыни поручик недолго оставался в расположении отряда; 15-го января он в составе колонны будущего военного министра России полковника Куропаткина отправился в рейд к Асхабаду и до 31-го января вместе с однополчанами бороздил пески оазиса в поисках поверженного противника²⁴. Свой 22-й день рождения (5-го февраля) Джафар Хан встретил с братом в Геок-Тепе, а на следующий день Эхсан Хан, получив предписание начальства, выступил с 3-м и 4-м батальонами апшеронцев к Красноводску, для дальнейшей погрузки на суда и следования в штаб-квартиру в Дагестане⁴³.

Из Ахал-Текинского оазиса Эхсан Хан увозил мальчишку — сына убитого во время штурма Геок-Тепе одного из текинских ханов. После поголовного

истребления взрослых защитников глиняной цитадели сотни детей, оставшиеся без родителей, бродили среди развалин, и несколько офицеров почли своим долгом усыновить кое-кого из несчастных малюток. Нахичеванские воспитали приемыша, после смерти Эхсан Хана он проживал в семье Рагим Хана, окончил Тифлисскую гимназию⁴⁶ и служил по гражданскому ведомству. Ему суждено будет сыграть свою роль в суровом 1919 году.

Джафар Хан еще до конца мая 1881 года находился в текинских степях, где со Скобелевым исходил весь край до персидской границы. В этих кавалерийских рейдах, направленных в самые удаленные уголки оазиса, были окончательно покорены оставшиеся в живых разрозненные и разбитые частички некогда могучего народа, наводившего страх на окрестные государства. Покоренные текинцы впоследствии верно служили России. В 1885 году из них была сформирована Туркменская конная милиция. С началом I мировой войны из нее же развернули Текинский конный полк, который своей храбростью заслужил славу в войсках. Как известно, это был любимый полк генерала Корнилова, не оставивший его во время заключения в тюрьме Быхова в 1917 году, а затем сопровождавший будущего вождя Белого движения на Дон.

Еще до отправки домой Джафар Хан был произведен в штабс-капитаны (приказ от 24-го марта 1881 г.). За отличия во время Ахал-Текинской экспедиции он был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, для нехристиан установленным (17-го июня 1881 г.), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1-го марта 1882 г.) и Св. Станислава 2-й степени (8-го июля 1882 г.)²⁴. После победной реляции Скобелева на всех участников штурма Геок-Тепе щедро посыпались награды. Сам нач&чьник отряда был пожалован орденом Св. Георгия 2-й степени. Четыре полковника, в числе которых были Гайдаров и Куропаткин, награждены орденами 3-го класса. Более десяти офицеров получили кресты 4-й степени. Однако не было среди этих лиц того, кто первым во главе своего батааьона ворвался в крепость и, на основании нескольких статей Статута ордена Святого Георгия, должен был быть награжден знаком 4-й степени. Эхсан Хана обошли стороной. Вместо белого крестика на грудь кенгерли-нец примерил на шею орден Св. Станислава 2-й степени с мечами (приказ от 10-го августа 1881 г.)²⁵. Нет сомнения, что такая незначительность награды была следствием злосчастной истории с «чинами интендантского транспорта», которую никак не хотело забыть высшее

Знак ордена Св. Станислава
2-й степени с мечами

начальство. После возвращения из Текинской экспедиции Эхсан Хан и Джафар-Кули продолжили службу в войсках. Джафар-Кули вернулся в свой полк в Царские Колодцы, где вскоре приобрел репутацию одного из самых лучших наездников Кавказской армии. В 1881 и в 1883 годах на обязательных офицерских скачках, проводимых в рамках дивизии, кенгерлинец два раза брал второй приз, что, если учесть высочайшее мастерство верховой езды на Кавказе, было само по себе выдающимся результатом. Лихое наездничество

Серебряная медаль «За взятие штурмом крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года»

дважды стоило хану сломанной ноги. К сожалению, здоровье Джафар-Кули после 1881 года стало стремительно портиться. В походах молодой человек приобрел *«весьма упорную форму болотной лихорадки»*, катар желудка и желтуху. Боли усиливались при верховой езде и быстрой ходьбе⁴⁷. Хану требовалось лечение. В 1883 году он за счет казны поехал *«для пользования»* Боржомскими минеральными водами²⁴.

Эхсан же после Ахал-Теке продолжал командовать прославившимся под его началом 4-м батальоном апшеронцев. Благодаря ходатайству начальника 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Петрова наш герой был зачислен в полк сверх комплекта. Это было сделано вопреки существующему закону, как дань героизму хана при штурме цитадели⁴⁸. Со своим батальоном Эхсан Хан и прибыл в его штаб-квартиру.

Урочище Ишкарты, где располагался 4-й батальон Апшеронского пехотного полка, находилось в глухих горах Дагестана, в 14-ти верстах от Темир-Хан-Шуры. Военное поселение представляло собой обветшалые казармы, десятка четыре домиков, принадлежавших офицерам и отставным солдатам. Общество было исключительно военным, без штатских. Здания офицерского собрания не было, поэтому под него приспособили несколько комнат лазарета. В 1882 году батальон перешел в Темир-Хан-Шуру, что, однако, не сделало жизнь офицеров более интересной. Все отчаянно тосковали... Еще в конце 1881 года от безысходности застрелился капитан Афанасьев, а вслед за ним — командир полка полковник Чижиков⁴⁹.

Угнетающая обстановка, примитивный быт, а главным образом бездеятельность заставили в 1883 году Эхсан Хана подать прошение о переводе его в

один из полков 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизии, квартировавших ближе к столице Кавказа.

В марте 1883 года скончался генерал-майор Келб-Али Хан Нахичеванский... Безвременный уход из жизни отца вынудил его сыновей задуматься о пересмотре своих жизненных планов. Кто-то должен был принять на себя заботы об имуществе и принадлежащих семье поместьях. В царствование Александра III денежные оклады офицеров, особенно младших, были настолько незначительны, что позволяли лишь, как говорится, сводить концы с концами. Отпрыски «летучего генерала», включая Рагим Хана, успевшего к тому времени пройти курс Тифлисского юнкерского училища и Кавказской учебной роты и стать корнетом (в 1882 году), и самого младшего Гусейна, закончившего специальные классы Пажеского корпуса, собрались в Нахичевани и поделили отцовское наследство. К ним перешел и долг отца в размере 83 тысяч рублей серебром.

Миссию хранителя семейного достояния принял на себя Рагим Хан. Он подал прошение об отставке, и 23-го октября 1883 года Высочайшим приказом был зачислен в запас армейской кавалерии⁵⁰.

В 1885 году, в связи с *«крайне расстроеным здоровьем и домашними обстоятельствами»* уволился из армии и Джафар Хан. Невзирая на малую выслугу лет, благодаря военным заслугам его наградили мундиром и следующим чином ротмистра²⁴.

Оба отставника шаг за шагом начали строить в Нахичевани свою новую жизнь. Первым делом они расстались со своим холостым положением. В частях Кавказской армии со времен войны с горцами для офицеров существовало негласное правило не связывать себя семьей до чина подполковника. Джафар Хан женился на Фахрин-Гадж Ханум, дочери Аббас-Кули Хана Эриванского⁵¹. Рагим Хан сосватал себе дочь эриванского помещика Шукюр Хана Макинского — Минавяр Ханум⁵². Через несколько лет, однако, ханум скончалась, оставив Рагим Хана вдовцом с двумя детьми и пасынком Мамед Ханом Текинским.

Вскоре пошли дети. Рагим с Джафар Ханом стали возвращать их так, как было принято в самых передовых семьях Закавказского края. Воспитание начиналось с самого раннего возраста, под присмотром русской гувернантки, чаще всего «выписанной» из Петербурга, и няни-азербайджанки. Рассматривая фотографии того времени, не устаешь удивляться той простоте одежды, в которую были облачены будущие блестящие офицеры и благородные девицы. Скромные рубашонки мальчишек, подпоясанные тесьмой, а в парадных случаях черные черкески с обычными газырями, и только девочки в нарядном одеянии — это было правдивым отражением их трудолюбивого и скромного детского быта. Мальшей обучали русскому и французскому языкам, прививали вкус к европейской литературе. Их намеренно держали в неведении относительно предначертанного им от рождения высокого положения. В противовес великолепию и роскоши домашней обстановки, окружавшей маленьких ханов, с ними обращались достаточно строго и старались не

Дети Джафар-Кули Хана Нахичеванского с няней и гувернанткой.
Фото 1900 г.

баловать. В общении с людьми, особенно с низшими по положению, дети должны были держаться с достоинством, но при этом демонстрировать особенный такт. Надменность сразу пресекалась. Родители требовали от детей порядка и дисциплины, а от девочек, кроме того, кротости и скромности.

Не реализовав себя в армии до конца, Рагим Хан и Джафар-Кули мечтали о том, что это за них сделают сыновья. По мере взросления последних они обучали их верховой езде и обращению с оружием. Затем будущих офицеров ждал кадетский корпус и военное училище.

Со временем Джафар-Кули и Рагим Хан приобрели в Нахичевани большой вес. Первый стал городским старостой. Оба являлись крупнейшими помещиками края и владели массой недвижимого имущества. Джафар-Кули вместе с младшим братом Гусейн Ханом выстроили себе дома по европейскому образцу. Рагим же проживал в старом ханском дворце на южной окраине города, над обрывом, выходящим к Араксской долине.

Штрихи к портрету братьев рисует нам итальянский путешественник дипломат Луиджи Виллари, побывавший в Нахичевани в 1905 году.

Ханский дворец в Нахичевани. Современное фото.

«Я сначала посетил Рагим-Хана... Он — истинный гранд-сеньор, типичный мусульманский лорд-феодал, собственник обширных угодий и владелец многих крестьян, армянам татар. Его дом — безусловно самый прекрасный в Нахичевани, он поистине, был бы уместен даже в более цивилизованном городе. Он расположен в городском предместье, на краю утеса, с которого начинается спуск на широкую равнину Аракса. Сад перед ним не очень пышный, поскольку климат, вероятно, не подходит для культивирования цветов. Но внутри дом весьма роскошен. Гостиная заполнена дорогой европейской мебелью, не всегда в лучшем стиле, но очень великолепной; все стены покрыты богатыми персидскими, турецкими и кавказскими коврами; потолок украшен мозаикой из маленьких кусочков зеркал, аналогичной увиденной мной во дворце эриванского сардаря. Элементы декора, обивка, украшения, были все привезены издалека по железной дороге, и куплены независимо от их стоимости, чтобы произвести впечатление на людей, с целью показать важность, богатство, и достоинство семейства Нахичеванских. Сам Рагим-Хан — смуглый человек среднего роста, не такой красивый, как многие татары, которых я встретил, но с прекрасным джентльменским подходом и приятными манерами. Он был одет в униформу российского чиновника, хотя теперь удалился от службы. Он лучше образован, чем большинство татар, и путешествовал очень много по России и в зарубежных странах; он знает русский в совершенстве, но не говорит ни на одном западном языке. Хотя меня никто не представил ему, он принял меня с предельной любезностью и совершенной откровенностью, которая удивила

меня. Он — хан до мозга костей, это переносится наружу, и создает впечатление, что он потомок длинной линии правителей, на охваченной бурей земле.

...Я также посетил брата Рагима — Джафар-Кули-Хана, городского голову. Он также жил в роскошном доме, богато обставленном, хотя построенном в менее красивом месте, чем у Рагима. Он служил в российской армии, и был одет в черкеску. Он очень красив, и имеет то же самое восточное достоинство, что и его брат...»⁵³.

Итальянский писатель-путешественник рассказывает, что влияние братьев на население Нахичевани было безгранично, что простые люди в городе говорили о них не только с почитанием, но и с благоговением. Причем популярность Джафар-Кули и Рагим Хана простиралась и на соседнюю провинцию Персии. Не случайно в мае 1905 года, когда за границей распространился ложный слух о гибели братьев от рук армян, толпы персидских азербайджанцев хлынули через кордон для наказания убийц.

Дольше своих братьев задержался в армии Эхсан Хан. Прикомандирование к 16-му гренадерскому Мингрельскому полку (в 1884 году) позволило ему чаще бывать в Тифлисе, где он стал завсегдатаем светских салонов. В том же году хан был произведен в подполковники.

Имея два ранения, Эхсан Хан состоял под попечительством Александровского комитета о раненых — организации, помогающей военным инвалидам. Полученные увечья, между тем, давали о себе знать: периодически возникали головные боли, ухудшилось зрение, левая рука полностью не разгибалась и постоянно болела. Офицер был освидетельствован и переведен из 3-го класса раненых в более тяжелый 2-й⁴⁴. По-видимому, с целью предоставить Эхсан Хану больше времени находиться под присмотром врачей, начальство командировало его в Тифлис на должность запасного члена военно-окружного суда. Эта роль по своим функциям была сходна с ролью присяжных заседателей гражданских судов. В 1887 году, однако, его здоровье ослабло настолько, что он вынужден был просить об отставке. При увольнении его наградили чином полковника и мундиром, а затем, за ранения, и пенсией. Эхсан Хан поселился в Тифлисе, в доме доктора Мачавариани². Тем не менее, состояние Нахичеванского лучше не становилось, опухоль от удара камнем в Геок-Тепе разрасталась. В конце концов сердце храброго кенгерлинца остановилось. Умер он бездетным.

Единственным из сыновей Келб-Али Хана, кто к концу 80-х оставался в армии, был самый младший — Гусейн Хан.

Глава 9

Гусейн Хан

десятилетнем возрасте, в 1873 году, младший из сыновей генерала Келб-Али Хана был зачислен в пажи к Высочайшему Двору, а в 13 лет определен в Пажеский корпус интерном (то есть жил в казарме корпуса). В то время когда его старшие братья вернулись из Ахал-Теке, Гусейн Хан закончил общее образование и был переведен в младший специальный класс. В 1883 году, будучи уже камер-пажем, юноша выказал желание после завершения военного образования стать офицером Лейб-гвардии Конного полка¹.

Полк, в который хотел попасть хан, стоял на верхней ступени иерархии Российской Императорской Армии. Его офицеры были приняты в придворных кругах и высших слоях петербургского света*. Конная Гвардия была старейшим гвардейским кавалерийским шефским полком Царствующих Государей, со всеми вытекающими из такого исключительного положения правами и преимуществами. Почти все Российские Монархи числились в списках части. Среди офицеров постоянно были особы Императорской Фамилии. В момент поступления на службу Гусейн Хана в списках полка числились Великие князья Константин Николаевич, Константин Константинович, Дмитрий Константинович, Николай Николаевич-старший. По количеству офицеров полка, зачисленных в Императорскую Свиту, Конная Гвардия занимала едва ли не первое место. Весь состав офицеров был лично известен Государю². Офицерский состав пополнялся молодыми людьми исключительно дворянского происхождения и образцового поведения. Каждая кандидатура подвергалась строгой баллотировке офицерского собрания. Чтобы оценить исключительный состав полка, достаточно вспомнить, что за безобидный с нашей точки зрения поступок –

* Вспомним конногвардейца в «Пиковой даме» А. С. Пушкина.

шумную пирушку — была отклонена кандидатура самого барона П. Н. Врангеля.

Кроме всего прочего, соискатель должен был обладать достаточными личными средствами, так как на казенное жалование служить в полку было невозможно. При приеме преимущество обычно отдавалось тем, чьи родственники раньше служили в Конной Гвардии. Большое значение имела также знатность рода поступающего в полк³.

По-видимому, Гусейн Хан удовлетворял высоким требованиям конногвардейцев. Помимо всех прочих достоинств он закончил Пажееский корпус по 1-му разряду, 7-м в списке. В том же 1883 году он был зачислен в полк в звании корнета. Отгуляв положенный 28-дневный отпуск, хан в середине сентября прибыл в расположение полка, только вернувшегося с красносельских сборов в столицу.

В один из первых дней Нахичеванский был вызван к старшему полковнику и предупрежден о том, что, если в его распоряжении нет достаточных средств для службы в Конной Гвардии, ему необходимо оформить перевод в более скромную часть. Такой процедуре подвергался каждый поступивший в полк молодой офицер, так как действительно нахождение в среде гвардейской элиты стоило чрезвычайно дорого. Казенного жалования офицеры почти никогда не видели, ибо оно все уходило на покрытие обязательных вычетов, производившихся с каждого на уплату связанных с полковой жизнью расходов. Офицерское собрание занимало особняк в центре столицы и полностью содержалось на средства офицеров. Если учесть, что мебель, интерьер, посуда, а также гастрономия его были на высочайшем уровне, то все это выливалось в кругленькую сумму. Другой статьей расходов был Благовещенский собор — полковая церковь Конной Гвардии. Вся его утварь и убранство, иконы, ризница, киот и другое имущество также приобреталось на средства офицеров. Полковая конюшня — предмет особой гордости кавалеристов — пополнялась дорогими лошадьми преимущественно крупных пород, которые поступали с

Конногвардеец в парадной форме.
Рис. Соколовского.

конных заводов Польши и Германии. В Конной Гвардии сидели на конях вороной масти.

Офицеры, в том числе и Гусейн Хан, имели несколько видов мундира на каждый случай: для дома, смотра, маневров, выхода в театр, ко Двору, в ресторан, на прогулку в выходной, в гости. Шить весь этот гардероб было принято у самых дорогих и лучших мастеров. Мундиры - в ателье Нордштрема. Наградные португепи, перевязи, лялдушки, шарфы, кобуры, погоны, эполеты, краги, темляки и каски приобретали в магазине Фокина. Шпоры, дающие мягкий и благородный «дзинькающий» звук, приличный тонкому и воспитанному гвардейскому офицеру, покупали только у Савельева.

Гусейн Хан поселился на третьем этаже Конногвардейских казарм, где находились офицерские казенные квартиры.

Первые годы службы юного корнета не были стабильными. Смерть отца и необходимость обратить внимание на семейные дела призвали его на Кавказ, куда он приехал в 1884 году, испросив 7-месячный отпуск без содержания. Над сыновьями Келб-Али Хана висел долг отца в 83 тысячи рублей. Вероятно, желание сократить свои расходы заставило Гусейн Хана в 1885 году подать прошение о прикомандировании на один год к 43-му Тверскому драгунскому полку, где в то время служил Джафар-Кули.

Тем не менее, в 1886 году Гусейн Хан вернулся с Кавказа в родной полк. Через год он был произведен в поручики¹.

В указанное время командиром Лейб-гвардии Конного полка был Великий князь Павел Александрович — родной брат Александра III.

Служба шла своим чередом: красносельские лагерные сборы, тянувшиеся с мая по сентябрь, сменялись зимними занятиями в Большом и Малом полковых манежах. Рутину скрашивали эскадронные праздники и главный полковой праздник 24-го марта — так называемый Благовещенский парад. На такие мероприятия достать билеты было невозможно, и все барышни Петербурга самых лучших фамилий искали случая на них попасть. Офицеры, в свою очередь, наносили визиты в светские салоны и аристократические дома, и присутствие там молодых незамужних женщин придавало этим встречам особый подтекст.

Гусейн Хан, так же как и его товарищи, посещал светские мероприятия и не избегал женского общества. Его избранницей стала вдова титулярного советника Таубе Софья Николаевна, урожденная Гербель. Она была дочерью известного поэта, переводчика и издателя Николая Васильевича Гербеля*.

Следует добавить, что полк следил за амурными похождениями своих

* Николай Васильевич Гербель занялся литературным трудом после выхода в отставку из гвардии. Он был одним из первых знатоков неизданного в то время творческого наследия А. С. Пушкина. Его жена — Ольга Ивановна Соколова — также была известным литератором.

офицеров, и брак однополчанина должно было одобрить офицерское общество. Гвардейцу можно было жениться только на дворянке, и прежде чем разрешить товарищу вступить в законный брак, наводили справки о его невесте, ее семье, репутации и поведении. Если кто-либо увлекался неугодной полку персоной, глава общества офицеров — старший полковник — немедленно вызывал провинившегося и жестко возвращал того в рамки полковых правил, а в случае Так соблюдался гвардейский принцип:

Николай Васильевич Гербель

По сведениям французского издателя Жака Феррана, бракосочетание хана с Софьей Николаевной состоялось в 1889 году⁴. Однако по документам 1896 года Нахичеванский еще значится холостым. По-видимому, брак был признан легитимным много лет спустя, и тому виной были российские законы, жестко офаничивающие браки между представителями разных религиозных конфессий. Российские мужчины-мусульмане могли создавать семьи с язычниками, буддистками и иудейками, но браки с православными и католичками русского подданства были запрещены. При соблюдении некоторых условий разрешался союз между «магометанином» и христианкой-лютеранкой русского подданства. Для этого требовалось согласие Лютеранской консистории⁵.

Принимала ли Софья Николаевна лютеранство специально с целью узаконить свои отношения с ханом, или она изначально принадлежала к этой конфессии, автору неизвестно. Однако брак состоялся. Нахичеванскому пришлось принять ряд условий, продиктованных законом: брачный обряд совершил лютеранский пастор, а не мусульманское духовное лицо; хан отказался от многоженства; и, наконец, согласился с тем, что его дети должны были быть крещены в православии или лютеранстве*.

В 1891 году у Гусейн Хана родился первенец Николай, который был крещен по православному обряду. Спустя два года супруга осчастливила Нахичеванского дочерью

* Межконфессиональные отношения в дворянской среде Российской Империи являются одной из самых важных и, к большому сожалению, совершенно не разработанных проблем.

Татьяной, а еще через 6 лет — младшим сыном Георгием*. Семейная жизнь кенгерлинца шла по ставшему уже привычным столичному укладу: выходы в свет, придворные балы и полковые праздники, визиты к однополчанам и в дома знакомых, ответные приемы, ежегодные отпуска, которые чаще всего проводились в поездках в Европу.

В полку хану поручили участвовать в комиссии по заведыванию офицерским заемным капиталом. Это налагало определенную ответственность и требовало сноровки, так как средствами, предоставленными полку банками в виде кредита, надо было умело распорядиться. Любой гвардейский полк представлял собой не только военную часть, но и экономическое предприятие, владеющее немалым движимым и недвижимым имуществом. На заемные деньги строили или приводили в порядок казармы и квартиры офицеров, покупали лошадей, поддерживали конные ремонты, платили стипендии тем, кто обучался в академиях: Генштаба, Инженерной, Юридической, Восточных языков и пр. Гусейн Хан, кроме того, был назначен делопроизводителем полкового суда. Для успешного выполнения своих обязанностей ему пришлось подробнее ознакомиться с военно-судебными уставами, сводом военных постановлений и уставом о наказаниях, так как делопроизводитель полкового суда был своего рода следователем, который должен был разбираться в проступках нижних чинов, отданных под суд. Он представлял свое мнение членам суда, которое почти всегда принималось.

По службе наш герой несколько раз выполнял обязанности начальника полковой учебной команды. За 8 месяцев он должен был подготовить из малограмотных солдат унтер-офицеров. Кроме знакомства с правилами военного строя и оружием их надо было обучить письму, чтению, арифметике, основам картографии.

Любовь поручика к лошадям вылилась в 1894 году в назначение его заведующим офицерской конюшней. С этого времени у отдельных офицеров полка стали появляться скаковые жеребцы английской породы, которые хотя и уступали привычным великанам-понтерам в представительности, важной для смотров и парадов, но значительно превосходили их в резвости. Корнет Дерожинский на полковых лошадях Эмерит и Марио одержал ряд побед в самых почетных «именных» стилл-чейзах на Царскосельском ипподроме, а затем и на новом ипподроме в Коло-мягах. А когда впоследствии Гусейн Хан стал командиром полка, эта смена породы приобрела массовый характер — лошади закупались в Англии или от английских производителей. Благодаря выдающемуся качеству конского состава из четырех последних перед I мировой войной офицерских 6-верстных скачек с препятствиями на Красносельском ипподроме три выиграли конногвардейцы⁶. В 1912 году офицер полка Великий князь Дмитрий Павлович в составе команды России по конному спорту участвовал в Олимпийских играх в

* Все мужчины в семье Гусейн Хана имели ханский титул, а женщины, начиная с Софьи Николаевны, сохраняли княжеское достоинство.

Гусейн Хан Нахичеванский с супругой и дочерью (в центре) среди офицеров
Лейб-гвардии Конного полка. Красное Село. 1909 г.

Стокгольме.

В 1894 году Гусейн Хан был произведен в штабс-ротмистры и награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В 1896 году он участвовал в коронации Государя Николая II Александровича в Москве¹.

Новая веха в службе Нахичеванского установилась в апреле 1894 года, когда он был произведен в ротмистры и принял 3-й эскадрон. В русской кавалерии по традиции этот эскадрон был штандартным, так как нес знамя полка и на построениях находился напротив начальствующих лиц. Поэтому к нему предъявлялись особые требования: идеальная выправка, безупречная верховая езда, хорошие внешние данные. Государь знал в лицо всех солдат эскадрона! Хан довел слаженность эскадрона до совершенства, за что в 1899 году был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В это время кенгерлинец неоднократно назначался членом полкового суда, временно исполняющим дела отсутствовавшего командира полка и заведующего офицерским собранием. Все говорило о том, что он глубоко

Команда России по конному спорту на Олимпийских играх. Стокгольм. 1912 г.
Крайний слева – Великий князь Дмитрий Павлович
в форме Лейб-гвардии Конного полка.

влился в коллектив Конной Гвардии, впитал ее понятия, завоевал непререкаемый авторитет сослуживцев.

В 1900 году Россию решил посетить глава дружественного нам государства — Шах Персии Музаффар-эд-Дин. По обыкновению, в Европу он ехал через Петербург. Со времен, когда персидский принц Хосров Мирза в 1829 году побывал в Петербурге, чтобы уладить историю с убийством Грибоедова, между двумя державами установились самые теплые, доверительные взаимоотношения. Россия оказывала Персии военную помощь: обучала в кадетских корпусах и военных училищах детей персидской элиты; создала силами своих офицеров и вахмистров-инструкторов знаменитую Персидскую казачью бригаду, которая выполняла функции шахской гвардии. Шах поэтому не скупился на награды и в каждый свой приезд одаривал Русского Царя, приближенных к нему лиц и просто чиновников всех рангов и мастей, имеющих отношение к визиту, разной степени и ценности орденами и медалями. Будучи сам этническим азербайджанцем, Шах старался следить за карьерой своих русскоподданных землячков и особенно радовался, когда их успехи были велики. Немудрено, что ротмистр Лейб-гвардии Конного полка Гусейн Хан Нахичеванский в 1900 году получил приглашение сопровождать персидского владыку во время следования того через Россию. Можно сказать, что это было семейное путешествие, так как некоторые Нахичеванские связали себя узами брака с потомками принца Бехман Мирзы Каджара.

Когда тур Шаха повторился в 1902 году, хан вновь был приглашен в его свиту. Последствием этих двух поездок стало награждение офицера алмазами

украшенным персидским орденом Льва и Солнца 2-й степени и русским орденом Св. Станислава 2-й степени.

В 1903 году Гусейн Хан был произведен в полковники с назначением исполняющим делами помощника командира полка по строевой части. 15-го января 1904 года он был утвержден в должности помощника по хозяйственной части¹.

27-го января 1904 года его мирная служба в Конной Гвардии была прервана нападением японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре. Началась война с Японией.

Несмотря на горячее желание участвовать в боевых действиях, гвардия в состав действующей армии не вошла. Однако многие офицеры подали рапорты о

Музаффар-эд-Дин Шах Калджар

прикомандировании к различным частям, назначенным на Дальний Восток. Среди таковых был и Гусейн Хан. Ему удалось почти невозможное — добиться у Императора разрешения сформировать на Кавказе собственный полк из мусульман для участия в начавшейся войне в Манчжурии. 31-го января Николай II, после встречи с ханом, отдал соответствующее распоряжение, и Нахичеванский стал готовиться к отъезду на Кавказ. Сдав 1-го марта должность помощника командира полка, хан покинул Петербург. С ним отправились его однополчане поручики Альбрехт и Бискупский и корнеты граф Бенингсен и Колобакин.

На Кавказе, как и во всей России в те дни, царили патриотические настроения. Состоялся ряд манифестаций мусульман, на которых шейх-уль-ислам обратился к единоверцам с воззванием в случае надобности принести Русскому Царю *«и достоиние, и жизнь»*. Формирование Кавказской конной бригады поэтому стало событием большой значимости не столько с военной, сколько с политической точки зрения, и явилось официальным подтверждением преданности народов Кавказа Русскому Императору.

Тем не менее, возникли определенные сложности с призывом нижних чинов. Брала только обладающих *«здоровым телосложением и способностью к конной службе»*, а также *«хорошего трезвого поведения»*. Возраст всадников колебался между 21 и 40 годами. На основе «Положения о кавказской конной бригаде» от 24-го марта 1904 года каждый поступающий на службу должен был иметь собственное холодное оружие, обмундирование, коня и конское

снаряжение. Полк оделся в черные черкески, с серебряной отделкой поясов и газырей.

Населению условия службы были объявлены неопределенно, и поэтому запись всадников, особенно в Терской области, шла довольно медленно. Для формирования полков были употреблены все меры административного воздействия, но в него попали главным образом не добровольцы, а наемники и люди, сданные сельскими горскими обществами, в основном неблагонадежные и опасные элементы. Им выдали оружие и жалованье 120 рублей, на 6 месяцев вперед⁷.

Предполагалось сформировать бригаду в составе двух полков 6-сотенного состава: один из народов Терской и Кубанской областей (осетин, ингушей, чеченцев, черкес и кабардинцев), второй из дагестанцев и лезгин⁸. 24-го марта Гусейн Хан прибыл в Петровск, назначенный пунктом сбора 2-го Дагестанского конного полка*. 25-го он был официально утвержден его командиром¹.**

Из Тифлиса Нахичеванский привез с собой группу офицеров, которые горели желанием попасть в Манчжурию. Среди них большинство было из состава драгунских полков Кавказской кавалерийской дивизии. Кадровые военные, впитавшие славные традиции своих предшественников — героев войны с горцами, они стремились поддержать высокое реноме Кавказской армии. Но были и те, кто примчался из самых дальних уголков Великой Империи. Для таких, большей частью выходцев с Кавказа, участие в войне в рядах туземного полка было вопросом престижа. Из офицеров Кавказской конной бригады вышло несколько известных впоследствии героев I мировой войны: командир Чеченского полка и первый Георгиевский кавалер Кавказской Туземной конной дивизии азербайджанец Файзулла Мирза принц Каджар и

*«Полковн. А.-гв. конн. полка
хан Нахичеванский,
назначенный командиром
2-го дагест. конн. полка,
отправл. на дальний вост.»*

* 1-й Дагестанский конный полк существовал давно. Он имел ранг регулярной части, хотя и комплектовался исключительно добровольцами. После окончания Кавказской войны, в ходе которой полк себя прославил, он служил властям Дагестана для поддержания порядка.

** Командиром Терско-Кубанского полка был назначен полковник Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Плаутин, а командиром бригады - его бывший однополчанин генерал-майор князь Георгий Ильич Орбелиани. Как видим, командный состав бригады был исключительно только из офицеров гвардии.

Ханский дворец в Нахичевани. Современное фото.

Баграм Хан и Камран Хан Нахичеванские. Фото ок. 1900 г.

Полковник Келб-Али Хан Нахичеванский.
Фото периода 1864-1871 гг.

Генерал-майор Калъ-Али Хан Нальчинский,
Вторая половина 1878 г. Фотограф В. Баранов.

Знак Кавказской конной бригады.

Хагани Хан Нахичеванский со своей супругой
Алираф Ханум принцессой Каджар. Фото ок. 1900 г.

Дети Джафар-Кули Хана Нахичеванского с гувернанткой Анной Николаевной
Ивановой и ищей. Фото ок. 1900 г. Нахичевань,

Фахринтадж Ханум Нахичеванская с детьми.
Фото ок. 1898 г. Нахичевань,

Эйвер Ханум Нахичеванская. Надпись на обороте фотографии:
«22 мая 1909. Владикавказ. Искренне любимой сестре Товуз от Эйвер».

Семейное фото ханов Эриванских и Нахичеванских. 1907 г.
Верхний ряд (слева направо): Хасан Хан (Али Хан?) Эриванский, Керим Хан Эриванский, Рагим Хан Нахичеванский, Джафар-Кули Хан Нахичеванский;
Средний ряд: N., Тарлан Ханум (дочь Исмаил Хана Нахичеванского), ее супруг Аббас-Кули Хан Эриванский, дочь последнего (супруга Джафар-Кули Хана Нахичеванского) Фахринтадж Ханум, N.
Нижний ряд: крайний справа – Келб-Али Хан Нахичеванский.

Командир 44-го драгунского Нижегородского полка полковник
Гусейн Хан Нахичеванский. Фото 1906 г.

Николай II обходит строй Лейб-гвардии Конного полка. За ним первым следует командир Гусейн Хан Нахичеванский. *Красное село, 1907 г.*

Групповой портрет офицеров Лейб-гвардии Конного полка. Сидит в центре 48-ой командир полка Гусейн Хан Нахичеванский. *Красное село, 1909 г.*

Николай Хан Нахичеванский в мундире камер-пажа. 1911 г.

Командир Гвардейского кавалерийского корпуса генерал-адъютант
Гусейн Хан Нахичеванский (справа) со своим адъютантом. 1916 г.

Джамшид Нахичеванский. Фото после 1930 г.

**Орден Трудового Красного Знамени Азербайджанской ССР, принадле
Джамшиду Нахичеванскому. Из частного собрания.**

Излет Нахичеванский. Фото ок. 1933 г.

Эмма Нахичеванская

Излет
Нахичеванский со
своей супругой
Александрой
Григорьевной
Черненко.
Фото ок. 1933 г.

Хабиб Нахичеванский. Кисловодск. 1957 г.

Излет Нахичеванский с супругой
и дочерью. Грозный. 1937 г.

Ханумджан Ханум Нахичеванская (сидит в центре) со своими
родными. Стоит в центре ее старший сын Узейр,
сидит справа дочь Эшвер Ханум Нагдалиева.
Фото ок. 1962 г. Узбекистан.

Дети Ханумджан Ханум Нахичеванской Санубар (стоит)
и Узейр с супругой Галией. *Карши, Узбекистан. 1953 г.*

офицер Черкесского полка, также Георгиевский кавалер черкес Султан-Крым-Гирей Клыч, прославившийся в годы Гражданской войны.

Во 2-м Дагестанском полку совсем не существовало сословных различий: из одной семьи один сын выходил в службу офицером, другой — рядовым джигитом. Например, простым всадником-добровольцем зачислился Кайтмаз Алиханов, его родной брат Умалат Бек был есаулом, а одним из вероятных начальников бригады числился их старший брат генерал-майор Максуд. Родственная и бытовая близость между офицерами и всадниками составляла характерную черту дагестанских сотен. А подчинялись джигиты не чинам, а храбрости и опыту своих командиров. Чтобы еще более повысить авторитет штаба, Гусейн Хан назначил адъютантом своего полка потомка шамилевского наиба — сотника Арцхана Хаджи-Мурата.

Терско-Кубанский полк такой спайкой похвастаться не мог. Это привело к тому, что по истечении шести месяцев службы, за которые джигиты получили жалованье, две сотни отказались далее нести службу и просили уволить их по домам. Куропаткин приказал произвести суд над 12-ю всадниками, по приговору которого один - Кефаров, бывший учитель горской школы из Нальчика, — был расстрелян, а остальные сосланы в каторжные работы. Приговор о расстреле привел в исполнение 11-го ноября 1904 года взвод 1-го Читинского казачьего полка. Удивительно, но как до, так и после этого случая, по свидетельству генерала Мищенко и командира бригады князя Орбелиани, полк дрался всегда хорошо⁹.

В течение трех недель 2-й Дагестанский полк был полностью укомплектован, и Гусейн Хан вступил в командование. Немедленно погрузившись в эшелоны, дагестанские сотни выехали на театр боевых действий. Из Владикавказа одновременно был отправлен Терско-Кубанский полк.

Прибыв в Манчжурию, кавказцы сразу же включились в боевую работу армии Куропаткина. Полк Гусейн Хана был отряжен на самый восточный рубеж

«Урядник 2-го дагестанского конного полка доброволец барон Д. П. Черкасов. За отличие в делах против японцев награжден орденом св. Георгия 4-й степени и представлен к производству в офицеры.»

Иллюстрация из «Летописи войны с Японией» за 1904 г.

— за реку Тайцзыхэ. Его задачей была дальняя разведка подступов к флангу армии. До 13-го августа, момента начала Ля-оянского сражения, стычки с неприятелем ограничивались перестрелками и незначительными локальными боями. А затем дагестанцам пришлось пройти первое, по настоящему серьезное испытание.

Японцы начали надвигаться на позиции Манчжурской армии перед Ляояном. В ночь на 14-е августа Куропаткин отдал приказ отходить на основную позицию. В то время как армии Оку и Нодзу вели наступление на передовые российские части, армия Куроки переходила реку Тайцзыхэ и двигалась в обход нашего левого фланга. На дагестанцев, прикрывавших левый фланг отступающих частей, навалилась неприятельская пехота. Значительно превосходящие по силе японцы «обтекали» полк хана, который оказался в полном окружении и глубоком тылу противника. 19-го августа Гусейн Хан стал пробиваться к Ляояну. Во время перехода через ущелье Саодагой полк наткнулся на противника, но с боем прорвался и, выйдя из ущелья, обнаружил русские части отряда генерала Любавина. Живописную картину перехода дагестанцев через перевал Саодагой, где они, словно издеваясь над

противником, прошли под его огнем церемониальным маршем (!), запечатлел известный художник-баталист Мазуровский, находившийся в те дни на передовой.

Любавин и Хан Нахичеванский действовали без всякой связи со штабом армии. Они, тем не менее, продолжали выполнять задачу прикрытия отходящих частей. 20-го и 21-го августа пришлось выдержать бой у деревни Беньяцуза. Сражение под Ляояном было в самом разгаре. Русские пробовали контратаковать, но у Янтайских копей потерпел жестокое поражение I корпус. Наконец, 25-го Куропаткин встал на позиции у станции Мукден.

В последующие дни вышедший из окружения 2-й Дагестанский конный полк воевал в составе отряда генерал-майора Петрова, который оборонял левый фланг армии. 27-го августа отряд занял Далинский перевал, где и ожидал японцев. Гусейн Хан высылал вперед веером разезды для разведки и наблюдения. Пехота окапывалась. 7-го сентября неприятель оттеснил расставленные ханом дозоры и сделал попытку сбросить россиян с перевала. Однако меткими выстрелами четырех орудий 26-й арт. бригады, поддержанными огнем спешенных кавказцев и трех батальонов 214-го Мокшанского полка, он был отброшен.

После окончания Ляоянского сражения эпицентр войны переместился к Порт-Артуру, где японцы предпринимали один штурм за другим. Дагестанцы получили небольшую передышку. В конце сентября, однако, их отдых закончился. Куропаткин решил начать наступление, которое известно в истории под именем «Шахэйского сражения». Главный удар наносился восточным отрядом генерала Штакельберга по правофланговой армии Куроки. Западный отряд генерала Бильдерлин-га должен был сдерживать армии Оку и Нодзу. Полк Гусейн Хана объединился со своим побратимом - Терско-Кубанским полком, и Кавказская конная бригада была переброшена на правый фланг армии. В ходе боев с 24-го сентября по 5-е октября решительного успеха Куропаткину достичь не удалось, и обе стороны отказались от продолжения операции.

После окончания Ляоянского сражения эпицентр войны переместился к Порт-Артуру, где японцы предпринимали один штурм за другим. Дагестанцы получили небольшую передышку. В конце сентября, однако, их отдых закончился. Куропаткин решил начать наступление, которое известно в истории под именем «Шахэйского сражения». Главный удар наносился восточным отрядом генерала Штакельберга по правофланговой армии Куроки. Западный отряд генерала Бильдерлин-га должен был сдерживать армии Оку и Нодзу. Полк Гусейн Хана объединился со своим побратимом - Терско-Кубанским полком, и Кавказская конная бригада была переброшена на правый фланг армии. В ходе боев с 24-го сентября по 5-е октября решительного успеха Куропаткину достичь не удалось, и обе стороны отказались от продолжения операции.

13-го октября 2-й Дагестанский конный полк провел усиленную рекогносцировку окрестностей деревни Халан-гоза, а 15-го, деревни Янтайцзы.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КНЯЗЬ С. И. ОРБЕЛИАНИ,
НАЧАЛЬНИК КАВКАЗСКОЙ КОННОЙ БРИГАДЫ, УСТРОИВШИЙСЯ К МОГУ НА ЧЕТЫРЬ МОНАХСКИХ ДУБОВИКА.

*«Генерал-майор князь
Г. И. Орбелиани. Начальник
кавказской конной бригады,
отправившейся 8 июня
на театр военных действий.»*

В декабре 1904 года стало известно о готовящемся набеге конной массы в тыл японских армий, в обход их с запада. Возглавил конницу генерал Мищенко. Среди его 77 сотен было и 12 сотен Кавказской конной бригады. Они выступили 26-го декабря, имея целью капитальную порчу железной дороги Хайчен-Кайчжоу, захват станции Инкоу и уничтожение там военных запасов.

В отсутствие раненого командира бригады генерала князя Орбелиани возглавил кавказцев Гусейн Хан Нахичеванский. 28-го декабря он атаковал деревню Калихе, 30-го - станцию Инкоу, где погиб конногвардеец корнет Колобакин, а 1-го января 1905 года в составе колонны генерала Телешева брал приступом деревню Шитойпучинза¹.

В целом отряд генерала Мищенко не оправдал возложенных на него надежд. Он произвел лишь незначительные разрушения железной дороги, уничтожил несколько складов и, потерпев неудачу под Инкоу, обремененный транспортом и ранеными, 7-го января вернулся в исходное положение.

Невзирая на неудачи, армия не падала духом и ждала с нетерпением нового настоящего наступления. И оно не заставило себя долго ждать. 11-го января 2-я армия генерала Гриппенберга начала движение в направлении деревни Сандепу для охвата левого фланга японцев. Русскую конницу вновь возглавил генерал Мищенко, а Кавказскую конную бригаду — Хан Нахичеванский. В этой короткой экспедиции кенгер-линицу и его подчиненным предстояло сыграть главную роль в, пожалуй, единственном по-настоящему славном эпизоде действий русской кавалерии на полях Манчжурии.

Конный отряд внедрился в тыл противника, оттягивая на себя значительную часть его сил и отвлекая от главного направления. 12-го января дагестанцы штурмовали позиции японцев у деревни Удзиганза. 13-го, двигаясь к деревне Сантьязы, Мищенко вновь натолкнулся на неприятеля. Конная батарея, прикрытая 4-м Уральским казачьим полком, открыла огонь с фронта, а Кавказская конная бригада обскакала деревню с юга, стремительно атаковала японцев во фланг и обратила в бегство. Преследуя бегущих, Гусейн Хан ворвался также в деревню Сюэрпу.

*«Художник-баталист
В. В. Мазуровский. Корреспонд.
«Летописи» на театре войны.»*

На следующий день Мищенко с кавказцами повел наступление на деревню Ландунгоу. Обнаружив в этом пункте присутствие многочисленной неприятельской пехоты, генерал решил сначала сосредоточить сюда весь отряд, а тем временем открыл по селению артиллерийский огонь. Японцы, однако, сами перешли в наступление густыми цепями на русскую батарею. Последняя, расстреляв снаряды, вынуждена была замолчать. Чтобы остановить приближающегося противника и спасти орудия, Мищенко бросает ему в тыл Дагестанский конный полк. Не успев отдать приказание, командир отряда получает ранение¹⁰.

Последовавшая за этим атака дагестанцев вошла в историю Японской войны как уникальный случай. Автору неизвестен больше ни один подобный эпизод за всю кампанию. В условиях возросшей интенсивности огня и развития новых видов стрелкового оружия конные атаки на пехоту, особенно находящуюся на позиции, стали поистине актом самоубийства и поэтому были чрезвычайно редки. Вероятно, надо быть очень храбрым человеком, чтобы решиться на это... Гусейн Хан решился.

Получив приказ Мищенко, Нахичеванский лично возглавил своих джигитов. Шедшей в авангарде 1-й сотней командовал подьесаул Файзулла Мирза принц Каджар*.

Генерал П. И. Мищенко в 1905 г.
Худ. И. Попов.

* В письме от 8-го апреля 1912 года Начальнику Военно-Походной Канцелярии Е. И. В. князю Владимиру Николаевичу Орлову, давая лестную характеристику Файзулле Мирзе, Гусейн Хан Нахичеванский написал: *«По боевым качествам считаю его также выдающимся: участвуя во многих делах он неоднократно выказывал замечательную храбрость и мужество. В особенности он отличился в боях под Сандегу, где 14 января 1905 года под Ландунгоу, временно командуя 1-ой сотней, участвовал в конной атаке Дагестанского полка и был тяжело ранен в ногу».*

К сожалению, пока не удалось обнаружить полного описания всей этой атаки, сделанного очевидцем или участником. Сухие строки официальных документов не передают накала тех нескольких минут боя... Известно, что полк во главе со своим командиром атаковал с двух верст. Как только японцы увидели приближающиеся папахи кавказцев, они прекратили наступление на 1-ю Забайкальскую батарею и обратились в бегство. Им удалось добежать до своих укрытий. Японская батарея повернула орудия в сторону дагестанцев и прямой наводкой открыла огонь. Ей помогала пехота, засевавшая за глинобитными стенами фанз. Невзирая на адский огонь и потери, Гусейн Хан продолжал свою скачку. И только глубокий овраг, неожиданно возникший перед всадниками из-за складок местности, заставил их остановиться в 300-400 шагах от японской батареи. Приказ был выполнен. Полк отступил в полном порядке, забрав своих убитых и раненых. Среди последних был Принц Каджар, которому пуля раздробила коленную чашечку*.

К ночи кавказцы вернулись в деревню Сюэру. На место раненого Мищенко заступил генерал Телешев.

Весь следующий день (15-го января) продолжался бой с неприятельской пехотой, занявшей окрестные пункты. Японцы, получив в течение дня подкрепления и заметно усилив артиллерийский огонь, несколько раз переходили в наступление против конного отряда, но атаки их каждый раз отбивались, в чем существенно помогла пулеметная команда (в те годы большая редкость) Терско-Кубанского полка. Бой продолжался с наступлением темноты, и отряд отошел на ночлег в деревню Ньюге. Общие потери конницы за 4 дня похода составили 14 офицеров и 233 нижних чинов".

Военный писатель кавалерийский генерал Федор Гершельман, критиковавший тактику конницы в Японскую кампанию, так охарактеризовал действия подчиненных Мищенко в этом набеге:

«В этой новой наступательной операции конницы, как видно, суждено было развить самостоятельную деятельность и этот случай составляет, пожалуй, самое крупное проявление ее во всю кампанию.

...В бою этих дней было сочетание действий конного и пешего строя, конные атаки Дагестанского полка на батарею и в тыл пехотных цепей, но в тыл пехоты наступавшей на конницу, а не оборонявшей местные предметы. Во всяком случае применение конных атак приветствовать особенно радостно, как редкое явление в эту войну, где кавалерия показала особенное пристрастие к спешиванию»¹¹.**

В своем отчете-анализе действий в Манчжурии генерал Куропаткин, в

* В «Летописи войны с Японией» появилось ошибочное сообщение о героической гибели Файзуллы Мирзы в этом бою. Позже было опубликовано опровержение.

** Кавказские конные части отличались особенным нежеланием к спешиванию. Джигиты считали для себя недостойным сидеть в окопах.

Картина В. В. Мазуровского «Из набега генерала Мищенко. Атака 2-го Дагестанского полка у д. Ландунгоу на японскую пехоту и артиллерию под командой Хана Нахичеванского. 14 января 1905 г.».

числе нескольких подразделений, чьей боевой работой он остался доволен, называл Кавказскую конную бригаду. Во многом эта оценка была заслужена атакой Дагестанского полка под Ландунгоу¹³.

В дальнейшем Гусейн Хан, командуя Кавказской конной бригадой, участвовал во множестве боев, прошел горнило Мукденского сражения и, независимо от общего результата войны, стал одним из героев кампании, завоевал известность в войсках. За отличия под Ляояном он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами (Высочайший приказ от 3-го ноября 1904 г.), затем за другие подвиги: орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (8-го февраля 1905 г.), Золотым оружием с надписью «За храбрость» (3-го марта 1905 г.), мечами к уже имеющемуся ордену Св. Станислава 2-й степени (7-го сентября 1905 г.), орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (6-го января 1906 г.). Главную свою награду — орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени — хан получил за знаменитую атаку под Ландунгоу; пожалование состоялось

17-го декабря 1905 года (3-го ноября 1906 года оно было Высочайше утверждено)¹. Представительство Нахичеванских на полях Манчжурии Гусейн Ханом, однако, не ограничивалось. И рассказ об участии семьи в Японской войне был бы неполным, если бы мы забыли упомянуть об одном скромном всаднике 2-го Дагестанского конного полка по имени Юсуф Хан. Он был внуком сразу двух прославленных генералов - Исмаил Хана и Келб-Али Хана Нахичеванских. Его отец Бехман Хан был женат на своей двоюродной сестре Чимназ Ханум. Поэтому неудивительно, что Юсуф Хан с мальчишеского возраста мечтал стать военным. Тифлисский кадетский корпус, в который был определен маленький кенгерлинец, напитал его традициями

старых кавказских полков, а Елизаветградское кавалерийское училище затем сделало из него блестящего «отчетливого» юнкера. Осечка произошла на этапе сдачи выпускных офицерских экзаменов. По неведомой нам причине Юсуф Хан не предстал перед экзаменационной комиссией... Что-то этому помешало... По собственному желанию юноша был отчислен из училища и переведен вольноопределяющимся в 45-й Северский драгунский полк — один из полков знакомой нам Кавказской кавалерийской дивизии.

В это время (август 1904 года) в Манчжурии уже разворачивалось сражение под Ляояном, а его дядя Гусейн Хан водил храбрых джигитов в разведку по горным перевалам. Естественно, Юсуф Хан загорелся желанием попасть к дагестанцам.

Переписка по Военному ведомству заняла несколько месяцев, и только весной 1905 года новоиспеченному драгуну было разрешено выехать на Дальний Восток. 9-го мая он был переведен во 2-й Дагестанский конный полк охотником (добровольцем) в звании урядника.

Все же, к его собственной досаде, попасть в большое сражение Юсуф Хану не удалось. Он прибыл в Манчжурию в период затишья.

Войска, в ожидании скорого перемирия, активных боевых действий не вели. Служба конницы ограничивалась позиционным прикрытием флангов корпусов да неперенными дальними разведками.

Положение исправил дядя «опоздавшего». Посылая Юсуф Хана с разъездами в дозоры, где разведчики соприкасались с неприятелем, он давал племяннику возможность отличиться. Один из таких рейдов, за реку Чаосан, где группа

«Подбесаул 2-го Дагестанск. конного п. персидский принц Фазулла Мирза Каджар, единственный сын полковника принца Шафи-Хана, командира 46-го драгунского Переяславского Императора Александра III полка. Ранен пулей в правое бедро с переломом кости 14 янв. у дер. Лондингоу во время атаки на японскую батарею 1-й сотни, которой он командовал.»

дагестанцев под начальством Юсуф Хана попала в засаду и, тем не менее, выбралась из нее и успешно закончила разведку, послужил поводом для представления Нахичеванского к Знаку отличия Военного Ордена 4-й степени. Так Юсуф Хану удалось «подсластить пилюлю». Когда уже в Портсмуте было заключено перемирие и подразделения русской армии стали готовиться к отправке домой, Гусейн Хан выхлопотал для племянника производство в чин прапорщика запаса¹⁴. 1-го октября 1905 года состоялась ратификация мирного договора с Японией.

После окончания войны 2-й Дагестанский конный полк, как иррегулярная часть, подлежал расформированию. Кавказские сотни погрузились в эшелоны и медленно (в стране шла революция, железная дорога работала с перебоями) двинулись на Родину. Гусейн Хан сердечно попрощался с однополчанами, его путь лежал в Петербург. В ноябре герой войны вступил на порог своей квартиры по Конногвардейскому бульвару.

Однако долгожданный отдых после военных трудов оказался недолгим. 24-го ноября Нахичеванский И получил новое назначение. Это было не просто повышение по службе, следующая ступенька в иерархии военных чинов, а особая милость Государя, признание заслуг хана. Высочайшим приказом он был утвержден командиром 44-го драгунского Нижегородского Его Величества полка*.

Нижегородский драгунский полк по праву считался самым боевым подразделением Императорской Армии. Базируясь с 1784 года на Кавказе и не выходя из боевых действий на протяжении 80 лет, вплоть до самого окончания Кавказской войны, участвуя в нескольких больших войнах с Турцией и Персией, он стяжал себе все коллективные награды Императорской Армии. За отличие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. нижегородцы вместе с «дочерним», созданным на их базе Северским драгунским полком были удостоены награды, которой не имела ни одна часть русской армии за всю ее историю, — Георгиевских лент 1-й степени на

Генерал А. Н. Куропаткин

* Нижегородский полк был вторым по старшинству в Кавказской армии и единственным в Императорской Армии, кому за особые заслуги было пожаловано право иметь на вооружении кавказские шашки азиатского типа.

штандарты*. По свидетельству одного из современников, «это был полк, лишенный внешнего блеска, сидевший на некрасивых, по-видимому плохо выезженных, с манежной точки зрения, степняках, не приученный к сложным уставным построениям, но зато смелый, подвижный, решительный и твердый, как кремль». Стать командиром нижегородцев было великой честью и большой удачей для каждого офицера.

14-го февраля 1906 года Гусейн Хан прибыл в расположение полка в окрестность Тифлиса и в тот же день отдал следующий приказ:

*«При представлении моем в Петербурге Государю-Императору, Его Величеству, державному шефу, благоугодно было передать полку свой царский поклон. Счастлив объявить сию монаршую милость доблестным Нижегородцам»*¹⁵.

Этим приказом начинается недолгое, но запоминающееся командование хана. Сам лично неоднократно представлявшийся Николаю II, Нахичеванский в течение нескольких месяцев приблизил полк к Императору. 21-го марта хан вместе с делегацией от бывшей Кавказской конной бригады выехал в столицу для представления Государю. А спустя несколько дней (26-го марта) в штаб-квартире Нижегородского полка была получена телеграмма:

*«Счастлив сообщить дорогим Нижегородцам, что сегодня Государю Императору благоугодно было зачислить Наследника-Цесаревича в списки родного нам полка»*¹⁵.

Как повествует полковая хроника, ликованию нижегородцев не было предела. Оно ознаменовалось торжественным молебном, парадом и дружеской трапезой. За столом в кругу офицеров явилась идея поднести Наследнику Престола маленькую копию мундира полка. Гусейн Хан довел это до сведения Императора, и тот пригласил делегацию нижегородцев к себе. 4-го апреля 1906 года состоялась торжественная аудиенция в Александровском Царскосельском Дворце. Вместе с ханом были подполковник Глонти, ротмистры Кобиев и Кусов, полковой адъютант штабс-ротмистр князь Трубецкой, поручики Ден и Чавчавадзе.

«Государь вышел в стуртуке Нижегородского полка**, вместе с императрицей и августейшими детьми. Наследника-цесаревича он держал на руках. После нескольких милостивых слов, обращенных им к делегации, командир полка поднес цесаревичу миниатюрный нижегородский мундир со

* Этой самой высокой коллективной Георгиевской наградой полк был отмечен за ночной Бегли-Ахметский бой, где решительную победу обеспечил 2-й дивизион под командованием Керим Бека Новрузова. После этого, песня, где были такие строки: «Майоры Кусов и Новрузов, Как львы кидались на врага...», стала популярной в Русской Императорской Армии. Вторым героем этой песни был кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени, впоследствии генерал-лейтенант Инал Тегоевич Кусов.

** Как известно, именно в нем Николай II был во время своей Священной Коронации.

всеми принадлежностями парадной формы, и такую же миниатюрную шапку; другая шапка, поднесенная им же, была настоящая боевая, с превосходным старинным клинком, принадлежавшим лично самому Хану Нахичеванскому. Государь милостиво принял прошение, благодарил Нижегородцев от имени императрицы и цесаревича, удостоил каждого из них своим разговором и, обращаясь к командиру полка, сказал: «В память сегодняшнего дня Я назначаю вас флигель-адъютантом». Он обнял и поцеловал его»⁶. Таким образом, Гусейн Хан удостоился чести войти в Свиту Государя. Факт этот по-своему уникальный — из мусульман Кавказа всего несколько человек поднимались на столь высокую ступень иерархической лестницы Императорской России. А среди азербайджанцев это второй случай*. Отныне хан имел возможность чаще общаться со своим сюзереном. 8-го апреля он впервые остался во дворце в качестве дежурного флигель-адъютанта.

Гусейн Хан — командир 44-го драгунского Нижегородского Его Величества полка. 1906 г.

Пробыв в столице чуть более двух недель, нижегородцы во главе со своим командиром выехали в родные пенаты. Нахичеванский приступил к более обстоятельному знакомству с полковым хозяйством. Однако не суждено было нашему герою долго покомандовать славными драгунами — из Петербурга пришла телеграмма о назначении его 4-го июля командиром Лейб-гвардии Конного полка.

Заветная мечта Гусейн Хана осуществилась. Полк, которому он отдал более 20 лет своей жизни, в котором прошел путь от юного корнета до матерого полковника, вновь принял его в свои объятия.

Конногвардейцы встретили его с восторгом. Еще бы - их однополчанин с лаврами героя вернулся в родную часть, да еще в качестве командира. Удача служить под начальством коренного офицера улыбалась не каждому подразделению. А когда им оказывался признанный храбрец,

* Первым флигель-адъютантом, вошедшим в Свиту Александра II, стал полковник принц Риза-Кули Мирза Каджар, командовавший во время русско-турецкой войны конно-иррегулярной бригадой в Эриванском отряде.

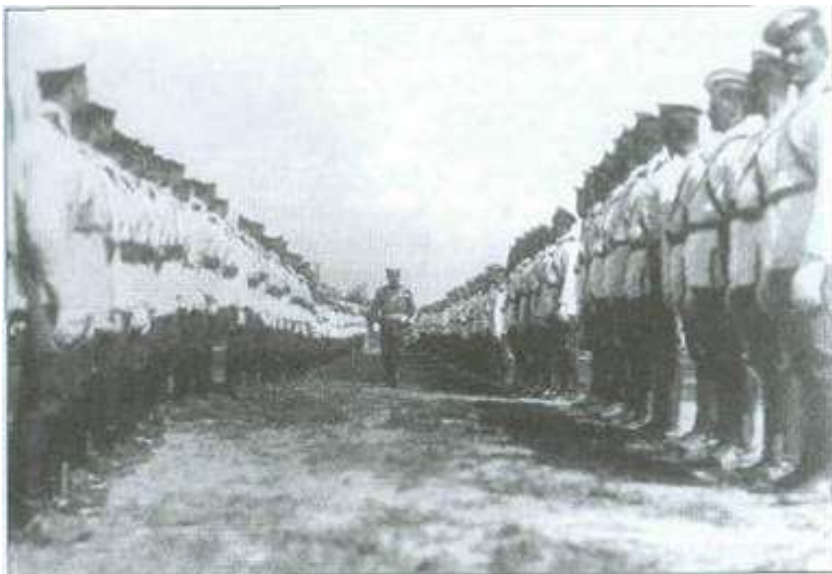
отличившийся на поле брани, тогда можно было говорить о полном единении между нижними чинами, офицерами и командиром, ждуть спаянности всего воинского коллектива и хороших результатов боеготовности полка. Так оно и произошло; впоследствии на полях сражений I мировой войны Конная Гвардия зарекомендовала себя среди лучших частей. Вступив 17-го июля 1906 года на паркет родных казарм по Конногвардейскому бульвару, Гусейн Хан, шаг за шагом, последовательно и целеустремленно, что соответствовало его спокойной восточной натуре, продолжил свою былую деятельность по боевой подготовке полка.

В первые годы после Японской войны служба командиров столичных гвардейских полков чрезвычайно усложнилась. Это было связано с назначением командующим войсками Петербургского военного округа Великого князя Николая Николаевича-младшего.

Требовательный и строгий, Великий князь не упускал и малейших недочетов выучки подразделений. Не стесняясь, взыскивал за малейшие провинности. На ключевые должности Николай Николаевич ставил фронтовиков, которых предпочитал штабистам. Гусейн Хан, по-видимому, соответствовал требованиям командующего, так как успешно руководил полком до следующего повышения. Более того, у них установились до определенной степени близкие отношения — в период отстранения Великого князя от должности Верховного главнокомандующего и почетной ссылки его на Кавказ в 1916 году одним из тех, кто протянул ему дружескую руку, был Нахичеванский.

Наследник Цесаревич Алексей Николаевич в форме драгунского Нижегородского полка.
Снимок сделан собственноручно Императрицей Александрой Федоровной.

Возвращение Гусейн Хана в родной полк в качестве командира.
Красное Село. 1906 г.

Хана любили не только однополчане, но и вся гвардия. Он был героем войны, выходцем из знакомой каждому гвардейскому офицеру среды. Важно было то, что на полях сражений в Манчжурии Нахичеванский в очередной раз показал Государю, кто является его главной опорой.

Симпатии сослуживцев Гусейн Хан завоевал и своим доброжелательным характером. По словам собственных офицеров, хан был *«человек веселый, с нравом благодушного восточного владыки»*¹⁷. При нем в полку с успехом действовало *«Общество веселых клинков»*. Конногвардейцы были известны в столице своей склонностью к кутежам, например, барон Врангель имел прозвище «Пайпер», по марке элитного шампанского. Заведенные Нахичеванским дружеские завтраки с кавалергардами после полковых смотров Конной Гвардии сблизили два полка, которые ранее ревниво соперничали за первенство в столичном свете и между офицерами которых нередко случались ссоры и дуэли.

Однако пределы добродушия кенгерлинца заканчивались далеко до той черты, за которой находилось попустительство к подчиненным, неразборчивость в выборе компаний или поверхностное отношение к понятиям офицерской чести. Было несколько примеров, когда Гусейн Хан, отбросив мягкость, урегулировал несколько дуэлей, строго указывая молодым офицерам на их ошибки. Когда же дело коснулось

Полковой праздник Лейб-гвардии Кавалергардского полка 24 августа 1907 г.
Кавалергарды поднимают своего командира князя Юсупова Феликса
Феликсовича старшего и командира Лейб-гвардии Конного полка
Гусейн Хана Нахичеванского.

честь офицера-фронтовика, хан предоставил для дуэли двух генералов - Фока и Смирнова - Конногвардейский манеж, а сам был третейским судьей¹⁸.

Кавказец, лишившийся азиатских предрассудков и перенявший европейскую культуру и знания, в то же время сохранивший восточные понятия о чести и достоинстве мужчины, был приятен всем, кто его знал. А несколько в высшей степени благородных поступков Гусейн Хана упрочили среди современников его образ как одного из самых достойнейших людей.

В 1907 году в Императорской Академии Художеств прошла выставка известного русского баталиста Виктора Викентьевича Мазуровского. Среди картин, посвященных русско-японской войне, было несколько, посвященных дагестанцам Хана Нахичеванского. Полотна *«Дагестанцы Хана Нахичеванского переходят через перевал Сао-Дагой церемониальным маршем под огнем японцев»* и *«Дагестанцы Хана Нахичеванского, атакующие неприятеля под Ландунгоу»* сделали нашего героя популярным в широких слоях столичного интеллигентного общества.

Кстати, хан добился того, чтобы память о расформированном полке осталась в истории армии;

его стараниями в 1909 году был утвержден памятный знак Кавказской конной бригады. Знак представлял собой российский государственный герб под золотой Императорской короной. Двуглавый орел в его центре простирает свои

крылья на два знамени: одно, синее, с надписью «ТК» («Терско-Кубанский») и второе, красное, «2Д» («2-й Дагестанский»). Древки знамен опирались на мусульманский золотой полумесяц, перевитый Георгиевской лентой и крестом. Помимо знака, в 1910 году Нахичеванский был награжден и мундиром 2-го Дагестанского конного полка, который также был Высочайше утвержден. Отныне хан имел право постоянно носить форму той части, которая была создана им лично и во главе которой он получил боевое крещение, тем не менее, он все же предпочитал гвардейский мундир.

30-го июля 1907 года последовал приказ Государя о производстве Гу-сейн Хана, за отличия по службе, в генерал-майоры. При этом из флигель-адъютанта он превратился в генерала Свиты Его Величества. А из командующего полком — в его официально утвержденного командира¹.

В том же 1907 году, по его инициативе, в Красном Селе было начато строительство новой полковой церкви. Тут следует упомянуть, что хотя Нахичеванский и был мусульманином, но нужды воинов-христиан, которым во время продолжительных лагерных сборов приходилось удовлетворять духовные требы в здании одной из столовых, были приняты им близко к сердцу. Как хороший начальник, желающий сделать жизнь подчиненных лучше, хан взвалил на себя заботы по возведению храма. Кроме того, существовал и другой повод начать строительство. В 1907 году исполнялось 100 лет со дня памятного Фридландского боя, в котором Лейб-гвардии Конный полк спас русскую армию от разгрома французами. Этот юбилей необходимо было увековечить... Еще весной общество офицеров на одном из собраний постановило приурочить к славной дате возведение новой церкви в Красном Селе.

Храм решили освятить во имя Святой Ольги — в честь старшей дочери Державного Шефа полка Великой княжны Ольги Николаевны.

Закладка первого камня состоялась 6-го августа 1907 года. О значимости этого события говорит список присутствовавших на церемонии лиц: сам Император с вдовствующей Императрицей Марией Федоровной и своей Августейшей

Знак Кавказской конной бригады

Супругой Александрой Федоровной, Великая княжна Ольга Николаевна, командующий войсками округа Великий князь Николай Николаевич-младший, а также бывший конногвардеец министр Двора граф Фредерике. Были и представители гвардейских полков - участников Фридландского боя: Гренадерского, Егерского, Измайловского, Кексгомльского, Павловского, Санкт-Петербургского, Семеновского, Финляндского. Николай II повелел закончить строительство до дня тезоименитства своей дочери (11-го июля) в 1909 году.

Хан, как говорится, засучив рукава взялся за дело. На деньги, собранные обществом офицеров, в течение осени 1907 года был закуплен кирпич, заказано на Валдае 5 колоколов (самый большой — весом в 50 пудов), начаты земельные и каменные работы. Проект церкви разработал архитектор Басин. Обликом она копировала главный храм полка — Благовещенский собор в Петербурге, но была значительно меньших размеров, светло-желтого цвета, с серыми куполами. Пожертвованные офицерами 5000 рублей быстро разлетелись, и Нахичеванс-кому пришлось обратиться за помощью к бывшим конногвардейцам. Те, как и некоторые представители Царской Семьи, откликнулись на призыв генерала: из разных уголков Российской Империи, из Европы стали приходить телеграммы, поступать денежные переводы*. В общей сложности старые конногвардейцы пожертвовали около 10000 рублей. Размер сметы, однако, простирался до 45000 рублей... И тогда свое слово сказал Державный Шеф — 26-го января 1908 года Николай II повелел выделить для окончания работ из специальных средств Капитула Орденов недостающие 30000 рублей.

10-го июля 1909 года состоялось освящение полковой церкви во имя Святой Ольги. Хан-мусульманин довершил дело возведения православного храма¹⁹.

Гусейн Хан Нахичеванский командовал Лейб-гвардии Конным полком до весны 1911 года. За время нахождения на этом посту генерал сделал немало. Главное — подготовил Конную Гвардию к предстоящей войне. Воспитал целую плеяду офицеров, среди которых были такие известные в истории России личности как барон Петр Николаевич Врангель и Великий князь Дмитрий Павлович. Оставил своему преемнику — будущему гетману независимой Украины кавалергарду Павлу Петровичу Скоропадскому — крепкое полковое хозяйство. Высочайшим приказом от 15-го апреля он был назначен состоять в распоряжении Великого князя Николая Николаевича-младшего, с оставлением в Свите Его Величества и в списках полка.

Помимо основной деятельности хану приходилось выполнять и иные

* В Военно-историческом архиве РФ хранится письмо на имя хана Нахичеванского отбывшего офицера полка, от 10-го декабря 1907 г. Этот документ заканчивается следующей фразой: *«Прилагаю при сем 1000р. и прошу Ваше Сиятельство принять благодарность старого Конногвардейца за доставленную ему честь. М. Арнольды»*. Другими словами, Хана благодарили за то, что он доставил честь пожертвовать в пользу родного полка.

Закладка церкви во имя Святой Ольги Лейб-гвардии Конного полка в Красном Селе. 6 августа 1907 г. Николай II закладывает первый кирпич. На первом плане Гусейн Хан Нахичеванский и барон Фредерикс.

поручения начальства. В 1909 году, например, он был назначен в комиссию для выработки правил носки снаряжения и в комиссию по пересмотру статута ордена Святого Георгия. Последнюю обязанность на него возложили не случайно — Нахичеванский дважды удостоивался Георгиевской награды за подвиги в минувшую войну и мог авторитетно заявить о том, какие правила полчения высшего боевого ордена Империи надо изменить в связи с новыми условиями ведения войны, особенно — с развитием скорострельного стрелкового и артиллерийского оружия. В 1910 году «за особые труды» по пересмотру статута хану была объявлена Высочайшая благодарность¹.

Вне своей профессии наш герой вел жизнь, типичную для представителя столичного высшего света того времени: посещал приемы и аудиенции Двора, театральные премьеры, появлялся в дорогих ресторанах, был членом Английского клуба. Его можно было заметить на ипподроме. Кроме того хан занимался благотворительностью, был заместителем председателя Мусульманского Благотворительного общества Петербурга.

Крепки были и его связи с Нахичеванью. Гусейн Хан по-прежнему оставался помещиком края. После смерти отца при разделе наследства ему достались два имения, в числе которых был плодороднейший участок в 510

десятин поливной земли, расположенный в урочище Чешма-басар, в 12 верстах от Нахичевани. Кроме того — фруктово-виноградный сад в городской черте, дом со двором (по соседству с Джафар-Кули Ханом) и несколько небольших наделов. Отдавая принадлежащие ему земли в натуральную аренду, взимая в качестве оплаты 3/4 части урожая — пшеницу, ячмень, хлопок, кормовой горох, люцерну и реализуя его через своего поверенного, Гусейн Хан получал более 10 тысяч рублей ежегодного дохода²⁰. Еще в 1897 году, при поддержке бывшего кавказского наместника Великого князя Михаила Николаевича и своего командира полка Великого князя Павла Александровича Нахичеванскому удалось добиться погашения отцовского долга в 87 тысяч рублей взамен имений, конфискованных в российскую казну у его прадеда Керим Хана в далеком 1828 году. Причем эта компенсация по старинному обязательству была личной Монаршей милостью нового Императора Николая Александровича²¹. Немудрено, что прошение хана было удовлетворено — Великий князь Михаил Николаевич в те годы являлся самым влиятельным лицом Дома Романовых. Последний из оставшихся в живых сыновей Императора Николая Павловича, он был единственным тогда в России фельдмаршалом и единственным кавалером ордена Св. Георгия 1-й степени. Несмотря на постоянное жительство в Петербурге, Гусейн Хан наезжал и в Нахичевань. После его ухода с поста командира полка эти визиты участились. В январе 1912 года вместе с Джафар-Кули Ханом Гусейн Хан подал прошение главному управляющему землеустройством и земледелием Кривошеину о предоставлении им в аренду на 65 лет огромного участка площадью 3,5 тысячи десятин в Нахичеванском уезде²². Братья брались окультурить казенную землю, построить на свои средства ирригационные сооружения, провести воду из Аракса... Читая строки их ходатайства, не устаешь удивляться осведомленности офицеров в вопросах экономики и сельского хозяйства... К сожалению, трагические события отвлекли наших героев от полезной обществу хозяйственной деятельности.

Николай Хан Нахичеванский
в музире камер-пажа. 1911 г.

В начале февраля 1912 года при невыясненных обстоятельствах ушел из жизни старший сын Гусейн Хана — 21-летний Николай Хан. Это был блестящий

офицер, недавно поступивший в Конную Гвардию из Пажеского корпуса, который он, как и отец, закончил по 1-му разряду²³. Служил в «отцовском» 3-м эскадроне²⁴. Еще в корпусе он отличался от сверстников особенно хорошей физической подготовкой, прекрасно управлялся со всеми конными заданиями в манеже. По воспоминаниям однокашника, он был первым кавалеристом в своей группе²³.

Начало карьеры Николая было более чем успешным. Первая аттестация корнета, подписанная П. П. Скоропадским, гласила: *«Вумственном отношении вполне хорош. В физическом — отличный. В служебном — хороший. Нравственность - безукоризненная. Общее заключение - будет отличный офицер»*²⁶.

Обстоятельства гибели молодого хана остались для нас загадкой. Газеты того времени о них умалчивают, хотя в то время было принято публично сообщать о смерти господ такого ранга. Принимая во внимание то, что гвардейский полк был как бы закрытым клубом и всякая информация, которая могла его хоть в малой степени дискредитировать, тщательно скрывалась, можно лишь предположить, что причиной смерти молодого хана стала либо дуэль, либо несчастный случай на службе.

Гусейн Хан, как и каждый отец, тяжело переживал семейную драму. Избавлением от мрачных дум в известной степени стало его новое назначение — начальником 1-й Отдельной кавалерийской бригады, стоящей в Риге, Генерал, надо думать, с облегчением на этот раз покинул Санкт-Петербург*.

Вверенная ему бригада входила в состав войск Виленского военного округа, которым командовал гроза офицеров всех рангов и мастей -генерал-адъютант Павел Карлович Ренненкампф. За глаза его называли «Желтая опасность», так как генерал имел рыжие усы и бакенбарды и носил форму забайкальского казака с желтыми лампасами. Чрезвычайная требовательность командующего не сулила хану в ближайшие годы спокойной жизни. Да он и не искал ее — природный кавалерист

Нахичеванский, как и Ренненкампф, был горячим приверженцем этого рода войск. Вскоре служба кенгерлинца вошла в привычную колею. Частые тактические игры, устраиваемые командующим, когда неделями приходилось трястись в седле, перемежались иногда короткими днями отдыха. Несколько раз Гусейн Хану удавалось выбираться из Риги...

В 1913 году он участвовал в торжественном праздновании 300-летия Дома Романовых в Москве. По случаю личного поздравления Царствующей Четы он был пожалован наследственным нагрудным знаком¹.

* В письме своему бывшему однополчанину князю В. Н. Орлову от 17-го апреля 1912 года хан жаловался, что ожидает назначения всего лишь начальником 1-й Отдельной кавалерийской бригады в Ригу: *«Как ты видишь милый друг, ни боевые заслуги, ни мирная служба, ни Георгиевский крест не могут спасти человека от интриг. Удары судьбы один за другим преследуют меня...»*. Видимо. Нахичеванский надеялся на более престижное назначение.

О рижском периоде жизни Гусейн Хана известно мало. Кроме того, что он возглавил местный отдел Общества Георгиевских Кавалеров, пожалуй, лишь один факт — эпизод с инвалидом Недорубой — остался в истории. Он был сохранен для читателя бывшим офицером-кавалеристом Георгием Гончаренко, писавшим под псевдонимом Юрий Галич.

Хан встретил Недорубу просящим подаяние на улицах города. Безногий весовщик обратил на себя внимание генерала не только жестоким увечьем, но и своей трагической судьбой. Недоруба был солдатом Японской войны, там он и потерял в бою свои конечности. Выписанный из госпиталя, он скитался, никому не нужный, по городам и весям, пока не оказался в Риге... Гусейн Хана тронул рассказ ветерана-инвалида. Он принял участие в судьбе бедного Недорубы, подарил ему собственных 100 рублей и обещал помощь в будущем²⁷.

16-го января 1914 года Нахичеванский был назначен начальником 2-й кавалерийской дивизии с производством в чин генерал-лейтенанта. Штаб дивизии находился в городе Сувалки, на границе с Восточной Пруссией. 15-го февраля хан прибыл на новое место службы и вступил в командование¹. В заботах, как обычно, пролетели первые недели и месяцы знакомства с большим дивизионным хозяйством, с личным составом вверенных ему полков. Неотвратимо приближалось роковое лето 1914 года.

Глава 10

Великая война

в Сараево серб Гаврила Принцип застрелил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда с супругой. Этот кровавый акт послужил причиной возникновения острого конфликта Австро-Венгрии с Сербией, а затем и с вставшей на защиту последней Российской Империей. 16-го июля Николай II приказал начать частичную мобилизацию против державы Габсбургов, а на следующий день объявил и общую. Это означало начало европейской войны. Посол Германии в России граф Пур-талес 18-го июля передал министру иностранных дел Сазонову ультиматум с требованием отменить мобилизацию, а на следующий день вручил ноту об объявлении войны.

В ночь на 18-е июля все командиры Императорской Армии распечатали свои мобилизационные пакеты, и молох войны заработал. В 2 часа ночи начальник 2-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Хан Нахичеванский, сдав свою дивизию генерал-майору Леонтовичу, вступил в командование конницей всего Виленского округа, состоявшей из 2-й и 3-й кавалерийских дивизий. Вскрытый пакет содержал четкий план действий на первые часы войны: выслать на территорию Восточной Пруссии два офицерских разъезда, силой в два взвода каждый, и три разведывательных эскадрона, еще один разъезд отправить для подрыва германской железной дороги на участке Ан-гербург- Гол ьдап'.

В то время как русская армия только начинала мобилизационные мероприятия, а война официально еще не была объявлена, пограничные части конницы Гусейн Хана уже начали действовать. Они вели разведку территории

шириной около 80-ти километров и через 8-10 дней должны были добыть первые подробные сведения о неприятеле.

«Настал счастливый час доказать нашу преданность Его Величеству и Родине», — такими словами начинался первый приказ генерала Нахичеванского². Наш герой, как и большинство кадровых офицеров, с осознанием своего долга вступил на боевые дороги Великой войны.

Согласно довоенному плану операции, против 8-й германской армии, находившейся в Восточной Пруссии, должны были быть развернуты 1-я (на базе Виленского округа) и 2-я (на базе Варшавского округа) русские армии. 1-я армия, под начальством генерала Ренненкампа, состояла из трех армейских корпусов. Сосредоточение пехоты на границе прикрывала конница Хана Нахичеванского и 1-я кавалерийская дивизия генерала Гурко.

Замысел русского командования заключался в том, чтобы подразделениями армейских корпусов завязать с главными силами германской армии сражение, а тем временем обойти группировку противника с севера мощным отрядом конницы в 10 тысяч коней, отрезав армию фон Притвица от Кенигсберга. В состав этой особой кавалерийской группы, на которую выпадала ключевая задача, должны были войти 2-я и 3-я кавалерийские дивизии и перевезенные по железной дороге из столицы 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские.

Забегая вперед, скажем, что стратеги русского Главного штаба прочислялись. Возложив активную роль в планируемой операции на конницу, они забыли снабдить ее всем необходимым для автономных действий. Каждый кавалерист имел с собой всего 62 патрона, каждое орудие конной артиллерии — по 180 снарядов. Запаса продовольствия хватало только на 4 дня. Конно-саперные команды имели для связи со штабом армии не более 35 километров провода. Беспроволочный искровой телеграф получил только генерал Гурко, дивизия которого не входила в отряд. Повозки для перевозки боеприпасов и раненых отсутствовали. Отряд конницы был «привязан» к армейским корпусам, от которых он получал боеприпасы и продовольствие, с которыми должен был поддерживать непрерывную связь и которым сдавал своих раненых. Кроме того, лесистая,

Генерал П. К. Ренненкампф

«Встретились». Худ. В. В. Мазуровский.

болотистая местность с множеством опорных пунктов не позволяла использовать основное преимущество кавалерии — подвижность. Объективно конница не имела возможности выполнить поставленную задачу.

19-го июля из штаба 1-й армии, располагавшегося в те дни в Вильно, Гусейн Хану пришел приказ о временном назначении его начальником правой группы армейской конницы в составе 76 эскадронов, 48 конных орудий и 32 пулеметов³. Окончательное утверждение состоялось 26-го июля, после личной беседы с генералом Ренненкампфом.

Если не учитывать тот факт, что конная группа была заранее обречена на неуспех, это было большой честью для Нахичеванского. Хан не имел высшего военного образования и опыта командования такими большими соединениями. В русской армии тех лет вообще не было военачальников, обладающих таким опытом, так как конные корпуса упразднили еще до Японской кампании. Зато Гусейн Хан хорошо был знаком с театром военных действий. Как герой Японской войны, широко известный в офицерских кругах, он пользовался доверием и высшего командования, и в войсках. И, наконец, капризная гвардия хотела видеть своим командиром только своего офицера. Все эти факторы и определили выбор Ставки в пользу Гусейн Хана. Он же, осознавая всю меру своей ответственности на новом поприще, принял тяжелую ношу беспрекословно, как и подобает военному человеку.

Наскоро «сколотив» штаб своего подразделения из офицеров 2-й кавалерийской дивизии, хан дал первые поручения командирам дивизий.

Главной задачей конной группы на первые дни военных действий Ренненкампф ставил выдвигание на германский город Инстербург и к реке Ангерап с целью выяснить районы дислокации войск противника. Во исполнение этого поручения Нахичеванский отдал приказ 2-й и 3-й кавалерийским дивизиям подойти к прусской границе, ночью перейти ее и провести разведку боем. В это время прибывавшая из столицы гвардейская кавалерия начала выгрузку из эшелонов. 22-го июля армейцы приняли первый бой у местечка Эйдкунен с головными частями I германского корпуса генерала Франсуа. Пока населенный пункт в течение 2-х дней попеременно переходил из одних рук в другие, гвардейцы успели выгрузиться. Теперь уже все четыре дивизии включились в боевую работу. Вплоть до 3-го августа, на которое было намечено общее наступление, русская кавалерия была занята локальными приграничными боями с противодействующим им I корпусом противника, а затем, перейдя тремя колоннами приграничную речку Шешу-пу, двинулась в направлении города Инстербург.

Конная группа вторглась на территорию Восточной Пруссии. Движение ее шло целенаправленно: каждое утро, после короткого сна, дивизии выстраивались походным порядком и, рассыпая вперед веером дозоры, колоннами рысью шли вперед до самого заката солнца. Конница останавливалась лишь тогда, когда немцы начинали обстреливать головные заставы или авангард. В обход засевших частей противника немедленно высылалось несколько эскадронов. Немцы, опасаясь окружения, быстро снимались с места и уходили на запад. К вечеру 3-го августа Хан Нахичеванский занял местечко Шиленен, на следующий день — город Пилькален. 1-я германская кавалерийская дивизия, не принимая боя, отступала. Ожесточенное сопротивление оказывали только прусские ландштурмисты. Было несколько случаев, когда их приходилось взрывать вместе с домами, из окон которых они обстреливали конницу.

Достигнув к вечеру 5-го августа деревень Драгупенен, Эгленикен и Кегстен, Хан Нахичеванский наметил на следующий день переход к городу Инстербургу. Этот важный стратегический пункт Восточной Пруссии, находившийся на слиянии рек Ангерап и Инстер, связывал пять железных дорог, одна из которых шла в Кенигсберг. Его захват выводил русскую конницу на фланг германской армии.

Со своей стороны германское командование, хорошо осознавая угрозу, которую таила нависшая над левым флангом их армии русская конница, в ночь на 5-е августа отдало приказ о переброске навстречу Хану Нахичеванскому из города Тильзит 2-й ландверной бригады.

Утром 6-го августа, когда рассвело, первые части русской конницы выступили к переправам Инстера. Головные разъезды обнаружили перед собой многочисленную германскую пехоту. Когда об этом доложили хану, он приказал продолжать движение. ...Что вполне согласовывалось с предписанием командующего армией пробить дорогу на Инстербург.

В результате у деревни Каушен, на шоссе в нескольких километрах от реки Инстер, вспыхнул один из самых необычных, и в то же время кровопролитнейших боев I мировой войны, в котором спешившаяся кавалерия успешно атаковала более много численную закрепившуюся пехоту. Большинство из тех его участников, кто пережил мировую войну и революцию, называли «Каушен» главным боем своей жизни, венцом военной биографии. Он сделал известными русскому обществу имена ротмистра барона Врангеля, полковников Арсеньева, Кирпичева и князя Эристова, генералов Долгорукова, Лопухина и Скоропадского⁴.

Германская пехота на марше

Всех подробностей кровавого столкновения в рамках нашей книги не описать. Приведем здесь лишь краткий отчет о нем.

Итак, 26 спешенных эскадронов русской гвардейской кавалерии (около двух тысяч человек) дрались с шестью батальонами ландвера (4500 солдат). Основная тяжесть боя легла на первые бригады 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий, то есть на кавалергардов, конногвардейцев, лейб-улан и конноегерей. В некоторых эскадронах выбыли из строя все офицеры, а всего их пало под Каушеном 46. Цвет нации, отпрыски лучших фамилий⁵.

Они щеголяли своей отвагой. Подчеркнуто небрежно прогуливались под градом пуль. Бросались в конные атаки на окопавшуюся пехоту... Кавалергарды, а за ними и конногвардейцы нарушили установку Гусейн Хана не атаковать противника в лоб, потому что не могли позволить себе малодушно уступить немцам несколько сотен метров поля боя. Они дрались бесхитростно, но храбро⁶.

Начальники дивизий генералы Кознаков, Раух и Бельгард - непосредственные подчиненные Нахичеванского — не смогли выполнить приказ хана маневрировать вокруг наступающей пехоты противника, наносая удары во фланг и тыл, используя конную артиллерию. Слишком велик был порыв и желание частей соответствовать высокому званию гвардии⁷.

Одним из последних эпизодов боя стала конная атака 3-го эскадрона Конной Гвардии на германскую батарею. Возглавили ее командир ротмистр барон

Атака русской кавалерии в конном строю на германскую батарею.
Худ. Н. Борисов.

Врангель и поручик граф Бенингсен. В результате два германских орудия достались россиянам⁸.

В конце концов немцы не выдержали напряжения боя и стали отходить за Инстер, взорвав за собой мост. Близился вечер. Хан приказал, под прикрытием кирасирской бригады и артиллерии, выводить свои части к местам ночевки⁹.

Нелегко дался этот бой Гусейн Хану. Победа не принесла ему настоящей радости — гибель подчиненных легла тяжелым грузом на сердце. Особенно тяжело перенес он потери среди родных конногвардейцев. Полк потерял половину своих офицеров. По воспоминаниям одного из офицеров, беседовавшего с Нахичеванским в ночь после боя, выглядел хан страшно уставшим:

«Меня ввели в просторный и уютный салон, ярко освещенный и элегантно обставленный. Прежде всего я заметил множество уже распитых буттиок шампанского на длинном столе, а за столом, на мягком кресле, развалясь, полулежал немолодой уже и довольно полный генерал, небольшой и очень смуглый, и с георгиевским крестом. Генерал мне приветливо улыбнулся. Я видел, что он совершенно трезвый, но очень утомленный, страшно уставший. Он мне ответил любезно, но с нескрываемой усталостью...»¹⁰.

Вместе с тем никто не снимал с хана ответственности за судьбу конной группы и не освобождал от выполнения поставленной задачи. Требовалось немедленно пополнить боекомплект. Раненые нуждались в отправке в тыловые лазареты, а тела убитых гвардейцев нужно было доставить семьям в Санкт-Петербург... Конному отряду, для восстановления боеспособности, был необходим перерыв в боевой работе.

Останки погибших офицеров были перевезены в Линденталь, к месту ночевки штаба Гусейн Хана. После отпевания они были временно захоронены, а через несколько дней Лейб-гвардии Конного полка поручик Кушелев повез тела гвардейцев в столицу. Туда же, в подарок Государю, отправили две захваченных у противника пушки.

На следующий день, 7-го августа, южнее места расположения подразделений Нахичеванского развернулось большое сражение главных сил 1-й русской и 8-й германской армий у Гумбинена. Невзирая на преимущество немцев в живой силе (74400 человек против 63800) и тяжелой артиллерии (немцы имели 44 таких орудия, у русских были только легкие пушки), россияне во встречном бою опрокинули противника и заставили отступить с поля сражения*. К сожалению, конница Гусейн Хана вследствие тяжелых потерь и отсутствия боеприпасов не смогла принять участия в бою.

Простояв после сражения под Гумбиненом два дня на месте, отдохнув и пополнив запасы снарядов и патронов, 1-я русская армия со всеми мерами предосторожности направилась вперед. Не имея никаких сведений о противнике, Ренненкампф предполагал увидеть его на новой укрепленной позиции. Коннице Гусейн Хана в связи с этим было приказано *«двинуться севернее Цулькинерского леса на Инстербург, обходя левый фланг неприятеля и действуя ему в тыл»* (Приказ 1-й армии № 3)¹¹.

Тем временем шла активная переброска германской армии против 2-й русской армии Самсонова. Высшее германское командование во главе с начальником Главного штаба генералом фон-Мольтке-младшим отправило в отставку генералов Притвица и Вальдерзее и назначило командующим 8-й армией и начальником ее штаба генералов Гинденбурга и Людендорфа. На последних Кайзер возложил задачу спасения Восточной Пруссии.

Еще в поезде, двигаясь в ставку генерала Мольтке, Людендорф провел оценку сложившейся обстановки и сделал вывод: расположение сил 8-й германской армии дает шанс провести операцию против 2-й русской армии. В юго-западной части Восточной Пруссии образовалась сильная группа, способная перейти в наступление. Весь наличный железнодорожный состав был задействован для перевозки частей с фронта 1-й армии против 2-й армии Самсонова.

Только к вечеру 11-го августа, получив в этот день многочисленные донесения об отсутствии противника по всему фронту, генерал Ренненкампф стал понимать, что немцы куда-то ушли. Конница сообщала об отходе крупных неприятельских частей по направлению на Кенигсберг, но это был только лишь I германский корпус. Решив, что противник всеми силами отступает к своей

* Этот день генерал-лейтенант Генерального штаба Н. Н. Головин справедливо назван днем славы русского оружия.

Ротмистр барон Врангель, полковник князь Эристов и другие офицеры у захваченной в Каушенском бою германской пушки. Август 1914 г.

главной крепости, Павел Карлович отдал приказ всеми войсками идти на Кенигсберг. С целью организовать широкий фронт разведки перед армией командующий бросил вперед всю кавалерию. Из конной группы Нахичеванского была выделена 2-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала Рауха, которая была направлена севернее, для защиты правого фланга, а подразделения хана, в составе 1-й гвардейской и Сводной (из полков 2-й и 3-й) армейских дивизий, были выдвинуты к Кенигсбергу для ведения разведки¹². За ними следовали главные силы армии. 1-я кавалерийская дивизия генерала Гурко также выдвинулась перед фронтом армии, примкнув своим правым флангом к отряду Гусейн Хана. Конница высылала дальние разезды для разрушения железных дорог. Главной же задачей оставался розыск корпусов неприятельской армии и установление направления их отступления.

Достигнув фортов Кенигсберга, русская конница завязала бои с выдвинутыми частями гарнизона крепости. Тем временем противник скапливал войска значительно южнее. ...Что толку, что 1-я русская армия преодолевала по 20-30 километров в сутки, если она двигалась не в том направлении! В результате титанических усилий германское командование сумело сконцентрировать против армии Самсонова 166700 штыков (у русских было 124830) и 134 батареи (у русских - 83, причем тяжелых только 6). Россияне были взяты в клещи. Утром 13-го августа сражение началось на всем фронте. Исключительно благодаря своей артиллерии I германский корпус и части XX корпуса отбросили I русский армейский корпус на юг

Генерал Эрих Людендорф

от Сольдау и «отрубили» главную массу 2-й русской армии от питающих артерий. К вечеру 14-го XIII и XV русские армейские корпуса попали в полное окружение. Избиение продолжалось до 16-го числа. Не выдержав позора, генерал Самсонов застрелился. В плен сдалось 47 тысяч русских солдат и было потеряно 272 орудия. Единственно отрядный факт — немцам не удалось взять ни одного русского знамени. К сожалению, 1-я русская армия не могла помочь 2-й. Самсонов телеграфировал в штаб фронта о своем бедственном положении только 14-го вечером. Около суток информация бродила по штабам и оценивалась, и только 15-го вечером Ренненкампф приказал двум левофланговым армейским корпусам (II и IV), а также всей коннице выступить на юго-запад. Хан Нахичеванский сумел собраться и отправиться в тот же вечер, пехота — утром на следующий день. По прямой до места уже закончившегося сражения было около 90 верст, по лесным дорогам 130-140 верст. Ввиду открывшейся бесполезности этого марша, вечером 16-го Ренненкампф остановил свою пехоту. Коннице же Павел Карлович оставил задачу

поиска в тылу противника и разрушения железных дорог. К этому времени в подчинении у Гусейн Хана осталась лишь Сводная дивизия армейской кавалерии. Изнеженные кони тяжелой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии один за одним выходили из строя, и дивизия теряла свое боевое значение. 14-го августа был отдан приказ об отправке ее 1-й бригады в Ковно, на отдых.

16-го числа хан, отгеснив германскую пехоту, захватил город Ланцберг и встал там на ночлег. Окрестные железнодорожные станции и дороги были взорваны. На 17-е Нлхпчеванский планировал продвинуться еще западнее, к городу Вормдит. Он телеграфировал начальнику штаба армии, что лошади работают из последних сил.

18-го рано утром отряд направился к Вормдиту. Железнодорожная станция была занята неприятельской пехотой. Конная артиллерия начала обстреливать вокзал, а пять полков конницы спешились и начали наступать на город.

При выходе из леса первые линии попали под неожиданно сильный ружейный обстрел с близкой дистанции. Об этом немедленно послали донесение Гусейн Хану¹³.

Один из участников боя, поручик Грибов (впоследствии полковник), приводит в своей книге его описание, сделанное старшим адъютантом конного отряда капитаном генерального штаба Чайковским:

«Впереди раскинулся небольшой аккуратный городок. Вплоть до его окраины никого заметно не было. Перестрелка велась восточнее города. При нашей попытке продвинуться вперед еще более, мы попали под неожиданный ружейный обстрел с близкой дистанции. Пришлось круто повернуть и уйти под защиту леса. Полковник Чесноков послал соответствующее донесение генералу Хану Нахичеванскому. Вскоре к дому лесника, расположенному в лесу, неподалеку от опушки, подошел начальник отряда со штабом, эскадрон Елисаветградцев, сотней и взводом 6-й конной батареи. Гусары и донцы спешили, отправив коноводов за железнодорожное полотно.

Туда же ушли передки ставшего на позицию взвода 6-й конной батареи. Слева подтянулись цепи Новоросийцев. Из-за холмов с запада и из-за шоссейной насыпи защелкали ружейные выстрелы. Сверху стали падать срезанные пулями сосновые иглы. Вскоре был ранен генерал Хан Нахичеванский. Рана оказалась легкой — задета была мякоть руки. Генерала перевязали моим индивидуальным пакетом. Он остался на месте. Один из ординарцев, вахмистр Мухортов, чтобы утолить жажду, принес найденное им вино. В это время сюда-же подошел и генерал Бельгард со словами: «Угостите стаканом доброго вина и начальника 3-й кавалерийской дивизии». Не прошло и нескольких минут, во время которых стрельба все учащалась, как генерал Бельгард, беседовавший с Ханом, Чесноковым и мною, вдруг разом как-то страшно застонал и стал валиться. Вокруг него все покрылось ручьем лившей из раны в бедро кровью. Стрельба участилась. Вокруг залетало все большие и большие пули. Кони из запряжек, подаваемых на батарею передков свалились убитыми. Орудия под ружейным обстрелом на руках вывозились казаками, гусарами и Новоросийцами к виадуку. Тело скончавшегося генерала Бельгарда было вывезено на передке. Генерал Хан Нахичеванский, пропустив мимо себя конницу, отвел ее на ночлег в район деревни Фраундорф»¹⁴.

Генерал Пауль Гинденбург

Бой русских кавалеристов с немцами в селении. Худ. В. В. Мазуровский.

Вормдит стал самой западной точкой Восточной Пруссии, куда ступила нога русского солдата в 1914 году. Гусейн Хан со своей кавалерией сжег там громадные склады бензина и керосина, папкаузы и станцию.

19-го конный отряд двинулся к городу Ланцберг. Несмотря на ранение, хан оставался в седле. Хроническое недосыпание валило его с ног. Пошел уже второй месяц, как 50-летний генерал находился в походе. Тридцать насыщенных боевыми трудами дней. Девять недель высшего напряжения душевных и физических сил. С начала войны отряд хана первый и единственный раз провел ночь под зашитой своей пехоты только 12-го августа. Все остальное время Нахичеванский должен был быть максимально бдительным, чтобы не стать жертвой внезапного нападения. Переутомление коснулось всего отряда, однако Ренненкампф требовал от него продолжения боевой работы.

У Ланцберга Гусейн Хан взорвал две арки каменного железнодорожного виадука. Взорвать его полностью не было возможности вследствие малого количества взрывчатых веществ. Уже в городе до командира отряда дошло распоряжение Ренненкампфа оставаться на месте.

Невзирая на угрозу удара в открытый левый фланг, командующий настаивал на том, чтобы его армия не двигалась с места. Для защиты слабого участка было предложено сформировать новую 10-ю армию.

Тем временем Гинденбург и Людендорф развернули германские части на северо-восток. Против остатков 2-й русской армии был оставлен слабый заслон, другие подразделения немецкой армии после короткого отдыха погрузились в

эшелоны для следования к району новой операции. В считанные дни в дефиле между Мазурскими озерами прибыли I и XVII армейские корпуса, 3-я резервная и 8-я кавалерийские дивизии. Эти отборные войска предназначались для прорыва левого фланга боевой линии Ренненкампа. Другие части надвигались фронтом на место расположения основных сил 1-й русской армии.

25-го августа противник атаковал россиян сразу в нескольких местах... Глубоко охватывая необстрелянные дивизии 10-й армии с флангов и безжалостно расстреливая их из орудий тяжелой артиллерии, он потеснил их на юго-восток и открыл себе путь в тыл армии Ренненкампа.

Получив донесение об ожесточенной атаке своего левого фланга, Павел Карлович немедленно принял решение о его усилении. С крайнего правого фланга на юг был направлен XX армейский корпус, а из выла - 54-я и 72-я пехотные дивизии. Конному отряду хана, а также 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерала Рауха было приказано спешить к ключевым населенным пунктам Даркемен и Гольдап, где левофланговый русский II армейский корпус «трещал» под ударами германских корпусов Макензена и Франсуа. Помимо этого, командующий отдал приказ об отходе выдвинутых вперед частей. Как вспоминал один из офицеров-кавалеристов — участников похода, «...этим днем началась вторая часть ...периода, с отступлением до Немана из Восточной Пруссии, с недоодеванием, недосытанием, с непрерывными боями против численно превосходивших нас, обнаглевших немецких частей, почувствовавших, что сопротивления большого оказано не будет и что армия сможет задержаться только за такой естественной преградой, как Неман»¹⁵.

К 12 часам дня 27-го августа Нахичеванский достиг города Даркемен и заполнил интервал между двумя пехотными дивизиями. По противнику из всех орудий открыли заградительный огонь... Однако Ренненкампа, обеспокоенный глубиной обхода своего левого фланга, прислал Гусейн Хану распоряжение: оставив один из своих пяти полков начальнику XX армейского корпуса генералу Смирнову, двинуться еще восточнее, вслед за дивизией Рауха, перешедшей в район к востоку от озер. На линии реки Гольдап, лежащей позади месторасположения растерзанного II корпуса, Ренненкампа планировал создать новый рубеж обороны левого крыла армии.

Утром 28-го XVII германский корпус генерала Макензена и I корпус генерала Франсуа с 60-ю батареями добились остатки II русского армейского корпуса и подошедшую ему на помощь 72-ю пехотную дивизию, и устремились к реке Гольдап. Перед пехотой выдвинулась 8-я германская кавалерийская дивизия. Немцы очень спешили. Навстречу им, пытаясь успеть к реке раньше, шел усиленными переходами XX корпус генерала Смирнова.

На пути немцев встала русская конница. В полдень дивизия Рауха у деревни Голубен наткнулась на колонну германской пехоты. Русские конные батареи открыли по неприятелю огонь, но немцы, развернувшись, стали охватывать

«В атаку». Худ. В. В. Мазуровский.

левый фланг гвардейцев, и те вынуждены были отступать к Гольдапу. Неподалеку, у деревни Ковален, вел бой отряд Хана Нахичеванского. От мощного когда-то отряда в 10.000 всадников у любимца гвардии осталось менее половины, и те — на измученных, еле передвигавших ноги конях, из 48 орудий — только 18. Определив, что неприятельская спешенная кавалерия и пехота с артиллерией занимает высоты к югу от деревни, полки 3-й кавалерийской дивизии развернулись и лавой двинулись вперед, батареи открыли огонь по станции, а бригада 2-й кавалерийской дивизии стала охватывать немцев с востока. Те стали постепенно отходить на юго-запад.

Вечером разъезды хана обнаружили в нескольких километрах западнее своего месторасположения движение большой неприятельской колонны с артиллерией на Гольдап. Это шли подразделения I германского корпуса. Нахичеванский немедленно прекратил бой и проселочными дорогами, в полной темноте, повел свой отряд к Гольдапу. Уже за полночь русские кавалеристы остановились в семи километрах юго-восточнее города.

Гольдап в это время был уже занят противником, так как Раух оставил город без боя и ушел на ночевку под прикрытие частей XX армейского корпуса. Таким образом, важный пункт, лежащий на пересечении нескольких дорог, оказался в руках неприятеля. 8-я германская кавалерийская дивизия получила возможность проникнуть на тыловые пути русской армии.

Ренненкампф обрушился на Рауха, Нахичеванского и Смирнова. Под угрозой отрешения от должности он приказал генералам отбить город у немцев к

вечеру 29-го августа. Подписав приказ о снятии с должности, за слабую координацию частей, своего начальника штаба генерала Милеанта, командующий выехал к войскам¹⁶.

На рассвете 29-го числа части русского XX армейского корпуса атаковали Гольдап. Под их напором 8-я германская кавалерийская дивизия оставила город, но подошедший I германский корпус обрушил на россиян всю мощь своей тяжелой артиллерии. Огрызаясь, русские 28-я и 29-я пехотные дивизии отошли за реку. Одновременно неприятельская пехота в превосходящих силах атаковала русскую конницу, сделала попытку обойти фланги, а затем вклинилась между дивизией Рауха и отрядом Нахичеванского. Раух отошел на север, Гусейн Хан продолжал вести бой. Обнаружив движение германской кавалерийской дивизии с артиллерией и самокатчиками от Магграббова к Фиши ново, с целью задержать ее, хан оставил неприятельскую пехоту и двинулся вслед за кавалерией. В районе севернее и восточнее Гольдап образовался «бутерброд» из перемешавшихся германских и русских частей. Локальные стычки возникали то тут, то там.

30-го бои продолжались. Раух отвел свою дивизию в тыл, к станции Вержболово. Это открыло путь 8-й германской кавалерийской дивизии, которая вышла в тыл русских колонн и обозов, внося смятение и панику. Что касается Нахичеванского, то он продолжал драться в районе деревни Кунигишки. Хан оказался на самой южной оконечности фронта.

Положение армии Ренненкампафа более-менее стабилизировалось. Ее II, IV и XXVI армейские корпуса практически вышли из образовавшегося мешка и встали на позиции. Настроение русских частей, особенно IV корпуса генерала Алиева, было боевым. Войска были настроены на драку. Однако командование Северо-Западным фронтом во главе с генералом Жил и неким не уловило этот важный момент перемены настроения войск. Вопреки мнению Ренненкампафа, Жилинский отдал приказ о немедленном отводе армии за реку Неман.

Ночью на 31-е августа III и XXVI армейские корпуса двинулись к русской границе. Чуть позднее, к утру, снялся с места IV корпус, который по инициативе его командира стал прикрывать общий отход. Противник русских почти не преследовал.

Труднее пришлось левофланговым II и XX армейским корпусам, которые подверглись нападению германской конницы. Так как дивизия генерала Рауха ушла к русской границе, то единственной защитой пехоте были конные отряды Нахичеванского и Казнакова. Общие силы германской кавалерии более чем в 2 раза превосходили наши, но русской коннице 31-го августа и 1-го сентября удалось парировать неприятельские удары.

1-го сентября главные силы русской армии были уже на российской территории. *«Счастлив сообщить для доклада, что все корпуса вышли из боя, хотя некоторые с тяжелыми потерями»*, — телеграфировал Ренненкампаф в Ставку

Верховного главнокомандующего. «Отдохнем, поедим, приведем себя в порядок, опять готовы»¹⁷.

В течение следующих нескольких дней, оставив противнику большую часть Сувалкской губернии, войска 1-й армии переправились на восточный берег реки Неман. На западном берегу остались лишь некоторые подразделения XX армейского корпуса да конный отряд Нахичеванского. Восточно-Прусская операция завершилась.

На германском фронте наступило затишье. Хан выехал в Петербург. 15-го сентября его принял Николай II. За завтраком наш герой рассказывал Императору о событиях в Восточной Пруссии. В дневнике Монарха осталась запись: «15-го сентября. Понедельник. Утром сбегал на короткую прогулку. После обычных докладов принял Хана Нахичеванского, приехавшего с лежкой раною в руку с войны. Он с нами завтракал и рассказывал много интересного...»¹⁸.

Деятельность хана в Восточной Пруссии не осталась незамеченной. Помимо выдающейся личной храбрости и самоотверженности высшее командование оценило и его качества военачальника. Несмотря на критику действий нашей конницы со стороны кабинетных стратегов, непосредственные участники похода,

Знак ордена Св. Георгия
3-й степени

да и те люди наверху, кто не понаслышке знал условия, в каких оказался хан, признавали, что лучшего результата вряд ли возможно было добиться. И если бой под Ка-ушеном, выигранный слишком дорогой ценой, не все рисковали ставить в заслугу Нахичеванскому, то его руководство отрядом во второй части операции, несомненно, выделило его из числа всех дивизионных начальников кавалерии.

Поток критических стрел в адрес всех более-менее крупных военачальников проигранной Восточно-Прусской операции не иссякает и по сей день. Кто только не отметился на этом «благодатном» поприще - от выдающегося военного теоретика Н. Н. Головина до, как это ни смешно, писателя А. И. Солженицына... Все норовят бросить камень в давно усопших героев Великой войны... Эти судьи, по-видимому, не взяли себе за труд прочитать воспоминания уцелевших участников похода. Если бы это произошло, возможно, критиков бы насторожило одно обстоятельство — все, кто в составе русской конницы прошел боевыми дорогами Восточной Пруссии, кто бился под Каушеном в составе корпуса генерала Нахичеванского, безмерно гордились этим событием... Тогда, надеюсь, оценки были бы более взвешенными, а выводы менее безапелляционными. В этой связи, если вернуться к Гусейн Хану, нам более всего понравилась характеристика, высказанная офицером-кавалеристом — участником Восточно-Прусской операции, обстоятельнейшим образом проанализировавшего каждый день похода и каждый приказ начальника конницы. Вот что он писал в сборнике, предназначенном для командного состава РККА: *«Ген. Хан-Нахичеванский перед войной командовал 2-й кав. див. и очутился во главе большого конного отряда до известной степени случайно. Всю свою службу провел в строю, командовал Дагестанским конным полком, с которым сделал всю Японскую кампанию, и гвар. конным полком. Широкого военного образования не имел, привык пунктуально исполнять приказания начальства; лично очень храбрый. Неумел держать в руках непосредственно подчиненных начальников дивизий, которые иногда не исполняли прямых приказаний, держались очень самостоятельно, но проявляли инициативу не для достижения боевых целей, а для получения возможно больших удобств для своих частей. Сам Хан-Нахичеванский имел некоторое пристрастие к тем частям, которыми раньше командовал (до прибытия гвардии — к своей 2-й кав. див., после прибытия гвардии — к 1-й гвард. кав. див.); потери в этих частях производили на него очень сильное впечатление. Наконец Хан-Нахичеванский, мягкий и очень добрый человек,*

попал под безответственные влияния. Командовать ему пришлось при довольно трудной обстановке, имея под своим начальством самые блестящие полки гвардии, которые дрались и работали не жалея себя, но были приучены к особому вниманию и особому отношению к себе. Хан-Нахичеванский действовал по мере сил и разума, не искал личных выгод, — был лучшим из начальников кавалерийских дивизий 1-й армии, которые все, делаясь самостоятельными, действовали хуже его»¹⁹.

Закономерным поэтому выглядел Высочайший приказ от 13-го октября 1914 года о назначении Гусейн Хана командиром 2-го кавалерийского корпуса¹. 19-го октября, захватив в Ставку Верховного главнокомандующего в Барановичи, наш герой отправился к новому месту службы на Юго-Западный фронт. Уже в пути хана догнала радостная весть - за действия в Восточной Пруссии Георгиевская Дума Северо-Западного фронта утвердила представление о награждении его орденом Св. Георгия 3-й степени, а Государь 22-го октября утвердил этот документ.

Описание отличия выглядело следующим образом:

«За то, что 6-го августа 1914 г., прикрывая фланг первой армии, самостоятельно вступил в решительный бой с неприятелем, угрожавшим флангу и отбросил его с большими потерями, чем значительно способствовал успеху боя. Командуя двумя кавалерийскими дивизиями, способствовал наступлению армий, разрушая в районе расположения противника железные дороги и мосты, занял, после упорного боя, узловую станцию и уничтожил большие запасы бензина и керосина. Затем, когда в августе этого же года был обнаружен обход неприятеля, выяснил рядом боевых столкновении силы и направление его и тем оказал помощь своим войскам»²⁰.

Гусейн Хан был единственным участником боев в Восточной Пруссии, кто удостоился столь высокой награды. 16-го ноября он получил еще один высокий орден — Св. Владимира 2-й степени с мечами¹.

После объявления всеобщей мобилизации на фронте оказался не только самый высокопоставленный представитель семьи Нахичеванских. По свидетельству бывшего городского головы города Нахичевани Акпер Хана, «вся наша молодежь уехала на войну»²¹. Из тех документов, которые удалось обнаружить, нам известно, что уже в первые недели боевых действий прошли боевое крещение сыновья Джафар-Кули Хана Келб-Али и Эхсан, сын Бехман Хана Мурад и сын Рагим Хана Искандер. Всем им было по 20 с небольшим лет.

Келб-Али и Эхсан были офицерами Лейб-гвардии Его Величества Уланского полка. Штаб-квартира улан находилась в Варшаве. Старший из братьев воспитывался в Тифлисском кадетском корпусе, военное образование получил в столичном Николаевском кавалерийском училище, откуда и был произведен в полк. Младший закончил Пажеский корпус²². Оба начали войну корнетами. С началом боевых действий варшавские уланы включились в разворачивающуюся на Юго-Западном фронте Галицийскую битву.

Командовал ими барон Карл-Густав Маннергейм — будущий регент независимой Финляндии. Полк в составе кавалерийского корпуса князя Туманова вел разведку к востоку от реки Вислы, прикрывая развертывание русских армий в Галиции. 4-го августа коннице было приказано любой ценой оборонять город Красник - узловой пункт, лежащий к югу от железной дороги Ивангород-Люблин-Холм. В развернувшихся на этом плацдарме боях Келб-Али Хан совершил подвиг, который Георгиевская Дума Юго-Западного фронта признала достойным для награждения именованным Георгиевским оружием: *«За то, что 15августа 1914г. у дер. Скоков, командуя левым крылом лавы 5-го эскадрона полка в составе взвода, будучи неожиданно обстрелян из-за стогов ружейным огнем, бросился туда и наткнулся на австрийцев силою до эскадрона, атаковал противника и обратил его в бегство, преследуя до наступления темноты»*²³.

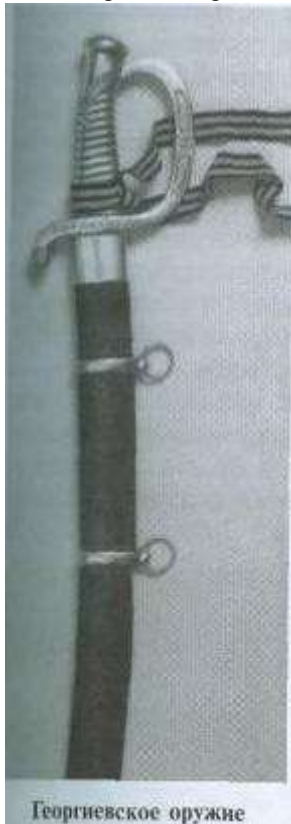
Вообще же за кампанию 1914 года оба брата получили по ордену Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и ордену Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Впоследствии они были награждены еще несколькими боевыми орденами. Келб-Али Хан был ранен. Вместе оба были произведены в поручики (30-го июля 1915 года) и штабс-ротмистры (5-го августа 1916 года). До конца войны братья находились в родном полку (Келб-Али в 5-м, Эхсан — в 6-м эскадроне), который в 1916 году был включен в состав знаменитого Гвардейского кавалерийского корпуса Гусейн Хана Нахичеванского²⁴.

Еще двое молодых Нахичеванских выехали в августе 1914 года на фронт в составе 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка. Сын Рагим Хана Искандер, также выпускник Пажеского корпуса, служил в 4-м эскадроне младшим офицером, был уже в чине поручика. В этом же эскадроне находился Мурад Хан — внук генералов Исмаил Хана и Келб-Али Хана (его родители состояли в двоюродном родстве). Мурад Хан воспитывался в Николаевском кадетском корпусе, военное образование получил в Николаевском кавалерийском училище, откуда корнетом был произведен в полк²⁵. Оба, по-видимому, не случайно оказались в 4-м эскадроне, которым командовал также азербайджанец, племянник знаменитого героя Турецкой войны, лихой кавалерийский офицер Теймур Бек Новрузов.

После объявления всеобщей мобилизации нижегородцы железной дорогой выехали в Польшу, где полк начал свою боевую деятельность. С доблестью продолжая боевые традиции кавказских частей, он ознаменовал участие в операциях Юго-Западного фронта несколькими блестящими конными атаками, в одной из которых, 10-го ноября 1914 года у станции Колоушки, 4-й эскадрон особенно отличился, захватив четыре орудия германской тяжелой батареи, а его тяжелораненый командир был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Искандер Хан был отмечен орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Оба Нахичеванских за первые бои получили также ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами²⁷.

Интересно, что опекала нижегородцев супруга Гусейн Хана Нахичеванского — княгиня Софья Николаевна. К праздникам она организовывала отправку в полк посылок, поздравлений, вела работу по организации санитарных отрядов. Однажды отослала на фронт автомобиль. Объектом ее забот были не только нижегородцы, но и другие кавказские полки, сражающиеся на австро-германском фронте. В этой связи княгиня общалась с Императрицей Александрой Федоровной, благодаря которой до нас и дошли эти сведения²⁶.

Георгиевское оружие

В 1915 году нижегородцы были возвращены в Закавказье, на турецкий фронт. В составе экспедиционного корпуса генерала Баратова они участвовали в рейде по территории Персии, который сломил и привел к покорности курдские племена и все население. Обойдя вокруг Урумийского озера, внедрившись на территорию Турции, русские кавалеристы 6-го июня вошли в город Ван. Весной 1916 года Искандер Хан Нахичеванский был переведен в Чеченский конный полк «Дикой» дивизии, где дрался против австро-германцев под предводительством своего шурина принца Файзуллы Мирзы Каджара, а оставшийся в Нижегородском полку Мурад Хан (уже штабс-ротмистр) в составе дивизиона под командованием Теймур Бека Новрузова прогремел в конце 1916 года в боях с регулярной турецкой пехотой на перевале Субаши. В деле 19-го декабря Мурад с товарищами прошел в обход неприятельских позиций и, зайдя во фланг и тыл турок, завязал многочасовой бой, сдерживая их наступление²⁸.

Оставив свой след в истории выдающихся полков Российской Императорской Армии, молодая поросль Нахичеванских, однако, дала наибольшее представительство в одном из самых интересных воинских формирований Великой войны — Кавказской Туземной конной дивизии, в простонародии именуемой «Дикой». В разных полках уникальной части воевало сразу несколько человек, имеющих отношение к семье, а конным корпусом, в который она входила, руководил сам Гусейн Хан. Кавказская Туземная конная дивизия начала формироваться в августе 1914 года. Состояла она из 6 полков: Кабардинского, Чеченского, 2-го Дагестанского, Татарского (Азербайджанского), Ингушского и Черкесского, разбитых на 3 бригады. Мусульмане Российской Империи не несли воинской повинности, хотя много раз депутаты-мусульмане с три-

Великий князь Михаил Александрович (в центре в белой черкесске)
 среди офицеров Кабардинского конного полка. 1915 г.
 Шестой справа командир полка граф И. И. Воронцов-Дашков,
 Четвертый справа адъютант полка Керим Хан Эриванский.

буны Государственной Думы заявляли о том, что народы Кавказа почли бы за честь включение их в военнообязанный слой. Поэтому в дивизию шли исключительно добровольцы, храбрейшие и наиболее воинственные представители своих народов. Унтер-офицерский штат в большинстве состоял из казаков первой очереди. К дивизии была придана пулеметная команда матросов Балтийского флота. Главное богатство добровольческой части составляла блестящая плеяда офицеров, которые слетелись в дивизию со всех концов необъятной России и даже из-за границы. Каждый имел свой резон для поступления в уникальное подразделение. Были горячие приверженцы конницы как главного рода войск, надеявшиеся доказать эту истину во главе бесшабашных горцев. Других привело в «Дикую» дивизию чувство кавказского патриотизма; поэтому в полках служили представители самых знатных фамилий, сыновья и внуки знаменитых героев Кавказской войны. Многие из тех, кого тяготила воинская служба в мирное время, пытались получить в рядах Туземной дивизии шанс вновь драться за Родину... Этот разношерстный элемент, по возможности используя свои связи, зачислялся в ряды добровольческих сотен.

Командиром дивизии, по политическим соображениям, был назначен младший брат Императора Великий князь Михаил Александрович. Сам в недавнем

прошлом кавалерийский офицер, виртуозный наездник и силач, он сразу завоевал непререкаемый авторитет среди всадников-кавказцев. Его опорой стал выдающийся офицер Генерального штаба, мусульманин по вероисповеданию, литовский татарин, полковник Яков Давыдович Юзефович.

С собой Великий князь привел в дивизию несколько офицеров, составлявших его близкий круг еще со времен службы в Петербурге. Яркими представителями этого круга были сын кавказского наместника, бывший лейб-гусар полковник граф Илларион Илларионович («Ларька») Воронцов-Дашков, возглавивший Кабардинский полк, а также штабс-ротмистр Керим Хан Эриванский, назначенный к нему полковым адъютантом.

Керим Хан был сыном Аббас-Кули Хана Эриванского и Тарлан Ха-нум Нахичеванской, дочери генерала Исмаил Хана²⁹. Именно принадлежность к военной семье по материнской линии, по-видимому, и определила судьбу мальчика — он был отправлен на воспитание в Николаевский кадетский корпус. Окончив среднее образование, Керим выдержал экзамен в Николаевское кавалерийское училище и через два года (в 1907 г.) был произведен корнетом в 17-й драгунский Нижегородский полк. Через год он был командирован под Петербург, в Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы полк, «для испытания в службе и перевода впоследствии». Не прошло и года, как перевод утвердили официально. Вскоре Эриванский сочетался браком с Инной Александровной Гербель* — родственницей супруги Гусейн Хана³⁰.

Полк в то время находился в фаворе, так как лейб-эскадром командовал брат Императора. Вдовствующая Императрица, являясь шефом «синих» кирасир, также ему благоволила. Керим Хан познакомился с Великим князем Михаилом Александровичем, и между ними установились самые дружеские отношения. Однако непозволительный для члена Царской Фамилии роман с женой однополчанина, а также неперемнное желание жениться на ней поставили Великого князя в положение преступника, а его друзей, и в том числе Керим Хана, перед выбором — продолжать ли, ценой разрыва с Михаилом Александровичем, службу в войсках? По приказу Императрицы Марии Федоровны, под страхом изгнания из полка, всем офицерам было запрещено общаться с избранницей Великого князя. В наказание за свой поступок Михаил Александрович был сослан в Орел для командования армейским полком, а его пассия — Наталья Сергеевна Вулферт-подверглась бойкоту всего столичного общества.

К чести Керим Хана, он не изменил своей дружбе и не прервал общения с морганатической женой Великого князя. Однажды он был замечен с ней в одной компании в ложе театра. Немедленно было созвано собрание офицеров полка, и поручику предложили покинуть расположение части. Так Эриванский сломал себе

* Инна Александровна приходилась двоюродной сестрой княгини Софьи Николаевны, в доме которой она и познакомилась с Эриванским.

карьеру³¹.

В свою очередь Великий князь протянул руку помощи оставшемуся без средств другу. Находясь уже в ссылке в Европе, он отдал распоряжение управляющему своими уделами назначить Эриванскому небольшое содержание, в размере офицерского оклада, что позволило отставленному от службы поручику жить до 1914 года³².

Перед лицом суровых испытаний Царская Семья смягчила участь Великого князя — ему было позволено вернуться в Россию, и в августе 1914-го он принял в командование Туземную дивизию. Керим Хан, естественно, последовал за Михаилом Александровичем. С прибытием на фронт Эриванский был назначен адъютантом Кабардинского конного полка.

Судя по документам, воевал внук Исмаил Хана хорошо. За первые же бои он был представлен к ордену Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»³³, а за подвиг в ночном бою 17-го февраля 1915 года у деревни Майдан в Лесистых Карпатах — к Георгиевскому оружию³⁴. В наградном листе отличие было описано следующим образом:

«Штабе-Ротмистр Хан Эриванский, исполняя обязанности полкового адъютанта в ночном бою у д. Майдан 17-го февраля 1915 г. был послан с поручением особой важности, а именно: восстановить связь между Кабардинским конным полком, действующим под моей командой и правым флангом отряда Ген. Стаховича. Стрелковая цепь, наступая в густом лесу, совершенно потеряла связь с соседними частями, что ставило весь отряд в крайне опасное положение. Шт. -Ротм. Хан Эриванский под убийственным огнем противника, подвергая свою жизнь опасности, успешно выполнил возложенную на него задачу. Независимо от сего, отправившись на разведку неприятельской позиции подошел на 50 шагов к австрийским окопам и доставил полные сведения о расположении и [тылах, ?] противника, чем оказал существенную помощь действиям всего отряда».

Тем не менее это представление Георгиевская Дума отклонила³⁵. Только через два года, будучи уже командиром 4-й сотни, Керим Хан заслужил почетную награду³⁶.

Не менее известным в дивизии офицером был и подполковник Файзулла Мирза принц Каджар. Он был женат на Хуршид Ханум, дочери Рагим Хана Нахичеванского. Потеряв своих родителей (мать — в раннем детстве, отец, полковник Шафи Хан, командовавший Переяславским драгунским полком, застрелился в 1909 году после обвинения в растрате казенных денег), Файзулла Мирза целиком окунулся в близкий ему по духу круг родственников жены. Под крылом Гусейн Хана Нахичеванского принц прошел всю Японскую кампанию, стал героем войны. Его портреты публиковало и «Новое время», и «Летопись войны с Японией».

Личностью Фази, как его звали друзья, был в своем роде уникальной. Родственник Шаха Персии, глава своего рода в России, он, как член Царствующей

Династии, носил титул «Светлости». Невзирая на это, принц больших богатств не унаследовал, вырос в скромной семье армейского офицера и привык рассчитывать только на свои силы. В нем отчетливо проявилась военная жилка. С окончанием Японской войны Фази поступает не в самый блестящий Тверской драгунский полк на должность командира эскадрона. Неправильно сросшаяся после ранения правая нога — последствие памятной атаки под Ландунгоу — мешала ему нормально двигаться (она была короче левой), и, чтобы продолжать службу в войсках, он заказывает на правые сапоги большой каблук. С началом Великой войны, желая драться непременно в составе знакомого ему по прошлой кампании «дикого» соединения, он добивается прикомандирования к Татарскому (Азербайджанскому) конному полку. В зимних боях в Лесистых Карпатах, где Кавказская Туземная конная дивизия прошла боевое крещение, Фази проявляет себя выдающимся боевым офицером. Начальство не успевает писать на него наградные листы. Он умудряется в заснеженных горах провести несколько лихих кавалерийских атак, так как действий в пешем строю принц чрезвычайно не любил вследствие своей хромоты. За боевые отличия он еще в 1915 году выслужил себе все возможные чины и награды и дальше воевал «вхолостую». 15-го февраля 1915 года, после гибели князя Святополк-Мирского, Фази принял Чеченский полк, которым командовал до окончания войны³⁷.

Однако первым из Ханской Семьи, кто подал прошение о зачислении в «Дикую» дивизию, был вовсе не Файзулла Мирза, и не Керим Хан. Это был вообще не военный человек, а дворянин города Нахичевани Фетх-Али Хан. Новоиспеченный доброволец был внуком двух небезызвестных генералов и родным братом нижегородского драгуна Мурад Хана. Мотивы его поступка были изложены в документе предельно ясно: *«Имея сильное рвение служить Родине в дни тяжелых испытаний, покорнейше прошу... зачислить меня в формирующуюся под командой Его Императорского Высочества Михаила Александровича бригаду... 30 августа 1914 г.»*³⁸. Прошение было препровождено в штаб дивизии, стоящей уже в городе Винница, и Юзефович наложил на него положительную резолюцию с указанием командиру Татарского полка. К сожалению, в дальнейшем до конца войны мы теряем след Фетх-Али Хана. Он мог быть зачислен в дивизию только вольноопределяющимся и поэтому в списки офицеров не попадал.

Таким же проявлением высшей степени чувства долга перед Государем и Родиной стал и поступок нашего старого знакомого Рагим Хана. Далекое не молодой уже человек, отметивший свою 54-ю годовщину и не служивший с молодых лет, он посчитал своей обязанностью встать в ряды защитников Державы. Осознавая свои невысокие шансы пробиться на фронт, он действовал максимально решительно — сам приехал в Тифлис и подал прошение в штаб главнокомандующего Кавказской армией. На его письмо (от 26 декабря 1914 г.) с просьбой о принятии на службу, с назначением в распоряжение главнокомандующего, граф Воронцов-Дашков ответил отказом, однако не возражал против зачисления Рагим Хана в один из

полков «Дикой» дивизии. Получив этот ответ, не дожидаясь, когда штаб Кавказской армии свяжется со штабом дивизии, наш герой сам немедленно телеграфировал Юзефовичу в действующую армию: «*Прошу зачислить Дагестанский полк Уведомить Кавказский штаб и меня*». О принятии именно во 2-й Дагестанский полк Рагим Хан просил не случайно — это подразделение создал и прославил в Японскую кампанию Гусейн Хан.

Зная, что имеет дело с родным братом корпусного командира, Юзефович не стал оттягивать решение вопроса, переговорил с Великим князем и направил по служебной лестнице прошение о зачислении Нахичеванского к дагестанцам. Удивительно быстро через штабы 2-го кавалерийского и VII армейского корпусов бумага долетела до столицы, и уже 18-го февраля 1915 года состоялся Высочайший приказ об «*определении*» Хана «*по кавалерии*»²⁹. Сразу же Нахичеванский выехал через Киев в расположение полка в Карпаты.

Ходатайство об «определении» на службу
во 2-й Дагестанский кавалерийский полк Рагим Хана
Нахичеванского

54-летний корнет, Георгиевский Кавалер еще Турецкой кампании, а таких «реликвий» в дивизии была еще всего пара-тройка, занял почетное место в офицерском собрании дагестанцев. Трудно было мужчине в его годах угнаться в бою за молодыми горячими офицерами, но свою лепту в победное шествие дивизии по полям Галиции Рагим Хан внес — приказом командующего 9-й армии генерала Лечицкого от 26-го августа 1915 года он был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, для нехристиан установленным⁴⁰. Были, вероятно, и другие награды, данных о которых автору пока найти не удалось.

«Звездочкой» Татарского полка* стал племянник Рагим Хана - Джамшид. 19-летнему юноше в условиях военного времени не удалось полноценно пройти курс военного училища — после Тифлисского кадетского корпуса и 4-месячной ускоренной подготовки в Елисаветградском кавалерийском училище он

* После В Российской Империи азербайджанцев называли закавказскими татарами, отсюда и название полка.

был выпущен прапорщиком в запасную сотню Татарского полка⁴¹. В трагические майские дни 1915 года, когда кавалерии пришлось прикрывать отход войск из Польши и Галиции, Шамо (а родные звали Джамшида «Шамиль» или «Шамо») в первых же боях проявил себя отчаянным храбрецом. За дело 27-го мая он был представлен к ордену Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (утвержден 16 февраля 1916 г.), а затем к ордену Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (утвержден 15 апреля 1916 г.). 22-го августа Джамшид был произведен в корнеты⁴². За неизвестный автору подвиг в 1915 году командующий «Дикой» дивизией направил в Георгиевскую Думу 9-й армии представление о награждении юнца Георгиевским оружием, однако оно было отклонено⁴³. 31-го мая 1916 года, во время знаменитого Луцкого прорыва русской армии на Юго-Западном фронте, Татарский конный полк отличился лихой атакой на австрийскую пехоту. Командир князь Федор Бекович-Черкасский был представлен за нее к ордену Св. Георгия 3-й степени. В этой атаке Шамо был тяжело ранен. Командир полка и новый начальник штаба дивизии полковник Половцов вновь представили его к Георгиевскому оружию⁴⁴, *«за то, что в бою 31 мая 1916 г. у дер. Тышковце, командуя разездом в составе 10 всадников названного полка, когда взвод пехоты противника, охватив фланг наступавшей 1-й сотни полка, начал жестоко ее обстреливать, во главе своих людей бросился в атаку и, несмотря на сильный ружейный огонь, первым вринулся в ряды врага, который и был рассеян, а 1-й сотне дана возможность продолжать атаку, причем сам был дважды ранен»*⁴⁵. На этот раз Дума утвердила наградной лист. Наскоро залечив увечье, корнет уже в середине июля вернулся в строй.

Войну Джамшид заканчивал уже штабс-ротмистром и георгиевским кавалером⁴⁶.*

* После перехода власти к Временному правительству появилась новая георгиевская награда, статут которой регламентировался приказом Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова № 534 от 28-го июня 1917 г. *«О порядке награждения офицеров солдатскими георгиевскими крестами и солдат орденом Св. Георгия»*. В РГВИА [Фонд 3530, Опись 1, Дело № 93, *«Приказы Кавказской Конной Дивизии»*, стр. 54] хранится приказ начальника дивизии генерал-лейтенанта князя Багратиона, № 205 от 27-го августа 1917 года, утверждающий постановление Георгиевской Думы от 18-19-го августа 1917 года о награждении солдатскими крестами семи офицеров Татарского конного полка. В этом списке дважды упоминаются и Нахичеванские. Третьим значится поручик Джамшид Хан, со следующим обоснованием: *«Татарского конного полка поручика Хана-Нахичеванского за то, что 29-го июня 1917 года у города Калуша, будучи впереди своей сотни, первый бросился на противника в атаку и обратил его в паническое бегство»*. Седьмым в списке, по-видимому, штаб-ротмистр Искандер Хан, который был переведен в дивизию в августе 1916 года: *«Татарского конного полка штабс-ротмистра Хана-Нахичеванского за то, что 3-го июля 1917 года, будучи послан в вверенной ему сотней на позицию близ деревни Угрюнов-Средний для морального воздействия на панику дрогнувшей пехоты, быстроориентировавшись, влил в расстроенные ряды своей пехоты своих всадников и встретил наступавшего в это время противника дружным и сильным огнем. Австрийцы, не выдержав огня, бежали обратно, позиция была удержана и следовательно, был предотвращен неминуемый прорыв нашего фронта»*.

Судьбы офицеров Кавказской Туземной конной дивизии неразрывно переплелись с судьбой Гусейн Хана, который, как известно, осенью 1914 года возглавил 2-й кавалерийский корпус.

В октябре «Дикая» дивизия прибыла с Кавказа в Винницу, где спешно доформировывалась. Туда же приехал и Гусейн Хан. Вскоре туземцы были двинуты в зону боевых действий — в Лесистые Карпаты. После торжественного шествия через Львов, совершив семидесятиверстный переход по австро-венгерской территории, они 28-го ноября вышли к городу Самбор. Там, перед фронтом наступающей австрийской армии, оперировали всего лишь две кавалерийские дивизии — 10-я и 12-я. Обе уже были известны в войсках своими блестящими действиями в первые месяцы войны. 12-я кавалерийская дивизия генерала Каледина вместе с Туземной дивизией должны были составить 2-й кавалерийский корпус Хана Нахичеванского.

Прибывая в Лутовиско, кавказцы включались в боевую работу дивизии Каледина. Своим поведением всадники шокировали боевого генерала. Офицер штаба 12-й кавалерийской дивизии описывает несколько случаев, произошедших в первые дни совместной стоянки в Лутовиско и Волковье. Так, чеченцы угнали лошадей с местного конезавода и похитили церковную утварь в костеле. Однажды кавказцы захватили в одной из изб скрывавшихся там двух австрийских офицеров и на глазах хозяев зарезали их на полу, как баранов⁴⁷. Население постоянно беспокоило командующего дивизией жалобами. Поэтому когда прибыл Хан Нахичеванский, Каледин вздохнул с облегчением. По словам того же офицера, *«Каледин был доволен, что кавказская туземная дивизия более не подчинялась ему. Отдавая должное ее своеобразным качествам, он тяготился ответственностью за нее. Назначение Хана Нахичеванского начальником конного корпуса было также встречено им с удовлетворением. Хан был спокойный, умный человек. Эти качества заменяют недостаток его тактических познаний»*⁴⁸.

В январе 1915 года австрийцы повели наступление на фронте 2-го кавалерийского корпуса. Маневрируя в гористой местности, русская кавалерия сдерживала давление превосходящего противника. Тем временем командование Юго-Западного фронта готовило военную операцию - левый фланг в Карпатах усиливался

Генерал А. М. Каледин

Всадники Черкесского конного полка Кавказской
Туземной конной дивизии. 1915 г.

вновь образованной 9-й армией генерала Лечипкого, куда в числе многих частей был направлен и 2-й кавалерийский корпус. В начале февраля 12-я и Кавказская Туземная дивизии были двинуты в предгорья, в Калуш, где сразу же развернулись жестокие бои. 15-го числа, на подступах к городу Станиславу, у деревни Брынь Татарский конный полк атаковал в лесу австрийцев, выбил их из окопов и, невзирая на охват своего левого фланга и разрешение начальника дивизии отступить, упорно держался на захваченной позиции, позволил разбить колонну неприятеля, обходящего правый фланг, и обеспечил взятие населенного пункта. За этот подвиг командир полка полковник Половцов, а также подполковник Файзулла Мирза принц Каджар первыми в дивизии были удостоены Георгиевских офицерских крестов 4-й степени. 16-го на глазах у Хана Нахичеванского шрапнелью был тяжело ранен Каледин. Во временное командование 12-й дивизией вступил генерал Кузьмин-Караваяев, которого вскоре сменил генерал Маннергейм.

Корпус атаковали три австрийские дивизии, но подчиненные Гу-сейн Хана не только отразили наступление, но и оттеснили противника. Туземная дивизия первой вошла в город Станислав. Великий князь Михаил Александрович, постоянно находившийся на линии огня, был представлен ханом к ордену Св. Георгия.

Однако подвезенная по железной дороге только что созданная немецко-австрийская объединенная армия навалилась на слабые русские позиции на Днестре, и конницу спешно перебросили туда. Все говорило о том, что скоро начнется крупное наступление против левого фланга русской группировки в Карпатах. По приказу командования 2-й кавалерийский корпус должен был сдерживать противника на линии между Прутом и Днестром до тех пор, пока на Днестре не будут возведены оборонительные укрепления.

Исполняя возложенную на него задачу, корпус пришел в городок Залещики на берегу Днестра, где было два моста, по которым неприятель мог

Генерал П. А. Лечицкий

перейти реку и выйти в тыл XXXIII армейскому корпусу. В последующие дни у этого ключевого пункта развернулся нештучный бой, описанный во многих известных мемуарах, в частности в воспоминаниях Маннергейма и Краснова.

Залещики требовалось оборонять любой ценой. Поэтому Маннергейм с частью 12-й дивизии под огнем тяжелой артиллерии противника форсировал реку и занял оборонительный плацдарм на западном берегу. Место было открытое, и эскадроны несли большие потери. В Залещики в сопровождении Хана Нахичеванского приехал командующий 9-й армией генерал Лечицкий, который придавал этому плацдарму большое значение. При выезде на позицию к северу от населенного пункта, куда оба направлялись для наблюдения за ходом боя, автомобиль накрыла германская артиллерия. Высокие генералы вынуждены были спешно покинуть машину и укрыться в складках местности. Обстрел не прекращался до темноты, и Лечицкий с ханом несколько часов пролежали в канаве, причем Гусейн Хан был контужен⁴⁹. Только через несколько дней, в течение которых корпус значительно потрепали, подошла пехота с артиллерией и сменила конницу.

В конце марта корпус был отведен в Восточную Галицию на отдых. Гусейн Хан, воспользовавшись небольшой передышкой, выехал в Петербург. Поезд, в котором находился наш фигурант, сошел с рельсов. Произошло крушение.

Благодаря счастливой случайности генерал отделался лишь ушибами и сотрясением мозга.

29-го апреля он был в Царском Селе у Николая II. 1-го мая Нахичеванского наградили орденом Белого Орла с мечами¹.

Чрезвычайные обстоятельства вынудили, однако, хана в первых числах мая выехать в действующую армию. 3-го числа началось печально известное в нашей истории наступление германской ударной группы генерала Макензена в Галиции. Удар был направлен в центр 3-й армии, фронт прорван, и корпуса были приведены в расстройство. Превосходство в огневых средствах ударной германской группировки было настолько велико, что отразить наступление было невозможно. Части 3-й армии проявляли большое героísmo и, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки и недостаток ружейных патронов, сдерживали противника, действуя преимущественно холодным оружием. Конница также проявляла самоотверженность и, не обращая внимания на огонь противника, ходила в атаки, облегчая положение пехоты. В книге воспоминаний одного казачьего офицера находим мы следующие строки о тех суровых днях:

«На фронте отступающих частей 3-й армии на линии реки Вислицы подошел конный корпус хана Нахичеванского и на глазах пехотных частей под ураганным огнем германской артиллерии, пулеметов и ружейной стрельбы двинулся в атаку на противника. Вид несущейся в атаку конницы поднял дух не только в частях пехоты, но и раненые поднимались и готовы были с конницей бежать на противника»⁵⁰.

Отступив за Днестр, русские армии оставили врагу Польшу и Галицию. Конницу, благодаря которой удалось избежать катастрофы фронта, отвели на отдых. От моря до моря войска зарылись в окопы. Началась позиционная война.

Локальные бои на берегу Днестра на несколько недель приковали внимание Гусе и н Хана. Только в середине августа он смог выехать в Петербург, где его ждало новое поручение Императора. Временное командование корпусом принял барон Маннергейм.

Генерал Август фон-Макензен

Волею случая Нахичеванскому пришлось стать участником истории, оказавшей огромное влияние на дальнейшую судьбу войны. Речь идет о смещении Великого князя Николая Николаевича-младшего с поста Верховного главнокомандующего русскими армиями.

Устранить Великого князя мечтала супруга Николая II Александра Федоровна. Возбуждал в ней это желание Григорий Распутин... Имея влияние на мужа, с помощью «святого старца» Императрица сумела убедить того возложить на себя обязанности верховного вождя армии. В качестве компенсации Великому князю пришлось отдать в управление Кавказ.

Дабы достойно проводить на пенсию престарелого наместника графа Воронцова-Дашкова, Николай II пожаловал Иллариону Ивановичу орден Св. Георгия 3-й степени. Аналогичная награда предназначалась и победителю турок генералу Юденичу... Для урегулирования последствий столь скоропалительной смены высших чинов, имея официальным поводом вручение пожалованных орденов, в качестве личного посланника Государя в Тифлис был командирован

недавно назначенный генерал-адъютантом Свиты Его Величества Гусейн Хан Нахичеванский¹.

Читая опубликованные ныне документы, принадлежавшие Царской Чете, натыкаешься, то тут, то там, на имя нашего героя. Везде о нем говорится с теплотой... Чувствуется, что Гусейн Хан пользовался доверием Монарха и его супруги. Однако в письмах Императрицы к мужу, где широко обсуждается вопрос о замене Верховного главнокомандующего, нет и намека о принадлежности Нахичеванского к партии противников или приверженцев Великого князя. Нетрудно разглядеть, что Гусейн Хан стоял в стороне от группы, плетущей против Великого князя интригу. Поручение же ехать на Кавказ уладить дела с его переводом на новую должность, по-видимому, носило характер личной просьбы Государя.

Нахичеванский успешно выполнил задание сюзерена. Граф Воронцов-Дашков, давно просивший об отставке, только еще начал «паковать чемоданы», а хан уже мчался назад в Центральную Россию. 12-го сентября он прибыл в Царскую Ставку в Могилев.

О чем говорили между собой Николай II и генерал Нахичеванский, автору неизвестно. Вероятно, речь шла о том, как облегчить Великому князю Николаю Николаевичу-младшему его первые шаги на Кавказе. Еще 23-го августа последний был официально освобожден от обязанностей главно-командующего и выехал в свое имение Першино Тульской губернии, откуда, после короткого отдыха, должен был отправиться к новому месту службы. С ним в добровольную ссылку просились бывший командир Императорского Конвоя князь Трубецкой и начальник корпуса жандармов Джунковский. Однако Великому князю необходимы были люди, хорошо знающие Кавказ, знакомые с кавказским обществом, с полками Кавказской армии. В этом смысле помощь Нахичеванского была бы очень полезна новому наместнику. Поэтому закономерным итогом беседы Монарха с генералом-кавказцем стало

Командир Гвардейского кавалерийского корпуса Гусейн Хан Нахичеванский со своим адъютантом. 1916 г.

командирование кенгерлинца в распоряжение Великого князя. Высочайшее повеление об этом состоялось 13-го сентября 1915 года¹.

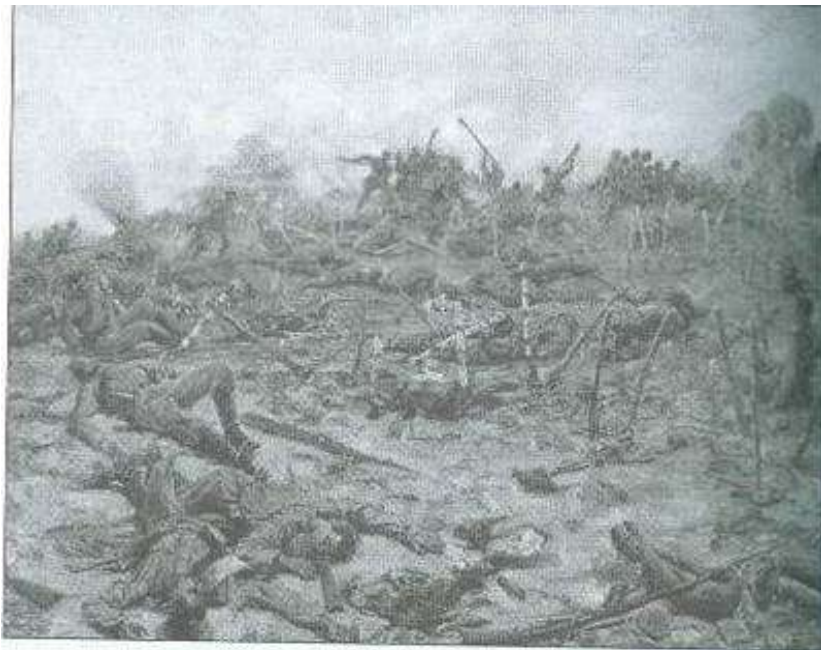
Предполагалось, тем не менее, что хан вскоре вернется к своему корпусу, как только Николай Николаевич встанет твердой ногой в Тифлисе.

О деятельности Гусейн Хана на Кавказе известно мало. Архивных данных практически не сохранилось. Отдельный отголоском звучит сообщение о назначении его членом Георгиевской Думы Кавказского фронта... Несомненно, Великий князь и его неизменный начальник штаба генерал Янушкевич ценили своего добровольного помощника. Недаром по штабам всех фронтов пронеслась сплетня о том, что кавказский наместник планировал назначить Гусейн Хана на место командующего Кавказской армией генерала Юденича, и только взятие Эрзерума в феврале 1916 года якобы спасло последнего от смещения с должности⁵¹. В октябре 1915 года Нахичеванский официально сдал свой 2-й кавалерийский корпус, который вскоре принял бывший начальник «Дикой» дивизии Великий князь Михаил Александрович. 23-го января 1916 года хан, *«за отличия в делах против неприятеля»*, был произведен в генералы -от- кавалерии¹.

Осенью 1915 года Царь начал делать первые шаги по осуществлению своей давней мечты — собрать всю гвардию в одну войсковую группу как свой личный резерв. Предполагалось сформировать два пехотных корпуса и один кавалерийский. Постепенно со всех фронтов гвардейские части выводились из боевой линии и направлялись в район Режица-Двинск. Утверждались начальствующие лица. Вопрос о подборе командующего гвардейской конницей не ставился — Царю хорошо были известны предпочтения своих любимых полков. 6-го апреля 1916 года на эту должность был утвержден Гусейн Хан Нахичеванский. 21-го наш герой прибыл с Кавказа в расположение знакомых с юных лет частей и вступил в командование корпусом.

Гвардейский кавалерийский корпус в те дни представлял собой явление уникальное. Впервые в истории Императорской Армии все существующие полки гвардейской конницы (а их было 13) были сведены в одно воинское формирование. И если 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии входили в один Петербургский военный округ, то Варшавская бригада, которую составляли Лейб-гвардии Гродненский гусарский и Его Величества Уланский полки, квартировала на западной окраине Империи и никогда на поле брани не стояла плечом к плечу со столичными. Вместе с гвардейскими казачьими полками (Лейб-гвардии Атаманским, Казачьим и Сводно-Казачьим) Варшавская бригада образовала 3-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Нововведением также было включение в кавалерийский корпус трех стрелковых полков, а также создание в каждом полку по одному пешему эскадрону для более эффективного ведения боя.

28-го апреля на обширном поле вблизи Люцина хан произвел смотр 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Все полки предстали в блестящем виде⁵². В последующие дни генерал объехал расположения других частей и понял, что за

*«Ужас войны. Дошли!». Атака русской пехоты на германские окопы.
Худ. П. П. Карягин. 1918 г.*

время затишья боевых действий конница практически восстановила довоенный порядок и стойкость. Выполняя установку высшего командования, Нахичеванский начал работу по созданию при каждой кавалерийской дивизии стрелковых пехотных дивизионов в составе четырех пеших эскадронов. Эта акция была продиктована прежде всего позиционным характером войны, при котором конница зачастую вынужденно бездействовала. В штат новых подразделений, кроме собственных кавалерийских офицеров, были прикомандированы более опытные офицеры гвардейской пехоты.

23-го мая на Юго-Западном фронте началось знаменитое Луцкое сражение. Для оказания помощи атакующим частям генерала Брусилова Ставка приняла решение перебросить в район атаки, под Ковель, Гвардейский корпус, который с приданными частями образовал так называемую Особую армию. 12-го июня гвардейская пехота получила приказ грузиться в железнодорожные составы. Прибывая в пункты назначения, она походным порядком выдвигалась на исходные позиции, в 10 километрах от реки Стоход. Вслед за пехотой на Юго-Западный фронт перебрасывалась и кавалерия.

Гвардии была дана установка овладеть деревнями по южному берегу Стохода, форсировать реку и наступать через Кухарский лес на Ковель. Кавалерия

встала за пехотой; офицерам ее был роздан план действий на ближайшие дни. На основе этого плана надлежало осуществить кавалерийский рейд в обход Ковеля после овладения переправами.

15-го июля началась атака пехоты... На открытой и плоской, как ладонь, полосе Суходольских болот россияне попали в артиллерийскую ловушку. Понеся громадные потери, гвардейцы на нескольких участках все же пробились к реке, но закрепиться на плацдармах не смогли. Потери достигли 40 тысяч человек. Переброска под Ковель новых германских частей к 19-му числу окончательно похоронила план овладеть городом. Резервы россиян были исчерпаны. 26-го юго-восточнее Кухарского леса наступление было возобновлено, но вновь безрезультатно. Полки были выбиты огнем противника и откатились на исходные позиции. Некоторые потеряли до 80% своего состава. Кавалерия хана так и не была введена в действие. В связи с провалом операции она оттягивалась в резерв, в район севернее Киверцы⁵². Командующий Особой армией генерал Безобразов за неумелое руководство был смещен со своего поста. На смену ему назначили генерала Гурко.

Имея две дивизии в тылу, одну дивизию, по очереди, Гусейн Хан направлял на позиции по реке Стоход, где кавалеристы занимали окопы поредевших пехотных частей. 28-го августа состоялся приказ о выделении гвардейской кавалерии в резерв Верховного главнокомандующего. Это означало прежде всего прямое подчинение Гусейн Хана Ставке. Все полки встали в районе населенных пунктов Киверцы, Дорогостай, Олыка.

Невзирая на чудовищные потери, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев требовал от гвардии предпринять еще одно наступление на Ковель. 3-го сентября оно началось с атаки деревень Бубнов, Свинюха, Корытница в районе Квадратного леса. Однако и этот удар был парирован неприятелем. Только 3-я гвардейская пехотная дивизия потеряла за день 154 офицера.

9-го утром приехавшие из Луцка офицеры рассказали в штабе Гвардейского кавалерийского корпуса, стоявшего в местечке Осторжец, о том, что слышали они от раненых пехотных офицеров. Эти известия, по словам очевидцев, произвели большое впечатление на Хана Нахичеванского. Тот немедленно на автомобиле отправился в Луцк и далее, чтобы увидеться и переговорить с командованием гвардейской пехоты.

В результате, вернувшись в Осторжец, Гусейн Хан приказал немедленно разослать телефонограммы своим подчиненным частям с предложением каждому полку командировать по четыре офицера для усиления офицерского состава гвардейской пехоты... Благородные сердца офицеров гвардейской кавалерии с радостью откликнулись на призыв своего командира — во многих полках все офицеры вызвались помочь братьям-пехотинцам (!). Недоценивать этот благородный жест нельзя - в силу позиционного характера войны убыль именно в пехотных частях была колоссальной. В большинстве полков офицерский состав

за три года войны сменился несколько раз, кадровых военных уцелели единицы. По существу, вызываясь добровольцами в гвардейскую пехоту в сентябре 1916-го, подчиненные Гусейн Хана шли на верную гибель. Мало кто из них дожил до окончания кампании.

Пехотинцы с благодарностью приняли помощь кавалеристов. Как писал один из офицеров Лейб-гвардии Финляндского полка: *«Нельзя не отметить благороднейшего акта со стороны Гвардейской кавалерии, которая после Ковельских боев, вызвавших громадные потери в офицерском составе гвардейской пехоты, — решила прийти на помощь и командировала по несколько офицеров от каждого кавалерийского полка для пополнения офицерского состава гвардейской пехоты»*⁵³.

На этом Гусейн Хан не успокоился. Он с нарочным отправил в Ставку письмо с просьбой привлечь конницу к участию в боевых операциях, ибо, по его словам, ее тяготило бездействие в то время как родственные ей части гвардейской пехоты несли громадные потери... Вместо ответа 11-го сентября Гвардейский кавалерийский корпус из резерва Ставки был передан в распоряжение командующего Юго-Западным фронтом с правом привлекать его к участию в боевых операциях⁵². Брусилов с радостью принял это распоряжение — Гусейн Хану, как и в июле, было приказано высылать по одной дивизии на позицию на реке Стоход. К концу сентября на фронте оперировало уже две дивизии. Гусейн Хан возглавил южную группу корпусов в составе 5-го конного, Гвардейского кавалерийского и 4-й стрелковой дивизии. Нахичеванскому поставили задачу активно действовать на избранных им участках с целью сближения и захвата наиболее выдвинутых участков позиции противника... Через несколько дней подчиненный хану VIII корпус захватил германский редут.

28-го октября гвардейской кавалерии дали небольшой отдых, и Нахичеванский впервые с начала войны позволил себе попросить у начальства отпуск... Четыре недели Гусейн Хан провел в кругу семьи... Возвращение его на фронт совпало с распоряжением Ставки о выводе корпуса в резерв Верховного главнокомандующего. 24-го декабря подчиненные хану полки передали свои окопы на реке Стоход 1 Туркестанскому корпусу и стали грузиться в эшелоны для переброски в Ровно... В эскадронах ходили слухи, что вскоре вся гвардейская конница будет отправлена в Петроград для наведения порядка в беспокойной столице.

Глава 11

Крушение Империи

первых числах января 1917 года гвардейская кавалерия прибыла на новое место дислокации. Несмотря на жестокие крещенские морозы, обустроиваться не старались — неофициально было известно, что половина войск гвардии, в том числе 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии, будет отправлена в Петроград. Полки получили распоряжение представить расчеты для

погрузки в вагоны.

3-я гвардейская кавалерийская дивизия, которая позже других прибыла в Ровно, сосредоточилась в предместье. 9-го января был получен приказ Лейб-гвардии Его Величества Уланскому полку занять эшелоны для следования в столицу. Гродненские гусары и гвардейские казаки в ожидании своей очереди, подтянув коноводов и обозы, разместились в самом городе¹. Однако 10-го погрузка была временно приостановлена, а через неделю и вовсе отменена. Полки были разведены по окрестным деревням².

Личный состав корпуса был разочарован. По мнению офицеров, задержка отправки верных частей в столицу была следствием связи некоторых генералов Ставки и штаба Северного фронта с общественно-революционными кругами. Будто бы некоторые лица ждали от переворота примен для себя лично... Никто в гвардейских полках не сомневался, что волны накатывающей революции неминуемо разбьются бы о царившие в то время в гвардии верность долгу, дух и дисциплину.

Официальная мотивировка командования относительно отмены переброски в Петроград гласила, что казармы столичных частей были за-тты запасными и ополченскими подразделениями, переместить кото-ые никуда не представлялось возможным.

Таким образом, верная Монарху гвардейская конница в самый тя-елый для него момент осталась в глухом, далеком от берегов Невы краю, "лученная и от внутриполитических событий, и от войсковых операций, она прозябала в заснеженных лесах Белой Руси. О ней никто не ботился, на просьбы о довольстве не откликался.

Недовольный положением своего корпуса, Гусейн Хан выехал в Царское Село. 28-го января он говорил с Императором.

Тогда еще ничто в столице не предвещало катастрофических перемен, и Государь не предпринял никаких шагов. В этот день он потерял последнюю возможность повернуть колесо истории в обратную сторону. После аудиенции Нахичеванский возвратился в Ровно. Единственным следствием встречи с Верховным главнокомандующим явился приказ о передаче Гвардейского кавалерийского корпуса из резерва Ставки в резерв Особой армии Юго-Западного фронта. Снабжение частей стало заметно лучше... В повседневных заботах пролетел февраль.

23-го февраля Николай II отправился из Петербурга в Ставку, по пути захвав в Псков. Немедленно за этим в столице вспыхнули беспорядки. Были разгромлены арсенал, несколько полицейских участков и оружейных магазинов. В последующие дни смута разрослась. В Думе произносили антимонархические речи.

Тогда-то Царская Чета и осознала настоятельную необходимость иметь в Петрограде верные части. 26-го февраля, несмотря на отрицательное мнение командующего Особой армией генерала Гурко, увидел свет приказ 1-й и 3-й гвардейским кавалерийским дивизиям быть готовыми к переходу в Ровно для загрузки в железнодорожные составы. Для этого эскадроны и сотни были переведены в полную готовность к выступлению, обоз загружен¹.

Однако утром 27-го последовало распоряжение об отмене этого предписания².

В своем письме супруге, датированном 27-м февраля (19.06 часов) Николай II сообщил ей о том, что Лейб-гвардии Конный полк получил приказ выступить из Новгорода в Петербург³. Но и на этот раз воля Царя исполнена не была — гвардейская кавалерия стараниями высших штабов осталась на месте.

Тем временем буря на берегах Невы разрасталась. Беспорядки в столице достигли апогея. Толпа громила магазины, убивала чинов полицейского ведомства. Государственная Дума образовала Временный комитет

Генерал В. И. Гурко. 1916 г.

под председательством Родзянко. Последний был на постоянной связи с командующим Северным фронтом генералом Рузским.

2-го марта утром Рузский пришел на доклад к Николаю II, который в этот день находился в штабе фронта в Пскове, и прочел стенограмму своего телефонного разговора с Родзянко. По его словам, Дума перед лицом народного бунта была бессильна. Ей было необходимо отречение Императора.

Не имея душевных сил проявить твердую Монаршую Волю, Николай II распорядился запросить на этот счет мнения своего начальника штаба и командующих фронтами. К 14 ч. 30 мин. 2-го марта пришли ответы от всех: генералы Алексеев, Рузский, Эверт, Брусилов и Великий князь Николай Николаевич-младший, хотя и коленопреклоненно, просили Императора «во

Генерал Н. В. Рузский

имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии» подчиниться требованиям, озвученным Родзянко.

Сломленный предательством ближайших сподвижников, Николай II тут же подписал переданный из Ставки Манифест об отречении от Престола за себя и своего сына в пользу младшего брата — Великого князя Михаила Александровича. Ночью того же 2-го марта сложивший с себя Корону, морально убитый человек уехал из Пскова. Самому близкому другу - жене - он написал: «Кругом измена, и трусость, и обман!»⁴.

В своем «медвежьем углу» гвардейская кавалерия оставалась в неведении о происходивших глобальных событиях. Парадокс: клочки информации черпались от неприятельских радиостанций. Рано утром в штабах дивизий и корпуса при свете зажженных свеч читали сообщения германского радио. После сухого перечня сводок с полей сражений немцы обычно давали мировые новости². Именно таким образом Гусейн Хану и всему корпусу 3-го марта и стало известно о Манифесте Императора.

Известие всех шокировало... Гусейн Хан направил в штаб Северного фронта, где, к слову сказать, Николая II уже не было, телеграмму следующего содержания: «До нас дошли сведения о крупных событиях точка Прошу Вас повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность Гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха точка 3-го марта 14 часов 45 минут Хан Нахичеванский». Генерал Рузский препроводил телеграмму в Ставку

Верховного главнокомандующего, а в 1.00 4-го марта генерал Данилов положил ее на стол начальника штаба Алексеева для доклада отрекшемуся Монарху⁵.

Утром 4-го марта Гусейн Хан вызвал к себе в штаб командиров частей. Офицеры единогласно поддержали решение своего вождя предложить Государю немедленную помощь. Это было воспринято во всем корпусе с глубоким удовлетворением. В добровольное отречение никто не верил².

Началась активная подготовка к выступлению. Настрой всех чинов был самый решительный. Вновь были составлены расчеты на эшелоны, каждый час ждали приказ¹.

Однако 4-го числа никакого ответа на телеграмму Гусейн Хана не последовало. Не получен он был и 5-го, и 6-го. Только через несколько дней, когда стало известно уже и об отречении Великого князя Михаила Александровича, в штаб корпуса пришла телеграмма от бывшего Монарха: *«Никогда не сомневался в чувствах гвардейской кавалерии. Прошу подчиниться временному правительству. Николай»*.

Вот тогда-то и наступило полное разочарование и упадок душевных сил. В лучших полках Императорской Армии воцарилось всеобщее подавленное настроение. Как повествуют участники событий, на глазах многих офицеров и солдат стояли слезы.

В марте 1917 года закончилось трехнедельное

царствование в России Дома Романовых. Лучшие фамилии, служившие Династии верно на протяжении жизни многих поколений, остались теперь без своего знамени, без цели своего существования, предоставленными сами себе. Среди таких семей были и Нахичеванские.

11-го марта была назначена присяга Временному правительству. Представителей его никто не знал и им не верил. Тот ритуал присяги, к которому ежегодно, в течение двухсот двадцати пяти лет, готовилась каждая новая поросль русских воинов, был заменен формальным, по сути пустым обещанием и уже опошленными на митингах словами. Военные люди, привыкшие к беспрекословному выполнению приказов вышестоящих начальников, противясь

Николай II в том самом поезде, где был подписан Манифест о добровольном отречении от Престола.

душой, вышли на построение. Мероприятие прошло как простое отбывание номера.

На следующий день стало известно о том, что начальник штаба Гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор Винекен, не выдержав позора лжеприсяги, застрелился*.

25-е марта было полковым праздником Конной Гвардии. Родная часть Гусейн Хана отмечала его в деревне Новостанцы. Естественно, присутствовал на нем и сам командир корпуса. В полковой хронике событие нарисовано несколькими мазками:

«По традиции был отслужен молебен и парад в пешем строю принимал приехавший генерал-адъютант Хан-Нахичеванский. Но тяжело и тревожно было на сердце у офицеров. Праздник был уже не праздник... За полковым завтраком, на котором не было никаких спиртных напитков, поднимая традиционный тост «за полк» Хан-Нахичеванский, закаленный воин, прослуживший более 25 лет в Конной Гвардии, заплакал...»⁷.

После опубликования одиозного Приказа № 1 бациллы «революционных идей» стали проникать и в элитные полки. Части стали быстро разлагаться и в течение нескольких месяцев совершенно утратили былой дух. Офицеры, так же как и их коллеги в армейских полках, испытали на себе ужас преследований и солдатского террора. Интересный случай приводит сын офицера Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Зураб Чавчавадзе: *«Во время Императорской войны мой отец Михаил был молодым корнетом конно-гренадерского гвардейского полка. Когда в их гвардейском полку солдаты, подстрекаемые большевиками-агитаторами, начали резать офицеров, моего отца спас хан Нахичеванский, мусульманин. Он дал задание корнету Чавчавадзе отбыть в Тифлис — якобы для передачи пакета моему деду. Когда дед вскрыл конверт, там было письмо, в котором командующий приказывал моему отцу не возвращаться в полк»⁸.*

* По версии генерала Епанчина, высказанной им на страницах автобиографической книги, барон Винекен застрелился не на следующий день после присяги Временному правительству (12-го марта), о чем свидетельствуют документы, а 3-го марта, в момент получения известия об отречении Императора. Авторство знаменитой телеграммы Николаю II Епанчин приписывает Винекену, и, якобы, после того как хан послания *«не одобрил»*, начальник штаба так расстроился, что *«ушел в свою комнату и застрелился»⁶*. По этому поводу нужно сказать следующее. Епанчин, активно сотрудничавший до конца своих дней с РОВС, часто общался с А. И. Деникиным и Н. Н. Головиным, у которых никогда не было и тени сомнений в том, что автором телеграммы был Гусейн Хан Нахичеванский. Возникает естественное недоумение, почему, весьма щепетильный в вопросах этики, Епанчин не объяснился по этому поводу с ними. Ведь, как известно, он широко пользовался при написании своих воспоминаний материалами их архивов. Однако Епанчин предпочел поручить озвучить этот навет своему внуку, много позже смерти всех очевидцев тех трагических для России дней.

Не желая служить Временному правительству, Гусейн Хан 30-го марта выехал в Петербург. В корпус? он уже не вернулся. Военный министр Временного правительства А. И. Гучков провел чистку генералов, известных своими монархическими убеждениями. Были сме-шены со своих должностей около 60% высших военачальников, в том числе шесть главнокомандующих фронтами и армиями, пять начальников штабов фронтов и армий, а также 35 командиров корпусов. 11-го апреля, в числе нескольких неблагонадежных военачальников, был отчислен от командования и уволен в отставку и Гусейн Хан Нахичеванский⁹.

Так закончилась военная карьера самого высокопоставленного представителя семьи Нахичеванских. Она оборвётся, можно сказать, на взлете. В 1916-1917 годах хан командовал не просто военной частью, а формированием из самых преданных Императору лиц. Война уничтожила два поколения лучших русских людей, и те немногие, что волею судеб остались живы, в наибольшем числе оказались под крылом Гусейн Хана в гвардейской кавалерии. Генерал Нахичеванский, которого, наверно, нельзя назвать выдающимся полководцем Великой войны, остался в истории как вождь тех последних, кто был опорой Империи и Династии. Гусейн Хан и командир 3-го кавалерийского корпуса граф Келлер стали единственными из высших генералов Императорской России, кто предлагал *«себя и свои войска в распоряжение Государя для подавления «мятежа»*¹⁰. Нахичеванский и не мог поступить иначе. Как и все мусульмане Кавказа, он был сторонником монархии, предпочитал верить политику властному лицу, которому воздавал почитание и благодарность за отеческую заботу, за спокойствие, силу и славу, достигаемые под его знаменами, и которое он не мог предать. Этот благородный поступок остался в истории, и память о нем сохранили современные потомки Царской Семьи, которые часто вспоминают верного династии генерала-мусульманина в своих публичных выступлениях¹¹. Не забывает о Гусейн Хане и Русская Православная Церковь Зарубежом.

Инициаторы чистки армии от «неблагонадежных» кадров - военный министр Временного правительства А. И. Гучков и Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов. 1917 г.

Разбросанных по всем фронтам Ханов Нахичеванских закружил зло-вещий вихрь развала армии. Части охватили хаос беззакония. Там, где дисциплина была совсем слаба, солдаты убивали своих офицеров. В других, более зрелых полках образованные по приказу Временного правительства Комитеты смещали с командных должностей наиболее строгих офицеров. Разложение затронуло даже самые славные подразделения Императорской Армии.

Такое положение вещей не могло, естественно, устраивать наших героев. Как и все кадровое офицерство, они ждали, что Ставка потребует от правительства наведения порядка. И когда Верховным главнокомандующим 20-го июля 1917 года был назначен герой войны генерал Корнилов, все патриоты России с надеждой подняли головы.

Ежедневно в Могилев приходили сотни телеграмм от офицерских коллективов с горячей просьбой, почти мольбой, навести порядок в войсках. В некоторых полках состоялись тайные собрания офицеров, и в Ставку были командированы самые достойные с целью получить от Корнилова инструкции к действию на местах или просто предложить себя в качестве добровольных помощников.

Среди тех, кто в августе 1917 года прибыл к Лавру Георгиевичу в Могилев, был и представитель семьи Нахичеванских. Штабс-ротмистр Эх-сан Хан вместе с полковником Домонтовичем 1-м, штабс-ротмистрами Алексеевым, Линицким, Фермором и поручиками Мухановым и Головиным был командирован в Ставку от Лейб-гвардии Его Величества Уланского полка. Корнилов с благодарностью принял помощь лейб-улан. Эхсан Хан был послан им с письмом на Дон к генералу Каледину. Преодолев кишаший опасностями путь, с трудом избежав солдатского самосуда, хан вскоре прибыл в Новочеркасск и доставил послание адресату¹².

Генерал Корнилов предвидел разрыв с Временным правительством и подтягивал под свое крыло верные части. Список последних был очень краток, разложилась даже блестящая гвардейская кавалерия. Сохранили некоторый порядок единичные первоочередные казачьи полки. Среди хаоса и солдатского беспредела, полной анархии и отсутствия элементарной дисциплины не потеряли своего боевого значения лишь Кавказская Туземная конная дивизия и Текинский

Генерал граф Ф. А. Келлер

Атака Текинского конного полка на австрийскую пехоту.
Худ. В. В. Мазуровский. Около 1916-1917 гг.

конный полк. На эти мусульманские формирования и сделал ставку Лавр Георгиевич.

Текинский конный полк был выбран Верховным главнокомандующим для охраны своей резиденции в Могилеве. По своей службе в Туркестане Корнилов знал высокие моральные и боевые качества текинцев, говорил на их языке. Прибыв в Ставку, туркменские джигиты навели страх на местный Совет и встали в Могилеве твердой ногой.

«Дикая» дивизия, незадолго до этих событий получившая разрешение на переформирование в корпус (поступило распоряжение о придании ей 1-го Дагестанского и Осетинского конных полков) была направлена в район станции Дно, откуда рукой было подать до столицы. В строю кавказских сотен находилось сразу несколько Ханов Нахичеванских.

Противоречия между Корниловым и Керенским усугублялись и росли с каждой неделей. Начальник Туземного корпуса князь Багратион и начальник 1-й дивизии князь Гагарин были вызваны в Ставку и проинструктированы на предмет возможного похода на Петроград. 26-го августа Кавказский Туземный и 3-й конный корпуса получили приказ грузиться в эшелоны для следования в столицу. Этот шаг означал начало «контрреволюционного» мятежа.

Невзирая на то что психологически полки не были готовы к военным действиям против своих же русских частей, верных Временному правительству, настроение большинства джигитов и офицеров было решительное. Они ранее уже отказались присягнуть Временному правительству, и

присяга была заменена обещанием верности службы. Идеи революции были совершенно чужды всадникам-мусульманам и воспринимались ими как нечто враждебное и грозящее бедами. В сотнях прозвучало несколько наивных и трогательных обращений к корпусному начальству освободить свергнутого русскими Царя и забрать его с собой на Кавказ.

В 4-й сотне Кабардинского полка возникла идея сделать Российским Императором Великого князя Михаила Александровича. Дал повод к этому оригинальному предложению командир сотни Керим Хан Эриванский. Читатель должен помнить, что он был доверенным лицом Великого князя. Как вспоминал офицер 4-й сотни, *«...во время похода на Петроград мне пришлось наблюдать в нашей сотне зарождение увлекавшей всех мысли: «Придем в Петроград — прямо в Царское Село, к Великому князю Михаилу — на престол сажать!»* Нужно пояснить, что командир нашей 4-й сотни хан Эриванский был в личных дружеских отношениях с Великим Князем, и это было известно всем в полку. Человек же он был решительный, и потому осуществимость этой идеи никому не казалась невозможной»¹³.

Генерал Л. Г. Корнилов

К сожалению, движение на Петроград Туземного корпуса сорвалось. Шедшая во главе 3-я бригада, под командованием князя Гагарина, у станции Вырица наткнулась на разобранный путь. Черкесы и ингуши вышли из вагонов и направились походным порядком на Павловск и Царское Село. Между этими пунктами их остановил ружейный огонь... князь Гагарин не мог идти дальше, так как попал в мешок. Надо было подтянуть другие полки и начать движение 3-го конного корпуса на Лугу и Гатчину. Однако князь Багратион растерялся и не рискнул выгрузить кабардинцев, чеченцев, дагестанцев и азербайджанцев из эшелонов и идти к Вырице походом. 3-й же корпус вообще безнадежно отстал.

Вскоре Корнилов был арестован и заключен в тюрьму города Быхова.

Для примирения с Керенским в Петроград были посланы делегации от всех полков «Дикого» корпуса, кроме Татарского. Последний отказался отправить к Временному правительству делегатов на том основании, что никакой вины за собой не признавал¹⁴. Все-таки устное соглашение с Временным правительством состоялось. За обещание не покушаться более на новую власть кавказцы получили право возвратиться на родину, что для уставших за два с половиной года войны джигитов было манной небесной.

Делегация от Кавказского Туземного конного корпуса, прибывшая в Петроград для примирения с Временным правительством. Фото 31 августа 1917 г. у здания Соборной мечети.

16-го сентября Туземный корпус в эшелонах двинулся из Петрограда на юг. По прибытии на Кавказ штаб его разместился во Владикавказе, а полки - в районах своего формирования: Черкесский полк - в Кубанской области, Кабардинский — в Нальчике, Ингушский - в аулах близ Владикавказа, Чеченский — по берегам Сунжи, Дагестанский – в Темир-Хан-Шуре, Татарский — в Елизаветполе. В условиях безвластия, прекращения снабжения довольствием, отсутствия определенных занятий части стали медленно, но верно разлагаться. Офицеры, особенно некавказцы, стали разъезжаться. Всадники чеченцы и ингуши принялись за свое излюбленное занятие — грабеж. Дагестанцы и азербайджанцы включились в вооруженную борьбу с прибывающими с Турецкого фронта и из Персии пехотными частями, развращенными идеями революции.

Постепенно представители семьи Нахичеванских возвращались на Родину. Еще в 1917 году прибыли в Нахичевань офицеры Лейб-гвардии Его Величества Уланского полка Келб-Али Хан и Эхсан Хан, а также штабс-ротмистр Нижегородского драгунского полка Мурад Хан.

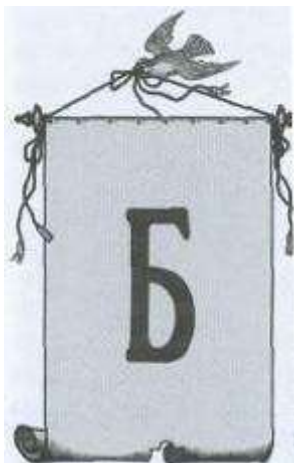
В марте 1918 года начальник 1-й дивизии самораспустившегося Туземного корпуса генерал-майор Файзулла Мирза принц Каджар решил пробираться с Северного Кавказа домой. Он и еще несколько человек, в числе которых были ротмистр Кабардинского конного полка Керим Хан Эриванский, штабс-ротмистр Чеченского конного полка Искандер Хан Нахичеванский и побратим последнего присяжный поверенный Мамед Хан Текинский, двинулись в Грузию по тропе через единственно доступный в то время года горный перевал у селения Бежита. Однако первая попытка не удалась — группа была обстреляна засадой горцев-разбойников. Лишь вторая попытка благополучно увенчалась успехом¹³.

Кроме находившихся в Петрограде генерал-адъютанта Гусейн Хана и его семьи, а также продолжавшего службу в Татарском конном полку штабс-ротмистра Джамшид Хана, все, включая 58-летнего корнета Рагим Хана, его брата Джафар-Кули и других ханов, собрались в стенах кенгерлинской обители. Перед приходом тяжелых жизненных невзгод судьба подарила нашим героям еще несколько месяцев жизни у родовых очагов.

Великая смута, вопреки их желанию, навсегда освободила Ханов Нахичеванских от Царской Присяги. Эпопея верной службы семьи династии Романовых и России закончилась.

Глава 12

Судьба семьи

еспощадный молюх революционном анархии поглотил Нахичеванских совсем скоро. Первым под пулями мерзавцев пал Гусейн Хан. В мае 1918 года он был арестован Петроградским ЧК. По некоторым данным, хан был связан с нелегальными офицерскими организациями, однако для расправы большевикам было достаточно и Свитских вензелей. Гусейн Хан содержался в различных петроградских тюрьмах.

Одним из последних, кто видел прославленного генерала живым, был Князь Императорской Крови Гавриил Константинович - офицер гвардейской кавалерии, сидевший вместе со своим бывшим командиром в Петропавловской крепости, в Доме предварительного заключения. Это было в сентябре 1918 года¹. Больше хан на свободу не вышел. Место и точная дата его расстрела неизвестны. Жак Ферран, опиравшийся в своих публикациях на сведения эмигрантов, датирует кончину Гусейн Хана январем 1919 года². Супруга хана — княгиня Софья Николаевна с дочерью княжной Татьяной бежали во Францию, а сын Георгий Хан пробрался в Крым, где бывший подчиненный его отца барон Петр Николаевич Врангель поднимал бежавшие с Кавказа белые части на борьбу с большевиками. Там Георгий в чине корнета воевал в составе 7-го кавалерийского полка, вплоть до поражения белых в 1920 году. Эвакуирован Нахичеванский был на корабле «Аю-Даг»³.

Анархия и беспредел вынудили Нахичеванских в Закавказье также взять в руки оружие, но их враг был иной масти. 17-го января 1918 года в Нахичевани начались вооруженные армяно-азербайджанские столкновения, и кенгерлинцы не могли остаться безучастными наблюдателями происходивших событий. В отсутствие какой-либо реальной власти лишь они, в силу своего огромного

авторитета, могли поддерживать подобие порядка в уезде. Сначала их деятельность сводилась лишь к попыткам затушить огонь конфликта, смирить воинствующие толпы дикого населения. В конце концов это удалось сделать. Особо избранные делегаты от обеих враждующих сторон совместно разъезжали по Нахичеванскому краю и извещали обывателей о заключении мира. Однако перемирию помешала явившаяся из Зангезурского уезда армянская дружина Андраника, которая начала вырезать азербайджанцев в Джульфе и соседних селениях. Война вспыхнула с новой силой. Нахичеванским пришлось возглавить отряды единоплеменников. Более 1000 вооруженных до зубов, прошедших фронт армянских дружинников угрожали захватом Нахичевани, но были отбиты вооруженными горожанами и отошли*.

Перед лицом нависшей опасности наши герои удесятирили свои усилия. Как и в тяжелое время резни 1905 года, бремя национального лидера взвалил на себя Джафар-Кули Хан. На общем народном сходе был образован Нахичеванский Национальный Совет, и отставной ротмистр был провозглашен его председателем. Его добровольными помощниками стали старший сын Келб-Али Хан и приехавший из Эривани Керим Хан Эриванский. В последних числах мая 1918 года последний во главе делегации жителей Нахичеванского и Шаруро-Даралагезского уездов был направлен к турецкому командованию с просьбой помочь отбить дружину Андраника. 4-го июня части 9-й и 11-й турецких дивизий вошли в Нахичевань. Армяне ретировались в Зангезур**.

Той весной 1918 года в Гяндже (бывший Елизаветполь) было создано Учредительное собрание будущей Азербайджанской республики — первый росток новой власти, пробивающийся на руинах разрушенной Империи. Татарский конный полк — единственная организованная азербайджанская военная часть — вместе с так называемой «Зеленой гвардией», состоящей из добровольцев — студентов и интеллигенции, отчаянно отбивал большевистские отряды, нахлынувшие по железной дороге из захваченного ими Баку. Штабс-ротмистр Джамшид Хан Нахичеванский был в строю своей сотни.

В мае 1918 года Азербайджан, Грузия, а затем и Армения провозгласили свои национальные государства.

С этого момента в Гяндже началось формирование новых национальных воинских частей, главным образом конных. Естественно, на клич республиканс-

* С началом войны на Турецком фронте в октябре 1914 года царское правительство разрешило сформировать несколько армянских дружин. К середине 1916 года их число достигло семи, при одной запасной. Численность каждой дружины была более 1000 хорошо вооруженных людей. С развалом фронта в 1917 году дружины двинулись в Закавказье, уничтожая на своем пути все мусульманское население.

** В соответствии с 4-м пунктом Брест-Литовского мирного договора турки временно оккупировали территории, освобождаемые уходящими русскими войсками. Вскоре между Азербайджанской республикой и Турцией был заключен договор о мире и дружбе.

ких лидеров стали съезжаться в город бывшие офицеры Императорской Армии — не только азербайджанцы, но и русские, грузины, поляки. Были среди явившихся в Гянджу и Ханы Нахичеванские.

В конце июня 1918 года объединенные турецко-азербайджанские силы потеснили большевиков и по линии железной дороги вплотную приблизились к Баку. 15-го сентября, после ожесточенного боя, город был взят.

Военный министр
Азербайджанской республики
Самед Бек Мехмандаров. 1919 г.

Принявший пост военного министра выдающийся военачальник Императорской Армии генерал Самед Бек Мехмандаров при деятельной помощи своего заместителя, «Бога артиллерии» генерала Шихлинского, засучив рукава взялся за организацию Азербайджанской армии. За основу были приняты русские уставы и штаты. В Агдаме вскоре появилось первое детище Мехмандарова — 1-я пехотная дивизия с арт. бригадой. В Гяндже заработало военное училище, открылись курсы для унтер-офицеров и саперная школа. Славный Татарский конный полк развернулся в два: 1-й Татарский и 2-й Карабахский. Джемшид Хан Нахичеванский в чине ротмистра занял должность помощника командира 1-го Татарского полка по строевой части⁴.

В Нахичевани тем временем происходили значительные события. В силу Мудросского договора от 10-го ноября 1918 года начался вывод турецких войск. Это грозило краю вторжением войск соседней Армении. Судьбы Закавказья в те месяцы решались в Стамбуле и Лондоне, и для сохранения края от посягательств враждебной нации необходимо было устранить хотя бы формальную юридическую зависимость от Эривани. Нахичеванская верхушка, при особенно деятельном участии Рагим Хана, Камран Хана и Келб-Али Хана Нахичеванских, приняла решение об упразднении Нахичеванского и Шаруро-Даралагезского уездов и создании на их территории независимого государства - Аракишской республики. Это произошло в последних числах ноября 1918 года.

Вновь образованное правительство возглавил некий Амир Бек. В его состав вошли главным образом члены Национального Совета, в том числе Джафар-Кули Хан и Келб-Али Хан. Последний, естественно, получил поручение организовать военные отряды, к чему и приступил немедленно.

Таким образом, впервые со времен февральской революции 1917 и Нахичевани появился орган официальной власти. Анархия закончилась.

В январе 1919 года с территории Армянской республики на Нахичевань было предпринято наступление. Войска шли с артиллерией и пулеметами. Амир Бек растерялся. Когда армяне приблизились к селению Камарлы, Нахичевань охватила паника. Однако Джафар-Кули Хан моментально сформировал дружину из 400 жителей, поспешил на помощь камарлинцам и наголову разбил неприятеля. К «Волчьим воротам» - проходу между хребтами Дахна и Вели-Даг - был направлен отряд в 1000 человек во главе с бывшим офицером Императорской Армии Хамзаевым. Дашнаки и там были остановлены. Но армяне совершили хитрый маневр — создав видимость ухода, они выманили нахичеванцев на равнину, а затем обрушились на них. Подчиненные Хамзаева были рассеяны и в беспорядке бежали. Население окрестных селений, опасаясь за свою жизнь, бежало в горы.

Положение спасли Керим Хан и Келб-Али Хан. Их воинское соединение, насчитывавшее более 1000 человек, имело две пушки, ранее от-Вй I ые на станции Джульфа у одного из военных эшелонов. К моменту Выступления их отряда из Нахичевани противник продвинулся до селения Зейва. Там и произошло сражение. Армяне потерпели сокрушительное поражение и в панике бежали. Впоследствии выяснилось, что они приняли нахичеванцев за регулярную турецкую пехоту. Преследование армян продолжалось до селения Яйджи, где оно было остановлено по требованию начальника английской гражданско-политической миссии. Затем англичане содействовали заключению перемирия⁵.

В связи со своей несостоятельностью, ярко проявившейся в момент нападения дашнаков, покинул пост председателя правительства Араксинской республики Амир Бек. Его заменил Джафар-Кули Хан. Должность комиссара по внешним сношениям занял бывший мировой судья надворный советник Баграм Хан Нахичеванский. Келб-Али Хан и Керим Хан остались на своих постах. Все переговоры с Арменией вел находящийся в Эривани присяжный поверенный Мамед Хан Текинский — пасынок Рагим Хана Нахичеванского. Текинский спустя некоторое время был официально утвержден дипломатическим представителем Азербайджанской республики в Армении, являясь товарищем (заместителем) министра иностранных дел⁶.

Сразу же после заключения перемирия побитые армяне обратились к командованию английского экспедиционного корпуса в Закавказье, пришедшего на смену туркам, с просьбой занять Нахичевань своими войсками. Вскоре, с согласия правительства Араксинской республики, в качестве гаранта территориальной целостности и до решения мирной конференцией разграничительных вопросов в

крае было введено английское генерал-губернаторство. Почти одновременно с этим, 22-го февраля 1919 года, в Нахичевань прибыла делегация Азербайджанской республики. В резиденции Джафар-Кули Хана начались бурные консультации на предмет присоединения Араксинской республики к Азербайджанской. Позиция английского командования, определенно склонявшегося к передаче края Армении, заставила Джафар-Кули Хана и его соратников 25-го февраля подписать Акт о добровольном присоединении Нахичевани к Азербайджанской республике. Несколько азербайджанских офицеров, бывших в делегации, немедленно приступили к переформированию местных отрядов по штатам Императорской Армии, принятым у Мехмандарова. В ознаменование полного единения братских республик многие отличившиеся в январских боях нахичеванцы были произведены в офицерские чины Азербайджанской армии. Среди них были представители семей Бананиярских, Ка-лантаровых, Ризаевых и др. В прапорщики армейской пехоты были также произведены Фетх-Али Хан Нахичеванский, гимназист 5-го класса Давуд Хан Нахичеванский, Гусейн Хан Эриванский, Аллахьяр Хан Эриванский, Кахраман Бек Кенгерлинский, Адиль Бек Кенгер-линский; в прапорщики милиции — Сулейман Ага Кенгерлинский⁷. Келб-Али Хан получил чин полковника.

14-го мая в Нахичевань прибыли английский бригадный генерал Деви, командовавший частями британского экспедиционного корпуса по линии Джульфа-Ольты, с премьер-министром Армении Г. Хати-совым и его свитой. В тот же день Хатисов вернулся в Эривань, оставив в Нахичевани гражданского генерал-губернатора Варшамяна. Офицерам Азербайджанской армии был предъявлен ультиматум о выезде из края в течение недели.

Нахичеванский Национальный Совет немедленно подал протест главе английской миссии и правительству Армении. Азербайджанская республика, в свою очередь, обратилась с официальным заявлением к державам Согласия.

Тем не менее, в июне армянские войска распространялись уже по всему краю. Начались аресты влиятельных азербайджанцев — участников прошедших боев с Арменией. Многих увозили в Эривань. Повсеместно армянские солдаты практиковали жестокое обращение с мусульманским населением. На жалобы армянский генерал-губернатор Шелковников не реагировал.

В нескольких местах, занятых дашнакскими войсками, начались волнения. Власть Армении населением не признавалась. Из селения Шахтахты был насильно удален армянский комиссар. Правительство Армянской республики спешно наращивало контингент. Предвидя развязку, вожди нахичеванцев также не бездействовали. Бывшие под начальством Келб-Али Хана ополченцы, побившие армян в январе, ждали только сигнала к сбору. Их было около 6 тысяч человек, в том числе кавалерия; в тайном месте хранились 2 пушки и пулеметы. Ма-мед Хан Текинский запросил у Азербайджанского правительства средств для содержания отряда. Как впоследствии говорили английские офицеры,

ополчение Келб-Али Хана в боевой выучке ничем не уступало регулярным войскам Армении.

4-го июля у азербайджанского селения Бююк-Веди произошло столкновение местных жителей с дашнакским отрядом, следовавшим к Нахичевани. Было убито более двухсот армянских солдат; азербайджанцы овладели неприятельскими пулеметами и обозом.

После этого инцидента обстановка в Нахичевани накалилась до предела и в последних числах августа вылилась в кровавое столкновение.

Вспышку инициировал очередной арест в Нахичевани уважаемого человека — некоего азербайджанца Лутфи, родственники которого вступились за него. Завязалась потасовка, армянский караул был разоружен. Немедленно по всему городу противоборствующие стороны заняли позиции. Загремела стрельба.

От имени мусульман полковник Келб-Али Хан Нахичеванский явился к представителю английского командования с предложением заставить армян прекратить стрельбу. Азербайджанцы пока огонь не открывали. В ответ на это англичане заявили, что считают мусульман бунтовщиками и требуют разоружения и выдачи виновных... Оставаясь до конца последовательным, хан просил британцев выдать ему официальную бумагу о том, что ликвидировать спор мирным путем их командование отказывается... В те минуты, когда шли переговоры, армяне продолжали стрельбу.

После этого Келб-Али Хан отдал своему отряду официальное распоряжение начать боевые действия.

Двое суток по городу шли бои. Хан, лично возглавлявший соплеменников в атаках, был трижды ранен в первое же утро. Через два дня занимаемые армянами казармы, в трех километрах от города, были взяты штыковым ударом. Солдаты Шелковникова, понеся большие потери, бежали. С ними и англичане. Добычей азербайджанцев стали две пушки, восемь пулеметов, бронированный поезд и состав с продовольствием⁸. 800 армянских солдат и офицеров были взяты в плен. Их кормили, а раненых лечили⁹.

Нахичевань свою независимость отстояла. В крае установилось недолгое спокойствие.

После изгнания армян народного любимца Келб-Али Хана возвели на пьедестал народного героя. Его авторитет в крае поднялся на необозримую высоту. Молодого человека стали сравнивать со знаменитым прадедом. О нем заговорили в каждой нахичеванской чайхане. На каждом застолье в его честь произносили тосты. Расположения хана стали искать министры Азербайджанской республики. Турки наградили 28-летнего полковника своим высшим военным орденом.

А он, оправдывая выданные авансы, продолжал отбивать нападения армян и стал брать на себя смелость вмешиваться в политическую жизнь края. Являясь до мозга костей русским офицером и монархистом, он не скрывал своего скептического отношения ко всему тому новому, что появилось после распада Великой Империи. С определенного момента Келб-Али Хан вызывающе игнорировал распоряжения присланного из Баку генерал-губернатора Джамилинекого. Асам, имея неограниченную неформальную власть, делал в крае все, что хотел. Даже не советуясь с Джамилинским, он проводил торговые операции с Персией, двигал военные отряды по своим маршрутам, высылал прибывших из Карабаха по просьбе генерал-губернатора двух офицеров Азербайджанской армии. На предложение военного министерства занять высокий пост в армии Келб-Али Хан ответил твердым отказом. Всему городу стали известны его шутки в адрес подразделений Азербайджанской армии, не сумевших отбить у армян Зангезур и восстановить прямое сообщение с Нахичеванским краем. В марте 1920 года хан добился отзыва Джамили некого в Баку и формализовал свое положение хозяина края, оставаясь им до самого прихода большевиков.

В то время как старший брат, возглавляя вооруженных жителей, отбивал нападения войск Армении, младшие в составе полков Азербайджанской армии ходили в походы под Ленкорань, в Карабах и Зангезур. После сформирования 2-й пехотной дивизии и приданного ей 3-го конного Шекинского полка помощником командира последнего был утвержден подполковник Эхсан Хан Нахичеванский. Командиром 1-й сотни стал ротмистр Мурад Хан Нахичеванский. 24-летний Джамшид был произведен в полковники и в марте 1920 года назначен командиром 2-го конного Карабахского полка^{4, 10}.

20-го марта в Карабахе, неожиданно для властей, в день Новруза вспыхнуло армянское восстание. Бои с обывателями-мусульманами, стихийно собиравшимися в группы, развернулись в Шуше, поселках Ханкенды, Тертер, Аскеран, затем перекинулись в Зангезурский, Гянджинский и Нахичеванский уезды. Со стороны Эривани армяне продвинулись до станции Шахтагты. В Карабахе дашнаки, которыми руководил Дро, захватили Аскеранский проход — единственную дорогу, соединяющую горный край с северо-восточным Азербайджаном.

На следующее утро в Аскеран из Гянджи выступили азербайджанские войска. Подойдя к крепости, они 3-го апреля атаковали ее. Руководил операцией сам военный министр. К вечеру ценой большой крови Аскеран был взят.

Дальнейшее направление движения частей Азербайджанской армии лежало на Шушу. 12-го апреля состоялся штурм селения Кешиш-кент, в котором участвовал и полк Джамшид Хана. Кровавопролитный бой завершился разгромом неприятельских банд. Главные армянские военные силы в нагорной части Карабаха перестали существовать.

Поздравляя аскеров с успехом, заменявший заболевшего Мехман-дарова его заместитель генерал Шихлинский принял, как потом оказалось, роковое решение — оставить на некоторое время свои части в Карабахе. Этот приказ имел катастрофические последствия.

В то время как костяк набиравшей мощь Азербайджанской армии вел боевые действия на востоке республики, с севера приближалась куда более серьезная, чем армяне, опасность. Очистив Дагестан от белых повстанцев, к границе Азербайджана подошла 11-я Красная армия.

Сбив слабый заслон из четырех батальонов Азербайджанской армии, красные полки вторглись в страну. Не встречая почти никакого сопротивления, они беспрепятственно подошли к Баку и заняли его 27-го апреля. Официальным поводом экспансии служило якобы горячее желание бакинского пролетариата и всех народных масс освободиться от ханско-бекской власти*.

Под охраной красных штыков в Баку была немедленно провозглашена Азербайджанская Советская республика.

* Совершенно очевидно, что свержение правительства Азербайджанской Демократической Республики было хорошо спланированной акцией. Восстание в Карабахе отштекло основные силы формировавшейся армии АДР от защиты границ с Россией и своей столицы. Поэтому рейд трех бронепоездов 11-й Красной армии, которым практически руководил А. И. Микоян, не встретил серьезного сопротивления. При подходе бронепоездов к городу Баку в городе подняло восстание большевистское подполье во главе с известным террористом Камо (Симоном Аршаковичем Тер-Петросяном). Так была захвачена власть в Азербайджане.

Благодаря мудрости лидера большевиков Наримана Нариманова, назначенного председателем Совета народных комиссаров, вооруженные силы

свергнутой власти не были объявлены вне закона. Они официально оставались в ранге армии Азербайджанской Советской республики. Бывший врач, по сути интеллигент, не только запретил арестовать генералов Мехмандарова и Шихлинского, но и защитил от расправы авторитетнейших представителей дворянской и буржуазной знати Баку. Под его влиянием комиссар по военноморским делам Ильдырым издал циркулярное письмо, в котором просил командиров частей и офицеров Азербайджанской армии остаться на своих постах.

Эти шаги и заявления, сделанные в первые дни установления красного режима, не могли не иметь своих последствий. 29-го апреля генерал Шихлинский дал согласие занять должность заместителя комиссара по военным и морским делам. В некоторых частях Азербайджанской армии, находившейся тогда в Гяндже и Карабахе, стали раздаваться голоса в поддержку Советов.

Сложилась ситуация, во многом схожая с ситуацией в России во время февральской революции 1917 года. Образовалась новая власть взамен старой, легко сложившей свои полномочия. Часть министров Азербайджанской республики выехала из Баку, военный же министр и его заместитель, имевшие громадный авторитет, заняли нейтральную позицию. Красная администрация внешне миролюбиво обратилась к Азербайджанской армии с призывом встать под знамена революции. Произошла, казалось бы, вполне легитимная, по воле народа, смена правящего курса, которой должна была подчиниться и армия. У последней было мало поводов к протесту.

Тем не менее, азербайджанские полки, созданные на основе национальной идеи, отнеслись к этим заявлениям настороженно. Нашлась лишь одна часть, добровольно перешедшая на сторону большевиков. Это был 2-й Карабахский конный полк во главе со своим командиром — Джамшид Ханом Нахичеванским. Полк был переименован в 1-й рабоче-крестьянский кавалерийский¹⁰.

Не зная лично Джамшид Хана, через десятилетия автору трудно точно указать мотивы такого его поступка. Можно лишь предположить, что тут сыграли свою роль два обстоятельства. Первое — это то, что Шамо, в отличие от старших братьев, не получил той духовной закалки, тех нравственных ориентиров, какие давало воспитание в военных училищах и кадровых полках Императорской Армии. Второе — внутреннее неприятие нашим героем антироссийских,

националистических принципов, которые декларировали некоторые лидеры Азербайджанской республики и партии «Мусават»*.

Джамшид, безусловно, был храбрым и твердым мужчиной, сложившимся человеком. Нет сомнения, что переходя на советскую службу, он действовал в соответствии со своими убеждениями.

25-го мая в Гяндже части Азербайджанской армии подняли антибольшевистское восстание. На подходах к городу была уничтожена советская кавалерийская дивизия, а красный гарнизон (5000 штыков) арестован. В Нухе и Карабахе выступление было поддержано.

Однако шансов у восставших не было. Склады боеприпасов, находившиеся в Баку и Кюрдамире, попали в руки большевиков, и вскоре стрелять по красноармейцам стало нечем. Восстание было жестоко подавлено. Под штыками озверевших красных солдат погибло несколько сот офицеров старой армии, и в их числе наш старый знакомый генерал-майор Файзулла Мирза принц Каджар, который, по некоторым данным, был арестован в Гяндже, вывезен на остров Наргин и расстрелян. При аналогичных обстоятельствах в Карабахе погиб и подполковник Эхсан Хан Нахичеванский.

Те же, кто не был уничтожен сразу, бросались в тюрьмы. Арестовали даже лояльных генералов Мехмандарова и Шихлинского. 31-го мая Особый отдел 11-й Красной армии взял под стражу новоиспеченного красноармейца Джамшида Нахичеванского¹⁰.

Гянджинские события послужили сигналом для большевиков к выступлению в южные и юго-западные районы республики. Прошествовав по Нагорному Карабаху и Зангезуру (где в первой половине июня ими было разгромлено несколько армянских банд), они вышли на границу Нахичеванского края и, не задерживаясь, пошли дальше к его столице.

Отголоски кровавой резни в Гяндже и в Баку, где на остров Наргин в Каспийском море было вывезено и расстреляно несколько сот бывших офицеров, докатились до Нахичевани еще до подхода красных частей. Это совпало с новым наступлением войск Армении, которые быстро продвинулись до местечка Шахтагты. К столице края спешили две враждебные друг другу силы, имевшие виды на древнюю вотчину кенгерлинцев, а эти последние, без преувеличения, оказались перед жизненно важным выбором — бежать или остаться. Относительно армян никто радужных надежд не питал; по поводу же красных, ассоциируемых

* Правительство АДР официально декларировало право азербайджанцев на самоопределение в рамках единого Российского демократического государства. Не случайно записи всех протоколов заседаний парламента и Совета министров велись на русском языке.

прежде всего с русскими, мнения были разными. Многие из тех, кто давно не выезжал из Нахичевани и не видел своими глазами последствий революции в

крупных городах, решили никуда не трогаться. Люди старшего возраста, желавшие умереть на родной земле, среди таковых были и Джафар-Кули с Рагим Ханом, последовали их примеру. Более информированные и здравомыслящие, с болью в сердце бросив хозяйство, собрались в дорогу. На берегу Аракса у Джульфинской переправы сгрудились маленькие караваны нахичеванских дворян, спасавших скорей не свое имущество, но саму жизнь. Среди тех, кто бежал, были Кенгерлинские, Кельбалихановы, Нахичеванские.

20-го июля в Нахичевань беспрепятственно вошел передовой отряд Красной армии. Население, готовое охотнее подчиниться русским, чем отдать город армянам, встретило его радостно. Келб-Али Хан Нахичеванский лично посетил канцелярию красноармейцев и проинструктировал офицера относительно местоположения и способа действий армянских войск. При этом, как утверждал присутствовавший тут же Акпер Хан Нахичеванский, полковник заявил о своем отъезде за границу, и ему было предложено остаться. Однако, несмотря на хромоту, а одна из прошлогодних ран хана еще не зажила, он подтвердил свое желание эмигрировать в Персию, вышел на площадь, простился с родственниками и собравшимся народом и отправился в путь¹¹. Своим отъездом потомок и тезка слепого Келб-Али Хана как бы перевернул последнюю страницу символической книги истории, открытой когда-то его легендарным предком.

Утром 28-го июля 1920 года 1-й кавалерийский полк 28-й советской стрелковой дивизии вошел в Нахичевань. В тот же день была провозглашена Нахичеванская Советская социалистическая республика. Со старым миром было покончено. Времена гегемонии благородной знати канули в Лету.

С первых дней своего господства в Нахичевани Советы предприняли крутые меры по отношению к тем ханам и бекам, кто имел неосторожность остаться. Многие из них были арестованы по обвинению в участии в мусаватских военных формированиях, контрреволюционной деятельности. Прибывший чрезвычайный комиссар 11-й армии товарищ Велибеков взял под стражу Джафар-Кули Хана и Рагим Хана, а также бывшего нахичеванского городского голову Акпер Хана. Незадолго до этого Акпер Хан с семьей своего зятя Фарадж Бека Кенгер-линского сделал попытку переселиться в Персию. Однако их караван был обстрелян персидскими крестьянами. Взбешенный таким приемом гордый хан повернул своих лошадей обратно, на Родину. Вслед за ним, через несколько месяцев вернулся Фарадж Бек с братом Адьлем. Впоследствии, в 1937 году, Фарадж Бек был расстрелян по постановлению «Тройки» НКВД¹².

Акпер Хан был в семье Нахичеванских в своем роде личностью уникальной, и о нем стоит рассказать поподробнее. Он вырос в доме своей бабушки — знаменитой поэтессы Натаван — и получил разностороннее гуманитарное домашнее воспитание. С раннего детства он имел возможность пользоваться богатейшей библиотекой своего прадеда — Мехти-Кули Хана Карабахского. С русским языком, литературой и историей его познакомил шушинский мировой

Библиотека карабахских ханов. Шуша.

судья Лунякин. Акпер Хан владел персидским, азербайджанским, русским и французским языками. Он обладал прекрасными светскими манерами, был предупредителен и галантен, писал стихи. В результате из него получился прекрасно образованный и воспитанный молодой человек, способный украсить любое великосветское общество.

Акпер Хан был сыном Аман Хана Нахичеванского - того самого офицера, который со своим отцом Исмаил Ханом пережил Баязетскую эпопею и был в ходе ее ранен. Однако Акпер Хана военные забавы не прельщали, он выбрал для себя мирные занятия. В 18-летнем возрасте юноша потерял отца, мать его через некоторое время вторично вышла замуж и уехала со своим избранником в Елизаветполь, и на Акпер Хана пало бремя заботы о двух младших братьях и о большом семейном хозяйстве. Вскоре наш герой сошелся узами Гименея со своей двоюродной сестрой Агией Ханум. Дети пошли один за одним...

В 1910 году Акпер Хан был избран Нахичеванским городским головой, после своего старшего брата Баграм Хана¹³.

Время от времени хан отправлялся в Карабах, где бабушка оставила ему несколько поместий. Собрав ренту, не заезжая в Нахичевань, он напрямик направлялся в Европу, где проводил несколько недель. Возвращался он с новыми впечатлениями, неизменно привозил с собой несколько новых шикарных костюмов, а также новые тома книг. Акпер Хан собрал прекрасную библиотеку. Во многом он руководствовался примером своей бабушки Натаван. Даже в тюрьме ГПУ он, невзирая на запрет, умудрялся нелегально доставать литературу. При одном из обысков у него была изъята неизвестно как пронесенная в камеру

«Всемирная история» дореволюционного издания и лирические стихи нахичеванского поэта в русском переводе.

Высокий рост, благородная осанка, безупречные манеры, умение показать свой широкий кругозор делали Акпер Хана объектом пристального внимания слабого пола. Несколько раз такие истории заканчивались дуэлями, из которых ему удавалось выйти невредимым¹⁴.

Кроме 12 детей от своей жены Акпер Хан имел одного побочного, от *сдругой жены*. Он воспитывал мальчика наравне со всеми, однако Искендер вырос настоящим волчонком. Юноша увлекся революционными идеями, отрекся от отца и целиком посвятил себя борьбе за «светлое» будущее¹⁵. Впоследствии в отряде Котовского он участвовал в Гражданской войне, затем закончил Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу, дрался с басмачами в Туркестане. Погиб Искендер в Великую Отечественную, в 1943 году, в должности командира 1-го конного полка 8-й Червонной дивизии¹⁶.

Потеряв после прихода к власти большевиков ровным счетом все, Акпер Хан не ожесточился и не пал духом. Ближнему кругу родных было известно, что у него не было ненависти к советской власти. Жалел он не потерянного богатства, а лишь несколько ценных семейных реликвий: шахматы Натаван, подаренные ей самим Александром Дюма, золотых бабочек с попоны коня легендарного генерала Исмаил Хана, розданных после смерти последнего на память детям и внукам¹⁷.

Не имея под рукой грамотных людей, нахичеванский ревком привлек его к своей деятельности. Акпер Хан вел работу по сбору продовольствия, ликвидации «дровяного голода» (должность члена завнархоза), был начальником охраны железной дороги. Когда же им были подготовлены соответствующие работники, хана выбросили вон. В 1925 году ему удалось устроиться в нахичеванскую городскую больницу секретарем наркомздрава, а затем завхозом, но и тут ему долго поработать не дали. Бывший городской голова попал в поле зрения Азербайджанского ГПУ, в руках которого находился самый весомый козырь - шесть малолетних детей Акпер Хана и двое малюток, оставшихся после умершего брата. Нахичеванский был вызван в центральную контору Аз. ГПУ в Баку, где ему было предъявлено обвинение в *«хозяйственном преступлении»*. Начальник оперативной части товарищ Мороз, прекрасно понимая, чем грозит арест хана его нищенствующей семье, трое суток вытягивал из него обещание написать письмо в Иран эмигрировавшим родственникам, надеясь через последних выйти на якобы существовавшее в Нахичевани антисоветское подполье. Вернувшись домой, Акпер Хан узнал, что на его месте уже работает другой. Обещанное письмо к старшему брату в Тебриз было отправлено и, естественно, никакого ответа не получено.

Не имея возможности получить работу в государственном учреждении, Акпер Хан стал обрабатывать тот маленький клочок земли, который ему оставили новые хозяева жизни. Этому периоду принадлежат воспоминания советского археографа В. М. Сысоева, побывавшего в 1927 году в доме хана:

«13-го июня мы приехали в Нахичевань, посетили председателя Совнаркома Нах. ССР Г. Мусаева и председателя Нах. ЦИКа Баба Бабаева, которые опять оказали нам самое решительное внимание. Затем мы посетили известную баиню Атабека, а также бывший ханский дом, который теперь занимает Акпер-хан, потомок Эсан-хана, бывшего последним самостоятельным Нахичеванским ханом (Эсан-хан имел сына Рагим-хана, сыном которого является Акпер-хан). Акпер-хан одно время состоял на службе, теперь не служит, а занимается сельским и домашним хозяйством, имеет большой фруктовый сад и живет доходами с него.

Дом Акпер-хана большой, но сильно разоренный; часть дома и сейчас занята какими-то беженцами, которых здесь поселили временно. Постройки дома и надворные давно не ремонтируются, и часть комнат заброшена. Одна большая комната — приемная зала — теперь обращена в склад хвороста и других вещей, между тем в этой комнате имеется камин, украшенный красивой «зеркальной» рамой, т. е. составленной из небольших кусков зеркального стекла. Весь орнамент занимает площадь около четырех квадратных метров, сделан художественно, со вкусом, но часть стекол уже выбита или повреждена. В другой зале на оконных нишах есть остатки персидской живописи: цветы, букеты и даже несколько фигур, правда, все очень сильно замазано и закопчено.

Дом — полуподвальный: сверху жилые комнаты, внизу подвалы, конюшни и разные службы. Семья Акпер-хана очень большая, живут скромно, просто.

К сожалению, и в этом году нам не удалось проникнуть в так называемый старый ханский дворец, потому что помещающаяся там школа летом совершенно закрыта, не работает, и там никого нет»¹⁸.

Опустив бывшего хана на самое дно общественной жизни, лишив его не только всего имущества, но и возможности добывать себе пропитание, чекисты не удовлетворились. В январе 1928 года товарищ Мороз вновь вызывает Нахичеванского к себе и приказывает нелегально перейти границу Ирана, ехать в Тебриз, чтобы через родственников добыть сведения об антисоветской деятельности эмиграции, работе партий «Мусават», «Иттихад» и так называемой группы «беспартийных», в которую, по данным ГПУ, входили Баграм Хан и Бюк Хан Нахичеванские¹⁹.

Человек умный, Акпер Хан понял, что настал момент истины. Он безропотно согласился, получил в кассе ГПУ 500 рублей червонцами на расходы (их с удовольствием меняли на персидские краны) и в одну из ночей переправился через Араке. Через трое суток на перекладных, благо русский эмигрант в те годы в Иране не был редкостью, он добрался до Тебриза, где разыскал дом Баграм Хана. Погостив у братьев несколько дней, спустив чекистские червонцы в ресторанах и простившись с родными в последний раз, он нелегальным путем вновь пересек границу, возвращаясь, как сам понимал, на

заклание. Побыв пару дней с супругой и детьми, он поехал в Баку, в Аз. ГПУ, где сообщил, что никаких сведений добыть не смог²⁰.

Естественно, такого плевка в физиономию карающие органы простить не могли. Немедленно по возвращении в Нахичевань Акпер Хан был арестован у себя на квартире и брошен в камеру Нахичеванского исправительно-трудового дома. Его поместили в «одиночку», без прогулок, без книг и газет. Единственным «товарищем» была мышка, с которой он делился хлебом. Допросы вел лично начальник НКВД Нахичеванской ССР товарищ Я губов. Обвинения предъявлено не было.

«Особого» преступника, как-никак бывший хан, затребовал Баку. В

июне 1928 года, после 4-месячного заключения в Нахичевани, Акпер Хан этапным поездом был отправлен в столицу, в распоряжение Аз. ГПУ. В Баку его поместили в ДПЗ № 2²¹. 60-летний человек был подвергнут 8-месячной тюремной «подготовке», а затем начались допросы. Надо отдать должное хану, он стоял на своем: никто из его родственников-эмигрантов, по его словам, антисоветской деятельностью не

занимается, с Нахичеванью никаких связей не имеет, он честно хотел добыть в Тебризе нужные ГПУ сведения, но по многим причинам этого сделать не удалось... Дознаватель пытался заставить Акпер Хана подписывать протоколы допросов значительно ниже последней строки текста, но заключенный не соглашался... Тем «следствие» и закончилось. Ни одного свидетеля привлечено не было. Ни одного доказательства не предъявлено²².

5-го сентября 1929 года Коллегия Аз. ГПУ признала Нахичеванского виновным в дезинформации органов с целью «оказать помощь организованной международной буржуазией группам антисоветской Азербайджанской эмиграции, в осуществлении враждебной против СССР деятельности» и, на основе статьи 66-й УК АССР, приговорила к высылке в Сибирь сроком на 3 года²³. Закавказское ГПУ посчитало наказание незначительным, пересмотрело решение Баку и 10-го ноября 1929 года постановило заменить ссылку в Сибирь содержанием в Соловецком концлагере²⁴. Москва, в свою очередь, сочла, что срок отсидки можно увеличить до 5 лет (постановление от 13-го января 1930 г.)²⁵. 8-го апреля 1930 года Акпер Хан был отправлен этапом в Управление северных лагерей ОГПУ, в город Котлас.

После ареста отца семья встала на грань голодной смерти. Агия Ханум с малютками кое-как сводила концы с концами благодаря помощи своего зятя Фарадж Бека Кенгерлинского — бухгалтера педагогической семинарии. Старшие сыновья Акпер Хана, опасаясь расправы, покинули Нахичевань. 25-летний землемер Сеймур вместе со своей женой-молоканкой выехал в Ашхабад¹⁵.

Сеймур Нахичеванский и его супруга Мария

Новоиспеченный лейтенант РККА 21-летний Иззет отправился служить на дальнюю окраину России — во Владивосток²⁶. 14-летний учащийся Нахичеванской мужской педагогической семинарии Хабиб и 3-летний Аман остались в городе под присмотром старших сестер и матери, но через несколько лет, когда начались массовые аресты, уехали из Нахичевани на другой конец Азербайджана — в горный Шекинский район, где их

никто не знал. Впоследствии, в Великую Отечественную, Аман пропал на фронте без вести. Хабиб уцелел лишь потому, что из-за тяжелой формы астмы не был мобилизован²⁷.

Из потомков прославленного наиба Эхсан Хана по мужской линии в Нахичевани проживал лишь двоюродный брат Акпер Хана, бывший офицер Мурад Хан. По сведениям на 1934 год, он работал инженером-железнодорожником¹⁵. Но и он сгинул в страшное время репрессий. В 40-е годы в крае уже не было ни одного мужчины с фамилией Нахичеванский.

В бывших ханских домах разместились советские учреждения. Знаменитый дворец Эхсан Хана отдали под школу. Могилы пришли в запустение, а затем постепенно разрушились. Некоторые захоронения, находившиеся в ханском мавзолее на мусульманском кладбище юго-восточнее города, были вскрыты, надгробья взломаны. В. М. Сысоев обнаружил извлеченные и брошенные тут же останки... Ничего уже не напоминало в Нахичевани о том, что когда-то здесь находилось гнездо благородной семьи, выращивающей для царской службы воинов-орлов.

В это время Акпер Хан валил лес в архангельских лесах. Лагерная жизнь, о которой так много написано сейчас, через несколько лет после освобождения вспоминалась нашему герою как нереальный ужасный сон. Холод, голод, побои, похлебка из конской мертвечины, работы под промозглым ветром. Память Акпер

Хана выхватила из той жизни один эпизод: ревизовавший зону генерал НКВД выражает начальнику лагеря крайнее недовольство недостаточным, по его мнению, количеством умерших заключенных²⁸... Только образованность Нахичеванс-кого спасла его от смерти — его взяли работать фельдшером в лагерную больницу¹⁷.

9-го февраля 1934 года подходил срок освобождения Акпер Хана, однако, по опыту своих солагерников, особенно политических, которых «переосвидетельствовали» и добавляли еще, радоваться он не спешил. Тем не менее комиссия по разгрузке лагерей освободила его из-под стражи и постановила выслать в Северный край, без права проживания в 12-ти населенных пунктах Уральской области, пограничных районах и без права возвращения на родину²⁹.

Около 10 лет Акпер Хан скитался по северным поселкам. За это время в Нахичевани скончалась его супруга. Жил ссыльный под чужой фамилией - Пахомов, документ попал к нему после смерти солагерника. Гражданский брак с одной русской северянкой обеспечил ему приют, но в середине 40-х, не выдержав разлуки с родными, хан приехал в Среднюю Азию, в Пахта-Аральский район Сыр-Дарьинской области, в семью своей ссыльной внучки Энвер, названной в честь его сестры, и ее ссыльного мужа Афи Нагдалиева, бабушки и дедушки автора этих строк²⁸. В их скромном, но всегда открытом для нуждающихся в помощи доме Акпер Хан прожил до 1953 года, до самой смерти Сталина, а затем вернулся в Нахичевань. В колхозе «Алгабас» он, благодаря протекции учетчика Афи Нагдалиева, работал агрономом, и по-прежнему шокировал всех женщин-совслужащих своей неистребимой привычкой целовать руку, своей не по возрасту отличной осанкой и благородными манерами¹⁷.

Трагична судьба его старшей и любимой дочери Ханумджан. Она получила от отца не только внешний облик (а отец и дочь были очень похожи), но и впитала его любовь к книгам, чтению. Тонкой, впечатлительной натуре ханши суждено было подвергнуться серьезному испытанию дважды: в первый раз, когда из благородной барышни, которой целовал руку сам эриванский губернатор, она превратилась в третируемую советскими властями почти нищенку, а второй — когда в ноябре 1937 года был арестован и расстрелян любимый муж — Фарадж Бек Кенгерлинский, обвиненный по ст. 21-73 УК АССР как «член контрреволюционной организации, ставившей задачу свержения Советской власти»¹². 34-летняя Ханумджан с мачехой мужа Хырдой, которая по собственной воле решила разделить участь семьи, и четырьмя малолетними детьми, старшему из которых было 9 лет, а младшей 1,5 годика, зимой 1937 года были высланы из Нахичевани. Старшего сына Узеира Фарадж Бек успел спасти, незадолго до ареста отправив в Баку, где тот поступил в медицинский институт. Вместе с 60-ю других семей Ханумджан с детьми и мачехой были загнаны в неотапливаемые вагоны для скота и отправлены в Среднюю Азию. Состав шел окружным путем, через Ростов и

Харьков, и к концу долгого 43-дневного пути от голода и холода погибла масса народу, среди которых были беременные женщины, дети. Выгрузили ссыльных в голой степи, под открытым небом. Председатель колхоза, где надо было работать, не мог устроить всех, и Ханумджан лишь благодаря хорошему знанию русского языка была предоставлена землянка¹⁷. Описание скитаний этой многострадальной женщины, ее возвращения на родину и повторной высылке, перемещений по Средней Азии заняли бы слишком много времени. Между бровями Ханумджан на всю жизнь залегла трагическая складка... Она скончалась на чужбине в возрасте более чем за 80, окруженная близкими людьми.

В то время как в Нахичевани шла расправа над представителями Владетельного Рода, в сотне километров южнее, на территории Персии, жила небольшая диаспора Нахичеванских. Давние родственные связи с макинскими ханами помогли кенгерлинцам найти там приют после бегства с родины. Благодаря тому что Назиллу Ханум Нахиче-ванская была замужем за сыном

Ханумджан Ханум Нахичеванская
с внуком Фараджем Кенгерлинским.
Около 1969 г. Узбекистан.

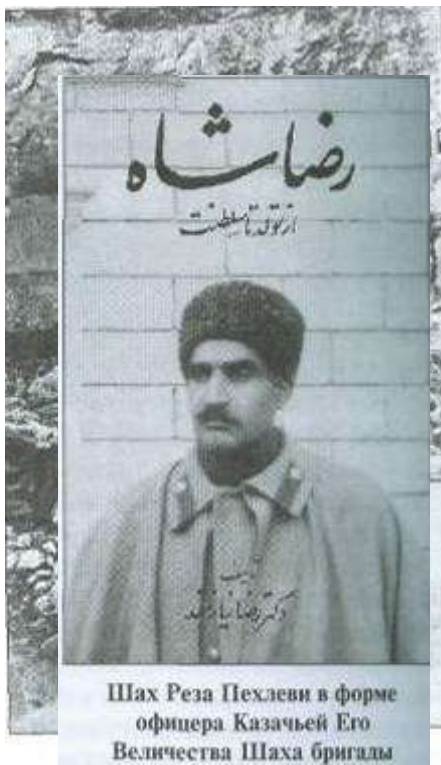
Мургуза-Кули Хана Макинского (который был впоследствии отравлен по приказу Шаха) — Аббас-Паша Ханом, в 1920-м ее брату, полковнику Келб-Али Хану, был оказан достойный прием. Вскоре туда прибыли выехавшие по визе в Иран Джафар-Кули Хан с супругой Фахрин-Тадж Ханум и сыном Давудом. После высылки из Нахичевани по постановлению ревкома они проживали в Карабахе, где вместе с Рагим Ханом из-за нужды трудились простыми рабочими на конном заводе. Также в Маку осел и не-

безызвестный Фетх-Али Хан.

Вторая группа Нахичеванских обосновалась в Тебризе. Бывший в 1906-1909 гг. городским головой Нахичевани Баграм Хан благодаря содействию земляка — инженера на шахской службе Мелик-Асланова устроился на скромную должность контролера Джульфо-Тебризской железной дороги. Его сын Азис, бывший студент, окончивший Эриванскую гимназию, трудился в Салмасе фельдшером в больнице. Младший брат Баграм Хана и Аклер Хана — Хаган Хан, и их троюродный брат Мохаммед-Али Хан работали проводниками на пассажирском поезде. Старший брат последнего — бывший городской голова Нахичевани в 1913-1916 гг. Бейюк Хан - выступал перед публикой с артистическими номерами".

Баграм Хан и Бекюк Хан, если верить материалам ГПУ, были членами эмигрантской организации «Независимость Кавказа» и вели переписку с председателем азербайджанской делегации на Мирной конференции в Париже Али-Мардан Бекюк Топчибашевым¹⁹. Относительно хорошо в Тебризе устроился лишь Искандер Хан, который вынужден был сменить офицерский мундир на сюртук владельца небольшого дела; в Тегеране он, по слухам, *«держал фаэтны и лошадей, был очень состоятельным человеком»*¹⁵. Отец Рагим Хан проживал с ним.

По старой протогпанной дороге военного пошел лишь полковник Келб-Али Хан. Как и многих бывших офицеров Царской Армии, его пригласил на службу новый Шах Персии — Реза Пехлеви. Шах был прекрасно знаком с выдающимися качествами кадрового русского офицера, так как сам служил под начальством последних в Персидской казачьей Его Величества Шаха бригаде, хорошо знал русский язык. Талант военачальника, явно проявившийся в Келб-Али Хане еще во времена войны с Арменией, расцвел во всей красе с первых его шагов службы в Иране. Реза Шах, царствование которого в первые годы было весьма неспокойным, бросал нашего фигуранта из одной горячей точки в другую, и везде Нахичеванский побеждал. В январе 1928 года, например, Келб-Али был направлен с семью сотнями казаков в Карадаг для подавления антишахского восстания²⁰, а вслед за этим назначен командующим войсками Ардебильского района с производством в чин сертипа (генерал-майора)¹⁹. Его младший брат — Давуд Хан, получивший первый офицерский чин еще от военного министра Азербайджанской республики, также поступил в шахскую армию³⁰.

Шах Реза Пехлеви в форме офицера Казачьей Его Величества Шаха бригады

Трагедия братьев заключалась в их тюркском происхождении. В Персии в те годы остро стоял вопрос о самоопределении тюркконаселенных провинций

Южного Азербайджана, и Реза Шах не мог допустить усиления власти военачальника-азербайджанца. Пехлеви организовал арест и убийство Нахичеванских... Народная молва донесла в Нахичевань, что перед казнью Келб-Али Хан, как и его далекий предок, был ослеплен¹⁵.

Злой рок как будто преследовал в те годы лучших сынов старинного рода. Участвуя в войнах на протяжении более чем столетия, семья не потеряла ни одного человека убитым, зато во времена мировой политической смуты несколько Нахичеванских ушли из жизни по воле своих новых правителей.

Не успели кости братьев еще побелеть в персидской земле, как смерть настигла и Джамшида Нахичеванского. Он был комбригом, одним из самых молодых и перспективных военачальников РККА. За 18 лет службы в Красной армии прошел путь от военспеца, бывшего царского офицера, до командира дивизии и заведующего кафедрой Военной академии им. Фрунзе. Своему возвышению Шамо был обязан, помимо природных способностей, счастливому стечению обстоятельств.

Как Джамшиду удалось уцелеть после ареста Особым отделом 11-й Красной армии в мае 1920 года, остается загадкой. Нет сомнений, что доказать отсутствие связей с лидерами гянджинского восстания ему было нелегко. Есть версия, что во время дознания не обошлось без вмешательства и заступничества Наримана Нариманова. Тем не менее, в августе того же года Нахичеванский был освобожден из-под стражи, как необоснованно задержанный, и направлен на работу в создаваемую Азербайджанскую командную школу на должность помощника ее начальника. И если это назначение бывшего царского офицера воспитателем подрастающего

Комдив Джамшид
Нахичеванский. 1926 г.

поколения красных командиров не выглядело чем-то особенным, так как военспецов чаще всего использовали именно для обучения малограмотных пролетарских кадров, то следующее задание руководства Советского Азербайджана говорило о высшей степени доверия Нахичеванскому. В 1921 году, всего лишь в 26-летнем возрасте, ему была доверена в командование главное военное подразделение республики, составлявшее ядро ее вооруженных сил — Азербайджанская горно-стрелковая дивизия¹⁰.

Дивизия в те дни только что возвратилась в Баку из Дагестана, где она принимала участие в подавлении антисоветского восстания. За успешные действия 1-й ее полк наградили двумя Боевыми красными знаменами от Дагестанского ревкома и Народного комиссариата по военным и морским делам АССР и дали имя «Железного Полка имени 26»³¹.

Шамо с энтузиазмом взялся за обучение вверенных ему частей. Большую помощь в этом ему оказывали знаменитые генералы Мехмандаров и Шихлинский. Под Баку была проведена военная игра, разбор которой давал «Бог артиллерии». На учениях под Тбилиси, состоявшихся в 1922 году, конспекты Шихлинского оченьгодились молодому начальнику Азербайджанской дивизии. Повышению уровня подготовки Джамшида способствовало и Военно-научное общество Бакинского гарнизона, где читали доклады эти царские генералы³².

При содействии Нахичеванского был организован Азербайджанский авиационный отряд, комиссар которого, будущий маршал авиации и Герой Советского Союза Красовский, называл в своих мемуарах Джамшида *«молодым талантливым военачальником»*³³.

В 1923 году Шамо был командирован на Высшие академические курсы в Москву, где провел год. После возвращения в Баку он вновь командовал дивизией.

В эти и последующие годы Нахичеванский со своими стрелками принимал участие в подавлении Кюрдамирского, Геокчайского, Нахичеванского, Нухинского и Карабахского восстаний, боролся с контрреволюционными группами в Ленкорани и Кубе. Помимо должности командира дивизии он выполнял обязанности начальника Бакинского гарнизона, являлся членом суженного заседания Совнаркома АССР, членом суженного заседания Бакинского Совета. В 1927 году Джамшид вторично был командирован на курсы при Военной академии, а в 1928 году — в Севастополь на курсы ПВО.

Преданность его советской власти была отмечена рядом наград и поощрений: он был удостоен почетного оружия, золотых часов, ряда благодарностей и даже денежных премий. Особняком стоит награждение молодого комдива орденом Трудового Красного Знамени Азербайджанской ССР (приказ от 29-го октября 1930 г.). Нахичеванский был избран членом Бакинского Совета ЦИК и ЦИК ЗСФСР. Подавал заявление о приеме в ряды коммунистической партии, имея рекомендации от Серго Орджоникидзе и Сурена Шаумяна, но принят не был.

Все же клеймо хана, царского офицера и мусаватиста Нахичеванскому смыть не удалось. 22-го февраля 1931 года Шамо был арестован Особым отделом Закавказского ГПУ в городе Тбилиси, якобы *«за принадлежность к контрреволюционной организации, ставившей себе задачей свержение Советской власти и восстановление независимой буржуазно-демократической республики»*.

Допросы длились восемь месяцев, однако комдив в предъявленном ему обвинении не сознался. 30-го октября 1931 года Коллегией Азербайджанского ГПУ он был приговорен к расстрелу.

Однако счастливый случай вмешался в судьбу нашего героя и на этот раз. Помогло Закавказское ГПУ, пересмотревшее решение Азербайджанского. В феврале 1932 года дело по обвинению Нахичеванского было прекращено, он был восстановлен в армии и освобожден из-под стражи¹⁰.

После такой «встряски», стоившей ему года жизни и значительной части здоровья, Джамшид не мог не усомниться в верности своего решения 12-летней давности. Та власть, ради служения которой он порвал с семьей, отторгла его как чуждый элемент. Бежать же было некуда. Оставаться в Закавказье, где он постоянно находился «под колпаком» местного ГПУ и рано или поздно был бы вновь арестован, бывший комдив не мог. Избавлением от проблемы стало решение Нахичеванского

Джамшид Нахичеванский с коллегами по Военной Академии им. Фрунзе.
Фото 1936 г.

закончить свое образование в Военной академии им. Фрунзе в Москве. В 1931 году Шамо с супругой и дочерью выехал в Москву и поступил слушателем в академию.

Исключительная собранность, обширные знания и любовь к военному делу обеспечили Нахичеванскому в процессе обучения прекрасные результаты. Неудивительным фактом поэтому стала резолюция академического начальства поручить слушателю второго курса прием вступительных экзаменов по французскому языку - языку, которым кенгерлинец владел с детства³⁴.

В 1933 году Джамшид окончил академию с отличием. Немедленно ему было предложено занять должность начальника второго курса основного

факультета³⁵. Приказом от 2-го апреля 1934 года он был назначен руководителем кафедры общей тактики³⁶.

Проживали Нахичеванские на Остоженке, в двухэтажном старом особняке по Курсовому переулку, откуда через Садовое кольцо рукой подать до академии. Дом был разделен на множество скромных квартир, где ютились семьи военных. По воспоминаниям дочери Джамшида — Алии, отец приходил со службы в шинели и буденовке и подбрасывал ее к потолку под испуганные возгласы жены. Даже те скромные сладости, которые удавалось добыть в голодной столице тех лет, Джамшид поровну делил между своим чадом и всеми детьми, обитавшими в соседних квартирах. Это порой вызывало недовольство супруги³⁴.

5-го декабря 1935 года приказом НКО Джамшиду Нахичеванскому было присвоено персональное воинское звание «комбриг». Это соответствовало званию генерал-майора старой армии. Нашему герою в тот момент было всего 40 лет.

Как понимает читатель, Шамо, вместе с большинством военачальников РККА тех лет, был обречен. В стране начались массовые репрессии. Вслед за «троцкистами» и «террористами» на эшафот шагнули военные, которых казнили как «фашистских шпионов». Чистка Военной академии началась в 1938 году, было арестовано большинство преподавателей. В ночь на 20-е мая пришли и за Нахичеванским. Он спокойно простился с семьей.

Материалы уголовного дела повествуют о том, что Джамшид был привлечен к ответственности по статье 58-1 УК РСФСР «за участие в антисоветской азербайджанской националистической организации». В процессе допросов сотрудникам НКВД сначала удалось добиться от него признательного заявления, однако затем комбриг собрал волю в кулак и вновь категорически настаивал на своей невиновности. Шамо отрицал свою связь с участниками выдуманного чекистами «Азербайджанского национального центра», а также ведение какой-либо антисоветской деятельности. Изобличался Нахичеванский показаниями одного-единственного свидетеля¹⁰.

26-го августа 1938 года выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР Джамшид был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. По злой иронии, приговор содержал требование о конфискации имущества. Но кроме мундира и наград у обвиняемого ничего не было, квартира и мебель были также казенными.

Казнь состоялась в тот же день. По материалам правозащитной организации «Мемориал», в книгу памяти которой включен и Нахичеванский, тело комбрига было брошено в общую могилу на территории бывшего подсобного хозяйства НКВД - совхоза «Коммунарка». Рядом было свалено более 10 тысяч трупов расстрелянных чекистами людей.

Рассказывая о Джамшиде Нахичеванском, достигшем в Красной армии значимых высот, нельзя не упомянуть еще об одном представителе семьи, надевшем форму с красными звездами. Это был сын Акпер Хана - Иззет.

Иззет родился еще в царское время и до 13 лет рос как дворянский ребенок. Однако небезызвестные события поставили его жизнь с ног на голову. Благородный отец, если и не принявший революцию, но признававший справедливость многих ее постулатов, направил энергию сына на службу новому обществу. Иззет поступил в организованное в Тбилиси военное училище красного комсостава и вскоре лейтенантом был выпущен в войска. Первым местом его службы был хутор под Владивостоком, а затем город Грозный.

Арест отца, расстрел в 1937 году в Нахичевани мужа старшей сестры Фараджа Кенгерлинского поставили его самого в положение «врага народа». Иззет был уволен из рядов РККА. За ним был установлен надзор НКВД.

К чести Нахичеванского, он не прекратил ставшие смертельно опасными

контакты с родными. Иззет вместе с супругой Александрой Григорьевной Черненко принимали у себя Адьяла Кенгерлинского — младшего брата Фараджа. После освобождения из заключения уже к одинокой Александре Григорьевне и своей внучке Эмме в Грозный приезжал и Акпер Хан²⁶.

Суровые события лета 1941 года застали Иззета на военных сборах. Он, как и всякий военнообязанный, причисленный к начсоставу, проходил очередную

переподготовку. Последовавшая затем мобилизация и назначение начальником 2-го отдела штаба 562-го стрелкового полка вернули Нахичеванского в строй.

Однако воевал он недолго. В сентябре части четырех советских армий попали у Киева в окружение, созданное танковыми корпусами противника. Немцы захватили более 290 тысяч пленных. Иззет со своим полком также оказался в «киевском котле». По архивным данным, он пропал без вести³⁷.

Автору этих строк очень хочется верить, что Иззет Нахичеванский остался жив в «киевском котле». Тем не менее, версия вернувшегося из заключения Акпер Хана о том, что сын дал о себе знать из Турции, а затем из Польши, кажется доброй сказкой, рассказанной во имя утешения вдовы и оставшейся без отца красавицы-дочки²⁶.

Повествование о судьбах Нахичеванских, которых революция застигла в Закавказье, увело нас в сторону от семьи погибшего в Петрограде Гусейн Хана Нахичеванского. Между тем история этой христианской линии рода сложилась по всем законам приключенческого жанра.

Когда Георгий Нахичеванский с горстью последних патриотов России уплывал в 1920 году прочь от близких сердцу крымских берегов, его сестра и мать были уже во Франции. Татьяна Нахичеванская со своим мужем, бывшим офицером Лейб-гвардии Атаманского полка Дмитрием Андреевичем Мартыновым,

Лейтенант Иззет Нахичеванский (слева)
на учениях РККА

обосновалась в Париже². Туда же, после многомесячных скитаний по Турции и Балканам, через Австрию прибыл и Георгий.

Неизвестно, удалось ли старой княгине Софье Николаевне вывезти из России хотя бы малую часть своего состояния, но работать таксистом или лакеем, по примеру многих знатных русских эмигрантов, Георгию не пришлось. Он с детства свободно владел французским языком, что оказалось весьма полезным. Проявив завидную смекалку и гибкость, хан занялся перепродажей домов и другими деловыми операциями. Доход от этих сделок позволял матери и сыну держаться на плаву.

Молодой человек вел весьма активную светскую жизнь, которая после революции из

петербургских салонов переместилась в русские рестораны и кафе на Плас-Пигаль. Много шума наделал его роман с исполнительницей цыганских романсов Нюрой Масальской, от которого, по сплетням, родился легендарный русский художник и актер Константин Непо.

Большой резонанс вызвало и знакомство Георгия с Марией Михайловной Вочар, личностью прямо-таки мифической, известной как «Машка Шарабан» или «Цыганка Маша».

Избранница Нахичеванского первый раз прогремела еще во времена

Гражданской войны в Чите, где она из кабацкой певички, благодаря своей красоте и обаянию, превратилась в жену атамана Семенова. Одной из самых любимых песен Марии Михайловны была «Шарабан мой, шарабан...», за что она и получила свое прозвище. Природная доброта и широкая душа сделали атаманшу Марию Михайловну защитницей обездоленных. Но самым значительным ее поступком на благо русского общества стало участие в спасении тел казенных большевиками в Алапаевске нескольких членов Царской Семьи. Гробы с останками Великого князя Сергея Михайловича, Великой княгини Елизаветы Федоровны, Князей Императорской Крови Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей, князя Владимира Павловича Палея, а также управляющего Двором Великого князя - Федора Михайловича Ремеза и крестовой сестры Марфо-Мариинской обители Варвары, в сопровождении священника отца Серафима и Марии Михайловны Вочар, на деньги последней были доставлены из Читы по железной дороге в Пекин, в Русскую духовную миссию. Тем самым прах мучеников был спасен от поруганий большевиками³⁸.

Изет Нахичеванский на стрельбище

Этот благородный поступок прославил Марию Михайловну и сделал ее известной в эмигрантских кругах Харбина, а затем и Парижа. Вскоре она сама появилась в столице Франции, где ее и заметил Нахичеванский.

Несмотря на неоднозначное прошлое Марии Михайловны и наличие у нее маленького сына, который, по слухам, был рожден от молодого банкира-шведа,

союз ее с отпрыском Ханского Аристократического Рода оказался удачным. Через год после заключения брака новоиспеченная ханша родила мужу сына, а еще через год — дочь. Интересные воспоминания оставила об этой чете Татьяна Аксакова-Сивере, оказавшаяся в 1923 году соседкой Нахичеванских в Висбадене:

«...По приезде в Висбаден я познакомилась с семьей Нахичеванских, жившей через два дома от нас по Етзегдга88е и состоявшей из старой княгини Софьи Николаевны, ее сына Юрия (церковное имя Георгия) и его жены Марии Михайловны.

...Младший сын весьма уважаемого и погибшего в начале революции генерала, хана Нахичеванского, учился в Пажевском корпусе и являл собою тип избалованного маменькиного сынка, со всеми вытекающими из этого недостатками. Во всяком случае, такое впечатление он производил, когда мама видела его еще в дореволюционные годы среди лиц, окружавших Михаила Александровича. (Муж дочери князя Нахичеванского, Керим Эриванский, был, как и Вяземский, ординарцем Великого князя).*

Когда мама жила в Карлсбаде, до нее дошел слух, что Юрий Нахичеванский в Париже женился на «богатой казачке», взялся за ум, стал добродетельным семьянином и погрузился в коммерческие дела. Самым же неожиданным для мамы было узнать, что «богатая казачка» — не кто иная как Машиа.

Прослушав, по приезде в Висбаден, рассказ о маминой сибирской эпопее, в которую тесно вплелась новелла о «Машике-Шарабан», я испытала естественное желание увидеть героиню столь необычайного романа.

Исполнить это желание было нетрудно — она жила поблизости и сама прибежала выразить свою радость по поводу того, что «приехала Танечка, которую все так ждали!». Я с удивлением смотрела на миловидную, скромно одетую мать семейства (с Машей был ее трехлетний мальчик -ивед, и она была в ожидании второго ребенка)** и никак не могла сочетать этот образ с образами «новеллы».

Как я уже говорила, момент брака Машии с Нахичеванским выпал из маминого поля зрения. Она лишь розГ/асГит узнала, что Юрий твердо взял в руки Машиу и ее претензии к Шанхайскому банку. Под его воздействием Машиа превратилась в преданную жену, а претензии — в некоторую вполне реальную сумму долларов, которые он, перебравшись в Германию, старательно приумножил покупкой и продажей берлинских домов.

...Юрия Нахичеванского я видела лишь два-три раза. Это был молодой человек невысокого роста с очень красивым, но холодным лицом наполеоновского типа. Поглощенный своими спекулятивными делами, он находился в постоянных разъездах, но с Машей у них было, по-видимому, полное единение. Старая княгиня терпела Машиу, как неизбежное зло»³⁹

Усиление конкуренции, сужение делового пространства для дельцов-одинок в метрополии заставило Георгия Нахичеванского искать счастья во

французских колониях. Наибольшие возможности наш герой увидел во Французской Сирии — Ливане. Он перевез туда семью и стал региональным представителем автомобильного концерна «Форд» на Ближнем Востоке. Начав дело на пустом месте, Георгий постепенно построил на Аравийском полуострове устойчивый рынок сбыта. Дивиденды позволяли ему безбедно содержать мать, супругу и детей⁴⁰.

В Бейруте круг общения Нахичеванских составляли русские эмигранты-дворяне: князя Елагины, Вяземские, сын главнокомандующего барона Врангеля

* Речь идет о Великом князе Михаиле Александровиче, адъютантом которого в прошлом был племянник, а не зять Гусейн Хана — Керим Хан Эриванский. В близкий круг младшего брата Царя входил также и его ординарец — князь Владимир Алексеевич Вяземский — муж матери автора воспоминаний.

** Первенца Георгия Хана Нахичеванского — Никиты.

Петр Врангель-младший, адмирал Полонский, несколько морских офицеров с затопленной в 1921 году в бухте Бизерта русской флотилии⁴¹.

До конца 30-х годов жизнь Нахичеванских текла размеренной чередой, пока ее не взорвала II мировая война.

Танки Роммеля вторглись в Северную Африку. Разрозненные малочисленные французские части, находившиеся в тот момент в колониях, пытались оказать им сопротивление. На помощь высаживались английские войска.

16-летний сын Георгия Нахичеванского Никита и его 19-летний брат по матери считали своим долгом защищать интересы страны, ставшей им второй родиной. Они добровольцами вступили во французские части в Египте³⁸. Юнцы участвовали в знаменитом танковом сражении у Эль-Аламейна, в котором Никита получил тяжелую рану и выбыл из строя.

Вслед за бурей II мировой войны на Ближнем Востоке разразилась гроза арабо-израильского конфликта. В ходе быстротечной операции самопровозглашенное государство Израиль захватило часть Палестины и объявило о своей независимости. В регионе столкнулись интересы британцев, французов, арабов и евреев.

Никита Нахичеванский, по воспоминаниям, на фоне своей нелюбви к Туманному Альбиону поддержал молодое еврейское государство. Он обшивал броней в Ливане грузовики и поставлял их на оккупированные Израилем территории Палестины. Военные заказы давали определенный заработок.

Тем не менее, с каждым месяцем сводить концы с концами бизнесмену становилось все труднее и труднее. Война разрушила экономику региона, и бизнес неотвратимо увядал. Вскоре наступило банкротство. Не выдержав такого удара, скончался Георгий Нахичеванский. Ему не было и 50-ти. Свой последний приют паж Его Величества обрел на православном кладбище Бейрута.

Похоронив отца, Никита Нахичеванский решил ехать в США, на поиски достойной работы⁴⁰. Мария Михайловна со старшим сыном, поступившим на службу в Египетскую королевскую армию, переехали в Каир³⁸. Дочери Георгия Нахичеванского, скитавшиеся долгое время по Европе, разлетелись в разные стороны: Татьяна с первым мужем (всего мужей было четверо) жила в Великобритании, Мария - во Французской Полинезии, на Таити².

Послесловие

Разрушены их дома. Национализирована собственность. Стерты с лица земли могилы.

Последние из них были уничтожены или высланы, некоторые бежали сами.

Время разорвало все связи.

Дети их и потомки рассеяны по всей планете и не знают ничего о существовании друг друга.

Таков результат работы исторической мясорубки...

Хочется верить, что когда-нибудь, в ясный солнечный день, представители рода Кенгерлы соберутся в одном древнем городе на берегу Аракса.

Прикатят на автомобиле из соседнего Ирана дети первого пилота и военного министра Мохаммада Нахджавана (так произносится там фамилия Нахичеванский), место которого в генеалогическом древе семьи еще не определено.

Прилетит из далекой Филадельфии молодой улыбчивый кардиолог с типично восточным лицом — Фред Нахджаван.

В самолете, пересекающем Атлантику, с ним рядом будут сидеть внук Георгия Нахичеванского — процветающий продюсер-документалист, а по совместительству заместитель председателя Общества помощи русским детям Джордж Нахичеванский, и генерал армии Соединенных Штатов, один из высших офицеров Норфолка Энтони Нахичеванский.

Прилетят также их родственники из Франции, Бельгии, Южной Кореи, Египта, Мексики.

Из российского Липецка транзитом через Москву к очагам далеких предков отправится дочь старшего лейтенанта РККА Иззета Нахичеванского — Эмма. А если возраст не позволит ей быть на волнующем собрании родственников, она будет ждать их звонка дома.

Из Киева придут дети Тарлан Ханум Нахичеванской, а из Ташкента - сын Ханумджан Ханум Сейхун Фараджевич и ее внук Фарадж Узеирович.

Встречать всю эту разношерстную компанию придется, конечно, детям и внукам заслуженного педагога Азербайджана Хабиб Хана Нахичеванского. Дочь этого убежденного седиными старейшины рода-ректор Бакинского педагогического университета Агия Ханум - примет на себя обязанности компетентного экскурсовода, а также переводчика и главного организатора. Ее миссию поддержат внуки и правнуки Ханумджан Ханум Нахичеванской, проживающие в Баку, и дочь Сеймур Хана Нахичеванского — Сима. Во главе торжественного стола будет сидеть Энвер Ханум Кенгерлинская/Нахичеванская.

Родня, наконец, соберется и познакомится. Увидит историческую Родину. Вспомнит деяния предков. Восстановит связующую нить эпох.

...Но если этого и не произойдет, если фантазии автора не суждено стать предсказанием и воплотиться в действительность, то хорошим незримым мостиком между прошлым и будущим послужит, надеюсь, эта книга.

...Написанная в память славных кенгерлинцев, но написанная для нас, наших детей и внуков.

Поколенная родословная роспись Нахичеванские ханы — потомки Мураде Халифе

**Таблица 1:
I поколение**

1. Мураде Халифе (Мурад Хан). Родоначальник. По документам, поданным в 1865 г. в Эриванскую бекскую комиссию, - Владетельный хан Нахичевани при персидском правительстве¹.

II поколение

2/1. Аббас-Кули Хан (ум. ок. 1810)². Нахичеванский хан с начала 80-х гг. XVIII в. Ставленник карабахского Ибрагим Хана. В 1783 г. вынужден был уступить свое место двоюродному брату Джафар-Кули Хану. Поселился в Картли-Кахетии у царя Ираклия II. С 1891 г. содержался аманатом у Ага Магомед Хана. В начале XIX в. неоднократно предпринимал попытки восстановиться на ханском троне с помощью войск персидского принца Аббаса Мирзы, а также российских войск кн. П. Д. Цицианова. С перерывами управлял ханством в качестве хакима (губернатора), вплоть до своей смерти. По нескольким источникам - был казнен³.

3/1. Келб-Али Хан «Кер» («Слепой») (ум. ок. 1823). Владетельный хан Нахичевани с 1787 г. В 1797 г. попал в руки утвердившегося у власти в Персии Ага Магомед Шаха Каджара. За неповиновение и связи с русским военачальником гр. В. А. Зубовым, возглавлявшим в 1796 г. действовавший против персов корпус, он был ослеплен, а в Нахичевани посажен его брат Аббас-Кули Хан (2/1). После гибели Ага Магомед Шаха К.-А. освобожден из плена и поселился у своего тестя Магомед Хана Эриванского и, несмотря на слепоту, стал его советником и военачальником. В 1800-1803 гг. он возглавлял эриванские войска, противостоящие персам, пытавшимся оккупировать ханство, а также и русским, в приграничных конфликтах с Грузией. В 1804 г. К.-А. вместе с Магомед Ханом возглавлял оборону креп. Эривань против российских войск кн. П. Д. Цицианова. После ухода русских войск он восстановил свою власть в Нахичевани, но весной 1808 г. был вероломно арестован по приказу правителя провинции Северный Азербайджан. Прошенный Аббасом Мирзой, он принял участие в кампаниях против русских войск 1810 г. Ок. 1815 г. поставлен хакимом (губернатором) Нахичевани, Управлял областью, с перерывами, до 1820 г.⁴ Получал от персидского правительства пенсию (св. 1818)⁵. В 1823 г., по семейной легенде, он отправился в Хадж, во время которого и умер.

Из жен известна Имми-Шариф Ханум (род. ок. 1780)⁶ (от нее, в частности, сын Фарадж-Улла Хан)⁷.

4/1. Керим Хан. Участник русско-персидских войн на стороне Персии⁸. С 1809 по 1827 г., с перерывами, был хакимом Нахичевани⁹. После занятия Нахичеванского ханства

российскими войсками в 1827 г. переселился в Персию, где ему было предоставлено имение в Марагинском ханстве¹⁰. Нахичеванские поместья реквизированы в российскую казну.

Из детей известны: сын Имам-Кули Хан и дочь Бадыр-Ниса Бегум, жена Эхсан Хана (7/3)".

III поколение

6/3. Назар-Али Хан (Калбалай-хан-оглы) (ок. 1776 - 4.08.1856). Участник первой русско-персидской войны на стороне персов¹². Долгое время находился у Фетх-Али Шаха в качестве аманата. Несколько раз назначался хакимом Нахичевани⁴. Получал от персидского правительства пенсию (св. 1818)⁵. После присоединения Нахичеванск го ханства к Российской Империи проживал в Нахичевани без службы, числился по иррегулярным войскам. Полномочный министр по делам в Персии А.С. Грибоедов в 1828 г. хлопотал о назначении ему пенсии в 1.100 червонцев в год¹³; пенсия утверждена¹. «За услуги отца» произведен «прямо в подполковники" (27.11.1837); затем, «за отличия по службе» — в полковники (27.03.1855). Имел серебряную медаль в память путешествия Императора Наколяя I по Кавказу в 1837 г.¹⁴.

Из **тиульных** имений, предоставленных российским правительством, известно селение Назар-Абад (8,5 верст в окружности, 310 харваров поливной земли, св. 1831)¹⁵. Владел в Нахичевани общественной баней¹⁶. По св. на 1850 г., имел 8 наследственных дер.: Али-Абад (360 руб. годового дохода), Тумбул (700 руб.), Ямхана (500 руб.), Ханага (600 руб.), Зейнадин (400 руб.), Вайхир (200 руб.). Назар-Абад (см. выше) (300 руб.) и Зувала (150 руб.). Имел также виноградный сад и два дома.

По сведениям на 1831 г., жена Фатима Ханум (род. ок. 1776) умерла, осталось две жены: Зогра Ханум (род. ок. 1816) и Биби Ханум (род. ок. 1806)¹⁷. В 1858 г. значится только последняя. Потомки Н.-А. после 1866 г. носили фамилию *Нахичеванские*¹⁸.

7/3. Эхсан Хан I (1.Эхсан-хан; 2.Ихсан-хан; 3.Эхсен-хан; 4.Ехсан Хан) (ок. 1789 -26.02.1846)⁹. В юности состоял на персидской службе, получал пенсию (св. 181 КГ. Уча стник персидско-турецкой войны (1821-1823) (за отличие награжден титулом «Хана» с титулованием «Ачиджа») ²⁰. Сергенк персидской армии (св. 1822-1827), командир На хичеванского батальона сарбазов, начальник псовой охоты наследника персидского престола принца Аббаса Мирзы²¹. Во время второй русско-персидской войны (1826-1828). по предварительной тайной договоренности, сдал русским войскам креп. Аб-бас-Абад и перешел на российскую службу. Пожалован в полковники и назначен российским наибом (наместником) Нахичеванского ханства (1828-1839)²². Генерал-майор (5.10.1837). В 1839 г. по настоянию главноуправляющего на Кавказе ген. Е. А. Головина добровольно отказался от должности наиба. Ему присвоено звание походного атамана Кенгерлинских всадников, а затем атамана Закавказских мусульманских войск. Награжден орденом Св. Анны 2 ст. (23.05.1831). Производилась пенсия по 2200 руб. се-ребр. в год²³.

Имел: дворец в Нахичевани, построенный им у подножья башни Атабека²⁴. Из тиульных имений известны Аралих-Кальб-Али-Хан, Тазакенд, Хок (св. 1830)¹⁵. Аразин Джамачетдин и Кизил-Ванк (св. 1830, 1841)²⁵. Из мюльков (наследственных имений) известны дер. Сираб (1/3 земли) (св. 1831)¹⁵, Кивраг (Хывраг) (1/3 часть) (св. 1837)²⁶, Чешма-Басар, Полистан, Ахкенд, Бист и Алляги (св. 1841)²⁵.

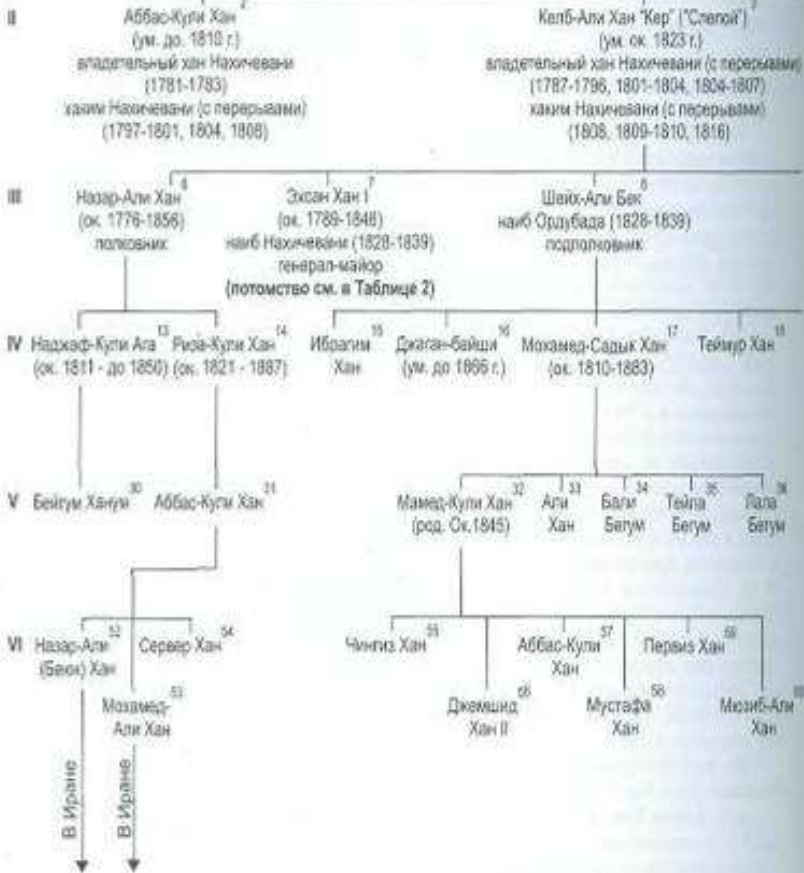
В камеральном описании Нахичевани 1831 г. жен не показано: Хурда (род. ок. 1789)

Таблица 1

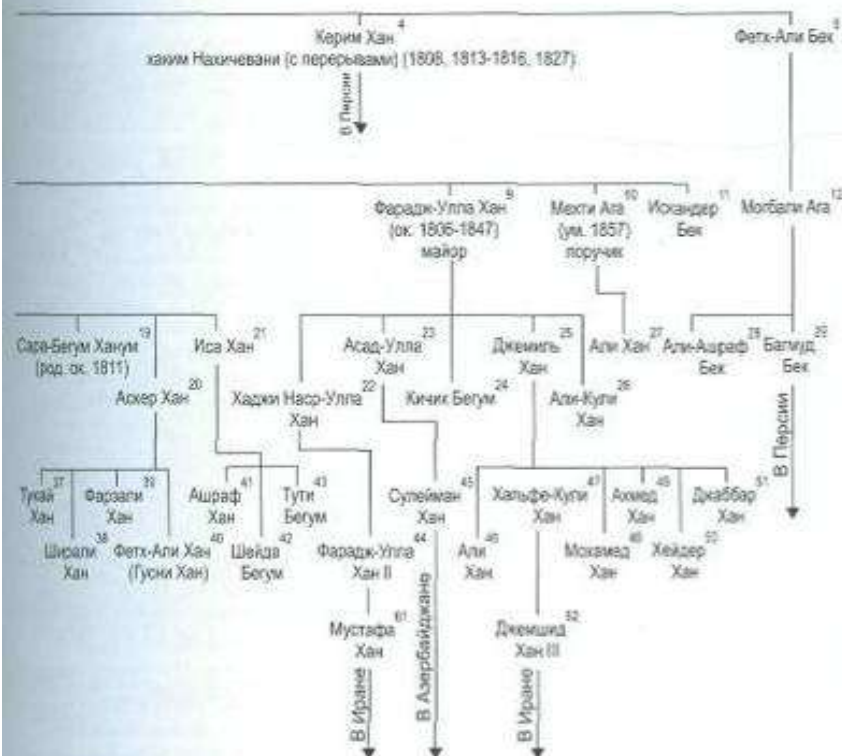
Нахичеванские ханы -

I поколение

Мураде Халифе¹
[Мурад Хан]
выходец из Диарбекира

потомки Мураде Халифе

Составлено на основе:

1) Посемейный список в Камеральном описании г. Нахичевани 1831 г.

[Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР), Ф. 24, Оп. 1, Д. 353, 357 л.]

2) "Списки по уездам всех лиц, принадлежавших к Ханским фамилиям Закавказского края" [Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 1268, Оп. 1, Д. 731-6].

3) Посемейная роспись, представленная ханами в Эриванскую бекуюю комиссию [Государственный исторический архив Республики Армения (ГИАРА), Ф. 89, Д. 22, а также

4) Родословной таблицы, составленной востоковедом К. Н. Смирновым по сведениям нахичеванских старожилых в 1934 г. [Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Институт рукописей АН Груз. ССР, ф. 39]

1789) и Хадиджа (род. ок. 1816) к тому времени умерли, Фатима (род. ок. 1801) и Телли (род. ок. 1813) «отпущены»²¹. В то же время известна еще одна жена Э. — Бадыр-Ниса Бегум, дочь последнего хакима Нахичевани при персидской власти - Керим Хана Кенгерлы (от нее, в частности, — сын Келб-Ачи Хан)¹.

8/3. Шейх-Али Бек (1.Ших-Али-бек; 2.Шах Ачи бек). После ареста персами весной 1808 г. всей его семьи бежал в Карабах, к русским. Участвовал летом того же года в походе отряда ген. П. Ф. Небольсина на Нахичевань. С отходом русских войск ушел вместе с ними, проживав в Карабахе²⁸. После реабилитации отца бежал в Персию (1809). В персидской армии имел чин сергенка. В бою 19-20 октября 1912 г. у креп. Асландуз захвачен в плен русским отрядом ген. П. С. Котляревского; выпущен главноначальствующим на Кавказе ген. Н. Ф. Ртищевым под честное слово, с обещанием переселиться со всей семьей в Российскую Империю²⁹. Жил в г. Ордубад. Во время второй русско-персидской войны оказал помощь русским войскам в захвате этого города. Назначен российским наибом г. Ордубад (1827-1839), произведен в звание майора (1827). Подполковник (1837)²².

Владел в Нахичевани общественной баней. На тиульных правах ему предоставлены имения в дер. Джанкенд, Гярмячатах, Иткран, Дигин, Бузгау, Кюрадис, Огбун, Султан-бег (св. 1830)⁶. Также известно имение Шейх-Махмуд (наполовину с неким Нафуллой Ханом Карабахским) (700 харваров, 400 из них-поливной земли, 1 мельница) (св. 1831)⁴

В 1839 г., после упразднения власти наибов, бежал в Персию. Все имения реквизированы в казну³⁰. Оставшиеся в России потомки в 1867 г. приняли фамилию *Кельбалихановых*³¹.

9/3. Фарадж-Улла Хан (1.Ферадже-ага; 2.Фераджи-Улла-бек) (ок. 1806 - 1847). С момента занятия Нахичеванского ханства россиянами (1827) перешел на русскую службу; управлял делами в г. Нахичевань, с подчинением военному коменданту креп. Аббас-Абад³². Участник русско-турецкой войны (1828-1829) и экспедиции в Дагестан (1831). Капитан (св. 1831), затем майор русской службы. Кавалер ордена Св. Владимира 4 ст. с бант. (1830).⁶ Получал от российского правительства пенсию 250 руб. сер. в год (св. 1837)²⁶, затем 292,50 руб. Командир Кенгерлинской конницы (предположительно до 1840).

Нахичеванский помещик: владел землей в дер. Коша-диза (наполовину с неким Молла-Мохамед Ханом Шахбаз-оглы) (окружность 8 верст, 350 халваров поливной земли) (св. 1831)¹⁵.

На 1831 г. известна одна жена — Перизад Ханум (род. ок. 1811 — ум. до 1831)⁶. По более поздним данным (1858) - было три жены: Маниджа Ханум, Фатъма Ханум и Шариф Ханум⁷.

Его потомки в 1867 г. приняли фамилию *Кельбалихановых*³¹.

10/3. Мехти Ага (Султан Мехти-ага Калбалай-хан-оглы) (ум. 27.05.1857)³³. С момента занятия Нахичеванского ханства россиянами (1827) перешел на русскую службу; обеспечивал сообщение между Нахичеванью и Эриванью и управлял пунктами на этой стратегической дороге³². Участник русско-турецкой войны (1828-1829) и экспедиции в Дагестан (1831). Произведен прямо в поручики (22.09.1833). Проживал без службы в г. Нахичевань³³. Получал жалованье 250 руб. сер. в год (св. 1837)²⁶.

Еще от персидского правительства имел тиульные имения: дер. Аралих (доход 600 руб. сер. в год), Шакар-Абад (200 руб.), Джагры (400 руб.), Ярыш (250 руб.). Владение землями в дер. Шакар-Абад (окр. 21 верст, 1200 харваров пахотной земли) было признано и российским правительством (св. 1831)¹⁵.

Жены: Биби Ханум и Хирда Ханум³⁴.

Недовольный своим положением, бежал в Персию (до 1841). Затем вернулся, проживал и умер в Нахичевани³⁵.

12/5. Могбали Ага. Имений не имел. Эмигрировал в Персию в 1847 г. Жена Коячах Ханум³⁴.

IV поколение

13/6. Наджаф-Кули Ага (Наджав-Кули-бек Назар-Али-Хан-оглы) (ок. 1811 - до 1850)³⁶. Произведен прямо в поручики (27.07.1833)³⁷. Житель г. Нахичевань. Владел предоставленными отцом именьями в дер. Али-Абад (окр. 7 верст, 120 харваров поливной земли, 1 мельница) и Ямхана (16 верст, 150 харваров) (св. 1831)¹⁵.

Жена Сара-Бегум Ханум (род. ок. 1811), дочь подполковника Шейх-Али Бека (8/3)¹⁷.

14/6. Риза-Кули Хан (Риза-Кули-Мурад-Хан) (род. ок. 1821 - 1887). По свед. на 1831 г., находился в г. Варшаве, в свите фельдмаршала И. Ф. Паскевича¹⁷. *«Из воститанников Дворянского полка»*. Состоял по кавалерии, прикомандирован к Уланскому Его Высочества Великого князя Михаила Павловича полку. Корнет (10.08.1845). Затем вернулся на родину и был зачислен в число офицеров Кенгерлинского войска (1848). Подпоручик (27.11.1856). В последние годы жизни проживал без службы в г. Нахичевань³⁸. В 1865-1867 гг. член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому у.³⁹ Хаджи. На 1858 г. его женой показана бывшая жена старшего брата — Сара-Бегум Ханум³⁶.

15/8. Ибрагим Хан. По св. на 1850 г. - владел землями в дер. Азы и Дер (по 90 руб. сер. дохода в год), половиной в дер. Назир-Абад (150 руб.); имел хлебопахотную землю и сад⁶¹.

16/8. Джаган-бахши (ум. до 1866). Прапорщик русской службы³¹.

17/8. Мохамед-Садык Хан (1.Магме!-Садык-Бек; 2.Мамед-Садых-Гаджи-Бек; 3.Ма-мед-Садых-Бек Ших-Али-Бек-Оглы) (ок. 1810 - 1883). С 1827 г. помогал отцу в управлении г. Ордубад⁶². Участник русско-персидской войны 1826-1828 гг. Произведен прямо в поручики (12.08.1829). Заведовал сбором податей в Ордубаде (св. 1837)²⁶. Содержания от казны не получал. Приказом по иррегулярным войскам в 1856 г. (№ 33) произведен в штабс-капитаны. Имел серебряную медаль в память русско-персидской войны 1826-1828 гг. и путешествия по Кавказу Императора Николая I в 1837 г. Проживал без службы в Ордубадском у.³⁷ Член Эриванской бекской комиссии по Ордубадс-комуу. (1865-1867)³⁹.

Имел землю в дер. Яйджи (доход 60 руб. сер. в год), два сада (100 и 300 руб.)⁶¹.

18/8. Теймур Хан. Состоял в родстве с беками Кенгерлинскими. Его дети вырезаны армянской дружиной Андраника во время нападения на Нахичевань в 1918 г.⁴⁸.

19/8. Сара-Бегум Ханум. Жена Риза-Кули Хана Нахичеванского (14/6)⁶³.

20/8. Аскер Хан. Содержания от казны не получал. Член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому у. (1865-1867)³⁹. Владел землями в дер. Азы и Дер (доход по 45 руб. сер. в год). Жена Али Ханум³⁹.

21/8. **Иса Хан** (род. ок. 1818). По св. на 1848 г., занимался домашним хозяйством⁶⁵. Содержания от казны не получал. Владел землями в дер. Устуги (доход 70 руб. сер. в год), Шейх-Махмуд (150 руб.)⁶⁶.

22/9. Хаджи Наср-Улла Хан. Проживал в сел. Карабагляр Нахичеванского у. (св. 1856). Участник Восточной войны 1853-1856 гг., помощник сотенного командира Бекской сотни в Эриванском отряде.

Из наград известны: золотая медаль в петлицу с надп. *«За храбрость»* (*«за отличие при взятии Эриванским отрядом турецкого лагеря у монастыря Сурб-Оганес 13 июня 1855 г.»*)⁶⁷.

Совершил паломничество к святым для мусульман местам. Близ сел. Хачапарах (в 17 км. от Нахичевани) у пещеры Асхабулькяф, почитаемой как святое место, выстроил мечеть⁶⁸. В 1865-1867 гг. член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому у.³⁹

После смерти отца, вместе с матерью, сестрой и братьями владел именьями: Кара-баглар (доход 100 руб. сер. в год), Аджи (50 руб.), Кабулу (50 руб.), Танакал (25 руб.), половину дер. Коша-диза⁶⁹.

Его дети в 1920 г. эмигрировали в Персию (г. Маку)⁴⁸.

23/9. Асад-Улла Хан. Проживал в Нахичевани (св. 1856). Участник Восточной войны 1853-1856 гг., в должности наиба в рядах Конно-мусульманского полка № 4 Эриванского отряда. Из наград известны: золотая медаль с надп. *«За храбрость»* для ношения на шее (*«за отличия в разновременных делах против неприятеля и труды, понесенные в продолжение кампании 1855 года в Азиатской Турции»*)⁶⁷.

Был женат на сестре начальника Кенгерлинского племени Исмаил Аги⁴⁸.

V поколение

32/17. Мамед-Кули Хан (Мамед-Хан Мамед-Садык-Ага-Оглы-Кельбалиханов) (род. ок. 1845). Кавалерийский офицер, корнет 9 гусарского Киевского полка. 14 ноября 1866 г. переведен в 10 уланский Одесский полк⁹⁸. 07 апреля 1867 г. уволен со службы *«по домашним обстоятельствам»* поручиком⁹⁹.

44/22. Фарадж-Улла Хан П. В родстве с родом Макинских. После советизации Азербайджана эмигрировал в Персию⁴⁸.

45/23. Сулейман Хан. Состоял в родстве с беками Кенгерлинскими. В начале 30-х годов XX столетия его сын учительство ват в Нахичевани⁴⁸.

48/25. Мохамед Хан (Мамед-Кули-Хан Калбалай-Ханов). В службу вступил в 4 взвод Собственного Е. И. В. конвоя оруженосцем (06.05.1865). Произведен в юнкеры (14.09.1865). При увольнении из конвоя (после 4-летней службы) произведен в прапорщики милиции (21.08.1869)¹⁰¹ и награжден серебряной медалью на аннинской ленте для ношения на шее с надп. *«За службу в конвое Государя Императора Александра Николаевича»*¹⁰¹.

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. зачислен в Эриванский конно-иррегулярный полк, команловат сотней. Участник 23-дневной обороны креп. Баязет. Корнет⁷².

VI поколение

52/31. Назар-Али Хан (1.Буюк-хан; 2.Бёюк-хан). Коллежский регистратор (св. 1916), городской староста г. Нахичевани (1913-1916)¹⁰². Вместе с братьями владел землями в сел. Назир-Абад (439 десятин), которые впоследствии продат в казну за 16.207,90 руб¹⁸. После советизации Азербайджана в эмиграции в Персии, жил в г. Тебриз, зарабатывал постановкой артистических номеров перед публикой⁸⁶. По данным ГПУ, входил в антисоветскую эмигрантскую группу «беспартийных» и был членом организации «Независимый Кавказ»¹⁰³.

53/31. Мохамед (Мамед)-Али Хан. После советизации Азербайджана эмигрировал в Персию, жил в г. Тебриз, работал проводником поезда на Джульфо-Тебризской железной дороге⁸⁶. Его дочь была замужем за турецким офицером⁴⁸.

54/31. Сервер Хан. Чиновник Хкл. Нахичеванского полицейского управления, нижним чин (св. 1903 г.)¹⁰⁴. Состоял в родстве с беками Кенгерлинскими (был женат на дочери Шахбаз Ага)⁴⁸.

55/32. Чингиз Хан. Состоял на гражданской службе: не имеющий чина, переводчик (и.д.) Нахичеванского уездного управления, в Шаруро-Даралагезском участке (св. 1888)¹⁴⁵. Затем коллежский секретарь, помощник полицейского пристава г. Нахичевань (св. 1903)¹⁴⁶.

59/32. Первиз Хан. Состоял в родстве с беками Кенгерлинскими⁴⁸.

61/44. Мустафа Хан. Родственник Ханов Макинских. По св. на 1934 г. — в эмиграции в Персии⁴⁸.

62/47. Джемшид Хан III. По св. на 1934 г. - в эмиграции в Персии⁴⁸.

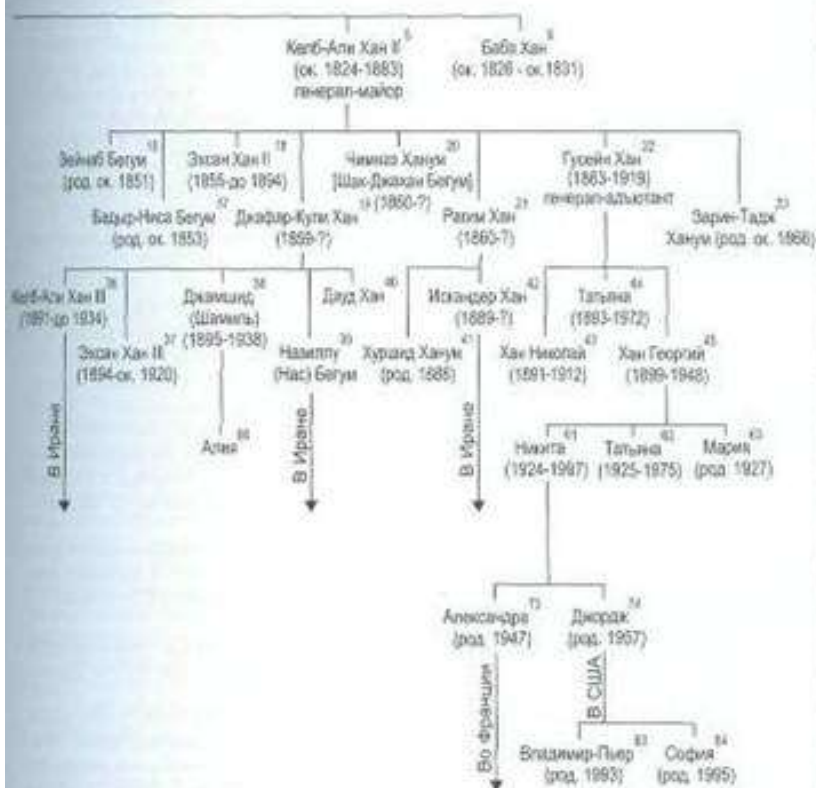
**Таблица 1: Потомки Мураде Халифе
по линии генерал-майора Эхсан Хана (7-1)
IV поколение от Мураде Хачифе**

2/1. Сона Бегум (род. ок. 1817). Член образовательного и благотворительного общества Св. Рипсимии⁴⁰.

3/1. Исмаил Хан (1.Измаил-Хан; 2.Эксан-Хан-Оглы) (05.01.1819 - 10.02.1909)⁴¹. «Из Ханов Эриванской губернии», «вероисповедания магометанского». Воспитанник Тифлисской гимназии (как гласил формулярный список на 1844 г., «российской, персидской и татарской грамоте читать и писать умеет»). Начал военную карьеру в Кенгерлинском войске (г. Нахичевань). В 1837 г. находился в составе конвоя Императора Николая I во время путешествия того по Кавказу, за что получил серебряную медаль для ношения в петлице. В 1839 г. поступил на службу в Закавказский конно-мусульманский полк (г. Варшава) наибом (3.05.1839). Прибыл в полк 15 октября. За отличие по службе во время смотров и маневров 1840 г. под Варшавой произведен в прапорщики (28.10.1840). Поручик (27.12.1841). Штабс-капитан (29.02.1844). С разрешения главнокомандующего действующей армией генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича 2 мая 1844 г. отправился в 4-месячный отпуск домой. В полк уже не вернулся, так как срок службы истек⁴². Высочайшим приказом назначен по кавалерии, с состоянием при отдельном Кавказском корпусе (03.03.1845).

потомки Мураде Халифе

После смерти отца занял пост начальника Кенгерлинского войска (19.09.1847). Капитан (05.02.1853). Участник Восточной войны 1853-1856 гг. (начальник Бекской дружины (10.11.1853) и помощник командира Конно-мусульманского полка № 4 (01.05.1854 - 05.12.1854) в Эриванском отряде). За отличие переведен в Л.-гв. Казачий Е. В. полк с переименованием в ротмистры (4.08.1855). Полковник (03.04.1860).

В 1865-1867 гг. состоял членом Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому.³⁹

Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (командир Эриванского конно-иррегулярного полка с 05.05.1877 по 28.01.1878). Герой знаменитой обороны креп. Баязетв июне 1877 г. За это отличие удостоен чина генерал-майора (19.12.1877) и награжден орденом Св. Георгия 4 ст. (31.12.1877). Генерал-лейтенант (28.10.1890). Уволен со службы с мундиром и пенсией, с производством в генералы от инфантерии (18.08.1908)⁴³.

Кроме ордена Св. Георгия награжден: орденом Св. Станислава 3 ст. с меч. (13.10.1856), 2 ст. с Императорской Коронай (22.09.1872) и 1 ст., для нехристиан установленным (06.10.1888); Св. Анны 1 ст., для нехристиан установленным (01.01.1901); Св. Владимира 4 ст. с бантом, для мусульман установленным (22.09.1867), 3 ст. (21.06.1883), 2 ст. (06.12.1907). Кроме того, разрешено принять и носить персидский орден Льва и Солнца 3 ст. (10.08.1845), 2 ст. (23.01.1868), 1 ст. (10.03.1903).

На 1908 г. получал жалованья 2472 руб⁴³.

Крупный помещик: владел именьями в дер. Кивраг, Тахбуз, Нурс, Сираб; в Нахичевани имел каменный дом, сад, караван-сарай: приобрел поместья в дер. Бадамлы и Али-Абад, а также 4 сада в Нахичевани, мельницу, баню, два дома (в одном из них 21 комната). Кроме того, на тиульных правах, вместе с братом Келб-Али Ханом, правительство предоставило ему земли в дер. Тазакент, Хок, Аразин Джамалетдин⁴³. После смерти отца, помимо вышеупомянутого имущества, вместе с братом Келб-Али Ханом и сестрой Лалой Ханум получил во владение дер. Баят и Алляги, а по Высочайшему повелению в «подчиненное владение» — дер. Ахкэнд, Ахдара и Расул-Кишлак. Покупкой приобрел дер. Аралих (400 руб. сер. дохода в год), Зейва (в Эриванском у), Бадамлы. Имел 20 лавок и хлебопахотные земли в городской черте⁴⁴.

Из его жен известны: 1) Ханым-Джан Ханум (род. ок. 1819)⁴⁵, дочь начальника Кенгерлинского племени Новруз Ага (от нее все дети)⁴⁶ (в 60-70-х гг. XIX в. состояла членом образовательного и благотворительного общества Св. Рипсимии в г. Эривань)⁴⁷; и 2) Шовкет Ханум⁴³, дочь Аббас-Кули Хана Эриванского⁴⁸.

4/1. Лала Бегум (Ага-Бегум-ханум). Состояла членом общества Св. Рипсимии (50-60-е годы XIX в.)⁴⁰. Муж — эриванский помещик, участник Восточной войны Шукюр Хан Макинский⁴⁹.

5/1. Келб-Али Хан И (Калбалай-хан-Эксан-хан-Оглы) (1824-03.1883)⁵⁰. «Из владетельной ханской фамилии Эриванской губернии. Вероисповедания магометанского». Воспитывался в Пажеском Е. В. корпусе⁵¹, «куда он был отправлен по повелению императора Николая I, но курса не окончил и по болезни вернулся на родину» (1846). В 1848 г. назначен начальником Нахичеванской милиции, с которой «охотником отправился в поход в Дагестан и при взятии Гергебиля заслужил первый офицерский чин»⁵². Произведен в прапорщики (21.05.1849). «Согласно желания», определен младшим чиновником особых поручений при Эриванском военном губернаторе (14.04.1851), в том же году — старший чиновник (13.12.1851). За отличие по службе произведен в подпоручики (30.01.1853). С началом Восточной войны (1853-1856) формировал в губернии иррегулярные части (25.10.1853 назначен начальником собранных трех сотен милиции). Назначен начальником

Бекской дружины (14.05.1854)⁵³. Совершил подвиг в знаменитом бою на Чингильских высотах 17 июля 1854 г., за что был награжден орденом Св. Георгия 4 ст.⁵⁴. Во время той же Восточной войны «*усмирив вспыхнувшее в Нахичеванском уезде восстание и переловил зачинщиков*»⁵⁵. За отличия в делах с турками произведен в поручики (17.01.1855).

Переведен в Л.-гв. Е. В. Гусарский полк поручиком (26.08.1856). Назначен состоять при Кавказской армии (22.09.1858). За отличие по службе штабс-ротмистром (12.04.1859). На вакансию ротмистром (03.04.1860). Назначен инспектором земской стражи Эриванской губ. с отчислением от Кавказской армии (22.06.1862). Полковник (19.04.1864). Отчислен от должности инспектора земской стражи (19.07.1867). Назначен состоять при Кавказской армии (03.06.1868). За отличие по службе генерал-майором, с зачислением по арм. кавалерии и с оставлением при Кавказской армии (14.09.1874)⁵³. Состоял при наместнике Вел. кн. Михаиле Николаевиче, числился в списках Л.-гв. Е. В. Гусарского полка⁵⁶. Проживал в 70-е годы в Тифлисе.

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. назначен командующим конно-иррегулярной бригадой из Эриванского и Куртинского полков (10.05.1877), участник освобождения Баязетского гарнизона. Затем командовал легучими кав. отрядами (численностью до дивизии). За отличие при штурме позиции Деве-Войну у г. Эрзерум (23.10.1877) награжден Бриллиантами украшенной золотой саблей (08.12.1878).

Кроме ордена Св. Георгия и золотой сабли награжден: орденом Св. Станислава 2 ст. для нехр. с Императорской Коронай (1871) и 1 ст. с меч. (30.05.1878); Св. Анны 1 ст. с меч. (1878); Св. Владимира 4 ст. с бантом (за 25 лет службы в офицерских чинах (22.09.1875, утвержден 24.01.1876) и 3 ст. с мечами (02.12.1877). Из иностранных орденов известен персидский орден Льва и Солнца 2 ст. (1857).

После войны назначен командующим 2 бригадой 2 Кавказской кав. дивизии, а затем 2-й бригадой 1-й Кавказской кав. дивизии (1878-1879). 16 марта 1880 г. по состоянию здоровья отчислен от должности, с назначением состоять в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией. Выехал для лечения за границу (Австро-Венгрия, Германия, Италия, Франция)⁵³. Согласно представления командующего войсками Кавказского военного округа кн. Дондукова-Корсакова от 12 июня 1882 г. «*по особым политическим соображениям*» подлежат оставлению при войсках округа сверх штата⁵⁶. На 1882 г. показано жалованье 1524 руб., столовых денег 1800 руб. в год⁵³. Помещик. На титульных правах, совместно с братом Исмаил Ханом, ему были пре-доставлены имения Тазакент, Хок, Аразин Джамалетдин⁷. Владел, вместе с братом и сестрой Лалой Ханум, имуществом, перешедшим по наследству от отца (см. выше). Действительный член Кавказского общества сельского хозяйства (1874-1877)⁵⁸.

Был женат на Хуршид Ханум (род. ок. 1828), дочери майора Ахмед Хана Макинско-го⁵³ (в 50-60-х гг. XIX века состояла членом общества Св. Рипсимии в Эривани)⁵⁹.

С 1876 г. часто болел⁵⁶. По сведениям сына, «*на войне он окончательно расстроил свое здоровье и вскоре умер исключительно вследствие боевых трудов*» (03.1883)⁶⁰.

V поколение

7/3. Аман Хан (1.Аман-Улла-хан; 2.Аман-Ула-Хан-Эксан-Ханов) (15.06.1845 - ок. 1891)⁴⁶. «*Из почетных жителей Эриванской губернии. Вероисповедания магометанского. Грамоте не знает*». В службу вступил в 4 взвод Собственного Е. И. В. Конвоя оруженосцем

(01.05.1865). Прибыл и зачислен в конвой (13.09.1865). Произведен в юнкеры (01.11.1865). При увольнении (после 4-летней службы) произведен в прапорщики милиции (21.08.1869)⁷⁰ и награжден серебряной медалью на аннинской ленте для ношения на шее с надп. «За службу в конвое Государя Императора Александра Николаевича»⁷¹.

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. зачислен в Эриванский конно-иррегулярный полк. Контужен в бою 6 июня 1877 г. под г. Баязет, участник баязетского 23-дневного «сидения»⁷². Высочайшим приказом от 19 декабря 1877 г. произведен корнетом в Л.-гв. Е. В. Казачий полк. Награжден орденом Св. Анны 3 ст. с меч. и бант. (25.04.1878).

Жена — поэтесса княжна Ханбике Ханум Уцмиева (1855-1921) (брак 1872), дочь ген.-м. кн. Х. М. Уцмиева и азербайджанской поэтессы Хуршидбану Бегум «Натаван». (После смерти Аман Хана Ханбике вторично вышла замуж, проживала в Елизавет-польской губ.).

8/3. Гарлан Ханум (род. 13.10.1848)⁴⁶. Муж — Аббас-Кули Хан Эриванский. У них совместные дети: Га сан Хан (после установления Советской власти в Азербайджане проживал в Эривани⁴⁸), Фахрин-Тадж Ханум (муж - ротмистр Джафар-Кули Хан Нахичеванский), Гевхар Ханум, Керим Хан⁷³ (офицер-кавалерист, участник I мировой войны в рядах Кабардинского конного полка Кавказской Туземной конной дивизии). Ханлар Хан и Таджи Ханум.

9/3. Хадыр Ханум (род. 15.07.1850)⁴⁶.

10/3. Бехман Хан (Бахман Хан) (род. 02.09.1851)⁴⁶. Жена - дочь генерала Келб-Али Хана (5/1) — Чимназ Ханум Нахичеванская⁷⁴. По некоторым данным — состоял членом Нахичеванского кружка «франкмасонов»⁷⁵.

11/3. Хабиб-Улла Хан (род. 17.10.1852)⁴⁶. Жена - принцесса Навваб-Ага Ханум, дочь принца Бехмен Мирзы Каджара⁷⁶.

12/3. Солтанат Ханум (род. 20.10.1850)⁴⁶.

13/3. Азис Хан I (род. 15.05.1857)⁴⁶.

14/3. Сона Бегум (род. 20.02.1859)⁴⁶.

15/3. Азис Хан II (15.01.1860 - 10.04.1883)⁴⁶. Прапорщик милиции (св. 1883)⁷⁷.

18/5. Эхсан Хан II (Эксан-Хан-Нахичеванский) (14.07.1855 - до 1894). «Из владетельной ханской Фамилии», «вероисповедания магометанского». Воспитанник Пажеского Е. В. корпуса: зачислен в пажи к Высочайшему двору (31.07.1867), определен в комплект (03.09.1868), произведен в камер-пажи (31.01.1873), «выпущен по первому разряду». Произведен корнетом в Л.-гв. Уланский Ее Величества полк (г. Петергоф) (10.08.1873). Поручик (04.04.1876).

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Э. уезжает на Кавказ и зачисляется в отряд ген. И. Д. Окловжю (прикомандирован 23.04.1877), целью которого было наступление на турецкий порт Батум. 16 мая 1877 г. он ранен при штурме высот Самеба, расположенных в устье р. Кинтриши.

С мобилизацией родного полка и отправкой гвардейцев на Балканы Э. выезжает в Болгарию (откомандирован 03.11.1877). Участвуя во всех боевых действиях лейб-улан, в том числе в переходе через Балканы, он проходит с полком всю кампанию. После заключения Сан-Стефанского мира остается с ним на демаркационной линии. Произведен штабс-ротмистром (16.04.1878). Незадолго до отправки в Россию Э. попадает историю, в результате которой он отчислен из гвардии за то, что «в нетрезвом состоянии» «нанес удары саблём трем рядовым 11-го Отделения расформированного Интендантского транспорта и двум казенно-подъемным лошадям». Зачислен по арм. кавалерии майором (11.10.1879).

В 1879 г. Э. поступает в Николаевскую Академию Генерального штаба (12.10.1879), но при переходе на старший курс не сдает переходный экзамен. По собственному желанию

он командирован в распоряжение ген. М. Д. Скобелева для участия в Ахал-Текинской экспедиции (28.11.1880). Командовал 4 батальоном 81 пехотного Апшеронско-го полка во время штурма креп. Геок-Тепе 12 января 1881 г., ранен во время штурма. После экспедиции остался в рядах полка (переведен с 10.08.1881). До отставки Э. проходил службу еще в 16 гренадерском Мингрельском полку (15.02.1884 - 01.06.1887). Подполковник (06.05.1884). На 1887 г. значится холостым. Содержание: жалованье 495 руб., столовых 666 руб., квартирных 156 руб. (в год).

Кавалер боевых орденов: Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант. (03.07.1878), 2 ст. с меч. (10.08.1881); Св. Анны 4 ст. с надп. «*За храбрость*» (09.07.1878), Св. Владимира 4 ст. с меч. и бант, для нехрист. (15.11.1878), Румынского железного креста (11.06.1879). Имел медали: светло-бронзовую «*В память Турецкой войны 1877-1878 гг.*» и серебряную «*За взятие штурмом крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года*»⁷⁸.

В 1887 г. вышел в отставку с производством в чин полковника. Впоследствии за ранения выхлопотана пенсия 430 руб. сер. в год⁷⁹.

По сведениям младшего брата, умер от последствий ранения, полученного при штурме Геок-Тепе⁸⁰. Потомства не оставил⁴⁹.

19/5. Джафар-Кули Хан (Джафар-хан Нахичеванский) (05.02.1859 — после 1929). «*Сын Генерал-Майора из владетельных ханов Эриванской Губернии*», «*вероисповедания мусульманского*». Воспитывался в Пажеском Е. В. корпусе: зачислен в пажи к Высочайшему двору (30.07.1867), в комплект (23.06.1871), в младший специальный класс (29.08.1874), камер-пажем (29.11.1876). Произведен корнетом в Л.-гв. Уланский Ее Величества полк (г. Петергоф) (10.06.1877).

В 1878 г. переведен на Кавказ, в 15 драгунский Тверской полк поручиком (18.04.1878). Был в составе оккупационного отряда турецкой креп. Эрзерум в 1878 г. Участник первой (1879) и второй (1880-1881) Ахал-Текинских экспедиций. Штабс-капитан (24.03.1881). Переименован в штабс-ротмистры. По св. на 1885 г., получал содержание: жалованья 368 руб., столовых 183 руб. в год.

Кавалер боевых орденов: Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант, для нехр. (26.08.1880) и 2 ст. (08.07.1882); Св. Анны 3 ст. с меч. и бант. (01.03.1882), Св. Владимира 4 ст. с меч. и бант. (17.06.1881). Имел медали: темно-бронзовую «*В память Турецкой войны 1877-1878 гг.*» и серебряную «*За взятие штурмом крепости Геок-Тепе 12 января 1881 г.*». Во время службы дважды ломал ногу⁸⁰.

В 1885 г. просил об отставке по состоянию здоровья. Уволен в чине ротмистра с мундиром⁸¹. Жил в г. Нахичевань. Был городским старостой (св. 1903) и одним из директоров «*Эриванского попечительного о тюрьмах комитета*» (1910-1916). Почетный мировой судья (1914-1916)⁸².

После смерти отца получил молькодарские права на земли в сел. Хок (половина), Тазакенд (половина), Нурс, Сираб и Неграм⁸³. Владел фруктово-виноградным садом, баней, караван-сараем с лавками, домом (граничил с домом младшего брата Гусейн Хана), хлебопахотной землей в сел. Карачуг и Кизил-Тапа (св. 1894)⁸⁴.

Кроме того, есть сведения (1897), что вместе с братьями он владел половиной дер. Тос и Игдалу, а также одной шестой частью дер. Шелли-Мехмандар (в Эриванском у.)⁸⁵.

С 1918 г. — председатель Нахичеванского Национального Совета. С января по сентябрь 1919 г. - председатель правительства Араксинской республики.

После установления Советской власти в Нахичевани (с 28.07.1920) был выслан вместе с братом Рагим Ханом. Оба с семьями проживали в Карабахе, трудились простыми

рабочими на конном заводе. Затем, по разрешению властей, по визе выехал в Иран. По св. на 1929 г., проживал с супругой в г. Маку⁸⁶.

Жена - Фахрин-Гадж Ханум, дочь Аббас-Кули Хана Эриванского от Тарлан Ханум Нахичеванской⁴⁸.

20/5. Чимназ Ханум (Шах-Джахан-бегум) (род. 1860). Муж — Бехман Хан Нахичеванский (10/3)⁷⁴.

21/5. Рагим Хан (Ригим-Кел-Бали Хан Нахичеванский) (17.02.1860 - после 1920). *«Сын Генерал-Майора из Владетельных Ханов Эриванской губ. г. Нахичевань», «вероисповедания магометанского»*. Воспитывался в Тифлисском реальном училище. С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. вступил *«рядовым на правах охотника»* в 18 драгунский Переяславский полк (в составе Эриванского отряда) и вскоре был награжден унтер-офицерским чином (29.10.1877) и знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4 ст. (№ 57233) (19.12.1877). Произведен в прапорщики (25.08.1878). Прошел курс Тифлисского пех. юнкерского училища (11.09.1879-20.07.1880) и Кавказской учебной роты (03.10.1880-22.11.1881). Корнет (1882, приказ по Военному ведомству № 260). На службе потерял зрение левого глаза⁸⁰. По св. на 1883 г., получал жалованье 414 руб. сер. в год. С 23 октября 1883 г. — в отставке⁸⁷.

Проживал в г. Нахичевань. После смерти отца получил права на земли в сел. Бадамлы (половина), Шахбуз (половина), Кечили (одна треть), Бист, Алляги, Парага (одна четверть). Имел фруктово-виноградный сад, баню, лавки, тутовый сад, дом с башней (старый ханский дворец), хлебопахотные земли, красильню, собственную мельницу и, на паях с неким Бунятовым, еще одну мельницу, кроме того — второй дом (с лавками и землей)⁸³.

Жена - Минавар Ханум (ум. до 1897), дочь Шукюр Хана Макинского, предположительно — от Ага Ханум Нахичеванской⁴⁹. Помимо своих детей имел воспитанника - Ма-мед Хана Текинского, взятого им после штурма креп. Геок-Тепе. По св. 1897 г., Мамед Хан обучался в 1-й Тифлисской гимназии⁸⁸, в 1919 г. присяжный поверенный, дипломатический представитель Азербайджана в Армении, товарищ министра иностранных дел⁸⁹.

С началом I мировой войны, несмотря на возраст, подал прошение о зачислении в действующую армию. Воевал в составе 2 Дагестанского полка Кавказской Туземной конной («Дикой») дивизии. Известно о его награждении орденом Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант. (26.08.1915)⁹⁰. После установления Советской власти в Азербайджане с членами семьи по визе выехал в Иран⁹¹.

22/5. Гусейн Хан (1.Гусейн-Келбали-хан; 2.Хан Гусейн) (07.12.1863 - 01.1919). *«Из владетельной ханской фамилии Эриванской губернии», «вероисповедания магометанского»*. Воспитанник Пажеского Е. В. корпуса: зачислен в пажи к Высочайшему двору (09.12.1873), определен в корпус (27.08.1877), в младший специальный класс (31.08.1881), камер-пажем (10.01.1883). Закончил корпус по 1 разряду и произведен корнетом в Л.-гв. Конный полк (г. С.-Петербург) (12.08.1883).

Поручик (30.08.1887). Штабс-ротмистр (17.04.1894). Ротмистр (06.05.1898). Полковник (06.04.1903). Неоднократно назначался членом полкового суда, заведывающим полковой учебной командой. Командовал 3-м эскадром (21.05.1898 — 02.04.1903). Затем помощник командира полка. Участвовал в коронации Николая II (1896), проведении Первой всеобщей переписи населения Российской Империи (1897) и дважды находился в Свите Шаха Персидского во время проезда последнего через Россию (1900 и 1902 гг.).

За отличие по службе был награжден: орденами Св. Станислава 3 ст. (30.08.1894) и 2 ст. (06.12.1902); Св. Анны 3 ст. (06.12.1899). Пожалован серебряной медалью *«В память в*

Бозе почившего Императора Александра III» (26.02.1896), серебряной медалью «В память Коронавания Их Императорских Величеств» (13.06.1896) и темно-бронзовой медалью за участие в первой всеобщей переписи (11.04.1897). Разрешено принять и носить персидский орден Льва и Солнца 4 ст. (08.11.1890), 2 ст. (17.02.1901), 2 ст. со звездой, алмазами украшенный (23.02.1904); офицерский крест ордена Румынской звезды (08.06.1895); Австрийский орден Железной Короны 3 ст. (26.06.1897), болгарские ордена «За военные заслуги» 3 ст. и Св. Александра 4 ст. (23.02.1904).

С началом русско-японской войны 1904-1905 гг. Г. отправляется на Кавказ (командирован 01.03.1904), где в течение нескольких недель формирует из добровольцев-мусульман 2 Дагестанский конный полк (назначен командиром 24.03.1904). С этим полком он проходит всю Японскую кампанию, командуя, после ранения кн. Г. И. Орбелиани, всей Кавказской конной бригадой (в которую, кроме дагестанцев, входил и Терско-Ку-банский конный полк). За атаку полка 14 января 1905 г. у дер. Ландунгоу награжден орденом Св. Георгия 4 ст. (17.12.1905, Высочайше утверждено 05.02.1907).

Кроме ордена Св. Георгия за боевые отличия награжден: мечами к ордену Св. Станислава 2 ст. (07.09.1905), орденом Св. Анны 2 ст. с меч. (03.11.1904); Св. Владимира 4 ст. с меч. и бант. (08.02.1905, Высочайше утверждено 09.11.1906). 3 ст. с меч. (06.01.1906); золотым оружием с надп. «За храбрость» (03.03.1905, утверждено 18.06.1906).

После войны назначен командиром 44 драгунского Нижегородского полка (г. Тифлис) (24.11.1905), а затем Л.-гв. Конного полка (04.07.1906). Флигель-адъютант (08.04.1906). Генерал-майор, с зачислением в Свиту Е. И. В. (30.07.1907)⁹². 15 апреля 1911 г. назначен в распоряжение главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа Вел. кн. Николая Николаевича-мл., с оставлением в Свите Е. И. В., списках полка и с зачислением по гв. кавалерии. Участвовал в кав. маневрах Виленско-го военного округа (09.1911). 18 апреля 1912 г. назначен начальником 1 Отдельной кав. бригады (г. Рига), а 16 января 1914 г. — 2 кав. дивизии (Сувалкская губ.), с производством в генерал-лейтенанты.

В мирный период своей службы принимал участие в праздновании 200-летнего юбилея победы под Полтавой (1909), за что удостоен светло-бронзовой памятной медалью на Андреевской ленте (27.06.1909). Работал в комиссиях по пересмотру правил солдатского снаряжения, изменению системы пожалования наград (1909) и пересмотру Статута орде на Св. Георгия (1910) (за труды объявлена Высочайшая благодарность). Участвовал в праздновании 300-летия царствования Дома Романовых (1913), в память о котором получил светло-бронзовую медаль (21.02.1913) и наследственный нагрудный знак (21.02.1913).

Награжден: мундиром бывшего 2 Дагестанского конного полка (13.03.1910); орденом Св. Анны 3 ст. (06.12.1913). Разрешено принять и носить Австрийский Орден Франца-Иосифа 1 ст. (13.01.1910), черногорский орден кн. Даниила 1 ст.

С началом I мировой войны назначен командующим отрядом из 2 и 3 кав. дивизий (20.07.1914), с которыми и перешел границу Восточной Пруссии. Несколькими днями спустя назначен начальником правой группы конницы I армии (из двух арм. и двух гв. кав. дивизий, 10000 пашек). За свои действия в ходе Восточно-Прусской операции Г. награжден орденом Св. Георгия 3 ст. (22.10.1914).

Осенью 1914 г. он переведен на Юго-Западный фронт командиром 2 кав. корпуса (13.10.1914), с которым оперировал зимой и весной 1915 г. в Карпатах и Галиции. 01.06.1915 назначен генерал-адъютантом в Свиту Е. И. В. Осенью 1915 г. Г. был командирован на Кавказ в распоряжение нового наместника Вел. кн. Николая Николаевича-мл., с

оставлением в звании генерал-адъютанта (25.10.1915). Произведен в генералы от кавалерии (23.01.1916).

9 апреля 1916 г. Г. возглавил сформированный из всех частей гв. кавалерии корпус и командовал им до марта 1917 г. В 1916 г. получал содержание: жалованье 2472 руб., столовых 5700 руб. в год, полевой порцион в день 20 руб⁹³.

После отречения Николая II и его младшего брата Вел. кн. Михаила Александровича и последующих событий Г. уезжает в отпуск (30.03.1917), из которого, не желая служить Временному правительству, в часть уже не возвращается. 11 апреля 1917 г. главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта ген. А. А. Брусиловым он отчислен от командования и 15 апреля зачислен в резерв чинов⁹⁴.

Помимо ордена Св. Георгия за I мировую войну Г. был удостоен: ордена Св. Владимира 2 ст. с меч. (16.11.1914) и Белого Орла с меч. (01.05.1915). На фронте он дважды ранен (1914 и 1915), а также контужен (1915) и травмирован (крушение поезда в Галиции в 1915 г.)⁹⁵.

В мае 1918 г. Г. арестован ЧК в Петрограде, содержался в Доме предварительного заключения в Петропавловской креп.⁹⁵ По недокументированным данным, он расстрелян в январе 1919 г.⁴⁹, предположительно - в Петропавловской креп., вместе с Великими князьями.

Помещик Эриванской губ.: после смерти отца получил права на сел. Аразин (половина), земельный участок Чешма-басар (510 десятин)⁹³ (впоследствии был заложен в Государственном Дворянском Земельном банке под ссуду). Имел в г. Нахичевань фрук-товиноградный сад, дом (в здании бывшей тюрьмы), еще один дом с постройками (в здании новой городской тюрьмы) и земли в городской черте (св. 1894)⁸³.

Был женат на вдове титулярного советника Таубе, дочери поэта-переводчика и издателя Н. В. Гербея (1827-1883) Софье Николаевне Гербель⁸³ (СПб., 1864 — Бейрут, 1941) (брак 1889)⁴⁹.

23/5. Зарин-Тадж Ханум (Зари-Тач-бегум) (род. ок. 1866). Детство ее прошло в Тифлисе. Есть сведения о том, что во время Высочайшей поездки на Кавказ ей был презентован браслет с сапфиром, рубином и бриллиантами работы ювелира Фаберже стоимостью 500 руб⁹⁶.

Первый муж - Аббас-Кули Хан Эриванский. Второй — знаменитый генерал и писатель М. А. Алиханов (1846-1907). От последнего имела двух сыновей: Адиль Хана (род. 1890) и Афиз Хана (род. 1891). С конца 90-х годов XIX в. идо убийства мужа дашнаками проживала с семьей в г. Гори (Грузия)⁹⁷.

VI поколение

24/7. Баграм Хан (род. ок. 1872). Детство провел в г. Шуша, в доме своей бабушки по материнской линии — знаменитой поэтессы Хуршид-бану «Натаван». Воспитывался в семье Лунякаина, карабахского мирового судьи. Затем с бабушкой выехал в г. Тифлис и поступил в Реальное училище. Около 1886 г. родители забрали его в Нахичевань, где он и проживал в дальнейшем¹⁰⁵.

Состоял на гражданской службе. В 1899-1904 гг. помощник городского полицейского пристава Нахичеванского уездного полицейского управления. Почётный блюститель Мусульманского начального училища в г. Нахичевань (1898-1903)¹⁰⁶. Последовательно по

чину: коллежский секретарь, коллежский асессор, титулярный советник, надворный советник. В 1906-1909 гг. городской голова г. Нахичевань¹⁰⁵. Почётный мировой судья (1912-1916)¹⁰⁷.

С января 1919 г. комиссар по внешним сношениям Араксинской республики, с августа 1919 г. помощник генерал-губернатора Юго-Западного Азербайджана (Нахичеванский у. Азербайджанской республики)¹⁰⁸. С конца 1919 г. полномочный представитель Министерства внутренних дел Азербайджанской республики в Ленкоранском у.¹⁰⁹ С 1920 г. в эмиграции в Персии, жил в г. Тебриз, служил контролером на Джульфо-Тебризской железной дороге⁸⁶. По данным ГПУ, входил в антисоветскую эмигрантскую группу «беспартийных» и был членом организации «Независимый Кавказ»¹⁰³.

25/7. Акпер Хан (ок. 1873 — 1961). Детство провел в г. Шуша, в доме своей бабушки поэтессы Натаван. Воспитывался в семье карабахского мирового судьи. Владел персидской, тюркской и русской грамотой. Затем с бабушкой выехал в г. Тифлис, где поступил в Реальное училище. Около 1886 г. выехал с родителями в г. Нахичевань. В связи со вторичным замужеством матери и отъездом ее в г. Елизаветполь (после 1891) взвалил на себя бремя главы семьи, воспитывал младших братьев и сестер, занимался сельским хозяйством. Во время армяно-азербайджанских столкновений 1905 г. входил в состав примирительных комиссий и комиссий по оценке убытков¹⁰⁵.

Когда старший брат принял должность городского головы, А. поступил на гос. службу чиновником под его начальство, а затем сам был избран на пост городского головы (1910-1913). Был одним из директоров *«Эриванского попечительного о тюрьмах комитета»* (1910-1912). Помещик, виноградниковладелец Эриванской губ. (1912-1915). Полицейский пристав 2 участка Эриванского уездного управления (с. Агамзалу) (1916)¹¹⁰.

После ухода с гос. службы занимался мелкими коммерческими операциями (закупал товары в г. Одессе и привозил их в Нахичевань). Весной 1919 г., во время армяно-азербайджанских столкновений, участвовал в обороне Нахичевани от пришедших из Зангезура частей Андраника, а затем и против других армянских формирований, пытавшихся захватить город. После прихода 11 Красной армии был арестован (содержался под стражей 19 дн.), затем освобожден и привлечен к деятельности по восстановлению разоренной области (последовательно выполнял работу по сбору продовольствия, ликвидации «дровяного голода» (должность первого члена равнархоза), начальника охраны железной дороги). Когда надобность в его услугах отпала, вернулся к сельскохозяйственной деятельности. В 1925 г., после конфискации всей его земли, поступил на работу в нахичеванскую горбольницу секретарем наркомздрава, затем, с 1926 г., выполнял должность завхоза больницы¹⁰⁵. В 1926 г. по указанию Аз. ГПУ уволен. Спустя некоторое время поступил работать зав. центральным складом Нахитифака. В январе 1828 г. нелегально побывал в Персии по указанию Аз. ГПУ для сбора данных об эмигрантском подполье, однако задание саботировал. 9 февраля 1828 г. арестован Политбюро НКВД Нахичеванской ССР, содержался в Нахичеванском ИТД. В июне 1828 г. этапом отправлен в Баку, в распоряжение Аз. ГПУ, сидел в ДПЗ № 2. 5 сентября 1929 г. признан виновным в дезинформации органов с целью *«оказать помощь организованной международной буржуазией группам антисоветской Азербайджанской эмиграции, в осуществлении враждебной против СССР деятельности»* и, на основе статьи 66 УК АССР, приговорен Коллегией Аз. ГПУ к высылке в Сибирь сроком на 3 года¹¹¹. Наказание пересмотрено Зак. ГПУ, 10 ноября 1929 г. ссылка заменена содержанием в Соловецком концлагере¹¹². Центральный аппарат ГПУ постановлением от 13 января 1930 г. увеличил срок заключения до 5 лет¹¹³. 8 апреля 1930 г. А. отправлен этапом в Управление

северных лагерей ОГПУ, в г. Котлас. 9 февраля 1934 г., после отбывтия лагерного срока, он выслан в Северный край, без права проживания в 15 населенных пунктах, пограничной зоне и без права возвращения на родину¹¹⁴.

В середине 40-х гг. А. приехал и проживал у своей внучки Энвер Ханум Нагдалиевой в с. Славянка Пахта-Аральского р-на Сырдарьинской обл. Узбекистана¹¹⁵. В 1956 г. он вернулся на родину, где и скончался.

Жена — Агия Ханум, дочь Бехман Хана Нахичеванского (10/3) (брак ок. 1892, Нахичевань).

26/7. Хаган Хан. Был женат на Ашраф Ханум, дочери принца Бехмен Мирзы Каджара. Вместе с братом Баграм Ханом владел землями в Эриванской губ., в частности именем Кивраг в Нахичеванском у. (оценено для выкупа поселянами в 92.800 руб.) (св. 02.1917)¹¹⁶. В 1919 г. эмигрировал в Персию, жил в г. Тебриз, работал проводником поезда на Джульфо-Тебризской железной дороге¹¹⁷.

27/7. Камран Хан (ум. ок. 1920 - 1928). В 1910-1913 гг. уполномоченный Нахичеванского общественного управления¹¹⁷. После смерти его троих детей воспитывал старший брат Акпер Хан.

28/7. Энвер Ханум (Энвер-Бике) (ум. 1910). Муж - подполковник Российской Императорской Армии принц Фетх-Али Мирза Каджар (род. 1855). Дети: сын Ибрагим Мирза (род. 1897) и дочери Шамсул-Млюк Ханум (1897-1899), Симин-Узар Ханум (род. 1900) и Утарид Ханум (род. 1904)¹¹⁸.

29/7. Санубяр Ханум (1888-1958). Муж - Исмаил Хан Зиятханов (1867-1920), гос. и полит. деятель Азербайджанской республики, уполномоченный по делам Военного министерства. Расстрелян большевиками¹¹⁹.

30/10. Агия Ханум (ок. 1883 - 1938, Нахичевань). Муж - Акпер Хан Нахичеванский (25/7). Проживала в г. Нахичевань. Страдал болезнью щитовидной железы, от которой и умерла¹¹⁵.

31/10. Юсуф Хан (род. 24.12.1883). *«Из потомственных дворян Эриванской губернии», «вероисповедания магометанского»*. Окончив Тифлисский кадетский корпус (30.08.1902), поступил в Елисаветградское кав. училище. Однако после прохождения полного курса не сдал выпускной экзамен и в офицеры произведен не был. Отчислен из училища *«согласно его желания»* и переведен на службу вольноопределяющимся в 45 драгунский Северский полк (25.07.1904). 9 мая 1905 г. переведен *«охотником»* (добровольцем) в находившийся в Манчжурии 2 Дагестанский конный полк, в рядах которого воевал до окончания Японской кампании. 15 августа 1905 г. представлен к Знаку отличия военного ордена 4 ст. за то, что во время дальней разведки *«произвел под огнем рекогносцировку правого берега р. Чаосан Чао и выполнил с успехом возложенную на него задачу»*. Урядник (св. 1906). После окончания войны при увольнении домой произведен в прапорщики запаса. По св. на 1906 г., холост¹²⁰.

32/10. Товуз Ханум (ум. 1947). Муж — Бекюк Хан Эриванский.

33/10. Фетх-Али Хан (Фатали-хан) (род. 1887). Проживал в г. Нахичевань (св. 1914-1919). Вместе с дядей Рагим Ханом (21/5) и братьями Юнус Ханом (34/10) и Мурад Ханом (35/10) владел землями в сел. Бадамлы¹⁸.

С началом I мировой войны, в августе 1914 г., писал прошение о зачислении в Кавказскую Туземную конную дивизию добровольцем. На прошение получена положительная резолюция¹²¹.

В 1919 г. принимал участие в войне с Арменией. За отличия, оказанные по освобождению от армянских вооруженных формирований Шарурского и Нахичеванского у., приказом военного министра Азербайджанской республики (29.03.1919) произведен в прапорщики арм. пехоты¹²². В 1920 г. эмигрировал в Персию, жил в г. Маку (св. 1934 г.)⁴⁸.

34/10. Юнус Хан (Юнис Хан). Чиновник Нахичеванского уездного праачения (1909), затем уполномоченный Нахичеванского городского общественного управления (1913-1916)¹⁰².

35/10. Мурад Хан (Мурад-Хан Бахман-Хан-Оглы Нахичеванский) (род. 02.04.1892). *«Внук Генерала Лейтенанта, уроженец Эриванской губернии», «вероисповедания магометанского»*. По окончании курса в Николаевском кадетском корпусе прибыл и зачислен в эскадрон Николаевского кав. училища (г. С.-Петербург) юнкером рядового звания (19.09.1909). По окончании полного курса наук по 1 разряду (06.08.1911) произведен корнетом в 18 драгунский Северский полк на Кавказ¹²³. По прибытии в г. Тифлис зачислен, однако, в 17 драгунский Нижегородский Е. В. полк младшим офицером 4 эскадрона. По св. на 1914 г., холост.¹²⁴

Участник 1 мировой войны. Поручик (10.09.1914). Штабс-ротмистр (22.04.1916). По св. на 1916 г., награжден боевыми орденами: Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант. (18.08.1915), 2 ст. с меч. (05.09.1915); Св. Анны 4 ст. с надп. *«За храбрость»* (15.04.1915) и 3 ст. с меч. и бант. (25.08.1915)¹²⁵.

После революции М. вернулся в Нахичевань. В 1918-1920 гг. служил в армии Азербайджанской республики - ротмистр, командир 1 сотни 3 конного Шекинского полка¹⁰⁹. По св. 1934 г., работал инженером в Нахичевани⁴⁸.

36/19. Келб-Али Хан III (Кельбали Хан-Нахичеванский) (20.10.1891 - ок. 1930-1934). *«Сын отставного ротмистра, вероисповедания магометанского»*. По окончании полного курса наук в Тифлисском кадетском корпусе прибыл и зачислен в эскадрон Николаевского кав. училища юнкером рядового звания (19.09.1909). По окончании полного курса наук по 1 разряду (06.08.1911) произведен корнетом в Л.-гв. Е. В. Уланский полк (г. Варшава)¹²⁶. По прибытии в полк был зачислен младшим офицером 5 эскадрона¹²⁷. Участник I мировой войны. Поручик (30.07.1915). Штабс-ротмистр (05.08.1916). По св. на 1 октября 1916 г., имел боевые ордена: Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант. (1914), 2 ст. с меч. (1915), Св. Анны 4 ст. с надп. *«За храбрость»* (1914), Зет. с меч. и бант, и 2 ст. с меч. (1915)²⁸. Кавалер Георгиевского оружия (02.05.1915). Ранен¹²⁹.

По сост. на 1916г. холост.

После развала полка в 1917 г. вернулся в Нахичевань. С конца 1918 г. занял пост военного министра возникшей на территории Нахичеванского и Шарурского уу. самопровозглашенной Араксинской республики. Во время боев с армянскими войсками ИШОй 1919 г. был начальником штаба сформированного им самим отряда, в звании подполковника (командиром был полковник Керим Хан Эриванский)¹³⁰. Военным министром Азербайджанской республики произведен в полковники (1919). В августе 1919 г. К.-А. вновь возглавил ополчение и разбил в Нахичевани армянские войска, окончательно освободив край от притязаний Армении¹³¹. При этом трижды был ранен.

В июле 1920 г. эмигрировал в Персию. Поступил на службу в армию Реза Шаха Пехлеви. Командовал различными воинскими формированиями. В январе 1928 г. подавил антишахское восстание в Карадаге¹³². Затем назначен командующим войсками Ардебильского р-на¹⁰³. По сведениям на 1934 г., убит по приказу Реза Шаха⁴⁸.

37/19. Эхсан Хан Ш (род. 01.04.1894 - ?). *«Из потомственных дворян Эриванской губернии. Вероисповедания магометанского»*. Окончил Пажеский Е. В. корпус по 1 разряду, произведен корнетом в Л.-гв. Уланский Е. В. полк (г. Варшава) (06.08.1913). По прибытии зачислен младшим офицером 6 эскадрона. По св. на 1914 г., холост¹²⁷. Участник I мировой войны. Поручик (30.07.1915). Штабс-ротмистр (05.08.1916).

По св. на 1 октября 1916 г., имел награды: ордена Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант. (1914) и 2 ст. с меч. (1915), Св. Анны 4 ст. с надп. *«За храбрость»* (1914) и 3 ст. с меч. и бант. (1915)¹²⁸.

Участник Корнилопского выступления в августе 1917 г.¹³³. Затем возвратился в Закавказье. По св. на 1919 г., Э. — подполковник армии Азербайджанской республики, помощник командира 3 конного Шекинского полка¹⁰⁹. По недокументированным данным - расстрелян большевиками в 1920 г. при подавлении офицерского восстания.

38/19. Джамшил (Шамиль) (Джамшид Джафарович Хан Пах имена некий) (09.08.1895-26.08.1938). *«Из потомственных дворян Эриванской губернии, сын Ротмистра»*, *«вероисповедания магометанского»*. Уроженец г. Нахичевань. По окончании курса наук в Тифлисском кадетском корпусе поступил в Елизаветградское кав. училище (30.08.1914). Согласно положению об ускоренной подготовке офицеров в военное время, по окончании 4-месячного курса (закончил по 1 разряду) вылуцен прапорщиком в запасную сотню Татарского полка Кавказской Туземной конной дивизии (01.12.1914)¹³⁴. Переведен из запасной сотни в полк (14.06.1915). Корнет (22.08.1915). Поручик (09.05.1917). Штабс-ротмистр (30.10.1917).

За подвиг во время атаки полка 31 мая 1916 г. (в ходе которой Д. был дважды ранен) удостоен Георгиевского оружия (26.01.1917). Кроме того, награжден: орденами: Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант. (12.05.1916) и 2 ст. с меч. (03.1917); Св. Анны 4 ст. с надп. *«За храбрость»* (14.02.1916) и 3 ст. с меч. и бант. (15.04.1917)¹³⁵ и «солдатским» Георгиевским крестом 4 ст. (27.08.1917).

После возвращения Туземной дивизии на Кавказ (сентябрь 1917 г.) Д. находился в составе родного полка, расквартированного в г. Етизаветполь (Гянджа).

В 1918 г. со своим полком, совместно с турецкими войсками, принимал участие во взятии г. Баку у «революционных» солдат и матросов и противостоящих мусульманам армянских боевиков. В создаваемых вооруженных силах Азербайджанской республики занял должность помощника по строевой части командира 1 конного Татарского полка (в чине подполковника), а затем (24.03.1920) командира 2 конного Карабахского полка. После прихода в Азербайджан 11 Красной армии полк Д., единственный из всей армии Азербайджанской республики, перешел на сторону Советской власти и был переименован в 1 рабоче-крестьянский кав. полк. 28 апреля 1920 г. Д. поступил на службу в РККА.

31 мая 1920 г., как офицер царской и мусаватской армий, Д. был арестован Особым отделом 11 Красной Армии, 13 августа того же года освобожден из-под стражи как необоснованно арестованный и направлен на работу в Азербайджанскую командную школу на должность помощника начальника школы.

В 1921 г. Д. был назначен командиром Азербайджанской дивизии. В 1923 г. командирован на годичные Высшие Академические военные курсы в г. Москве (КУВНАС). По возвращении вновь командовал дивизией. В эти и последующие годы дивизия под его командованием принимала участие в подавлении Кюрдамирского, Геокчайского, Нахичеванского, Нухинского и Карабахского восстаний, в борьбе с бандитизмом в Ленкоранском и Кубинском уу. В тот период кроме основной должности он выполнял обя-

занности начальника Бакинского гарнизона, являлся членом ссуженного заседания Бакинского совета. В 1927 г. вторично был командирован на курсы при Военной Академии, а в 1928 г. - в г. Севастополь на курсы ПВО. За годы службы в РККА Д. удостоился следующих наград: почетного оружия, золотых часов, ордена Трудового Красного Знамени Азербайджанской ССР (29.10.1930), имел благодарности и денежные вознаграждения. Был избран членом Бакинского Совета ЦИК АССР и ЦИК ЗСФСР. Подавал заявление о приеме в ряды Коммунистической партии, имея рекомендации от Г. К. Орджоникидзе и С.С. Шаумяна, но принят не был.

22 февраля 1931 г. в г. Тбилиси он был арестован Особым отделом ЗакГПУ, якобы «за принадлежность к контрреволюционной организации, ставившей себе задачей свержение Советской власти и восстановление независимой буржуазно-демократической республики в Азербайджане». В предъявленном ему обвинении виновным себя не признал. Решением Коллегии АзГПУ от 30 октября 1931 г. он был приговорен к расстрелу, однако Коллегия ЗакГПУ, пересмотрев это решение, своим постановлением от февраля 1932 г. дело по обвинению Нахичеванского прекратила, освободила его из-под стражи и восстановила в армии⁹¹.

Вскоре Д. вместе с семьей выехал в Москву, где поступил в Военную Академию РККЛ им. Фрунзе. По окончании курса (1933) он был оставлен в академии на должности начальника 2 курса основного факультета, а затем зачислен на должность руководителя кафедры общей тактики (1934)³⁶. Приказом НКО по личному составу армии № 2515 от 5-го декабря 1935 г. ему было присвоено воинское звание «комбриг»¹³⁷.

20 мая 1938 г. по своему месту жительства: г. Москва, Курсовой пер., д. 8, кв. 2, он был арестован НКВД СССР и привлечен к ответственности по ст. 58-1 УК РСФСР («Измена Родине») «за участие в азербайджанской националистической организации». В процессе следствия сначала признал себя виновным, но дальше категорически отрицал свою связь с участниками так называемого «Азербайджанского национального центра» и ведение какой-либо антисоветской деятельности. Изобличался только лишь показаниями единственного свидетеля (других каких-либо доказательств, подтверждающих его вину, в «Деле» не имеется).

26 августа 1938 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР Д. был приговорен к высшей мере наказания - расстрелу, с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день⁹¹. По данным правозащитной организации «Мемориал», местом его расстрела и захоронения является территория совхоза «Коммунарка» (бывшее подсобное хозяйство НКВД), 27 км. Калужского шоссе (сейчас «Коммунарка» находится в ведении УФСБ по г. Москве и Московской обл. и закрыто для посещений).

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 декабря 1956 г. Д. был реабилитирован⁹¹. С 1973 г. его имя носит Бакинское специализированное военное училище (лицей) и улица в г. Баку.

По документам на 1936 г., семейное положен- холост¹³⁷. Несмотря на это, есть сведения, что он имел жену Рачию и дочь Алию (впоследствии филолог, сотрудник одного из НИИ Еревана)¹³⁸.

39/19. Назилу Бегум (Нас-ханум). Муж - Аббас-Паша Хан Макинский, сын правителя (сердара) Макинского ханства Персии Муртеза-Кули Хана (св. 1934)⁴⁸.

40/19. Дауд (Давуд) Хан. Окончил Эриванскую гимназию. Принимал участие в армяно-азербайджанских военных столкновениях 1919 г. За отличия при освобождении

Шарурского и Нахичеванского уу. приказом военного министра Азербайджанской республики генерала С. Мехмандарова от 22 марта 1919 г. произведён в прапорщики арм. пехоты¹²². После 1920 г. в эмиграции в Персии, проживал с родителями в г. Маку⁸⁶. Ок. 1928 г. поступил на службу офицером в армию Реза Шаха Пехлеви¹³⁹.

41/21. Хуришд Ханум (род. 1888). Муж — принц Файзулла Мирза Каджар, ген.-м. русской службы, Георгиевский кавалер, командир Чеченского конного полка (1915-1917), а затем дивизии в Кавказском Туземном конном корпусе (1917). Среднее образование ханум получила на Кавказе, музыкальное — в Москве под руководством профессора Мазетти. Жила в г. Баку. Выступала в печати со статьями о положении в тюркском (азербайджанском) театре. Писала стихи. В советское время — солистка театра оперы и балета им. М. Ф. Ахундова. Сохраняла родовую фамилию мужа - Каджар. Дети: сын Шафи Хан¹⁴⁰. По св. на 1926 г., ханум проживала в г. Баку.

42/21. Искандер Хан (Искандер Рахимов Хан-Нахичеванский) (род. 08.03.1889). *«Из дворян г. Нахичевани. Вероисповедания магометанского»*. Окончил по 1 разряду Пажеский Е. В. корпус, произведен корнетом в 17 драгунский Нижегородский полк (06.08.1910). Младший офицер 4 эскадрона. Поручик (10.09.1913). По св. на 1914 г., холост¹²⁴.

Участник I мировой войны. Переведен в Чеченский конный полк (24.05.1916). Штабс-ротмистр (21.03.1917)¹²⁵. Имел награды: орден Св. Станислава 3 ст. с меч. и бант. (23.06.1915), 2 ст. с меч. (16.05.1916); Св. Анны 4 ст. с надп. *«За храбрость»* (15.04.1915) и 3 ст. с меч. и бант. (07.03.1915); Св. Владимира 4 ст. с меч. и бант. (19.01.1915)¹³⁵.

После советизации Азербайджана - в эмиграции в Персии. По свед. на 1934 г., жил в г. Тегеране, *«держал фазоны и лошадей, был очень состоятельным человеком»*⁴⁸.

43/22. Хан Николай (06.08.1891, СПб. - 02.02.1912, СПб.). *«Из потомственных дворян, уроженец г. С.Петербурга»*, *«вероисповедания православного»*. Воспитанник Пажеского Е. В. корпуса: зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего двора (29.08.1904), определен в корпус (09.09.1904), переведен в младший специальный класс (01.09.1909), старший специальный класс (01.09.1910), камер-пажем (31.10.1910). После окончания корпуса по 1 разряду произведен корнетом в Л.-гв. Конный полк (06.08.1911). Служил в 3 эскадроне¹⁴¹. Содержание: жалованье 720 руб., добавочных 180 руб. в год. Получал фураж на 2 верховых лошади. Квартирой пользовался при полку. Семейное положение: холост¹⁴².

Умер при невыясненных обстоятельствах. Исключен из списков полка 11 марта 1912 г.¹⁴¹.

44/22. Татьяна (18.06.1893, СПб. - 03.05.1972, Ницца, Франция). После революции 1917 г. - в эмиграции. Муж — Дмитрий Андреевич Мартынов (1893, Одесса — 1934, Париж), офицер Л.-гв. Атаманского полка, сын ген. от кав. (брак - 1917). Детей не имела⁴⁹.

45/22. Хан Георгий (Юрий) (29.12.1899, СПб. - 08.05.1948, Бейрут, Ливан). Воспитанник Пажеского Е. В. корпуса, корнет Л.-гв. Конного полка (1917). Участник Белого движения: в Вооруженных Силах Юга России в 7 кав. полку до эвакуации Крыма¹⁴³. Жил с матерью во Франции, затем во Французской Сирии (Ливан), где создал и возглавил представительство компании «Форд» на Ближнем Востоке¹⁴⁴.

Жена Мария Михайловна Вочар (11.05.1897, Темир-Хан-Шура, Дагестан - 16.01.1974, Каир, Египет) (брак - 1923, Франция)⁴⁹.

VII поколение

46/24. Азис Хан. Окончил Эриванскую гимназию. После советизации Азербайджана в эмиграции в Персии, жил в г. Салмас, работал фельдшером в больнице (св. 1928)⁸⁶.

47/25. Искандер (1901-1943). Сын Акпер Хана не от ханши, а от «другой жены». Образование получил в Тифлисе (1916). Увлёкся революционными идеями. Порвал отношения с семьёй, впоследствии взял новую фамилию Маштавад. По св. К. Н. Смирнова (1934), «в свое время Экбер-Хан почти не признавал его сыном, а теперь этот молодой человек сам отказывается от отца. Он, кажется, учитель и по взглядам почти коммунист»⁴⁸. Участник Гражданской войны (по семейным данным, он воевал в отряде Г. Котовского). В 1922 г. поступил в Борисоглебско-Ленинградскую кав. школу, закончил ее (1926), затем служил в погранвойсках в Туркестане (участвовал в боях с басмачами), в 1930 г. вышел в отставку. С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, командовал 1 конным полком 8 Червонной дивизии. Погиб в 1943 г.¹⁴⁷.

48/25. Ханумджан Ханум (1903 - 30.05.1984)¹⁴⁸. Муж - Фарадж Бек Кенгерлинский (расстрелян в 1937). Выслана в Среднюю Азию. Работала в колхозе «Алгабас» Пахта-Аральского р-на Сырдарьинской обл.¹⁴⁹. С конца 40-х гг. вместе со старшим сыном Узеиром проживала на ст. Карши (до 1957), в г. Ургенч (до 1959), г. Ташкент Узбекской ССР (до кончины)¹⁵⁰. Домашняя хозяйка. С 1968 г. на пенсии¹⁵¹.

Сыновья: Узеир (род. 1917, Нахичевань, закончил Бакинский мединститут, участник Великой Отечественной войны, майор мед. службы, затем работал хирургом в г. Карши, г. Ургенч, Ташкент, ум. ок. 1998 г.), Джейхун (ок. 1928, Нахичевань — ок. 1940, Узбекистан), Сейхун (род. ок. 1931, Нахичевань, работал гл. агрономом в совхозе «Кап-ламбек» Чимкентской обл.), дочери: Энвер (род. 1924, Нахичевань, в Ср. Азии вышла замуж за ссыльного азербайджанца Афи Зейналовича Нагдалиева (с. Неграм Нахичеванского у., 1917 - г. Баку, 2002), проживала в г. Сары-Агач Чимкентской обл., домашняя хозяйка, сейчас проживает в г. Баку (св. 2006), и Санубяр (род. ок. 1936, Нахичевань, ум. 50-е гг., Узбекистан).

49/25. Нушерим Ханум. Муж — Мир-Алекпер Сеидов, имеет 3 сыновей и 2 дочери¹⁵².

50/25. Махмя Ханум. Муж — Рагим Мамедов¹⁵².

51/25. Зибенда Ханум. Муж - Ширзад Сафаров. У них 2 сына и 4 дочери¹⁵².

52/25. Сеймур (1903, Нахичевань - 1964, Ашхабад). По св. на 1929 г., проживал в г. Нахичевань, землемер¹⁵³. После ареста и осуждения отца (1930) оставался в Нахичевани недолго. По св. на 1934 г., он со своей женой (молоканка Маруся 14.) находился в г. Ашхабад⁴⁸. Там он проживал до кончины. Дети его вернулись в Азербайджан¹⁵⁴.

53/25. Иззет (род. 1907, Нахичевань). Закончил Тифлиское военное училище (по св. 1929, еще обучался). Офицер РККА, служил на Дальнем Востоке, ст. лейтенант. Затем вместе с женой Александрой Григорьевной Черненко (1915-1979. Липецк) (брак -1932) поселился в г. Грозный.¹⁵⁵ Ок. 1938 г., как «чуждый элемент», он был уволен из рядов Красной армии. Состоял под надзором НКВД¹⁵⁶. 8 июня 1941 г. призван Моло-товским РВК г. Грозный на переподготовку. Начал Великую Отечественную войну в должности начальника 2 отдела штаба 562 стрелкового полка. Пропал без вести в сентябре 1941 г. под Киевом¹⁵⁷.

54/25. Сурая Ханум (род. Нахичевань, 1911). Муж — Исахан Гаджи-Рза-оглы Исаев (1896-1968). У них 2 сына и 2 дочери¹⁵².

55/25. Хабиб (род. 15.06.1914, Нахичевань). По св. на 1929 г., обучался в Нахичеванской мужской педагогической семинарии¹⁵³. В 30-е гг. переехал в Шекинский район Азербайджанской ССР, где и работал всю жизнь учителем. Заслуженный деятель просвещения Азербайджана. Живет в г. Огуз (Азербайджан) (св. 2005).

Жена - Сария Гадимова (род. 1922)¹⁵⁴.

56/25. Ахтар Ханум (род. 16.06.1916, г. Нахичевань). Муж - Шариф Мовсумов. У них 5 сыновей и 6 дочерей¹⁵².

57/25. Рейханат Ханум. Муж - Бахлул Алиев. У них 3 сына и 3 дочери¹⁵².

58/25. Тарлан Ханум (род. 15.10.1923, г. Нахичевань). Муж - Шамиль Аббас оглы Гаджив¹⁵². У них 1 сын. По св. на 2006 г., Т. вместе с семьей проживает на Украине.

59/25. Аман (род. 1925). В 30-е годы проживал вместе со старшим братом Хабибом в Шекинском р-не. В годы Великой Отечественной войны мобилизован в армию. Пропал без вести¹⁵⁴.

61/45. Никита (18.04.1924, Сен-Жермен-ан-Ле, Франция - 02.1997, США). Детство провел с родителями в Ливии. Во время II мировой войны сражался против немцев в составе французских подразделений в Египте, был тяжело ранен в танковом сражении у Эль-Аламейна. Во время арабо-израильской войны в Палестине поставлял израильтянам грузовики компании «Форд», отделением которой на Ближнем Востоке руководил его отец. После смерти отца (1948) покинул Ближний Восток и переехал в США¹⁴⁴. Женат первым браком на француженке Надежде Виолетте Брандт (Vrapc11) (род. 1923), от которой родилась дочь Александра (1947). Разведены (1953, Грасс, Франция). Женат вторым браком (1956, Чикаго, США, венчание - 1968) на Одетте Мари Луизе Ликурт (Ессошт) (род. 1920, Париж), проживал в США, затем во Франции, затем опять в США, в г. Чикаго⁴⁹.

62/45. Татьяна (07.11.1925, Франция - 20.11.1975, Нью-Йорк, США). Первый муж - Филип Нэпьер Робинсон (Robinson) (род. 1913, Бристоль) (брак - 1947, Бристоль, Великобритания). Разведены. Второй муж — гр. Михаил Сигизмунд Антоний Мария Тышкевич (1904, Закопане, Польша - 1974, Мюнхен, Германия) (брак - 1951, Лондон). Разведены. Третий муж - Нэгм-эд-Дин Мохаммед Шагин (Shahin) (1909, Исмаилия, Египет - 1969, Париж) (брак — 1956, Каир, Египет). Разведены. Четвертый муж — Кеннет Альберт Козн (Коуен) (род. 1914, Нью-Йорк) (брак - 1968, Хуарес, Мексика). Детей не имела⁴⁹.

63/45. Мария (род. 21.01.1927, Нантр, Франция). Муж - Яях Алам (Уауаь Алат) (брак - 1949, о. Таити). Детей не имела⁴⁹.

VIII поколение

67/53. Эмма Ханум (род. 26.06.1937, г. Грозный). Закончила отделение романо-германской филологии Ленинградского гос. университета. Работала преподавателем немецкого языка в школе, Липецком педагогическом университете. В настоящее время проживает в г. Липецке (2006), на пенсии¹⁵⁸.

68/55. Махир (род. 25.06.1947, г. Огуз, Азербайджан). Окончил Азербайджанский педагогический институт. В настоящее время - инспектор районного отделения народного образования в г. Огуз. Жена — Хавяр Ханум⁴⁹.

69/55. Агия Ханум (род. 11.03.1950, г. Огуз). В советские годы — видный комсомольский работник, член ЦК комсомола Азербайджанской ССР. Затем уч. секретарь, зав. аспирантуры и докторантуры Бакинского института социологического управления и политологии. По св. на 2004 г. - профессор, преподаватель Академии Управления при Президенте Азербайджана.

Муж — видный комсомольский и административный работник Азербайджана Хусейн Мовсумов, ее двоюродный брат (сын Шарифа Мовсумова от брака с Ахтар Ханум Нахичеванской). По св. 2004 г. — работник Президентского аппарата. У них 2 дочери.

70/55. Юсиф (род. 14.06.1952, г. Огуз). Окончил математический факультет Азербайджанского педагогического института. По св. на 2000 г. — зам. главы исполнительной власти Огузского р-на. Жена - Имарят Джалил кызы Джалилова¹⁵².

71/55. Адьяля Ханум (род. 14.05.1955, г. Огуз). Окончила Азербайджанский педагогический институт. Преподает русский язык и литературу в г. Огуз. Муж - Адьяль Саад оглы Гейдаров. У них 3 дочери¹⁵².

72/55. Натаван Ханум (род. 18.06.1957, г. Огуз). Окончила Азербайджанский педагогический институт. Преподает азербайджанский язык и литературу в г. Баку. Муж - Гамбар Юсиф оглы Ягубов. У них сын и дочь¹⁵².

73/61. Александра (род. 02.09.1947, Канны, Франция). Муж - Франсуа Жан Мари Гескьер (Оне\$яшеге) (род. 1941, Нейи-сюр-Сен, Франция), доктор медицины (брак -1974, Париж). У них дети: Надя (род. 1981, Сеул, Корея) и Роман (род. 1983, Сеул, Корея)⁴⁸.

74/61. Джордж (род. 12.07.1957, Чикаго, США). Жена - Линда Сюзанн Яски (Yassky) (род. 1959, Портсмут, США) (брак - 1987, штат Нью-Йорк)⁴⁸. Американский продюсер-документалист. Заместитель председателя Общества помощи русским детям. В составе делегации молодых американцев русского происхождения в 1990 г. посещал Россию.

Поколенная родословная роспись рода Кенгерлы-Билиджи (Векиловы-Кенгерлинские)

VIII поколение от родоначальника Керим Султана — векиля племени во времена шаха Аббаса II (середина XVII в.):

12/10. Хаджи Лютф-Али Султан. Соратник Келб-Али Хана «Слепого». Глава рода в эпоху русско-персидских войн. Имел фирман Керим Хана Зенда на управление племенем Кенгерлы (св. 1775)¹. Он и братья, *«управляя отдельно разными обществами Кенгер-линского племени, исполняя все распоряжения правительства (Российской Империи), до тех обществ относившиеся и участвовали в разных боевых действиях, пользуясь наследственным султанским званием»*².

14/10. Назар Султан. Участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг.². Начальник Нахичеванского участка (магала) (св. 1842). В 1842 г. формировал конную часть из кенгерлинцев в составе 42 чел. для отправки в г. Варшаву в Закавказский конно-мусульманский полк. Одна из жен — Сакина Ханум (ок. 1770 — до 1831) — мать Рагим Аги³.

15/10. Мамед-Гусейн Бек. До присоединения Нахичеванского ханства находился на персидской службе, получал пенсию (св. 1818)⁴. Жена - Мах-Пери (род. ок. 1780)

16/10. Фетх-Али Султан (ум. до 1865). До присоединения Нахичеванского ханства к Российской Империи - на персидской службе (имел фирман принца Аббаса Мирзы от 1808)⁵. Проживал с семьей в г. Ордубад⁶.

18/10. Хаджи Вали Бек. До присоединения Нахичеванского ханства к Российской Империи находился на персидской службе, получал пенсию (св. 1818)⁴. Жена - Пери Ханум (ок. 1781 - до 1831)⁷.

19/10. Кязум Ага. До присоединения Нахичеванского ханства к Российской Империи находился на персидской службе, получал пенсию (св. 1818)⁴.

20/10. Али-Мамед Ага. Один из влиятельнейших кенгерлинских беков в эпоху Каджаров. При Аббас-Мирзе - претендент на должность правителя племен Кечлу и Кемаи (малые группы в составе племени Кенгерлы, жившие к югу от р. Араке) (св. 1816)⁸. Получал от персидского правительства пенсию (св. 1818)⁴. В российские времена проживал в г. Нахичевань (св. 1856). Участник Восточной войны 1853-1856 гг., векиль Конно-мусульманского полка № 4. Из наград известны: золотая медаль с надписью *«За храбрость»* для ношения в петлице, *«за отличия в кампанию 1855 г. в Азиатской Турции»*⁹.

IX поколение:

21/12. Новруз Ага (род. ок. 1780). До присоединения Нахичеванского ханства к Российской Империи находился на персидской службе (имел фирман принца Аббаса Мирзы от 1810)⁵, получал пенсию (св. 1818)⁴. Начальник Кенгерлинского племени после своего отца (св. 1843). Крупный помещик, за заслуги перед российским правительством на тиульных правах ему были предоставлены имения в Нахичеванской провинции: Кирна и др. (св. 1831)¹⁰. Владел землями в дер. Ашага-Керемешин (окружность 21 версты, Юхарваров

пахотной земли), Юкары-Керемешин (окр. 21 версты, 8 харв.), Кюки (28 верст, 13 харв., 2 мельницы), Гиджасор (21 версты, 30 харв.), Кюли-Бей-диза (окр. 3,5 версты, 40 харв.) (последние две — наполовину с братом Мамед Султаном) (св. 1831)¹⁰. По св. на 1831 г., имел двух жен: Сакина Ханум (род. ок. 1806) и Хейраниса Ханум (род. ок. 1811)¹².

24/12. Мамед-Кули Бек (Мегмед-Кули-бек) (ок. 1791 - до 1831). Жена - Баджи Ханум (род. ок. 1801)¹³.

26/12. Мамед Хан (1.Мамед Султан; 2.Мухаммед Султан). До присоединения Намчеванского ханства к Российской Империи находился на персидской службе (имел фирман принца Аббаса Мирзы от 1808). Правитель входящих в Кенгерлинское племя малых племен Кечлу и Кемаи (живших к югу от р. Араке) (св. 1813 и 1816)⁸. Получал от персидского правительства пенсию (св. 1818)⁴. По некоторым сведениям, после русско-персидской войны 1826-1828 гг. остался в Персии, Аббас-Мирза подарил ему поместье в Марагинском ханстве¹⁴. Однако вернулся в Нахичевань, участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Прапорщик русской службы. Получал от российского правительства «за прошлые заслуги» жалованье по 900 руб. сер. в год (св. 1837)¹⁵. Владел поместьями в дер. Гиджасов (21 версты, 30 харв.), Кули-Бей-диза (3,5 версты, 40 харв.) (оба имения — наполовину с братом Новруз Ага), Керим-Хан-Мирза (наполовину с братом Гусейн Султаном) (3,5 версты, вся полевая земля, 1 мельница) и Хорны (окр. 35 верст, без полевой земли) (св. 1831)¹¹.

28/12. Гусейн Султан (Лютвали-Султан-оглы) (ок. 1806 - 31.08.1856)¹⁶. До присоединения Нахичевани к Российской Империи служил Каджарам, получал пенсию (св. 1818)⁴. В 1826 г., с началом русско-персидской войны, перешел на российскую службу, участвовал в военных действиях против персов, а затем — против турок. За участие в войне с Османской Империей произведен прямо в подпоручики (11.05.1830). Имел серебряные медали за русско-персидскую войну 1826-1828 гг. и русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бант. (12.09.1833).

После русско-турецкой войны 1828-1829 гг. находился в свите ген.-фельд. И. Ф. Паскевича в Варшаве. Затем поступил на службу в Закавказский конно-мусульманский полк (г. Варшава). Поручик (08.07.1838), штабс-капитан (31.10.1840), капитан (15.01.1842).

В конце 40-х годов вернулся в Нахичевань. Участвовал в Восточной войне (1853-1856) в составе Эриванского отряда. 12 января 1854 г. был прикомандирован к 4 Донскому казачьему полку, затем к 23 Донскому казачьему полку. Был отмечен командованием, «*в воздаяние отличных подвигов мужества и храбрости, оказанных в сражениях с Турками в 1854 году, 17 июля на Чингильских высотах*», получил чин майора (10.12.1854) и орден Св. Владимира 4 ст. с меч. и бант. (22.09.1856)¹⁷.

По св. на 1856 г., получал содержание: жалованье 318 руб., добавочное 106 руб., пенсия 147 руб. в год.¹⁸

По некоторым данным — член Нахичеванского кружка «франкмасонов»¹⁹.

Крупный помещик Нахичеванского у. Владел землями в дер. Маралык (вместе с неким Пери Бекюм) (окр. 21 вер., 10 харв. полевой земли), Арынч (20 верст и 30 харв.), Кямли-Кышлак (7 верст, 2 харв.), Кара-баба (14 верст, 30 харв., 2 мельницы), Шахбуз (35 верст удобной полевой земли, виноградник, 3 фруктовых сада), Сираб (2/3 земли, 1/3 Эхсан Хана Нахичеванского) (окр. 42 верст, 600 харв. полев. земли, 1 сад), Керим-Хан-Мирза (наполовину с братом Мамед Султаном) (3,5 версты, вся земля полевая, 1 мельница) (св. 1831)¹¹.

По св. на 1831 г., жена — Сари Ханум (род. ок. 1811)¹⁶.

29/12. Мирза Джафар. Мулла, единственное духовное лицо в семье.

Родословное дерево рода Кенгерлы-Билиджи

I поколение

Керем Султан¹полк, стамбульское воеводство (1668-1683)
(ок. 1670-1710 г.)

II

Шамшад Султан²

III

Шамшад Султан²

земельный воевода в провинции Биле (1710-1730 г.)

IV

Топрак Султан³Ахмед Султан³

V

Сабих Султан⁴Кара Султан⁴

VI

Али-Мехмед Султан⁵Мехмед Султан⁵

земельный воевода в провинции Кара Султан (ок. 1740-1750 г.)

VII

Мехмед-Керем Султан II Султан⁶Гюль-Али Султан⁶

земельный воевода в 60-80-е гг. XIX в.

VIII

Керем Керем-Али Султан⁷Хусейн Султан⁷

земельный воевода в провинции Биле (ок. 1810-1820 г.)

IX

Али Султан⁸Мехмед Султан⁸Мехмед Султан⁸Топрак Султан⁸Мехмед Султан⁸Мехмед Султан⁸
(ок. 1770-1810)Мехмед Султан⁸
(ок. 1790-1820)Мехмед Султан⁸
(ок. 1800-1830)Топрак Султан⁸
(ок. 1800)Мехмед Султан⁸
(ок. 1810)Мехмед Султан⁸
(ок. 1820-1830)
в провинции Биле

X

Хусейн Султан Султан⁹Мехмед Султан⁹Керем-Мехмед Султан⁹Хан-Мехмед Султан⁹Али-Мехмед Султан⁹Гюль-Али Султан⁹Али-Мехмед Султан⁹Топрак Султан⁹

(ок. 1810)

(ок. 1820-1830)

(ок. 1820)

(ок. 1820-1840)

(ок. 1820)

(ок. 1820-1840)

Биле в 1820 г.
(в провинции Биле)

(ок. 1830)

XI

Мехмед Султан¹⁰Али-Мехмед Султан¹⁰Мехмед Султан¹⁰Мехмед Султан¹⁰Али Султан¹⁰

(ок. 1840)

(ок. 1840)

(ок. 1840)

(ок. 1840-1850)

(ок. 1840-1850)

(Векиловы-Кенгерлинские)

Таблица составлена на основе:

1) Генерального описания г. Нахичевань, 1831 г. [Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР), Ф. 24 (Каменная летопись верховного грузинского правительства), Оп. 1, Д. 353, 357 л.];

2) Материалов Эриванской Бекской Комиссии (1887 г.)

ГИАРА Государственный исторический архив Республики Армения, Ф. 89 (Эриванской бекской комиссии),

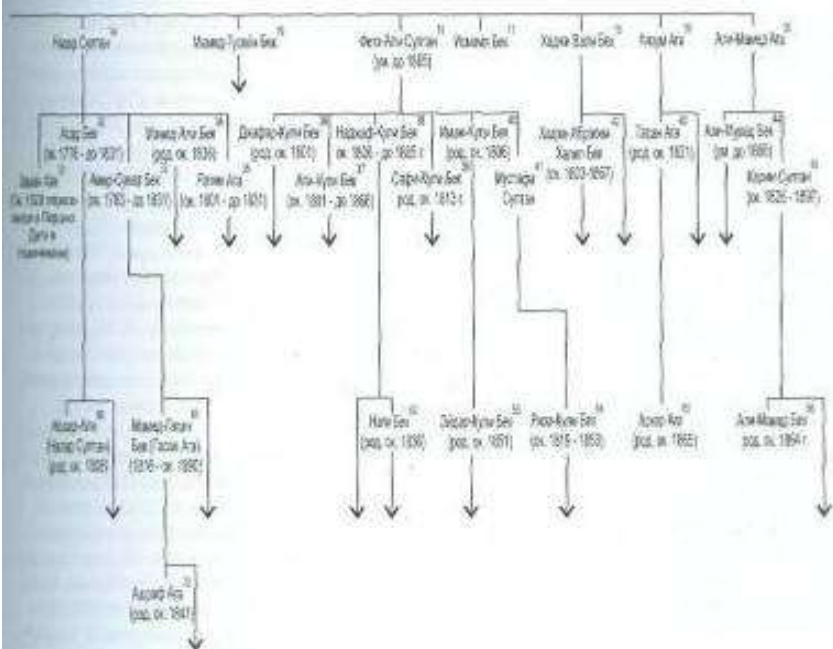
Д. 22 (Журнал Эриванской бекской комиссии), Д. 5 (Посемейный список Векиловы-Кенгерлинские);

3) Департамента Герольдии Правительствующего сената [РГИА, С.7/6, Ф. 1343] и;

4) Родословного древа, составленного в 1934 востоковедом К. Н. Смирновым по данным нахичеванских стариков [Смирнов К. Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края

Положение: Родословное древо Беков Кенгерлинских (с Примечаниями). //

Искусств. рукописи АН Груз. ССР, ф. 39;

кенгерлински.х. После присоединения Нахичеванского ханства к Российской Империи бежал в Персию. Аббас-Мирза пожаловал ему поместье (св. 1828)¹. Дети остались в Нахичевани.

31/14. Заман Хан Султан. При персидской власти проживал в Нахичеванском ханстве, владел землей в дер. Булган (окр. 5 верст, 1/6 часть) и такой же частью в дер. Карачуг (окр. 15 верст, 300 харв.)¹¹. За службу имел пожалование Аббас-Мирзы (св. 1827). Получал от персидского правительства пенсию (св. 1818)⁴. После русско-персидской войны 1826-1828 гг. с семьей переселился в Персию. По приказу принца Аббаса Мирзы размещен в Маргинской провинции, где ему пожаловано поместье. Дети остались в Нахичевани²⁰.

Жена - Фатима Ханум (род. ок. 1800)²¹.

32/14. Асад Бек (Асад Ага). Помещик Нахичеванского магала: владел 1/6 частью земли в дер. Булган (окр. 5 верст) и такой же частью в дер. Карачуг (окр. 15 верст, 300 харв.)¹¹. По некоторым данным — член Нахичеванского кружка «франкмасонов»¹⁹.

33/14. Амир-Сувар Бек (ок. 1783 — до 1831). Помещик Нахичеванского магала: владел 1/6 частью земли в дер. Булган (окр. 5 верст) и такой же частью в дер. Карачуг (окр. 15 верст, 300 харв.)¹¹.

Жена - Нибат Ханум (род. ок. 1790)²².

34/14. Мамед-Али Бек. По некоторым данным — член Нахичеванского кружка «франкмасонов»¹⁹. Судя по тому, что он сам хорошо писал по-русски, получил соответствующее образование²³.

35/14. Рагим Ага (ок. 1801 — до 1831), Помещик Нахичеванского магала: владел половиной земли в дер. Булган (окр. 5 верст) и такой же частью в дер. Карачуг (окр. 15 верст, 300 харв.)¹¹.

Жена - Баджи Ханум (ок. 1811 - до 1831)³.

36/16. Джафар-Кули Бек (род. ок. 1801). Отвечал в Нахичеванской провинции за сбор бахры (св. 1831). По св. на 1848 г., занимался домашним хозяйством²⁴. Участник Восточной войны 1853-1856 гг., командир Нахичеванской сотни в Эриванском отряде. За отличие при взятии турецкого лагеря у монастыря Сурб-Оганес 13 июня 1855 г. награжден орд. Св. Анны 4 ст. с надп. «Захрабрость». Прапорщик (св. 1856)²⁵. Старейшина рода в середине XIX в. В 1865-1867 гг. - член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому.²⁶

Нахичеванский помещик, вместе с братьями владел имением Балахшан (окр. 5 верст, 100 харв. поливной земли, 1 мельница) (св. 1831 г.)¹¹.

Жена - Шариф (ок. 1811 - до 1831)²⁷.

37/16. Али-Кули Бек (род. ок. 1801). Проживал в г. Нахичевань, бывал по делам в Персии. После ранней смерти брата и его жены стал опекуном своего племянника Наги Бека (62/38)²⁸.

Жены: 1) Гыз Ханум (род. ок. 1799)²⁹; 2) Фатьма-Ниса Ханум (род. ок. 1826)¹

38/16. Наджаф-Кули Бек (ок. 1806 - до 1865 г.)³⁰. Отвечал за сбор бахры при нахичеванском наибе Эхсан Хане (св. 1835)³¹. Прапорщик русской службы (св. 1837 и 1856). Участник Восточной войны 1853-1856 гг. в составе Эриванского отряда³².

Жена - Фахрин-Тадж Ханум (род. ок. 1803)³³.

39/16. Софи-Кули Бек. Жены: 1) Гаджи Ханум (род. ок. 1826); 2) Тутти Бегум (род. ок. 1842); 3) Зейнаб Ханум (род. ок. 1841)¹.

40/16. Имам-Кули Бек. До присоединения Нахичеванского ханства находился на персидской службе, получал пенсию (св. 1818)⁴. Жена - Зейни Ханум (род. ок. 1826)¹

41/16. Мустафа Султан. До присоединения Нахичеванского ханства к Российской Империи находился на персидской службе, получал пенсию (св. 1818)⁴.

42/18. Хаджи Ибрагим-Халил Бек (ок. 1803 — 1867). В 1837 г. участвовал в конвое Императора Николая I во время его путешествия по Кавказу. Прапорщик русской службы (21.03.1848), подпоручик (20.07.1855). Участник Восточной войны 1853-1856 гг. Имел серебряную медаль в память путешествия по Кавказу Императора Николая I. Житель г. Нахичевань³⁴.

По ошибке Камерального описания 1859 г. включен в списки податного сословия, однако впоследствии, после нескольких прошений к российским властям и предъявления доказательств, признан потомственным беком³⁵.

Нахичеванский помещик вместе с неким Мехти-Кули Беким адалел именем Гад-живар (150 харваров поливной земли) (св. 1831)¹¹.

Жена - Хадиджа (ок. 1790 - до 1831)⁷.

43/19. Гасан Ага (род. ок. 1821). «Вероисповедания магометанского, российской грамоты не знает». В службу вступил всадником в Закавказский конно-мусульманский полк (г. Варшава) (01.05.1845). Переведен в команду мусульман Собственного Е. И. В. Конвоя (01.03.1849). Прибыл в команду (07.03.1849). В составе конвоя находился в походе против «мятежных венгров» (1849). Произведен в векили (17.04.1851), корнеты, с зачислением по арм. кавалерии (20.03.1853). Ок. 1853 г. уволен на родину³⁶.

Жена Бедир-Ниса Ханум (род. ок. 1840)¹.

45/20. Керим Султан (ум. 09.1897). Участник экспедиции в Дагестан в 1848 г. и Восточной войны 1853-1856 гг. С 1866 г. дистанционный начальник земской стражи Орду-бадского у. В 1865-1867 гг. - член Эриванской бекской комиссии, по Нахичеванскому у.²⁶ С 1871 г. - начальник земской стражи Нахичеванского у.³⁷ Прапорщик (10.12.1854), подпоручик (12.01.1876), поручик (23.12.1879). Награды: золотая медаль с надп. «Захрабрость» (1848), Монаршее благоволение (20.07.1855), орден Св. Станислава 3 ст. (25.12.1869), персидский орден Льва и Солнца 4 ст. (14.01.1891)³⁸.

Х поколение:

46/21. Ханым-Джан Ханум (род. ок. 1819). Первая жена ген. Исмаил Хана Нахичеванского, мать всех его детей³⁹.

47/21. Исмаил Ага (род. ок. 1820). Найб в составе Закавказского конно-мусульманского полка (г. Варшава) (св. 1843)⁴⁰. В 1865-1867 гг. - член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому у.²⁶

Жена - дочь майора Ферадж-Улла Хана Нахичеванского³⁹.

48/21. Махмуд Ага (1.Мегмед-ага; 2.Бек-Наиб-Махмуд-Ага-Новруз-Ага-оглы) (ок. 1821 - ок. 1883). В 1848 г. наибом участвовал в составе Нахичеванской милиции, в походе против горцев (взятие аула Гергебиль) и за отличие был произведен в прапорщики⁴¹. Затем подпоручик русской службы⁴². До 1866 г. — дистанционный начальник земской стражи Ордубадского у. (уволен по болезни)⁴³. Нахичеванский помещик. Пользовался тиульным именем в сел. Кирна вместе со своими братьями Искандер Беким и Бейбуд Беким (2/3 земли) (св. 80-х гг.)⁴⁴.

49/21. Кара Ага (Кара Бек) (род. ок. 1823). Участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Прапорщик русской службы. «*За прошлые заслуги*» получал от российских властей жалованье 900 руб. сер. в год¹⁵.

50/21. Хаджи Искандер Ага (Искандер Бек) (род. ок. 1824)¹². Майор русской службы. Нахичеванский помещик, пользовался вместе с братьями тиульным именем в сел. Кирна (св. 80-х гг.)⁴⁴.

51/21. Бейбуд Ага (Бейбуд Бек) (род. ок. 1830). Нахичеванский помещик, пользовался вместе с братьями тиульным именем в сел. Кирна (св. 80-х гг.)⁴⁴.

52/21. Хан-Мирза Бек (Хан-Мирза-Ага-Навруз-Ага-Оглы) (род. ок. 1833). «*Султанского происхождения, вероисповедания магометанского. Российской грамоте читать и писать умеет*». В службу вступил с началом Восточной войны (1853-1856) векилем в конно-мусульманский полк № 4 (15.04.1853). Произведен в наибы (15.06.1854). Участвовал в бою 13 ноября 1853 г. при сел. Мустуры и Араб-Кераю, а также в сражении 17 июля 1854 г. на Чингильских высотах.

После войны уволен по собственному желанию на родину. Однако в 1857 г. Х.-М. вновь поступает на службу оруженосцем в 4 взвод Л.-гв. Кавказского эскадрона Собственного Е. И. В. Конвоя (28.12.1857). Прибыл в С.-Петербург 25 января 1858 г. 7 сентября 1861 г. уволен со службы, с производством в юнкеры и «*отпращиваем*» на родину.

Из наград имеет серебряную и бронзовую медаль в память Восточной войны⁴⁵.

53/24. Али-Мурад Бек (Мурад Ага) (род. ок. 1815). По св. на 1848 г., служил в Закавказском конно-мусульманском полку в г. Варшаве⁴⁶.

54/24. Шафи Ага (Мамед-Шафи Бек). Майор русской службы. В 1865-1867 гг. член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому у.²⁶

55/26. Гусейн-Кули Бек (Мамад-хан-оглы) (ок. 1806 - 1861). «*Города Нахичевани из беков. Вероисповедания магометанского. Российской грамоте не знает*». Весной 1831 г. со своим нукером уехал в Варшаву в свите И. Ф. Паскевича. Затем вернулся домой и поступил в Кенгерлинское войско. Находился в конвое Николая I во время путешествия того по Кавказу в 1837 г., за что удостоен серебряной медали для ношения в петлице. В службу вступил наибом в Закавказский конно-мусульманский полк (17.05.1841). За отличие в службе произведен в прапорщики (29.02.1844)⁴⁷. Подпоручик (13.03.1848). Поручик (02.06.1848).

В 1848 г. вернулся на родину, чтобы с кенгерлинской конной милицией участвовать в походе в Дагестан (взятие аула Гергебиль). Штабс-капитан (23.09.1849). «*За отличие в делах с горцами*» произведен в капитаны (27.10.1851). Награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бант. (22.10.1849).

Затем вернулся в родной полк, чтобы в 1849 г. выступить с ним в поход против мятежных венгров. За эту экспедицию получил серебряную медаль «*за усмирение Венгрии и Трансильвании в 1849г.*». В 1850 г. вернулся на родину. Проживал и умер в г. Нахичевань¹⁷.

58/27. Насыр Ага (ок. 1851 - 1920, Персия). Проживал в г. Нахичевань. Помещик. В 1920 г. вместе с членами семьи выехал в Персию, где и скончался (сыновья вернулись в Нахичевань).

Был женат дважды. Оба сына от первой жены (имя неизвестно). Вторая жена Хырда (род. ок. 1858) после его смерти и расстрела старшего сына Фараджа поехала в ссылку с детьми последнего в Среднюю Азию, где и умерла⁴⁸.

59/27. Хусейн-Али Бек (Гасан-Аш Султан). Судя по тому, что он сам хорошо писал по-русски, получил соответствующее образование⁴⁹. В 1865-1867 гг. член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому у.²⁶

Жена - дочь Риза-Кули Хана Нахичеванского³⁹.

60/32. Назар-Али (Назар Султан) (род. ок. 1806). Член Эриванской бекской комиссии по Нахичеванскому уезду (1865-1867)²⁶.

Жена — Саадат Бегум (род. ок. 1811)⁵⁰.

61/33. Мамед-Гасан Бек (Гасан Ага) (1816 — 1890-е). Корнет русской службы. Служил в Кенгерлинской коннице (св. 1837). *«За участие в конвое императора»* награжден серебряной медалью на Владимирской ленте с надп. *«Кавказ 1837 год»* для ношения в петлице. Судя по тому, что он сам хорошо писал по-русски, получил соответствующее образование.

Жены: Ходжа Ханум (род. 1826) и Пуста Ханум (род. 1841)⁵¹.

62/38. Наги Бек (род. ок. 1836)⁵². Рано потерял родителей. Вырос в семье своего дяди Али-Кули Бека. Проживал в г. Нахичевань. Участник Восточной войны 1853-1856 гг. в составе Бекской дружины Эриванского отряда.

Из-за ошибки в Камеральном описании Эриванского у. 1859 г. не причислен к бек-скому сословию. Прошение об исправлении ошибки оставлено без рассмотрения (св. 1881).

Имел, нераздельно с дядями, земли в сел. Хачапарах, Саптах, Диб-анзур, Парага, Гянза и Булган, а также 20 халваров пахотной земли в г. Нахичевань.

Жена - Гаджар Ханум (род. ок. 1841)⁶.

63/40. Эйдар-Кули Бек (род. ок. 1851). Начальник Джульфинской телеграфной станции, не имеющий чина (св. 1884)⁵³.

64/41. Риза-Кули Бек (ок. 1819- 1853). Жил в семье своего дяди Джафар-Кули и Бека²⁷. По свед. на 1848 г., занимался домашним хозяйством⁵⁴.

65/43. Аскер Ага (род. ок. 1865). Воспитание получил в Нахичеванском 3-классном городском училище. В службу вступил канцелярским служителем *«по вольному найму»* на Шарурскую карантинно-таможенную заставу (10.03.1887). В 1895 г. на той же должности.

«У родителей имеется недвижимое имущество, состоящее из частей населенных деревень в Нахичеванском и Шаруро-Даралагезском уездах, а также пахотных земель неопределенных мер под г. Нахичеванью».

Женат на Пари Джаяган Ханум Шахтахинской⁵⁵.

XI поколение:

67/47. Шахбаз Ага (род. ок. 1860). Старейшина рода Кенгерлинских. В 1903 г. уполномоченный Нахичеванского городского общественного управления⁵⁶. По свед. на 1934 г., проживал в г. Нахичевань⁵⁷.

Имел дом со двором, фруктово-виноградный сад и пахотную землю в г. Нахичевань⁵⁸.

Родственник Ханов Нахичеванских (его дочь была замужем за Сервер Ханом). Вторая дочь замужем за его племянником Али-Кули Ага Султановым⁵⁷.

68/48. Аббас-Кули Бек (род. ок. 1865). Образование получил в Нахичеванском городском училище (закончил его в 1885). «*Постановлением Эриванского губернского правления от 18мая 1888 г. определен на действительную государственную службу с причислением по происхождению ко второму разряду канцелярских служащих в Нахичеванское полицейское управление*». В 1892 г., по собственному прошению, уволен со службы «*по домашним обстоятельствам*». Распоряжением директора народных училищ Эриванской губ. назначен смотрителем Ванандского одноклассного училища (1899). Перемещен вторым учителем в Ямханское двухклассное училище (1903). Перемещен и. д. смотрителя в Абракуниское одноклассное училище (1904). Назначен учителем Нахичеванского русско-татарского училища (1906). Назначен смотрителем Шахбузского двухклассного училища (1909). Выдержал экзамен на звание учителя 2-классного училища в Нахичеванском городском училище (1909). Не им. чина, содержание 450 руб. в год. (1910).

Имел в г. Нахичевань: 1) часть фруктово-виноградного сада с родником; 2) часть пахотной земли (4 халвара с родником); 3) в Нахичеванском уезде — часть мулька. Из «*благоприобретенного*» имущества — дом со двором в г. Нахичевань.

Жена: Джейран Ханум Хаджи Мамед-Таги кызы (род. 1876) (брак - 1887)⁵⁹.

70/58. Фарадж Бек (1887-1937). С 1900 по 1918 г. вместе со своим тестем Акпер Ханом Нахичеванским занимался мелкими коммерческими операциями (закупал товары в г. Одессе и переправлял их в Нахичевань). В советское время — экономист Нахичеванского педагогического училища. 3 октября 1937 г. арестован органами НКВД Нахичеванской АССР, 21 октября постановлением «Тройки» НКВД Азербайджанской ССР признан виновным по ст. 21-73 {«член контрреволюционной организации, ставившей задачей свержение советской власти») УК Азерб. ССР и осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 29 ноября 1937 г. 23 июля 1958 г. посмертно реабилитирован⁶⁰. Жена - Ханумджан Ханум, дочь Акпер Хана Нахичеванского (после расстрела Фарадж Бека с детьми выслана в Среднюю Азию). Сыновья: Узеир (род. 1917 — ум. ок. 1998), Джейхун (ок. 1928, Нахичевань - ок. 1940, Узбекистан), Сейхун (род. ок. 1931, Нахичевань, проживает в Казахстане), дочери: Энвер (род. 1924, проживает в Баку) и Санубяр (род. ок. 1936, Нахичевань, ум. 50-е гг., Карши, Узбекистан)⁴⁸.

71/58. Адиль Бек (ок. 1898 - 1976). По семейным данным, образование получил в немецкой гимназии в г. Елизаветполь. Затем «*определением Мирового Судьи Нахичеванского Отдела от 14января. 1917 г.*» «*определен на действительную гражданскую службу канцелярским служащим Нахичеванского Мирового Отдела второго разряда по образованию*»⁶¹. По свед. на 1918 г., вместе со своим братом Фарадж Бекком и его тестем Акпер Ханом Нахичеванским занимался мелкими коммерческими операциями.

В 1919 г. участвовал в войне с Арменией. Приказом военного министра Азербайджанской республики С. С. Мехмандарова № 155 от 29 марта 1919 г. «*за отличия, оказанные по освобождению Шарурского и Нахичеванского уездов*» произведен в прапорщики в.рм. пехоты⁶².

В 1930-е гг., в связи с опасностью быть репрессированным, вынужден был часто менять место жительства. Проживал попеременно то в г. Баку, то в г. Ташкенте, работал бухгалтером, экономистом.

Гражданский брак с Евгенией (Феодосией - пасп.) Павловной Ткаченко (1904 -2001) (это ее третий муж).

Сын Герай (род. 1938, проживает в г. Баку)⁶³.

72/61. Ашраф Ага (род. в 1841). Житель г. Нахичевань. Из-за ошибки в Камеральном описании Эриванской губ. 1859 г. не причислен к дворянскому сословию. Впоследствии Правительственный Сенат отказал ему в восстановлении бекских прав (св. 1899).

Урядник земской стражи (15.04.1868), юнкер милиции (за отличие по службе, 1892). Участник русско-турецкой войны (1877-1878) в составе Эриванского конно-иррегулярного полка.

Имел медали: серебряную с надп. «*За усердие*» на Станиславской ленте для ношения на груди (29.01.1871), золотую с надп. «*За усердие*» на Станиславской ленте для ношения на груди (05.10.1875), серебряную с надп. «*За храбрость*» на Георгиевской ленте для ношения на шее (16/25.07.1877), золотую с надп. «*За усердие*» на Аннинской ленте для ношения на шее (19.08.1884), золотую с надп. «*За усердие и преданность Правитель-1Я*» ношения на шее (26.05.1896).

Имел наследственные земли в дер. Булган, Карачуг, Караханбеклю, Халилу, Ашаг-Узун-Оба и др.

Жена - Бала Ханум (род. в 1841)⁶⁴.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Аббас I «Великолепный». Выдающ. полководец и госуд. деятель своего времени. Шах из династии Сефевидов, правил с 1587 по 1628 г. Отвоевал у Осм. Имп. Вост. Закавказье (1603-1607).

Аббас III. Шах из династии Сефевидов, правил с 1731 по 1736 г.

Аббас Мирза (Наиб Султан) (1783-1833). Выдающ. деятель и реформатор Персии эпохи Каджаров. Третий сын Фетх-Али Шаха, наследник перс. престола (в отличие от ст. братьев был рожден от жены из племени Каджар). Правитель Азерб. обл. Команл-л войсками во время рус.-перс. войн 1804-1813 и 1826-1828 гг., перс.-тур. войны 1821-1823 гг.

Абдул Ага. Курдский шейх, кочевья к-рого находились на террит-и Эриван. ханства (св. 1807).

Абдул Меджид (1823-1861). Султан Осм. Имп. с 1839 по 1861 г.

Абуль Гази Багадур Хан (1605-1664). Автор «Родословного древа тюрок». Потомок Чингиз Хана, сын Араб-Мохаммед Хана Хивинского. В 1644 г. провозглашен ханом Хивы. Взялся за сочинение Истории о Чингизидах, но не успел ее закончить.

Абхазов, князь Иван Николаевич (1764-1832). В 20-е гг. XIX в. упр-ий мусульм. пров. в Закавказье. Полк-к, ком-р Грузинского гренад. полка (1821). Впосл. ген.-м.

Ага Магомед Хан (Ага Магомед Шах) Каджар (1734-1797). Основатель царств. Династии в Персии, завоеватель Закавказья. Сын астрабадского Магомед-Гасан Хана.

Агаларов **Гасан Бек** (род. 1815). Оф-р и ком-р (1855) Закавказск. кон.-мусульм. полка (г. Варшава). Ген.-м. (1857). Уч-к Венгер. войны 1849 г., орд. Св. Георгия 4 ст. за взятие г. Дебречин.

Азад **Хан Афганский.** Полководец Надир Шаха. Нек-рое время после смерти последнего удерживал власть в центр, пров. Персии.

Азад **Хан Афшар.** Правитель Азерб. обл. при Надир Шахе и нек-рое время после него. Имел резиденцию в г. Тебриз.

Аксакова-Сивере Татьяна Александровна (1892-1982). Литератор, автор извест. мемуаров. Закончила гимн-ю и Строгановское уч-ще (1913). После рев-ции осталась в Сов. России. В 1923-1924 гг. совершила поездку к матери в Висбаден, в 1926 г. в Ниццу. В 1935 г. арестована, в 1937 г. сослана в Саратов. Затем в заключении в г. Котлас. С 1943 г. в ссылке в Вятских Полянах. Реабилитирована (1957).

Александр I Павлович «Благословенный» (1777-1825). Имп-р Всерос. с 1801 по 1825 г. Ст. сын Павла I и его второй жены Императрицы Марии Федоровны. Вошел в историю как победитель Наполеона.

Александр II Николаевич «Освободитель» (1818-1881). Имп-р Всерос. с 1855 по 1881 г. Гл. деяния: упразднение креп. права, завершение Кавказск. войны (1859), победа в рус-тур. войне 1877-1878 гг. и присоединение Ср. Азии.

Александр III Александрович «Миротворец» (1845-1894). Император Всероссийский с 1881 по 1894 г. В его царствование Россия не вела войн.

Александр Ираклиевич Багратиони (царевич Александр) (1770-1844). Многолетний борец за свободу Грузии и непримиримый враг России. Сын Ираклия II. В 1800 г. бежал в Персию, откуда вел борьбу за освобождение родины от россиян. Участвовал в походах лезгин в Грузию, мятежа в Хевсурии, рус.-перс. войн.

Александра Федоровна (принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) (1872-1918). Императрица Всероссийская, супруга Николая II, дочь вел. герц. Гессен-Дармштадтского Людвига IV, внучка (по матери) королевы Великобритании Виктории. Расстреляна вместе с мужем и детьми под Екатеринбургом в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918). Военачальник I мировой войны. Начальник штаба армий Юго-Зап. фронта, затем главнокомандующий Сев.-Зап. фронта (с 17.03.1915), нач. штаба верх, главнокомандующего (18.08.1915-2.04.1917). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Верх, главнокомандующий (2.04-22.05.1917). После октября 1917 г. — в Новочеркасске, создал ядро Добровольческой армии. Умер в Екатеринодаре 25 сент. 1918 г.

Алексеев Николай Михайлович (1891, СПб. — 1960, Буэнос-Айрес). Сын главнокомандующего. Штаб-ротмистр Лейб-гвардии Е. В. Уланского полка. Участвовал в Корниловском мятеже (1917). В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Полковник. В эмиграции в Югославии.

Али Ага. Курдский шейх, вождем обществ кочевавших на территории Карского пашалыка Османской империи. (ум. 802). Возглавлял набеги на азербайджанское ханство.

Али-Мурат Хан Исфаганский. Губернатор Исфагана (80-е гг. XVIII в.), племянник великого персидского Керим-Хана Зенда.

Алиев Эрис Хан Султан Гирей (1857-1920). Легендарный герой рус.-японской войны. Во время I мировой войны командовал IV армейской кавалерийской дивизией. Генерал от артиллерии. В годы Гражданской войны — правитель Чечни. Расстрелян большевиками.

Алиханов Кайтмаз Алиханович. Младший брат генерала М. Алиханова-Аварского. Участвовал в рус.-японской войне (1904-1905) в составе 2-го Дагестанского конного полка (участник охот за боевые отличия). После 1917 г. активный участник антибольшевистского движения в Дагестане. Вместе с тремя сыновьями зверски убит большевиками.

Алиханов (Алиханов-Аварский) Максуд Алиханович (1846-1907). Выдающийся общественный деятель Кавказа, военный, художник и писатель. Участвовал в походах в Туркестан, рус.-турецкой войны (1877-1878) и Китая, похода (1900). Присоединил к России Мервский оазис (1884). Генерал-лейтенант. (1907). Убит 3 июля 1907 г. в г. Александрополь боевиками армянской организации «Дашнакцутюн».

Алиханов Умалат Бек Алиханович. Офицер 46-го драгунского Переяславского полка (1885). Участвовал в рус.-японской войне (1904-1905) в составе 2-го Дагестанского конного полка. Поступил в чине ротмистра (переименован в есаулы). За отличия произведен в чин войска старшины (1905).

Аль Му'тасим. Арабский халиф с 833 по 842 г. Был известен тем, что перенес столицу халифата из Багдада в Самарру.

Альбрехт Александр Петрович (ум. ок. 1931). Офицер Лейб-гвардии Конного полка. Участвовал в рус.-японской кампании (1904-1905) в составе 2-го Дагестанского конного полка. Впоследствии полковник, участник Белого движения. Умер в эмиграции.

Амилахвари, князь Иван Гивич (1829-1905). Знаменитый кавказск. герой. Уч-к Кав-казск., Восточ. (1853-1856) войн. Свиты Е. В. ген.-м. (1874). С нач. войны с Турцией нач-к кавалерии Эриван. отряда (1877). Впосл. ген.-ад-т, ген. от кав.

Амир Бек. Первый предель прав-ва Араксинской респ. (дек. 1918 — янв. 1919 гг.)

Амиргуна Хан Каджар. Один из военач-ков Шаха Аббаса I, с 1606 по 1628 г. правитель Эриван. ханства.

Амироджиби, князь Михаил Кайхосорович (1833-1903). Знаменитый кавказск. герой. Уч-к Кавказск., Восточ. (1853-1856), рус.-тур. (1877-1878) войн. За взятие вые. Узун-Ахмед при штурме позиции Деве-Бойну 10 окт. 1877 г. б. произв. в ген.-м. и нагр. орд. Св. Георгия 3 ст. Впосл. ген.-лейт., ком-р 1 Кавказск. к-са.

Андраник (Озаян Андраник Торосович) (1865-1927). Террорист. Сын ремесленника. С 1894 г. боевик армян, группы в Турции. В 1912 г. в Болгарии в войне с Осм. Имп. В I мир. войну ком-р 1 армян, дружины в Кавказск. армии. В 1918 г. вел бои с азербайджанцами Нихичевани. С 1919 г. в эмигр., умер в США. В 2000 г. перезахоронен в Ереване.

Аргутинский-Долгоруков, князь Моисей Захарович (1797-1855). Воен. и гражд. деятель Кавказа, ген.-ад-т, ген.-лейт. На службе с 1816 г. С 1827 г. на Кавказе в Грузинском гренад. полку, с к-рым прошел Перс. камп. Затем возглавлял комиссию по переселению армян из Персии в Закавказье.

Арсеньев Евгений Константинович (1873-1938). Герой Каушенского боя (06.08.1914). ком-р Л.-гв. Ее В. Уланского полка. Ген.-м. (1914). После рев-ции 1917 г. - в Петрограде, был арестован (05.1918), бежал в Финляндию. Уч-к Белого движения в армии ген. Н. Н. Юденича (1919). Умер в Париже.

Арцьшевский. Уч-к Ахал-Текинской эксп. (1880-1881), полк-к, ком-р 1 Таманского казач. полка Кубанского казач. войска (св. 1880).

Асеев. Полк-к, ком-щий рус. войсками в Карабахе (1807-1811).

Аскер Али Бек. Ком-р Бакинской сотни кон.-мусульм. полка, уч-к эксп. ген. С. А. Портнягина в Дагестан (1831).

Афанасьев. Кап-н 81 пех. Апшеронского полка. Застрелился в штаб-квартире полка в уроч. Ишкарты (Дагестан) в конце 1881 г.

Ахмед Хан Хойский Думбули (ум. 1786). Хойский хан после ст. брата Шахбаз Хана II, правил с 1763 по 1786 г. Поддерживал дружественные отношения с Осм. Имп., был пожалован от Султана титулом верх, сераскира в Азербайджане (1784). Убит в результате дворцового переворота.

Бабек (ок. 798 - 800/838). Предводитель антиарабского народ. восстания в Азербайджане (ок. 816 - 837). Сын мелкого торговца. В сражении у Хамадана (833) потерпел поражение. В 838 г. был схвачен и казнён.

Багратион, князь Дмитрий Петрович (1863 — 1919, Петроград). Правнук героя Отеч. войны. Оф-р постоянного сост. Офицерской кав. школы (1897). Редактор «Вестника русской конницы». С нач. 1 мир. войны команд-л бр-дой Кавказск. Туземн. кон. д-зии, с февр. 1916 г. ком-р д-зии. Ген.-лейт. С 1918 г. на службе в РККА.

Багратион (Багратион-Мухранский), князь Константин. Ген.-м., нач-к Грузинского кон. ополчения во время рус.-перс. войны (1826-1828).

Баранов. Ротм-р, ком-р эскадрона Л.-гв. Ее В. Уланского полка. Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878).

Баратов Николай Николаевич (1865, Владикавказ - 1932, Париж). Военач-к времен I мир. войны. Ген. от кав., ком-щий рус. эксп. к-сом в Персии (1915). С 1918 представитель Добровольч. армии в Закавказье (г. Тифлис). В эмигр. во Франции. С 1930 г. редактор газ. «Русский инвалид».

Басин Николай Петрович (1845 — после 1917). Академик архитектуры (1874). Закончил Ак-мию художеств (1869). Архитектор Воспитательного дома (1874-1893), Дома призрения бедных Императрицы Александры Федоровны (1877-1887), двора Вел. кн. Николая Николаевича-ст. (1883-1892). Автор многих сооружений в Петербурге и губ.

Басов. Казак, ген.-м. Кавказск. к-са, уч-к рус.-тур. войны (1828-1829).

Бebutov, князь Василий Осипович (1791-1858). Админ. деятель Кавказа. После рус.-тур. войны 1828-1829 гг. назн. нач-ком Армян, обл., к-рой упр-л до 1838 г. В Восточ. войну 1853-1856 гг. команд-л войсками Кавказск. к-са.

Безобразов Владимир Михайлович (1857-1932). Воен. деятель эпохи Николая II, ген. от кав. С 26 нояб. 1915 г. ком-щий Гвард. отрядом. За неудачные действия, повлекшие гибель гвардии на р. Стоход, отчислен от долж-ти 14 авг. 1916 г. В эмигр. с 1919 г. в Дании. Уч-к Рейхенгалльского монархич. съезда (1921). Умер в Ницце.

Бекович-Черкасский, князь Федор Николаевич (1870, Бековичево, Малая Кабарда-1953, Париж). Из кабардинских узденей. В I мир. войну в «Дикой» д-зии, с 1915 г. ком-р Татарского кон. полка. С 1918 г. формировал в Добровольч. армию горские части. С февр. 1919 г. правитель Кабарды. Ген.-м. (1919). В эмигр. в Турции, затем во Франции.

Бельгард Владимир Карлович (1863-1914). Уч-к I мир. войны. Ген.-лейт., нач-к 3 кав. д-зии. Убит в бою под г. Вормдит 18 авг. 1914 г. Посмертно удост. орд. Св. Георгия 4 ст.

Бенингсен, граф. Пор-к Л.-гв. Конного полка, мл. оф-р 3 эскадрона. Погиб во время кон. атаки на герм. б-рею 6 авг. 1914 г. под Каушеном.

Бенингсен, граф Адам Павлович (1882-1946). На службе с 1901 г., оф-р Л.-гв. Конного полка. Уч-к рус.-япон. камп. в сост. 2 Дагестанского кон. полка. Впосл. полк-к, уч-к Белого движения. В эмигр. во Франции.

Бенкендорф, граф Александр Христофорович (1783-1844). Госуд. деятель России времен Николая I. Службу начал на Кавказе, уч-л в штурме Гянджи (1804) и в сражениях с лезгинами. С воцарением Николая I и до самой смерти бессменно руководил К-сом жандармов, являясь одним из самых доверенных лиц Императора.

Бенкендорф, Константин Христофорович (1785-1828). Брат шефа жандармов гр. Александра. Службу начал в коллегии иностр. дел, служил в посольствах в Берлине, Неаполе, Камергер (1812). Со времен Отеч. войны на воен. службе. Уч-к войн с Персией (1826-1828) и Турцией (1828-1829). Ген.-ад-т.

Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797-1837). Сподвижник Рылеева по «Полярной звезде». Уч-л в восстании 25 дек. 1825 г. Приговорен к смертной казни, к-рая заменена ссылкой в Якутск. В 1829 г. отправлен рядовым на Кавказ. Автор повестей: «Испытание» (1830), «Амалат-бек» (1832) и др. Погиб у мыса Адлер 7 июня 1837 г. в схватке с горцами. Среди изрубленных тел не был даже опознан.

Бехман Мирза Каджар (1811-1884). Принц, единоутробный брат Шаха Персии Мухаммеда. В 1842-1848 гг. ген.-губ-р пров. Азербайджан. Оклеветанный, вынужден был просить убежища в России (1848). Вместе с 7 женами и 19 детьми выехал в Закавказье, проживал в г. Тифлис, затем в г. Шуша. Написал несколько истор. трудов.

Бильдерлинг, барон Александр Александрович (1846-1912). Военач-к рус.-япон. войны 1904-1905 гг., ген. от кав. Нач-к Вост. отряда в армии А. Н. Куропаткина, а затем ком-щий 3 армией (30.01.1905). Увлекался скульптурой.

Бискупский Василий Викторович (1878 - 1945, Мюнхен). Оф-р Л-гв. Конного полка, уч-к Японской камп. в сост. 2 Дагестанского кон. полка. Ранен в Манчжурии. Уч-к 1 мир. войны. В 1918 г. ком-щий войсками гетмана Украины в Одессе. В эмигр. в Германии.

Брайко Михаил Григорьевич. Ген.-лейт., Тифлиссский воен. губ-р (св. 1841). После упразднения долж-ти назн. чл. Гос. Совета (21.11.1842).

Брамс. Корнет Л.-гв. Ее В. Уланского полка. Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878). Утонул в марте 1878 г. в горной речке под сел. Сан-Стефано.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853, Тифлис — 1926, Москва). Полководец 1 мир. войны. Ген.-ад-т. На Юго-Зап. фронте прошел путь от ком-щего 8 армией (1914) до главноком-щего (1916). Известен организацией прорыва в районе г. Луцк (1916). После февр. рев-ции главноком-щий рус. армиями (с 05.1917), затем в отставке. С 1918 г. на службе в РККА (инсп-р кавалерии).

Будберг, барон. Пор-к Л.-гв. Ее В. Уланского полка. Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878).

Будыгин Владимир Николаевич (ок. 1842 — 1880). Оф-ром с 1867 г. в 44 драг. Тверском полку. Майор (1877). Уч-к Ахал-Текинской эксп. 1880 г. Убит под креп. Геок-Тепе 26 дек. 1880 г.

Бурцев Иван Григорьевич (1794-1829). Герой рус.-тур. войны 1828-1829 гг. Ген.-м. Смертельно ранен под Байбуртом у сел. Харт 19 июля 1829 г.

Бутков Петр Григорьевич (1775-1857). Рус. историк-хронист, академик. В юности на воен. службе, уч-л в Анапском походе (1791), а затем в перс. походе гр. В. А. Зубова (1796). Затем - ад-т ген. К. Ф. Кнорринга. Увлекался историей, дальнейшую свою жизнь посвятил изучению хроник Персии и Кавказа.

Вадбольский, князь Иван Михайлович (1781-1861). Военач-к рус.-перс. (1826-1828) и рус.-тур. (1828-1829) войн. За отличие в бою у Джеван-Булака и под Аббас-Абадом произв. в ген.-лейт.

Вакура. Казак Уманского полка Кубанского казач. войска. Уч-к обороны креп. Ба-язет (1877). 14 июня 1877 г. направлен с письмом в сел. Игдырь. Доставил письмо 17 июня на Чингильский перевал.

Вальдерзее. Герм, ген., нач-к штаба 8 герм. армии (1914). После сражения у г. Гум-бинен 7 авг. 1914 г. отрешен от долж-ти.

Ванновский Петр Семенович (1822-1904). Воен. деятель России. С 1881 г. упр-ий воен. мин-вом, затем воен. мин-р (1883) в течение 17 лет. В 1898 г., по прошению, уволен от долж-ти с назн. чл. Гос. Совета.

Варшамян. Гражд. губ-р Нахичевани до падения власти Армян, респ. (05.08.1919).

Вели Бек. Нахич. бек, уч-к рус.-тур. войны (1828-1829) в сост. 4 кон.-мусульм. полка.

Вели Мухаммед Хан Белуджский. Оф-р перс, армии, ком-р стрелк. бат-на, занимавшего креп. Нахичевань в 1808 г. Уч-л в аресте Келб-Али Хана «Слепого».

Велибеков. Чрезвыч. комиссар 11 Красной армии (св. 1920). Затем нар. комиссар юстиции Азерб. ССР.

Вельяминов-Зернов. Полк-к, ком-р 46 драг. Переяславского полка (св. 1877). Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878).

Виллари Луиджи (Villari Luigi) (род. 1876). Итальянский историк, путешественник и дипломат. Автор ряда кн., в т. ч. «Россия после великого переворота». «Огонь и меч на Кавказе» является сб. путевых очерков автора, написанных летом и осенью 1905 г., когда он посетил очаги армяно-азерб. противостояния.

Винекен, барон Александр Георгиевич (ум. 1917). Ген. штаба ген.-м. (1916). До назн. нач-ком штаба Гвард. кав. к-са команд-л Отд. (Варшавской) гвард. кав. бр-дой. Застрелился 12 марта 1917 г.

Владимир Александрович, Великий князь (1847-1909). Третий сын Александра II. С 1866 г. на воен. службе. Флиг.-ад-т. Ген. от инф.

Волконский, князь. Ген.-м., врем, правитель Грузии и помощник главноупр-шего (1803-1805).

Воронцов, Светлейший князь Михаил Семенович (1782-1856). Выдающ. госуд. деятель николаевской эпохи. Ген.-фельдм. Воспитывался в Англии. С 1803 г. на воен. службе. Уч-л в штурме Гянджи (1804), эксп. против лезгин в Имеретию и Эриван. ханство. С 1844 г. кавказск. наместник.

Воронцов-Дашков, граф Илларион Иванович (1837 - 1916, Алупка). Видный админ-р времен царств-я Александра III и Николая II. Наместник на Кавказе (1897-1915). Ген.-ад-т, ген. от кав.

Воронцов-Дашков, граф Илларион Илларионович (1877, Царское Село — 1932, Париж). Сын кавказск. наместника. Оф-р Л.-гв. Е. В. Гусарского полка. Полк-к. Ад-т Вел. кн. Михаила Александровича. В I мир. войну ком-р Кабардинского кон. полка. После рев-ции в эмигр. во Франции.

Врангель, барон Карл Карлович (1800-1872). Военач-к Кавказск. и Восточ. (1853-1856) войн. Ген. от инф. В 1853 г. назн. нач-ком Эриван. отряда, с к-рым разбил турок на Чингильских высотах (17.07.1854). Затем переведен на долж-ть нач-ка войск в вост. части Крыма (1855-1856).

Врангель, барон Петр Николаевич (1878, Ростов - 1928, Брюссель). Деятель эпохи революц. потрясений. С 1901 г. на воен. службе в Л.-гв. Конном полку (1901). Уч-к рус.-япон. и I мир. войн. Флиг.-ад-т. Ген.-лейт. (1918). С авг. 1918 г. в Добровольч. армии. После эвакуации в Крым возглавил Вооруж. силы Юга России (ВСЮР). В эмигр. нач-к РОВС.

Врангель, барон Петр Петрович (1911- 1990-е, США). Сын главноком-шего ВСЮР. В 1920 г., «*в воздаяние заслуг отца*», зачислен ст. урядником в I Астраханский казач. полк. В эмигр. на Ближнем Востоке, затем в США. Инж-р.

Вулферт (графиня Брасова; княгиня Шереметьевская) Наталья Сергеевна (1880— 1952, Париж). В первом браке Мамонтова (за сыном извест. мецената), во втором Вулферт (за гвард. оф-ром). Разведена. После тайного венчания с Вел. кн. Михаилом Александровичем

(1912) в ссылке за границей. В 1914 г. разрешено вернуться. Имела от Вел. кн. сына Георгия (род. 1910). После 1917 г. в эмигр.

Гаврил Константинович, Князь Императорской Крови (1887 - 1955, Париж). Оф-р Л.-гв. Гусарского Е. В. полка. Уч-к 1 мир. войны. Полк-к. В авг. 1918 г. арестован ЧК в Петрограде, благодаря стараниям супруги А. Р. Нестеровской сумел освободиться и выехал за границу. Автор мемуаров.

Гагарин, князь Александр Васильевич (род. 1866). Перед I мир. войной ком-р улан. Бугского полка. С окт. 1915 г. ген.-м., ком-р 3 бр-ды Кавказск. Туземн. кон. д-зии. В 1917 г. нач-к 1 д-зии Кавказск. Туземн. кон. к-са. Уч-к Корнилов, выступления. С сент. 1917 г. в резерве чинов. Дальнейшая судьба неизвестна.

Гагки Паша Сивазский. Главноком-щий тур. войсками в Анатолии в рус.-тур. войну 1828-1829 гг. Был взят в плен в сражении у Милли-Дюз (1829).

Гази-Магомед (Гази-Магома, Казн-Мулла) (ум. 1832). Первый имам Дагестана, уроженец сел. Гимры. Возглавил последователей возникшего учения «мюридизм». В 1830 г. поднял мятеж в Дагестане. Погиб под стенами родного аула в рукопашной схватке с русскими.

Гази-Магомед (Казн-Магомед) (род. 1833). Сын имама Шамиля. Уч-к Кавказск. войны. В 1847 г. утвержден наследником имамата. После пленения (1859) проживал в Калуге. После смерти отца (1871) выехал в Турцию, поступил на службу в армию. В рус.-тур. войне нач-к кав. д-зии, составл. из кавказск. горцев-переселенцев. Ген.-лейт. Свиты Е. В. Султана.

Гайдаров Нейматулла Бек Гаджи Касим Бек оглы (Наум Касьянович) (1827, Дербент - 1901). Герой Кавказск. войны. Во время штурма креп. Геок-Тепе (12.01.1881) команд-л одной из штурмовых колонн, удост. орд. Св. Георгия 3 ст. Впосл. ген.-м.

Гамдуллах **Казвини (Хамдаллах ион Абу-Бекр Мустауфи Казвини)** (1280-1349). Вост. ученый-географ. Широкою известность получил его труд «Нузхат ал-кутлуб» («Услада сердец»). Был близок к Шаху Рашид-эд-Дину и упр-л, по его поручению, финансами г. Казвин и соседних окр.

Гамзат Бек (1789-1834). Второй имам Дагестана и Чечни после гибели Гази-Магомеда (с 1832). Чанка (дальний родственник) аварских ханов, родом из аула Гоцатль. В авг. 1834 г. убил двух сыновей аварской ханши Паху-бике. В ответ 19 сент. 1834 г. аварцы, во главе со ст. братом Хаджи-Мурада и при уч-и последнего, в мечети аула Хунзах в рукопашной схватке закололи Г. и его мюридов.

Ган Н. В., барон. Сенатор, чл. Гос. Совета. В 30-е гг. XIX в. тайный советник, пред-л Комиссии для составл. положения об упр-ии Закавказск. краем.

Гасан Хан Каджар. Брат Гусейн-Кули Хана Эриванского, его гл. помощник в упр-ии ханством. Во время осады креп. Эривань гр. И. В. Гудовичем в 1808 г. возглавил оборону. Заслужил прозвище «Сары Аслан» («Белокурый Лев»). Уч-крус.-перс. войны 1826-1828 гг. После взятия рус. войсками Эривани попал в плен, содержался под арестом в Тифлисе. Затем отпущен в Персию.

Гедулянов Петр Игнатьевич. Кап-н 74 пех. Ставропольского полка, ком-щий 5 ротой (1877). Уч-к обороны креп. Баязет. 6 июня 1877 г. назн. ком-щим 2 бат-ном вместо убитого подполк-ка А. В. Ковалевского. 8 июня контужен в голову осколком гранаты.

За отличия нагр. орд. Св. Станислава 2 ст. и чином майора.

Гейден, граф Федор Логинович (1821-1900). Нач-к Гл. штаба (с 1866). Ген. от инф. Сподвижник гр. Д. А. Милютин в деле воен. реформ. Во время рус.-тур. войны 1877-1878 гг. исполнял обяз-ти воен. мин-ра.

Гейман Василий Александрович (1823-1878). Во время рус.-тур. войны 1877-1878 гг. нач-к Александропольского, Ардаганского и Саганлугского отрядов. Ген.-лейт. Штурмовал Ардаган, Деве-Бойну и Эрзерум. Умер от тифа.

Гейне К. К. Предс-ль Комиссии для документ, описания обороны креп. Баязет в июне 1877 г. Издал собранные сведения в «Русской старине» (СПб., 1885).

Гербель Николай Васильевич (1827-1883). Рус. поэт, переводчик, издатель. Известен переводами Шекспира. Байрона, Шелли, Гете, славян, поэтов (Шевченко, Котляревс-кого, Мицкевича), «Слова о полку Игореве». Издал антологию рус. переводов, собрания сочинений иностр. писателей.

Гершельман Федор Константинович (род. 1853). Воен. теоретик. Ген. от кав. Уч-к рус.-тур. войны 1877-1878 гг. Автор трудов: «Партизанская война» (1885), «Военная рекогносцировка» (1890), «Кавалерия в современных войсках» (1898) и др.

Гинденбург Пауль (1847-1934). Герм. воен. и полит. деятель. Уч-к австро-прусской (1866) и франко-прусской (1870-1871) войн. 22 авг. 1914 г. принял 8 герм. армию. Ген.-фельдм. (1914). Главноком-щий Вост. фронтом (1914-1916). Нач-к Полевого Ген. штаба (1919). В 1925-1933 гг. президент Германии.

Глонти. Подполк-к 44 драг. Нижегородского полка (св. 1905).

Головин Александр Александрович (ум. 1918). Пор-к Л.-гв. Е. В. Уланского полка. Уч-к Корнилов, выступления (1917) и Гражд. войны (в сост. 1 кав. д-зиона Добровольч. армии). Убит 22 янв. 1918 г. под Таганрогом.

Головин, Евгений Александрович (1782-1858). Главноупр-щий на Кавказе (1838-1842). Ранее за услуги при усмирении восстания декабристов пожалован в ген.-ад-ты, но вскоре лишен этого звания за занятия в кружке мистиков Татариновой.

Гончаренко Георгий Иванович (лит. псевдоним **Юрий Галич**) (1887-1940). Писатель-лирик рус. зарубежья. До рев-ции кав. оф-р, ген.-м. и писатель-любитель («Вечерние огни». СПб, 1907). Автор извест. текста песни о пор-ке Голицыне. В эмигр. в Латвии. Репрессирован сов. властями после оккупации последней.

Гордеев. Однокашник Эхсан Хана Нахичеванского по Паж. к-су. Вышел с ним в Л.-гв. Ее В. Уланский полк в 1873 г.

Грибов Ачесандр Захарович (1888-1943). Кав. оф-р, автор воспоминаний. В авг. 1914 г. мл. оф-ром 3 драг. Новороссийского полка принимал уч-е в Вост.-Прусской операции в сост. отряда Хана Нахичеванского. Впосл. полк-к. После рев-ции в эмигр. во Франции.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795-1829). Выдающ. рус. писатель и дипломат. Выпускник Моск. университета. Уч-к Отеч. войны. С 1818 г. секретарь посольства в Персии. В 1826 г. под следствием по делу декабристов. Готовил текст Туркменчайского договора с Персией, уч-л в переговорах (1827-1828). Затем посол в Персии. Погиб в Тегеране 30 янв. 1829 г. Похоронен в Тифлисе.

Гриппенберг Оскар-Фердинанд Казимирович (1838 - 1915, Петроград). Военач-крус-япон. войны 1904-1905 гг. Ген. от инф. Ком-щий 2 Манчжурской армией. С 1906 г. в отставке.

Гудович, граф Иван Васильевич (1741-1820). Главнонач-ий на Кавказе с 1806 по 1809 г. Ген.-фельдм. (1907). Неудача под креп. Эривань и болезнь заставили его просить об отставке.

Гумилев Лев Николаевич (1912-1992). Сов. историк, географ, доктор истор. (1961) и географич. (1974) наук, академик РАЕН (1991). Сын поэтов Н. С. Гумилева и

А. А. Ахматовой (Горенко). Создатель учения о биоэнергетич. доминанте этногенеза (назвал ее «пассионарностью»). Автор трудов по истории тюркск., славян, и др. народов. Арестовывался в 30-40-е гг., трижды отбывал различные сроки по полит. статьям.

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864-1937). Воен. деятель I мир. войны. В авг. 1914 г. ген.-лейт., нач-к 1 кав. д-зии и особого отряда. Затем ком-р VI арм. к-са, ком-щий 5 армией Сев. фронта, с авг. 1916 г. ком-щий «Особой армией». После рев-ции в эмигр. в Италии.

Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828-1901). Ген.-фельдм., герой рус-тур. войны 1877-1878 гг. С нач. камп. 1877 г. нач-к передового отряда. В авг. привез из СПб. свою 2 гв. кав. д-зию, состав-ю костяк кавалерии Зап. отряда. Вел бои в Балканах, перешел их 19 дек. После войны назн. помощником главноком-щего войсками гвардии. Впосл. Варшавский ген.-губ-р.

Гусейн-Али Хан Эриванский. Происходил из местной ветви Каджаров, к-рые получили власть в ханстве во времена Надир Шаха. Эриван. хан после смерти ст. брата. Правил с 1762 по 1783 г.

Гусейн-Кули Хан Бакинский (ок. 1775 - 1845). Вошел в историю как уч-к убийства кн. П. Д. Цицианова. Хан Баку с 1792 по 1806 г. После обвинения в убийстве главноком-щего бежал сначала в Кубу, затем в Персию. Умер в г. Ардебиль, похоронен в г. Кербела.

Гусейн-Кули Хан Каджар (род. ок. 1746). Сын Мухаммед Хана, последний правитель Эриван. ханства (1807-1827). Один из самых влиятельных людей в Персии тех лет. Непримирымый враг России. Был известен большой личной храбростью и качествами успешного правителя. Его сестра была женой Фетх-Али Шаха, а сын был женат на шахской дочери. После завоевания Эриван. ханства Россией назн. правителем г. Хамадан.

Гучков Александр Иванович (1862-1936). Деятели эпохи революц. потрясений. Из купеческой семьи. Член (1907-1912) и предс-ль (1910-1911) Гос. Думы. Воен. и морск. мин-р Врем, прав-ва (2.03-5.05.1917). После рев-ции в эмигр.

Давид Еногедечи. Армян, патриарх, католикос Эчмиадзина после Даниила Баязед-ци (с 1805).

Даниил Баязедци (ум. 1805). Патриарх Константинополя, затем (после смерти патриарха Луки) католикос Эчмиадзина (1804).

Данилов Юрий Никифорович (1866 - 1937, Париж). Воен. деятель I мир. войны. Ген. от инф. Ген.-квартирм. при верх, главноком-шем. Затем нач. штаба армий Сев. фронта (с 11.08.1916). После рев-ции в эмигр. в Турции, затем во Франции.

Даудилов. Горец на тур. службе, бывший оф-р Собств. Е. И. В. Конвоя. Ротм-р. Находился в сост. осадного отряда тур. войск в г. Баязет (06.1877).

Девн. Англ. бригадный генерал, ком-щий частями брит. эксп. к-са на линии Джуль-фа-Ольты (1919 г.)

Делфуа Джейн (Jane Dieulafoy). Француженка-археолог, 3 апр. 1881 г. посетила Нахичевань. Издала кн. «La Perse, la Chaldee et la Suisiane» (1887), в к-рой описала свою поездку в Персию и нек-рые районы Закавказья.

фон Ден Петр Владимирович (1882, Ставрополь — 1971, Рим). Оф-р (впосл. ком-р) 44 драг. Нижегородского полка. Уч-к рус-япон. и I мир. войн. Полк-к. Уч-к Белого движения. В эмигр. в Италии.

Денибеков. Ген.-м. (св. 1877), уч-к рус.-тур. войны 1877-1878 гг. в сост. Кобулетско-го отряда ген. И. Д. Оклубжою.

Дерожинский. Корнет Л.-гв. Конного полка. Спортсмен-кавалерист, постоянный уч-к соревнований на ипподромах в Царском Селе и Коломягах (последние гг. XIX в.).

Джавад Хан Гянджинский (1748-1804). Потомственный правитель Гянджинского ханства. Происходил из племени Каджар, ветви Зияд оглы. Был в войске Ага Магомед Шаха во время его знаменитого похода на Тифлис в 1795 г. Погиб вместе с одним из сыновей в рукопашной схватке с русскими во время штурма Гянджи в 1804 г. Потомки семьи Джавад Хана в Рос. Имп. носили фамилию Зиядхановы.

Джамлилинский Самед Бек. Ген.-губ-р Нахичевани (08.1919-03.1920).

Джафар Бек. Ком-р 1 кон.-мусульм. (Карабах.) полка во время рус.-тур. войны (1828-1829).

Джафар-Куш Хан Хойский (ум. 1814). Правитель Хойского ханства и претендент шахский престол в Персии (80-е гг. XVIII в.). Происходил из рода Думбули. Прогрел борьбу Каджарам и был лишен ими власти. В 1804 г. перешел на рус. службу, бежал из Хоя в Закавказье. Получил чин ген.-лейт. и, после побега шекинского хана в Персию (1806), утвержден правителем Шекинского ханства.

Джгал-оглы Синан Паша). Полководец Осм. Имп., итальянец по происхождению, принявший ислам и поступивший на службу Султана. Добился успехов на воен. поприще. Войска под его команд-ем действовали в войнах с Персией и Австрией.

Джелал-эд-Дин (ум. ок. 1231). Сын Алла-эд-Дина Мухаммеда от жены-туркменки. Последний Хорезм-Шах (1220-1231). После разорения Хорезма Чингиз Ханом и гибели отца (Алла-эд-Дин бежал и умер на одном из островов Каспийского моря) Д.-э.-Д. завязал многолетнюю борьбу с монголами. Со своими воинами блуждал по областям Персии, Индии, Азербайджана. Пропал без вести ок. 1231 г.

Джунковский Владимир Федорович (1865-1937). Товарищ мин-ра внутр. дел и ком-р Отд. к-са жандармов (1913). За попытки изобличить Г. Распутина 19 авг. 1915 г. уволен отдолж-ти. Затем в действ. армии, ген.-лейт. После рев-ции репрессирован, находился в заключении. В 1937 г. расстрелян.

Дмитрий Константинович, Великий князь (1860-1919). Мл. сын Вел. кн. Константина Николаевича, двоюродный брат Александра III. Оф-р Л.-гв. Конного полка. В 1887-1905 гг. главноупр-ший госуд. коннозаводством. Ген. от кав. (1914). Расстрелян большевиками в янн. 1919 г. в Петропавл. креп. Канонизирован Рус. православной церковью за границей (1981).

Дмитрий Павлович, Великий князь (1891 — 1942, Давос, Швейцария). Сын Вел. кн. Павла Александровича, двоюродный брат Николая II. С 1911 г. в Л.-гв. Конном полку. Спортсмен-кавалерист, уч-к Олимпийских игр (1912). Флиг.-ад-т (1912). Уч-к I мир. войны. За отличие в бою у Каушена (06.08.1914) удост. орд. Св. Георгия 4 ст. Вдек. 1916 г. уч-л в убийстве Г. Распутина, за что сослан в Персию в к-с ген. Баратова. После рев-ции в эмигр. в Европе.

Долгоруков, князь Александр Николаевич (1872, СПб. - 1948, Рабат, Марокко). Ген.-м. (1912), ком-р Кавалергардского полка, с к-рым вышел на I мир. войну. Затем команд-л 3 Донской казач. д-зией и I кав. к-сом. С окт. 1918 г. в

гетманской армии Украины. В 1919 г. в Сев.-Зап. армии ген. Н. Н. Юденича, нач-к 4 д-зии. Затем в эмигр.

Домонтович Александр Алексеевич (ум. 1918). Полк-к Л-гв. Уланского Е. В. полка. Уч-к Корнилов, выступления (08.1917). Расстрелян большевиками в Киеве 26 янв. 1918 г.

Дро (Канаян Драстамат Мартиросович) (1883. Игдырь. Эрив. губ. - 1956, Бостон. США). Террорист. С 1903 г. в партии «Дашнакиутюн». Убийца бакинского ген.-губ-ра Накашидзе (1905). В I мир. войну ком-р 2 армян, дружины Кавказск. армии. С 1918 г. в армии Армении. С 1921 г. в эмигр. Во II мир. войну ком-р Армян, легиона Вермахта. В 2000 г. перезахоронен в Ереване.

Екатерина II Алексеевна «Великая» (1729-1796). Рос. Императрица с 1762 г. В девичестве немецкая пр. Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская. При Е. в результате рус.-тур. войн 1768-1774 гг., 1787-1791 гг. к России были присоединены Сев. Причерноморье, Крым, Прикубанье.

Елизавета Федоровна, Великая княгиня (1864-1918). Сестра Императрицы Александры Федоровны, жена моек, ген.-губ-ра Вел. кн. Сергея Александровича. После убийства последнего (1906) приняла постриг. В 1909 г. основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель. Убита большевиками в Алапаевске 18 июля 1918 г. Тело вывезено в Иерусалим, погребено в Гефсимани. Канонизирована рус. православной церковью.

Епанчин Николай Алексеевич (1857, СПб. — 1941, Ницца). Во время I мир. войны ком-р III арм. к-са 1 рус. армии в Вост. Пруссии (1914). Ген. от инф. В эмигр. в Югославии, Чехословакии, Германии, Франции. Автор мемуаров.

Еременко. Казач. урядник, уч-к обороны креп. Баязет. 26 июня 1877 г. был послан с письмом к ген. А. А. Тергукасову. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ермолов Алексей Петрович (1777-1861). *«Проконсул Кавказа»*. Ген.-лейт. (1814). С 1816 г. посол в Персии и главнонач-ий на Кавказе. В 1826 г. за бездействие в войне с Персией отстранен от упр-я войсками. Просил и получил отставку.

Жилпинский Яков Григорьевич (1853-1918). Главноком-щий Сев.-Зап. фронтом (1914). Ген. от кав. 3 сент. 1914 г. отстранен от команд-я и назн. в распоряжение воен. мин-ра, а затем — представителем ставки при главн. команд-ии англо-франц. союзного фронта. В 1917 г. уволен со службы. Пытался выехать за границу, но был арестован большевиками и расстрелян.

Жирадков. Рядовой, уч-к обороны креп. Баязет (06.1877) во время рус.-тур. войны (1877-1878).

Значко-Яворский М. М. Статский советник, чл. Совета Гл. правления кавказск. наместника, предель Эриван. бекской комиссии (1867).

Зубов, граф Валериан Александрович (1771-1804). Один из полководцев Екатерины II, мл. брат ее последнего фаворита Платона. Уч-к суворовских походов. Во время войны с Польшей (1793) потерял ногу. Возведен в граф. достоинство. В 1796 г. назн. ко-манд-ть к-сом на Кавказ, успешно вел войну с Персией. После кончины Екатерины II был отозван и подвергся опале, жил в Курляндии под надзором полиции.

Зубов Платон Павлович (ок. 1796 - после 1857). Писатель и поэт. Сын ген. Уч-к Отеч. войны. Известны его романы: «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши

в 1752» (1834), «Прекрасная грузинка, или Нашествие Аги Магмет Хана на Тифлис в 1795» (1834), «Картина Кавказского края...» (1834, 1835), «Картина последней войны России с Персией 1826-1828...» (1834) и др.

Ибрагим Бек Карчахский. Рус. оф-р, уч-к эксп. ген. Портнягина в Дагестан в 1831 г.

Ибрагим Хан Карабахский (ок. 1726 — 1806). Сын Панах Хана. Карабахский хан с 1759 по 1806 г. Происходил из рода Джеваншир. Сильный правитель и предприимчивый военач-к. Непримируемый противник Ага Магомед Хана Каджара. 6 марта 1805 г. присягнул на подданство Рос. Имп., был удост. чина ген.-м. В июне 1806 г. вместе с несколькими членами семьи убит у г. Шуша егерями майора Д. Т. Лисаневича.

Игнатъев, граф Павел Николаевич (1797-1879). Ген.-ад-т, ген. от инф. С 1834 г. директор Паж. к-са, с 1846 г. дежурный ген. Гл. штаба. В 60-х гг. ген.-губ-р С.-Петербурга и преде-ль Комитета мин-ров. В 1877 г. возведен в граф. достоинство.

Игорь Константинович, Князь Императорской Крови (1894-1918). Сын Вел. кн. Константина Константиновича. Флиг.-ад-т (1915), оф-р Л.-гв. Е. В. Гусарского полка. Арестован большевиками в апр. 1918 г., выслан в Вятку. Затем перемещен в Екатеринбург, в мае — в Алапаевск Пермской губ. 18 июля 1918 г. зверски убит в числе нескольких членов Царской Семьи. Тело вывезено подвижниками в Пекин и там захоронено.

Измаил Паша (Измаил-Хакки). Тур. генерал, ком-щий отрядом войск, осаждавших цитадель Баязета в июне 1877 г.

Ильдырым Ч. И. Комиссар по воен. и морск. делам Азерб. Сов. респ. (св. 1920).

Имам-Кули Хан Урумийский (ум. 1783). Происходил из азерб.-тюркск. рода Афшар, Полунезависимый владетель, признававший над собой власть Ахмед Хана Хойского.

Иоанн Константинович, Князь Императорской Крови (1886-1918). Сын Вел. кн. Константина Константиновича. Флиг.-ад-т (1908), оф-р Л.-гв. Конного полка. Уч-к 1 мир. войны. Арестован большевиками в апр. 1918 г. Содержался в Вятке, Екатеринбурге, Алапаевске. Принял посвящение в иподиаконы. 18 июля 1918 г. зверски убит большевиками. Тело вывезено и захоронено в Китае.

Иракий II Багратиони (1720-1798, Телави). Прославл. царь Грузии, сторонник союза с Россией. По воле Надир Шаха стал в 1744 г. царем Кахетии. После смерти своего отца царя Карталинии Теймураза II (1762) объединил оба гос-ва под своей властью. Был известен как храбрый военач-к, лично принимавший уч-е в сражениях.

Искендер Бек Туркеман («Мунши») (1560/61-1633/34). Сост-ль знаменитого труда «Тарих-и алем арай-и-Аббаси» («История украшателя мира Аббаса»). Происходил из тюркск. племени Туркеман. С юности на службе Шаха Мухаммеда-Худабенде в гвард. к-се конных гулямов. С 1592/93 г. включен в число секретарей («мунши») Высочайшего дивана.

Исмаил I (1487-1524). Первый Шах из династии Сефевидов, потомок ардебильского шейха Сефи-эд-Дина. Выводил свой род от седьмого имама Мусы Казима, происходившего от Хусейна, внука пророка Мухаммеда. В 1501 г. разбил Алвенда Ак-Коюнлу и короновался Шахом, к 1508 г. завоевал весь Иран, Ирак и Закавказье. Правил с 1502 по 1524 г.

Каджар, принц Риза-Кули Мирза (1837-1894). Первый азербайджанец - флиг.-ад-т Рос. Имп.-ра. Сын Бехман Мирзы, племянник Шаха Персии. Оф-р Собств. Е. И. В. Конвоя, ком-р взвода мусульман (1863). Уч-л в Кавказск. и рус.-тур. (в сост. Эриван. отряда) войнах, эксп. в Ср. Азию. Ген.-м. (1883). Умер от легочной чахотки.

Каджар, принц Файзулла Мирза (1872-1920?). Герой рус.-япон. и I мир. войн. Ген.-м. (1917). С дек. 1918 г. в армии Азерб. респ. Расстрелян большевиками.

Каджар, принц Фетх-Ачи Мирза (1855-1920). Муж Энвер Ханум Нахичеванской. Подполк-к (1893). Окончил Паж. к-с (1877), оф-р Собств. Е. И. В. Конвоя. Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878) в сост. Эриван. отряда.

Каджар, принц Хосров Мирза (род. 1882). На службе с 1901 г., оф-р и затем ком-р 45 драг. Северского полка. Уч-к I мир. войны. Затем в армии Азерб. респ., полк-к, ком-р 3 кон. Шекинского полка. После советизации Азербайджана в эмигр. в Турции.

Каджар, принц Шафи-Хан (1853, Шуша - 1909, СПб.). В службе с 1873 г., оф-р 43 драг. Тверского полка. Уч-к Ахал-Текинской эксп. (1880-1881). Полк-к, ком-р 46 драг. Переяславского полка. Был обвинен в растрате, застрелился в день увольнения от службы.

Казанлу Джемиль. Перс. воен. писатель и журналист конца XIX — нач. XX в.

Казбек. Полк-к, комендант г. Эрзерум во время его оккупации рус. войсками в 1878 г.

Казнаков Николай Николаевич (1856 — 1929, Канны, Франция). Оф-р Кавалергардского полка. Уч-к I мир. войны, нач-к I гв. кав. д-зии в чине ген.-лейт. (1914). Впосл. ген. от кав., ком-р XII арм. к-са.

Каледин Ачексей Максимович (1861 - 1918, Новочеркасск). Прославл. военач-к I мир. войны, герой Луцкого прорыва. Ген. от кав. Из дворян Войска Донского. С 1912 г. нач-к 12 кав. д-зии. С 1915 г. ком-р XII арм. к-са. С 20 марта 1916 г. ком-щий 8 армией. С 14 июля 1917 г. наказной атаман Войска Донского. После неудачи мобилизовать казаков на борьбу с большевиками застрелился (29.01.1918).

Камбиз II. Царь Персии (529-522 до н.э.), сын Кира II «Великого». В историю вошел как завоеватель Египта, к-рый захватил в 525 г. Умер в Сирии.

Карягин Павел Михайлович (ум. 1807). Один из легенд, героев Кавказск. войны, сподвижник кн. П. Д. Цицианова. С 1783 г. на Кавказе, уч-к перс. похода гр. В. А. Зубова (1796). Позднее полк-к, шеф 17 егер. полка (1803). Уч-к первой рус.-перс. войны. Умер от лихорадки.

Кванин. Войск, старшина, ком-р сотни 2 Хоперского полка Кубанского казач. войска. Уч-к обороны креп. Баязет (06.1877).

Келлер, граф Федор Артурович (1857-1918). Военач-к I мир. войны. Ген. от кав. (1917). Флиг.-ад-т (1907). В 1912-1915 гг. нач-к 10 кав. д-зии, затем 3 кав. к-са. После февр. рев-ции ушел со службы. Проживал в Киеве. Убит петлюровцами 21 дек. 1918 г.

Керенский Александр Федорович (1881 - 1970, Нью-Йорк). Полит, деятель, глава Врем. прав-ва. Эсер. Чл. Петербург, коллегии адвокатов. С 1912 г. депутат 4 Гос. Думы. Со 2 марта 1917 г. мин-р юстиции, с 7 июля 1917 г. мин-р-предс-ль Врем. прав-ва. 25 окт. 1917 г. бежал из Петрограда. Затем в эмигр.

Керим Хан Зенд (1698-1778). Один из военач-ков Надир Шаха. После убийства сюзерена находился на службе вождя Бахтияров Ачи-Мардан Хана, захватившего Южн. Азербайджан. Со смертью последнего захватил власть, но не короновался Шахом, а правил из Шираза как регент (векиль) Исмаила III с 1750 по 1779 г.

Кефаров. Всадник Терско-Кубанского кон. полка, уч-к рус.-япон. войны 1904-1905 гг. Расстрелян 11 нояб. 1904 г. по приговору воен. суда за отказ продолжить службу.

Кир II «Великий» (ок. 593 - 529 до н. э.). Легенд, создатель перс. державы. Сын Камбиза I из клана Ахеменидов. Правил с 558 г. до н. э. до своей смерти. Захватил Мидию, Лидию, Дрангиану, Маргиану, Хорезм, Согдиану, Бактрию, Гедросию, Ара-хосию и

Гандахару, Вавилонию. Погиб в битве против кочевников-массагетов. Похоронен в Мургабе.

Кирильчук. Казак 2 Хоперского полка Кубанского казач. войска. Уч-к обороны креп. Баязет (1877). 9 июня 1877 г. был направлен с письмом в Эриван. отряд вместе с армянином-переводчиком Тер-Петросовым. Пропал без вести.

Кирпичев Лев Нилович (1876 — 1928, Луксор, Египет). Герой Каушенского боя (06.08.1914), полк-к, ком-р б-реи гвард. кон. арт-ии. Затем ген.-м., ком-р 3 д-зиона Л.-гв. Конной арт-ии. После рев-ции проживал в Киеве. С окт. 1918 г. в гетманской армии. При наступлении Петлюры бежал в Германию, проживал в Берлине и Лондоне (1919).

Кнорринг Карл Федорович (ум. после 1805). Ген.-лейт., первый рус. главноком-щий в Грузии. В марте 1799 г. назн. ком-щим Кавказск. линией. Сыграл важную роль в присоединении Грузии к России, назн. главноком-щим и главноупр-щим гражд. частью (1801). В начале 1803 г., после обвинения в хчоупотреблениях, уволен отдолж-ти.

Кобиев Захарий Семенович. Ротм-р 44 драг. Нижегородского полка. Уч-к рус.-япон. войны 1904-1905 гг, Георгиевский кавалер. Во время I мир. войны полк-к 3 улан. Смоленского полка.

Ковалевский Александр Викентьевич (1828-1877). Подполк-к 74 пех. Ставропольского полка, во время русско-турецкой войны ком-р 2 бат-на (1877). С 1857 г. на Кавказе, уч-к войны с горцами. Все чины до майора — за боевые отличия. Убит при рекогносцировке 6 июня 1877 г. Похоронен в цитадели г. Баязет 9 июня.

Коваленский Петр Иванович (ум. в 1827). Полк-к, рос. поверенный в делах «*при персидских владельцах*» (1796). Затем статский советник, рос. мин-р при дворе Груз, царя (с 1799). Около 1800 г. отозван Павлом I по просьбе ген. И. П. Лазарева.

Козелков Петр Андреевич (ум. 1888). Полк-к, заместитель ком-ра (впосл. ком-р) 74 пех. Ставропольского полка (1881). За отличие при взятии креп. Геок-Тепе (12.01.1881) нагр. орд. Св. Георгия 3 ст. Впосл. ген.-м.

Колобакин А. А. Корнет Л.-гв. Конного полка. С объявлением войны с Японией поступил добровольцем во 2 Дагестанский кон. полк. Убит пулей в живот при штурме ст. Инкоу 30 дек. 1904 г.

Колобакин Борис Михайлович (1853-1924). Экстраординарный (1897), а затем луженный ординарный (1907) профессор Ник. Ак-мии Ген. штаба. Ген.-лейт. (1909). Автор трудов по воен. истории, в том числе воспоминаний о действиях Кобулетского отряда ген. И. Д. Оклобжио во время рус.-тур. войны 1877-1878 гг. После 1917 г. профессор по кафедре всеобщей истории Владивостокского университета. Арестован большевиками в 1922 г., умер в Красноярской тюрьме.

Комер И. Поляк на тур. службе. Майор. Находился в сост. осадного отряда тур. войск в г. Баязет (06.1877).

Константин VII Багрянородный (908-959). Византийский Имп-р. Известен своим письменным трудом «Об управлении Империей» (948-952), к-рый задумывался как конфиденц. справочник-руководство для юного наследника престола, будущего Романа II (959-963).

Константин Константинович, Князь Императорской Крови (1890-1918). Сын Вел. кн. Константина Константиновича. Флиг.-ад-т (1908), оф-р Л.-гв. Измайловского полка. Уч-к I мир. войны. Арестован большевиками в апр. 1918 г., выслан в Вятку, затем в Екатеринбург, Алапаевск. 18 июля 1918 г. зверски убит большевиками. Тело вывезено и похоронено в Китае.

Константин Николаевич, Великий князь (1827-1892). Второй сын Николая I. В 6-летн. возрасте назн. ген.-адм. и шефом Гвард. экипажа. Неоднократно совершал морск. походы и плавания. Ком-р фрегата «Паллада» (с 1846). До 1855 г. занимал различные посты в морск. ведомстве, со смертью отца его возглавил. Преде-ль Гос. Совета (с 1865).

Корганов Фома (ум. ок. 1840). Автор заметок, опубликованных в газ. «Кавказ». Родственник нач-ка Армян, обл. кн. В. О. Бебутова. Чин-к обл. правления (1831). Впосл. полк-к.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918). Герой I мир. и Гражд. войн. Сын коллежского секретаря. В 1914 г. ком-р пех. бр-ды, затем д-зии. С апр. 1915 г. по июль 1916 г. в плену. Бежал. После февр. рев-ции команд-л войсками Петроград, окр., затем главно-ком-щий Юго-Зап. фронтом, верх, главноком-щий (18.07/1917). 2 сент. 1917 г. арестован. 19 нояб. 1917 г. бежат на Дон. Ком-щий Добровольч. армией. Убит 3 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

Котляревский Петр Степанович (1782-1851). Легенд. кавказск. герой, победитель Персии. Ген.-м. Сын священника. Начал службу в 1793 г. рядовым в Кубанском егер. к-се. В 1799 г. ад-т ген. И. П. Лазарева. Затем в 17 егер. полку. Уч-к первой рус.-перс. войны. При штурме Ленкорани (1813) получил несколько ранений, из-за увечий вынужден был уйти в отставку.

Краснов Петр Николаевич (1869-1947). Обществ. деятель рус. зарубежья, писатель. Из дворян Войска Донского. Уч-к I мир. войны (ген.-лейт.). С мая 1918 г. атаман Войска Донского. Затем в эмигр. В 1943 г. нач-к упр-я казач. войск при мин-ве вост. областей Германии. В 1945 г. выдан англичанами в Лиение сов. властям. Казнен в Москве по приговору Верх. Суда СССР.

Красовский Степан Акимович (1897-1983). Летчик, уч-к Гражд., Финской и Вел. Отеч. войн. В 20-х гг. комиссар Азерб. авиац. отряда. Герой Сов. Союза (1945). Марша! авиации (1959). Автор мемуаров.

Кривошеин Александр Васильевич (1858-1921). Выдающ. госуд. деятель России, соратник премьера Столыпина. В 1908-1915 гг. главноупр-щий землеустройством и земледелием. В 1920 г. по просьбе бар. П. Н. Врангеля возглавлял в Крыму прав-во Юга России. Эвакуирован. Умер в эмигр.

Крюков. Майор, нач-к Чингидьского поста во время рус.-тур. войны (1877-1878).

Кувшинников Иван Алексеевич. Майор Серпуховского улана, полка, ком-щий 2 кон-мусульм. полком (1829). За отличие в сост. полка во время рус.-тур. войны 1828-1829 гг. нагр. орд. Св. Георгия 4 ст.

Кузьмин-Караваев Борис Александрович (1857 — 1920, Одесса). Ком-р 1 бр-ды 12 кав. д-зии. Ген.-м.

Куль-Батыр-Сардар. Один из текинских вождей, деятельный уч-к обороны креп. Геок-Тепев 1880-1881 гг.

Куроки. Японский военач-к времен войны с Россией. Ген.-лейт., ком-щий 1 армией (1904). Уч-к рев-ции Мэйдзи, войны с Китаем (1894-1895).

Куропаткин Алексей Николаевич (1848-1925). Воен. деятель России, воен. мин-р (1898-1904). Ген.-ад-т, ген. от инф. Большую часть службы провел в Туркестане, уч-л в Ахал-Текинской эксп. (1880-1881). Во время войны с Японией (1904-1905) возглавлял Манчжурскую армию.

Кусов Борис Всеволодович (род. 1873). Полк-к 44 драг. Нижегородского полка. На службе с 1892 г. После 1920 г. в эмигр.

Кутайсов граф П. И. (1782-1840). Госуд. деятель эпохи Николая I. Сенатор. Сын бр-добрея Павла I (тот был родом из Кутаиса, за что при возведении в граф. достоинство

получил фамилию Кутайсов). В 1829 г. ревизовал завоеванные террит-и Закавказья, был инициатором реформирования упр-я края.

Лазарев Иван Давидович (1820-1879). Деятель последнего периода покорения Кавказа. Ген.-ад-т. С 1839 г. на службе. Уч-к эксп. против горцев и войн с Турцией. В 1879 г. поставлен во главе эксп. в Ахал-Теки не кий оазис. Внезапно умер в Чикишляре 14 авг. 1879 г. от неизвес. болезни.

Лазарев Иван Петрович (1763-1803). Деятель времен присоединения Грузии. На службе с 1775 г. В 1797 г. шеф 18 егер. полка, с к-рым в 1799 г. был отправлен с Кавказск. линии в Тифлис. Затем ген.-м., воен. мин-р при дворе Груз, царя Георгия XII. Убит царицей Марьей при попытке ее ареста.

Лазарев Л. Я. Полк-к, чл. комитета по переселению армян из Персии в Рос. Имп. (1828).

Леер, Генрих Антонович (1829-1904). Извест. воен. теоретик. Ген.-лейт. Профессор стратегии в ак-миях Ген. штаба, Арт-ой и Инж-ой. Нач-к первой из них с 1889 по 1898 г. Чл.-корресп. Имп. Ак-мии Наук.

Леонтович Евгений Александрович (1862 — после 1937). Оф-р-кавалерист, уч-к I мир. войны. Ген.-м., ком-р 1 бр-ды 2 кав. д-зии. Впосл. ген.-лейт. нач-к 3 кав. д-зии. Уч-к Белого движения (формировал в Одессе добровольч. части). С 1920 г. в эмигр. в Бессарабии.

Леонтьев Михаил Лазаревич. Один из сподвижников кн. П. Д. Цицианова. Ген.-м., шеф Тифлисского мушкет. полка (1804). Уч-к войны с Персией и сражений с лезгинами.

Лечицкий Платон Алексеевич (1856-1923). Военач-к времен I мир. войны. Флиг.-ад-т (1904). С 1914 г. ком-ший 9 армией. С 7 мая 1917 г. в отставке. С 1920 г. в РККА. С янв. 1921 г. инсп-р пехоты и кавалерии Петроград, воен. окр. Арестован в Москве, умер в тюрьме.

Линицкий Александр Александрович (ум. 1977, Нью-Йорк). Шт.-ротм-р Л.-гв. Е. В. Уланского полка. Уч-к Корнилов, мятежа (1917). Уч-к Белого движения. Подполк-к. В эмигр. в Югославии, затем в США.

Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778-1825). Один из сподвижников кн. П. Д. Цицианова. Ген.-лейт. На службе рядовым в Кубанском егер. к-се (1793). Уч-л в походе гр. В. А. Зубова (1796), взятии Гянджи (1804) и др. походах. Истогр. известность получило убийство по его приказу Ибрагим Хана Карабахского (1806). Впосл. из Закавказья Л. переведен на Кавказск. линию. Заколот кинжалом в Герзель-ауле вместе с ген. Грековым одним из оскорбленных ими кумыкских узденей.

Лихутин Михаил Доримедонтович (ум. в 1882 г.). Ген.-лейт., писатель. Уч-к Ветер. камп. (1849) и Восточ. войны (1854-1856), а также Кавказск. войны. Автор кн.: «Русские в Азиатской Турции в 1854-1855 гг.» (СПб., 1863) и «Записки о походе в Венгрию в 1849 г.» (М., 1875).

Ломакин Николай Павлович (1830-1902). Деятель покорения Туркестана. На службе с 1848 г., уч-к Кавказск. войны, Хивинского похода (1873). Нач-к Закаспийского воен. отдела. После смерти ген. И. Д. Лазарева возглавил Ахал-Текинскую эксп. (1879). После неудачи передал свои полномочия ген. А. А. Тергукасову. Затем Тифлиссский воин, нач-к. С 1897 г. в отставке. Автор записок о своей службе.

Лопухин Дмитрий Александрович (ум. 20.11.1914). Герой I мир. войны. Оф-р ген. штаба, ком-р Л.-гв. Конногренадерского полка (1914). Во время Вост.-Прусской операции выполнял обяз-ти ком-ра 1 бр-ды 2 гв. кав. д-зии. Погиб под Петроковым.

Лорис-Меликов, граф Михаил Таризлович (1825-1888). Деятели эпохи Александра I. Мин-р внутр. дел и нач-к «Комиссии по борьбе с крамолой» с неогранич. полномочиями (1880). Уч-к Кавказск. и Восточ. войн, во время рус.-тур. войны 1877-1878 гг. ком-р отд. Кавказск. к-са (нагр. граф. титулом). Ген.-ад-т (1865), ген. от кав. (1875). После смерти Александра I уволен от всех должностей. Умер в Ницце.

Лукомский Владислав Крескентьевич (1882-1946). Доктор истор. наук, профессор. Извест. специалист в области генеалогии, геральдики. В 1905 г. окончил юрид. фак-т Петербург. университета. С 1906 г. в канцелярии Департамента герольдии Сената (отобер-секретаря до упр-шего гербовым отделением). После 1917 г. упр-щий Гербового музея.

Лутфи. Азербайджанец, житель сел. Бююк-Веди Нахич. у., арест к-рого в авг. 1919 г. армян, властями инициировал антиармян, восстание.

Любавин. Ген.-м., нач-к опер. отряда на вост. фланге Манчжурской армии во время Лаоянского сражения в авг./сент. 1904 г.

Людендорф Эрих (1865-1937). Выдающ. герм. военач-к. Сын оф-ра. В I мир. войну обер-квартирмейстер 2 армии (Бельгия), затем (с 21.08.1914) нач. штаба 8 армии. С 1 окт. 1914 г. нач. штаба главноком-щего Вост. фронтом. С 29 авг. 1916 г. ген.-квартирм. Полевого Ген. штаба. Ген. от инф. (1916). С 1918 г. в отставке. В 1932 г. уч-л в «Пивном путче» А. Гитлера. Автор мемуаров.

Магалов, князь Константин Иванович (1829-1880). Сын чин-ка. Оф-ром с 1849 г. Подполк-к (1878). Командир 4 бат-на пех. Апшеронского полка. Зарублен текниями во время вылазки из креп. Геок-Тепе в дек. 1880 г.

Магомед Хан (Мегмед Хан; Мамед Хан; Мухаммед Хан) Эриванский (род. ок. 1760 г.). Последний правитель ханства из династии местных Каджаров. Правил с 1784 по 1805 г. Затем смещен Фетх-Али Шахом, содержался в заключении.

Мадатов Валериан (**Ростом**) **Григорьевич** (1782, Шуша - 1829). «Отважнейший ко-рыстолобец», сподвижник А. П. Ермолова. На службе с 1799 г. Уч-к рус.-тур. и Отеч. войн (ген.-м.). С 1816 г. на Кавказе в долж-ти окр. нач-ка Шекинского, Ширванского и Карабах, ханств. В 1822 г. вынудил Карабах, хана бежать в Персию, захватил часть его имущества. При И. Ф. Паскевиче вынужден был покинуть службу на Кавказе.

Мазарович Семен Иванович (ум. 1852). Венецианец на рос. службе (с 1807), по образованию медик. Поверенный в делах в Персии (1818-1826).

Мазуровский Виктор Викентьевич (1859 — ок. 1917). Яркий представитель рус. ака-демич. батальной живописи конца XIX - нач. XX в. Уроженец Польши. Начальное худ. образование получил в Варшавском рисовальном классе (1876-1877). С 1878 г. в Петербург. Ак-мии художеств, ученик профессора Б. П. Виллевальде.

фон-Макензен Август (1849-1945). Нац. герой Германии, военач-к I мир. войны, к-рую начал ком-ром XVII арм. к-са в Вост. Пруссии. Ген.-фельдм. (1915). Ком-щий 9 армией (до 16.04.1915), затем всей группировкой на Вост. и Балкан, фронтах. После войны в отставке.

Макинский Ахмед Хан (род. ок. 1794). Помещик Эриван. ханства. Майор рус. службы.

Макинский Паша Хан Джалил Хан оглы (ум. 1863). Помещик Эриван. губ. и чин-к уездн. упр-я. Уч-к Восточ. войны (1853-1856) в сост. Бекской дружины Эриван. отряда. Прап-к (1855). Подпор-к (1856). Из наград известен орд. Св. Станислава 3 ст. (1861).

Макинский Сулейман Хан (ок. 1819 - 1862). Сын майора Ахмед Хана. Прап-к (1853). Уч-к Восточ. войны (1853-1856) в сост. Бекской дружины Эриван. отряда. За отличия произв. в подпор-ки (1855).

Малев Семен. Казач. урядник Уманского полка, уч-к обороны креп. Баязет. 26 июня 1877 г. был послан с письмом к ген. А. А. Тергукасову. «*За отличное мужество и храбрость, оказанные во время военных действий против турок в апреле, мае и июне месяцах 1877г. 23, 24 июня 1877 г.*» был нагр. Георгиевским крестом.

Мамед Паша Ахалцыхский (Сабид-Мегмед Паша) - сын Сабид Паши, чилдырский ифашский губ-р, сераскир эрзерумский.

Мамед-Риза Хан. Перс, оф-р, ком-р Тебризского бат-на сарбазов, стоявшего в креп. Аббас-Абад (1827).

Мамед-Садых. Перс, мулла-проповедник. Арестован в Ордубаде в 1837 г. Сослан в арестантские роты в креп. Динабург.

Мамед-Эмин Хан. Зять Фетх-Али Шаха. В рус.-перс, войну (1826-1828) команд-л гарнизоном креп. Аббас-Абад, сдал ее россиянам (1827). Затем содержался в заключении, в Тифлисе.

Маннергейм, барон Карл-Густав Эмиль (1867 - 1951, Лозанна, Швейцария). Выдают, гос. деятель Финляндии. На рос. службе с 1888 г., оф-р Кавалергардского полка. Флиг.-ад-т (1911). В I мир. войне нач-к Отд. гв. кав. бр-ды, с февр. 1915 г. - 12 кав. д-зии. После рев-ции - в Финляндии. Регент (1918-1920). С 1931 г. преде-ль совета обороны. Маршал. Президент (1944-1946).

Мария Федоровна (1847 — 1928, Хвидер, Швеция). Императрица Всероссийская, супруга Александра III. Урожденная пр. Датская Софья-Фредерика-Дагмара, дочь короля Дании Христиана. Известна своей многоплановой благотворительной деятельностью, попечительством общества «Красный Крест». После рев-ции в эмигр.

Марр Юрий Николаевич (ум. ок. 1935). Выдающ. рос./сов. востоковед-лингвист и этнограф. Известен своими переводами трудов мусульм. историков Средневековья. Возглавлял науч. группу кавказоведов. Писал лирич. стихи.

Мартьянов Дмитрий Андреевич (1893, Одесса - 1934, Париж). Сын ген. от кав. Окончил Паж. к-с (1917), оф-р Л.-гв. Атаманского полка. В эмигр. во Франции.

Масальская Нюра. Легенда рус. Парижа 20-30-х гг. XX в. Исполнительница цыганских и рус. романсов.

Мачавариани. Доктор, лечивший Эхсан Хана Нахичеванского в Тифлисе (св. 1888).

Мекленбург-Шверинская, принцесса Мария (Мария-Александра-Елисавета-Элеоно-ра) (1854-1920). Дочь герц. Фридриха-Франца II и герц. Августы. С 1874 г. супруга сына Императора Вел. кн. Владимира Александровича. В православии Мария Павловна. Президент Импер. Академии художеств.

Мелик-Асланов Х. А. Инж-р путей сообщения на службе Реза Шаха Пехлеви (св. 1928). В прошлом — депутат Парламента, мин-р путей сообщения, почт и телеграфа Азерб. респ.

Меликов, князь. Подполк-к (св. 1877), уч-к рус.-тур. войны 1877-1878 гг. в сост. Кобулетского отряда ген. И. Д. Оккобджио.

Мельников. Ком-р 1 эскадрона 46 драг. Переяславского полка. Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878).

Мерлини Станислав Демьянович (1775-1833). Ген.-м. к-са И. Ф. Паскевича. После рус.-перс, войны 1826-1828 гг. с двумя бат-нами Тифлисского пех. полка занимал г. Нахичевань. В 1829-1830 гг. уч-л в сборе данных по фин. системе Нахич. пров.

Мехмандаров Самед Бек Садык Бек оглы (1855-1931). Герой обороны Порт-Артура и выдающ. военач-к 1 мир. войны. Ген. от арт. (1915). Ком-р блестяще действовавшего II Кавказск. арм. к-са. После рев-ции воен. мин-р Азерб. респ. (1918). Затем в инспекции арти-рии РККА. С 1928 г. в отставке.

Мехти-Кули Хан Карабахский (1763-1845). Хан Карабахский с 1806 по 1822 г. Происходил из рода Джеваншир. Ген.-м. рус. службы (1805). Уч-к первой рус.-перс, войны. В 1822 г., опасаясь расправы по мнимому обвинению, бежал в Персию. При Паскевиче возвратился в Карабах, был восстановлен в чине (1827).

Мечников Евграф Ильич (1770-1866). Госуд. деятель эпохи Николая I. Сенатор. Начинал гос. службу как горный инж-р. в 1817-1824 гг. директор Горного института. В 1824 г. открыл месторождение жильного золота в Миассе (Южн. Урал).

Мещеряков. Майор, ком-щий кон.-мусульм. полком во время эксп. в Дагестан в 1831 г.

Милеант Гавриил Георгиевич (1864-1936). С нач. I мир. войны возглавил штаб 1 армии. После отрешения от долж-ти ген. П. К. Ренненкампом назн. нач-ком 4 пех. д-зии. В 1915 г. отозван с фронта на долж-тнач-ка Гл. воен.-технич. упр-я. После февр. рев-ции в отставке. Уч-к Белого движения. Умер в эмигр. в Югославии.

Милютин, граф Дмитрий Алексеевич (1816-1912). Выдающ. воен. деятель России эпохи Александра II, воен. мин-р (1861-1881), ген.-фельдм. (1904). Уч-к Кавказск. и рус.-тур. войн (находился безотлучно при Государе на Балканах). Профессор Имп. Воен. ак-мии. Ввел всеобщую воин. повинность. В 1878 г. пожалован в потомственное граф. достоинство.

Мир-Мустафа Хан Тальшинский (ум. 1814). Хан Тальша с 1786 по 1814 г. Ген.-м. (1795), затем ген.-лейт. (1813) рус. службы.

Мирза Абдул-Гасан Хан Ширазский. Мин-р иностр. дел Персии. В 1813 г. уполномоченный для подписания Гюлистанского мирного договора между Персией и Россией. В 1814 г. чрезвычай. посол к рос. двору. В 1828 г. подписал Туркменчайский мирный договор.

Михаил Александрович, Великий князь (1878-1918). Мл. брат Николая II. В службе с 1897 г., оф-р Л.-гв. Ее В. Кирасирского полка. За морганатический брак (1912) изгнан за границу. С нач. I мир. войны возглавил Кавказск. Туземн. кон. д-зию (ген.-м.). С 4 февр. 1916 г. ком-р 2 кав. к-са, 19января 1917 г. ген.-инсп-р кавалерии. В ссылке в Перми. Убит большевиками 13 июня 1918 г.

Михаил Николаевич, Великий князь. Четвертый сын Николая I, брат Александра II. Госуд. и воен. деятель, ген.-фельдм., ген.-ад-т, почетный чл. Петербург. Ак-мии наук. В 1862-1881 гг. наместник на Кавказе. С нач. рус.-тур. войны (1877-1878) главноком-щий Кавказск. армией.

Мищенко Павел Иванович (1853-1918). Прославл. герой рус.-япон. войны 1904-1905 гг., во время к-рой команд-л Забайкальской казач. бр-дой. С 1908 г. Туркестанский ген.-губ-р. С 1911 г. наказной атаман Войска Донского. В I мир. войну ком-р II Кавказск., затем XXXI арм. к-сов (1915-1917). После рев-ции проживал в Темир-Хан-Шуре. Оскорбленный солдатами-большевиками, застрелился.

фон-Мольтке-младший, граф Гельмут-Иоганн-Людвиг (1848 - 1915, Берлин). Нач-к герм. Ген. штаба, ген.-полк-к. Племянник фельдм. Мольтке-ст. Уч-к франко-прусской войны (1870-1871). Противник разработанного ген. Шлиффеном плана молниеносной войны. 14

сент. 1914 г. смещен с долж-ти нач-ка Полевого Ген. штаба, а в янв. 1915 г. -Большого Ген. штаба.

Мороз. Нач-к опер, части Азерб. ГПУ (св. 1926-1929 гг.)

Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794-1866). Воен. деятель эпохи Николая I. Уч-к Наполеон., рус.-перс. (1826-1828) и рус.-тур. (1828-1829) войн. В 1816 г. состоял в посольстве А. П. Ермолова в Персию. Во время рус.-перс. войны 1826-1828 гг. в звании полка и. о. штаба к-са. С 1837 г. в отставке. В 1848 г. вновь призван на службу и в 1854 г. назн. кавказск. наместником. В 1856 г. по собств. прошению уволен от долж-ти. Автор воспоминаний.

Мурад IV. Султан Осм. Имп., правил с 1623 по 1640 г. Известен своими воен. походами в Закавказье. Отнял у Персии г. Багдад.

Муртеза-Кули Хан Макинский (род. ок. 1866). Сын Теймур-Паша Хана, правитель Маки некоего ханства (первая четверть XX в.). Много раз бывал в России и Европе. Владел ок. 150 поместий в Макинском ханстве и Эривани. Одной из жен была дочь Панах Хана Макинского (подданная России).

Мустафа Хан Ширванский (ум. 1844). Сын Агасы Хана, правитель Ширвана с 1791 г. Непримирымый противник Ага Магомед Хана Каджара. В 1805 г. передал ханство России, был удост. чина ген.-м. Упр-л ханством до 1820 г. Не доверяя А. П. Ермолову, опасаясь ареста, бежал в Персию. Уч-л в рус.-перс. войне 1826-1828 гг.

Мухаммед Худабенде (ум. в 1595). Шах Персии из династии Сефевидов, сын Тахмаспа I. Правил с 1577 по 1587 г. Вел войну против Осм. Имп.

Муханов Константин Сергеевич. Пор-к Л.-гв. Е. В. Уланского полка. Уч-к Корнилов, выступления (1917) и Гражд. войны. Впосл. подполк-к. В эмигр. в Югославии.

Мухтар Паша. Тур. генерал, сын Султана Абдул-Азиса. Воен. теоретик, переводчик воен. лит-ры, преподаватель в воен. уч-ще. В 1862 г., во время войны с Черногорией, команд-л бр-дой; затем упр-л пров. Йемен, а в 1875 г. ген.-губ-р Боснии и Герцеговины, в к-рых умирил восстание. С нач. войны с Россией (1877) назн. главноком-щим войсками в Малой Азии.

Наджаф-Кули Хан Тебризский (ум. 1784). Происходил из азерб.-тюркск. рода Думбули. После освобождения Хоя и Тебриза от осман, войск поставлен Надир Шахом беглербеком Тебриза.

Надир Шах (см. Тахмасп-Кули Хан Афшар).

Назоров Иван Иванович. Ген.-м., эриван. воен. губ-р и упр-ий гражд. частью (св. 1852-1856). За распорядительность во время Восточ. войны нагр. орд. Св. Станислава I ст. (1855).

Нариманов Нариман Кербалай Наджаф оглы (1870-1925). Видный парт, и госуд. деятель Сов. Азербайджана. Сын мелкого торговца. Врач по образованию. С 1905 г. в партии большевиков. С апр. 1920 г. предс-ль Азерб. ревкома, с 1921 г. - СНК Азерб. ССР. С 1922 г. предс-ль Союзного Совета ЗСФСР Умер в Москве при невыясненных обстоятельствах, похоронен у Кремлевской стены.

Наср-эд-Дин Шах Каджар (ум. 1896). Шах Персии с 1848 по 1896 г. Убит в рез-те дворц. переворота в апр. 1896 г., ему наследовал его сын Музаффар-эд-Дин.

Небольсин Петр Федорович (ум. 1810). Военач-к цициановской школы. С 1804 г. ген.-м., шеф Троицкого мушкет. полка, уч-к первой рус.-перс. войны и эксп. против горцев.

Недоруба. Герой повести Юрия Галича «Легкая кавалерия».

Нейдгардт Александр Иванович (1784-1875). В 1842-1844 гг. главноупр-ший на Кавказе и ком-р отд. Кавказск. к-са. Ген.-ад-т, ген. от инф. За бездействие в войне с Шамилем был отозван с Кавказа с назн. чл. Воен. Совета.

Неню (Непокойчитский) Константин Константинович (1914-1976). Рус. эмигрант, сын знаменитой певицы кабаре Нюры Масальской. Художник.

Нерсес Аштаракещи (1760-1857). Армян, архиепископ, католикос всех армян (1843-1857). В 1827-1828 гг. чл. Армян, обл. правления, принимал активное уч-е в программе переселения армян из Персии и Осм. Имп. в Закавказье.

Несветаев Петр Данилович (ум. 1808). Герой Кавказск. войны, сподвижник кн. П. Д. Цицианова. На службе с 1773 г. С 1800 г. ген.-м., шеф Саратовского пех. полка, с 1804 г. в Закавказье, уч-к рус.-перс, рус.-тур. войн и эксп. против горцев. Умер в сел. Караклис от простуды.

Нефедьев Николай Александрович (1800-1860). Рус. чин-к, служил в разных должностях на Кавказе. В 1837 г. в качестве чл. Комиссии для сост-я положения об устройстве Закавказск. края, инспектировал Нахич. и Карабахскую пров. Издан путевые записки.

Николай I Павлович (1796-1855). Имп-р Всерос. с 1825 по 1855 г. Третий сын Павла I от второй жены пр. Виртембергской (Марии Федоровны). При Н. Россия победила в войне с Персией (1826-1828), Осм. Имп. (1828-1829), подавила мятеж в Польше (1831), Венгрии (1849). Неудача в Восточ. войне подорвала его здоровье и явилась причиной смерти.

Николай III Александрович (1868-1918). Имп-р Всерос. с 1894 по 1917 г. Ст. сын. Александра III. При нем Россия проиграла Японскую и I мир. войны, лишилась Польши, части Украины и Прибалтики. 2 марта 1917 г. отрекся от престола в пользу мл. брата. Арестован большевиками, содержался в Тобольске, Екатеринбурге, 17 июля 1918 г. зверски убит вместе с семьей. Канонизирован рус. православной церковью.

Николай Михайлович, Великий князь (1859-1919). Сын кавказск. наместника. В службе с 1866 г., оф-ром с 1875 г. Закончил Ник. Ак-мию Ген. штаба (1885). Ген. от инф. Расстрелян большевиками в янв. 1919 г. в Петропавл. креп. в Петрограде.

Николай Николаевич-младший, Великий князь (1856-1929). Внук Николая I, дядя Николая II, ген.-ад-т, ген. от кав., верх, главноком-ший рус. армией в I мир. войну (07.1914-08.1915). После смещения с поем на Кавказе наместником. Во время реи ции находился в Крыму, затем в эмигр.

Николай Николаевич-старший, Великий князь (1831 - 1891, Алупка). Сын Николая I. Действит. службу начал вЛ.-гв. Конном полку (1851). Уч-к Восточ. (1853-1856) и рус.-тур. (1877-1878) войн. С 1856 г. ген.-инсп-р инж. части. Ген.-инсп-р каватерии. Ген.-фельдм. Ген.-ад-т.

Новрузов Керим Бек (род. 1838). Герой рус.-тур. войны 1877-1878 гг. На службе с 1854 г. в Закавказск. кон.-мусульм. полку. С 1867 г. в 44 драг. Нижегородском полку. Майор (1873). Прославился ночным кав. боем 18 мая 1877 г. у сел. Бегли-Ахмед, где д-зионом опрокинул бр-ду кавказск. горцев. В 1914 г., как старейший Георгиевский каватер, назн. на почетную долж-ть ком-ра роты дворцовых гренадер.

Новрузов Теймур Бек (1880 - 1961, Ницца). Племянник героя рус.-тур. войны и сын ген.-лейт. Мирза-Гаджи Бека. Коренной оф-р драг. Нижегородского полка. В I мир. войну ком-р 4 эскадрона. Георгиевский кавалер. После рев-ции в армии Азерб. респ., ген.-м., нач-к Кон. д-зии (1919). Затем в эмигр.

Нодзу. Японский маршал, ком-ший 4 армией во время войны с Россией (1904). Уч-к рев-ции Мэйдзи и войны с Китаем (1894-1895).

Нордштрем. Элитный портной, держатель ателье для гвард. оф-ров в С.-Петербурге (конец XIX - нач. XX вв.).

Нур-Верды Хан. Текинский хан, владетель угодий в Ахат-Текинском оазисе (св. 1879).

Нусал Ага. Сын Казикумухского хана, майор рус. службы. Уч-к эксп. ген. С. А. Портнягина против имама Гази-Магомед в 1831 г. За отличие в ходе этой эксп. нагр. орд. Св. Георгия 4 ст.

Огуз Хан. В мифологии огузов герой-прародитель. Сыновья его, по легенде, дали корень различным тюркск. племенам. Эпос об О. живет в фольклоре турок, азербайджанцев, туркмен, узбеков, каракалпаков и др. тюркоязычных народов.

Окlobжнo, Иван Дмитриевич (1821-1880). Хорват на рос. службе (с 1846). Уч-к Кавказок, Восточ. (1853-1856) и рус.-тур. (1877-1878) войн. Ген.-лейт. (1870). В 1876 г. ком-щий войсками в Приионском крае. Всю войну действовал со своим Кобулетским отрядом в направлении Батума.

Оку, барон. Японский ген.-лейт., ком-щий 2 армией (1904). Уч-к войны с Китаем (1894-1895).

Ольга Николаевна, Великая княжна (1895-1918). Ст. дочь Николая II. В I мир. войну хирургическая сестра Царскосельского госпиталя. После рев-ции арестована и содержалась с родителями. Зверски убита большевиками 17 июля 1918 г. под Екатеринбургом. Канонизирована рус. православной церковью.

Омар Хан (Умма Хан) Аварский (1774-1801). Последний потомок древних Нуцалов (не оставил сыновей). Известен своими набегами на Грузию и азерб. ханства. Противник рус. присутствия на Кавказе. Потерпел поражение в битве с рус.-груз. войсками на р. Йоре (07.11.1800). Внезапно скончался 10 марта 1801 г. в сел. Белаканы.

Орбелиани, князь Георгий Ильич (род. 1853). Нач-к Кавказск. кон. бр-ды во время рус.-япон. войны 1904-1905 гг. Ген.-м. На службе с 1873 г., оф-р Л.-гв. Е. В. Гусарского полка. С 1913 г. в запасе.

Орджоникидзе Серго (Григорий) Константинович (1886-1937). Парт. и госуд. деятель Сов. России. Сын дворянина, фельдшер. С 1903 г. в РСДРП. С июля 1917 г. чл. Петроград. комитета РСДРП(б). С апр. 1920 г. чл. Кавказск. бюро ЦК РКП(б). С 1922 г. первый секретарь Закавказск. крайкома РКП(б). В 1930 г. возглавил ВСНХ СССР. 18 февр. 1937 г. найден у себя на квартире с огнестрельным ранением.

Орлов-Денисов, граф Петр Михайлович (1852-1881). Герой штурма креп. Геок-Тепе (12.01.1881). Умер от полученных ран. Сын камергера и сестры наказного атамана Войска Донского М. И. Черткова. Оф-р Л.-гв. Казачьего полка (1875). Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878). Флиг.-ад-т.

Осман Паша. Полководец тур. Султана Мурада III (правил с 1574 по 1595 г.), предводитель походов в Закавказье.

Остен-Сакен, граф Дмитрий Ерофеевич (1790-1881). Ген.-ад-т, ген. от кав. На службе с 1804 г. Уч-к Наполеон, войн. В 1824 г. ком-р 2 улан, д-зии, к-рая с нач. перс, войны (1826) переброшена в Закавказье. После взятия креп. Аббас-Абад (1827) назн. ее комендантом. В 1828 г. - и. д. нач. штаба Кавказск. к-са. В Восточ. войну (1853-1856) отличился при обороне Севастополя, пожалован граф. титулом.

Павел I Петрович (1754-1801). Имп-р Всерос. с 1796 по 1801 г. Сын Петра III и Екатерины II. По восшествии на престол прекратил войну с Персией и отозвал войска из Закавказья.

Павел Александрович, Великий князь (1860-1919). Сын Александра II. В 1890-1896 гг. команд-л Л.-гв. Конным полком. Затем на высших постах в гвардии. Ген.-ад-т (1897). Из-за морганатического брака отставлен от службы, лишен свитского звания (1902). В1мир. войну ком-р 1 гвард. к-са инсп-р войск гвардии (1916). Арестован большевиками. Расстрелян в Петропавл. креп. в янв. 1919 г.

Палей, князь Владимир Павлович (1896-1918). Сын Вел. кн. Павла Александровича от его морганатического брака с О. В. Пистолькорс. В 1904 г. пожалован титул гр. Го-генфельзен, в 1915 г. — кн. Пачея. Пор-к Л.-гв. Е. В. Гусарского полка. Поэт. Арестован большевиками в Петрограде в апр. 1918 г., выслан в Вятку, затем в Екатеринбург, Ала-паевск. 18 июля 1918 г. зверски убит в числе нескольких членов Царской Семьи. Тело вывезено и захоронено в Китае.

Панах Хан Карабахский (ок. 1693 — 1759). Основатель независимого Карабах, ханства (правил 1747-1759). Происходил из рода Джеваншир. До 1738 г. состоял на службе Надир Шаха, затем впал в немилость, бежал в Карабах. Построил город-креп. Шуша (Панах-Абад) (1756). В последние месяцы жизни находился у Керим Хана Зенда аманатом. Умер в Ширазе, тело с почестями перевезено на родину.

Панкратьев Никита Петрович (1788-1836). Сподвижник И. Ф. Паскевича. На службе с 1807 г. В Отеч. войну и загранич. походах рус. армии ад-т М. И. Голенишева-Кутузова. В 1827 г., уже ген., приехал на Кавказ, где уч-л в перс. и тур. войнах, а затем в эксп. Паскевича на Зап. Кавказ.

Паскевич Иван Федорович, граф Эриванский, Светлейший князь Варшавский (1782-1856). Выдающ. воен. и госуд. деятель эпохи Николая I. Уч-к Тур. и Наполеон, войн. С 1826 г. в Закавказье, победитель Персии (пожалован титул гр. Эриванского) и Осм. Имп. (чин ген.-фельдм.). В 1831 г. подавил мятеж в Польше (титул кн. Варшавского и долж-ть наместника). На первых ролях находился во время Венгер. камп. (1849) и Вос-точ. войны (1853-1856).

Пацевич Григорий Михайлович (1823-1877). На службе рядовым с 1839 г. За отличия против горцев — оф-ром. Все чины до шт.-кап-на — за боевые отличия. С 1861 г. в 74 пех. Крымском полку. С нач. рус.-тур. войны 1877-1878 гг. в Эриван. отряде. Ком-ший войсками Баязетского окр. Уч-к обороны Баязетской цитадели. Скончался 18 июня 1877 г. от полученной 8 июня раны.

Петр I Алексеевич «Великий» (1672-1725). Первый Имп-р Всерос, сын царя Алексея Михайловича Романова. Вел. преобразователь России. В 1722 г., пользуясь слабостью Персии, двинул войска к Каспийскому морю и занял Дербент, направил войска в Баку, пров. Гилян, Мазандеран и Астрабад. Планировал «прорубить» торговый путь в Индию. Безвременная кончина помешала ему осуществить свои планы.

Петров. Ген.-м., нач-к опер. отряда, оборонявшего левый фланг Манчжурской армии во время сражения под Лаояном (1904).

Петров Виктор Александрович (1820-1885). На службе с 1837 г. С 1845 г. на Кавказе. Уч-к эксп. против горцев, Восточ. (1853-1856) и рус.-тур. (1877-1878) войн. Ген.-м. (1864). С 1873 г. ген.-лейт., нач-к 21 пех. д-зии. С 1882 г. ком-р VIII арм. к-са.

Петрусевич Николай Григорьевич (ум. 1880). Нач-к Эльбрусского воен.-народн. окр. (1865-1870). Затем ген.-м., нач-к Закаспийского воен. отдела (св. 1880). Погиб 23 дек. 1880 г. под креп. Геок-Тепе в рукопашной схватке с текинцами. Тело перевезено и похоронено в

Баталпашинске Кубанской обл. П. - автор нескольких трудов по истории, географии и этнографии Туркмении и Сев. Персии.

Петрушевский Илья Павлович (1898-1977). Выдающ. сов. иранист, профессор, зав. кафедрой Ближнего Востока ЛГУ им. Жданова. Наиболее известны его труды: «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - нач. XIX в.» (Л., 1949); «Земледелие и аграрные отношения в Иране X111-X1У вв.» (М.-Л., 1960). «Ислам в Иране в VII-XV вв.» (Л., 1966) (кн. издана и в Иране).

Пилсудский. Однокошник Эхсан Хана Нахичеванского по Паж. к-су. Вышел с ним в Л.-гв. Ее В. Уланский полк в 1873 г.

Пир-Кули Хан Каджар. Перс, военач-к (сердар), уч-к первой рус.-перс, войны (1804-1813).

Половцов Петр Александрович (1874 - 1964, Монте-Карло). Создатель и первый ком-р Татарского полка Кавказск. Туземн. кон. д-зии (с 08.1914). С февр. 1915 г. ком-щий 2 бр-дой, с мая 1917 г. Кавказск. Туземн. кон. к-са, с к-рым пришел на Кавказ. С дек. 1917 г. воен. губ-р Терской обл. В эмигр. во Франции.

Портнягин Семен Андреевич (1764-1827). Герой первого периода Кавказск. войны. На службе с 1764 г. Уч-л в войне с Польшей (1781), Турцией (1788-1790), Персией (1804-1813). С 1803 г. на Кавказе (ген.-м.). В 1812-1814 гг. ком-щий войсками на Кавказск. линии. В 1814 г. предан суду и отставлен от службы за хчоупотребления. Проживал в Тифлисе, пока А. П. Ермолов вновь не призвал его на службу.

Потто Василий Александрович (1836-1911). «Нестор кавказской истории», выдают, рус. воен. историк, нач-к Ген. штаба Кавказск. армии, ген.-лейт. Особенно известен его много-томный труд «Кавказская война в отд. очерках, эпизодах, легендах и биографиях» (1899).

Преображенский. Полк-к, эриван. воин, нач-к во время рус.-тур. войны (1877-1878).

Принцип Гаврила (1894-1918). Нац. герой Сербии, убийца австр. эрц-герц. Франца-Фердинанда. Студент, входил в тайные националистические организации «Черная рука» и «Млада Босна», боровшиеся против австро-венг. экспансии Балкан. 28 июня 1914 г. застрелил Франца-Фердинанда в Сараево. Приговорен к 20-летн. заключению. Умер в тюремной больнице от прогрессирующего туберкулеза.

фон Притвицунд Гаффрон Макс (1848 - 1929, Берлин). Ген.-полк-к, ком-щий 8 герм. армией, защищавшей Вост. Пруссию в начале I мир. войны (1914). Карьеру начал рядовым, закончил Воен. Ак-мию. После сражения у Гумбинена 7 авг. 1914 г. смещен с долж-ти и уволен в отставку.

Пурталес, граф Фридрих (1853-1928). Герм. дипломат, посол Германии в России (1907-1914). На дипломатич. службе с конца 1870-х. В 1914-1918 гг. советник мин-ва иностр. дел. С июля 1918 г. в отставке.

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837). Вел. рус. поэт. 1 мая 1829 г. выехал на Кавказ, в Тифлис, а затем отправился в действ. армию, где находился его брат Лев. С к-сом И. Ф. Паскевича П. вошел в Эрзерум. Результатом путешествия был ряд кавказск. стихотворений и «Путешествие в Арзерум».

Пушкин Лев Сергеевич (1805 — 1852, Одесса). Мл. брат поэта. Служил в Нижегородском и Финляндском драг. полках. Уч-к рус.-перс. (1826-1828) и рус.-тур. (1828-1829) войн. Ординарец ком-ра нижегородцев Н. Н. Раевского. С 1832 г. в отставке кап-ном. В 1848 г. чин-к Одесской портовой таможни, надворный советник. Умер от водянки.

Раевский Николай Николаевич-младший (1801-1843). Сын героя Отеч. войны, оф-р Кавказск. к-са. На службе с 1811 г. Уч-к Наполеон, воен. В 1826 г. арестован по делу декабристов, но затем выпущен по указанию Николая I и переведен на Кавказ, где назн. ком-ром 44 драг. Нижегородского полка. Р. прошел Перс, и Тур. камп. В отставке с 1841 г., в чине ген.-лейт.

Распутин Григорий Ефимович (1872-1916). «Святой старец», фаворит Царской Четы. Из крестьян Тобольской губ. С подачи духовника Царской Семьи отца Феофана принят при Дворе. Сделался одним из влиятельнейших лиц С.-Петербурга. Оказывал влияние на решения Имп-ра. Убит группой лиц (Вел. кн. Дмитрий Павлович, В. М. Пуришкевич, Ф. Ф. Юсупов), желавшей освободить от его влияния Монарха и его супругу.

Раух Георгий Оттонович (1860 - 1936, Константинополь). Воен. деятель времен I мир. войны. В 1914г. ген.-лейт., нач-к2 гв. кав. д-зии. Затем ген. откав. Ген.-ад-т(1917). Летом 1918 г. чл. антисов. организации в Петрограде, затем в гетманской армии в Одессе. В Вооруж. силах Юга России. С 1920 г. в эмигр.

Реза Шах Пехлеви (1878 - 1944, Йоханнесбург, ЮАР). Основатель Династии Шахов Ирана — Пехлевидов. Сын оф-ра. Прошел путь от казака до ком-ра Перс. Е. В. Шаха бр-ды. 21 февр. 1921 г. совершил гос. переворот. До 1923 г. воен. мин-р. До 1925 г. премьер-мин-р. После низложения Кальжаров провозглашен Шахом (12.12.1925). Во II мир. войне союзник Германии. Отрекся в пользу сына с приходом сов. войск (1941).

Ремез Федор Михайлович (1878-1918). Упр-ий Двором Вел. кн. Сергея Михайловича. Добровольно последовал с ним в ссылку и был умерщвлен большевиками в Атапа-евске 18 июля 1918 г.

фон-Ренненкампф Павел Карлович (1854-1918). Полководец I мир. войны. Ген. от кав. (1910). Ген.-ад-т (1912). В 1914 г. возглавил I армию. После неудач под Лодзью в нояб. 1914 г. отстранен от команд-я, а в окт. 1915 г. уволен от службы. Перешел из лютеранства в православие. После рев-ции жил в Таганроге, где 18 марта 1918 г. арестован и зверски замучен ЧК.

Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924). Деятель эпохи заката Рос. Имп. В 1878-1882 гг. оф-р Кавалергардского полка. Затем на гражд. службе. С 1905 г. действит. статский советник. Лидер партии «Союз 17 октября» (1905). Член (с 1907) и предс-ль (1911-1917) Гос. Думы. После окт. переворота в Добровольч. армии. Умер в эмигр. в Югославии.

Розен, барон Григорий Владимирович (1781-1841). Ком-р отд. Кавказск. к-са и главноупр-щий гражд. частью (1831-1837). Ген. от инф. (1826). Ген.-ад-т. После поездки Николая I на Кавказ отставлен от долж-ти за злоупотребления.

Роммель Эрвин (1891-1944). Ген.-фельдм. герм. армии. На воен. службе с 1910 г. Уч-к I и II мир. войн. С 1938 г. ком-р личного бат-на охраны Гитлера. С февр. 1941 г. ком-щий созданного Африканского к-са. В окт. 1943 г. потерпел поражение от англо-франц. сил у Эль-Аламейна (Египет). Назн. ком-щим группой армий во Францию. Был обвинен в июльском заговоре 1944 г. против Гитлера. Принял яд.

Рославлев Михаил Иванович. Ген.-м., эриван. губ-р (св. 1875-1880).

Ростованов. Кап-н Тифлисского пех. полка, пристав при наибе Шейх-Али Беке в г. Ордубад(1828).

Ртищев Николай Федорович (1754-1835). Главком-щий и главноупр-щий в Грузии 1812 по 1816 г. Ген. от инф. (1813).

Рузский Николай Владимирович (1854-1918). Военач-к I мир. войны. Ком-щий 3 армией (до 9.12.1914), главноком-щий армиями Сев.-Зап. фронта (до 03.1915), Сев. фронта (до 25.04.1917). Ген.-ад-т (1914). Убит большевиками в Пятигорске.

Савельев. Владелец магазина офицерских аксессуаров в С.-Петербурге (конец XIX - нач. XX в).

Садых Хан Ширазский. Брат векиля Персии Керим Хана Зенда, в 80-е гг. XVIII в. правитель Шираза.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860 — 1927, Ницца). Рос. госуд. деятель, дипломат. При Столыпине (свояке С.) назн. товарищем мин-ра иностр. дел (1909), а в 1910 г. мин-ром. С 1916 г. в отставке. Уч-к Белого движения, с 1919 г. включен в сост. мин-ва ген. А. И. Деникина. Затем мин-р иностр. дел прав-ва Колчака. Умер в эмигр. в Ницце.

Салтыков, граф Петр Иванович (1784-1813). Ген.-фельдм., президент Воен. коллегии (с 1796).

Самсонов Александр Васильевич (1859-1914). Трагический персонаж I мир. войны. Ген. от кав., главноком-щий 2 армии в Вост. Пруссии (1914). После поражения у Тан-ненберг-Сольдау попал в окружение. Не выдержав позора, застрелился.

Святополк-Мирский, князь Александр Сергеевич (ум. 1915). Гвард. оф-р. Полк-к. VI мир. войну ком-р Чеченского полка Кавказск. Туземн. кон. д-зии. Погиб в атаке 15 февр. 1915 г. Посмертно нагр. орд. Св. Георгия 4 ст.

Селим Паша. Тур. генерал, ком-щий Баязетским к-сом во время Восточ. войны (1853-1856). Потерпел поражение от Эриван. отряда в сражении 17 июля 1854 г. на Чингильских высотах.

Семенов Григорий Михайлович (1890-1946). Деятель времен Гражд. войны. Забайкальский казак. Уч-к I мир. войны в сост. Нерчинского казач. полка. В 1918 г. захватил власть в Забайкалье, провозгласил себя походным атаманом Уссурийского, Амурского и Забайкальского войск. После поражения белых — в эмигр. Выдан сов. властям англичанами в 1945 г. Повешен 30 авг. 1946 г. на Лубянке в Москве.

Серафим, отец (Кузнецов) (1873-1959). Игумен эвакуированного в Екатеринбург Серафимо-Алексеевского скита Белогорского Свято-Николаевского монастыря (1919). В июле 1919 г. получил разрешение А. В. Колчака на вывоз из Алагтаевска в Китай тел убитых большевиками членов Царской Семьи. Успешно осуществил свою миссию. Впосл. проживал в Иерусалиме.

Сербинов. Нахич. уездн. нач-к (с 1840).

Сергеев. Из донских казаков, ген.-м. Кавказск. к-са, уч-крус.-тур. войны (1828-1829).

Сергей Михайлович, Великий князь (1869-1918). Внук Николая I, пятый сын Вел. кн. Михаила Николаевича. Ген.-ад-т, ген. от арт. Ген.-инсп-р арт-ии (1905). В I мир. войну полевой ген.-инсп-р арт-ии. В 1918 г. арестован большевиками, содержался в Вятке, Екатеринбурге, Алапаевске. 18 июля 1918 г. зверски убит. Тело вывезено и захоронено в Китае.

Сефи-эд-Дин Исхак Ардебилли (1254 — 1300, Ардебиль). Шейх, основатель суфийско-дервишского орд. Сефевий. Родился в Ардебиле в зажиточной религиозной семье. По легенде, был прямым потомком седьмого шиитского имама Мусы Кязима. Получил богословское образование, владел многими вост. яз. После смерти своего наставника и тестя Гаджи-эд-Дина Захида занял место главы орд. Сефевий.

Сивере, граф. Корнет Л.-гв. Ее В. Уланского полка. Уч-крус.-тур. войны (1877-1878).

Сиволобов. Вахмистр 2 Хоперского полка Кубанского казач. войска. Уч-к обороны креп. Баязет (1877). 14 июня 1877 г. направлен с письмом в сел. Игдырь. Доставил письмо 17 июня 1877 г. на Чингильский перевал.

Сидельников Н. Рус. воен. историк, сост-ль многотомн. труда «Турецкая кампания 1877-78 гг.» (М., 1878).

Скалой Александр Антонович (1796-1851). Нач-к 6 окр. к-са жандармов (1837). Ген.-м. В прошлом чл. «Союза благоденствия» и масонской ложи «Соединенных друзей» (1822). В 1836 г. причислен к Мин-ву внутр. дел. В 1841 г. назн. Грузино-Имеретинским гражд. губ.-ром. В 1843 г. отставлен.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843-1882). Выдающ. рус. военач-к времен рус.-тур. войны (1877-1878). Ген.-ад-т, ген. от кав. Уч-к походов в Туркестан. Покоритель Ахалтекинского оазиса (1881). После возвращения из Туркмении неожиданно скончался в Москве 25 июня 1882 г.

Скоропадский Павел Петрович (1873-1945). Истор. фигура эпохи революц. потрясенный. Праправнук гетмана Украины XVIII в. Оф-р Кавалергардского полка. Уч-к 1 мир. войны. С 1914 г. ком-р бр-ды 1 гв. кав. д-зии. С 1916 г. - 1 гв. кав. д-зии. С 1917 г. — XXXIV арм. к-са. После «украинизации» к-са — в нац. войсках Украины. В апр. 1918 г. избран гетманом. Бежал в Германию в дек. 1918 г., при приближении к Киеву Петлюры. Погиб при бомбардировке Меттена (Бавария) 26 апр. 1945 г.

Смирнов Владимир Васильевич (1849-1918). Воен. деятель времен I мир. войны. Ген. от инф., ком-р XX арм. к-са 1 рус. армии (1914). В сент. 1918 г. арестован в Пятигорске большевиками и расстрелян.

Смирнов Константин Николаевич (1878, Темир-Хан-Шура, Дагестан - 1938). Рус./сов. востоковед. Закончил Тифлисский кадетский к-с, курсы вост. яз. для оф-ров и Петербург, археолог, институт. С 1907 г. наставник наследника Персии Мухаммед-Али Мирзы. После рев-пии жил в Тифлисе, сотрудничал в науч. учреждениях, переводчик.

Смирнов Константин Николаевич (род. 1854). Воен. деятель времен рус.-япон. войны 1904-1905 гг. Ген.-лейт. С 1900 г. на Дальнем Востоке, нач-к 2 стрелк. бр-ды. 2 февр. 1904 г. назн. комендантом креп. Порт-Артур. В 1906-1908 гг. привлекался к уголовной ответственности вместе с ген. Стесселем, Фоком и др. за сдачу крепости японцам. Решением Верх. воен.-уголовн. суда 7 февр. 1908 г. оправдан.

Соколов Александр Егорович (1780-1819). Рус. дипломат, с 1796 г. на службе в коллегии иностр. дел. Уч-к Суворовских походов в Италии (1798-1799). В 1816-1817 гг. действит. статский советник, советник рос. посольства в Персии. Автор записок. Покончил жизнь самоубийством.

Соломон II, царь Имеретинский (царевич Арчил Давидович) (ум. 1815). Сын царевича Арчила Александровича, племянник царя Соломона I (по матери внук Ираклия II Багратиони). Правил с 1793 по 1811 г. В 1804 г. подписал «просительные пункты» и присягу на верность России. В 1810 г. вступил в тайные переговоры с турками, был разбит рус. войсками и взят в плен. Бежал в Турцию, умер в Трапезунде.

Стенюкин. Есаул в сост. Донского № 23 полка (1854). Уч-к Чингильского сражения (17.07.1854).

Степанов. Майор, ст. ад-т штаба ген. И. Ф. Паскевича (1829).

Сулейман Паша (1840, Константинополь - 1892, Багдад). Тур. полководец времен войны 1877-1878 гг. На службе с 1861 г. С 1874 г. вице-директор Воен. Ак-мии. Уч-л в сержении султана Абдул-Азиза (1876). С нач. войны 1877 г. в Болгарии, ком-щим Балканской

армией. С дек. 1877 г. главнокомандующий тур. войсками. Разбит под Филиппополем (01.1878). Отдан под суд, получил 15 лет заключения, но затем помилован.

Сулима. Шт.-ротм-р, ком-р взвода 4 эскадрона Л.-гв. Её В. Уланского полка. Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878).

Султан-Крым-Гирей Клыч Шаханович (1880, Майкоп - 1947, Москва). Герой Черкесского полка «Дикой» д-зии и Гражд. войны. С дек. 1918 г. нач-к Черкесской кон. д-зии в Добровольч. армии. Ген.-м. В эмигр. во Франции. В 1943 г. сформировал д-зию из горских народов Кавказа, к-рая в 1944-1945 гг. уч-ла в борьбе с партизанами Тито в Югославии. Выдан в мае 1945 г. сов. властям. Повешен.

Сысоев Василий Михайлович. Сотрудник Азерб. археолог, комитета (св. 1926), чл. Общества обследования и изучения Азербайджана.

Тамерлан (Тимур-Ленг - «Хромой Тимур») (1336-1405). Вел. завоеватель Азии. Потомок одного из сановников Чингиз Хана. Наместник Кеша, визирь джагатайского хана Суюргатамыша, к-рого сверг. Со своим войском опустошил Персию, Афганистан. Закавказье, Курдистан, Анатолию, Месопотамию, Сев. Аравию, Сирию, Индию.

Тахмасп I (1514-1576). Шах из династии Сефевидов, сын основателя династии Шаха Исмаила I. У власти с 10-летн. возраста, правил с 1524 по 1576 г. Присоединил к своей державе Ширван (1538) и Шеки (1551).

Тахмасп II (1704-1739). Шах из династии Сефевидов, правил с 1722 по 1732 г.

Тахмасп-Кули Хан Афшар (Надир Шах) (1688-1747). Вел. завоеватель Азии. Шах Персии с 1736 по 1747 г. В 1732 г. низложил Тахмаспа II, у к-рого состоял на службе, и объявил Шахом его сына Аббаса III, при к-ром стал регентом. В 1736 г. провозгласил себя Шахом. Создал обширную империю от Индии до Кавказа и от Осм. Имп. до Китая. Убит в результате заговора.

Теймур-Паша Хан Макинский (ок. 1829 — ок. 1899). Происходил из тюркск. рода Баят. Сын Али Хана, владетель Макинского ханства. Фактически отделил свою область от Персии. Во время рус.-тур. войны 1877-1878 гг. расположил свои войска у Агры-Дага, чем предупредил вторжение курдов в Эриван. губ. Поставлял россиянам продовольствие и фураж. В 1881 г. совершил удачный поход в Урмию против тур. курдов.

Телешев. Ген.-м., уч-к рус.-япон. войны. Уч-л в набеге отряда ген. П. И. Мищенко на ст. Инкоу в дек. 1904 г.

Тер-Петросов. Армянин-переводчик, уч-к баязетского «сидения» (1877). 9 июня 1877 г. был направлен с письмом в Эриван. отряд. 14 июня 1877 г. доставил его у Даяра (при этом сопровождавший его казак Кирильчук пропал без вести).

Тергусасов Арзас Артемьевич (Ашот Арутюнович) (1819 — 1881, Тифлис). Военач-к времен рус.-тур. войны 1877-1878 гг. Сын армян, протоиерея. Служил инж-ром в ведомстве воен. сообщений. С 1852 г. на воен. службе на Кавказе. Уч-к Кавказск. войны. С 1869 г. ген.-лейт., нач-к 38 пех. д-зии. С 1876 г. нач-к Эриван. отряда. С 1878 г. ком-щий Кавказск. гренад. д-зией, с 1879 г. И Кавказск. арм. к-сом.

Толстой Александр Владимирович (род. ок. 1840). Полк-к, ад-т Вел. кн. Михаила Николаевича (1877). Окончил уч-ще правоведения, затем на воен. службе унт.-оф-ром в драг. Переяславском полку (1861). Уч-к Кавказск. войны. С 1866 г. ад-т главноком-щего Кавказск. армией. Состоял в списках Л.-гв. Е. В. Гусарского полка

Томашевский Николай Константинович. Пор-к, ком-р 4 взвода 4 б-реи 19 арт. бр-ды (1877). Уч-к обороны креп. Баязет, за отличие нагр. орд. Св. Георгия 4 ст.

Топчибашев Али-Мардан Бек Алекпер оглы (1862, Тифлис - 1934, Париж). Деятель азерб. нац. движения. Окончил юрид. фак-т Петербург, университета (1888). Публицист, редактор газ. «Каспий», «Баку». Депутат 1 Гос. Думы. В АДР — чрезвычайный представитель в Грузии, затем - в Осм. Имп. Возглавлял делегацию АДР на Парижской мирной конференции (03.12.1919).

Тормасов, граф Александр Петрович (1752-1818). Назн. главноком-щим на Кавказск. линии и в Грузии вместо гр. И. В. Гудовича (06.03.1809). В долж-ти до 1811 г. Ген. от кав. Возведен в граф. достоинство.

Трубецкой, князь Георгий (Юрий) Иванович (1866 - 1926, Версаль, Франция). Оф-р Л.-гв. Конного полка. С 1906 по 1914 г. ком-р Собств. Е. И. В. Конвоя. Свиты ген.-м. (1908). В 1 мир. войну нач-к 2 гв. кав. д-зии. Ген. от кав. После рев-ции в эмигр.

Трубецкой, князь Никита Сергеевич (1877, Тифлис - 1963, Париж). Оф-р 44 драг. Нижегородского полка. В эмигр. во Франции, секретарь полкового объединения.

Трубников. Шт.-ротм-р, полковой ад-т Л.-гв. Ее В. Уланского полка (св. 1877). Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878). Впосл. камергер Имп. Двора.

Туған-Мирза-Барановский Владимир Александрович (1860-1887). Автор очерков об Ахал-Текинской эксп. 1879 г. (СПб., 1881). После уч-ща правоведения призван на воен. службу, к-рую проходил в 46 драг. Переяславском полку. Уч-к Ахал-Текинской эксп. (1879). После демобилизации служил в канцелярии Гос. Совета. Писал в «Новом Времени», «Петербургских ведомостях» и «Свете».

Туманов, князь Георгий Александрович (1856-1918). Военач-к времен I мир. войны. В службе с 1875 г., оф-ром с 1877 г. С 1914 г. нач-к 13 кав. д-зии. С 1916 г. ком-р 7 кав. к-са. Убит большевиками в окт. 1918 г. в Пятигорске.

Урицкий Моисей Соломонович (1873-1918). Парт, деятель Сов. России. Из семьи купца. Окончил юрид. фак-т Киевского университета. Чл. РСДРП с 1898 г. С июля 1917 г. чл. ЦК РКП (б). Во время Окт. рев-ции чл. Петроград, воен.-рев. комитета. С марта 1918 г. предс-ль Петроград. ЧК. 30 авг. 1918 г. убит эсером А. Канегиссером.

Усачев. Прап-к 81 пех. Апшеронского полка. Погиб при штурме креп. Геок-Тепе 12января. 1881 г.

Усков. Подполк-к, ком-р 1 кон.-мусульм. полка (1829). Кавалер орд. Св. Георгия 4 ст. (за атаку полка под Бардусом, 17.07.1829).

Уцмиев, князь Хасай Мусаевич (1808-1867). Деятель эпохи покорения Кавказа. Сын полк-ка, кумыкского пристава. С 17 лет на воен. службе в кавказск. пехоте. Уч-к эксп. против горцев. Ген.-м. (1862). Возглавлял комиссию по переселению горцев в Турцию. Заподозрен в лояльности к ним, находился под надзором. В 1867 г. выслан в Воронеж. По пути туда, в Ставрополе, *«пустил себе пулю в лоб»*. Доставлен в Воронеж, где и скончался.

Фазл-Аллах Рашид-эд-Дин (ум. 1318). Мусульм. историк XIV в. Классическим признан его труд «Джами'ат-таварих» («Всеобщая история» или «Сборник летописей»), фрагментом к-рого является «Огуз-наме».

Фанк Паша (Ахмед-Фанк Паша) (род. 1809). Воен. деятель времен рус.-тур. войны 1877-1878 гг. На службе с 1827 г. Нач-к штаба Анатолийского к-са (1853). Бригадный (1863), дивизионный (1866) генерал. С нач. войны 1877 г. назн. ком-щим Ванским и Баязетским отрядами. После баязетских событий арестован и осужден воен. судом. Исключен из службы, лишен чинов и знаков отличия и подвергнут 6-месячному заключению (1879).

Фаррух Ясар I ибн Халлилула (1465-1500). Правитель (ширваншах) Ширвана нахии Дербенди. Был союзником правителей Ак-Коюнлу. В 1488 г. отразил нападение кызылбашей, сохранял независимость. Погиб в сражении с войсками Шаха Исмаила I.

Фермор Иван Николаевич (1890 - 1971, Париж). Штг.-ротм-р Л.-гв. Е. В. Уланского полка. Уч-к Корнилов, выступления (1917). В Добровольч. армии с нояб. 1917 г. Роя р. В эмигр. во Франции.

Ферран (Ferrand) Жак. Франц. коллекционер и издатель. Широкою известность получили его многотомные труды «Les familles princieres de lancien Empire de Russie» и «Noblesse Russe: Portraits», в к-рых помещены несколько тысяч рус. дворянских фотопортретов из архивов рус. эмигр.

Фетх-Али Хан Дербентский. Сын кубинского Гусейн-Али Хана. Оаадел Дербентом и провозгласил себя независимым правителем. Противник рус. присутствия на Кавказе.

Фетх-Али Шах Каджар (Баба Хан) (1762-1834). Шах Персии с 1797 по 1834 г. Был известен своей страстью к накоплению богатств. Области его державы упр-сь сыновьями, к-рым он предоставил значительные полномочия.

Фок Александр Викторович (1843-?). Уч-к рус.-тур. (1877-1878) и рус.-япон. (1904-1905) войн. Ген.-м. (1900). Во время войны с Японией нач-к 4 Вост.-Сиб. стрелк. д-зии, в 1906-1908 гг. под судом, оправдан. В 1912-1913 гг. доброволец болгарской армии, уч-к Балканских войн.

Фокин. Владелец магазина офицерских аксессуаров в С.-Петербурге. Магазин работал с 1850 по **1915 г.**

фон-Франсуа Герман (1855, Люксембург - 1939, Берлин). Герм, военач-к времен I мир. войны. С 1913 г. ком-р I арм. к-са в Кенигсберге. В 1914 г. уч-л в сражениях с I рус. армией в Вост. Пруссии. С 24 дек. 1914 г. ком-р XXXI резервного к-са в Галиции. В 1915 г. ком-р VII арм. к-са. С 1918 г. в отставке.

Франц-Фердинанд Габсбург (1863, Грац — 1914, Сараево). Австр. эрцгерцог, племянник Имп-ра Франца-Иосифа, наследник австро-венг. престола (с 1896). С 1898 г. зам. главноком-щего армией. Инициатор аннексии Боснии и Герцеговины (1908). Противник создания славян, гос-ва на Балканах. С 1913 г. ген.-инсп-р вооруж. сил. Убит с супругой 28 июня 1914 г. в Сараево сербом Г. Принципом.

Фредерике, барон Александр Андреевич. Брат ком-ра Тифлисского пех. полка бар. Бориса. Уч-к рус.-перс, войны (1826-1828).

Фредерике, граф Владимир Борисович (1838-1927). Мин-р Имп. Двора (с 1897), один из близких Николаю II лиц. Барон, с 1913 г. граф. В молодости оф-р Л.-гв. Конного полка, в 1875-1883 г. его ком-р. С 28 марта 1917 г. в отставке. Умер в эмигр.

Хаджи Агалар. Карабах, бек, кап-н рус. службы. С нач. рус.-перс, войны (1826-1828) перешел к персам. Команд-л кав. частью, составл-й из Карабах, и нахич. всадников, к-рая 21 июля 1826 г. у сел. Герюсы (Карабах) разбила бат-н 42 егер. полка и захватила несколько сотен пленных и 2 орудия.

Хаджи-Мурат Арацхан Хаджимуратович (род. 1880). Уч-к рус.-япон. войны в сост. 2 Дагестанского кон. полка. Затем в Л.-гв. 3 сотне Собств. Е. И. В. Конвоя (1905). Подъесаул (1910). Оф-р для поручений при воен. губ-ре Дагестанской обл. В I мир. войну оф-р 2 Дагестанского кон. полка, полк-к.

Хаджи-Челеби Хан. Основатель Шекинского ханства, правил с 1743 по 1755 г. (до 1747 г. как губ-р Надир Шаха, затем как самовластный правитель). Известен как предприимчивый политик и военач-к.

Хамзаев. Бывший оф-р Имп. армии, ком-р отряда нахич. ополчения, уч-к войны с Арменией (1919).

Хасан Бек Румлу (род. 1531/32). Знатный бек из кызылбашского племени Румлу, племянник владетеля окр. Казвина и Соуджбулака Амир-Султана Румлу. С 10-летн. возраста воспитывался при Дворе Шаха Тахмаспа I, в 1547 г. уч-л в походе перс, войск на Грузию. Сост-л 12-томн. труд на перс. яз. «Ахсан-ат-таварих» («Лучшая из историй»).

Хатисов Г. Премьер-мин-р Армян, респ. (1919 г.).

Хойский Фетх-Али Хан Джафар-Кули Хан оглы (1875, Шеки - 1920, Тифлис). Госуд. деятель Азербайджана. Сын ген.-лейт. Окончил юрид. фак-т Моск. университета (1897). Затем в судебной системе. С 1904 г. депутат 2 Гос. Думы. С мая 1918 г. премьер-мин-р Азерб. респ. С дек. 1919 г. мин-р иностр. дел. После падения АДР проживал в Тифлисе, 19 июня 1920 г. убит в спину армян, террористом.

Хосров Мирза Каджар (род. ок. 1806). Пятый сын наследника перс, престола Аббаса Мирзы. В апр. 1829 г. во главе особой миссии посетил С.-Петербург для урегулирования вопроса об убийстве Грибоедова в Тегеране. 12 авг. 1829 г. принят Николаем I в Зимнем дворце. Конфликт был урегулирован, кроме того, Имп-р простил Персии выплату девятого курура контрибуции и рассрочил на 5 лет выплату десятого.

Хрещатицкий А. П. Полк-к, ком-р Донского № 23 полка, нач-к кавалерии Эриван. отряда (1854). Из дворян Войска Донского. Впосл. ген. от кав. За отличие во время Чингильского сражения (17.07.1854) нагр. Зол. оруж. «За храбрость» и орд. Св. Станислава 3 ст. с меч. (а полк получил Георгиевское знамя).

Хуршид-Бану Бегум («Натаван», «Хан кызь») (1832-1897). Азерб. поэтесса и художница, дочь Мехти-Кули Хана Карабахского. Создатель лит. общества «Меджлиси унс» («Собрание друзей»). В 1873 г. на свои средства построила в г. Шуша водопровод.

Хусейн Ага. Курдский шейх, глава обществ, кочевавших по террит-и Эриван., Нахич., Макинского и Хойского ханств (св. 1807). Уч-л в рус.-перс, войне 1826-1828 гг. на стороне Персии.

Хусейн Шах I (1668-1726). Шах Персии из династии Сефевидов, правил с 1694 по 1722 г.

Цихинский. Рус. исследователь, любитель геральдики. Создатель сб. «Кавказский гербовник» (1922).

Цицианов, князь Павел Дмитриевич (1754, Москва — 1806, Баку). Завоеватель Закавказья. Из груз. княж. рода. Уч-к рус.-тур. войны (1787-1791), похода гр. В. А. Зубова в Закавказье. При Павле I в отставке. При Александре I вновь на службе, с 1802 г. глав-нонач-ий в Грузии. В 1804 г. развязал войну с Персией, присоединил к России Гянджинское, Карабахское и Ширванское ханства. Убит при встрече с Бакинским ханом.

Чавчавадзе, князь Александр Герсванович (1787-1846). Выдающ. груз. обществ, деятель, военный, поэт, сын посла Грузии в Россию. С 1809 г. на службе, подпор-к Л.-гв. Е. В. Гусарского полка. Уч-к Наполеон, войн. В 1817 г. переведен на Кавказ в 44 драг. Нижегородский полк. Первый упр-ий Армян, обл. (1828). Ст. его дочь Нина была женой А. С. Грибоедова.

Чавчавадзе, князь Давид Захарович (1878-1920). Сын ген. от кав. Уч-к рус.-япон. и I мир. войн, оф-р 44 драг. Нижегородского полка.

Чавчавадзе, князь Михаил Спиридонович (1844-1919). Оф-р Кавказск. армии. С 1864 г. в 43 драг. Тверском полку. Уч-к эксп. против горцев. С 1878 г. ком-р эскадрона. Уч-к Ахач-Текинской эксп. (1880-1881). В 1902 г. уволен со службы с чином полк-ка.

Чайковский Дмитрий Леонтьевич (1882 - 1954, Париж). Оф-р ген. штаба. В начале I мир. войны кап-н, ст. ад-т штаба 73 пех. д-зии. Во время Вост.-Прусской операции - и. д. нач. штаба 1 гв. кав. д-зии (1914). Впосл. полк-к, уч-к Белого движения. В эмигр. во Франции.

Чернов. Донской казак, войск, старшина. Ком-р Кон.-мусульм. полка № 4 в Эри-ван. отряде (1854).

Чернышев, Светлейший князь Александр Иванович (1786-1857). Воен. мин-р времен Николая I. Ген.-ад-т, ген. от кав. Уч-к Наполеон, войн. В день коронации Николая I возведен в граф. достоинство. В 1827 г. товарищ упр-щего главн. штабом, затем во главе Воен. мин-ва (до 1852). Преде-ль Кавказск. комитета. Возведен в княж. достоинство.

Чижиков. Полк-к. ком-р 81 пех. Апшеронского полка. Застрелился в штаб-квартире полка в Темир-Хан-Шуре в 1882 г.

Чингиз Хан (Темучин) (ок. 1155 - ок. 1227). Сын Есугея, вел. монг. завоеватель. В 44-летн. возрасте избран на курултае верх, вождем монголов. Покорил Китай, Туркестан, Персию, Афганистан, Закавказье, южнорус. княжества, создал вел. империю.

фон-Шак, Адольф Вильгельмович. Полк-к, ком-р 74 пех. Ставропольского полка. С нач. рус.-тур. войны 1877-1878 гг. в сост. Эриван. отряда. Уч-к освобождения баязет-ского гарнизона. В долж-ти ком-ра 2 бр-ды Кавказск. гренад. д-зии уч-л в штурме тур. позиции Деве-Бойну (23,10.1877).

Шамиль (1799-1871). Аварец из села Гимры, третий (последний) имам Дагестана и Чечни. С 1834 г., после смерти Гамзат Бека, возглавил религиозное движение горцев против «неверных». Создатель и глава гос-ва горцев — имамата. 25 авг. 1859 г. сдался рос. войскам на горе Гуниб. Содержался в Калуге. Получил разрешение совершить Хадж. Умер по пути в Мекку, в Медине.

Шарлей, Жан (Chardin) (1643-1713). Франц. путешественник. Сын ювелира, в 1665 г. отправился в Азию для покупки бриллиантов. До 1670 г. жил в Исфгани, изучая жизнь Персии. С 1672 г. вновь поехал в Персию через Мингрелию, Тифлис, Эривань, Нахичевань. Описал свои путешествия: «Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales par la mer Noire et par la Colchide» (1711).

Шаумян Сурен Степанович (1902-1936). Сын С.Г. Шаумяна. Уч-к Гражд. войны. Полк-к. С 1928 по 1932 г. первый нач-к и комиссар Орловской танковой школы. Репрессирован.

Шейх-Али Хан Дербентский. Сын Фетх-Али Хана, влиятельный закавказск. правитель. В 1799 г. Павел I пожаловал его в рос. подданство и удостоил чином ген.-лейт.

Шелковников Григорий Артемьевич. Уч-к I мир. войны. Полк-к, ком-р 9 Кавказск. стрелк. полка. В 1918 г. ген.-м., на службе в армян, армии. В 1919 г. 2 мес.

был ген.-губ.-ром Нахичевани, до свержения армян, власти. В 1921 г. репрессирован сов. властями.

Шепель. Казак Уманского полка Кубанского казач. войска. Уч-к обороны креп. Баязет (1877). 14 июня 1877 г. направлен с письмом в сел. Игдырь. Доставил письмо 17 июня 1877 г. на Чингильский перевал.

Шереметьев Сергей Алексеевич (1836-1896). Ген. от кав. (1891), ком-щий войсками Кавказск. воен. окр. (с 1890). На службе с 1853 г. Уч-к Восточ. и Кавказск. войн.

Шихлинский Али Ага Исмаил Ага оглы (1865 — 1943, Баку). «Бог артиллерии» Имп. армии, герой Порт-Артура. В I мир. войну нач-к арт-ии Петрограла. С 1916 г. инсп-р арт-ии Зап. фронта. С 1919 г. помощник воен. мин-ра Азерб. респ. Ген. от арт. (1919). С 1920 г. в РККА. Автор мемуаров.

Шопен Иван Иванович (1798-1870). Француз на рус. службе (с 1825). В 1830-е чин-к упр-я по доходам и казенным имуществам Армян, обл. Затем при Мин-ве гос. иму-шестн. Собирал материал по истории, этнографии, природе, культуре Закавказья. Опубликовано «Хозяйственные очерки части Аракской долины...» (СПб., 1843). «Исторический памятник состояния Армянской области...» (СПб., 1852) и др. труды.

фон Штакельберг, барон Георгий Карлович (1851-1913). Военач-к времен рус.-япон. войны 1904-1905 гг. Ген. от кав., ком-р 1 Сибирского к-са и Южн. отряда Манчжурской армии.

Штоквич Федор Эдуардович (род. 1828). Герой рус.-тур. войны 1877-1878 гг. На службе с 1847 г.. уч-к Восточ. и Кавказск. войн. Все чины до шт.-кап-на — за боевые отличия. В 1876 г. в Тифлисском местном полку. 21 апр. 1877 г. ком-рован в г. Баязет на долж-ть коменданта. Уч-к 23-дневной обороны цитадели. Впосл. полк-к (1891), и. д. царскосельского коменданта.

Шукюр Хан Макинский (род. ок. 1828). Сын майора рус. службы Ахмед Хана. Помещик Эриван. губ. Уч-к Восточ. войны (наиб в сост. Бекской дружины), нагр. Знаком отличия Воен. орд. 4 ст. Был женат на дочери ген.-м. Эхсан Хана Нахичеванского. Тесть Рагим Хана Нахичеванского.

ШвертАлексей Ермолаевич (1867-1926). Ген.-ад-т (1915), ген. отинф. (1911), главно-ком-щий армиями Зап. фронта (с 20.08.1916). С 22 марта 1917 г. в отставке. После рев-ции жил в Смоленске и Верее, где и умер.

Энгельгардт И. А. Гор. староста г. Нахичевань (св. 1851). Состоял чл. Рус. географич. общества. Неоднократно публиковал сведения о Нахичевани и Ордубаде в периодических изданиях.

Эриванский Аббас-Кули Хан Мотали Хан оглы (ок. 1830 - ок. 1906). Помещик Эриван. губ. Чл. Эриван. гор. управы (св. 1865), гласный гор. думы (1886-1899), почетный смотритель рус.-татар, уч-ща в Эривани (1904-1906). Происходил из эриван. ветви Кад-жаров, внук губ-ра Хамадана. В числе его жен была Тарлан Ханум, дочь ген. Исмаил Хана Нахичеванского.

Эриванский .Ани Хан Могбали Хан оглы. Помещик Эриван. у. Уч-к Восточ. войны (1853-1856) в сост. Бекской дружины Эриван. отряда. Прап-к.

Эриванский Аллахъяр Хан Мамед-Кули Хан оглы. Внук Бехман Хана Нахичеванского по материнской линии. В 1919 г. в сост. нахич. ополчения уч-л в

отражении армян, отрядов. В сов. время закончил Ленинградский мед. институт. Хирург. В 1937 г. репрессирован.

Эриванский Гусейн Хан Аббас-Кули Хан оглы (род. ок. 1883). Чин-к Эриван. губер. упр-я. В 1919 г. всост. нахич. ополчения уч-л в отражении армян, отрядов. По св. 1934 г. проживал в Эривани.

Эриванский Керим Хан Аббас Кули Хан оглы (род. 1885). Гвард. оф-р, однополчанин и близкий товарищ Вел. кн. Михаила Александровича. На службе с 1905 г., с 1908 г. в Л.-гв. Кирасирском Ея В. полку. В 1 мир. войну ад-т Кабардинского кон. полка, затем ком-р 4 сотни. В 1919 г. ком-р нахич. ополчения в войне с Арменией, полк-к.

Эристов, князь Атександр Николаевич (1873. Тифлис — 1955, Париж). Герой Каушен-ского боя (06.08.1914). Полк-к, ком-р б-реи Л.-гв. Конной арт-ии. Пожалован орд. Св. Георгия 4 ст. Затем ген.-м., ком-р Кавалергардского полка, нач-к 1 гв. кав. д-зии, ком-р III Кавказск. арм. к-са. После рев-ции - в армии Груз. респ. В эмигр. во Франции.

Эристов (Ксанский), князь Георгий Иессеевич (1769-1863). Активный уч-к завоевания Россией Закавказья. На рус. службу принят в 1802 г., сразу в чине подполк-ка. назн. в Кабардинский пех. полк. Уч-к эксп. против лезгин и рус.-перс. войны 1826-1828 гг. В 1826 г. ген.-лейт., нач-к 21 пех. д-зии.

Эссен. Кап-н 44 драг. Нижегородского полка, ком-ший 4 кон.-мусульм. полком (1829).

Эттер Николай Павлович. Полк-к, ком-р Л.-гв. Ее В. Уланского полка (св. 1878). Уч-к рус.-тур. войны (1877-1878).

Юденич Николай Николаевич (1862-1933). Полководец I мир. войны, герой Кавказск. фронта. Ген. от инф. (1915). С 24января 1915 г. ком-ший Кавказск. армией. В 1918г. в Эстонии. В июне 1919 г. назн. адм. Колчаком главноком-щим Бельми войсками на сев.-зап. России. После поражения белых — в эмигр.

Юзефович Яков Давидович (1872-1929). Воен. деятель I мир. и Гражд. войн. Из литовских татар. С авг. 1914 г. нач. штаба Кавказск. Туземн. кон. д-зии. Ген.-м. (1915). С 1916 г. нач. штаба 2 кав. к-са. С 1917 г. ком-р XXVI арм. к-са. С 1918 г. в Добровольч. армии, нач. штаба у ген. П. Н. Врангеля. С 1920 г. в эмигр. в Германии, затем в Польше. Умер в Тарту, Эстония.

Юферов. Гвард. офицер, шт.-кап-н. Уч-к похода в Дагестан 1831 г., ад-т ген. Н. П. Панкратьева, команд-ий в ходе эксп. Волонтерным кон.-мусульм. полком.

Янушкевич Николай Николаевич (1868-1918). Воен. деятель времен I мир. войны, неизменный помощник Вел. кн. Николая Николаевича-мл. Ген. от инф. С 19 июля 1914 г. нач. штаба верх, главноком-шего. С 18 авг. 1915 г. помощник наместника на Кавказе. С 1916 г. гл. нач-к снабжения Кавказск. армии. Уволен 31 марта 1917 г. Арестован в начале 1918 г. и зверски убит большевиками-конвоирами.

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аббас-Абад (азерб. - дословно «Обустроенный Аббасом») - крепость, построенная с участием английских военных инженеров в 1811 г. на левом берегу р. Араке, в 10 верст, от г. Нахичевань. При российском правлении разобрана.

Авлиар - гора перед креп. Каре в Османской Империи.

Агдам — город (с 1828) в Азербайджане у вост. подножья Карабахского хребта, на окраине Карабахской равнины.

Агры-Даг (азерб. доел. «Гора боли», «Расколота гора») - горный хребет на востоке Турции, к северу от оз. Ван. Длина 200 км. Высота до 3445 м.

Адрианополь — центр турецкого Адрианопольского вилайета в Румелии. В 1360-1453 гг. служил резиденцией Султанов. 31 января 1878 г. в А. заключено перемирие между Россией и Османской Империей. Сейчас город Эдирне на сев.-зап. Турции.

Азаджиран — историческое название вост. части Нахичеванского края с центром в г. Ордубад.

Алашкерт (ныне Топрак-Кале) — город на сев.-вост. Османской Империи, к западу от креп. Эрзерум.

Алашкертская долина - равнина между Саганлугским хребтом и высотами Агры-Дага, на востоке Османской Империи.

Александрополь (до 1837 Кумаири, с 1924 Ленинакан, с 1990 Помри (азерб. «гаможня») - турецкий город на р. Арпачай, завоеванный Россией в ходе войны 1828-1829 гг. Переименован в честь супруги Императора Николая I Александры Федоровны. С 1850 по 1918 г. уездный город и крепость Эреванской губ.

Алла-Даг (доел. «Гора Атлаха») - безлесная скалистая горная гряда к югу от Ардагано-Карсского плато. До 3000 м. Круто обрывается к р. Араке, образуя глубочайшее малопроезжимое ущелье.

Ананур — древний монастырь и крепость на р. Арагви, в 80 км сев. г. Тифлис по Военно-Грузинской дороге. Основан в XV в.

Анаголия - (греческое «Anatole», буквально - «Восток», турецкое «Anadolu») - древности название Малой Азии; в Османской Империи — провинция на западе Малой Азии.

Ангерап — река в Вост. Пруссии, по соединении с р. Писса образует р. Прегель. Длина 144 км.

Ангербург — город в Вост. Пруссии на р. Ангерап. Сейчас Венгожево в Польше.

Араб-Конак - селение на зап. склоне Балкан, до 1878 г. в Османской Империи. Сейчас в Болгарии.

Аразин (Аразин Джамалетдин) — селение в Нахичеванском ханстве (нач. XIX в.). На его территории находилось поместье ген.-м. Эхсан Хана. Затем земля перешла к сыновьям и внукам, в частности — ген.-ад. Гусейн Хану.

Аракс — река в Закавказье. Верховья в Турции, низовья в Азербайджане. Правый приток Куры. Протяженность 1072 км.

Ардебиль — город в Персии к западу от Каспийского моря. Родина дервишского ордена Сефевийе. Место паломничества мусульман-шиитов.

Армянская область — в 1828-1840 гг. адм.-террит. единица, введенная русской администрацией на территории Эриванского и Нахичеванского ханств для переселения армян из Персии.

Ариа-чай — левый приток р. Араке. Длина 128 км. Берёт начало на склонах Зангезурского хребта.

Аскеран — населенный пункт (город) в Карабахе.

Асландуз - крепость в Персии на южн. берегу р. Араке, близ впадения р. Дараурт. Сейчас город в иранской провинции Вост. Азербайджан.

Асхабад (Ашхабад) - в XIX - нач. XX в. главный город Закаспийской обл. Сейчас столица Туркмении.

Ахалцыхский пашалык — область юго-вост. Грузии (бывшее княжество Самцхе-Саатабаго), завоеванная турками-османами ок. 1569 г. Присоединена к России в 1829 г.

Ахульго — гора в Дагестане, в окрестностях сел. Ашильта.

Балык-чай - речка, берущая начало на Саганлугском хребте. Протекала через Даракскую котловину и у подножья хребта Агры-Даг.

Бардус - селение в Турецкой Анатолии (1829).

Баш-Кечид (азерб. — дословно «Главная переправа»). В XIX в. населенный пункт у подножья Азбабеюкских гор, на границе Памбакской дистанции Грузии с Эриванским ханством. Сейчас в Дманисском р-не Грузии.

Баязет — город на сев.-вост. Османской Империи. Сейчас Догубаязит в Турции.

Бежита - селение в Дагестане.

Беюк-Веди — в XIX — нач. XX в. селение в южн. части Эриванского у. Эриванской губ. Ж/д станция.

Беньяцуза - китайская деревня в Манчжурии.

Бизерта - порт в Тунисе на берегу Средиземного моря.

Борчалы (груз. Квемо-Картли) - до 1801 г. центр мусульманской дистанции в Грузии. Сейчас в Марнеульском р-не. Населен преимущественно азербайджанцами.

Брынь - селение в окрестностях г. Станиславов.

Бубнов — деревня в окрестностях г. Ко вель.

Булган - селение в Нахичеванском крае, где в XIX в. располагались поместья сыновей и внуков Назар Султана и Фатали Султана Кенгерлинских. Было населено почти исключительно представителями племени Кенгерлы.

Быхов - в XIX - нач. XX в. уездный город Могилевской губ. на р. Днепр. Сейчас центр Быховского р-на Могилевской обл. Белоруссии.

Вакарель — болгарское село на зап. предгорьях Балкан, в окрестностях г. Ташкисен.

Валдай - в XIX - нач. XX в. уездный город Новгородской губ. на оз. Валдай. В городе функционировал колокольный завод.

Ван - бессточное соленое озеро на востоке Турции. Расположено на высоте 1720 м, площадь ок. 3,7 тыс. км², глубина до 145 м.

Ванский вилайет - в XIX в. адм.-террит. единица на востоке Османской Империи.

Варанда — селение, район в Карабахе.

Вели-Даг - гора на сев.-зап. Нахичеванского края. Высота 4121 м.

Вержболово - в 1914 г. безуездный город Сувалкской губ. Владиславовского у. Ж/д станция. Сейчас Вирбалис в Литве.

Виддин - турецкая крепость на р. Дунай. По условиям Берлинского договора 1878 г. укрепления срыты. Сейчас город в Болгарии.

Вильно — город Российской Империи (с 1795). В 1920-1939 гг. в составе Польши. С 1939 г. столица Литвы Вильнюс.

Висбаден — город в Германии на правом берегу р. Рейн. Известный бальнеоклиматический курорт.

Висла - самая большая река Польши. Длина 1047 км. Начало в Зап. Карпатах, впадает в Балтийское море.

Волновье - селение в предгорьях Лесистых Карпат.

Вормдит - город в южн. части Вост. Пруссии. Сейчас Орнета в Польше.

Вратеш — селение (сейчас город) на западе современной Болгарии, на вост. предгорьях Балкан.

Вырица — населенный пункт в 60 км к югу от г. С.-Петербург. Сейчас поселок городского типа в Гатчинском р-не Ленинградской обл..

Галиция - историческое название части западноукраинских и польских земель (современных Ивано-Франковской, Львовской, Тернопольской обл. Украины, Жешувс-кого и большей части Краковского воеводств Польши). В 1772-1918 гг. провинция Австро-Венгрии. С 1918 г. в составе Польши. Вост. Галиция с 1939 г. в составе Украины.

Гарни-чай — левый приток р. Араке, протяженность ок. 70 км. Берет начало в горах к западу от оз. Гокча, впадает в р. Араке ниже р. Занга.

Гасан-Кала - турецкий городок в окрестностях креп. Эрзерум.

Гатчина - город в 45 км юго-зап. г. С.-Петербург.

Геок-Тепе (тюркск. «Голубая гора») - название крепости, а после ее разрушения - трех окрестных селений. Расположена в предгорьях Копетдага, в Ахал-Текинском оазисе, в 45 км. от г. Ашхабад. Сейчас посёлок городского типа в Туркмении.

Георгиевск — город-крепость (с 1786) в Российской Империи. В 1783 г. в Г. подписан Георгиевский трактат между Грузией и Россией. Сейчас Г. — в Ставропольском крае.

Герюсы - селение на западе Карабахского ханства. В Российской Империи административный центр Зангезурского у. Елизаветпольской губ.

Гехи - чеченское село на равнине к юго-западу от г. Грозный, в нескольких километрах к западу от районного центра г. Урус-Мартан.

Гилян-чай — левый приток р. Араке, орошающий южную часть Нахичеванского края. Протекает с севера на юг ок. 90 км. Через мост на Г. в XIX в. проходила почтовая дорога из г. Ордубад в г. Нахичевань.

Гимры - селение в Дагестане, сейчас в Унцукульском р-не.

Голубей — населенный пункт Вост. Пруссии (1914).

Гольдап — город в южн. части Вост. Пруссии. Сейчас Годап в Польше.

Гори - город (с 1801) в Грузии при впадении р. Большая Лиахви в р. Кура. Известен с VII в.

Гумбинен - город в Вост. Пруссии. С 1946 г. Гусев Калининградской обл.

Гуниб — селение в Дагестане на Гунибском плато. Сейчас в Буйнакском р-не.

Гурия - историческая область в Зап. Грузии. С XIV в. княжество. В XIX в. в Российской Империи.

Гюлистан — селение в Карабахе, в одноименном урочище на р. Зейва. В настоящее время - в Геранбойском р-не Азербайджанской республики.

Гянджа (в 1804-1918 Елизаветполь, в 1935-1989 Кировабад) - город в Азербайджане нар. Гянджа-чай. Основан ок. VII в. С XII-XIII вв. крупный торгово-ремесленный и культурный центр. В XVII-XVIII вв. центр беглярбегства Гянджи и Карабаха. С 1747 г. столица Гянджинского ханства.

Далинский перевал - в Манчжурии.

Дараваза (азерб. — дословно «ворота») — населенный пункт в Карабахе, на границе с Нахичеванским ханством.

Даракская котловина - ущелье, расположенное у Каравансарайского перевала через хребет Агры-Даг.

Дарачичаг («Долина цветов») — в XIX в. дачная местность в 57 верст, от г. Эривань, куда летом переезжали все гос. учреждения. Д. представляло собой долину, спускающуюся к р. Занге недалеко от тракта.

Дарго - селение в Чечне, сейчас в Веденском р-не.

Даркемен - населенный пункт Вост. Пруссии. С 1946 г. город Озерск Калининградской обл.

Дахна - гора на сев.-зап. Нахичеванского края. Высота 3829 м.

Даяр — селение на дороге из г. Баязета в креп. Эрзерум. 9 июня 1877 г. здесь состоялось сражение Эриванского отряда с турецким отрядом Мухтара Паши, в ходе которого русские потерпели неудачу и вынуждены были отступить в Эриванскую губ.

Двинск (до 1893 Динабург) — в XIX — нач. XX в. уездный город и крепость Витебской губ. на р. Зап. Двина, на пересечении железных дорог Санкт-Петербург - Варшава и Рига — Орел. Сейчас Даугавпилс в Латвии.

Деве-Войну (азерб. «Верблюжья шея») - горный хребет между Эрзерумской и Верхне-Пассенской равнинами, на котором размещалась турецкая укрепленная позиция. 23 октября 1877 г. позиция была взята русскими войсками объединенных Саганлугско-го и Эриванского отрядов.

Дербент — город в Дагестане, порт на Каспийском море. Основан в V в. Крепость VI в.

Диадин — селение в Алашкертской долине на востоке Османской Империи.

Динабург (см. Двинск).

Джагры - селение к северу от г. Нахичевань, в первой половине XIX в. населенное представителями племени Кенгерлы.

Джеван-Булак («Молодой родник») — урочище по дороге из г. Нахичевань в г. Тебриз южн. р. Аракс.

Джелал-Оглы — в XIX — нач. XX в. село в Эриванской губ. у подножья Безобдалского хребта, в одноименном урочище на пути из Эривани в Грузию.

Джультфа — селение (сейчас город) на р. Араке, на границе с Персией (Ираном). Таможенный пункт. С конца XIX в. ж/д станция.

Джунджурское ущелье — теснина в Саганлугском хребте.

Диадин — селение на сев.-вост. Османской Империи, на р. Евфрат.

Диарбекир - город в Турецком Курдистане.

Дигур — турецкое селение в окрестностях р. Каре-чай.

Днестр - река в Вост. Европе. Начало в Карпатах, впадает в Черное море. Протяженность 1352 км.

Дно - ж/д станция, сейчас город в Псковской обл.

Дорогостай — сейчас населенный пункт Млиневского р-на Ровненской обл. Украины.

Драгупенен — населенный пункт в сев. части Вост. Пруссии. Сейчас Кубановка Калининградской обл.

Драм-даг - хребет, раскинувшийся от верховьев р. Шариян до горы Тандурек в Турецкой Анатолии. 3 июня 1877 г. на его южн. склоне состоялось сражение Эриванского отряда Тергукасова с отрядом Магомета Паши.

Дуд-олум — текинское селение на р. Чандыр.

Дювек - селение в Дагестане (1831).

Евфрат — легендарная река Ближней Азии, несколько столетий составлявшая вост. границу Римской Империи. Берет начало на хребте Алла-Даг.

Елизаветполь (см. Гянджа).

Залещики — город (с 1939) на р. Днестр. Ж/д станция. Сейчас в Тернопольской обл. Украины.

Занга — левый приток Аракса, протяженность 146 км. Вытекает из оз. Гокча.

Зангезур - название горного района в Западном Карабахе.

Зейва — местность в Эриванском у. на границе с Нахичеванским. В XIX в. в его окрестностях располагалось имение ген. Исмаил Хана Нахичеванского.

Зейдекян — селение в Алашкертской долине Турецкой Анатолии.

Зиярет-Даг - гора в 20 км к югу от турецкого г. Баязет.

Зорский перевал — через хребет Агры-Даг.

Ивангород - русская крепость на берегу р. Нарва, с 1954 г. город Ленинградской обл.

Игдырь — крупное село на левом берегу р. Араке, в XIX в. адм. центр Сурмалинско-гоу. Эриванской губ. И. был соединен почтовой дорогой с г. Эривань и колесной - с г. Кагызман (Кареской обл.). Ныне город в Турции.

Имеретия - историческая область в Зап. Грузии. С XV в. самостоятельное царство с центром в г. Кутаис. С XVIII в. в Российской Империи.

Инкоу - город и порт на сев.-вост. Китая в устье р. Ляохэ, на побережье Жёлтого моря.

Инстер - река в Вост. Пруссии. Длина 70 км. Сейчас Инструч в Калининградской обл.

Инстербург — город в сев. части Вост. Пруссии, на р. Ангерап. С 1946 г. Черыяховск Калининградской обл.

Ихтиман — город на склоне Балкан, в 50 км от г. София. До 1878 г. в Османской Империи. Сейчас Златица в Болгарии.

Ишкарты - урочище и аул в Дагестане, в 15 км к западу от г. Темир-Хан-Шура.

Казах - мусульманская дистанция в Грузии.

Каннлы-чай - речка по дороге из г. Каре в г. Эрзерум, протекающая в ущелье Саган-лугского хребта. 19 июня 1829 г. у К.-ч. ген. И. Ф. Паскевич нанес поражение турецкому отряду Хаджи-Салеха.

Калихе - китайская деревня в Манчжурии.

Калии - город в предгорьях Карпат. Сейчас на Украине, в Ивано-Франковской обл.

Качарлю — в XIX — нач. XX в. селение в южн. части Эриванского у. Эриванской губ.

Капан (Кафан) - местность и город в предгорьях Зангезурского хребта.

Капанак-чай - река в Карабахе.

Кара-баба - селение в Нахичеванском крае на перевале через Зангезурский хребет. В XIX в. рядом располагалось поместье Гусейн Султана Кенгерлинского.

Карабаглар (азерб. «Черные сады») - селение в Нахичеванском крае в 40 км к сев.-зап. от г. Нахичевань. Расположено у подножья Зангезурского хребта. В XIX в. в его окрестностях располагались имения сыновей майора Ферадж-Улла Хана. Ныне К. - в составе Кенгерлинского р-на Нахичеванской автономной республики.

Карабахское ханство — с 1747 г. независимое государство в Азербайджане с центром в г. Панахабад (Шуша).

Карабулах (азерб. «Черный родник») — турецкое селение у подножья хребта Агры-Даг.

Карадагское ханство - в XVIII-XIX вв. полунезависимое государство в Сев. Персии на берегу р. Араке, со столицей в г. Ахар.

Караклис (азерб. «Черная церковь») — во времена Сефевидов и Каджаров селение в Эриванском ханстве. В Российской Империи — населенный пункт в Александропольском у. Эриванской губ. (существовал Малый и Большой К.).

Карачуг — селение в Нахичеванском крае. В его окрестностях в XIX в. располагались имения Джафар-Кули Хана Нахичеванского и потомков Назар Султана Кенгерлинского. Было населено почти исключительно представителями племени Кенгерлы.

Каре - с XVI в. крепость Османской Империи на сев.-вост. страны. В 1878-1918 гг. в составе Российской Империи, в 1921 г. возвращен Турции.

Каре-чай — речка в окрестностях г. Каре.

Каушен - село в сев. части Вост. Пруссии. Сейчас Кашино Калининградской обл.

Кегстен — населенный пункт в Вост. Пруссии (1914).

Кенигсберг (с 1946 Калининград) - админ. центр Вост. Пруссии. Сейчас в России.

Киверцы — селение на Вольни. Сейчас город (с 1951) и ж/д узел на Украине.

Кивраг (Хывраг) — селение в Нахичеванском крае недалеко от сел. Карабаглар. Было известно располагавшимся рядом древним мусульманским кладбищем. В XIX в. в его окрестностях было имение ген.-м. Эхсан Хана, а впоследствии его сына Исмаила и внука последнего Хаган Хана. Было населено почти исключительно представителями племени Кенгерлы. Ныне К. — ж/д станция Нахичеванской автономной республики.

Кинтриши - река в Аджарии. Впадает в Черное море.

Ковалев - населенный пункт в Вост. Пруссии (1914).

Ковель — в XIX — нач. XX в. уездный город Волынской губ. Сейчас районный центр Волынской обл. Украины.

Ковно — в XIX - нач. XX в. губернский город Российской Империи и крепость при впадении р. Виляя в р. Неман. Сейчас Каунас в Литве.

Коломяги — в конце XIX — нач. XX в. деревня Санкт-Петербургской губ. и у. станция железной дороги. Дачное место, ипподром для скачек.

Константинополь (в средневековых русских источниках Царьград; с 1453 Стамбул) — древний город на обоих берегах пролива Босфор, у Мраморного моря. Основан римским императором Константином I в 324-330 гг. До 395 г. столица Римской Империи, в 395-1453 гг.

- Византии. В 1453 г. захвачен турками, до 1918 г. столица Османской Империи, затем до 1923 г. - Турции.

Копет-Даг (Туркмено-Хорасанские горы) — хребет на границе Туркмении с Персией. Длина ок. 800 км.

Корытница— в XIX - нач. XX в. местечко в Венгерском у. Седлецкой губ.

Котлас - город (с 1917) в Архангельском крае, пристань на Сев. Двине при впадении р. Вычегда. Центр лесозаготовок.

Красник - в XIX — нач. XX в. город Люблинской губ. Российской Империи.

Красноводск - в XIX - нач. XX в. уездный город Закаспийской обл. на юго-вост. берегу Каспийского моря.

Красное Село - основано в петровские времена. В его окрестностях располагались летние лагеря гвардии. С 1918 г. город. Сейчас район С.-Петербурга.

Кубанская область - территория Сев. Кавказа по р. Кубань, с 1860 г. адм.-террит. единица Российской Империи.

Кульпы - село Нахичеванского ханства (XVIII в.), в окрестностях которого было открыто месторождение каменной соли. С 1850 по 1920 г. село Сурмалинского у. Эриванской губ.

Кунигишки - село в Вост. Пруссии. Сейчас поселок в Литве.

Кура — река в Закавказье. Протяженность 1364 км. Начинается в Турции; течет по территории Грузии и Азербайджана; впадает в Каспийское море. Судоходна в низовье. Крупнейший приток — р. Араке.

Кшастово - болгарская деревня на берегу Мраморного моря.

Кюрдамир - поселок (после 1938 город) в Азербайджане на Кура-Араксинской низменности. Ж/д станция на линии Баку — Тифлис (Тбилиси).

Ландунгоу — китайская деревня в Манчжурии, в окрестностях Сандепу.

Ланцберг — город в южн. части Вост. Пруссии. Сейчас Гурово Илавекце в Польше.

Лежань — болгарское село на вост. предгорьях Балкан.

Ленкорань - древний город в Азербайджане на левом берегу р. Ленкорань-чай, при впадении её в Каспийское море. Порт. В XVIII в. - главный город Тальшинского ханства. С 1846 г. уездный город Бакинской губ.

Лесистые Карпаты - часть Вост. Карпат на территории современных Польши, Чехословакии и Украины. Протяженность 350 км от рр. Вяла и Топля до рр. Тиса и Черс-мош. Высота до 2061 м.

Луга — населенный пункт в окрестностях г. С.-Петербург. Сейчас город в Лужском р-не Ленинградской обл.

Лутовиско — селение в предгорьях Лесистых Карпат.

Луцк — город на р. Стырь. Сейчас в Волынской обл. Украины.

Люблин - в XIX - нач. XX в. российский губернский город на р. Быстрица. Ж/д станция. Сейчас в Польше.

Люле-Бургас (греч. Аркадиополь) - до 1878 г. город в Османской Империи. Затем в Болгарии.

Лкшин - уездный город Витебской губ. при оз. Бол. и Мал. Лужахс. С 1917 г. Лудза в Латвии.

Ляоян — город в Манчжурии на левом берегу р. Тайцзыхэ, ухтовой пункт. С 11 по 21 августа 1904 г. в его окрестностях происходило сражение японских и русской армий.

Магтрабов - город в южн. части Вост. Пруссии. Сейчас Олецко в Польше.

Мазурские озёра — группа озёр на юго-востоке Вост. Пруссии. Общая площадь 310 км². Сейчас в Польше.

Макинское ханство — до 1920 г. полунезависимое государство в Персии со столицей - замком Маку.

Маку — столица Макинского ханства. Сейчас в Иране, близ границы с Турцией и Азербайджаном.

Манчжурия — историческое название сев.-вост. части Китая.

Марагинское ханство - в XVIII-XIX вв. полунезависимое государство в Персии к югу от оз. Урмия, со столицей в г. Марага.

Маранда — город в Персии, в 82 км к сев.-зап. от г. Тебриз. Сейчас в Иране.

Марина - самая крупная река на Балканском полуострове. Впадает в Эгейское море. Длина 525 км.

Мигри - селение в Западном Карабахе на р. Мигри (приток р. Араке).

Милли-дюз — селение по дороге из г. Каре в г. Эрзерум, в ущелье Саганлугского хребта. 20 июня 1829 г. у М.-д. ген. И. Ф. Паскевич нанес поражение эрзерумскому сараскиру Гагки-паше.

Могилев - город в Белоруссии на р. Днепр. Ж/д узел.

Мугань (Муганская степь) - участок Кура-Араксинской низменности к югу от места слияния рр. Куры и Аракса.

Мукден (кит. Шен-ян) - главный город Манчжурии на р. Хун-хэ. Ж/д узел. С 7 по 25 февраля 1905 г. у М. происходило сражение между русскими и японцами, решившее исход войны. Сейчас админ. центр провинции Ляонин в Китае.

Муха-Зстате — местность на отрогах Аджарских гор, на пути из Озургет в Батуми. 13 апреля 1877 г. находившаяся здесь турецкая позиция была взята русским отрядом ген. И. Д. Оглобжио.

Мысун - селение у подножья хребта Агры-Даг.

Мысунская долина — местность у сев.-вост. подножья хребта Агры-Даг.

Нагаджир — гора и селение в Нахичеванском крае, сейчас курортное место.

Париж - остров в Бакинской бухте площадью ок. 3 км². В годы I мировой войны служил лагерем военнопленных турок, немцев, австрийцев, чехов. В советское время концентрационный лагерь. В 1960-1970-е гг. объект ПВО СССР. Сейчас остров заброшен.

Нариманский санджак — в 30-е гг. XIX в. террит. единица в Османской Империи.

Нахичевань (у Птолемея Наксуана) — древнейший город в Азербайджане на берегу р. Нахичевань-чай, в 12 км от р. Араке. Возник ок. VI в. до н.э., в XI в. центр государства Сельджуков, в XII в. столица государства Ильдегизидов, с 1828 г. в Российской Империи.

Нахичевань-чай — горная река, берущая начало на отрогах Зангезурского хребта. Приток р. Аракс.

Неман — река на территории современных Белоруссии и Литвы, по границе Калининградской обл. Длина 937 км.

Несы — местность в окрестностях Хорасана (Персия).

Нифас — деревня в окрестностях Константинополя (1878).

Новостанцы - деревня в окрестностях г. Ровно.

Новочеркассск — в XIX — нач. XX в. столица Войска Донского.

Норфолк - город-порт на юго-востоке США, штат Виргиния.

Нуха (после 1968 Шеки) - город в Азербайджане в южных предгорьях Б. Кавказа. До 1819 г. столица Шекинского ханства. В Российской Империи уездный город Елизаветпольской губ.

Нюе — китайская деревня в Манчжурии, в окрестностях Сандепу.

Ольтинский санджак - в 30-е гг. XIX в. адм.-террит. единица в Османской Империи.

Ольты - город в Османской Империи у отрогов Саганлугского хребта в Ардаганском ущелье, на берегу р. Ольты-чай. В XIX в. крепость в Эрзерумском пашалыке.

Олька — населенный пункт на Воляни. Ж/д станция на линии Ровно — Брест. Сейчас поселок городского типа на Украине.

Ордубад - второй по величине город Нахичеванского края. Расположен в 3-4 км сев. р. Араке, в месте, где долина реки переходит в возвышенности Зангезурских гор. Известен прекрасным климатом, обилием зелени и воды, а также древними памятниками мусульманской культуры.

Орхание - до 1878 г. город в Османской Империи. Сейчас Ботевград в Болгарии.

Осторжец — местечко в окрестностях г. Луцк.

Павловск (1918-1944 — Слуцк) — город-музей в окрестностях г. С.-Петербург.

Памбак — мусульманская дистанция в Грузии. В XVIII-XIX вв. спорная область между Грузией и Эриванским ханством.

Петровск — (с 1922 Махачкала) — город (с 1857) и порт на Каспийском море. Основан в 1844 г. как укрепление Петровское, где во время Персидского похода Петра I в 1722 г. находился лагерь русских войск. В 1921-1991 гг. столица Дагестанской АССР, затем — Республики Дагестан.

Пилькален - населенный пункт в сев. части Вост. Пруссии. Сейчас Добровольск Калининградской обл.

Порт-Артур (кит. Люй-шунь-коу) - портовый город на южн. оконечности полуострова Ляодун, на берегу Желтого моря. В 1898 г. уступлен японцами России на 25-летний срок. 20 декабря 1904 г. сдан японцам. С 1945 г. совместно использовался СССР и Китаем. С 1855 г. — только КНР.

Портсмут — город-порт на южн. побережье Англии.

Поти — город и порт в Грузии. В Российской Империи — в Кутаисской губ.

Прут - левый приток Дуная. Протяженность 989 км. Берет начало в Вост. Карпатах.

Редут-Кале - в XIX в. заштатный город, бывшее укрепление, на вост. берегу Черного моря, в устье р. Хопи, Зугдидского у. Кутаисской губ. С 1846 г. порт. Сейчас Кулеви в Грузии.

Режица - в XIX - нач. XX в. уездный город Витебской губ. Сейчас Резекне в Латвии.

Решт — город в Персии, транзитный торговый пункт между Индией, Персией и Россией. Центр шелководства.

Ровно — город Российской Империи (с 1793). Ж/д узел. В 1921-1939 гг. в Польше. Сейчас на Украине, центр Ровенской обл.

Родосто — город в Османской Империи в Адрианопольском вилайете, на берегу Мраморного моря. Сейчас Текирдаг в Турции.

Руцук — до 1878 г. турецкая крепость на правом берегу Дуная. По условиям Берлинского договора укрепления срыты. Сейчас город Руссе в Болгарии.

Саганлугский хребет — горная гряда в Турции, в р-не Карса.

Салмас - город в Персии, на сев.-зап. оконечности оз. Урмия.

Сальяны — селение и пристань на р. Кура. В Российской Империи центр Джеватского у. Бакинской губ., средоточие богатых рыбных промыслов.

Самбор — город австрийской Галиции на левом берегу р. Днестр. Узловая станция. Сейчас в Львовской обл. Украины.

Самеба - гора в Аджарии.

Сан-Стефано — деревня в 15 км к западу от г. Стамбул, у Мраморного моря. 19 февраля 1878 г. здесь заключен мирный договор между Россией и Османской Империей. Сейчас в Болгарии.

Сандепу — селение в Маньчжурии, в 36 км юго-зап. г. Мукден.

Сантьязы - китайская деревня в Манчжурии, в окрестностях Сандепу.

Саодагой — перевал и ущелье в Манчжурии.

Сардар-Абад (азерб. - дословно «Обустроенная сердаром») - персидская крепость на территории Эриванского ханства. Разобрана россиянами вскоре после завоевания края.

Свиноха - деревня в окрестностях Ковеля.

Сеид-Абад (азерб. «Обустроенное сеидом» (потомком Пророка) - урочище под г. Тебриз.

Силистрия - до 1878 г. турецкая крепость на правом берегу р. Дунай. Сейчас город в Болгарии.

Сисиан — крепость в окрестностях г. Ордубад.

Смольско — болгарское село на зап. предгорьях Балкан, в окрестностях г. Ташкисен.

Соловки (Соловецкие острова) — группа островов в Белом море при входе в Онежскую губу. С 1920 по 1950-е гг. на островах функционировал концентрационный лагерь особого назначения (СЛОН), где содержались политические заключенные советского режима.

Сольдау (Зольдау) — город в южн. части Вост. Пруссии. Сейчас Дзялдово в Польше.

Софианское поле - равнина в окрестностях г. Тебриз.

Софийская долина — местность на зап. предгорьях Балкан в современной Болгарии.

Станиславов - город в междуречье рр. Быстрицы Солотвинской и Быстрицы Надвирнянской. Сейчас областной центр Ивано-Франковск на Зап. Украине.

Старая Шемаха (Кухна-шахар) — населенный пункт в Азербайджане к сев.-вост. от современного г. Шемаха. Разрушен в 1734 г. Надир Шахом Афшаром.

Стоход — река на территории современных Украины и Белоруссии, правый приток р. Припять. Длина 188 км.

Сувалки - с 1876 г. губернский город Российской Империи. Сейчас в Польше.

Суinja - река, протекающая по территории современных Осетии, Ингушетии и Чечни. Длина 278 км.

Сурб-Оганес - армянский монастырь на р. Евфрат в Турецкой Анатолии.

Сурб-Саркис - селение в предгорьях Саганлугского хребта в Турции.

Сюэрпу — китайская деревня в Манчжурии, в окрестностях Сандепу.

Табаристан — средневековое (IX-XII вв.) название провинции, расположенной на южн. побережье Каспийского моря (нынешняя территория Ирана), между Гиляном на западе и Хорасаном на востоке. С XIII в. известна как Мазандеран.

Тазакенд (азерб. — «Новая деревня») — селение в Нахичеванском ханстве (нач. XIX в.). На его территории находилось поместье ген.-м. Эхсан Хана, которое затем перешло к его детям и внукам (половина, в частности, ротм. Джафар-Кули Хану).

Тайцзыхэ - река на сев.-вост. Китая, левый приток р. Ляохэ. Длина 406 км. Берёт начало в Восточно-Маньчжурских горах.

Таускертский санджак — в 1829 г. адм.-террит. единица Османской Империи.

Ташкисен - селение на шоссе из Софии в Орхание, где 18 декабря 1877 г. произошло сражение между отрядом генерала Гурко и Шакира Паши. До 1878 г. в Османской Империи. Сейчас в Болгарии.

Тевриз (Тавриз) — столица Южного Азербайджана. Впервые упоминается со II в. н. э. С XIII в. один из крупнейших городов Ближнего и Среднего Востока, столица государства Хулагуидов. Сейчас админ. центр в Иране, в сев.-зап. части страны, в 619 км сев.-зап. г. Тегеран.

Тегеран - город в южных предгорьях Эльбруса, на высоте 1100-1300 м. Первое упоминание XII в. С конца XVIII в. (при воцарении Ага Магомед Шаха Каджара) столица Персии. Сейчас столица Ирана.

Терская область - территория Сев. Кавказа по р. Терек, с 1860 г. адм.-террит. единица Российской Империи. Админ. центр — г. Владикавказ. В 1921 г. разделена на Горскую АССР и Терскую губ.

Тертер — населенный пункт в Карабахе на одноименной реке.

Тильзит - город в Вост. Пруссии у оз. Мемель. С 1946 г. Советск Калининградской обл.

Туркменчай — селение в Персии, в 50 км от г. Тевриз по дороге в г. Тегеран.

Удзиганза — китайская деревня в Манчжурии, в окрестностях Сандепу.

Узун Ахмед (азерб. — «Длинный Ахмед») - горное плато на Саганлугском хребте, в окрестностях г. Эрзерум.

Филиппово - населенный пункт Сувалкской губ. на границе с Вост. Пруссией (1914).

Филиппополь — город на р. Марица, до 1878 г. центр турецкой провинции Вост. Румелия. Сейчас Пловдив в Болгарии.

Фридланд - городок на севере Вост. Пруссии. Сейчас Правдинск Калининградской обл.

Халантоза - китайская деревня в Манчжурии.

Халфалю — в 1877 г. селение Сурмалинского у. Эриванской губ.

Ханкенды (азерб. — «Ханская деревня») — в XVIII-XIX вв. зимовка карабахских ханов (отсюда и название). С 1923 г. Степанакерт (в честь Степана Шаумяна).

Хараб-Абазарское ущелье — теснина в хребте Агры-Даг.

Хензирек - селение в Нахичеванском крае на границе с Западным Карабахом.

Хива - город в 20 верст, к западу от р. Аму-Дарья. С XVI в. до 1918 г. столица Хивинского ханства.

Хой — город в Южн. Азербайджане на сев.-зап. Персии, столица одноименного ханства.

Хойское ханство - государство в Персии к сев.-зап. от оз. Урмия, со столицей в г. Хой.

Хок - селение в 35 км сев.-зап. г. Нахичевань. В XIX в. на его территории находилось поместье ген.-м. Эхсан Хана, которое затем перешло к его детям и внукам (половина, в частности, ротм. Джафар-Кули Хану). Ныне селение в составе Кенгерлинского р-на Нахичеванской автономной республики.

Холм - сейчас город в Польше. Ж/д узел.

Хорасан - историческая область на сев.-вост. Персии (Ирана). Во время правления Сефевидов и Каджаров к ней был присоединен Мервский оазис, сев.-зап. часть Афганистана. Сейчас, исключая последние территории, является составной частью Ирана.

Худаферинские мосты — на р. Араке, между современными ее. Кумлах и Худаферин Джебраильского р-на Азербайджана. Их два: 15-пролётный мост (длина 200 м) и на 800 метров к западу от него 11-пролётный (длина 130 м). Первый известен с VII в., второй - сXIIIв.

Хуцубани — деревня и местность в Аджарии.

Хывраг (Гывраг) - селение в Нахичеванском крае. Ныне - в составе Кенгерлинского р-на Нахичеванской автономной республики.

Царские Колодцы (сейчас Цетилицкаро) - урочище и поселок в Грузии, в 35 км от г. Сигнах.

Царское Село - с 1710 г. загородная летняя царская резиденция. В 1937 г., в столетнюю годовщину со дня гибели А. С. Пушкина, город получил свое современное название - Пушкино.

Цихисцири (сейчас Цихиддири) - местность в Абхазии, где во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. располагались турецкие укрепления.

Чаборио — турецкое селение в окрестностях р. Каре-чай.

Чалдыранская равнина (поле) — к юго-западу от г. Маку (сев.-зап. Персия).

Чандыр - река в Персии и Туркмении, левый приток р. Сумбар (бассейн р. Атрек). Длина 90 км. Берёт начало в горах Копет-Дага.

Чао-сан - река в Манчжурии.

Чардахлы — высокогорное урочище и село в Нижнем Карабахе, в верховьях р. Тертер. В советское время в Шамхорском р-не Азербайджанской ССР.

Чешма-басар - окрестность в Нахичеванском крае у сел. Неграм, где в XIX в. располагалось поместье ген.-м. Эхсан Хана, а впоследствии его внука ген.-ад.-та Гусейн Хана.

Чикишляр - в XIX - нач. XX в. укрепление Закаспийской обл. на берегу Каспийского моря, при впадении р. Атрек. Сейчас город в Туркмении.

Чингиль (Джан-гель — «Озеро души») — высокогорное озеро на хребте Агры-Даг.

Чиркей - село в Дагестане на берегу р. Сулак. Ныне в Буйнакском р-не.

Чорс — город в Персии, в XVIII-XIX в. в Хойском ханстве.

Чурьяк - селение (и одноименный перевал) на зап. склоне Балкан, до 1878 г. в Османской Империи, сейчас в Болгарии.

Шамхор - (в 1928-1937 Аннино (Анненфельд) - древний город в Азербайджане. В XVIII в. в Гянджинском ханстве. С 1803 г. в Российской Империи.

Шахтагты - селение в Нахичеванском крае. В конце XIX в. - станция Эривано-Джувльфинской ж/д. Ныне - в составе Кенгерлинского р-на Нахичеванской автономной республики.

Шекинское ханство - в XVIII-XIX вв. государство в Азербайджане с центром в г. Нуха.

Шиллен — населенный пункт в сев. части Вост. Пруссии. Сейчас Победино Калининградской обл.

Шираз — город на юго-западе Персии. Средневековый центр миниатюры, ковроделия. Родина поэтов Саади и Хафиза. Столица государства в годы правления династии Зендов.

Ширван — историческая область и государство в Азербайджане. Известен с III в. С конца VIII в. управлялся ширваншахами. В XVI в. стал провинцией Персии. С 1748 г. самостоятельное Ширванское ханство, в 1805 г. присоединенное к России,

Шитойпучинза — китайская деревня в Манчжурии.

Шурагель — мусульманская дистанция Грузии. В нач. XIX в. террит. единица в составе Эриванского ханства. В Российской Империи входила в состав Александропольского у. Эриванской губ. и Карсского окр.

Шуша (Панахабад) - город в Азербайджане (Карабах), основан Панах Ханом Джеванширом в 1754 г.

Эгленинкен - местечко в Вост. Пруссии (1914).

Эгян-Батыр-Кала (русс. Самурское) — развалины большой крепости в 13 верст, от креп. Геок-Тепе, превращенные в один из ее фортов.

Эйдкунен - в 1914 г. пограничное с Россией местечко провинции Вост. Пруссия.

Эль-Аламейн — населенный пункт на севере Египта, в 104 км зап. г. Александрия. 23 октября - 4 ноября 1942 г. в его окрестностях состоялось сражение 8-й британской армии (командующий генерал Б. Монтгомери) и итало-германской танковой армии «Африка», в ходе которого последняя потерпела неудачу и отступила в Ливию.

Энзели (в 1925-1980 г. Пехлеви) — город в Персии (Иране), порт на Каспийском море.

Эрзерум (византийское название Теодосиополис, арабское - Каликала) - город в вост. части Турции вблизи истоков р. Евфрат. Админ. центр. Транспортный узел. В XVIII-XIX вв. крепость и главный город вилайета.

Эривань - город в Закавказье на берегу р. Занга. Первые упоминания в VII в. С 1747 г. столица Эриванского ханства. С 1828 г. — Армянской обл., с 1850 г. губернский город Российской Империи.

Эчмиадзин — древний армянский монастырь, с XV в. — резиденция главы армянской церкви. Находился на территории Эриванского ханства.

Яйджи (Джувльфинское) - селение вблизи г. Джувльфа, на востоке от Нахичевани. В его окрестностях в XIX в. находилось имение штг.-кап. Мохаммед-Садык Хана, сына бежавшего в Персию подполк. Шейх-Ачи Бека.

Яйджи (Эриванское) - в XIX - нач. XX в. селение в южн. части Эриванского у. Эриванской губ.

Янтайские копи - каменноугольные разработки в Южн. Манчжурии, на правом берегу р. Тайцзыхэ.

Янтайцзы - китайская деревня в Манчжурии.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Ага (азерб. — «господин», «хозяин»). В Персии окончание «Ага» после имени означало то, что данное лицо знатного рода, в Закавказье - что это сын бывшего Владетельного Хана. «Ага» перед именем (напр. Ага Магомед Шах) - евнух.

Агалар — множественное от «Ага». Титул употреблялся главным образом в азербайджанских дистанциях Грузии (Борчалы, Казах, Памбак, Шамшадил, Шурагель).

Азнауры — грузинские дворяне (название известно с V в.). Делились на царских, княжеских и церковных. Различались А. потомственные и служилые. Они владели землями и несли обязательную воинскую повинность. С присоединением Грузии к России А. получили права российских дворян.

Али-Джах (арабск.-перс. — «высокоместный», «высокопоставленный») — употреблялось для титулования в Персии Владетельных Ханов, за особые заслуги.

Алмазами украшенное золотое оружие с надписью «За храбрость» - награда генералам и фельдмаршалам за боевые подвиги. Учреждена Петром I. Изготавливалась специально для каждого кавалера, все металлические части (кроме клинков) — из золота 56-й пробы. Награждение саблей с алмазами являлось привилегией Императора.

Аманат - заложник; человек, взятый в залог, в обеспечение верности племени или народа, подданства покоренных и пр.

Афшары — тюркское племя, в настоящее время самоопределившееся как народность. Проживают в Иране, Турции, Афганистане. Численность - около 300 тыс. человек. Исповедуют ислам шиитского толка. В 1736 г. представитель А. Тахмасп-Кули Хан (см. биографический словарь) короновался Шахом Сефеидов..

Ахунд - титул, даваемый некоторым муллам. Кроме судебных и духовно-административных обязанностей А. исполняли еще требы, совершали брачные договоры, крепостные и нотариальные акты и т. д. После установления российской власти в Закавказье считались состоящими на службе и получали жалованье.

Бахтияры (азерб. «бахт» - «счастливый, удачливый») - народность, проживавшая преимущественно на территории Ирака. В рассматриваемый период Б. являлись подданными Персии.

Башибузук (тюркск. - дословно «оторви голову») - конное ополчение турецкой армии, в основном составленное из представителей кочевых племен.

Беглербекство - административная единица в Персии. Во главе стоял шахский наместник беглербек («бек над беками»), соединявший в своих руках гражданскую и военную власть.

Бегум (бекша) (тюркск. — дословно «жена бека»). Также этот титул получали дочери шахов и ханов от жен-простолюдинок.

Бек (монг. - «повелевающий») - титул феодальной знати.

Берейтор - обучающий верховой езде и выезжающий верховых лошадей.

Векиль (арабск. - «поверенный»). Так в Персии именовали лиц, которым были доверены в управление племена, территории, уделы и т. п.

Великий князь (княжна, княгиня) — сын (дочь), внуки, правнук и праправнук царствующего или умершего Императора. С 1885 г. - только сын (дочь), а в прямом мужском потомстве - внук (внучка) Императора. Носил титул «Ваше Императорское Высочество».

Верста - старинная русская мера длины, равная 1,06 км.

Виадук (от лат. «Via» - «дорога», «путь», и «сндсо» - «веду») — мостовое сооружение при пересечении дороги с оврагами, ущельями, болотистыми долинами рек и т.п.

Вилайет (араб. - «управлять») - административно-территориальная единица в Османской Империи. Деление на В. было введено в 1866 г. Во главе В. стоял вали.

Гласис — пространство перед крепостным рвом, в поле, на расстоянии пушечного выстрела.

Дервиш (перс. — «нищий»). Член одного из орденов исламских мистиков-суфиев, род нищенствующего монаха.

Десятина — поземельная мера на Руси, равная 2400 — 2500 кв. саженям или 1,09 га. Отменена в 1927 г.

Дефиле — теснина, горный проход.

Дистанции «гатарские» Грузии - Борчалинский, Казахский, Памбакский, Шамшадильский и Шурагельский районы, населенные азербайджанцами. Д. присоединены к Картли-Кахетинскому царству при царе Ираклии II.

Джеванширы — тюркское племя, жившее в Закавказье, главным образом в Карабахе. В 1747 г. глава Д. Панах Бек провозгласил себя ханом Карабахским.

Знак отличия Военного ордена — Георгиевская награда для нижних чинов. Давалась за храбрость в бою. Причем могли награждаться как отдельные личности, так и отличившиеся подразделения. В последнем случае командование выдавало определенное количество знаков на часть (например, 5 знаков на эскадрон), и совет из офицеров или общее собрание нижних чинов сами определяли тех, кто достоин награды. З., так же как и орден Св. Георгия, никогда с мундира не снимался. Для «нехристиан» изображение Святого Георгия заменялось изображением двуглавого орла.

Золотая медаль с надписью «За храбрость» — учреждена в 1807 г., в царствование Александра I, для награждения жителей национальных окраин (в основном Кавказа) - «азиатцев» — за военные подвиги. Указом Николая I от 27 марта 1852 г. З. «азиатцев» жаловали только после награждения Знаком отличия Военного ордена. За 1855 г. всего было пожаловано 97 шейных (золотых и серебряных) и 212 нагрудных (золотых и серебряных) медалей. На лицевой стороне был изображен портрет Николая I, по окружности наносилась надпись: «Б. М. НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС». Медали носились на ленте ордена Св. Георгия.

Имам (арабск. — «предстоятель»). Глава мусульманской общины. Шииты считают, что И. может быть лишь потомок Мухаммеда от его дочери Фатимы и зятя Али. Отсюда 12 алидских (шиитских) имамов.

Каджары — тюркское племя, переселенное из Средней Азии в Персию Хулагу, внуком Чингиз Хана (около 200 тыс. семейств). Затем Тамерлан поместил 50 тыс. семейств в Закавказье: в Гянджу, Карабах и Эривань. Каджары, в числе кызылбашских племен, участвовали в возведении к власти в Иране династии Сефевидов, занимали при них высокие посты в государстве. В 1604 г. Шах Аббас I переселил часть гянджинских кад-жаров (род Зияд-оглы) в Хорасан и Астрабад. Астрабадские каджары в конце XVIII в. сумели распространить свою власть по всей территории Персии, Ага Магомед Шах основал новую династию.

Кала (тюркск. — «укрепление»).

Карапахи — воинственное кочевое племя, населявшее территорию Малой Азии.

Кюот (от греч. «kibotos» — «ящик») — застекленный ящик или шкафчик для икон (божница).

Князь Императорской Крови — с 1797 по 1885 г. — сын праправнука Императора по мужской линии, после 1886 г. — сын внука Императора. Носил титул «Ваше Высочество».

Койсубулины — в XVIII-XIX вв. «союз» сельских общин Дагестана на территории Гергебильского, Гумбетовского и Унцукльского районов.

Курды — народность, расселившаяся в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Общая численность 18 млн. человек (1992). Язык курдский. Конфессионально в основном мусульмане-сунниты, есть приверженцы синкретических культов (езиды и др.).

Лазы - особая группа картвельского племени, населявшая юго-восточное побережье Чёрного моря и бассейна р. Чорох. Сейчас живут преимущественно в Турции (около 50 тыс. человек) и Аджарии. Говорят на лазском (чанском) диалекте занского языка картвельской группы. Исповедуют ислам.

Ландштурм — германское ополчение в I мировую войну, мужчины старше 39 лет.

Люнет — небольшое укрепление напротив крепостных углов или фасов.

Лядунка — зарядница, патронница, патронгаш на поясе.

Маафы (арабск. — «свободный») — военное сословие азербайджанцев, составившее во времена независимых ханств и при персидской власти войско своего правителя. За свою службу М. были освобождены от всех податей. Звание передавалось по наследству. В течение многолетней военной службы те из М., кто ранее занимался земледелием, ремесленным делом или скотоводством, утратили эти навыки мирных занятий и превратились в потомственных военных: прекрасных наездников, стрелков, храбрых воинов.

Мелик (арабск. — «царь», «повелитель») — звание, которым обычно обозначался правитель определенного участка, района. В XVI — XVIII вв. персидское правительство жаловало его большей частью сельским старшинам, причем как армянам, так и азербайджанцам.

Мехмандар - должностное лицо, в обязанности которого входил прием прибывающих чиновников, гостей.

Мирболук (арабск. - «мир» - «повелевающий», тюркск. - «белок» - «знающий участок»). Глава района, участка, ведающий, в числе прочих обязанностей, сбором податей.

Мирза. В Персии окончание «мирза» после имени обозначало «принц», перед именем - «ученый человек».

Муджтахид - титул высшего духовного лица в Персии.

Мулла — общее имя для лиц духовного звания в исламе.

Мульк (араб. — «владение») — вид частной земельной собственности в странах Ближнего и Среднего Востока в средние века. В новейшее время - земельная собственность. Мулькодар — помещик, владелец поместья.

Наиб (арабск. — «наместник»). Правительство Российской Империи так официально именовало начальников районов или областей, назначенных из местных уроженцев.

Намнаузы (перс. — буквально «написанный по имени»). То же, что и маафы (см. маафы).

Наследник Цесаревич — обычно старший сын Императора или брат Царствующего Императора при отсутствии у него сына. Носил титул «Ваше Императорское Высочество».

Нукер (монг. - «вассал», «служитель»). В Азербайджане XVIII-XIX вв. означал: 1) стражник, пограничник; 2) военный слуга, телохранилитель хана или бека; 3) дворцовый человек, челядинец.

Оглы (тюркск. - «сын»).

Огузы - торкоязычные племена в Центральной и Средней Азии в VII-XI вв. В XI в. часть О. заселила Северное Причерноморье; другая, возглавляемая сельджуками, завоевала страны Передней Азии. О. сыграли важную роль в этногенезе туркмен, азербайджанцев, турок, гагаузов, каракалпаков.

Орден военный Святого Великомученика и Победоносца Георгия - главная и самая почетная военная офицерская награда Российской Империи. Введена Екатериной II в 1769 г. Кавалер ее получал права потомственного дворянина. О. носился постоянно. Представления на награждение 3-й и 4-й степени утверждала особая Георгиевская Дума, состоявшая из Георгиевских кавалеров (располагалась в Петербурге). С 1844 по 1913 г. на крестах, жаловавшихся мусульманам, вместо изображения святого помещался Императорский Орел.

Орден персидский Льва и Солнца - был учрежден Фетх-Али Шахом в 1808 г. по образцу французского ордена Почетного легиона. Лев и Солнце — символы Династии Каджаров. О. делился на пять классов. За его основу была выбрана звезда, обычно усыпанная бриллиантами (или стразами). Разница в знаках различных степеней заключалась в числе лучей у этих звезд. Дружба России с Персией имела следствием большое число кавалеров среди русских чиновников и военных, даже купцов. Его обычно получали при поездках в Персию или вояжах персидских чиновников в Россию.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира - исконно русский орден, учрежден Екатериной II в 1782 г. Занял в иерархии российских наград следующее место после орденов Св. Георгия и Александра Невского. Был очень популярен в военной среде - его знаки носились постоянно. Кавалер приобретал права потомственного дворянина (в 1900 г. из этого правила исключили кавалеров 4-й степени). Представления к награждению рассматривала особая Дума.

Орден Святого Станислава — низший в иерархии российских орденов. Польского происхождения, он включен в наградную систему России в 1815 г., с присоединением царства к метрополии. До 1855 г. его кавалер приобретал права потомственного дворянина, после - только личного. Мечи к этому ордену, как и к орденам Св. Анны и Св. Владимира, давались за отличия на поле брани. О. стал самой распространенной наградой Российской Империи, так как жаловался и в мирное время за отличия по службе, за выслугу лет.

Орден Святой Анны — изначально германский орден, включенный в российскую наградную систему в 1797 г. при Павле I. Занял место в иерархии российских орденов после ордена Св. Владимира. Кавалеры О. приобретали права личных дворян Российской Империи. **4-я степень с надписью «За храбрость»**, так называемая «клюква» (орден имел характерные цвета), крепился на эфесе холодного оружия. Он давался только участникам боевых действий, отличившимся в военное время. «Клюква» была весьма почетна в войсках отчасти еще и потому, что носилась, в отличие от большинства орденов, постоянно.

Пакгауз (нем. «раскпаи\$») - помещение закрытого типа для кратковременного хранения грузов на железнодорожных станциях, пристанях и др.

Параллель — траншея с земляным бруствером, огибающая крепость. В ее расширениях устраивались батареи. С флангов П. защищались редутами (4-угольными укреплениями). Задние и передние П. соединяли ходами сообщения.

Паша — титул вельмож, министров, губернаторов, лиц высшего командного состава (генералов) и вообще главных должностных лиц в Османской Империи.

Пашалык - область, управляемая пашой, губернаторство.

Перевязь — широкий ремень либо полоса ткани через плечо.

Португез — перевязь, бандалер, ремень, тесьма через плечо или поперечная, пояс с застежкой для шпаги, сабли, шашки.

Пуд — мера веса, равная 16,38 кг.

Редут — сомкнутое полевое фортификационное сооружение в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника, подготовленное к самостоятельной обороне. Редуты являлись опорными пунктами в системе укрепленных позиций. Широко применялись в XVI-XX вв.

Ризница - оклад на иконах, накладная одежда на образах, покрывающая всю доску, кроме тела. Кроме того, ризохранилище — место хранения вообще всей церковной утвари и драгоценности. Малая ризница обычно за иконостасом, а иногда есть еще большая, при соборах, монастырях.

Сажень - старорусская мера длины, равная 2,13 м.

Санджак — административно-территориальная единица в Османской Империи, составная часть вилайета.

Сарбазы - регулярная персидская пехота.

Святая Рипсимия (Рипсимэ) — святая, по легенде принявшая страшные мучения за христианскую веру от армянского царя Тиридата.

Сергенк — чин в персидской армии, равный российскому чину полковника.

Сердар (перс. — «возглавляющий», «обладающий властью») — командующий войсками.

Султан (арабск. — «монарх», «государь»). В первоначальном значении к XIX в. сохранилось только в Османской Империи. В Персии и Азербайджане в XVI - XIX вв. приобрело иное значение — этот титул жаловался Шахами потомственным и важным по занимаемым должностям бекам (добавлялось как окончание к имени). Фактически он означал древность рода, большую власть и владение каким-либо уделом. В общественной иерархии Закавказья С. стояли на следующей ступеньке после ханов. Кроме того, звание С.

употреблялось в армии (в т. ч. в конно-иррегулярных частях Российской Императорской Армии) для обозначения сотенных командиров.

Тавад (груз.) — титул высших феодалов в Грузии. В иерархии стояли после царей.

Тезоименитство - праздник соименного святого, именины.

Темляк — тесьма с кистью на шпаге, сабле.

Тиул (тюркск.) — пожалование чего-либо в пользование, например, когда казенное имение временно отдавалось в аренду частному лицу за какие-либо заслуги. Т. были распространены в Персии, сохранились и после присоединения ханств к Российской Империи.

Тихая сапа — траншея под стены крепости, предназначенная для подрыва участка стены. Велась по возможности незаметно, под прикрытием цилиндрической корзины, наполненной хворостом.

Фанза (кит. «фан-цзы») - китайское каркасное саманное или каменное жилище.

Фарраш (перс.) — дословно «быстрый исполнители гнева».

Фас укрепления - бок, сторона периметра цитадели, прямые обводы, защищенные выступами.

Фема - административный округ (провинция) в Византийской Империи.

Фирман (тюркско-перс.) — повеление шаха или хана, указ.

Фунт - старорусская мера веса, равная 410 г. Калибр орудий оценивали по весу снаряда (ядра).

Хазары - тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия (IV в.) и кочевавший в Западно-Прикаспийской степи. Образовали государство Хазарский каганат (VI 1-X вв.), простиравшееся от Крыма до среднего течения Волги, а на западе до реки Днепр, со столицей Семендер (на территории современного Дагестана), с начала VIII века — г. Итиль (в дельте Волги).

Хаким (арабск. «мудрей») - правитель области в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока.

Халвар (перс. - «харвар» - «ноша осла») - мера веса или пространство земли, на котором можно засеять один харвар пшеницы.

Хан (тюркско-монг. - «государь»). В Азербайджане \^Ш-XIX вв. этот титул носили:

1) удельные князья, владельцы самостоятельных или полусамостоятельных ханств; титулярные Х., не владевшие уделами; в последнем случае исключительно почетный титул не переходил по наследству. В Российской Империи Х. были причислены к потомственным дворянам, титуловались «Ваше Высочество», в отдельных случаях — «Ваша Светлость».

Ханум (тюркск. - дословно «жена хана»). Сейчас в некоторых мусульманских странах употребляется как почетное обращение к женщине, госпожа.

Червардар — перевозчик грузов. Ч. использовал гужевой транспорт: ослов, лошадей, верблюдов.

Шанец (нем.) — военный окоп, редут, небольшое укрепление.

Шах — в Иране и Азербайджане XVI-XIX вв. словом Ш. именовали монарха Ирана.

Шейх-уль-ислам — в Азербайджане после присоединения края к Российской Империи - глава мусульманского духовенства (у шиитов).

Ширваншах - титул владетеля Ширвана (северо-восточный Азербайджан) до присоединения последнего к государству Сефевидов (1538 г.). Известны четыре династии Ш. в IX - XVI вв.

Юзбаш (тюркск. - дословно «сотник»). Употреблялся в двух значениях: 1) военный чин — сотник; 2) старшина селения, рода.

ИСТОЧНИКИ

Пролог. Происхождение Ханов Нахичеванских

- ¹Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 8-10.
- ²Шопен И.И. Некоторые замечания на книгу «Обозрение российских атадений за Кавказом». СПб., 1840. С. 123.
- ³Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи. СПб., 1852. С. 537-538.
- ⁴Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2002. С. 231-233.
- ⁵Литаврин Г. Г. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1982. Гл. 37.
- ⁶Рашид-эд-Дин Фазл-Аллах. Огуз-наме (пер. Р. М. Шукроровой). Баку, 1987. С. 29-30.
- ⁷Абуль-Гази-Багадур Хан. Родословное древо тюрков (пер. Г.С. Саблукова). Казань, 1906. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 34.
- ⁹Там же. С. 101-104.
- ¹⁰Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX в. Л., 1949. С. 13.
- ¹¹Там же. С. 103, 117, 132.
- ¹²Печеви Ибрахим Эфенди. История. Баку, 1988. С. 37-38.
- ¹³Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 81, 132.
- ¹⁴Там же. С. 296-298.
- ¹⁵Передняя Азия в документах. Кн. 1: Нахичеванские рукописные документы. XVII-XIX вв. (пер. и комм. К.Н. Смирнова и Дж. Гаибова., под ред. Ю.Н. Марра). Тифлис, 1936. С. 45-52.
- ¹⁶Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 45-52.
- ¹⁷Алиев М.М. Нахичеванское ханство и его присоединение к России (автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук). Баку, 1986. С. 16.
- ¹⁸Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. С 1722 по 1803 г. СПб., 1869. 4.2. С. 139-141.
- ¹⁹Там же. С. 176-177.

Глава 1. Слепой хан. Переписка с графом Zubovым и ее последствия. В Эривани

- ¹Алиев М.М. Нахичеванское ханство и его присоединение к России. Баку, 1986. С. 17-18.
- ²Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 23.
- ³Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. С 1722 по 1803 г. СПб., 1869. 4.2. С. 318-319.

⁴Записка статского советника Коваленского о Грузии // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) (под ред. Ад. Берже). Тифлис, 1866. Т. I. С. 117-119.

⁵Письмо генерал-майора Лазарева Келб-Али Хану, от 22 марта 1801 г. № 183 // Там же. С. 624.

⁶Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту Кноррингу, от 6 октября 1800 г. № 29 // Там же. С. 158-159.

⁷Там же. С. 218-219, 598, 604-605.

⁸Письмо из Эривани от неизвестного лица к «дивану Бегтабекову и Грузину Иосифу» // Там же. С. 694.

⁹АКАК. Тифлис, 1866. Т. I. С. 625-627.

¹⁰Там же. С. 288, 380, 393, 404.

¹¹Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 359.

Глава 2. Между «молотом» и «наковальной». Первая русско-персидская война

¹Письмо князя Цицианова к Нахичеванскому Келб-Али Хану, от 6 февраля 1803 г. № 7 // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 633.

²Письмо князя Тамаза Орбелиани к генерал-майору Лазареву, от 11 января 1803 г. / Там же. С. 608.

³Письмо Келб-Али Хана к архиерею Оганесу (перевод) // Там же. С. 634.

⁴Передняя Азия в документах. Кн. 1: Нахичеванские рукописные документы. XVII-XIX вв. Тифлис, 1936. С. 22-27.

⁵Рапорт майора Монтрезора князю Цицианову, от 3 апреля 1804 г. - Караклис // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 806.

⁶Донесение армянина Агало Джагатова полковнику Карягину, от 18 апреля 1804 г. Эривань // Там же. С. 611-612.

⁷Письмо князя Цицианова Келб-Али Хану, от 5 мая 1804 г. № 210 // Там же. С. 634.

⁸Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 21-22.

⁹Отношение князя Цицианова к Джафар-Кули Хану, от 3 февраля 1805 г. № 59 // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 860.

¹⁰Всеподаннейший рапорт князя Цицианова, от 30 декабря 1804 г. № 28 // Там же. С. 621-624.

¹¹АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 636.

¹²Письмо князя Цицианова к Аббас-Кули Хану Нахичеванскому, от 14 августа 1805 г. № 554 // Там же. С. 635-636.

¹³Донесение Аббас-Кули Хана Нахичеванского князю Цицианову (перевод) // Там же. С. 635.

¹⁴Донесение юзбаши Габриэла Эриванского князю Цицианову, от 15 августа 1805 г. - Караклис // Там же. С. 626-627.

¹⁵Предписание князя Цицианова армянскому мелику Абраму и юзбаши Габриэлу, от 26 августа 1805 г. № 578 // Там же. С. 627 - 628.

- ¹⁶Письмо эриванских армян к мелику Абраму и юзбашу Габриэлу, от 21 августа 1805 г. // Там же. С. 627.
- ¹⁷Отношение князя Цицианова к князю Чарторыйскому, от 29 августа 1805 г. № 587 // Там же. С. 848.
- ¹⁸Донесение генерал-майора Несветаева князю Цицианову, от 7 сентября 1805 г. - Караклис // Там же. С. 628-629.
- ¹⁹Смирнов К.Н. Указ. соч. С. 24.
- ²⁰Рапорт генерал-майора Несветаева князю Цицианову, от 30 ноября 1805 г. № 1079 - Караклис // АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 630-631.
- ²¹Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 28-34.
- ²²Письмо Макинского хана к Джафар-Кули Хану хойскому, 1806 г. // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 429.
- ²³Алиев М.М. Нахичеванское ханство и его присоединение к России. Баку, 1986. С. 23.
- ²⁴Рапорт подполковника Котляревского гр. Гудовичу, от 2 февраля 1807 г. № 19 — Шуша // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 266.
- ²⁵Рапорт подполковника Котляревского графу Гудовичу, от 13 февраля 1807 г. № 27- Шуша // Там же. С. 266.
- ²⁶Рапорт генерал-майора Несветаева графу Гудовичу, от 12 февраля 1807 г. № 287 - Караклис // Там же. С. 594.
- ²⁷Рапорт генерал-майора Несветаева графу Гудовичу, от 6 марта 1807 г. № 449 — Караклис // Там же. С. 599-600.
- ²⁸Рапорт генерал-майора Несветаева графу Гудовичу, от 3 декабря 1807 г. № 619 — Караклис // Там же. С. 619.
- ²⁹Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 35-40.
- ³⁰Рапорт генерал-майора Несветаева графу Гудовичу, от 17 апреля 1808 г. № 806 — Караклис // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 464-465.
- ³¹Отношение графа Гудовича к графу Салтыкову, от 19 февраля 1809 г. № 23 // Там же. С. 267-268.
- ³²Рапорт генерал-майора Несветаева графу Гудовичу, от 8 июня 1808 г. № 1098 — Караклис // Там же. С. 620.
- ³³Письмо Джафар-Кули Хана Шекинского к графу Гудовичу, от 26 реджеба // Там же. С. 505-506.
- ³⁴Дубровин Н.Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1887. Т. V. С. 216.
- ³⁵Обещание графа Гудовича почтенным Нахичеванской области старшинам, духovenству и всему народу, от 6 ноября 1808 г. № 484 // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 267.
- ³⁶Предписание графа Гудовича генерал-майору Небольсину, от 23 ноября 1808 г. № 169//Там же. С. 250-251.
- ³⁷Письмо графа Гудовича Шейх-Али Беку Нахичеванскому, от 27 ноября 1808 г. №500//Там же. С. 267.
- ³⁸Рапорт генерал-майора Небольсина генералу Торماسову, от 19 мая 1809 г. № 156 / /АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 548.
- ³⁹Соколов А. Е. Дневные записки о путешествии российско-императорского по сольства в Персии в 1816 и 1817 гг. М., 1910. С. 14-15.

⁴⁰Муравьев Н.Н. Записки//Русский архив. М., 1889. Кн. 3. Вып. П. С. 314.

⁴¹Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 73-77.

⁴²Выписка из Камерального описания Армянской области. Отд. И: Провинция Нахичеванская. Ч. 3: Махал Нахичеванский, 1831 г. Сост. губернским секретарем Золотницким // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39 / Приложение к кн. Смирнов КН. Указ. соч. С. 100-122.

⁴³Отношение генерала Торماسова к графу Румянцеву, от 11 июня 1810 г. № 91 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 943.

⁴⁴Рапорт генерал-майора Небольсина генералу Тормасову, от 27 июня 1810 г. № 140- Лагерь при урочище Чардахлы // Там же. С. 557-558.

⁴⁵Рапорт полковника Асеева генералу Тормасову, от 13 июня 1810 г. № 150 // Там же. С. 716-717.

⁴⁶Рапорт генерал-майора Небольсина генералу Тормасову, от 29 июня 1810 г. № 150- Лагерь при урочище Чардахлы // Там же. С. 720-721.

⁴⁷Рапорт генерал-майора Небольсина генералу Тормасову, от 8 июля 1810 г. № 162- Лагерь при урочище Ходжалу // Там же. С. 558-559.

⁴⁸Рапорт генерал-майора Небольсина от 11 сентября 1810 г. № 300 - Лагерь при канале Даллар // Там же. С. 738-739.

⁴⁹Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 41-44, 109-112, 116-119.

⁵⁰Приказ Аббаса Мирзы на имя нач&чника Нахичеванской провинции и Азербайджанского магала Келб-Али Хана, от 1234 г. месяца Джамадиял Ахира (1818 год) (перевод Мирза Фетх-Али Ахундова) // Центральный Государственный архив Нахичеванской автономной республики (ЦГАНАР). Ф. 314. Оп. 5. Д. 3. Л. 2-8.

⁵¹Российский Государственный Исторический архив. С.-Петербург (РГИА). Ф. 396. Оп. 1. Д. 979 («По всеподданнейшему прошению Штабе-Ротмистра Лейб Гвардии Конного полка Гусейн-Хана Нахичеванского о возврате просителю и братьям имений в Эриванской губернии, конфискованных у предка их Керима Хана», 1897 г.). Л. 11, 12, 14.

⁵²Донесение генерала Ртищева князю Горчакову 1-му, от 22 ноября 1812 г. № 89 // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 694-695.

Глава 3. Переход семьи на российскую службу

¹Письмо Эриванского сердара к генералу Ртищеву, от июля 1815 г. //АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 379.

²Письмо генерала Ртищева к Аббасу Мирзе, от 6 августа 1915 г. № 121 // Там же. С. 763.

³Письмо генерала Ртищева к Аббасу Мирзе, от 2 сентября 1915 г. № 858 // Там же. С. 769-770.

⁴Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991.

⁵Соколов А. Е. Дневные записки о путешествии российско-императорского по сольства в Персии в 1816 и 1817 гг. М., 1910. С. 14-15.

⁶Журнал посольства в Персии А. П. Ермолова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, при Московском Университете. Повременное издание 1863 г. Апрель-июнь. М., 1863. Кн. 2. С. 121.

⁷Муравьев Н. Н. Записки: Путешествие в Персию, в посольстве А. П. Ермолова // Русский архив. М., 1886. Кн. 1. Вып. 4. С. 482-483.

- ⁸Рапорт А. С. Грибоедова И. П. Мазаровичу, 11-13 сентября 1819 г. — Казанчи-Пернаут // В кн. А.С. Грибоедов. Сочинения. М., 1971. Т. 2. С. 194-199.
- ⁹Алиев Ф., Алиев М. Нахичеванское ханство (на азерб. яз.). Баку, 1996.
- ¹⁰С-в Э. Хасан-хан // Газета «Новое Обозрение». № 3143. 1893 г.
- ¹¹Передняя Азия в документах. Кн. 1: Нахичеванские рукописные документы. XVII-XIX вв. Тифлис, 1936. С. 18-21.
- ¹²Шопен И.И. Некоторые замечания на книгу «Обозрение российских владений за Кавказом». СПб., 1840. С. 127.
- ¹³Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 25-26.
- ¹⁴Рапорт полковника князя Абхазова генерал-адъютанту Сипягину, от 8 июня 1827 г. № 1231 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 545.
- ¹⁵Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. М., 1889. Кн. 3. Вып. 11. С. 302-304.
- ¹⁶Там же. С. 312-314.
- ¹⁷Всеподданнейший рапорт графа Паскевича, от 19 мая 1831 г. № 1030 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 502.
- ¹⁸Всеподданнейший рапорт графа Паскевича, от 7 июля 1827 г. — Аббас-Абад // Там же. С. 551.
- ¹⁹Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.3: Персидская война 1826-1828 гг. СПб., 1886. Вып.1. С. 422-431.
- ²⁰Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. М., 1891. Кн. 3. Вып. 9. С. 9.
- ²¹Там же. С. 13-16.
- ²²Там же. С. 24-33.
- ²³Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. М., 1891. Кн. 3. Вып. 10. С. 218.
- ²⁴Там же. С. 211.
- Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. М., 1891. Кн. 3. Вып. 9. С. 67-68. Под стягом России (сборник архивных документов). М., 1992.

Глава 4. Эхсан Хан - наиб Нахичевани. Против турок и горцев. Кенгерлинцы

- ¹Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи. СПб., 1852. С. 77.
- ²Письмо А. С. Грибоедова графу И. Ф. Паскевичу, от 1 октября 1828 г. — Переписка на Араксе против Джульфы // В кн. А. С. Грибоедов. Сочинения. М., 1988. С. 611-614.
- ³Рапорт штабс-капитана князя Кудашева графу Паскевичу, от 26 сентября 1828 г. № 8 - Нахичевань // АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 646.
- ⁴Рапорт штабс-капитана князя Кудашева графу Паскевичу, от 5 октября 1828 г. № 10 - Нахичевань // Там же. С. 649.
- ⁵Донесение надворного советника Амбургера графу Паскевичу, от 4 мая 1829 г. № 94 - Нахичевань // Там же. С. 697.
- ⁶Всеподданнейший рапорт графа Паскевича, от 19 июня 1829 г. — Лагерь при речке Инджа-су // Там же. С. 790.
- ⁷Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.4: Турецкая война. Тифлис, 1888. Вып. 3, 4. С. 202.

⁸Там же. С. 216.

⁹Пушкин А. С. Собрание сочинений в шести томах. Путешествие в Арзерум во время похода 1829 г. М. 1969. Т.5.

¹⁰Всеподаннейший рапорт графа Паскевича, от 23 июня 1829 г. //АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 795.

Потто. Указ. соч. С. 241-245.

¹²Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 г. // Военный журнал. М., 1856. С. 92.

¹³Потто. Указ. соч. С. 422-425.

¹⁴Всеподаннейший рапорт графа Паскевича, от 23 сентября 1829 г. — Эрзерум // АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 824.

¹⁵Зубов Пл. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1834. Ч. 1. С. 156-157.

¹⁶Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. М., 1894. Кн. 1. Вып. 3. С. 380.

¹⁷Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф. 24. Оп. 1. Д. 353 («Камеральное описание г. Нахичевани 1831 г.»), 357 л. № семейства 985.

¹⁸Там же. № семейства 702.

¹⁹Высочайший указ, от 6 декабря 1830 г. // Газета «Московские ведомости». № 3. 1831 г.

²⁰Мамедли Э. Земля и преданность: Ханы Нахичеванские в Русской Императорской Армии // Газета «Азеррос». № 4 (44). 2004 г.

²¹ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353. № семейства 677, 984.

²²Ореус И. Описание Венгерской войны 1849 г. СПб., 1880. С. 262-269, 447-451.

²³РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133 («По донесению начальника 6 округа Корпуса жандармов генерал майора Ска-юна о состоянии Эриванского и Нахичеванского уездов. Тут же и о генерал майоре Эхсан Хане», 1841-1845), 317 л. Л. 45-45об.

²⁴Бестужев-Марлинский А. А. Письма из Дагестана. М., 1981. Т. 2. С. 149, 156.

²⁵Шопен И. И. Указ. соч. С. 478.

²⁶Записка Нефедьева о Нахичеванской провинции, 22 ноября 1837 г. // В кн. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. М. Л., 1936. 4.1. С. 335.

²⁷Письмо генерал-лейтенанта Панкратьева к полковнику Эхсан Хану, от 11 июня 1831 г. № 3536 // АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 503.

²⁸Корганов Ф. Поездка в Армянскую область в 1831 г. // Газета «Кавказ». № 75. 1851 г.

²⁹Рапорт генерал-майора князя Бебутова барону Розену, от 5 июня 1837 г. № 4004 / АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 518.

³⁰Отношение барона Розена к графу Чернышеву, от 13 июля 1837 г. № 37 - Секретно // Там же. С. 523.

³¹Записки А.Х. Бенкендорфа // Исторический вестник. № 1,2. 1903 г.

³²Нефедьев Н. Взгляд на Армянскую область (из путевых записок). СПб., 1839. С. 45,56-57.

³³РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 948. Л. 74об.-75.

³⁴РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 43-44.

³⁵Нефедьев Н. Указ. соч. С. 44-45, 60-61.

³⁶Рапорт главноуправляющего Кавказом Е. А. Головина военному министру графу А.И. Чернышеву, 16 января 1839 г.//В кн. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. М. Л., 1936. Ч. I. С. 83-91.

³⁷Рапорт за № 234 главноуправляющего Кавказом Е. А. Головина военному министру графу А. И. Чернышеву, 28 апреля 1839 г.//Там же. С. 153-155.

³⁸Справка из Протокола № 131 заседания Комитета об устройстве Закавказского края, 10 мая 1840 г. //Там же. С. 93.

³⁹Список генералам по старшинству. По 1 февраля 1846 г. СПб., 1846. С. 278.

⁴⁰Донесение начальника 6 округа корпуса жандармов А. А. Скалона из Тифлиса шефу корпуса жандармов и гл. начальнику III отд. Собств. Его И. В. канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу, 30 декабря 1840 г. - Секретно // В кн. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. М. Л., 1936. Ч. I. С. 376-378.

⁴¹Государственный исторический архив Республики Армения (ТИАРА). Ф. 89 (Фонд Эриванской бекской комиссии). Оп. 1. Д. 22 (Журнал Эриванской бекской комиссии), 542 л. Л. 60.

⁴²Кавказский календарь на 1855. Тифлис, 1854.

⁴³РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 173-174, 231об.-233.

⁴⁴Из отзыва бывшего главноуправляющего Кавказом графа И. Ф. Паскевича-Эриванского из Варшавы, 6 сентября 1841 г. // В кн. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. М. Л., 1936. Ч. I. С. 156-157.

⁴⁵Предписание № 1350 командира отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина Эхсан Хану, 29 ноября 1840 г.//Там же. С. 155-156.

⁴⁶Предписание нахичеванского уездного начальника Сербинова кенгерлиням, 24 января 1841 г. // Там же. С. 159-160.

⁴⁷Докладная записка Эхсан Хана из Петербурга военному министру князю А. И. Чернышеву, от 16 октября 1841 г. // Там же. С. 160.

⁴⁸Всеподданнейший доклад военного министра графа А. И. Чернышева, от 26 сентября 1841 г.//РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 167-168.

⁴⁹Доклад по Департаменту Инспекторскому, от 11 сентября 1841 г. № 474. Записка Канцелярии Военного Министерства, от сентября 1841 г. //Там же. Л. 164-165об.

⁵⁰Всеподданнейший доклад военного министра графа А. И. Чернышева, от 26 сентября 1841 г.//Там же. Л. 171-171 об.

⁵¹Докладная записка Военно-походного начальника Кенгерлинских всадников генерал-майора Эхсан Хана, 30 октября 1841 г. - С.-Петербург // Там же. Л. 251-252.

⁵²Письмо военного министра графа А. И. Чернышева главноуправляющему Кавказом генералу Е. А. Головину, от 5 ноября 1841 г.//Там же. Л. 229-230.

⁵³Рапорт главноуправляющего Кавказом генерала Е. А. Головина военному министру графу А. И. Чернышеву, от 17 октября 1841 г. //Там же. Л. 231-234об.

⁵⁴РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 48об.

⁵⁵Копия с отношения г. военного министра командиру отдельного Кавказского корпуса, от 22 января 1843 г., за № 705 // Там же. Л. 302-302об.

⁵⁶Приказ военного министра № 46. - С.-Петербург, 26 февраля 1846 г.//Там же. Л. 317.

⁵⁷Выписка из журнала Кавказского комитета, от 31 октября 1850 г. № 1801 //АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 51.

Глава 5. Подростающее поколение кенгерлинцев. Воспитание в новом духе. Чингильский бой

¹Постановление Государственного Совета о преобразовании системы управления в Закавказье, с изложением проекта, дополнения к нему и замечаний главноуправляющего Кавказом графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, сенаторов графа П. И. Кутайсова и Е. И. Мечникова и др. лиц, а также об организации Комитета об устройстве Закавказского края // В кн: Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. М. Л., 1936. Ч. I. С. 283-284.

²РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 946. Л. 62об.-63.

³РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 13360. Л. 59-62 (Послужной список № 82-318/10).

⁴Послужной список состоящего при войсках Кавказского военного округа сверх штата, числящегося по армейской кавалерии генерал-лейтенанта Исмаил Хана (он же Эхсан Хан оглы), от 1908 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793. Док. № 3.

⁵Краткий Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1911. С. 130-131.

⁶Милорадович. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества Корпуса. Киев, 1876. С. 53-62, 88.

⁷Газета «Закавказский вестник». № 7. 1845 г.

⁸Кавказский календарь на 1853 год. Тифлис, 1852.

⁹Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 55.

¹⁰Там же. С. 58.

¹¹РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 950. Л. 461об.-462.

¹²РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 943. Л. 34об.-35, 104об-105.

¹³Приказ Военного Министра по иррегулярным войскам. № 8 от 31 марта 1849 г.

¹⁴Краткая записка о службе состоявшего в распоряжении Его Императорского Высочества главнокомандующего Кавказской армией генерал-майора Келб-Али Хана Эхсан Хан оглы, 1882 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4-5, 11, 138-138об.

¹⁵Богданович М. И. Восточная война 1853-1856 гг. СПб., 1876.

¹⁶Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. С. 8.

¹⁷Газета «Кавказ». № 33. 1854 г.

¹⁸Лихутин М. Указ. соч. С. 36-63.

¹⁹Газета «Кавказ». № 70. 1854 г. ²⁰Лихутин М. Указ. соч. С. 70-71.

²¹РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979.

²²Рапорт генерал-лейтенанта Врангеля князю Бебутову, от 30 июля 1854 г. № 1223 / /АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 811.

²³Лихутин М. Указ. соч. С. 86-87.

²⁴Там же. С. 90-91.

²⁵Там же. С. 92.

²⁶Там же. С. 96-99.

²⁷Там же. С. 110-111.

²⁸Там же. С. 99-103.

²⁹Газета «Кавказ». № 57. 1854 г.

³⁰Высочайший указ, от 22 сентября 1856 г. // Газета «Санкт-Петербургские сенатские ведомости». № 12. 1857 г.

³¹Высочайший именной указ, данный Капитулу Российских Императорских и Царских орденов, от 15 апреля 1855 г. // Газета «Кавказ». № 72. 1855 г.

³²Список главным депутатам, посланным от Кавказского и Закавказского края для «присутствования» при обряде священного коронования Их Императорских Величеств в Москве. С указанием наград, которых они были удостоены // АКАК, Тифлис, 1888. Т. XI. С. 701.

³³Газета «Кавказ». № 66. 1855 г.

³⁴Журнал Особого о земских повинностях Присутствия, от 29 марта 1856 г. // АКАК, Тифлис, 1888. Т. XI. С. 671.

³⁵Приказ главнокомандующего на Кавказе генерал-адъютанта Муравьева от 7 мая 1856 г. // Газета «Кавказ». № 40. 1856 г.

³⁶Приказ главнокомандующего на Кавказе генерал-адъютанта Муравьева от 6 июля 1856 г. // Газета «Кавказ». № 55. 1856 г.

³⁷РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 948. Л. 197об.-198.

³⁸Газета «Кавказ». № 41. 1856 г.

³⁹РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2809 («О прошении жителя Нахичевани, Эриванской губернии Наги-бек Наджаф-Кули-бека-Оглы Кенгерлинского о бекском достоинстве. 1881-1883 гг.»). Л. 1 - 10об.

⁴⁰РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 947. Л. 74об-75.

Глава 6. Двадцать лет без войны. Бекские комиссии

¹РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4-5, 11, 138-138об.

²Послужной список генерал-лейтенанта Исмаил Хана, от 1908 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793.

³Послужной список состоящего при войсках Кавказского военного округа сверхштата, числящегося по армейской кавалерии генерал-лейтенанта Исмаил Хана (он же Эхсан Хан оглы), от 1895 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 80-978/5.

⁴Сысоев В. М. Древности Нахичеванской ССР. Баку, 1928. С. 97.

⁵Dieulafoy Jane. La Perse, la Chaldée et la Susiane. Paris, 1887. P. 739.

⁶РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731^е («Обиций список по уездам всех лиц, принадлежащих к Ханским фамилиям Закавказского края»). Л. 167об.-172.

⁷РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 4719 («Дело департамента окладных сборов: Об изменении порядка получения тульных доходов в Эриванской губернии»). Л. 32-32об.

⁸Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 31.

⁹Кавказский календарь на [1875-1878]. Тифлис, [1874-1877].

¹⁰Газета «Кавказ». № 36. 1851 г.

¹¹Кавказский календарь на 1866. Тифлис, 1865. С. 81.

¹²Кавказский календарь на [1853-1871]. Тифлис, [1852-1870].

¹³Сысоев В. М. Указ. соч. С. 124.

¹⁴РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 2832 («Дело департамента министерства юстиции Об учреждении двух Комиссий: Тифлисской и Эриванской для приведения в известность лиц

высших сословий в мусульманских частях Тифлисской и Эриванской губерний», 1865-1867 гг.), 98 л.

¹⁵ГИАРА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 22, 542 л.

¹⁶ГИАРА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 9 (Заключение совета), 348 л.

¹⁷Смирнов К. Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁸Гулордава Д. А. Герб рода Ханов Нахичеванских // В сб. Известия Азербайджанского Историко-родословного общества. Баку, 2001. Вып. 2. С. 84-86.

¹⁹Ferrand J. Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. Paris, 1997. Vol. 1, 2.

Глава 7. Баязет

¹Коллобакин Б. Эриванский отряд в кампанию 1877-1878 г. СПб., 1895. Ч. 2. С. 1-3.

²Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. СПб., 1904. Т. 1. С. 36-39, 68-89.

³Послужной список генерал-лейтенанта Исмаил Хана, от 1908 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793.

⁴РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1851. Л. 1-4.

⁵Высочайший приказ, от 7 апреля 1867 г. // Русский инвалид. № 97. 1867 г.

⁶Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Тифлис, 1908. Т. IV. С. 66-69, 154-165, 182-321.

⁷Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Тифлис, 1910. Т. VII. Ч. 1. С. 196-215, 255-265, 589-612.

⁸«Коллобакин Б. Указ. соч. С. 1-65, 104-105, 154-155, 168-179, 240-265.

⁹Сидельников Н. Турецкая кампания 1877-78 гг. М., 1878. Т. 1. С. 122-129, 215-237.

¹⁰Дубельт. Боевая деятельность в войну 1877-1878 гг. 74 пехотного Ставропольского полка. Тифлис, 1895. С. 1-65, 110.

¹¹Голстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896). Тифлис, 1900.

¹²Мартынов А. И. Краткая история 46 драгунского Переяславского императора Александра III полка. СПб., 1899. С. 141-170.

¹³Гейне К. К. Славное Баязетское сидение // Русская старина. СПб., 1885. Т. 1 (С. 157-187), Т. 2 (С. 443-478), Т. 3 (С. 581-611).

¹⁴Алиханов-Аварский М. Оборона Баязета — рассказ генерал-лейтенанта хана Нахичеванского // Газета «Кавказ». № 94. 1895 г.

¹⁵Рапорт коменданта Баязета капитана Штоквича главнокомандующему Кавказской армией. № 116. 4 июля 1877 г. // Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Тифлис, 1908. Т. IV, Приложение № 35.

¹⁶Гейне К. К. Указ. соч. С. 447-450.

¹⁷Там же. С. 453.

¹⁸Там же. С. 460-461.

¹⁹Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Тифлис, 1908. Т. IV, Приложение № 34.

²⁰Гейне К. К. Указ. соч. С. 461-462.

²¹Там же. С. 582-583.

²²Там же. С. 587.

²³Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Тифлис, 1908. Т. IV, Приложение № 34.

²⁴Гейне К. К. Указ. соч. С. 606-607.

²⁵Там же. С. 608-609.

²⁶РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 30356 («О бекском происхождении Кенгерлинского»).

²⁷Газета «Кавказ». № 294. 1890 г.

²⁸Некролог на смерть Исмаил Хана Нахичеванского // Газета «Кавказ», от 3 марта 1909 г.

²⁹РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 79. Л. 5080об.-5081.

³⁰РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4-5, 11, 138-138об.

Глава 8. Сыновья «летучего генерала». В Аджарии, у Эрзерума и на Балканах. Два Ахал-Текинских похода

¹Милорадович. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества Корпуса. Киев, 1876. С. 88.

²Полный послужной список подполковника 15 гренадерского Тифлисского Е. И. В. Великого князя Константина Константиновича полка Хана Нахичеванского, от 10 мая 1887 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 3149. Док. № 5.

³Колубакин Б. Воспоминания офицера Кобулетского отряда в кампанию 1877-1878 гг. СПб., 1897. С. 75.

⁴Там же. С. 94.

⁵Там же. С. 133-136.

⁶Бобровский П. О. История лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1903. Т. 2. С. 335.

⁷Колубакин Б. Указ. соч. С. 188-200.

⁸Послужной список Рагим Хана Нахичеванского, от 23 августа 1883 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36040. Док. № 10.

⁹Послужной список подполковника Максуда Алиханова // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 80-978/10.

¹⁰Мартынов А. И. Краткая история 46 драгунского Переяславского императора Александра III полка. СПб., 1899. С. 141-170.

¹¹Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Тифлис, 1910. Т. VII. Ч. 1. С. 595.

¹²Там же. С. 596-608.

¹³Мартынов А. И. Указ. соч. С. 162-164.

¹⁴Там же. С. 164-165.

¹⁵Там же. С. 166-167, 226.

¹⁶Бобровский П. О. Указ. соч. С. 380.

¹⁷Там же. С. 382.

¹⁸Там же. С. 383-389.

¹⁹Там же. С. 390-392.

²⁰Там же. С. 393-400.

²¹Там же. С. 401-403.

²²Там же. С. 406.

- ²³РГВИА. Ф. 400. Оп. 9, Д. 18651 («О командировании майора Эксан Хана-Нахичеванского в распоряжение генерал-адъютанта Скобелева», 1880-1881 г), 16 л. Л. 4-5, 8-9.
- ²⁴Полный послужной список штабс-ротмистра 43 Драгунского Тверского полка Нахичеванского // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 1131. Док. № 5.
- ²⁵Туган-Мирза-Барановский В. А. Русские в Ахал-Теке 1879 г. СПб., 1881. С. 98.
- ²⁶Там же. С. 116-118. ²⁷ Там же. С. 122-123. ²⁸Там же. С. 126-128, 129-136. ²⁹Там же. С. 162-163.
- ³⁰Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 17.
- ³¹Гродеков Н. И. Война в Туркмении (поход Скобелева в 1880-1881 гг.). СПб., 1883. Т. 3. С. 52.
- ³²РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 18651. Док. № 1.
- ³³Там же. Док. № 3.
- ³⁴Там же. Док. № 5.
- ³⁵Там же. Док. № 6.
- ³⁶Там же. Док. № 11.
- ³⁷Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 209-210.
- ³⁸Маслов А. Завоевание Ахал-Теке (очерки из последней экспедиции Скобелева (1880-1881). СПб., 1882. С. 59.
- ³⁹Богуславский А. История Апшеронского полка (1700-1892). СПб., 1892. Т. II. С. 544.
- ⁴⁰Маслов А. Указ. соч. С. 139.
- ⁴¹Там же. С. 142.
- ⁴²Там же. С. 145-150.
- ⁴³Богуславский А. Указ. соч. С. 546.
- ⁴⁴Медицинское свидетельство № 1983, от 18 февраля 1888 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 3149. Док. №2.
- ⁴⁵Богуславский А. Указ. соч. С. 548.
- ⁴⁶РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 17.
- ⁴⁷Медицинское свидетельство Джафар Хан Нахичеванского // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 1131. Док. №6.
- ⁴⁸РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 18651. Док. № 9.
- ⁴⁹Бобровский П. О. Указ. соч. С. 549-550.
- ⁵⁰Запасно-отпускной билет Рагим Хана Нахичеванского // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36040. Док. № 11.
- ⁵¹Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 99.
- ⁵²Регапо" .1. Be\$ ГатНез рппаегез с1е Гапс1еп Етрне с1е Кизз1е. Рапз, 1997. Уол. 1, 2.
- ⁵³Villari L. Fire and Sword in the Caucasus (пер. С англ. авт) London 1906. P. 279-283.

Глава 9. Гусейн Хан

- ¹Послужной список командира Гвардейского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Хана Нахичеванского, от 1916 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 150-506. Док. № 2.
- ²Козлянинов В. Ф. Юбилейная Памятка Конногвардейца (1730-1930, 1706-1931). Париж, 1931. С. 42-51.
- ³Лихтенбергский Г. Н. История Лейб-Гвардии Конного полка. Париж, 1938. Т. 3. С. 28.
- ⁴Ferrand J. Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. Paris, 1997. Vol. 1, 2.
- ⁵Свод законов Российской Империи. Изд. 1900 г. Т. X, Ч. 1. Ст. 85, 87.
- ⁶Козлянинов В. Ф. Указ. соч. С. 44.
- ⁷Апушкин В. А. Мищенко. Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб., 1908. С. 191-193.
- ⁸Приказ по военному ведомству, от 24 марта 1904 г. // В сб. Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904.
- ⁹Апушкин. Указ. соч. С. 191-193.
- ¹⁰Гершельман Ф. Конница в Японской войне и в былое время. СПб, 1912. С. 46.
- ¹¹Там же. С. 47.
- ¹²Там же. С. 47-48.
- ¹³Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904-1905 гг. Итоги войны. СПб, 2002. С. 747.
- ¹⁴РГВИА. Ф. 400. Оп. 12: Д. 27815 («Об утверждении наград, пожалованных Командующим 3 Манчжурской армии офицерским и классным чином за отличия в делах против японцев»), 1905-1906 гг.). Л. 556-573.
- ¹⁵Потто В. История 17 драгунского Нижегородского Его Императорского Величества полка. Тифлис. Т. XI. С. 211.
- ¹⁶Там же. С. 212.
- ¹⁷Врангель А. П. Генерал Врангель: доверие воспоминаний. Минск, 1999.
- ¹⁸Газета «Биржевые ведомости». СПб, март 1908 г.
- ¹⁹РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 4178 («О постройке церкви в Красном Селе», 1907-1908 гг.).
- ²⁰РГИА. Ф. 593 {«Государственный Дворянский Земельный банк»}. Оп. 26. Д. 1716. Л. 1Б45об.
- ²¹РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 1-31.
- ²²РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 937 {«По ходатайству ханов Нахичеванских об отдаче им в аренду казенной дачи «Карачу» Эриванской губернии», 1912 г.}. Л. 1-3.
- ²³Послужной список корнета Л.-гв. Конного полка Хана Николая Гуссейнова Нахичеванского, 1912 г.// РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 47132.
- ²⁴РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1071.
- ²⁵Поливанов А. В. Спортивный праздник в апреле 1911 г. // В сб. Пажи - рыцари России. М., 2004. С. 323.
- ²⁶РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 2023 (Аттестация офицеров на 1911 г.).

²⁷Галич Ю. Легкая кавалерия. Рига, 1928. С. 56-57.

Глава 10. Великая война

¹Сборник документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914-1917 гг.). Восточно-Прусская операция. М., 1939. С. 95-98.

²Там же. С. 100.

³Там же. С. 98-99.

⁴Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого: 1891-1920. М., 2001. С. 161-167.

⁵Гартман Б. Каушенский бой // В сб. Барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины. Б/м, 1938.

⁶Гершельман А.С. Каушен: воспоминания Лейб-Гвардии Конной Артиллерии, Батареи Его Величества Подпоручика // Военная быль. № 72. Париж, 1965.

⁷Гоштовт Г. Каушен. Париж. 1959.

⁸Де Витт В. Ретцен - Каушен. 5-6 августа 1914 г. // В сб.: Лейб Драгуны дома и на войне. Париж, 1928. Вып. I.

⁹Рогвольд В. Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (август-сентябрь 1914 г.). Л., М, 1926. С. 58-65.

¹⁰Андреев В. Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбинен и Марна. Париж, б/г. С. 17-18.

¹¹Сборник документов Мировой империалистической войны. Указ. соч. С. 212-213.

¹²Там же. С. 217-218.

¹³Рябинин А. И. Конница 1-й армии в Восточной Пруссии в начале войны 1914 г. / Часовой. № 445. 1963 г.

¹⁴Трибов А. 3. Новороссийские Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елены Владимировны Драгуны на службе Царю и Отечеству. 1914-1917 гг. Париж, б/г.

¹⁵Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1928. Вып. I.

¹⁶Сборник документов Мировой империалистической войны. Указ. соч. С. 383-384.

¹⁷Там же. С. 395.

¹⁸Дневники Николая II, 1907-1916 гг. / Сост. А.Анфимов.

¹⁹Рогвольд. Указ. соч. С. 166.

²⁰Списки Кавалеров ордена Св. Георгия 1-й, 2-й и 3-й степеней, награжденных в 1769-1918 гг. С описанием подвигов // В сб. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004. С. 164.

²¹Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 20 февраля 1929 г. // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 39.

²²РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1017 («Список по старшинству в чинах генералов, офицеров и классных чиновников Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, по состоянию на 1 января 1914 г.»). Л. 17об.-19.

²³Высочайший приказ о чинах военных, от 2 мая 1915 г.

²⁴РГВИА. Ф. 3548. Оп. 1. Д. 93 («Список по старшинству в чинах генерал-майорам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам Лейб-гвардии Уланского Е.В. полка от 1 апреля 1916 г. С дополнениями по 1 октября 1916 г.»). Л. 16об.-19.

²⁵РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 846 («Список по старшинству в чинах генералов, офицеров и классных чиновников 17 Нижегородского драгунского полка, по состоянию на 1 января 1914 г.»). Я. 10об.-12.

²⁶Письмо Александры Федоровны Николаю II, от 21 ноября 1914 г. // В сб. Платонов О. Терновый венец России (Николай II в секретной переписке). М., 1996.

²⁷РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2045. Л. 18об., 25об., 65об., 68.

²⁸РГВИА. Ф. 2320. Оп. 1. Д. 241 («Наградные листы офицеров», 19.01.1917-22.01.1918). Л. 117-118.

²⁹ГИААР. Ф. 290. Оп. 6. Д. 3042 («По прошению эриванца Аббас Кули Хана Эриванского о выдаче его сыновьям Ми Хану и Керим Хану Эриванским метрических свидетельств», 1895 г.).

³⁰Полный послужной список корнета Хана Эриванского, 19.01.1910 // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 864.

³¹Трубешкой В. С. Записки кирасира // В сб. Трубешкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 501-505.

³²РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 409 («О выдаче содержания поручику Хану Эриванскому и о назначении ему ежемесячного пособия», 1913-1914). Л. 1-11об.

³³РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 16 («Штаба Кавказской конной Туземной дивизии. Награды офицерам и военным чиновникам», 1914 г.). Док. № 4.

³⁴РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 121 («Штаба Кавказской Туземной дивизии. Награды офицерам и военным чиновникам», 1915 г.). Док. № 2.

³⁵РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 128. Док. № 1.

³⁶РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2254. Л. 19-20.

³⁷Там же. Л. 61-65.

³⁸РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8 («Татарского конного полка. С перепиской, касающейся формирования полка»). Док. № 2.

³⁹РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36040 («Об определении на службу отставного Корнета, Рагим-Кел-Бали-Хан Нахичеванского», 1915 г.). Док. № 2-8.

⁴⁰РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 137. Л. 521.

⁴¹Послужной список прапорщика запасной сотни Татарского конного полка Хана Нахичеванского Джамшида Джафаровича, апрель 1915 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35866. Док. № 1.

⁴²РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 126. Док. № 6, 8, 10.

⁴³РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 128. Док. № 2.

⁴⁴РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 133. Док. № 4, 10, 14.

⁴⁵Исмаилов Э. Э. Георгиевские кавалеры — азербайджанцы. М., 2005. С. 61-62.

⁴⁶РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2254. Л. 46-60.

⁴⁷фон-Валь Э. Г. Кавалерийские обходы генерала Каледина (1914-1915 гг.). Таллинн, 1933. С. 38-52.

⁴⁸Там же. С. 53-54.

⁴⁹фон-Валь Э. Г. Действия 12 кавалерийской дивизии в период командования ею Свиты Его Величества генерал-майора Маннергейма. Таллинн, 1936. С. 7-11.

⁵⁰Гордеев А. А. История казаков. Великая война 1914-1918 гг. М., 1993. С. 71.

⁵¹Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. № 8, 9. 2003 г.

⁵²Гоштовт Г. Кирасиры Его Величества в Великую войну (1916-1917). Б. м., Б. г.

⁵³Ходнев Д. Л.-Гв. Финляндский полк в Великой и Гражданской войне (1914-1920). Белград, 1932.

Глава 11. Крушение Империи

¹Оприц И. Н. Лейб-Гвардии Казачий Е. В. Полк в годы революции и гражданской войны (1917 - 1920). Париж, 1939.

²Гоштовт Г. Кирасиры Его Величества в Великую войну (1916-1917). Б. м., Б.г.

³Старилов Н. Хроника революции. М., 1991.

⁴Платонов О. Терновый венец России (Николай II в секретной переписке). М., 1996.

⁵Звегинцов В. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну (1917 г.) // В сб. Кавалеристы. М., 2001. Вып.2.

⁶Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 458.

⁷Лихтенбергский Г. Н. История Лейб-Гвардии Конного полка. Париж, 1938. Т. 3.

⁸Газета «Трибуна». № 128 (10034). 2005 г.

⁹Сведения о службе командира Гвардейского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Хана Гусейна Нахичеванского в составе Особой армии, 1917 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 150-506. Док. № 1.

¹⁰Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г.

Газета «Российские вести». № 15 (1675). 2003 г.

¹²Новиков С. Конец родного полка // В сб. Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 15.

¹³Арсеньев А. Воспоминания о службе в Кабардинском конном полку // В сб. Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе. М., 2002. С. 306.

¹⁴Половцов П. А. Дни затмения. М, 1999. С. 197.

¹⁵Кузнецов Б. 1918 год в Дагестане // В сб. Сопротивление большевизму (1917-1918 гг.). М., 2001. С. 520.

Глава 12. Судьба семьи

¹Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце (их хроники на шей семьи). Нью-Йорк, 1955. С. 367.

²Ferrand J. Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. Paris, 1997. Vol. 1, 2.

³Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии (опыт мартиролога). М., 2004. С. 370.

⁴Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920-й г. Баку, 1920.

⁵ЦГАОР Азербайджанской ССР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 42. Л. 3-4.

⁶Азербайджанская демократическая республика (1918-1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998. С. 401.

⁷Из приказа С. С. Мехмандарова о производстве аскеров и милиционеров, отличившихся при освобождении Нахичеванского и Шарурского уездов, в прапорщики. № 155 от 29 марта 1919 г. (г. Гянджа) // Государственный архив Азербайджанской республики (ГААР). Ф. 2894. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

⁸Сообщение информационного бюро партии «Мусават» // Газета «Азербайджан». № 183. 30 августа 1919 г.

- ⁹Сообщение информационного бюро партии «Мусават» // Газета «Азербайджан». № 190. 7 сентября 1919 г.
- ¹⁰Справка Архива Министерства Национальной Безопасности Азербайджанской Республики (сост. Ф. Гаджиев). № 24/11-233 от 25 марта 2000 г.
- ¹¹Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 20 февраля 1929 г. // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 31-34.
- ¹²Справка Архива Министерства Национальной Безопасности Азербайджанской Республики (сост. Ш. Саилов). № 24/11-7 от 14 января 2004 г.
- ¹³Кавказский календарь на [1911-1914]. Тифлис, [1910-1913].
- ¹⁴Сведения предоставлены внучкой Акпер Хана - Агией Ханум Нахичеванской (записаны в 2004 г. в г.Баку).
- ¹⁵Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 99.
- ¹⁶Алиев Н. Нахичеванские - семья военных (на азерб. яз.) // Газета «Азадлык». 30 ноября-2 декабря 2002 г.
- ¹⁷Воспоминания внучки Акпер Хана - Энвер Ханум Нагдалиевой (записаны в 2004 г. в Баку).
- ¹⁸Сысоев В. М. Древности Нахичеванской ССР. Баку, 1928. С. 124.
- ¹⁹Обвинительное заключение // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 64-68.
- ²⁰Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 4 февраля 1928 г. // Там же. Л. 1-3.
- ²¹Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 13-22.
- ²²Там же. Л. 23-62. "Там же. Л. 63-70.
- ²⁴Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии Зак. ГПУ. № 1 от 10 ноября 1929 г. // Там же.
- ²⁵Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ, от 13 января 1930 г. // Там же.
- ²⁶Воспоминания дочери Иззет Хана — Эммы Нахичеванской (записаны в 2003 г.).
- ²⁷Воспоминания дочери Хабиб Хана - Агии Ханум Нахичеванской (записаны в 2004 г.).
- ²⁸Сведения предоставлены правнуком Акпер Хана — Фараджем Узеировичем Кенгерлинским (записаны в 2006 г.).
- ²⁹Постановление начальника УСО ПП ОГПУ Севкрая, от 9 февраля 1934 г. // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л.
- ³⁰Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 15 марта 1929 г. // Там же. Л. 50-53.
- ³¹Рахманов Г. 10 лет Азербайджанской горно-стрелковой дивизии. Баку, 1930. С. 9-10.
- ³²Шихлинский А. А. Мои воспоминания. Баку, 1984. С. 180.
- ³³Красовский С. А. Жизнь в авиации. М., 1968.
- ³⁴Аксельрод Г. Комбриг из ханского рода // Газета «Неделя». № 17. 1988 г.
- ³⁵Российский Государственный военный архив (РГВА) (г. Москва). Ф. 24696. Оп. 1. Д. 262. Л. Зоб.-4.
- ³⁶РГВА. Ф. 37837. Оп. 4. Д. 62. Л. 168.
- ³⁷Справка Центрального архива Министерства обороны РФ. № 9/130793, от 6 февраля 2004 г.

³⁸Архимандрит Спиридон (Ефимов). Воспоминания // Русский пастырь. № 28-29. Сан-Франциско, 1997. С. 125-127.

³⁹Аксакова-Сивере Т. А. Семейная хроника. Париж, 1988. Кн. 2. С. 14-22.

⁴⁰Nahitchevansky G.Tsar Notables (автобиографическое эссе. Опубликовано автором в ресурсах Интернет). New York, 1999.

⁴¹Зеленин Д. Русские очаги Ливана // Газета «Трибуна». 14 сентября 2001 г.

Приложение № 1

Поколенная родословная роспись рода Нахичеванских ханов — потомков Мураде-Халифе

¹РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731^и. Л. 165об.-175.

²Передняя Азия в документах. Кн. 1: Нахичеванские рукописные документы. XVII-XIX вв. Тифлис, 1936. С. 73-77.³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. С 1722 по 1803 г. СПб., 1869. 4.2. 16.

⁴Рапорт генерал-майора Небольсина от 11 сентября 1810 г. № 300. — Лагерь при канале Даллар // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 738-739.

⁵Приказ Аббаса Мирзы на имя начальника Нахичеванской провинции и Азербайджанского магала Келб-Али Хана, от 1234 г. месяца Джамадиал Ахира (1818 год) // ЦГА-НАР. Ф. 314. Оп. 5. Д. 3. Л. 2-8.

⁶ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 985.

⁷РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731[^]. Л. 166об.

⁸Отношение генерала Торماسова к графу Румянцеву, от 11 июня 1810 г. № 91 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 943.

⁹Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 109-119.

¹⁰Корганов Ф. Поездка в Армянскую область в 1831 г. // Газета «Кавказ». № 75. 1851г.

¹¹РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 11, 12, 14.

¹²Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 22-27, 32-34.

¹³Письмо А. С. Грибоедова графу И. Ф. Паскевичу, от 1 октября 1828 г. - Переправа на Араксе против Джульфы // В кн. А. С. Грибоедов. Сочинения. М., 1988. С. 611-614.

¹⁴РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 948. Л. 74об.-75.

¹⁵Выписка из Камерального описания Армянской области. Отд. II: Провинция Нахичеванская. Ч. 3: Махал Нахичеванский, 1831 г. Сост. губернским секретарем Золотницким // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39 / Приложение к кн. Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934. С. 100-122.

¹⁶Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи. СПб., 1852. С. 867, 940.

¹⁷ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 984.

¹⁸РГИА. Ф. 577. Оп. 50. Д. 2570. Л. 1, 165об.

¹⁹РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 317.

²⁰Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 18-21.

²¹Шопен И.И. Некоторые замечания на книгу «Обозрение российских владений за Кавказом». СПб., 1840. С. 127.

²²РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 533 (Штат по управлению Армянской областью). Л. 36.

²³Список генерал-майорам по старшинству. По 1-е февраля 1846 г. СПб., 1846. С. 278.

- ²⁴Сысоев В. М. Древности Нахичеванской ССР. Баку, 1928. С. 95.
- ²⁵РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 232об-233.
- ²⁶Записка Нефедьева о Нахичеванской провинции, 22 ноября 1837 г. // В кн. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. М. Л., 1936. Ч. I. С. 334-344.
- ²⁷ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 1.
- ²⁸Отношение графа Гудовича к графу Салтыкову, от 19 февраля 1809 г. № 23 // АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 267-268.
- ²⁹Донесение генерала Ртищева князю Горчакову 1-му, от 22 ноября 1812 г. № 89 // АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 694-695.
- ³⁰Кавказский календарь на 1855 г. Тифлис, 1854.
- ³¹ГИАРА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 22. Л. 60.
- ³²Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. М., 1891. Кн. 3. Вып. 10. С. 218.
- ³³РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 941. Л. 88об.-89.
- ³⁴РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731^е. Л. 171об.-173.
- ³⁵РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 173-174, 231об-233.
- ³⁶Там же. Л. 165об.
- ³⁷РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 941. Л. 90об.-91.
- ³⁸РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 946. Л. 62об.-63.
- ³⁹Приказ Наместника Кавказского, от 30 июня 1865 г. № 18.
- ⁴⁰Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852.
- ⁴¹Газета «Каспий». № 33. 1909 г.
- ⁴²РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 13360. Л. 59-62.
- ⁴³РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793, 24 л.⁴⁴РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731^е. Л. 171-172.
- ⁴⁵Там же. Л. 168об.
- ⁴⁶Послужной список состоящего при войсках Кавказского военного округа сверх штата, числящегося по армейской кавалерии генерал-лейтенанта Исмаил Хана (он же Эхсан Хан оглы), от 1895 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 80-978/5.
- ⁴⁷Кавказский календарь на [1854-1871]. Тифлис, [1853-1870].
- ⁴⁸Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 99.
- ⁴⁹Ferrand J. Les familles princieres de lancien Empire de Russie. Paris, 1997. Vol. 1, 2.
- ⁵⁰РГИА. Ф. 593. Оп. 26. Д. 1716. Л. 41.
- ⁵¹Милорадович. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества Корпуса. Киев, 1876.
- ⁵²Краткий Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1911. С. 130-131.
- ⁵³РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 45, 11, 138-138б.
- ⁵⁴Высочайший именной указ, данный Капитулу Российских Императорских и Царских орденов, от 15 апреля 1855 г. // Газета «Кавказ». № 72. 1855 г.
- ⁵⁵РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 17об.
- ⁵⁶РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 79. Л. 5080об.-5081.
- ⁵⁷РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 4719. Л. 32-32об.
- ⁵⁸Кавказский календарь на [1875-1878]. Тифлис, [1874-1877].
- ⁵⁹Кавказский календарь на [1853-1866]. Тифлис, [1852-1865].
- ⁶⁰РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 11об.

- ⁶¹РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731⁶. Л. 172об.-174.
- ⁶²Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. М., 1891. Ки. 3. Вып. 9. С. 33.
- ⁶³РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731⁶. Л. 165об.
- ⁶⁴Там же. Л. 173об.-174.
- ⁶⁵ГИААР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1,215 л.
- ⁶⁶РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 731⁶. Л. 174об.-175.
- ⁶⁷Приказ главнокомандующего на Кавказе генерал-адъютанта Муравьева от 6 июля 1856 г. // Газета «Кавказ». № 55. 1856 г.
- ⁶⁸Смирнов К. Н. Указ. соч. С. 71.
- ⁶⁹РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 73 Г⁶. Л. 167.
- ⁷⁰РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1406. Л. 83-84.
- ⁷¹РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1851. Л. 1-4.
- ⁷²Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазийском театре. Тифлис, 1908. Т. IV. С. 60.
- ⁷³ГИААР. Ф. 290. Оп. 6. Д. 3042.
- ⁷⁴РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Док. № 2.
- ⁷⁵Смирнов К. Н. Указ. соч. С. 55.
- ⁷⁶ГИААР. Ф. 290. Оп. 6. Д. 3288.
- ⁷⁷Русский инвалид. № 81 от 12 апреля 1883 г.
- ⁷⁸РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 18651, 16 л.
- ⁷⁹Полный послужной список подполковника 15 гренадерского Тифлисского Е. И. В. Великого князя Константина Константиновича полка Хана Нахичеванского, от 10 мая 1887 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 3149. Док. № 5.
- ⁸⁰РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 12.
- ⁸¹Полный послужной список штабс-ротмистра 43 драгунского Тверского полка Нахичеванского // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 1131. Док. № 5.
- ⁸²Кавказский календарь на [1904, 1911-1917]. Тифлис, [1903, 1910-1916].
- ⁸³РГИА. Ф. 593. Оп. 26. Д. 1716. Л. 42об-43.
- ⁸⁴РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 937. Л. 2.
- ⁸⁵РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 16об.
- ⁸⁶Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 20 февраля 1929 г. № 1 // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 31-34.
- ⁸⁷Послужной список Рагим Хана Нахичеванского, от 23 августа 1883 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36040. Док. № 10.
- ⁸⁸РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 979. Л. 17.
- ⁸⁹Азербайджанская демократическая республика (1918-1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998. С. 401.
- ⁹⁰РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2254. Л. 86.
- ⁹¹Справка Архива Министерства Национальной Безопасности Азербайджанской Республики (сост. Ф. Гаджиев). № 24/11-233 от 25 марта 2000 г.
- ⁹²Полный послужной список командира Лейб-гвардии Конного полка Свиты Его Величества генерал-майора Хана Нахичеванского. Сост. 1 февраля 1908 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 3636.
- ⁹³Послужной список командира Гвардейского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Хана Нахичеванского, от 1916 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 150-506. Док. № 2.

- ⁹⁴Сведения о службе командира Гвардейского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Хана Гусейна Нахичеванского в составе Особой Армии // Там же. Док. № 1.
- ⁹⁵Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2001. С. 344.
- ⁹⁶РГИА. Ф. 468. Оп. 7. Д. 337 (Дело Камерального отделения Кабинета Е. И. В. «О расходе драгоценных вещей на подарки во время высочайших путешествий на Кавказ»). Л. 157.
- ⁹⁷Послужной список подполковника Максуда Алиханова // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 80-978/10.
- ⁹⁸Высочайший приказ, от 14 ноября 1866 г. // Русский инвалид. № 293. 1866 г.
- ⁹⁹Высочайший приказ, от 7 апреля 1867 г. // Русский инвалид. № 97. 1867 г.
- ¹⁰⁰РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1406. Л. 83-84.
- ¹⁰¹РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1851. Л. 1-4.
- ¹⁰²Кавказский календарь на [1914-1917]. Тифлис, [1913-1916].
- ¹⁰³Обвинительное заключение // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 64-68.
- ¹⁰⁴Кавказский календарь на 1904 г. Тифлис, 1903.
- ¹⁰⁵Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 20 февраля 1929 г. № 2 // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 35-42.
- ¹⁰⁶Кавказский календарь на [1899-1904]. Тифлис, [1898-1903].
- ¹⁰⁷Кавказский календарь на [1913-1917]. Тифлис, [1912-1916].
- ¹⁰⁸Азербайджанская демократическая республика (1918-1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998. С. 88, 399.
- ¹⁰⁹Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 г. Баку, 1920.
- ¹¹⁰Кавказский календарь на [1910-1917]. Тифлис, [1909-1916].
- ¹¹¹Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». Л. 63-70.
- ¹¹²Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии Зак. ГПУ. № 1 от 10 ноября 1929 г. // Там же.
- ¹¹³Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ, 13 января 1930 г. // Там же.
- ¹¹⁴Постановление начальника УСО ПП ОГПУ Севкрая, от 9 февраля 1934 г. // Там же.
- ¹¹⁵Воспоминания Энвер Ханум Нагдалиевой (записаны в 2004 г. в Баку).
- ¹¹⁶Газета «Эриванские губернские ведомости». № 11. 1917 г.
- ¹¹⁷Кавказский календарь на [1911-1913]. Тифлис, [1910-1912].
- ¹¹⁸Послужной список состоящего при войсках Кавказского военного округа сверх штата, числящегося по армейской кавалерии, подполковника Персидского Принца Фатали Мирзы, 1918 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 140-723. Док. № 1.
- ¹¹⁹Азербайджанская демократическая республика (1918-1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998. С. 21, 24, 396.
- ¹²⁰РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27815. Л. 556 - 573.
- ¹²¹РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Док. № 2.
- ¹²²Из приказа С. С. Мехмандарова о производстве аскеров и милиционеров, отлившихся при освобождении Нахичеванского и Шарурского уездов, в прапорщики. № 155 от 29 марта 1919 г. (г. Гянджа) // ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
- ¹²³Послужной список Мурад Хана Бахман Хан оглы Нахичеванского, 1911 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 315-205.
- ¹²⁴РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 846. Л. 10об.-12.

- ¹²⁵РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2045. Л. 18об., 25об., 65об., 68.
- ¹²⁶Послужной список Келб-Али Хана Нахичеванского, 1911 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 315-204.
- ¹²⁷РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1017. Л. 17об.-19.
- ¹²⁸РГВИА. Ф. 3548. Оп. 1. Д. 93. Л. 16об.-19.
- ¹²⁹Высочайший приказ о чинах военных, от 2 мая 1915 г.
- ¹³⁰ЦГАОР Аз. ССР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 42. Л. 3-4.
- ¹³¹Сообщение информационного бюро партии «Мусават» // Газета «Азербайджан». № 183. 30 августа 1919 г.
- ¹³²Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 4 февраля 1928 г. // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 1-3.
- ¹³³Новиков С. Конец родного полка // В сб. Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 15.
- ¹³⁴Послужной список прапорщика запасной сотни Татарского конного полка Хана Нахичеванского Джамшида Джафаровича, апрель 1915 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35866. Док. № 1.
- ¹³⁵РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2254. Л. 46-60, 65об.-68.
- ¹³⁶РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 262. Л. 3об.-4.
- ¹³⁷РГВА. Ф. 37837. Оп. 4. Д. 62. Л. 168.
- ¹³⁸Аксельрод Г. Комбриг из ханского рода // Газета «Неделя». № 17. 1988 г.
- ¹³⁹Протокол допроса Акпер Хана Нахичеванского, от 15 марта 1929 г. // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 50-53.
- ¹⁴⁰ТИААР. Ф. 290. Оп. 22. Д. 14507.
- ¹⁴¹Послужной список корнета Л.-гв. Конного полка Хана Николая Гуссейнова Нахичеванского, 1912 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 47132 (Послужной список № 2720).
- ¹⁴²РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1071.
- ¹⁴³Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии (опыт мартиролога). М., 2004. С. 370.
- ¹⁴⁴Nahitchevansky G.Tsar Notables(автобиографическое эссе, опубликованное автором и ресурсах, Интернет). New York, 1999.
- ¹⁴⁵Кавказский календарь на 1889 г. Тифлис, 1888.
- ¹⁴⁶Кавказский календарь на 1904 г. Тифлис, 1903.
- ¹⁴⁷Алиев Н. Нахичеванские - семья военных (на азерб. яз.) // Газета «Азадлык», 30 ноября - 2 декабря 2002 г.
- ¹⁴⁸Свидетельство о смерти Ханумджан Акпер кызы Кенгерлинской. Серия П-ЮС. № 290995, выданное 30 мая 1984 г. Отделом ЗАГС исполкома Акмал-Икрамовского райсовета г. Ташкент.
- ¹⁴⁹Трудовая книжка колхозника Кенгерлинской Ханымджан // Предоставлена внуком Фараджем Кенгерлинским.
- ¹⁵⁰Трудовая книжка Кенгерлинского Узеира Фарадж оглы // Предоставлена его сыном Фараджем Кенгерлинским.
- ¹⁵¹Пенсионное удостоверение Кенгерлинской Ханумджан Акпер кызы. № 335, выдано 26 июля 1968 г. Пахта-Аральским райсобесом Сыр-Дарьинской обл.
- ¹⁵²Сведения собраны и любезно предоставлены заместителем председателя историко-родословного общества Азербайджана Эльдаром Эльхан оглы Исмаиловым.
- ¹⁵³Анкета Акпера Амановича Нахичеванского // Дело АГПУ АССР № 637 «По обвинению Нахичеванского Акпера Амановича». 68 л. Л. 23.

¹⁵⁴Воспоминания Агии Ханум Нахичеванской (записаны в 2004 г. в Баку).

¹⁵⁵Паспорт Нахичеванского Иззет Акпер оглы. Серия РФ. № 710461, выдан 22 ноября 1937 г. 1 Отд. Окт г. Грозный // Предоставлен дочерью Эммой Нахичеванской.

¹⁵⁶Воспоминания дочери Иззет Хана — Эммы Нахичеванской (записаны в 2003 г.).

¹⁵⁷Справка Центрального архива Министерства обороны РФ. № 9/130793, от 6 февраля 2004 г.

¹⁵⁸Сведения предоставлены Эммой Нахичеванской (2006 г.).

Приложение № 2 Поколенная родословная роспись рода Кенгерлы-Биллиджи (Векиловы-Кенгерлинские)

¹ГИАРА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 22, 542 л.

²РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 30356. Л. 18.

³ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 369.

⁴Приказ Аббаса Мирзы на имя начальника Нахичеванской провинции и Азербайджанского магала Келб-Ал и Хана, от 1234 г. месяца Джамадиал Ахира (1818 год) // ЦГА-НАР. Ф. 314. Оп. 5. Д. 3. Л. 2-8.

⁵ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 1016.

⁶РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2809. Л. 1-10об.

⁷ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 758.

⁸Передняя Азия в документах. Кн. 1: Нахичеванские рукописные документы. XVII-XIX вв. Тифлис, 1936. С. 44.

⁹Приказ главнокомандующего на Кавказе генерал-адъютанта Муравьева от 6 июля 1856 г. // Газета «Кавказ». № 55. 1856 г.

¹⁰Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 52-53, 104.

¹¹Выписка из Камерального описания Армянской области, Отд. II: Провинция Нахичеванская., ч. 3-я: Махал Нахичеванский, 1831 г. Сост. губернским секретарем Золотницким // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. (Приложение к кн. Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись). С. 100-122).

¹²ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 676.

¹³Там же. № семейства 756.

¹⁴Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 100, 111-112.

¹⁵Записка Нефедьева о Нахичеванской провинции, 22 ноября 1837 г. // В кн. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. М. Л., 1936. Ч. I. С. 334-344.

¹⁶ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 677.

¹⁷РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 943. Л. 34об.-35, 104об.-105.

¹⁸РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 948. Л. 197об.-198.

¹⁹Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Тифлис, 1934 (машинопись) // Институт рукописей АН Груз. ССР. Ф. 39. С. 55.

²⁰Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 100.

²¹ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 675.

²²Там же. № семейства 422.

²³РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 30356. Л. 10.

²⁴ГИААР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1 («*Камеральное описание г. Нахичевани 1848 г.*»), 215 л. № семейства 230.

²⁵Приказ главнокомандующего на Кавказе генерал-адъютанта Муравьева от 7 мая 1856 г. // Газета «Кавказ». № 40. 1856 г.

²⁶Приказ Наместника Кавказского, от 30 июня 1865 г. № 18.

²⁷ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 1295.

²⁸РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2809. Л. 7об.

²⁹ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 1297.

³⁰РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2809. Л. 2.

³¹Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 108.

³²Газета «Кавказ». № 41. 1856 г.

³³ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 296.

³⁴РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 947. Л. 74об-75.

³⁵РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 30356. Л. 5об.

³⁶РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 595. Л. 229-230.

³⁷Кавказский календарь на [1871-1878]. Тифлис, [1870-1877].

³⁸РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 950. Л. 461об.-462.

³⁹Смирнов К. Н. Указ. соч. С. 99.

⁴⁰Передняя Азия в документах. Указ. соч. С. 53.

⁴¹Приказ Военного Министра по иррегулярным войскам. № 8 от 31 марта 1849 г.

⁴²Формулярный список о службе делопроизводителя Сурмалинского уездного управления Абдул Азим Бека Кенгерлинского, 1902 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1840. Л. ббоб.

⁴³Приказ Наместника Кавказского, от 11 февраля 1866 г.

⁴⁴РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 4719. Л. 32-32об.

⁴⁵РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 743. Л. 128-130, 139-140, 144-145об.

⁴⁶ГИААР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1, 215 л. № семейства 226.

⁴⁷РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133660. Л. 91-94 (Послужной список № 82-318/18).

⁴⁸Воспоминания Энвер Ханум Нагдалиевой (записаны в 2004 г. в Баку).

⁴⁹РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 30356. Л. 10об.

⁵⁰ГИААР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 353, 357 л. № семейства 1028.

⁵¹РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 30356. Л. 7-7об., 11, 18об.

⁵²ГИААР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. № семейства 672.

⁵³Кавказский календарь на 1885 г. Тифлис, 1884.

⁵⁴ГИААР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. № семейства 671.

⁵⁵Послужной список о службе канцелярского служителя Шарурской карантинно-таможенной заставы, не имеющего чина, Аскер Аги Кенгерлинского, 1895 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1840. Л. 84-85.

⁵⁶Кавказский календарь на 1903 г. Тифлис, 1902/

⁵⁷ Смирнов К. Н. Указ. соч. С. 97.

⁵⁸ Формулярный список о службе канцелярского служителя Джульфинской таможни Муссаввар Паши Кенгерлинского, 1917 г. // РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 1840. Л. 90-92.

⁵⁹ Формулярный список о службе смотрителя двухклассного училища, не имеющего чина, Аббас-Кули Бека Махмуд Ага оглы Кенгерлинского, 1910 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 1840. Л. 72.

⁶⁰Справка Архива Министерства Национальной Безопасности Азербайджанской Республики (сост. Щ. Саилов). № 24/11-7 от 14 января 2004 г.

⁶¹Газета «Эриванские губернские ведомости». № 5. 1917 г.

⁶²Из приказа С. С. Мехмандарова о производстве аскеров и милиционеров, отличившихся при освобождении Нахичеванского и Шарурского уездов, в прапорщики. № 155 от 29 марта 1919 г. (г. Гянджа) // ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

⁶³Сведения предоставлены внучкой Адиль Бека - Илоной Кенгерлинской (2004 г.).

⁶⁴РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. Д. 30356. Л. 17об.-18об.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора	
серии «Возвращенная история»	3
К читателю	5
Пролог. Происхождение Ханов Нахичеванских	7
Глава 1. Слепой Хан. Переписка с графом Зубовым	
и ее последствия. В Эривани	19
Глава 2. Между «молотом» и «наковальной».	
Первая русско-персидская война	30
Глава 3. Переход семьи на российскую службу	50
Глава 4. Эхсан Хан — наиб Нахичевани.	
Против турок и горцев. Кенгерлинпы	68
Глава 5. Подростающее поколение кенгерлинцев.	
Воспитание в новом духе. Чингильский бой	99
Глава 6. Двадцать лет без войны. Бекские комиссии	122
Глава 7. Баязет	135
Глава 8. Сыновья «летучего генерала». В Аджарии, у Эрзерума	
и на Балканах. Два Ахал-Текинских похода	174
Глава 9. Гусейн Хан	216
Глава 10. Великая война	246
Глава 11. Крушение Империи	283
Глава 12. Судьба семьи	294
Послесловие	325
Приложение 1. Поколенная родословная роспись	
Нахичеванские Ханы — потомки Мураде Халифе	327
Приложение 2. Поколенная родословная роспись	
рода Кенгерлы-Билиджи (Векиловы-Кенгерлинские)	351
Приложение 3. Биографический словарь	360
Приложение 4. Словарь географических названий	391
Приложение 5. Терминологический словарь	403
Приложение 6. Источники	409

Фархад НАГДАЛИЕВ

ХАНЫ НАХИЧЕВАНСКИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ООО Издательство «Новый Аргумент»

115201, Москва, Каширский пр-д, д. 25.

Техническое редактирование, верстка Иван Панферов.

Корректор Ольга Щербакова.

Подписано в печать 15.08.2006 г.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ.л. 27,0 + 1,0 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № 6190.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ». 140010, г. Люберцы Московской области, Октябрьский пр-т, д. 403.